

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том IX

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В XX ВЕКЕ:
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Книга 1
1920—1930-е годы

Часть 1

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1920-е

ПОРТРЕТЫ 1920-х

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1930-е

ПОРТРЕТЫ 1930-х

РЕГЕНТЫ И ХОРЫ

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Репетиция Провисания Раскоп саванты.

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

По Серафиму, Саровичу.

Репетиция Провисания Раскоп саванты. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Закрывается занавес на спектакле.

Свадьба. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Свадьба. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Свадьба. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Свадьба. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Свадьба. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Свадьба. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Свадьба. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Закрывается занавес на спектакле.

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

Репетиция Провисания Раскоп саванты.

Сцена. Вспомогательная сцена. Москва. 1917. События революции. Восстановление. Частный дом.

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том IX

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В XX ВЕКЕ:
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Книга 1
1920 — 1930-е годы

Часть 1

Подготовка текста, вступительные статьи, комментарии
М. П. Рахманова

Научный консультант
А. А. Наумов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 78.03(470-571)
ББК 85.318
Р 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 15-04-16138

Р 89

Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IX. Русское православное церковное пение в XX веке: Советский период. Кн. 1: 1920—1930-е годы. Ч. 1 / Гос. ин-т искусствознания; подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. М. П. Рахмановой; научный консультант А. А. Наумов. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 608 с., ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 978-5-94457-245-5

Тема, подобная той, которой посвящен IX том серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», до сих пор не ставилась как отдельная и самостоятельная, в охвате не только примыкающего к 1917 десятилетия, но всего исторического периода. Между тем, осмысление наследия советской эпохи в целом все отчетливее ныне осознается как одна из основных задач актуального искусствознания. Этот том — опыт приближения к огромной по объему и значению сфере, опыт первичного обобщения материала.

Ввиду объема публикуемых документов том делится на две книги, посвященные, соответственно, периоду между двумя мировыми войнами (в данном случае от 1917 — по начало 1940-х) и послевоенному (от 1943 до 1988, то есть празднования 1000-летия Крещения Руси).

В отличие от предыдущих томов РДМ в этой книге нет какой-либо единообразной формы подачи материалов классического типа: «вступление — текст — комментарий». Форму подачи здесь диктует характер имеющегося материала; это может быть и «чистая» публикация архивного (или опубликованного ранее) текста полностью со вступлением и комментариями, и извлечение из разных текстов необходимых фрагментов, и обзор с многочисленными цитатами, и проч. В любом случае мы старались подходить к текстам разных жанров с максимальной бережностью и, безусловно, с глубокой благодарностью к их авторам, здравствующим и почившим.

УДК 78.03(470-571)

ББК 85.318

*На фронтисписе:
икона Новомучеников и Исповедников Российских.
Иконописец Николай Папков*

© М. П. Рахманова, подгот. текста, вступит.
ст. и коммент., 2015

© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	9
«С нами Бог!» <i>Время. Люди. Деяния. Хроника 1917—1930-х годов</i>	25

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1920-е

Города

Церковно-приходская жизнь Москвы	109
<i>Митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский).</i> Неделя в Патриархии	127
<i>Никита Окунев.</i> Дневник москвича	136
<i>Николай Розов.</i> О церковных хорах и диаконах в Ленинграде	148
<i>Николай Любимов.</i> Мудрые звуки	154
<i>Священник Павел Чехранов.</i> Две тюремные Пасхи	163
<i>Вера Корнеева.</i> Воспоминания о храме свв. Бессребреников Кира и Иоанна на Солянке	169
<i>Софья и Наталья Самуиловы.</i> Отцовский крест	173

Монастыри

Александро-Невское братство	196
Данилов монастырь	230
Киево-Печерская лавра	258

ПОРТРЕТЫ 1920-х

Священник Василий Зиновьев (<i>Людмила Зуммер</i>)	274
<i>О. Василий Зиновьев.</i> Постановка хора (воспитание хора)	286
<i>Сергей Ляпунов (Владимир Миллер)</i>	302
<i>Александр Оленин:</i> народная литургия	321

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1930-Е

<i>Андрей Козаржевский. Церковно-приходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов</i>	330
<i>Анатолий Свенцицкий. Невидимые нити</i>	335
<i>Протоиерей Анатолий Правдолюбов. Письмо к Геннадию Нефедову</i>	351

ПОРТРЕТЫ 1930-Х

<i>Протоиерей Георгий Извеков</i>	374
<i>Владимир Иванов-Корсунский</i>	407

РЕГЕНТЫ И ХОРЫ

<i>Александр Смирнов. Воспоминания о Синодальном училище и хоре</i>	419
---	-----

Николай Данилин

<i>Биографическая хроника: 1917—1928</i>	433
<i>Александр Ведерников. Некролог</i>	438
<i>Воспоминания о Николае Данилине</i>	440
<i>Василий Постников. Перечень церковных песнопений с указанием композиторов, произведения которых исполнялись хорами под управлением Н. М. Данилина на службах в храмах Москвы</i>	450

Павел Чесноков

<i>Биографическая хроника: 1917—1928</i>	480
<i>Василий Алексеев. Юбилей П. Г. Чеснокова</i>	486
<i>Из писем Владимира Вильшау к Сергею Рахманинову</i>	489
<i>Павел Чесноков. Предисловие к 1-й части книги «Хор и управление им»</i>	492
<i>Андрей Каютов. Письма о духовном пении Павлу Чеснокову</i>	495
<i>Иван Юхов. Дневник хора (1924—1928)</i>	509
<i>Михаил Косаткин. Владимирский архиерейский хор и его деятели</i>	517
<i>Дмитрий Пышкин. Дневник старообрядческого певца</i>	529
ДУХОВНЫЕ КОНЦЕРТЫ: 1920-Е	576

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ДИАКОНЫ

<i>Александр Смирнов. Великий архидиакон</i>	619
<i>Никита Окунев. Дневник москвича</i>	626
<i>Михаил Губонин. [Великий Патриарший Архидиакон]</i>	631
<i>Михаил Макаров. Из жизни православной Москвы</i>	633
<i>Инок Дорофей (Рябинкин). Из воспоминаний</i>	647
<i>Василий Алексеев. Московские протодиаконы</i>	649
<i>Василий Алексеев. Московские проповедники</i>	658
<i>Анатолий Свенцицкий. Московские протодиаконы</i>	659
<i>Николай Любимов. Благовестники</i>	665
<i>Сергей Бирюков. Из пропасти забвения</i>	684
<i>Леонид Леонов. Из романа «Пирамида»</i>	690
<i>Приложение 1. Журнал Московской Патриархии: некрологи и юбилеи</i>	696
<i>Приложение 2. Материалы из архива К. В. Розова</i>	705

КОЛОКОЛА

<i>Павел Гидулянов. Церковные колокола на службе магии и царизма</i>	713
<i>Звонарь Павел Гедике</i>	719
<i>О. Сергей Дурьилин. Москва</i>	720
<i>Андрей Козаржевский. Звуковой фон Москвы 1920—1930-х годов</i>	733
<i>Борис Пильняк. Красное дерево (фрагменты)</i>	735
<i>О. Сергей Дурьилин. Колокола (фрагменты)</i>	737
<i>Приложение. Колокола Большого театра</i>	764

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>А. В. Преображенский в Петроградской/Ленинградской консерватории (Тамара Сквирская)</i>	768
<i>Протоиерей Василий Металлов. Христианское богослужение в связи со священным песнопением и церковной музыкой</i>	776

<i>Яков Богатенко. Материалы по изучению мелодической структуры знаменного крюкового пения</i>	783
<i>Константин Кузнецов. Древнерусское церковное пение</i>	802
ДЕЛО ДРАМСОЮЗА	811
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПОЛИКАРП КИРЕЕВ)	944
БОРЬБА С «ЦЕРКОВЩИНОЙ». ПРОЛЕТАРСКИЕ ЖУРНАЛЫ	956
<i>Александр Никольский. О стилях хорового пения: «церковном» и «светском»</i>	969
<i>Леонид Сабанеев. Музыка после Октября</i>	973
<i>Чистка в ГИМНе (из писем Я. А. Богатенко к В. В. Пасхалову)</i>	976
<i>Виктор Виноградов. Против церковщины в музыке</i>	982
<i>Александр Чайнов. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской Утопии</i>	1007

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Яков Богатенко</i>	1019
<i>Протоиерей Георгий Извеков</i>	1027
<i>Владимир Иванов-Корсунский</i>	1041
<i>Александр Оленин</i>	1049
<i>Антирелигиозные сочинения</i>	1059

ВСТУПЛЕНИЕ

Тема данного тома в серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» (далее — РДМ) необычайно интересна и в то же время необычайно сложна. Казалось бы, советская эпоха в жизни Русской Православной Церкви оставила мало исторических материалов, пригодных для публикации и осмысления, то есть работ о церковном пении, рецензий на выступления духовных хоров, размышлений об этом искусстве, писем церковно-музыкальных деятелей — того, что наполняло предшествующие тома серии. Однако «погружение в тему» постепенно стало открывать иное: оказалось, что исторические материалы на самом деле имеются, и их совсем не мало.

Пожалуй, на первый план здесь — наряду, конечно, с документами иного рода — выходят воспоминания об ушедшей эпохе. Особенность ситуации состоит в том, что отдельных, специальных текстов о церковном пении в советскую эпоху действительно не так уж много, гораздо больше — отдельных эпизодов, замечаний, оценок, скрывающихся в текстах церковной, и не обязательно церковной, мемуаристики. Редкие из мемуаристов пишут пространно и профессионально о собственном пении, хотя такие тоже есть, и среди них замечательные авторы — к примеру, знаменитый переводчик Николай Любимов, артист Малого театра Анатолий Свенцицкий, профессор Московского университета Андрей Козаржевский, а среди церковных людей — протоиерей Анатолий Правдолюбов, священник Сергей Желудков (их тексты широко представлены в настоящем томе). Гораздо чаще мемуаристы по ходу разворачивания свитка своей жизни вспоминают о службе в том или ином храме, в том или ином городе или селе, в те или иные годы, и в числе прочего — о пении. Подобные эпизоды могут давать хотя и краткие, но очень важные, ценные штрихи к создаваемой общей картине. Правда, сложить из них убедительную «мозаику», конечно, непросто.

Неожиданно большим оказался нотный материал, оставленный советской эпохой; его объем вряд ли возможно сейчас определить с какой-либо точностью: хотя некоторая часть этого наследия нашла отражение в изданиях последних лет, все же очень многое существует пока в рукописном (и часто в невыявленном) виде — иногда в государственных хранилищах, чаще в архивах и нотных библиотеках разных храмов, монастырей, духовных учебных заведений, в личных собраниях. Во всяком случае, можно указать, что в списке агентства по авторским правам 1920-х годов, где имелась хоровая секция, зарегистрировано более сотни авторов духовных композиций (конечно, с разным объемом творчества; см. далее в разделе «Драмсоюз»); в очень большой и преимущественно рукописной библиотеке известного московского регента Василия Локтева, собиравшейся на протяжении 1920—1970-х годов и хранящейся ныне в Синодальной библиотеке, представлено около полутора сотен

современных собирателю авторов и т. д. Вообще же сохранившиеся до наших дней регентские, клиросные библиотеки — исключительно ценный источник не только для выявления созданных в советскую эпоху композиций, но и для воссоздания общего репертуара церковного пения в это время.

Работа над такими материалами по существу только начинается: важный почин был положен в конце 1990—2000-х годах изданием трех выпусков Трудов Московской регентско-певческой семинарии, несколько позже — работами выпускников Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, опубликованными преимущественно в периодике этого учебного заведения. Выдающееся значение имеют также статьи о регентах и композиторах советского периода, появляющиеся по мере выхода в свет очередных томов Православной энциклопедии (и здесь следует обязательно назвать автора целого ряда энциклопедических статей — Н. Ю. Плотникову). Мы стремились учесть все подобные публикации и упомянуть (а часто — и процитировать) их в соответствующих разделах обеих книг тома. Несомненно, однако, что здесь еще предстоит многолетняя собирательская деятельность, которая пока ведется все же разрозненно, главным образом частными усилиями отдельных регентов и исследователей в разных городах (некоторые из них принимали участие в осуществлении данного проекта, имена других непременно появятся на страницах обеих книг этого тома).

Конечно, православное церковное пение русской традиции развивалось в XX веке не только в России, но и за рубежом, в русской эмиграции. Но это — совершенно особая область, в целом активно разрабатывающаяся в последние десятилетия, хотя и, безусловно, далеко не исчерпанная. По русскому зарубежью материалов очень много, поскольку люди там свободно писали письма, печатали мемуары, существовало много периодических изданий, уделявших внимание церковной жизни, в том числе пению. Не все публиковалось, но часто сохранялось в разных архивах и ныне постепенно, тоже не без серьезных трудностей, становится доступным¹. Конечно, хотя ситуации «там» и «здесь» складывались совсем разные, было и общее, а именно исторический опыт певцов и регентов старшего поколения. Любопытный материал для размышлений могут дать сопоставления репертуаров отечественных церковных хоров с репертуарами церковно-певческого зарубежья. Вероятно, такие исследования — важная задача ближайшего будущего.

Особую тему, находящуюся как бы на скрещении «здесь» и «там», образует церковная жизнь и пение на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны. Ныне такими исследованиями весьма плодотворно занимается С. Г. Зверева².

¹ См., например, недавно вышедшее обобщающее издание по этой проблематике: Русское зарубежье: музыка и православие. Междунар. науч. конф. / Сост. С. Г. Зверева. М., 2013.

² См., в частности: Зверева С. Г. Из истории русской музыкальной жизни в Смоленской, Минской и Псковской областях в годы немецкой оккупации // Музыкальное наследие в современном обществе. Материалы конференции 1—5 октября 2012 года / Сост. Т. В. Гинзбург. М., 2014. С. 261—272.

* * *

Хотелось бы сразу подчеркнуть: настоящее вступление (либо предисловие) к первой книге IX тома РДМ отнюдь не является аналитическим очерком по истории русского церковного пения всей советской эпохи или даже только периода между 1917 и 1941 — скорее это попытка наметить контуры, основные параметры. До некоторой степени и задачу тома в целом в известном смысле можно определить как попытку дать некую *хрестоматию* отобранных и прокомментированных текстов по основным направлениям темы, создать перспективу для дальнейших исследований.

В разных томах РДМ, начиная с первого, неоднократно появлялись «выходы» в советскую эпоху, что совершенно естественно, ибо многие люди, жившие и работавшие в конце XIX — в первые десятилетия XX века, продолжали жить и работать после 1917, а творческие явления, возникшие в начале XX века, находили то или иное продолжение в последующую эпоху. Среди подобных «выходов» можно упомянуть хотя бы опубликованные в I томе воспоминания «синодала» А. П. Смирнова о судьбах его товарищей по Синодальному училищу в советскую эпоху (эти воспоминания частично приводятся и в настоящей книге); публикацию в III томе большого фрагмента из книги А. В. Преображенского «Культовая музыка в России», созданной уже в 1920-е; многое из материалов, связанных с деятельностью А. Д. Кастальского и ее осмыслением современниками, в V томе, где имеется также аналитическая статья С. Г. Зверевой «О судьбах церковно-музыкального наследия после 1917 года»; целый ряд текстов советского периода будет опубликован и в VIII томе, посвященном многообразной деятельности А. В. Никольского.

И все же тема, подобная той, которой посвящен настоящий том, до сих пор не ставилась как *отдельная и самостоятельная*, а главное, в охвате не только примыкающего к 1917 десятилетия, но *всего исторического периода*. Между тем осмысление искусства советской эпохи в целом все отчетливее ныне осознается как одна из основных задач актуального искусствознания. Свидетельствами тому могут быть как целый ряд опубликованных исследований, состоявшихся выставок и проч., так и работа, которая ныне ведется в Государственном институте искусствознания в рамках проекта новой многотомной Истории русского искусства, куда входит несколько томов по советскому периоду XX века. Конечно, для нашей темы огромное значение имеют фундаментальные работы по истории Русской Церкви XX века, которые вышли в течение последних двух десятилетий и в которых, по словам автора многочисленных интереснейших публикаций на данную тему историка С. Л. Фирсова, «исследователи сумели достигнуть существенных высот в осмыслении недавнего прошлого Русской Православной Церкви»³.

³ Фирсов С. Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 — начало 1940-х. М., 2014. С. 424.

В эту замечательную книгу в виде «прибавления» включен большой историографический обзор церковно-исторической науки в 1990—2010-е годы, что избавляет нас от

Пытаясь охватить все стороны такого сложного и выходящего за пределы собственно искусства явления, каковым является церковное пение, необходимо учитывать, что пение всегда имело как «письменную», так и «устную» форму существования, а главное, что любая тема по церковному пению многосоставна, потому что оно никогда не существует само по себе, отражая и жизнь Церкви вообще, и конкретно богослужебную практику — в данное время и в данном месте, и вкусы духовенства, певцов, регентов, прихожан, и, наконец, — жизнь страны, государства. В советский период диктат государства был необычайно мощным, что сказывалось — и чаще всего сказывалось сокрушительным образом — на всех сторонах церковной жизни, в том числе на пении.

Если говорить о периодизации, то ясно, что первый период советской эпохи заканчивается в 1928—1929, совпадая со свертыванием нэпа⁴. Хотя буквально с первых месяцев после октябрьского переворота Церковь начала испытывать жестокие гонения, хотя в это время масса церковных людей была казнена, арестована, сослана, — все же «запрета на профессию» для регентов, певцов, композиторов тогда еще не было. И даже более того: в 1920-е годы количество служб с участием лучших хоров, певцов, регентов, количество духовных концертов в храмах резко выросло — и в столицах, и в провинции. Причин тому было много. Не последнюю роль играли причины материальные — необходимость дополнительного заработка в голодное время начала 1920-х, с одной стороны, свобода от каких-либо стеснений со стороны церковной власти — с другой. Но было в этом пышном цветении церковного и богослужебного искусства и нечто иное: предчувствие надвигающихся еще больших бед, когда люди, в том числе церковные певцы, стали находить в Церкви последнее прибежище.

Д. С. Лихачев вспоминал, например, о начале двадцатых годов в Петрограде:

Богослужения в оставшихся православными [то есть не обновленческих] церквах шли с особой истовостью. Церковные хоры пели особенно хорошо, ибо к ним примыкало много профессиональных певцов (в частности, из оперы Мариинского театра). Священники и весь причт служили с особым чувством. <...> Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой, 2», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и других местах, тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России⁵.

необходимости перечислять множество книг, сборников, статей, которые легли в основу настоящего тома — как необходимый его фундамент. Многие из этих работ упоминаются в комментариях к текстам тома. Часто особенно трудно бывало вычленить историю церковно-певческого искусства из общецерковной истории, и мы сознаем, что не всегда попытки подобного вычленения оказывались удачными.

⁴ «Новая экономическая политика» была провозглашена государством в 1921; ее свертывание начинается в 1928, юридическое прекращение — в 1931. Для церковного пения особенно важен рубеж 1928/1929, доказательства чему будут приведены далее.

⁵ Наше наследие. 1993. № 26. С. 35.

Поскольку рухнула всяческая цензура, в храмах можно было исполнять все, что хотелось причту, регентам и прихожанам. С другой же стороны, рухнула государственная поддержка Церкви, а следовательно, чтобы выжить и сохранить храм (малопосещаемый храм имел все шансы быть тут же закрытым советскими органами), причту и регентам приходилось думать о привлечении туда народа. С этой целью, в частности, проводились духовные концерты — с лучшими солистами, лучшими регентами во главе хора (такие концерты в Москве весьма поддерживал Патриарх Тихон — из просветительских соображений). А также служились во множестве особые торжественные службы — тоже с мыслью о привлечении народа, но, кроме того, и потому что множество духовенства осталось без мест (храмы были закрыты) и стекалось в Москву (или вообще в крупные города), в действующие церкви. Духовным концертам 1920-х и их программам посвящается в книге особый раздел.

В это время создавалось — и очень известными авторами, и, так сказать, второстепенными — довольно много новой музыки для клироса. Значительная ее часть (в виде разного рода списков) отражается в документах, сохранившихся в архивном фонде упомянутого выше агентства Драмсоюз (РГАЛИ). Там имеются также анкеты, в которых вступавшие излагали свои биографии; всего было зарегистрировано, как уже говорилось, более ста авторов, в том числе очень известные — например, А. В. Никольский, о. Димитрий Аллеманов, Виктор Калинин, Н. С. Голованов, П. Г. Чесноков, К. Н. Шведов. Как ни удивительно, но до конца 1920-х члены Драмсоюза получали авторские отчисления от исполнения их песнопений в храмах.

Деятельность Драмсоюза была свернута к 1930. Несколько ранее, в 1928, музыканты с крупными именами вынуждены были уйти из Церкви. Так, профессора Московской консерватории Н. М. Данилин, П. Г. Чесноков, А. В. Александров дотянули «до последнего», регентуя в храмах. Далее они, а также еще один профессор консерватории — известнейший духовный композитор А. В. Никольский дали в каком-то виде (пока не прояснено, в каком именно) подписку в том, что не будут более регентовать и распространять свои духовные композиции, подразумевалось — не будут и сочинять новые⁶. Усилились и ранее проводившиеся так называемые чистки с последующими увольнениями «классово чуждых» из разных учреждений — учебных, научных и проч. (образцовое описание такого собрания в Государственном институте музыкальной науки читатель найдет в письме Я. А. Богатенко к В. В. Пасхалову в разделе «Борьба с “церковщиной”»). Музыканты, еще в середине 1920-х называвшие себя в анкетах «регентами» и «духовными композиторами», к концу десятилетия стали писать — «кружковод», «хоро-

⁶ Об этом прямо говорится в письме А. В. Никольского к Д. С. Семенову от 22 августа 1933: «К тому же с меня однажды было взято письменное обязательство не распространять своих культовых сочинений». Цит. по статье Д. С. Семенова о Никольском, помещенной в Словаре православного русского церковного пения (см. ниже).

вой работник» и проч., старались не упоминать о своих церковных композициях, а многие совершенно сменили род занятий. Работа над проектом позволила проследить судьбы целого ряда лиц, ранее остававшихся в неизвестности: впервые стало возможно опубликовать конкретные данные по нескольким десяткам персоналий церковных композиторов, а иногда также регентов и певчих.

Иной период — 1930-е годы, когда в связи с жестокими репрессиями закрытие храмов приобрело обвальный характер — становилось просто негде служить и петь, а к концу 1930-х — часто некому служить и петь.

Среди репрессированных в это время были конечно же регенты и певчие (а также бывшие священники, которые после закрытия их храмов были вынуждены работать регентами в храмах еще действующих). Среди канонизированных к настоящему времени новомучеников есть два очень талантливых музыканта. Один — протоиерей Георгий Извеков, который после окончания Киевской Духовной академии учился музыкальному искусству в Европе, где служил в приходах русских храмов, а в послеоктябрьские времена, вплоть до 1937, когда был расстрелян на Бутовском полигоне, занимался разной музыкальной работой, немало сочиняя по заказам регентов Москвы и других городов. Второй — Михаил Лебедев, архиерей Патриарха Тихона, один из самых любимых петроградских, а потом московских диаконов эпохи 1920-х (незадолго перед расстрелом в 1930 он принял священство). Им посвящаются в книге отдельные очерки.

Духовные концерты в 1930-е, конечно, стали категорически невозможны. На остававшихся клиросах пели то, что отложилось на них в предшествующие времена. И так продолжалось до послевоенного периода — эпохи, пусть недолгого, церковного возрождения (вернее — относительно мирного сосуществования Церкви и государства), о котором подробнее пойдет речь во второй книге тома. Однако и в тридцатые годы — вопреки всему — появлялись и, что самое удивительное, исполнялись в храмах новые композиции: примеры этого будут приведены в книге.

Следующий период начинается с восстановлением патриаршества, то есть в 1943, а кончается во второй половине 1980-х, с празднованием 1000-летия Крещения Руси и, по сути, вместе с концом советской власти (что произошло тремя годами позже). Есть в нем и внутренние подразделения.

Так, для общецерковной истории очень существенная хронологическая веха связана даже не столько со смертью И. В. Сталина в 1953, сколько с гонениями на Церковь в годы правления Н. С. Хрущева (1958—1964); для пения эти гонения тоже имели большое значение — и ввиду нового обвального закрытия и уничтожения храмов, и ввиду огромных налогов, которые часто препятствовали сохранению профессиональных хоров.

Кроме того, этот период в церковно-певческом отношении естественно делится надвое по патриаршествам Алексия I и Пимена, то есть с гранью в 1970 году. Регенты с большим церковным стажем, мемуаристы, описывающие ту эпоху, отчетливо проводят такую грань, объясняя дело, помимо всего прочего, разницей во вкусах двух святителей, из которых один, Патриарх Алексий, имел строгие взгляды

на пение, восходящие к решениям Поместного Собора 1917—1918 годов, а другой, Патриарх Пимен, бывший в молодости прекрасным соборным регентом, имел взгляды более широкие, по крайней мере в отношении репертуара.

От послевоенного периода уже сохранились звукозаписи церковных хоров (начиная с середины 1940-х), в это время уже действуют духовные школы, возобновляется монастырская певческая традиция. Возобновляется и постепенно расширяется научное осмысление церковно-певческого искусства, пока почти исключительно — древнего его периода, иногда XVIII века, исполнение отдельных образцов в светских концертах, издание памятников.

Обо всем этом пойдет речь во второй книге, по проблематике которой будет написана специальная вступительная статья.

* * *

Если иметь в виду высокое искусство, продолжавшее расцвет русского церковного пения в первые десятилетия XX века — так называемое Новое направление, то круг имен окажется весьма тесен как в России, так, кстати, и в зарубежье. В течение 1920-х ушли из жизни или покинули Россию большинство выдающихся церковно-певческих деятелей предшествующего периода. Своего рода «мартиролог» по этому десятиетию читатель найдет в упомянутой выше статье С. Г. Зверевой в V томе РДМ. Если говорить о композиторах, то это — С. В. Рахманинов (уехал в 1917), А. Т. Гречанинов (уехал в 1925), А. Д. Кастальский (умер в 1926), Н. Н. Черепнин (уехал в 1918), А. А. Архангельский (умер в 1924), о. Михаил Лисицын (умер в 1918), о. Димитрий Аллеманов (умер в 1928), Виктор Калинин (умер в 1927), К. Н. Шведов (уехал в 1925), А. Г. Чесноков (уехал в 1925). Если говорить о крупных ученых, то это — о. Василий Металлов (умер в 1926), А. В. Преображенский (умер в 1929), Н. Ф. Финдейзен (умер в 1928). Некоторые из уехавших за рубеж авторов (Гречанинов, Черепнин, Шведов) продолжали сочинять церковные композиции, но это другая тема.

В России, как уже упоминалось, в 1928 перестали регентовать и сочинять Павел Чесноков и Александр Никольский (оба они до 1928 создали ряд духовных произведений, о которых будет сказано в данной книге); Н. М. Данилин вынужденно сосредоточился на светском хоровом дирижировании. Из больших мастеров, выдвинувшихся до 1917 и оставшихся в России, продолжал сочинять духовную музыку вплоть до начала 1950-х великий русский дирижер Николай Голованов; сочинял он, разумеется, «в стол»: его духовные хоры были впервые опубликованы в наше время.

Начиная с середины 1920-х, никакая православная духовная музыка в России не издавалась, а к концу 1920-х официально и вообще не существовала (в двадцатых еще предпринимались попытки частной издательской деятельности — путем гектографирования или переписки от руки отдельных композиций и рассылки их интересующимся лицам — см. в разделах «Драмсоюз» и «Издательская деятельность»).

Тем не менее новые переложения и композиции появлялись на клиросе даже в самые сложные времена, как уже говорилось, даже в мрачнейшей второй половине 1930-х. Авторами их бывали часто действовавшие регенты, но могли быть и «приглашенные» композиторы. Откуда возникала потребность в новом при труднейших условиях жизни Церкви? С одной стороны, могли быть богослужебные потребности: допустим, наличие каких-то нераспетых богослужебных текстов или распетых так, что данный хор не мог их почему-либо исполнять; причиной могла быть и недоступность необходимого нотного материала. Но, с другой стороны, явно имелась и непреодолимая потребность в пусть подспудном, необъявляемом творческом продолжении традиции, некое эхо того мощного толчка, который был задан русскому церковному пению в начале XX столетия.

Долгие десятилетия на русских православных клиросах вопреки всем препятствиям удерживался некий общий образ русского церковного пения. Об этом говорят, прежде всего, сохранившиеся библиотеки опытных и вдумчивых регентов, в которых представлен широчайший диапазон стилей — от сочинений Сарти и Галуппи до опусов владельца библиотеки. Просматривая такие библиотеки, приходишь в изумление: это какой-то особый, параллельный мир; во внешнем мире в это время выполняли пятилетки, проводили партсъезды, строили коммунизм, выражали надежду вскоре увидеть «последнего попа», в музыкальных кругах сочиняли оперы и симфонии, вели дискуссии о советском интонационном строе, — а наши регенты тщательно переписывали ноты, выстраивали певческое оформление целых служб, обменивались между собой копиями разных композиций и старались вовремя получить то, что оставалось от коллег, уже ушедших в мир иной. На регентских нотах часто встречаются записи о том, от кого и когда получена или переписана та или иная композиция, — ведь множительная техника была совершенно недоступна, даже наличие дома обычной пишущей машинки требовало санкции властей.

Кем они ощущали себя, эти регенты, — «последними из могижан» или хранителями сокровищ для будущего?

Все исследователи русского церковного пения знают, что такое «Словарь Семенова», хотя труд этот никогда не издавался. Скромный преподаватель Дмитрий Сергеевич Семенов, живя в далекой Кукарке на Вятке (Советске Кировской области), всю свою долгую жизнь, с ранней юности, упорно собирал сведения о русской духовной музыке, прежде всего о современных ему духовных композиторах — путем встреч и переписки с ними самими и их родными, копируя массу материалов от руки, а когда удавалось — слушая разные хоры. В результате он создал замечательный, в ряде отношений уникальный, Словарь православного русского церковного пения (вторая редакция — 1960), а также собрал значительную коллекцию нот и трудов по церковному пению⁷. В предисловии к Словарю этот

⁷ О судьбе собраний Семенова см. во второй книге тома, и там же — материалы его Словаря.

энтузиаст православной певческой культуры пишет, что церковное пение «имеет в перспективе печальный конец», что многое утеряно безвозвратно, другое недоступно, а немногочисленные любители и знатоки — на грани вымирания; сам же он стремится к сохранению памяти о прошлом только в интересах той полной истории русского искусства, которая будет создана в будущем. Позже, в 1976, петербургский регент и композитор старшего поколения Сергей Морозов обращается к Патриарху Пимену с письмом, в котором предлагает срочно организовать «фундаментальные нотные хранилища при библиотеках духовных академий, и в первую очередь Московской»: «Тянуть с этим делом, — пишет он, — однако, нельзя: пройдет лет пять—десять, и многих из нас, творцов, не станет»⁸. Морозов, по-видимому, все же надеялся на будущее. Надеялся на него и московский регент Василий Локтев, чью огромную, собиравшуюся всю жизнь регентскую библиотеку, в конце концов подаренную Патриарху Пимену, автор этих строк описывала, с изумлением взирая как на масштаб коллекции, так и на количество мало кому ведомых имен композиторов, принадлежащих именно XX веку. Впрочем, не столь уж мало кому: целый ряд этих авторов представлен не в нашем музыковедении, а на тех сайтах, где современные регенты и хористы обмениваются клиросной литературой в сканированном виде. Наследие это, таким образом, живет.

* * *

Небольшое отступление на тему о значении для данной темы такого источника, как Интернет.

Казалось бы, Церковь — по определению консервативная институция. Тем не менее церковные люди очень быстро освоили виртуальное поле и выстроили на нем множество структур разных уровней, пригодных для обсуждения любых проблем: от деятельности конкретного священника, прихода, архиерея до сложнейших вопросов догматики и церковного устава (в числе прочего — и пения в церкви).

Когда с конца 1980-х отдельные лица, приходы, епархии начали публиковать мемуары и документы по церковной жизни советских десятилетий (конечно, не только советских), это происходило по преимуществу спонтанно, самыми дешевыми и простыми способами; могли быть какие-то предисловия и комментарии к тексту, а могли и не быть, часто обходились без этого. Подобная продукция никому учету не подлежала, в библиотеки в основном не поступала. Даже в специализированной Синодальной библиотеке многие издания того времени отсутствуют.

То же самое можно сказать и о церковной периодике: она начинала выходить по мере появления потребности и накопления средств в том или ином храме или епархии, могла иметь какой угодно формат (и газетный, и журнальный, и, так сказать, смешанный), любую периодичность (или вообще не иметь таковой); некоторые издания выходили на протяжении ряда лет, некоторые — нескольких месяцев.

⁸ Письмо Сергея Алексеевича Морозова от 17 мая 1976 сохранилось вклеенным в ноты его песнопений для архиерейской службы, которые он послал в подарок Патриарху Пимену (ныне в Синодальной библиотеке).

Опять-таки учет этого потока не велся, да и вряд ли был возможен, и в библиотеки эти издания главным образом не поступали, продаваясь там, где были выпущены, иногда — на православных ярмарках или в церковных магазинах. Несколько позже появились более стабильные «епархиальные ведомости», но и тут все зависело — и зависит сейчас — от материальных возможностей епархии, а также от вкусов правящего архиерея по отношению к печатному слову. Есть среди этой периодики регулярно выходящие содержательные, прекрасно оформленные издания, есть и простые «листочки» с упоминанием текущих событий и архиерейских указов и служений. Искать подобные издания и подобную периодику целесообразнее всего в Интернете. Если даже там не выложены какие-либо тексты, то имеются упоминания о времени и месте их выпуска, что делает возможным поиск.

С церковными аудиодисками — ситуация подобная, только, пожалуй, еще сложнее. Правда, их учет долгое время велся в издательском отделе Данилова монастыря, но, во-первых, невозможно все учесть, а во-вторых, накопленная информация не является общедоступной. Кроме того, в последние годы многие лица или хорошие коллективы просто выкладывают свои записи в YouTube, без выпуска дисков. И тут тоже Интернет оказывается незаменимым источником.

Как известно из истории, регенты православных храмов всегда держали на клиросах так называемые тетрадки, то есть переписанные от руки сочинения (партитуры, а также партии), принятые к исполнению там, где служил регент. Переписано могло быть с изданных нот, либо с рукописей, либо сочинено данным регентом. В XIX веке пытались «тетрадки» запрещать, требуя, чтобы все пели только по нотам, изданным Придворной капеллой, — но добиться этого было невозможно. При советской власти тетрадки расцвели пышным цветом, о чем и свидетельствуют сохранившиеся регентские библиотеки. В основном писали от руки, при поздней советской власти появляются ксерокопии, ныне же подобная литература, отсканированная или набранная при помощи разных программ, обитает в Сети, часто на специальных сайтах для регентов и певчих. Конечно, при таких условиях точность атрибуции того или иного сочинения тому или иному автору может быть сомнительной, как и точность выложенного текста.

Но и любые тексты, почерпнутые в Сети, нуждаются в тщательной проверке — если возможно, по архивным источникам, если нет, то хотя бы по более поздним, желательно выпущенным солидными издательствами, книгам и нотам.

Очень полезным материалом являются также фильмы о крупных событиях в жизни Церкви, относящиеся к послевоенному периоду. Снятые по заказу Церкви, но также, разумеется, и с государственными пропагандистскими целями («в СССР с религией все в порядке»), эти фильмы, как правило, отлично сделаны в профессиональном смысле. Можно даже утверждать: чем раньше снят фильм — тем лучше он сделан. Абсолютный шедевр — фильм 1945 года о выборах и интронизации Патриарха Алексия I: местами видеоряд здесь прямо напоминает об «Иване Грозном» Эйзенштейна, снимавшемся в те же годы. Да и смысловой ряд вызывает такие ассоциации: церковь и государство, Филипп Колычев

(дальний предок Патриарха) и царь Иван, война, визиты иностранных послов (глав восточных церквей, которые были приглашены на Собор 1945 года с далекоидущими — и не оправдавшимися — государственными планами). При аристократической внешности и величественных манерах Патриарха Алексия эти ассоциации становятся совсем рельефными. Кажется, стоит только посмотреть внимательно эту ленту — и уже ничего не надо писать, ничего не надо объяснять. Но это только кажется: надо многое узнать, многое понять, чтобы не только отождествить тех, кого видишь в кадре, но и расшифровать подтекст фильма. Многие из этих фильмов выложены на сайте <http://www.net-film.ru> (см. раздел «Религия» в каталоге сайта).

Звуковые ряды старых фильмов тоже хороши, хотя звучание церковных хоров там дается лишь краткими отрывками. И тут с благодарностью вспоминаешь замечательную инициативу Московского Подворья Троице-Сергиевой лавры, которое в 2000-е годы выпустило несколько реставрированных с ветхих пленок записей церковных хоров былых времен, и во главе их — грандиозный духовный концерт в Большом зале консерватории в 1948. А, например, храм во имя иконы Всех Скорбящих Радость на Ордынке издал диск, где в формате mp3 собраны записи, сделанные очень известным в свое время регентом этого храма Николаем Матвеевым. Полностью собраны и изданы записи архимандрита Матфея (Мормыля) и проч. Конечно, все эти записи относятся уже к послевоенному периоду, но ранние среди них, несомненно, хранят и память о предвоенной поре.

* * *

С музыковедческой точки зрения (которая отнюдь не является главенствующей в этом томе) очевидный вопрос по отношению к данной эпохе — вопрос о стиле и художественной ценности нового творчества. Вопрос этот очень сложен, и его решение явно выходит за пределы традиционных методов музыкознания.

Естественно, у разных авторов, сочинявших для клироса в течение советских десятилетий, — стили разные. В принципе, у авторов, писавших и издававших церковные композиции до 1917, сохраняются те же основные стилевые параметры. У некоторых ощущаются веяния Нового направления, что исторически вполне естественно: в это время в разных местах работали выпускники Синодального училища, имевшие уже и своих учеников. У других слышится опора на петербургскую школу — на творчество сверхпопулярного тогда (и сейчас) А. А. Архангельского, на обобщенный стиль Придворной капеллы, что тоже исторически естественно: целый ряд регентов, в том числе сочинявших регентов, советского периода учились в регентском классе Капеллы, а у них самих — церковные музыканты следующего поколения. Ясно ощутимы, условно говоря, «оперные» и «романсовые» веяния, вплоть до отражения в духовной музыке интонационного строя окружающей действительности, в частности даже советской песни. В 1920-х возникает явление, которое упомянутый выше Д. С. Семенов удачно назвал «нэповским стилем», перечисляя среди его примечательных черт засилье всяких «соло», а также

«слезливость», «ложный подъем», «смешение всевозможных стилей». Такое явление надолго, на десятилетия, задержалось на наших клиросах. Нередки в эту и особенно в послевоенную эпоху случаи «перепевания» высоких образцов западного религиозного искусства на православный манер — например, «Со святыми упокой» на тему «Лакримозы» Моцарта, — что вообще-то случилось и раньше, и не только в XVIII веке: достаточно назвать хотя бы Херувимскую Балакирева на «Ave verum» Моцарта.

Церковное искусство по определению консервативно. И конечно же, кроме вкусов священноначалия и собственных, регенты не могли не учитывать привычки прихожан, по крайней мере прихожан «маститых», знающих. Об этом говорят все московские современные регенты старшего поколения. Например, Владимир Кондратьев, регент, воспитавшийся в Богоявленском соборе, а затем служивший в одном из самых любимых московских храмов — Знамени на Рижской:

— Вполне понятно, что в первый день Рождества обязателен, допустим, за обедней концерт Бортнянского «Слава в вышних Богу» — и ничто другое. Или в первый день Пасхи «Да воскреснет Бог» того же Бортнянского, или в Троицу «Преславная днесь»... Это было везде... Да, раньше народ понимал. Мне кажется, если спой не то, так, пожалуй, тебя и с клироса-то вытолкают прихожане. Ко мне, бывало, подходили: «А что же вы вот это или вот то не спели?!» Да петь, допустим, не с кем, певчие заболели. «Ну вот, а мы стояли, ждали».

Или регент хора храма Воскресения Словущего на Успенском Вражке Ариадна Рыбакова:

— Как же не спеть на Рождество «С нами Бог» Зиновьева? Зиновьев — это традиция в Москве, обязательно надо спеть, народ ждет. У меня еще, по-моему, не было такого, чтобы не пели Зиновьева, даже при малом составе хора. На Успение мы поем «В молитвах неусыпающую Богородицу» — концерт Рахманинова. И вот один раз я подумала: стихирю споем вместо концерта, потому что певчих-то немного у меня. А в храме говорят: «Как же так, чтобы на Успение да не спеть “В молитвах неусыпающую”?!» Спели. Так Шорина каждый год поется «Прежде шести дней бытия Пасхи», тоже традиционно⁹.

Действительно, это песнопение «синодала» Михаила Шорина, ставшего потом главным хормейстером Большого театра, отражено на многих современных московских аудиодисках. По воспоминаниям А. П. Смирнова, сам Шорин раз в году потихоньку приходил в храм Всех Скорбящих Радость на Ордынке послушать свое сочинение, которое регент Н. В. Матвеев всегда там исполнял.

⁹ Фрагменты интервью с московскими регентами цитируются по дипломной работе студентки ПСТГУ Анны Сеницыной «Регентско-певческая культура Москвы 1960—1980-х годов», защищенной в 2007. Благодарим за возможность знакомства с этой работой ее руководителя священника Николая Нефедова.

Подобная традиционность способствовала устойчивости церковно-певческого репертуара вообще, а также репертуара данного города и данного храма. Понятно, что здесь возникала противоречивая ситуация: хорошего регента и превозносили, и одновременно ограничивали; на первый план выходили специальные клиросные традиции, благодаря которым и сохранялось многое в церковном обиходе¹⁰.

* * *

Еще одну заметную, особенно в послевоенный период, тенденцию можно обозначить как стремление Церкви, если так можно выразиться, адаптировать русскую классику, не только музыкальную, также и художественную, литературную. Для создания своего образа, для противостояния происходящему вокруг Церкви важно было найти утверждение и опору в классической традиции. Об этом могут свидетельствовать и многочисленные материалы Журнала Московской Патриархии, исправно отмечавшего юбилейные даты крупных русских композиторов (особенно тех, кто обращался к духовной композиции, — о них твердо и безоговорочно говорилось как о верных сынах Церкви), и программы очень редких (конечно, совершенно закрытых) духовных концертов послевоенной эпохи, и дружеские связи выдающихся иерархов с выдающимися артистами, художниками, писателями, характерные для всего советского периода.

Многие архиереи той эпохи, и прежде всего оба патриарха советского периода, любили и ценили классическую музыку, хорошо разбирались в ней; в возрождавшихся после войны духовных школах Москвы и Ленинграда преподавалась игра на разных инструментах, создавались студенческие оркестры; в программах вечеров к разным церковным датам постоянно звучала классика, преимущественно русская.

Известно, что многие замечательные певцы советской эпохи пришли на концертную эстраду и в оперный театр с клироса, что некоторые продолжали иногда там петь не только в двадцатых годах, но и в последующие десятилетия. Слушая сейчас их записи, сравнивая их пение с пением других, тоже прекрасных, исполнителей, можно утверждать, что певцов, прошедших клиросную школу, выделяет удивительная подача слова, а также особенная интонация. Иногда это может даже действовать против них: например, запись выросшего на монастырском киевском клиросе Ивана Козловского в партии Лоэнгринга сейчас слушать трудновато, но Юродивый в «Борисе Годунове» Мусоргского он — на все времена единственный. Другой пример: к юбилею Римского-Корсакова на радио искали запись прощального ариозо Снегурочки из одноименной оперы — запись такого качества, какое можно было бы сопоставить в радиопередаче с прекрасным исполнением «Смерти

¹⁰ Так, характерно московский клиросный праздничный репертуар — представленный с точки зрения не регента или певчего, а усердного (и притом высокообразованного) прихожанина — прослеживается в замечательнейшей книге А. Ч. Козаржевского «Московский месяцеслов». Фрагменты из нее будут представлены во второй книге настоящего тома, но много подобного материала и в первой книге.

Изольды» Вагнера известной немецкой певицей. И только одна запись «вытягивала» на такое сопоставление, то есть на очень высокое, религиозное понимание музыки Римского-Корсакова, и это была запись Елизаветы Шумской, с которой занимался ее муж, талантливый выпускник Синодального училища хормейстер Сергей Шумский. Есть случаи, когда к сочинению духовной музыки в советский период обращались композиторы вполне «светские», академической, консерваторской школы; такие явления мы тоже попытаемся отразить (во второй книге). Любопытный материал дают программы послевоенных духовных концертов к разным церковным памятным датам, в которых принимали участие выдающиеся артисты и в которых звучали обычно как церковные, так и светские классические композиции.

Еще необходимо хотя бы вскользь напомнить о тех великолепных образах храма, священников, диаконов, церковных служб, вообще — Русской Православной Церкви, которые во все времена, даже в самые трудные, появлялись на страницах современной русской литературы. В лучших своих образцах литература иной раз создавала такие яркие картины, какие трудно было бы воспроизвести иными средствами.

В обеих книгах тома читатель найдет отрывки из литературных произведений, однако конечно же большинство из таких произведений может быть только упомянуто в этом томе. В частности, считаем необходимым назвать здесь совершенно недооцененный (и, кажется, вообще непрочтенный) огромный по масштабам роман классика отечественной литературы Леонида Леонова «Пирамида». Цитировать его на страницах тома краткими отрывками очень трудно ввиду особенностей авторского стиля, но, на наш взгляд, это — наиболее глубокое раскрытие темы трагедии Русской Церкви в XX столетии.

* * *

В определенный момент стало понятно, что собранные материалы, во-первых, даже в «чистом виде», без комментариев и вступительных статей, не могут поместиться в одну книгу, а во-вторых, что специфика материалов в периодах до 1943 и после 1943 существенно различается. Кроме того, в конце тома сразу были запланированы масштабные материалы — фрагменты Словаря Семенова с дополнениями и комментариями, певческая хроника по страницам Журнала Московской Патриархии, аннотированный именной указатель, — то есть тексты, сильно увеличивающие объем тома. В итоге было принято решение поделить том на две книги — условно говоря, «довоенную» (фактически — до 1943) и «послевоенную» (после 1943 и до 1988, то есть празднования 1000-летия Крещения Руси).

Что касается композиции первой книги, то, при внутреннем естественном подразделении на «двадцатые» и «тридцатые», она все же выстроилась по темам (иначе: блокам, разделам), имеющим — за некоторым исключением — отношение к обоим десятилетиям. Разумеется, такая тема, как частная издательская деятельность, связана только с двадцатыми годами, равно и раздел Драмсоюза как орга-

низации, упраздненной к началу тридцатых. Но в последнем случае речь идет о многих людях, чья деятельность продолжалась в последующую эпоху, о произведениях, которые нередко и до сих пор бытуют на певческих клиросах.

Понятно, что невозможно было дать равномерно полный материал по разным темам, поскольку, повторим еще раз, эта книга — только опыт приближения к огромной по объему и значению сфере, опыт первичного обобщения материала. С целью «схватить» разные лики времени много сил и времени было потрачено на создание открывающей книгу *Хроники* — подборки фрагментов из самых разных по жанру текстов — мемуаров, писем, официальных документов, периодики и художественных произведений, — авторы которых не имели в виду писать отдельно о церковном пении, а рассказывали о нем в «контексте жизни». Именно в *Хронике* представлены многие лица и явления, которым не нашлось места в других разделах.

В *первой части первой книги* отражена церковно-певческая жизнь двадцатых и тридцатых годов в целом, причем по каждому из десятилетий дается своя подборка воспоминаний. В двадцатых годах представлены еще существовавшие тогда монастыри — те из них, о церковно-певческой жизни которых имеются интересные свидетельства; в тридцатых годах такой рубрики, по понятным причинам, быть не может. По возможности воспоминания подобраны так, чтобы в них отражалась жизнь не только Москвы, но и Петрограда / Ленинграда и провинции; тот же принцип — опять-таки по возможности — проводится и в *Хронике*, и в других разделах тома. В каждом из десятилетий есть рубрика, условно названная «Портреты»: очерки о тех лицах, чей творческий облик показался нам и характерным для эпохи, и возможным для раскрытия с помощью разных свидетельств, в значительной мере — ранее не публиковавшихся. В разыскании материалов для этой рубрики, в создании этих образов оказалась незаменимой помощь коллег — Владимира Миллера, Людмилы Зуммер, Олега Бычкова, Тамары Сквирской, которым и приносим сердечную благодарность. Кроме того, рубрика «Портреты» дает возможность рассказать не только о человеческих судьбах, но и о собственно творчестве этих людей.

Вторая часть первой книги строится по тематическому принципу. Ее основные разделы: «Регенты и хоры», «Духовные концерты», «Диаконь», «Колокола», «Исследователи», «Дело Драмсоюза», «Издательская деятельность (П. М. Киреев)» и, наконец, «Борьба с “церковщиной”». В этой части нет «портретов», но осуществляется публикация более полусотни драмсоюзных анкет, воссоздающих достоверные, хотя и схематические, биографии духовных композиторов и регентов. Кроме того, рубрика «Диаконь» практически тоже состоит из портретов знаменитых диаконов послереволюционной эпохи (преимущественно московских, хотя и не только их). Как показало углубление в тему, исследования по церковному пению продолжались не только в двадцатых, но даже и в тридцатых годах, — что и отражено в разделе «Исследователи». Финальный раздел книги появился в результате подробного знакомства с «антирелигиозной» литературой той эпохи, в которой колокольный звон и церковное пение нередко выделялись «красной строкой», — очевидно, как непосредственно воздействующие на сознание народа; особенно усердствова-

ли в этом направлении так называемые пролетарские журналы, подборка фрагментов из которых, вместе с другими материалами, приводится в данном разделе.

В отличие от предыдущих томов РДМ, в этой книге нет какой-либо единой формы подачи материалов классического типа: «вступление — текст — комментарий». Форму подачи здесь диктует характер имеющегося материала; это может быть и «чистая» публикация архивного (или опубликованного ранее) текста полностью со вступлением и комментариями, и извлечение из разных текстов необходимых фрагментов, и обзор с многочисленными цитатами, и проч. В любом случае мы старались подходить к текстам разных жанров с максимальной бережностью и, безусловно, с глубокой благодарностью к их авторам, здравствующим и почившим.

Считаю необходимым подчеркнуть, что, помимо общих очень ценных указаний, касающихся всех текстов тома и комментариев к ним, А. А. Наумовым в большой мере сформированы разделы «Николай Данилин», «Павел Чесноков», «Духовные концерты», составлен каталог изданий П. М. Киреева, а также дополнения к анкетам, публикующимся в разделе «Дело Драмсоюза».

Что касается *второй книги тома*, то к ней, как уже говорилось, будет дано отдельное вступление, сосредоточенное на выдвинутых 1940—1980-ми годами темах. В принципе во второй книге будет сохраняться общая структура первой.

Как и первая книга, вторая будет открываться Хроникой по всей эпохе, на этот раз охватывающей половину столетия. Особым разделом будет представлена также хроника церковно-певческой жизни, отраженная на страницах начавшего в 1943 выходить вновь Журнала Московской Патриархии.

В соответствии с внутренней периодизацией послевоенной эпохи будут, как и в первой книге, даны подборки воспоминаний. Особый раздел составит такая важная тема, как возрождение Троице-Сергиевой Лавры и пения в ней. Также особые разделы будут посвящены обоим патриархам этой эпохи.

Как и в первой книге, во второй будут рубрики «Регенты и хоры», «Диаконы», «Исследователи». В разделе «Портреты» могут быть представлены не только композиторы (как в первой книге), но и выдающиеся регенты и другие деятели на церковно-певческой ниве.

Этот период дает возможность ввести раздел «Дискуссии о церковном пении»: они разворачивались и в публикациях на страницах Журнала Московской Патриархии, и в других печатных текстах либо личных документах.

Особый раздел предполагается посвятить судьбам обиходного пения разных традиций в советский период.

Мы сознаем, что, в силу новизны темы и, если можно так выразиться, разножанровости текстов данной книги, здесь особенно велика опасность и ошибок, и всякого рода пропусков и недомолвок. Остается только просить прощения и снисхождения у читателей IX тома РДМ.

«С НАМИ БОГ!» ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ДЕЯНИЯ

Хроника 1917—1930-х годов¹

Для коммунистов кончилась «предыстория» и началась история, кончилось царство буржуазии и началось царство социализма, кончилось царство необходимости и началось царство свободы, в которое они, следуя известному слову Маркса, стремились не постепенно перейти, а мгновенно «переброситься».

Антибольшевистской Россией события воспринимались, конечно, иначе. Православному сознанию и исповедничеству большевизм представлялся не началом истории, а ее концом, не утреннею звездой грядущего светлого царства, а вечернею зарею запутавшегося в грехах мира. Многие ощущали Ленина антихристом и ждали Божьего суда. В гонимых церквях звучало «покайтесь» и в сердцах, наперекор творящемуся ужасу, крепла вера в новое небо и новую землю. <...>

Насколько страшны были первые годы революции классоненавистническим растлением общества и революционным перекрашиванием России, настолько же значительны они были тем, что все вещи, чувства и мысли начали постепенно обнаруживать свой удельный вес, входить в истину своей сущности, своего подлинного значения. Не только верующим, но и неверующим становилась понятной молитва о хлебе насущном, так как вся Россия, за исключением большевистской головки,

¹ *О структуре Хроники:* общим принципом расположения материалов является принцип хронологический, хотя не всегда удается выдерживать его четко; в случае датировки материала не по конкретной дате, а по ряду лет материал дается в конце данного десятилетия; выдержки из писем или дневников одного автора по возможности даются «блоками». Дополнительные сведения приводятся в подстрочных примечаниях, с указанием источников там же. Источники основных материалов Хроники даются под каждым материалом в сокращенном виде курсивом; в конце Хроники приводится полный список ее источников.

Разумеется, происходившие в стране процессы были одними и теми же в разных городах и областях, однако имелись и региональные различия, особенно в 1920-х годах. Поэтому сочтено было целесообразным разграничить 1920-е и 1930-е, а относительно 1920-х ввести разграничения «Москва», «Петербург», «Провинция».

ела свой ломоть черного хлеба как вынутую просфору, боясь обронить хоть крошку на пол. Тепло, простор, уют исчезли из наших квартир, но в новых, часто убогих убежищах глубже ощущалось счастье иметь свой собственный угол, крышу над головой. Маленькие железные печурки, по прозвищу «буржуйки», вокруг которых постоянно торчали голод и холод, благодарно и первобытно ощущались почти что священными очагами жизни. По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию. Становясь необычайным, все привычное своеобразно преображалось и тем преображало нашу жизнь. Сквозь внешнюю оболочку вещей всюду видимо проступали заложенные в них первоидеи. <...>

Жизнь на «вершинах» становилась биологическою необходимостью; абсолютное «бытие» переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможною опорой нашей каждодневной жизни. Без веры в свой долг, в свою звезду, в свою судьбу, в Бога нельзя было трястись в тифозном вагоне за хлебом для стариков и детей, нельзя было быть уверенным, что близкий человек не предаст тебя на допросе и что ты сам скорее умрешь, чем предашь его. <...>

Это вынужденное восхождение душ — о, конечно, не всех, но тех, в которых спасалась душа России, — к вечным ценностям глубже всего совершалось в Москве...

Федор Степун. Бывшее и несбывшееся. С. 203—205.

Начало революции — 1917—1919 годы — было временем удивительного духовного подъема, духовной легкости. Душа тогда стояла у открывшихся врат новой, великой церковной эпохи, и, страшась и как бы уже изнемогая от ясно видимых туч, она в то же самое время вдруг задышала воздухом небывалой духовной свободы.

Что-то в истории Церкви возвращалось к первоисточной чистоте и простоте, освобождаясь от вековых пут, от тяжелых риз обмирщения, внешности и лицемерия. <...> Над Церковью восходила заря жертвенности. Было тогда нам, молодым, и страшно и радостно.

Сергей Фудель. У стен Церкви. С. 152—153.

1917 — конец 1920-х**МОСКВА****Московский листок. 1917. 27 мая**

На Всероссийском съезде регентов и учителей церковного пения собралось более 150 членов, прибывших со всех концов России.

Почетным председателем съезда был избран директор Синодального училища А. Д. Кастальский, председателем съезда — А. В. Никольский. <...>

Съезд внес целый ряд постановлений: обязательное введение обучения пению в программу всех учебных заведений, признание за регентами и учителями пения права на государственную или общественную службу и на получение пенсий, объединение всех регентов и учителей пения во всероссийский союз. Съезд избрал делегатом на Всероссийский съезд духовенства и мирян и Поместный Собор одного из старейших знатоков и учителей церковного пения Д. И. Зарина.

Московский листок. 1917. 9 июня

Вчера в Духовной семинарии состоялось многочисленное собрание диаконов и псаломщиков г. Москвы с участием делегатов, приехавших на Всероссийский съезд духовенства и мирян.

Было доведено до сведения собравшихся, что съездом утвержден проект Всероссийского союза диаконов и псаломщиков для объединения их и восстановления в правовом и материальном положении. Союз является юридическим лицом и управляется центральным советом, находящимся в Москве и состоящим из 6 членов, избираемых от столичных диаконов и псаломщиков.

Собрание постановило просить совет возбудить ходатайство о введении правила, чтобы псаломщик после 10 лет беспорочной службы рукополагался во диаконы, а диакон после 15 лет службы — во священника. При исключительных обстоятельствах сроки могут быть уменьшены.

Постановлено также, чтобы настоятели церквей не препятствовали диаконам и псаломщикам говорить поучения в церквях, и о должной справедливости деления кружечных доходов.

14—15 августа 1917, Москва

Утром 13-го я пошел к обедне в Успенский собор. Служил архиепископ Тихон [Беллавин]. <...> Раздавали воззвание об учреждении братства Кремля, составленное мной и напечатанное за подписью протопресвитера [Любимова]. Розов возгласил многолетие братству, а протопресвитер сказал о нем проповедь на текст: «Забвена буди десница моя, аще забуду тебе, Иерусалиме». После все перешли в Мироварную палату, где и произошло открытие братства. <...>

14-го вечером, с Сережей Фуделем и Мокринским, я пошел ко всенощной в Успенский собор. Стояла толпа желающих попасть в собор. В соборе было густо

народом и жарко. Служило семь архиереев во главе с Тихоном. Я ходил с блюдом — со сбором в пользу братства Кремля. Всенощная длилась с 6 до 10^{1/2}. По середине собора стояли члены Собора. <...> Синодальный хор пел всенощную киевским распевом. Лития совершалась на паперти собора, и вслед за ней был крестный ход вокруг собора. Архиепископа впервые поминали митрополитом, и среди службы принесен был белый клобук, которым и заменил преосвященный Тихон свой черный. Перед Евангелием всеми архиереями читан был акафист Успению. Меня поразил художественной, сжатой, строгой силой своего чтения преосвященный Анастасий Кишиневский. Но лучше и сильнее всего действовал на душу сам собор, озаряемый множеством свечей, оживляемый тихим и строгим пением, наполненный народом, насыщенный молитвой. Он весь снаружи был как бы охвачен звуком: это было пенье над пеньем, Успенская служба над службой. Нет, это не прибой волн, — это что-то в воздухе творящееся, от воздуха, от атмосферы идущее, природное, простое, всегда бывшее, не человеком содеянное, — этот звон. И в то же время чувствуется, что он такой же старый, такой же неколебимый, как эти стены собора, сияющие золотом и ликами мучеников. А П. Б. Мансуров шепчет мне: «Смотрите, эти колонны как пальмы. Бывает в мире прекрасное, великое, — и вот оно. Такое есть еще только у Марка в Венеции, такие же колонны-пальмы, но ведь и там — Византия, православный храм». За стенами собора — сотни народа, жаждущие попасть на службу. Их впускают по мере выхода богомольцев из собора. Во время прикладывания к выносной иконе милиционер — парень с безусым лицом, в глупом красном воротнике, все бросался словами: «Товарищи, не напирайте», «товарищи то, товарищи другое». Женщины около меня роптали: «Какие тут товарищи? Тут братья христиане». Мне тоже надоело это, и я сказал ему: «Тут слову “товарищи” не место. Тут все православные, а не товарищи». Он удивленно посмотрел на меня и стал обращаться к толпе со словами: «Господа!»

Наутро к обедне начали звонить на Иване Великом в 9 часов. <...> Членов Собора пускали через северные двери, имевших билеты на вход в собор — через южные.

Служба шла с обычным торжеством. Служил митрополит Владимир с двумя новыми митрополитами — Петроградским и Тифлиским, которые не могли еще достать себе белых клобуков. Я опять ходил со сбором и узнавал многих знакомых среди членов Собора. <...> Перед «Отче наш» разнесся слух, что приехал Керенский. В это же время стали собираться в собор архиереи, участвовавшие в крестных ходах. Середина собора наполнилась ими. Потом они стали прикладываться один за другим к святым мощам. Я видел, как они прикладывались к мощам митрополита Ионы. Они подходили один за другим — в золотых саккосах, с жезлами, — снимали митры, передавали их мальчишкам-служкам, гробовой иеромонах возглашал: «Святителю отче Ионо, моли Бога о нас», и они прикладывались к мощам, склоняясь над ними. Я видел их всех. Среди них были глубокие старцы, но более всего были заметны те, у кого старость еще соединялась с силой, с явным еще упором в жизни, — и я дивился их лицам. Это были русские лица, даже не просто русские, а великорусские лица — хоть сейчас в образец этнографический взять их,

и ни одного лица незначительного, вялого, внутренне скучного. *Не* интеллигентны: это бесспорно, явно, ясно; есть на лицах морщины, и умные складки, и жизненные отмыты борьбы, думы, может быть, страсти, — но это скорее лица умных бояр XVII века, какого-нибудь Ртищева, Матвеева, Стрешнева. Два-три подвижнических лица — тонких и изнутри значительных, остальные — крепкие земле, народные, полнообразные житейским и бытовым содержанием лица. Да, в жизни у *них*, чтобы о них ни говорили, есть уклад, мера, — и красота. [Михаил Васильевич] Нестеров прав; когда я ему это рассказывал, он молвил: «Они так ходить умеют, так двигаются, так идут, как века только могут научить ходить и двигаться. Это — строй, это — чин!»

После заамвонной молитвы митрополит Владимир прочел грамоту Синода о созыве Собора, члены Собора — миряне и клир — попарно стали выходить из собора и строиться для шествия в Чудов монастырь на площади, а все архиереи, стоя посередине собора, запели «Символ веры». Это был сильнейший момент богослужения. Их было сто архиереев и архимандритов, и «Символ веры» звучал с силой незабываемой. Давно, давно не раздавалось такого голоса Церкви под успенскими сводами. А это золото, а это внимание стен пятивековых, а это пустое царское место, а эти штатские фигурки «временного правительства», не могущие подтвердить ни слова из того, что поет архиерейский сонм! Все это — сколько дум, сколько чувств давало и сменяло одни на другие. Вековое — и минутное, плещущее с силой на недвижимое вековое. Я вышел на паперть. Началось выхождение архиереев из собора. Они шли попарно начиная с Димитрия и Арсения — викариев московских. У них нет ни слова, ни движения, не связанного с тем, в чем они участвуют: вековой чин, вековой «ход». Великая истовость — и какая красота! А за ними вышел Керенский. Он был в костюме цвета хаки — во френче. <...> Керенский держался как-то неестественно прямо, начеку, на выдержке. Казалось, в руке у него должен был быть стек, непременно стек. Его наряд — военный и невоенный, наряд военного «штатского» — подчеркивал случайность и нелепость его присутствия тут, в соборе, где шли люди в одеждах вековых, переживших столетия, рассчитанных на какую-то известную мистическую прочность и неотменимость. Я четко и близко видел его лицо. Оно было землисто и худо, и мне показалось оно — в глазах, в искривлении губ, в линиях ноздрей — усталым до злости и злым до усталости. Оно и было, и казалось молодым, но молодость эта еще усиливала в нем черты случайности, измученности, злости. Все это было на лице так явно и открыто, что мне стало неприятно смотреть: вот он закусил губу, вот двинул плечом, и в фигуре его еще заметней стало какое-то надрывное, истерическое высокомерие, злобная душевная надменность, холодом и обреченностью веяло от него.

Я перестал смотреть на него. Звон гудел и шумел в воздухе. Народ напирал со всех сторон. Шествие еще только повернуло за угол Успенского собора. Милиционеры не могли сдержать толпу, она хлынула на шествие, и Керенский оказался в толпе, смешавшись с ней. Сзади его нельзя было отличить от любого военного, каких было много в толпе. И тут я опять посмотрел на него. <...> Все это — кресты

соборов, хоругви, сонм архиереев, самый Собор — ему чуждо, враждебно, ненавистно. Его рука не может подняться для креста — для того, для чего поднимаются теперь одновременно тысячи рук. Я видел: он ни разу не перекрестился! А он стоит здесь на месте того, кто здесь крестился, кто венец принимал у алтаря, кто читал вслух в этом же соборе этот же «Символ веры», каждое слово которого для него вздор. А этот народ, сюда пришедший? Разве это та «демократия», о которой он говорит, которой что-то обещает, чем-то грозит? Это все чужое, он до нестерпимости «не свой» здесь, и, конечно, он это чувствует, и он — умный, он, дерзкое дитя, злится, вероятно: «Кой черт меня принес сюда? И на кой черт все это нужно?» — эти архиереи, соборы, колокольни, иконы, мощи. Ведь это все с *тем* связано, что он ненавидит, что ему ненавистно от альфы до омеги. Идет он в своем хаки — грустный и злой, со своими штатскими. <...> Вчера, 14-го, Любимову предложили отменить крестные ходы из-за того, что совещание не кончилось и будет еще и 15-го². Любимов отвечал: «Отмените, если можете». Вместо отмены, они приехали в собор. Человек в хаки прошел от Успенского собора до монастыря с усталостью, со злостью, с грустью. Или он не нужен, или не нужно все, что не-он: эти колокола, архиереи, паперти, крестьящиеся люди. Соединения быть не может.

Солнце сияло. Звон гудел. Мы входили в Чудов монастырь. Вся площадь была залита народом. Ослепительно сверкали в воздухе золотые хоругви.

Сергей Дурюлин. Из «Олонецких записок». С. 135—136.

15 августа 1917, Москва

Ходил на Красную площадь посмотреть на крестный ход и молебствие по случаю открытия Всероссийского Церковного Собора. Тысячи хоругвей, сотни священнослужителей в золотых ризах, торжественный звон по всей Москве, и все это под куполом жаркого ясного дня. Зрелище великолепное и умильное, но, к сожалению, оно не привлекло несметных толп народа. Не то ему теперь нужно — не хоругви, а красные флаги ведут его за собой. И это очень грустно: сердца грубеют, развивается эгоизм, исчезает красота жизни.

Никита Окунев. Дневник москвича. С. 70.

Московский листок. 1917. 12 сентября

12 сентября состоялось заседание Синода, на котором был сделан доклад о. протопресвитером Н. А. Любимовым о забастовке в Синодальном хоре. Взрослые певчие потребовали увеличения содержания и жалованья начиная с нынешнего года, что составляет сумму до 52 000 рублей. Малолетние певчие в забастовке не участвовали.

² Государственное московское совещание проходило в Москве 12—15 августа 1917. В нем участвовало около 2500 делегатов. Цель совещания — консолидация всех слоев общества, политических партий и общественных организаций вокруг Временного правительства — не была достигнута.

Синод постановил: уволить всех взрослых певчих Синодального хора, а предложить петь за богослужениями в Успенском соборе местному клиру³.

21 ноября/4 декабря 1917, Москва

Деяние 47-е Священного Собора Православной Российской Церкви

...В лето от Рождества Бога Слова 1917-е, в праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы, месяца ноября в день 21-й (4 декабря), в Московском Большом Успенском соборе совершается поставление нареченного Патриарха, митрополита Московского и Коломенского Тихона в Патриарха Московского и всея России.

1. К 9 часам утра в Мироварную, бывшую Патриаршую, палату прибывают все епископы, присутствующие на Соборе, священнослужители, имеющие участвовать в богослужении, и 30 мирян — членов Собора. Архиереи, облачившись в мантии, а прочие священнослужители — в ризах и стихарях ожидают прибытия нареченного Патриарха. Здесь же собираются к этому времени синодальные (бывшие патриаршие) дьяки, певчие, протоиерей Большого Успенского собора и диаконы с кадилами, пресвитеры Успенского собора с запрестольною иконою и с корсунскими крестами. [Его Святейшеству сослужат иерархи <...>, священнослужители пресвитерского сана <...> протоиерей и диаконы: Московского Большого Успенского собора протоиерей Константин Розов, того же собора — протоиерей Николай Румянцев, иерей Василий Ризположенский, иерей Василий Рыбнов, иерей Александр Уткин, иерей Алексей Головин, пономарь иерей Петр Антушев, пономарь иерей Василий Солнцев.

2. По прибытии нареченного Патриарха его сретают при входе на лестницу очередной сакелларий Успенского собора, помощник синодального ризничего и иподиаконы; на верхней площадке лестницы миряне — члены Собора, в соборе Двенадцати Апостолов митрополит Тифлисский Платон [Рождественский], архиепископы и епископы, присутствующие в Синоде, синодальный ризничий архимандрит Арсений [Денисов] с крестом и один иеромонах с святою водою.

3. При пении «Достойно есть» нареченный Патриарх шествует в алтарь, целует святыи престол и осеняет с солей предстоящих.

4. При осенении нареченным Патриархом предстоящих митрополит Тифлисский Платон обращается к нареченному Патриарху с приветствием от Святейшего Синода <...>.

5. На приветствие Святейшего Синода Святейший Патриарх отвечает следующим словом <...>

6. По окончании слова нареченный Патриарх со всеми присутствующими в соборе Двенадцати Апостолов направляется в Мироварную палату.

7. По вступлении нареченного Патриарха со всеми присутствующими в Мироварную палату митрополит Киевский Владимир [Богоявленский] начинает молебен возгласом: «Благословен Бог наш...», на что все присутствующие воспевают:

³ Увольнение не состоялось; о судьбе Синодального хора см. в дальнейших материалах тома, в частности в воспоминаниях А. П. Смирнова и в разделе «Николай Данилин».

«Аминь. Царю Небесный. Трисвятое по Отче наш». Митрополит Владимир возглашает: «Яко Твое есть Царство...», все присутствующие воспевают «аминь», по сем тропарь и кондак Пятидесятницы. Митрополит Киевский Владимир возглашает ектенью о Святейшем Синоде, о нареченном Патриархе Тихоне, о Богохранимой державе Российской, о правителях ее, воинстве и о всех православных христианах. После сего совершает отпуст без многолетствования и по троекратном отпустительном, всеми поемом «Господи помилуй» дает нареченному Патриарху святы́й крест для целования.

8. По совершении отпуста открывается шествие в Успенский собор в следующем порядке: пресвитеры со святынею, синодальные певчие, миряне — члены Священного Собора, священнослужители, епископы по старшинству и, в заключение, нареченный Патриарх в предшествии иподиаконов с трикирием и дикирием. Все участвующие в шествии воспевают тропари Введения и Успения Пресвятыя Богородицы. Шествие вступает в Успенский собор чрез северные двери. Здесь миряне — члены Священного Собора занимают заранее указанные им места, епископы и священнослужители, участвующие в совершении литургии, входят в алтарь для облачения, прочие епископы становятся в мантиях направо и налево от облачального места, на устроенных для них возвышениях.

9. По вступлении в Успенский собор нареченного Патриарха Синодальный хор, под управлением Н. М. Данилина, поет входное «Яко одушевленному Божию Кивоту...». Во время сего пения нареченный Патриарх совершает поклонение и целование святых и царских дверей, Владимирской иконы Божией Матери и святых мощей. По сем нареченный Патриарх входит в алтарь и совершает поклонение и целование святого престола при пении Синодального хора «На гору Сион...»

10. По молитве же «Господи, ниспосли» обращается нареченный Патриарх к западу и благословляет, яко же обычай есть, поющим певцом: «Тон деспотин» и прочая.

11. Егда начинают облачать нареченного Патриарха, поют певцы «Свыше процоцы» (напев М. А. Балакирева). Облачают нареченного Патриарха по чину святительского облачения во обычные архиерейские одежды, токмо прежде подризника возлагают параман патриаршеский да возлагают же поручи и палицу патриаршеские.

12. По облачении, при осенении нареченным Патриархом молящихся дикирием и трикирием, часть малолетних певчих поет в алтаре «Тон деспотин», заключительное «Ис полла эти деспота» — поет весь хор.

13. По сем чтут часы и совершается литургия по обычаю. По обходе и обычном каждении и пении «Ис полла эти деспота» сущие во алтаре поют тропарь Пятидесятнице, а правый лик поет тропарь празднику.

Во алтаре поют «Слава», кондак Пятидесятнице. Левый лик поет «И ныне», кондак празднику.

И егда исполниша кондак сей, исходит протодиакон из святых дверей и возглашает: «Господу помолимся».

Певцы: «Господи, помилуй».

Нареченный Патриарх: «Яко свят еси, Боже наш...» И поют Трисвятое по обычаю. При сем все жезлоносцы, стоящие на солее, кроме жезлоносца нареченного Патриарха, отходят в диаконник и во святой алтарь.

14. После Трисвятого возжигают свечи вся пред иконы, такожде же и сущим во алтаре дают свечи, и всем людем. Свещеносец нареченного Патриарха имеет всю литургию свещу, витую из трех свещ.

По третьем Трисвятом нареченный Патриарх исходит из святых дверей со крестом и дикирием и благословляет люди, лики по обычаю, возглашая: «Призри с небесе, Боже...»

По сем идет на горнее святительское место и благословляет трикирием по обычаю, поющим во алтаре священнослужителям: «Святый Боже...»

15. Егда же лик поет конечное Трисвятое, тогда становятся рядом с нареченным Патриархом старейшие два митрополита: Киевский Владимир и Тифлиский Платон — и обращая к востоку трижды с Патриархом вкупе, и имут митрополиты нареченного Патриарха под руки и возводят его на патриаршее горнее место.

16. И обращаются нареченный Патриарх и митрополиты к западу, и возглашает митрополит Тифлиский: «Вонмем».

А Киевский митрополит велегласно четет: «Божественная благодать, немощная врачующи, оскудевающая восполняющи и промышление всегда творящи о Святых Своих Православных Церквах, посаждает на Престол Святых Первосвятителей Российских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена отца нашего Тихона, Святейшего Патриарха Великого Града Москвы и всея России, во имя Отца. Аминь».

И абие посаждают митрополиты нареченного Патриарха на горнее седалище и воздвизают его, взявше под руки. И паки возглашает митрополит: «И Сына. Аминь».

И абие посаждают паки Патриарха на седалище.

И воздвизают митрополиты Патриарха под руки и третицею посаждают его на место, возглашающе митрополиту Киевскому: «И Святаго Духа. Аминь».

«Аксиос» (воспетое в первый раз Святейшему Патриарху в 10 часов 45 минут утра).

И поют третицею «Аксиос» сущии во алтаре, и по них правый лик с людьми тоже поют.

Тогда архиепископ Новгородский Арсений [Стадницкий] становится в святых дверях и, обращая к востоку, глаголет велегласно ектенью сию: «Миром Господу помолимся». <...>

18. Егда же глаголют ектенью сию, митрополит Киевский Владимир четет молитву: «Владыко Вседержителю и Господи всяческих...» <...>

19. Глаголемей же ектеньи, приходит к Святейшему Патриарху ключарь со диаконы, несущими на блюде сак и омофор патриаршеский, панагии и патриаршую шапку. <...>

20. И егда сконча архиепископ Арсений вышереченную ектенью, возглашает митрополит Киевский:

«Ты бо Всесилен Вседержитель Бог еси, и Твое есть царство и сила и слава Отца и Единороднаго Твоего Сына и Всесвятаго и Благаго и Животворящаго Твоего Духа». Лик: «Аминь».

21. И исходит протодиакон в Святые двери и встает лицом к западу и кличет похвалу сице:

«Святейшему Герману, архиепископу Константинопольскому, Вселенскому Патриарху, многа лета». Правый лик поет такжежде.

«Блаженнейшему Фотию [Пероглу], Патриарху Александрийскому, многа лета». Левый лик тожде.

«Блаженнейшему Григорию [Аль-Хаддаду], Патриарху Антиохийскому, многа лета».

Правый лик тожде.

«Блаженнейшему Дамиану [Касатосу], Патриарху Иерусалимскому, многа лета». Левый лик тожде.

«Святейшему Тихону, Отцу нашему и Патриарху Московскому и всея России, многа лета». (Сие возглашение последовало в 10 часов 55 минут утра.)

Правый лик тожде.

«Преосвященным митрополитом, архиепископом и епископом и всему Священному Собору Церкви Российския многа лета».

Левый лик тожде.

«Богохранимей державе Российстей и воем ея и всем православным христианом многа лета».

Правый лик тожде.

22. И егда скончаша многолетие, глаголет протодиакон, шед во алтарь: «Вонмем».

И Святейший Патриарх: «Мир всем».

И лики с людьми вкупе: «И духови твоему».

Паки протодиакон: «Премудрость. Вонмем».

И второй диакон, ему же Апостол чести, сказывает прокимен Апостолу, яко же обычай.

23. По прочтении Евангелия Святейший Патриарх первый раз в сем сане осеняет народ дикирием и трикирием в 11 часов 12 минут утра.

24. На велицем входе первее несут свечи две в надсвещницах пономари, по сем свещу триплетенную, по сих крест патриаршеский, шапку и омофор. Также несут диаконы сионы и по сих иподиаконы с дикирием и трикирием, диаконы с кадилы, диак с рипидою, протодиакон со святым дискомом, другой диак с рипидою, третий диак такжежде с рипидою, архимандрит с потиром святым и еще диак с рипидою. По сих же идут архимандриты и священницы по обычаю.

Святейший Патриарх, взем святой дискос, глаголет:

«Всех вас, православных христиан, да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков».

Приемляй же потир, митрополит Киевский Владимир глаголет:

«Да помянет Господь Бог всех вас во царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков». И ино ничто же.

[Херувимская песнь исполнена сочинения Львова № 2, «Милость мира» — Архангельского № 4.]

25. По освящении же святых даров, егда скончаша «Яко одушевленному Божию Кивоту» (вместо «Достойно»), протодиакон возглашает: «И всех и вся».

И певцы поют такожде.

По сем Святейший возглашает:

«В первых помяни, Господи, Святейшия Патриархи и всяко епископство Православных, их же даруй святым Твоим Церквам целых...»

26. Протодиакон исшед во святые двери и зря к западу кличет: «Германа Святейшего и Вселенского Патриарха, Фотия Александрийского, Григория Антиохийского, Дамиана Иерусалимского, Благодетивых Православных Патриархов и Великого Господина нашего, Святейшего Тихона Московского и всея России Патриарха, приносящего святые дары сия Господеви Богу нашему».

И обращясь к людям, глаголет:

«О преосвященных митрополитах, архиепископах и епископах, о честнем пресвитерстве, и еже во Христе диаконстве, и о всем священническом чине, о Богохранимей державе Российстей, о победе, о пребывании мира, о здравии и спасении властей наших, о мире всего мира, и о благостоянии святых Божиих Церквей, и о избавлении братий наших, в темницах и пленении сущих, о поспешении и укреплении Христолюбивого воинства, и о спасении людей предстоящих и помышляющих кийждо их о своих согрешениях, и о всех и за вся».

27. По причастном стихе хор певчих поет догматик второго гласа [«Прейде сень законная» (большого знаменного роспева, переложение А. Д. Кастальского)]. По сем все присутствующие воспевают «Тебе, Бога, хвалим», под управлением диакона В. П. Богословского.

28. Архиепископ Кишиневский Анастасий [Грибановский] произносит слово о церковном и нравственно-общественном значении восстановления Российского патриаршества. По окончании сего слова присутствующие в храме многократно возглашают «аминь».

29. По отпусе же литургии певцы поют новолетний [тропарь], и по сих тропарь и кондак храму⁴.

Акты Святейшего Патриарха Тихона. С. 49—56.

⁴ Дополнения в квадратных скобках взяты из кн.: Священный Собор Православной Российской Церкви. Кн. 1, вып. 1. М., 1918.

В библиотеке Н. С. Голованова (Музей-квартира) сохранился печатный «Чин поставления патриарха Всероссийского в соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы в богоспасаемом граде Москве 1917 года ноেমвриа в 21 день» (М.: Синодальная типография, 1917), с пометами Голованова, регентовавшего на левом клиросе (в частности, им карандашом пронумерованы многочисленные многолетия). Это, по сути, — краткая памятка для

28 января 1918

Чтение воззваний Патриарха и Собора

Приближаясь к Красной площади, я примкнул к одной из бесчисленных процессий и так дошел до Лобного места, где в первом часу дня Патриарх отслужил молебен. В ожидании его выхода из Спасских ворот, в предшествии многочисленных хоругвей, икон и сонма духовенства, на Красной площади (как и в пути до нее, и по окончании крестного хода, в пути по церквам) духовенством и народом распевались разные песнопения и между прочим «Христос воскрес». Все чувствовали себя, безусловно, благоговейно, но вместе с тем и нервно.

Никита Окунев. Дневник москвича. С. 143.

1/14 февраля 1918, Москва

Завтра праздник Сретения Господня, и потому я должен идти ко всеобщей. <...> Я надумал идти в церковь Воскресения в Кадашах, находящуюся близ Третьяковской галереи. Там священником состоит мой однокашник по семинарии Н. И. Смирнов, один из выдающихся работников на духовно-приходском поприще в Москве. Он является, прежде всего, пионером в деле насаждения в церквах так называемого общенародного пения...⁵ <...>

Меня поразило необычайно стройное и проникнутое какою-то особенной воодушевленностью и задушевностью пение народа, до отказа переполнившего очень вместительную церковь... Вся масса именно молилась и, молясь, пела эти дивные церковные песнопения...

*Протоиерей Георгий Голубцов.
Поездка на Всероссийский Церковный Собор.
С. 157—158.*

регентов и певчих на церковнославянском языке, содержащая порядок исполнения песнопений и особенно многолетий.

⁵ Отца Николая Смирнова знала не только религиозная Москва, но почти вся церковная общественная Россия. Он не занимал высоких должностей, не служил в каком-нибудь соборе, а известным сделался потому, что был истинным пастырем и душу свою полагал «за овцы своя». Трудился он в неизвестном кадашевском храме, находящемся в уголке, вдали от городского шума. <...>

Кадашевский приход, будучи купеческим, по примеру многих московских церквей желал иметь партесное, громогласное пение, голосистого диакона и другие современные прикрасы. Для отца Николая, по собственному его выражению, все это было не более как бутафория, ненужная и опасная. <...>

...Он завел строгий порядок в своем храме во всем: установил неспешное, вразумительное чтение и простое, древнее, уставное, общенародное пение, не звуками сладкозвучащими насыщенное, но дышащее любовью к Богу и выходящее из глубины души.

В последнем отношении отец Николай много потрудился и достиг того, что его народный хор стал первым в Москве по организованности, стройности и совершенству (*Епископ Арсений (Жадановский)*. Воспоминания. М., 1995. С. 32, 37).

25 февраля/10 марта 1918, Москва

Сегодня в первый раз в жизни участвовал в патриаршем служении литургии [в Храме Христа Спасителя]. <...>

Сослужили патриарху архиепископы Анастасий Кишиневский и Иоасаф, помощник патриарха по управлению Московской Патриархией, епископ Дмитрий Можайский и брат Черниговского епископа Пахомия, три архимандрита и пять протоиереев. Протодиаконовал знаменитый Розов; пели народные хоры московских храмов, в коих введено общенародное пение под управлением священника Н. И. Смирнова и какого-то иеромонаха, стоявших лицом к алтарю на предпоследней ступени лестницы, ведущей на солею, около клиросов. Пело, как говорили, не менее 5000 человек. Пение было стройное и громкое, но в меру. Особенно мощно было исполнено: «Верую», «Достойно есть яко воистину» и «Отче наш». На меня это пение произвело потрясающее впечатление не только своею мощностью, но, главным образом, какою-то особою проникновенностью и молитвенностью...

Протоиерей Георгий Голубцов.

Поездка на Всероссийский Церковный Собор.

С. 207—208.

1917/18, зима, Москва

На Тверской движение, шум, гам, проститутки, а ниже, у Иверской, толпа молящихся. Стоят без шапок, много коленопреклоненных. Все молятся, крестятся, кое-кто вытирает слезы, а случается, и рыдает. Я тоже снял фуражку, перекрестился. А молящиеся запели: «Не имамамы иныя помощи. Не имамамы иныя надежды!»

1918, весна — осень, Москва***Таганская тюрьма***

Оказалось, что в Таганской тюрьме церковь имеется. Богослужения совершаются нормально. В церкви могут молиться не только заключенные (желающие), но и родственники служащих. Мы всей камерой пошли.

Церковь находилась в конце нашего коридора. Она помещалась в большом двусветном зале с большими окнами без решеток. Как положено, у нее был алтарь с иконостасом, перед иконостасом — амвон с двумя клиросами. У икон теплились лампадки, стояли свечи. Впереди, перед алтарем, за легкой оградой, стояли «вольные» служащие с женами и детьми. За ними, по сю сторону ограды, теснились заключенные следственного корпуса. Вверху, на хорах, были арестанты из «одиночек». <...>

На правом клиросе люди, должно быть, певчие. <...> На левом клиросе стоит и смиренно смотрит в Часослов архиепископ. От кого-то узнал, что это Варнава [Накропин], ставленник Распутина (позже связанный с «живой церковью»). Он арестован, но его скоро выпустят. Он нужен советской власти.

1918, осень, Москва

Бутырская тюрьма

У самой дорожки — примитивная колокольня: два столба с перекадиной, на которой висят колокола, над ними двухскатный козырек. <...> Должно быть, колокольня была без присмотра. В один из мокрых и ветреных ноябрьских дней вдруг в тюремном дворе раздался заунывный грохот, один только раз грохнул колокол, и его удар расплылся по тюрьме. В нашей камере заключенные бросились к двери. Приоткрылся «волчок», и надзиратель сообщил, что свалилась колокольня. <...> Церковь безрадостно глядела на нас, когда мы в первый раз проходили возле нее. И мне стало стыдно при виде заброшенной церкви...

1918, ноябрь, Москва

Бутырская тюрьма

Дверь всегда закрытого храма открыта. В храме серо. Не теплятся лампадки, не горят свечи. Людей полно, как в пересыльном поезде. Стоят впритык, как булыжники в мостовой: один к одному, один к одному. Впереди, у местной иконы Спасителя, светятся две свечечки. И это весь свет.

Молящиеся склонились в земном поклоне и затихли: много голов от пола не отрывается. Все как мертвые застыли. Случается, кто приподнимется, с умилением перекрестится и опять — бух об пол. <...>

А в храме заброшенном, открытом только сегодня — перед праздником Рождества Божьей Матери или Воздвижения Животворящего Креста Господня (точно не помню), — уже стало сумрачно. Пришел священник — смиренный, согбенный, будто с тяжелой ношей на спине⁶. <...> В алтаре свет засиял: все семь свечей загорелись в запрестольном подсвечнике. <...> И наконец в застывшей, мертвой тишине старого храма, с разбитыми стеклами в окнах, раздалось властно и могуче:

— Слава Святей, Единой и Нераздельной Троице всегда, ныне и присно и во веки веков.

— Аминь! — неуверенно и робко потянули на клиросе подошедшие хористы. Передохнули и стройно запели: «Приидите поклонимся и припадем к Христу!»

Смокли в храме шепотки и покашливания. Повалился народ на колени, вместе со стражей истово молился, крестился:

— Господи помилуй, Господи помилуй!..

А хор из нескольких человек не дружно, но с сердцем пел:

— Благослови душе моя Господа!

⁶ До 1907 настоятелем тюремной церкви был известнейший московский священник Иосиф Фудель. Здесь речь может идти о втором священнике — отце Димитрии Васильевиче Георгиевском.

Храм официально был закрыт в 1922.

1918/19, зима, Москва***Бутырская тюрьма***

Смежным с нашим был 15-й коридор (кажется, шесть камер по 25 человек). У нас этот коридор назывался «поповским», потому что там томилось духовенство. Вход в 15-й коридор был общим с нашим 14-м. И вся жизнь «поповского» коридора шла через этот совместный вход. <...>

...Каждое утро, когда только-только начинали сереть замерзшие окна, все заключенные 15-го коридора (все батюшки и диаконы) торопливо поднимались, омывались от сна и брались за молитвенники. А затем по камерам вполголоса служили панихиды и отпевания «по православным христианам, в муках скончавшимся, и о всех братиях наших, готовящихся в день сей принять венец мученический за Веру и Правду Божию...»

И так было трогательно это песнопение, что шум у нас стихал, движение замедлялось. Заключенные одни крестились, другие — богохулы — насмешливо улыбались. Но старший не давал задерживаться:

— Давай проходи! Чего стали? Попов не слышали?! — кричал он с тыла. <...>

...Вечером... в наступившей мимолетной тишине из далекого далека, из-за запертых дверей, уловит настроженное ухо такое милое, такое родное (оно таким стало казаться только теперь, в страдании) плавное пение «Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим».

В это время, почти ежедневно, из 15-го коридора забирают «с вещами» в «комнату душ» очередных иереев. Уходящие целуяно прощаются с остающимися. Узелков с имуществом не берут — уже не нужные они! Дверь широко открывается, и отчетливо слышится: «Помощник и Покровитель бысть мне во спасение».

Пасха 1919, Москва***Бутырская тюрьма***

Сидит в «одиночке» епископ Никандр [Феноменов]⁷. Так ВЧК милость ему оказала: ордер на освобождение выставила и с печатями в контору препроводила. Вызывают «отца преподобного» в «комнату душ» с «вещами», а он не идет. «Да это на свободу, а не куда-нибудь!» — уговаривает дежурный помощник.

Крестится широким крестом владыка и не идет. У нас-де через два дня Пасха. Дайте мне с моими пасомыми этот Великий Праздник провести вместе, а потом берите куда хотите!

ВЧК разрешила остаться владыке в тюрьме до воскресенья включительно, а там «за ворота вытнем!» <...>

Слух об этом вмиг облетел наше узилище. Все стали чиститься да камеры прибирать. Авось к нам владыка с причастием придет. Как можно Святые Дары в беспорядке принимать! Вычистились да пригладились, совсем «как раньше» тюрьма заблестела. <...>

⁷ См. о нем далее, в «Донесениях благочинных Москвы».

Словом, Христос Воскресе! Да вот храм Божий закрыт и стоит забытый как бы на посрамление православных. <...>

В 6-м коридоре хлопнула дверь. Вошли несколько человек в ближайшую камеру и смиренно запели: «Христос воскрес из мертвых...» Наши все кинулись к своим местам. Стоят и ждут. <...>

И вот не в пасхальном, а в повседневном архиерейском облачении в дверях появился архиепископ Никандр [Феноменов]. Он в скуфейке, а не в парадной митре. Глаза у владыки блестят слезой, лицо горит, руки дрожат, благословляя. А голос, охрипший от скорби и тоски, смело возглашает: «Христос воскрес!» <...>⁸

А Святого Причастия не было. Не позволили власти лубянские ни вина, ни хлеба церковного пронести в тюрьму.

1919, канун Введения, Москва

Бутырская тюрьма

Целый день верующие заключенные чистили и мыли выбранную для богослужения камеру. Стол от грязи отскоблили, прикрыли простышкой, маленькую икону Божьей Матери кто-то дал, поставили ее на столе, а перед ней стаканчик со свечечкой. Вот и готова церковь Божия! Батюшка после ужина из 7-го коридора подошел. <...> Народу собралось в камере полным-полно. <...>

Где-то в отдалении загрело дружное пение, бравурное, насмешливое. Орала во все горло смело и уверенно упитанные социалисты Рубинок и другой «левак». Несли на швабренных палках красный транспарант, растянутый во всю ширину коридора. <...>

По знаку Фишмана демонстранты остановились у запертой двери: «Открывай!» Надзиратель заслонил собой дверь.

В камере за дверью тихонько пели. <...> Входная дверь в коридор раскрылась, и ввалились дежурные. Все с винтовками. Впереди комендант Попкович с наганом. — Гони их на места! — закричал комендант.

⁸ Тот же факт отражен в воспоминаниях Е. А. Чернышевой-Самариной, отец которой, бывший обер-прокурор Св. Синода А. Д. Самарин, находился в это время в Бутырской тюрьме. Из письма Самарина к семье:

Сегодня, в Великий Четверг, у нас была всеобщая, шла ровно 2 часа; служил архиепископ Никандр, Н. П. Д. [Н. П. Добронравов], Сергей Иванович Фрязинов и еще два священника. Пели недурно, я читал антифоны и стихи. <...> Во время же всеобщей вызвали священника Фрязинова, к самому концу он вернулся сияющий, оказалось, что его, Добронравова и пресвященного Никандра освободили. <...>

Архиепископ Никандр, получив ордер на освобождение, сказал, что он не хочет разлучаться со своей тюремной паствой в эти дни, и просил разрешить ему остаться до 12 часов дня первого дня Праздника. Это ему разрешили в виде необычайного исключения, и он теперь уже не арестованный, а гость в тюрьме! (*Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. С. 143*).

Надзиратели дежурной части кинулись на демонстрантов. Те — бежать. Стража за ними.

Захлопали двери, защелкали замки. Наступила тишина.

«Церковная» камера открылась. Богослужение продолжалось. Пели нестройно, но с умилением: «Днесь спасения нашего преображение и человеков спасение».

3 и 4 декабря в околотке Бутырской тюрьмы было совершено наше православное богослужение как положено: вечером 3 декабря — всенощная, утром 4 декабря — литургия.

Василий Клементьев.

В большевицкой Москве (1918—1920).

*С. 40, 229, 285, 296—297, 319—320,
340—341, 368—369.*

29 января 1919, Москва

Из постановления по докладу П. А. Красикова о тюремных церквях

Поручить... разработать и издать общую инструкцию о порядке использования помещений, занятых в настоящее время под тюремные церкви, для устройства в них лекций, чтений и школ, с выделением алтарей перегородками... и передаче таких церквей на основании инструкции о проведении в жизнь декрета об отделении церкви в пользование и непосредственное распоряжение тюремных служащих.

Православная Москва. С. 195—196.

1919, Москва

Журнал «Революция и церковь»

1919, № 1

«Практика антирелигиозной борьбы»

И если некоторые из священников были на местах действительно расстреляны, если некоторые из них были действительно заключены в тюрьму, — то вина за эту кровь и за эти страдания «серой поповской массы» лежит не на советской власти, которая со своей стороны делала тысячи предостережений, а прежде всего на тех ответственных руководителях церковной политики, которые прекрасно учли всю остроту политического момента и которые, толкая отдельных представителей религии на путь открытой политической борьбы, конечно отдавали себе ясный отчет, куда их зовут и на что толкают (С. 9).

«Молитвенные вечера»

Москва буквально обклеена афишами церковников. Аршинными буквами москвичи оповещаются, что в таком-то храме, при участии Неждановой, Смирнова и Петрова, состоится или лекция-концерт, или «вечер духовных песнопений», или «молитвенное собрание верующих христиан». Неизменной принадлежностью этих религиозных вечеров является слово или речь, которую произносит какой-либо экс-профессор бывшей духовной академии.

Устройство вечеров дает церковникам настолько колоссальный доход, что они имеют возможность не только покрывать гонорары артистам в три, четыре и пять тысяч рублей, но и уделять толику в пользу «бедствующего» духовенства.

В последнее время в практику церковников вошло афишами же оповещать Москву о патриарших служениях, совершаемых «при участии архидиакона Розова». Афиши выпускаются и в том, наконец, случае, когда в каком-либо храме, по случаю ли престольного праздника или иного церковного торжества богослужение совершает и рядовой архиерей.

Все это, вместе взятое, возбуждает целый ряд весьма серьезных вопросов.

1. Где церковники получают на свои афиши невероятное количество бумаги, которой не хватает на печатание советских изданий и даже на нужды фронта? Ведает ли о сем Главбум? Какие меры предпринимал к устранению явно недопустимого явления? Или же нецелесообразная трата бумаги производилась с его молчаливого одобрения и по его разрешениям?
2. Допустимо ли артистам государственных театров, как известно состоящим на советской службе, выступать на вечерах, определенно имеющих реакционный характер? Чем вы объясните тот факт, когда один и тот же крупный артист в один и тот же день утром за пять тысяч рублей перед спекулянтами, попами и помещиками поет «Да возвеселится царь!»⁹, а вечером перед рабочими «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой»?!

Сознательные пролетарии, как вы смотрите на этих «артистов»?! (С. 22)

Ликвидация «черных гнезд»

Из большей части московских монастырей монахи выселены, опустевшие так называемые общежительные корпуса занимают под учреждения, имеющие общепольное значение. Так, в богатейшем Спасо-Андрониевом монастыре устроены пролетарские квартиры для рабочих Рогожско-Симоновского района, Новоспасский монастырь превращен в концентрационный лагерь, Страстной монастырь занят Военным Комиссариатом, в кремлевском Чудовом монастыре помещается рабочий кооператив «Коммунист» и детский сад (С. 27).

1919, № 6—8

Радио и малиновый звон

В вышедшем на четвертый день Пасхи номере екатеринбургской газеты «Уральский рабочий» напечатано:

«Сегодня в нашей газете очень мало радиотелеграмм, хотя газет не было целых три дня. Причиной этого является колокольный звон. Радиостанция помещается над Вознесенской церковью, и пасхальные звонари так усердствовали, что радиостанция совсем не могла принимать дневных радиопередач».

⁹ Цитата из 20-го псалма («Господи, силою Твоею возвеселится царь»), часто звучащего за богослужением.

Почему же, однако, местный совет не смог принять необходимых мер и прекратить в интересах всех, без различия исповеданий, граждан назойливый малиновый звон, мешавший работе радиостанции? (С. 103).

1921, Москва

Таганская тюрьма

Согласно желанию заключенных, были разрешены богослужения. <...> Было отведено школьное помещение в тюрьме. <...> Это небольшой светлый зал со школьными скамьями. На боковых выступах стен нарисованы портреты: слева — Карла Маркса, справа — Троцкого. <...>

Все просто, как, может быть, было в первохристианских катакомбах. Семисвечник сделан арестантами из дерева. Служит обычно митрополит Кирилл [Смирнов], обладающий величественной фигурой, высокий, с правильным лицом и широкой седой бородой. Служат ему епископы Феодор (Поздеевский) и Гурий (Степанов). Тут же стоят игумен Иона [Фиргуф], с сосредоточенным, несколько суровым лицом, и о. Георгий [Лавров], простой и серьезный. Хором управляет бывший обер-прокурор Св. Синода А. Д. Самарин. А как поют! Только страдание может так одухотворить песнопение...

Владимир Марцинковский. Записки верующего. С. 170—171.

1917—1921, Москва

...Крестные ходы и молебствия, бывшие до революции, совершались и в советское время, в условиях большевистской диктатуры и преследований верующих. Разумеется, они претерпевали изменения — Кремль был недоступен, и потому верующим приходилось выбирать другие маршруты. Но из документации Моссовета заметно, что советская власть в лице Федора Ивановича Маркова, заведующего организационно-учетным (церковным) отделением Юридического отдела Московского Совдепа, как правило, без всякой волокиты давала разрешение на совершение молебствий. При этом Ф. И. Марков ничуть не смущался из-за того, что основными их участниками были рабочие — вроде бы опора большевистского режима. Смеем предположить, что местная власть делала это потому, что не желала обострять отношения с верующими, которые хотя и не любили эту власть, но относились к ней лояльно и достаточно терпимо. С другой стороны, московская власть не желала идти на поводу у выскочек из VIII отдела Наркомата юстиции (питерцев по своему происхождению) — И. А. Шпицберга и М. В. Галкина, которые, разжигая пожар ненависти, предоставляли дело его тушения и улаживания отношений с верующими местной власти.

В советской Москве в эту пору проживало много владык и сановитых священнослужителей. Поэтому и в крестных ходах, и в иных богослужениях они принимали деятельное участие. Среди бумаг организационно-учетного отделения Моссовета сохранились уведомления-автографы митрополита Нижегородского Сергия (будущего Патриарха) о совершении им в 1920—1921 еженедельных богослужений в Крестовой церкви при Патриаршем доме и в Храме Христа Спасителя.

В 1920 он также служил: 6 марта — в Даниловом монастыре, 7 марта — в церкви Иоанна Предтечи в Кречетниках, 10 и 14 марта — в храме во имя иконы Богородицы «Нечаянная Радость» в Марьиной роще, 12 марта — у св. Василия Исповедника в Рогожской (вместе со Святейшим Патриархом). 26 марта 1920 владыка служил пессию по приглашению прихожан в церкви св. Николая в Драчах, 27—28 июля — всенощную и Литургию во Владимирской церкви (б. Епархиального дома), 11 и 12 августа — в церкви св. Иоанна Воина на Б. Якиманке, 10—11 октября — в храме св. Василия Исповедника, что в Новой деревне. <...>

Разрешения на служение владыкам выдавались местной советской властью беспрепятственно, без всяких оговорок. Но архиереи все же обязаны были угодлять власть. <...>

Архиерейское богослужение в приходских храмах Москвы, чрезвычайно редкое до революции, безусловно, привлекало в храмы множество людей, как привлекает и сейчас. Но люди, и в особенности те, кто хорошо разбирался в литургике, усматривали в служении владык нечто иное, до времени полузабытое, скрытое в недоступных для простого народа толкованиях и научных трудах. <...>

Не только архиереи служили в приходских храмах, придавая торжественность богослужению и способствуя тому, что в храмы стекалось множество народа. Достаточно часто служил в них о. Николай Любимов, бывший настоятель Успенского собора, протоиерей того же собора о. Николай Пшеничников, протоиерей Храма Христа Спасителя о. Александр Хотовицкий, архимандрит Варфоломей (Ремов) — настоятель Димитриевской, на Тверской улице, церкви, архимандрит Иларион (Троицкий).

Часто по просьбам прихожан на приходах служили в 1920—1921 патриарший архиерей о. Константин Розов, а также диакон церкви Никитской на Старой Басманной о. Михаил Холмогоров. Духовенство за службу получало вознаграждение — от 1000 до 3000 рублей.

Вместе со священнослужителями в богослужениях принимали участие и хоры. Конечно, Синодальный хор, как и Синодальное училище, был упразднен, детям уже не дозволялось петь в церкви, но их партии хорошо исполняли женские голоса, причем спевки хора были зачастую публичными, на что обращали внимание все, в том числе и поэт Е. Придворов, более известный под псевдонимом Демьян Бедный.

Но, разумеется, в богослужении участвовали не только хоры, но и сам народ, который во все века всегда является хранителем благочестия. Остался он хранителем и в послереволюционные годы.

Преображение 19 августа 1919 года... На советскую фабрику (бывш. Чернышева) приезжает видный иерарх и совершает Литургию. Приходский совет вместе с бывшим фабрикантом Медниковым собрал для этого «десяток тысяч народных денег». Богослужение было торжественным — газетный хроникер упомянул об облачении архиерея. В богослужении принимали участие и дети местного священника, и учитель советской школы II ступени Василий Колоколов — он, надев на себя сияющий стихарь, служил чтецом (Правда. 1919. 28 августа).

При этом молебны и службы совершались отнюдь не тайно. Так, на заводе «Поставщик» женщины-работницы на собрании «подняли вопрос» о необходимости в один из дней совершить молебен у местной иконы. Мужчины — участники этого собрания согласились с работницами, и в итоге было принято решение запросить средства на молебен у заводского комитета. Заводской комитет вроде бы «отказал» ради приличия, но предоставил православным пользоваться средствами из культурно-просветительного фонда, не занося, впрочем, свое решение в протокол. Культурно-просветительная комиссия не протестовала — и богослужение состоялось (Правда. 1919. 11 мая). В молебнах и службах на предприятиях принимали участие не только приглашенные певцы, но и сам народ, причем не «черносотенные» лавочники, а молодой пролетариат, казалось бы, верная опора большевиков. Корреспондент «Правды» решил выяснить, как проводит молодежь досуг, и в этих поисках он оказался в комнате Всеобуча Александровской железной дороги, близ ее вокзала. Услышал слаженное хоровое пение — около 12 часов дня — и сам себе не поверил: поют в несколько сотен могучих молодых голосов «Христос воскрес». Ужаснулся корреспондент (писавший под кличкой Старик): «Сегодня пасхальные стихи, завтра — “Боже, царя храни”» (Правда. 1923. 2 апреля).

Мы видим, что народ Москвы в послереволюционные годы стал ценить богослужение, тем более что многие сферы церковной деятельности — просвещение, благотворительность, духовная миссия, в сущности, прекратили свое существование. Православные до революции на многое из церковной жизни не обращали внимания, как зачастую не обращали и не обращают внимания люди на воздух, воду, хлеб. Но стоило появиться декрету 1918, стоило начаться гонениям, стоило появиться голоду и карточкам на продукты питания — и люди стали ценить то, чем они некогда пренебрегали. Трудами московских архипастырей и пастырей, их словом, изъясняющим Слово Божие, и прежде всего — богослужением укреплялась и направлялась на светлый путь спасения паства московской земли. «Не бывает, чтобы ночную тьму сразу сменил ослепительный свет солнца, — говорил на Литургии Великой субботы в 1921 епископ Дмитровский Серафим (Звездинский). — Сначала за мраком наступает переходное время, сумерки предрассветные, и только тогда, когда привыкнет глаз к свету, появляется яркое солнце... Воспрянь духом, — убеждал святитель, — подыми скорбно поникшую голову и слушай, как хор в честь Воскресения наполняет небо и землю, спускается в самый сад, куда несется весть Воскресения и прощения». Закрыт Кремль, который так много значил в богослужебной жизни Москвы. Но кремль благочестивые москвичи в эти годы стали строить в своей душе, «необходимый для того, чтобы охранить от врагов внутреннее духа». И никакие бури, никакие волны возмутившегося моря житейского не обрушили его в те годы. В хор небесных сил влились голоса святых новомучеников и исповедников, страстотерпцев, тяжелой борьбой достигших светлого рая, нового Иерусалима. А к ним через служение Богу и через богослужение присоединились голоса и силы тех москвичей, которые молились и трудились во спасение русского народа и родной земли.

Демьян Бедный

Спевка

На вечерней на заре
 Спевка хора в алтаре.
 В нарушение канона
 От престола
 До амвона
 Зазывают оба пола:
 И премьер, и примадонна,
 И хористки, и хористы —
 Все советские «артисты»!
 Встречный гимн поют «невесте»,
 Левый-правый клирос вместе,
 Разукрашенные ложи,
 В полумраке (нет свечей)
 Раскрасневшиеся рожи
 Всех московских богачей.
 Мироедам честь и место,
 Скачет регент впереди,
 Вот хор: «Гряди, гряди-ди
 От Лива-ана не-вес-то!»
 (От Деникинского стана.)
 «Этот — лучше Колчака!» —
 Стонут сладко живоглоты.
 Хор глаза уставил в ноты,
 А в окно глядит... Че-Ка!

(Правда. 1919. 23 августа.)

К нам! К нам!
 Нынче Тихон служит сам!
 — А у нас, а у нас
 Знаменитый дьякон-бас!
 Хором певчих слух пленим.
 Там во все колокола
 Церковь гомон подняла.
 На заборах прокламашки
 Клеют служки и монашки.

(Безбожник. 1923. 12 августа.)

1921, Москва

Из отчета о деятельности МЧК за время с 15 июня по 1 июля 1921

Внимание духовенства за последнее время направлено по преимуществу на возбуждение и усиление религиозных чувств и настроений в широких массах населения, и ввиду этого деятельность его главным образом выражается в устройении крестных ходов и процессий из церкви в церковь, приурочивая их к каким-либо годовщинам, согласно местным преданиям, в служении молебнов на домах, в церквах и на открытом воздухе, обставляя все это большой пышностью, совершая служения нередко собором, в составе духовенства нескольких церквей и при участии епископов, выделяя для этого из своей среды лучшие силы, как, например, епископ Дмитровский Серафим [Звездинский], Верейский Иларион [Троицкий], московский протодиакон Розов, священник Кедров и др., и привлекая артистические силы московских государственных театров. Кроме исключительно церковных церемоний устраиваются также духовные концерты в церковных помещениях с участием артистов государственных театров. Такой концерт, например, был устроен 12 июня в Московском уезде, в Ленинском районе, в Перервинском мужском монастыре, с продажей билетов, коих было продано на 4 миллиона.

Православная Москва. С. 472—473.

Начало 1920-х, Москва

...Я продолжал прислуживать в церкви [Николы в Плотниках] и после смерти о. Иосифа Фуделя, при новом священнике [протоиерее Владимире] Воробьеве. Он был хорошим батюшкой, и он потом за веру пострадал... <...>

Служил у нас в церкви как-то раз сам святейший патриарх Тихон и при нем знаменитый, огромный протодиакон Розов... Громоподобный бас его исходил, как из горы, и рядом с ним сам Патриарх казался маленьким и невзрачным, но от него исходил какой-то «тихий свет». Был в Москве и другой знаменитый протодиакон Холмогоров, который больше пел, чем провозглашал. Был он высокий, худощавый и рыжий, имел баритон. Помню его тоже в служении у нас в церкви. <...>

Научился я и звонить в колокола. Моя сестра Верочка [Вера Александровна Угримова¹⁰] очень музыкальна и обладает великолепным слухом. Она пела в хоре и даже была одно время у нас в церкви регентом (когда профессионального хора не стало). Ее многому научил наш милейший о. диакон, который приходил к нам, когда сестра заболела, и учил ее гласам, сам придумывая слова для запоминания гласа, например: «Наши с дровами приеха-а-ли»; или: «Я сама без каши остала-а-а-ла-ся, занимая отца диакона». <...>

¹⁰ В. А. Угримова (Рецикова) прожила долгую жизнь: вскоре она с семьей попала во Францию, где была псаломщиком и певчей в церкви митрополита Вениамина (Федченкова), после войны вернулась в Россию, была выслана из Москвы, позже занималась переводами на русский язык сочинений Владимира Лосского и консультировала регентов Свято-Тихоновского института в первые годы его существования.

Уже тогда среди образованной молодежи Москвы возник интерес к Православной Церкви. Моя сестра всецело принадлежала к этому движению, тесно общалась с церковными людьми (из которых я хорошо помню Марию Федоровну Мансурову, урожденную Самарину, Сережу Сидорова, Колю Киселева). Все они впоследствии, конечно, прошли длинный лагерный путь, а некоторые там и погибли (Сидоров). Это была талантливая начитанная молодежь, готовая достойно принять и нести огонь русской культуры, унаследованной от славянофилов и полностью уничтоженной. Даже моя двоюродная сестра Машура, скаут и мальчишка по натуре, лошадица и собачница, принадлежала к кружку отца Медведя — известного московского священника¹¹. <...>

Еще помню, как в начале 20-х годов по Москве прошла волна «обновления церквей» — то там, то тут вдруг купола начинали со дня на день блестеть, как заново покрытые, или какая-нибудь икона светлеяла и начинала сиять, как свеженанесенная. Я лично не наблюдал таких явлений, не очень-то верил в них и тогда. Но свидетели клялись, было много толков, а потом все затихло и про это как-то забыли...

Александр Угримов. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. С. 458—460.

1919—1920-е, Москва

Где найти слова, чтобы рассказать о вас, Толмачи?!

Вспоминая жизнь под кровом вашим, вижу не только быт наш в двадцатые годы, не только перекресток в Замоскворечье, тенистые сады, заросшие бурьяном дворы, белый чудный храм или красный кирпичный дом. Вижу большее. Самое необыкновенное из всего, что выпало на мою долю.

И слова мне были бы нужны особые... Жизнь влачилась в скудости — и кипела богатством. Возрастало утеснение — и расширялись дали.

Оплакивались горькие потери — и радостно приобретались друзья. Все обрвалось разрушением, разлукой, рассеянием. Но разрушение, разлука, рассеяние коснулись лишь внешнего.

Так происходил посев. Была раздача талантов. Можно было их умножить, можно зарывать в землю. Однако нельзя вернуть, чтобы избежать отчета...

...В Замоскворечье из Сокольников мы переехали 5/18 июля 1919 года, в Сергиев день. Через десять лет, в конце июня 1929 года, храм Сошествия Святого Духа, попросту — Николо-Толмачевский, был закрыт. Через полгода отец [новомученик священник Илья Четверухин] и мать вынуждены были перебраться на край Москвы, совсем. Вскоре арестовали отца. Он не вернулся. Мать переселилась к братьям, в комнатку, оставшуюся от прежней нашей квартиры, и прожила там тридцать пять лет, на углу Большого и Малого Толмачевских переулков, напротив изуродованного здания — бывшего храма. Потом и она уехала в другой район Москвы. <...>

¹¹ Протоиерей Роман Медведь, священномученик.

Прекрасен был наш белый храм!

Затерявшийся в тихих переулках, полуприкрытый крышами и деревьями, не привлекал он внимания прохожих. Пятиглавый куб главного храма был украшен простыми наличниками и изящными раковинами под карнизом, как у Архангельского собора в Кремле. Сбоку прилепились приделы, а над всем высилась красивая, стройная колокольня. Круглая темная лестница на нее, в толще стены, пугала, зато какой простор открывался из-под колоколов. Кремль был виден как на ладони. Золотая шапка Храма Христа Спасителя, Донской, Симонов, Новоспасский монастыри. Зеленая излучина Нескучного и Воробьевых гор. Трубы, крыши, сады. Облака чуть не задевают. На колокольне был хорошо подобранный набор колоколов, начиная с самых маленьких и звонких и кончая главным — весом 300 пудов (4,5 тонны), обладавшим чудесным бархатным басом.

В стены храма кое-где вделаны полустертые плиты с древней вязью, погост зарос сиренью, а вокруг — простая решетка между каменными столбиками. На погосте — вросшая в землю оградка — могила старосты церкви, убитого наполеоновскими мародерами на паперти храма, заполненного спасающимися от огня и насилий женщинами и детьми.

Внутри храма — белизна и тишина. Пение, чтение и осторожные шаги не нарушали тишины. Они таяли в ней, как огоньки лампад и свечей, растворялись в благоговейном сумраке. <...>

Толмачевский приход испокон веку не был многолюдным. К нему было приписано считанное количество особнячков, богатые хозяева которых — мануфактурщики Лосевы, рыбники Калгановы, книжники Ферাপонтовы, фабриканты-меценаты Третьяковы — умерли или уехали. В особнячках поселилась беднота.

После избрания отца в настоятели дьякон и псаломщик уволились... Хора не было. Дров тоже. И муки, и свечей, и церковного вина, и деревянного масла. Да не осталось и славных когда-то традиций. Они были нарушены предшественником отца, ученым протоиереем о. М. П. Фивейским, который все время отдавал науке, а церковные службы сократил до минимума.

Отец решил служить каждый день. Мама, имевшая музыкальное образование и хорошие слух и голос, стала постоянно читать и петь в храме. Мы с братом помогали в алтаре и забирались по праздникам на колокольню, учась звонить в колокола. В будни звонили снизу за длинную веревку в малый колокол.

Первую зиму храм искрился от инея. Богомольцы почти не приходили. Но всегда оказывалась нужная горсточка муки и на донышке масла, и служба не прекращалась, и мамочка вспоминала вдовицу из Сарепты Сидонской... Постепенно в храм стали заглядывать, приходиться, приезжать. Появились помощницы и помощники. Слагалось общество людей, уважавших и любивших друг друга и привязанных к храму и к духовному отцу. Потом их стали называть толмачевцами. Они стали похожи на родню. Все хотели принимать участие в уборке и украшении церкви, в пении и чтении. Аналоги с книгами спустились с амвона, стояли около клироса и не были отгорожены.

Пение в Толмачах повелось простое, обиходное, без вычурности. Употребляли «вятские», «владимирские», в торжественных случаях — «симоновские», «киевские» или «болгарские» напевы. Бортнянский казался светским и допускался редко. Чтение было неспешное, четкое, громкое. Папа довольно часто приходил к певчим, великолепно читал и учил этому других. Устав, по возможности, соблюдался. Жившие по соседству старообрядцы иногда заходили в наш храм.

Не только за обедней, но и за каждой службой произносилась проповедь. Иногда это была импровизация на прочитанный текст, приуроченная к теме дня или высказанным нуждам слушателей. В таких случаях отец, не готовясь заранее, приникал на несколько минут головой к святому престолу — и выходил на амвон. Говорить папа мог и час, и полтора. Речь его лилась ясно и свободно... В другое время было чтение бесед Иоанна Златоустого о нравственной ответственности человека за себя, за других, за полученные им блага: здоровье, имущество и прочее. Или творений пустынных отцов: аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина и других... <...>

Серафим Четверухин. Толмачи. С. 541—542.

1923—1926, Москва

М. В. Нестеров — С. Н. Дурылину, декабрь 1923

Как знать, если бы не стали мы лицом к лицу с событиями 17 года, я, вероятно, попытался бы еще более уяснить себе лик «русского» Христа, сейчас же приходится останавливаться над этими задачами и, по-видимому, навсегда их оставить.

Однако художники будущего еще не раз поставят себе задачей обрести путь к пониманию русского Христа.

М. В. Нестеров — А. В. Турыгину, 5 декабря 1924

Вчера и я был у Васнецова — хлопочем о Владимирском киевском соборе. Его забрала обновленческая группа, а так как у них денег нет (никто к ним не ходит), то и топить будет собор зимой нечем, а из этого вывод один — живопись собора погибнет.

М. В. Нестеров — С. Н. Дурылину, 1—3 августа 1926

Отпевание и погребение В. М. Васнецова

[В церкви Адриана и Наталии] гроб поставили перед «Распятием» — одной из самых последних работ Виктора Михайловича, подаренной своему приходу. Служил о. Александр, сослужило ему восемь священников и два диакона, один из них — великолепный протодиакон — сибиряк. Прекрасный хор, певший все время песнопения старых композиторов Бортнянского и Турчанинова... Прекрасное чтение Евангелия о. Иоанном Кедровым... <...>

Пока говорились речи — на [Лазаревское] кладбище с колокольни шел такой радостный, пасхальный звон. Это привезли Иверскую, и когда мы покидали клад-

бище, провожали икону, тоже со звоном, народу множество, тут и слезы, и умиление... и вот опять святая Русь!

Михаил Нестеров. Из писем. С. 293, 303, 314.

1925, Москва

Черкизово, церковь Введения «на платочках»

Они были в детстве крещены. Набожные семьи воспитали их в православной вере. Были они из разных семей. Родители некоторых из них имели доходы — кустарничали, у других родители были совсем никудышные — сапожники-пропойцы; ребенок мог быть из тихой мещанской служащей семьи, желавшей воспитать ребенка в своем неприятязательном духе ежедневного служения, да Бог не привел.

Они были разных возрастов. Рябая — старше всех, но смешлива, как малыш. Была еще вдова, довольно молодая, никто не знал, когда она стала вдовой, но все ее звали «вдова»; она была набожная и строгая. С ними были трое мужчин, видно, не очень большого разума и прилежания, охотно выпивавшие, когда подносили.

Может быть, они, такие далекие друг от друга, и не сошлись бы вместе, да уж так судьба решила — они хорошо пели, и их молитвенное ровное и стройное чистое звучание отверзало души слушателей. Вероятно, им и удалось бы быть хорошим, а то и лучшим хором, да беда, что они знали наизусть только несколько молитв да знали еще, как ведется служба, сопровождали ее, искренне выпевая полагающиеся песнопения, не меняя известную им мелодию на какую-нибудь другую. Когда их просили спеть «Многая лета», они пели, когда надо было спеть еще раз, они пели тот же самый вариант, и так много раз одно и то же. Если им говорили, что духовная музыка так несказанно богата, что одних «многолетий» существует в издании больше ста двадцати — только взять сборник да взглянуть в ноты, они угрюмо замолкали, а советчик, опомнившись, стыдливо отходил.

Они, такие голосистые и от природы музыкальные, не могли читать ноты. Они были слепы. Кто от рождения, кто от несчастного случая. Кто смиренно нес свое убожество, кто осерчал на весь мир. Поют они одни и те же молитвы, которые однажды слышали в храме, и сами понимают, что надо бы знать и выучить больше, да как это сделать? Слава Богу, дают спеть, слушают, а то и угостят.

Они пытались петь в разных храмах. Их хвалили, благодарили, но больше не приглашали. Конечно, один набор выученных молитв — это мало. Но была главная причина, по которой они не были желанными гостями на богослужении.

Во время богослужения хор своим пением следует за течением службы, соглашая свое пение с возгласами священника или диакона. <...> Если слышится возглас «и ныне и присно и во веки веков», то нужно спеть «аминь». Это так просто. Но не для слепых. Для людей со зрением есть рука регента, дающая начало и конец пения. <...> У человека, лишённого зрения, слух, как и осязание и обоняние, особенно обострен. Он может уловить любое колебание воздуха. И такое колебание может заменить руку регента. Итак, нужен звук. Он и есть невидимая рука невидимого

дирижера. Это звук — голос слепого регента. Он запекает, окружающие быстро, ловко, осторожно пристраиваются. <...>

Вот с чем пришлось столкнуться отцу Павлу, когда в храм Введения «на платочках», где он в то время регентовал, цепочкой, держась друг за друга, пришли слепые певцы и попросились попеть на левом клиросе, не беря на себя ведение богослужения, а только помогая ему.

В двадцатые—тридцатые годы... совершение богослужений проходило в неослабевающей тревоге. Каждое мгновение могла свершиться революционная кара — закрытие храма, арест молящихся, начиная с церковного служителя и кончая сторожем или случайным посетителем.

Ходить в храм стало опасно. <...> И совсем неудивительно, что богослужения иногда сводились к тому, что священник читал и пел и за себя, и за диакона, и за псаломщика, и за хор.

Слепцы знали, что их, тишайших, принять за противников власти при всем усилии невозможно. Поэтому они смело пели, не боясь, но просились они петь в храме на самое скромное место, зная особенности своего странного пения.

Отец Павел сам начал с ними заниматься. Прослушав певцов и поняв их сильные и слабые места, он стал расширять их репертуар. Из произведений для церковного хора, написанных многими авторами, надо было найти по возможности одолимые для слепых певцов. <...> Он пел, а они повторяли: отдельно один голос, потом второй, затем все вместе, потом еще раз, еще раз, чтобы мелодия вросла в поющего. <...>

Пока шли разучивания, отец Павел стучал камертоном по столу или по стулу, отбивая ритм пения. Как только камертон переставал стучать, ритм пропадал, пение растягивалось, размазывалось, необходимая стройность уходила.

Нужен был какой-то ориентир. То ли стук, то ли щелчок, то ли скрип, причем звук должен был быть четкий и очень тихий. Тогда кто-то из слепцов предложил стучать по пустой спичечной коробочке. Пустая коробочка от стука резонирует, стук, как легкий щелчок, обостренный слух слепцов его воспринимает, окружающим он совсем или почти совсем не слышен. Слепые певцы сами щелкали по коробочке и пели. <...>

Во многих храмах хоры распадались. Безденежье, опасения, а то и просто страх уничтожали когда-то прекрасные коллективы. Настало время, когда все меньше оставалось храмов и еще меньше в них хоров. На клиросах стояли (если вообще стояли) несколько человек, и все знали, что за свое пение во славу Божию они могут подвергнуться каре, сроки и формы которой неизвестны и поэтому особенно грозны.

Только жалкая цепочка держащихся друг за друга слепых певцов продолжала приходить в храм, постукивая перед собой палкой. Слепцы в храме пели с особым прилежанием, и когда у них почти пропали преследовавшие их недостатки, обнаружилась особенность, присущая пению и характеру именно этих певцов — талантливых и немощных, вдохновенных и убогих. В их пении, что бы они ни пели,

был какой-то беспокойный, необъяснимый стон, который делал пение этих слепых особенно волнующим, стон, вносивший щемящий оттенок даже в светлое «Христос воскрес!»¹²

Георгий Ансимов. Уроки отца, протоиерея Павла Ансимова, новомученика Российского. С. 35—40.

1926, Москва

12 февраля 1926

Был на редком для Советских порядков концерте: слушал «Всенощную» Рахманинова, красота которой здорово поблекла от исполнения с плохой звучностью, нечистыми интонациями и искажениями авторского текста и ремарок. Где же роль дирижера?!¹³

18 декабря 1926

Навестил скончавшегося А. Д. Кастальского. Печальная и тяжелая потеря. Станный рок, судьба, что умирают музыканты на букву К! Как юбилей Катюара, так и юбилей Кастальского Консерватория проспала, — странное, недопустимое отношение М. Г. К. к квалифицированным музыкантам и деятелям, столь вообще ведь малочисленным...¹⁴

Сергей Евсеев. Фрагменты записных книжек. 1922—1932.

1926, Москва

Недалеко от Варварских ворот, в тихом переулке, и доньше стоит чудный старинный храм Святой Троицы [в Никитниках]. В то время храм уже был закрыт. Только внизу, в полуподвальном помещении, где находился чудотворный образ Грузинской Божией Матери, еще совершалась служба. <...> Под Крещение, в одиннадцатом часу ночи мы пошли туда.

Низкий тусклый иконостас, низкие своды, сырые стены, маленькие окна под потолком, холод, дым — таковы были наши первые впечатления. Служил священник лет пятидесяти, лысый, немного опухший. Тонким хрипловатым голосом

¹² Есть сведения, что позже, перед 1943, слепые пели в Богоявленском (Елоховском) соборе. В очерке, посвященном истории храма Воскресения Христова в Сокольниках, утверждается, что хор слепых был создан вскоре после освящения (1913) по мысли строителя и настоятеля этого храма о. Иоанна Кедрова (газета «Возглас». 2014. № 2, апрель). Традиция поддерживается в этом храме до сих пор за ранними литургиями.

¹³ Дирижером исполнения Всенощной в Большом зале консерватории при участии Государственной капеллы был П. Г. Чесноков. См. отзывы об этом событии в посвященном Чеснокову разделе, а также в разделе «Пролетарские журналы».

¹⁴ На самом деле вечер к юбилею Кастальского готовился; композитор не дожидаясь до него нескольких дней. См. подробнее в V томе РДМ.

он старательно произносил ектеньи, и он же вместе с молящимися пел «Господи помилуй» и другие песнопения, которые полагалось петь по уставу. Пели благозвучно, часто ошибались, но с вдохновением. После литии почти все свечи и лампы были погашены, и храм погрузился во мрак. Молящиеся — их было немного, человек тридцать — сели на скамьи и сидя слушали поучение, полагавшееся на этот праздничный день.

После чтения поучения и кафизм все светильники вновь были зажжены, и певчие дружно запели псалом «Хвалите имя Господне», и не в четырех стихах, как поется обычно в храмах, а полностью. В этот момент из алтаря вышел священник, держа в руке пучок горящих свечей, которые были тут же розданы молящимся. В храме стало светло, тепло и богато. Большие восковые свечи перед иконами горели ярко; подсвечники блестели золотом; паникадило сияло от восковых свечей; тихо мерцали разноцветные лампы; белоснежные узорчатые полотенца нежно облегли темные лики старинных икон; лица молящихся светились радостью, а певчие дружно, обиходным московским распевом продолжали петь стихи хвалебного псалма. «Иже порази языки многи и изби цари крепки», — пели вдохновенно на одном клиросе, и столь же вдохновенно продолжал другой клирос: «Сиона, царя Аморрейска, и Ога, царя Васанска, и вся царствия Ханаанска».

Окончив этот псалом, певчие с еще большим подъемом запели другой псалом, в котором повествуется о том, как велик и чуден наш Господь Бог. По окончании этого псалма пели величание. Последний раз величание пели все присутствующие в храме. Это был момент наибольшего молитвенного подъема. Было так радостно, так светло, так празднично, как бывает только на Пасху. <...>

...В молитвенной тишине закончилась праздничная утренняя. Был ранний утренний час, хотя и было еще темно. Искренняя молитва, простые люди, простое пение, теплый свет восковых свечей и лампад, уставной порядок, ночное время, полуподвальное помещение, напоминавшее время жизни первых христиан, — все это не могло не оставить в нас глубокого впечатления. <...>

Мы стали посещать этот храм и мало-помалу сжились с ним. В нем все было убого, нищенски и в то же время все просто, искренно и совсем необычно. <...> Нас, вошедших в общину, было семь человек. Некоторые из нас взялись помогать в хозяйственных делах, а другие стали на клирос, чтобы осваивать церковное пение. А это дело было нелегким. Гласов-то — восемь стихирных, да восемь тропарных, да восемь распевов канонов, да восемь прокимных. Всего тридцать два. А к ним надо еще прибавить целый ряд других обиходных напевов. Хотя руководителя у нас не было, но мы все-таки не утонули и даже кое-чему научились, имея в руках ценнейшие сборники обиходных распевов синодального издания.

Самое дорогое для нас было то, что мы вошли в строй уставной церковной службы с ее божественно мудрой красотой. <...> По окончании службы была братская трапеза. Она была убогая, так, кое-что, но и в ней сладость духовная была неизъяснимой. Она была отзвуком «вечери любви» первых христиан (С. 24—26).

Протоиерей Сергей Голощапов <...> был убежден, что уставное богослужение найдет горячий отклик среди верующих и поддержка ему будет обеспечена. Но этому не суждено было осуществиться. Оказалось, что совершение уставных служб с «неуставными» людьми было таким трудным и неблагодарным делом, что даже и любители старины не проявляли рвения к тому, чтобы его поддержать. <...> В 1927 году [после Декларации митрополита Сергея] в числе его непримиримых противников и оказался настоятель Грузинской общины протоиерей Сергей Голощапов.

<...> Это вынудило нас искать для себя новое прибежище.

[Таковым стала церковь Космы и Дамиана в Старопанском переулке.]

Но и на новом месте враг рода человеческого позавидовал нам, и однажды на нашу крохотную общину обрушился удар: пятерых из нас арестовали. Это случилось в ночь на 29 октября 1929 года.

[Архимандрит Сергей (Савельев)]. *Далекий путь*. С. 24—26, 39—40.

Священномученик Сергей (Голощапов)

В 1917—1918 годах в Москве проходил Поместный Собор РПЦ, к работе которого Сергей Голощапов был привлечен в качестве делопроизводителя, и здесь он познакомился с Патриархом Тихоном. <...> Окружающие страдания, гонения, любовь к отечеству привели его к решению принять сан священника, которое окончательно утвердилось после беседы с Патриархом Тихоном. В феврале 1920 года Сергей Иванович был рукоположен в сан диакона, а в мае того же года — в сан священника и назначен настоятелем храма святителя Николая в Покровском, напротив Покровской общины сестер милосердия. <...> Кроме богослужений он организовал при храме некое подобие начальной школы для прихожан, где в доступной форме разъяснял содержание Священного Писания, церковных служб и учил прихожан церковному пению. <...> Уйдя из Никольского храма, отец Сергей служил без зачисления в штат в Никольском единоверческом монастыре, где в то время служил его товарищ по Московской Духовной академии епископ Никанор (Кудрявцев). <...>

В 1926 году отец Сергей был назначен настоятелем в храм Св. Троицы в Никитниках. <...> 30 сентября 1929 храм был закрыт, а 28 октября его настоятель был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. <...> 20 ноября Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Сергея к трем годам заключения в Соловецком лагере. <...> Летом 1931 года протоиерей Сергей был выслан в город Мезень Архангельской области. <...> Летом 1934 года он с женой поселились в Можайске Московской области. <...> В крохотной комнатке, которую он снимал в Можайске, отец Сергей устроил маленький алтарь и здесь совершал утренние и вечерние службы¹⁵.

¹⁵ По воспоминаниям музыковеда Ю. С. Корева (год рождения — 1928), в его детстве (до 9 лет) отец Сергей давал в Москве на дому уроки Закона Божия, что отражено и в свидетельских показаниях о. Сергия: «Периодически я давал уроки на дому в Москве» (Дамакин. С. 254). Мать Ю. С. Корева была из «непоминающих», то есть из не принимавших митрополита Сергия (Страгородского) как местоблюстителя патриаршего престола и не поминающих его за богослужением.

Протоиерей Сергей был арестован 7 декабря 1937 года во время совершения всенощной. Расстрелян 19 декабря 1937 года.

Игумен Дамаскин (Орловский).

Мученики, исповедники и подвижники благочестия РПЦ XX столетия.

Кн. 7. С. 248—256.

18 января 1926, Москва

Протокол заседания Главного репертуарного комитета

Совершенно секретно

Присутствовали: тт. Пельше, Маркарьян, Бирже, Блюм, Мельников.

Постановили:

А) об исполнении духовной музыки.

Принять предложения т. Рославца за основу инструкции, каковую разослать местным органам, предварительно согласовав ее с комиссией по церковным делам при ВЦИК. <...>

Докладчиком в Комиссию выделить тов. Рославца.

Приложение к протоколу из предложения политредактора тов. Рославца

1. По вопросу о публичном исполнении музыкальных произведений церковного и религиозного характера.

Считать возможным исполнение муз. произведений церковного и религиозного характера (так. наз. «духовной» музыки) при соблюдении следующих условий:

- 1) В случае устройства исполнений частными организациями и лицами такие должны происходить исключительно в храмах и им подобных помещениях (синагогах, молитвенных домах и т. п.), без оповещения об исполнении местного населения посредством печати (газетные объявления, афиши, листовки и т. п.).
- 2) Исполнения, устраиваемые государственными или общественными организациями в культурно-просветительных целях, могут происходить в любых помещениях по их выбору, причем они имеют право оповещения населения любыми удобными для них способами.
- 3) Правила эти не исключают обычного порядка получения организаторами исполнений от установленных госорганами разрешений на устройство исполнений или печатание объявлений о концертах.

2. По вопросу о печатании и распространении музыкальных произведений церковного и религиозного характера.

Внести в Главлит следующие предложения:

Считать возможным разрешение на печатание музыкальных произведений церковного и религиозного характера (так называемой «духовной» музыки) при соблюдении следующих условий:

- 1) издателями таковых должны являться исключительно частные лица, не ограниченные законом в правах;
- 2) продажа изданий должна производиться из собственных складов или магазинов, торгующих предметами культа;
- 3) для издателей остается в силе обычный порядок получения от Главлита разрешений на печатание своих изданий.

Леонид Максименков. С. 62—64.

1927, Москва

В храме Всемилоственного Спаса на Б. Спасской исполнена Литургия св. Иоанна Златоуста А. А. Оленина хором под управлением Н. Н. Драчева — к 30-летнему юбилею композиторской деятельности автора (*см. подробнее в материале «Народная литургия»*).

1929, Москва

Бутырская тюрьма

Состав камеры был разный, немало было верующих. Уже в один из первых дней мы, собравшись в кучку, стали тихонько петь. Кто не знает «Не имамамы иныя помощи...», «Под Твою милость...» и т. д. Были хорошие голоса, особенно два альта. Одна из них была послушницей какого-то монастыря, лет 17—18-ти (позднее она «канонаршила» многое на память), а вторая была работница какого-то завода. <...> Однажды кто-то заметил, что в «глазок» смотрят. Мы замолчали и вдруг услышали голос:

— Пойте, пойте, дорогие. Я вам постучу, если нельзя будет.

С этих пор мы уже не стеснялись...

[Архимандрит Сергей (Савельев)]. Далекий путь.

Из воспоминаний матушки Евфросинии

(сестры архимандрита Сергея Савельева). С. 55, 61.

1920-е, Москва

Храм свт. Николая в Кленниках

Отец Алексей и отец Сергей [Мечевы] не признавали «нотного» пения в храме, считая, что оно мешает молитве, затягивает и обезличивает богослужение, развлекая «оперными» напевами, изобретенными неверующими композиторами. Простые древние напевы создавались глубоко верующими и, быть может, святыми людьми. На Маросейке пение было простым — на гласы. Пользовались старинными напевами (Херувимская песнь — Симоновская, Скитская, Софрониевская), а литургийный канон в будни и в праздники пелся просто — на двух нотах. Отец Сергей не позволял петь его иначе, чтобы разнообразие не мешало молитве в высшие моменты богослужения. В последние годы стало вводиться пение стихир на «подобны» Оптинского роспева.

Отец Сергей любил «красоту церковную» во всех ее проявлениях. Любил и понимал древнюю иконопись и старался духовных детей просвещать, объясняя сам, посылая на выставки икон и лекции о древней иконе... Любил отец Сергей красивые старинные парчовые облачения и старался приобретать их для храма, хотя в будни всегда служил в простых холщовых.

Богослужение не было растянутым, но по возможности полным. «Не по-монастырски служим, а так, как полагается по богослужебным книгам», — говорил он. Пение с канонархом помогало глубже понимать стихиры и чувствовать их.

*Маросейка. Жизнеописание о. Сергия Мечева.
Письма. Проповеди. Воспоминания. С. 81—82, 365.*

До того времени богослужение в маросейском храме совершалось по общепринятому в приходских храмах порядку, при участии наемных певчих и довольно сокращенно. Особенностью было только совершение утрени с вечера, тогда как везде она предвляла Литургию.

Но когда около батюшки сплотились ревнители духовной жизни, создалась возможность более точного соблюдения устава. Инициатором этого был о. Сергей Мечев, особенно его поддержали духовные дети владыки Арсения (Жадановского), привыкшие к чину церковной службы Чудова монастыря. Сам Батюшка [о. Алексей Мечев] тяготился и поспешностью, и сокращением службы, и театральным пением наемного хора, и неблагоговейным служением своего старого диакона.

Конечно, он благословил начинание о. Сергия и однажды обратился к чудовским «прихожанкам»: «Я откажу наемным певчим, которых прямо-таки не переношу, а пойте и читайте вы». Старшей из них он предложил быть канонархом, поскольку она четко и громко произносила стихи, и народ мог без труда за ней петь стихиры: «Я надеюсь, что с Божией помощью, — сказал он, — вы справитесь с церковной службой. Господь да благословит вас начать и исполнить это дело».

На первых порах большая длительность богослужения, новые, более строгие порядки вызывали недовольство и ропот у прихожан, но Батюшка не любил отступать от раз принятого пути, ободрял и клиросных, и всех остальных: «Ничего, не смущайтесь, потом все будут утешаться и вас благодарить. А я таков, что если в добром деле на пути встают препятствия, то мне тем более хочется их преодолеть». <...>

Батюшка был очень музыкальным человеком, любил строгое и молитвенное пение и потому не любил за богослужением концертов, создающих *настроение*, а не *устроение*.

Но и при введении уставного богослужения долго не налаживалось такое пение. Пение в храме в основном было общенародное, но ведущими должны были быть клиросы, а тут было много недочетов, на что некоторые богомольцы Батюшке жаловались. <...>

Однажды побывала у Батюшки регентша одного из закрытых монастырей — вероятно, она приходила за советом, как ей лучше устроить в дальнейшем свою жизнь. Батюшка попросил ее наладить пение в его храме, взяв на себя то же послушание, какое она несла в своем монастыре. Она согласилась, но недолго выдержала, хотя Батюшка не раз ее одобрял, поддерживал, советовал потерпеть и подождать. «А если уйдешь, — сказал он ей наконец, — то выйдешь замуж». (Трудность заключалась в том, что в монастыре она привыкла к постоянному составу певчих, а клиросные маросейского храма не были певчими-профессионалами, все они или были обременены семьями, или служебными обязанностями, в силу чего не могли регулярно посещать спевки, а иногда и само богослужение, что парализовало усилия регента.) Она так и не выдержала Батюшкиного послушания, покинула храм и действительно вышла замуж.

Предложил однажды Батюшке свои услуги и регент прославленного Синодального хора, известный всей Москве Николай Михайлович Данилин. Он, видимо, чем-то был обязан Батюшке и в качестве благодарности хотел ему помочь в том, в чем Батюшка в данное время больше всего нуждался. Но и Данилин продержался всего месяца полтора-два, так как встретился с теми же трудностями, что и регентша-монахиня.

Только когда из самого хора подросли одаренные слухом и музыкальными способностями девушки, хорошо познавшие особенности маросейского клиросного послушания, то их трудами, взаимным терпением друг друга, а главное, молитвами, неусыпным надзором и попечением Батюшки над каждым пение постепенно получило подобающее благолепие и слаженность.

Поначалу регенты допускали некоторые вольности, например выбирали для пения тот глас, который казался им полегче, чтобы пение получалось более стройным и дружным, но Батюшка не позволял этого делать. Не позволял он и выбирать стихиры по своему усмотрению (какие казались певчим более содержательными), наказывая брать то, что установлено, и петь непременно на указанный в богослужбной книге глас. «Когда я был псаломщиком в храме Знамения Пресвятой Богородицы (на Знаменке), — при этом вспоминал Батюшка, — однажды ошибся и взял стихирю на “Господи воззвах” с малой вечерни. Настоятель как выбежит из алтаря да ударит меня по щеке: “Так-то ты закончил семинарию, чтобы исказить устав Святых Отцов, которые Духом Святым его составляли!”»

На вопрос, почему нельзя менять гласы, Батюшка говорил: «Потому что каждая стихира по смыслу и гармонии подходит именно к тому гласу, который указан. Вот, например, какая-либо стихира покаянная, умилительная помечена 8-м или 3-м гласом, а ты запоешь 5-м или 4-м — и уже нет того умилительного чувства. Ну запой стихирю на 5-й глас, и что получится у тебя и у всех молящихся? Вот, взгляни, — в Минее или в Октоихе на “Господи воззвах” все меняются гласы. И это не потому, что как вздумали, так и написали. Нет, — твердо сказал Батюшка, — так по внушению Святого Духа Отцы Церкви составили твердый порядок стихир, и каждый глас по музыке гармонирует со смыслом песнопения. Поэтому прошу

тебя, Манюшка, не смей менять гласы по своему измышлению. Они составлены Святыми Отцами Духом Святым в строгом согласии смысла напева этой святой музыки. И в этом состоит наша молитва и симфония Божия, которая пелась у Святых Отцов и в их сердцах. И пусть лучше певчие сокрут разок-другой, зато потом научатся. И если кто будет шуметь и не слушаться, все мне скажи, а я уж знаю, кому что сказать».

Со временем молитвами Батюшки и еще более трудами отца Сергия (Мечева) после Батюшки певчие и богомольцы поняли силу и красоту строгого церковного пения.

Священник Георгий Тревогин. Батюшкина любовь. С. 253—255.

1920-е, Москва

Вспоминаю, как с увлечением я пел на правом клиросе Покровской церкви в родном городе Рыбинске и как с трепетом воспринимал произведения Бортнянского, Чеснокова. Позже, будучи студентом, певал в церковных хорах Москвы, в частности в храме Св. Троицы, что на Шаболовке. Там же я впервые услышал могучий бас Максима Дормидонтовича Михайлова. «Великая ектенья» в исполнении великого протодьякона производила ошеломляющее впечатление. Кстати, церковь Троицы была последним объектом общения выдающегося певца с церковной службой перед переходом его солистом в Большой театр.

<...> Эта страница в биографии А. В. Александрова по понятным причинам замалчивалась. Художественно-исполнительские качества и проникновенная духовность церковного хора Храма Христа Спасителя, созданного Александровым, вполне соответствовали величию и великолепию неповторимого по красоте православного собора. Я неоднократно посещал богослужения в этом храме, проходившие при участии хора Александрова.

Трудно найти подходящую характеристику удивительной акустике собора. Она была, как бы сказать, поистине божественной, всепроникающей. Изумительное ее качество проявлялось совершенно чудотворным образом, когда тишайший звук проникал в самые укромные уголки. Однако даже при переполненном помещении сильно проявлялся эффект эха, красоту которого нельзя передать словами. Казалося, хору певчих отвечает сонм ангелов и святых, запечатленных на стенах храма кистью великих русских художников... Для Александрова это волшебное свойство было предметом особой заботы. Он говорил, что хору трудно приспособляться к такой акустике, особенно при исполнении подвижных частей песнопений; «жаловался», что после снятия любого аккорда необходимо выработать навык «выживания», то есть научиться ждать, когда смолкнет эхо от предыдущего созвучия, и лишь потом продолжать пение. <...>

А рядом с Храмом Христа Спасителя в то же время был построен красивый трехэтажный дом. Он сейчас стоит на своем месте и охраняется как памятник

архитектуры. Он был предназначен для проживания в нем священнослужителей храма. Удостоился этой чести и молодой регент Александров...

Владислав Соколов. Жизнь в хоровом искусстве. С. 206, 81.

1920-е, Москва

...Внешне и внутренне, стилистически, [Серафимо-Дивеевское] подворье перекикалось с Марфо-Мариинской обителью: оба эти здания были проникнуты одним настроением. Там и тут чистота и порядок были идеальными. <...>

Пели монахини подворья прекрасно. Хор имел какое-то совершенно своеобразное звучание; ансамбль был настолько спетым, что слышался как бы единый нежный звук какого-то неведомого музыкального инструмента вроде небольшого органа или фисгармонии. Поэтому, когда в порядке очереди с другими московскими монастырями на Троицком Патриаршем подворье пели монахини Серафимо-Дивеевского подворья, то служение Святейшего Патриарха Тихона приобретало особо нарядный и очень своеобразный колорит. Впрочем, это было нечасто.

<...> По определенным дням недели в часовне совершалось молебствие с чтением акафиста преподобному Серафиму, и тогда проникнуть в нее бывало невозможно. В таких случаях часть богомольцев, не попавшая внутрь, толпилась снаружи, на тротуаре.

Часовня была закрыта в 1929, ныне подворье возобновлено.

М. Е. Губонин. Кратко о Серафимо-Дивеевском подворье в Москве / Акты... С. 281—282.

ПЕТРОГРАД / ЛЕНИНГРАД

1917, Петроград

24 апреля состоялось общее собрание певчих Митрополичьего хора, которые выбрали своим депутатом в Петроградский совет певчего В. И. Сильванова, избрали двух представителей в Духовный Собор Лавры, свой руководящий орган — исполнительный комитет, а также выдвинули ряд экономических требований, прежде всего повышение жалованья. Волна недовольства охватила и певчих братского хора. 26 апреля они провели свое собрание, на котором выбрали исполнительную комиссию из четырех человек, признали Сильванова общим депутатом двух хоров в Петросовет и также выдвинули ряд экономических требований. 2 мая Духовный Собор, заслушав эти претензии, постановил указать послушникам «жить в Лавре на тех условиях, на которых они поступали, а недовольным предложить оставить обитель». Это решение было утверждено архиепископом Вениамином (Казанским).

Негативно отнесся Духовный Собор и к требованиям исполкома Митрополичьего хора. 4 мая он известил архиепископа Вениамина о своем мнении, что «пред-

ложенное является совершенно неприемлемым, особенно при тяжких во всех отношениях переживаемых ныне обстоятельствах», и вообще Собор не признает себя вправе проводить реформы до избрания и вступления в управление Лаврой ее священноархимандрита — митрополита Петроградского. 5 мая Владыка написал резолюцию: «Согласен», и 6 мая об этом известили исполком. В ответ в тот же день на общем собрании взрослых певчих Митрополичьего и братского хоров они «ввиду явного нежелания Духовного Собора идти мирным путем к разрешению вопросов, выдвинутых певцами, единогласно решили бороться с Духовным Собором всеми доступными им мерами» и заявили об отказе «исполнять службы и требы впредь до удовлетворения их требований»,

Этот конфликт стал широко известен в городе. 8 мая в газете «Новое время» появилась заметка «Комическая забастовка», а затем было опубликовано письмо в редакцию В. Сильванова «О комической забастовке».

М. В. Шкаровский. РПЦ в XX веке. С. 64.

Осень 1918, Петроград

Храм Рождества Пресвятой Богородицы был устроен в 1891—1896 годах при Консерватории ИРМО в ходе перестройки для нее возведенного в XVIII веке здания бывшего Большого театра. Церковь заняла большой двусветный зал на верхних — третьем и четвертом этажах передней части здания, над главным входом. На третьем этаже также размещались помещение ризницы и церковная комната. Храм был устроен по проекту архитектора В. В. Николая и оформлен в стиле XVII века. Его роспись выполнили художники В. В. Беляев и А. П. Рябушкин, последний также написал иконы в двухъярусном дубовом иконостасе. <...>

После издания инструкции Наркомата юстиции о закрытии всех домовых храмов при правительственных, учебных, медицинских и т. п. учреждениях художественный совет Консерватории обратился в Наркомат с ходатайством о сохранении консерваторской церкви. Оно увенчалось успехом, и 23 октября 1918 года заведующий Музо Наркомпроса Артур Лурье написал руководству Консерватории, что «нарком А. В. Луначарский присоединяется к мнению Музо о том, что как учреждение, дающее возможность особому образцовому хору знакомить учащихся специального класса композиции с необходимыми теоретическими познаниями в области духовной музыки, сохранить церковь Консерватории, в виде исключения, представляется желательным и полезным».

Это письмо более трех лет сохраняло храм от закрытия¹⁶.

М. В. Шкаровский. Город на все времена. С. 358—359.

1919, Петроград

Когда Пятя [Павел, брат мемуариста] выздоровел, но был еще слаб и не мог приступить к работе, мы 27 июля 1919 пошли в церковь вмч. Пантелеимона, где был престольный праздник. Служил митрополит Вениамин [Казанский]. Было много

¹⁶ См. подробнее далее в статье В. Р. Миллера.

священников, но мое внимание больше всего привлекли диаконы, которых было трое. Незнакомый мне протодиакон был довольно молод, имел могучую фигуру и был как гражданское лицо. Когда началась служба, все поразились его очень сильному и красивому басу. Пята спросил кого-то из молящихся, откуда протодиакон. Ему ответили — из Сенновской церкви. Звали его Михаил Лебедев¹⁷. Вторым диаконом был Алексей Алексеевич Быстревский, много лет служивший в Пантелеимоновской церкви и уже состарившийся. В третьем диаконе я, к своему удивлению, узнал баса из хора Казанского собора, которого мы с Сережей прозвали «Чубом». Нам недавно прочитали «Ночь перед Рождеством», и мы наглядно представляли себе, как должен выглядеть казак Чуб.

Василий Дягилев¹⁸. Из моей долгой жизни. С. 87.

1920, Петроград

Когда мы входили в [Казанский] собор, в глаза сразу бросалось большое Распятие, стоявшее напротив, в конце южного крыла. Слева от входа находился северный придел преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских. На правом клиросе придела находилась икона св. Митрофана Воронежского, около которой часто молилась наша мама. Как я помню, в северном приделе служб не было, а если они и были, то крайне редко. При ближайшем пилоне находилась кафедра проповедника, несколько сходная с католической. Одно время на ней размещались псаломщики, но чаще они читали с архиерейского места. Однажды с кафедры выступал с богословской лекцией Ф. К. Андреев, в то время еще не имевший сана священнослужителя и потому облаченный в стихарь. <...>

В правом приделе Рождества Богородицы служили очень часто. Ежедневно бывали ранние обедни, на которые мы ходили постоянно, особенно если служил о. Тимофей Налимов. Я часто стоял в алтаре, и мне позволяли отдергивать и задергивать завесу. Внимательно следя за порядком службы, я запомнил его на всю жизнь. <...>

О службах в Казанском соборе и о замечательном хоре, которым руководил В. А. Фатеев, можно написать большую книгу. Ограничусь рассказом о двух священнослужителях, особенно запомнившихся: протодиаконе Илье Евгеньевиче Аркадьеве¹⁹ и протоиерее Тимофее Александровиче Налимове. Аркадьеву в то время было лет за сорок. Протодиаконом он стал недавно, после смерти старого И. Т. Федорова. Он был ниже среднего роста, брюнет с лысинкой и с небольшой черной бородой. Жил он в доме № 3 или 5 по Казанской улице. <...> Илья Евгеньевич был очень музыкален и руководил хором, составленным из диаконов всего города. Мне довелось присутствовать на концерте этого хора в Казанском соборе. Говорили, что Аркадьев певал и в опере — исполнял с большим успехом партию Мефистофеля в «Фаусте».

¹⁷ См. о нем в разделе «Диаконы».

¹⁸ Василий Валентинович Дягилев, племянник Сергея Дягилева.

¹⁹ И. Е. Аркадьев был вторым помощником И. Я. Тернова в Митрополичьем хоре в первой половине 1910-х, автор духовно-музыкальных сочинений.

Помню, как перед обедней Аркадьев, в зеленой рясе и широкополой шляпе, идет по правому крылу колоннады. Мы подбегаем к нему, здороваемся и спрашиваем, когда начнется служба. «В свое время, в 10 часов», — отвечает протодиакон, тем же размеренным шагом продолжая путь. Аркадьев был подлинным артистом. Ектеньи он произносил спокойно, без лишних «рулад», обычно на одной ноте, не гоняясь за ложным эффектом. Особенное впечатление оставалось от чтения Евангелия и еще больше от выклички. Начинал он выкличку на умеренных тонах: «И господина Преосвященнейшего Алексия...», постепенно давал крещендо, уходя в алтарь и заканчивая нараспев: «Го-о-осподу и Богу нашему». Возвращаясь на амвон, он начинал на низких нотах пиано: «О честнем пресвитерстве...» Далее постепенно усиливал и повышал звук. Когда доходил до слов: «И помышляющих кийждо их о своих согрешениях», его голос звучал мощно и разносился по всему храму. «И о всех и за вся...» Произнося эти слова, он выставлял вперед губы и нижнюю челюсть, отчего резонанс еще более усиливался. Громогласное «и о всех и за вся» хор подхватывал, но не мог перекрыть эхо от колоссальной силы, оставшейся после выклички протодьяконского баса. Иногда во время будничной службы Аркадьев увлекался пением и забывал о необходимости начать вовремя ектению.

К сожалению, умер Аркадьев рано. В 1922 он долго болел пневмонией, осложнившейся плевритом. Без него прошел Великий пост, Страстная неделя и Пасха. В середине весны протодиакона не стало.

Василий Дягилев. Из моей долгой жизни. С. 89—91.

1920, Петроград

...В 1920 году, прибыв однажды в Дом ученых, я узнал от академика Н. Я. Марра, что только что скончался академик А. А. Шахматов от последствий голода и непосильных личных физических трудов по рубке, колке и переноске дров. На панихиде по нем с большим чувством пел тенором библиотечарь университета и Географического общества И. П. Мурзин. Около того же времени умер от дизентерии академик-египтолог Б. А. Тураев, у которого я успел приобрести экземпляр его печатного курса истории Ближнего Востока. Говорили, что он скончался в то время, когда сам пел себе отходную. Удивительная сила человеческого духа! Женат он был на старинной знакомой семье Ламанских Елене Филимоновне Церетели, сделавшей потом «монахиней в миру».

Вениамин Семенов-Тяньшанский.

То, что прошло. С. 405.

1921, Петроград

Было этой весной и другое памятное совпадение дат: Светлое воскресенье пришлось на 1 мая, когда, по установившемуся революционному обычаю, всем школьникам надлежало шествовать процессией по указанному маршруту, за красным флагом. Однако на сей раз их оказалось необычайно мало. Зато утро Фомина воскресения отметилось небывалым стечением народа в стенах и около

Александро-Невской Лавры, потому что... там собрали с иконами и хоругвями все приходы города, включая, конечно, и наш, пустившийся в путь от подъезда Первой гимназии. <...> В самом конце вытянувшегося чуть ли не на километр крестного хода выступал Лаврский клир в блистательном подборе золотых риз и посреди него благословлявший окружающих дикирием и трикирием Митрополит [Владимир].

Борис Лосский. Наша семья в пору лихолетия 1914—1922 годов. С. 81—82.

1921, Петроград

6/19 апреля

В воскресенье, 4 августа, я служил первый раз литургию в Казанском соборе и говорил слово. Пели удивительно хорошо, хор огромен, гибкий в руках Фатеева, и исполнение прямо художественное, словно инструмент (хор стоит полтора миллиона в месяц...), кроме того, песнопения все были строго церковного характера. С этой стороны ничего лучшего желать нельзя.

9/22 апреля

Жду с большой любовью, когда Вы приедете сюда... А я согреюсь и утешусь общением с Вами. С праздником собора Вашего Вас поздравляю²⁰. Он теплее чувствуется у Вас, чем здесь, в громаде Казанской, где народ, чуждый тебе, созерцает с любопытством пышное служение и где души мало чувствуется. Пойдем мы с Вами, Бог даст, в единоверческий храм ко всеобщему бдению и там окунемся в древлецерковную атмосферу²¹. Я рад служить там в Великую Субботу и готовлюсь к служению по старопечатному чиновнику!

3/16 апреля

Эти дни я служил все в Казанском соборе. Служба здесь — я не сказал бы торжественнее наших [новгородских], она обстановочная, но эта обстановочность сама по себе не дает настроения, какое дает согласованность действий, благоговейная торжественность и уставность. Здесь что хорошо, это — протодиакон со стороны художественности исполнения, а также хор. Вчерашняя служба 12-ти Евангелий прошла очень хорошо, без пропусков, с прекрасным, можно сказать исключительным по выполнению, чтением и пением антифонов. «Разбойника» тоже пели изумительно; три раза разными напевами, причем не было театральности.

14/27 мая

Был я на акте в Богословском институте. Сначала была литургия на Троицком подворье, которую мы втроем совершали с огромным числом сослужащих, так что

²⁰ Речь идет о новгородском Софийском соборе.

²¹ Петроградский единоверческий храм на Николаевской улице, где настоятелем был епископ Симон Шлеев (священномученик).

приобщалось нас тридцать человек. Потом был акт, оставивший самое хорошее впечатление. Проректор Верков прочел не сухой, а очень жизненно составленный отчет, а Мироносицкий — в высшей степени содержательный доклад по вопросу о богослужебном языке, где очень ясно и интересно, с множеством типичных примеров, провел мысль о несообразности самого предположения перевести богослужение с славянского на русский язык. <...>

12-го числа я был на акте после окончания занятий Законом Божиим в церкви Экспедиции заготовления государственных бумаг. Огромное дело там делается в этом отношении. Девятнадцать учащихся. Ежедневно девятьсот человек детей обучается в разных помещениях, по группам... Пение поставлено Мироносицким очень хорошо...

*Письма патриарха Алексия [Симанского]
своему духовнику [митрополиту Арсению (Стадницкому)].
С. 197, 204, 208, 233—234.*

1922—1923, Петроград *Тюрьма на Шпалерной*

25 ноября/8 декабря 1922

Службы наши проходят [в камере] с соблюдением возможно полного чина. <...> Каноны, ввиду предстоящего на утро причащения священникам, читает епископ Венедикт [Плотников]²² — Иисусу Сладчайшему, о. [Георгий] Чуков — воскресный, я — Божией Матери и Богоявленский — Ангелу Хранителю. Пение совершаем все вместе; руководителем и запевалой является Парийский, бывший регент архиерейского хора в Минской семинарии. Неизвестное для общего пения — стихиры, ирмосы поют трое: Парийский — бас, Богоявленский и о. Арсеньев — тенора. Иногда эти, как хорошие знатоки нот и пений, пытаются петь партесное, но я и епископ Венедикт (тоже знаток особенного церковного пения, как бывший в молодости регентом архиерейского хора в Петрозаводске) противимся и стоим всецело за простое церковное пение как лучше располагающее к молитве. <...>

Нас не раз уже предупреждали, что недоброжелатели наши внезапным находом на нас собираются представить нас как контрреволюционеров за совершение богослужения. Поэтому бывают недели, когда мы или совершенно прекращаем пение, или поручаем его одному только Парийскому, обладающему счастливым талантом — петь тихо, но разборчиво и вразумительно²³.

²² Епископ Венедикт (Плотников; 1872—1937), с 1920 епископ Кронштадтский, был приговорен к расстрелу по делу о церковных ценностях, затем расстрел был заменен ссылкой. Расстрелян в 1937. Остальные его сокамерники проходили по тому же делу. Автор писем, протоиерей Михаил Чельцов, был расстрелян в 1931; священномученик.

²³ О Л. Н. Парийском и его работах по церковному пению пойдет речь во второй книге тома.

19 февраля/4 марта 1923

...Наше богослужение с пением (а как бы мы ни старались быть тихими, оно разносилось по всему коридору) в случае, если бы оно стало известным в Москве, принесло бы большие неприятности, вплоть до увольнения от должности, нашему тюремному начальству. И мы бы так жестоко заплатили ему за его к нам снисхождение и внимание, оставив его с детьми без куска хлеба и с постоянной потом бранью по адресу «неблагодарных попов»... Из-за чего же бы это? Стоило ли того само дело? Чего мы лишаемся? От нас не требуют, чтобы мы не молились или не причащались, а требуют, чтобы мы публично, через богослужение, не выражали нашей молитвы. Каждый про себя с молитвенником в руках может молиться, сколько и когда ему угодно. Будем, конечно, и причащаться так, как бы каждый из нас делал, если бы он оказался в тюрьме в одиночестве. <...> Я уверен, что из древних святителей никто нас не осудит за отказ наш от совершения общественного богослужения в тюрьме при создавшихся обстоятельствах.

*Протоиерей Михаил Чельцов. Когда отменили расстрел...
(Письма к жене из заключения). С. 401—402, 431—432.*

Начало 1920-х, Петроград

В состав Филармонии вошел не только большой симфонический оркестр, но и хор бывшей Императорской Певческой капеллы, возглавлявшийся регентом Климовым. Его талант хорошо проявился в широко задуманной программе концерта русского церковного пения допетровской эры, от раннесредневековых одноголосных «знаменных роспевов» до 12-хорной оратории дьяка Титова²⁴. Стоит отметить, что когда после исполнения первых номеров в зале начались аплодисменты, Климов их остановил, мотивируя это как мог, — не установившейся до революции традицией молчаливого одобрения «духовных концертов», а тем, что в средневековой Руси пения рукоплесканиями не приветствовали. Особое место на вечере заняла костюмированная инсценировка новгородского «Пещного действия» (кажется, XVI века) вокруг изготовленной для случая «Вавилонской печи» наподобие той, что хранится в иконном отделе Русского музея.

Борис Лосский. Наша семья в пору лихолетия. С. 105.

²⁴ В 1918—1922 Капелла под управлением М. Г. Климова неоднократно исполняла исторические программы русской духовной музыки; в них входили и древние унисонные роспевы, и их ранние многоголосные обработки, и церковное пение славянских православных стран, а также канты и псалмы, духовные концерты XVIII столетия, циклические духовные произведения авторов XIX и XX столетий. Концертам сопутствовали вступительные слова, сведения об исполняемой музыке помещались также в программках. Во многом это напоминало Исторические концерты Синаодального хора: недаром М. Г. Климов был одним из самых любимых учеников С. В. Смоленского.

Петроград, 1921—1926

1 мая 1921

В пол-второго ночи встали и отправились к заутрене в Консерваторию с Ольгой Артемьевной [женой В. Н. Римского-Корсакова]. <...> Поют хорошо, но музыка слабая и косная.

22 декабря 1921

Принялся опять за «Страстную седмицу», но пока идет очень плохо; надо еще втянуться в работу²⁵.

10 ноября 1923

В половине первого позвонил по телефону Каплан и сообщил про заседание в Политпросвете... где удалось отстоять Баха, Генделя и Всенощную Рахманинова. <...>

12 декабря 1923

Днем узнал от [М. Г.] Климова, что вся духовная музыка запрещена, кроме двух классических вещей. Значит, нет надежды услышать «Страстную седмицу».

24 апреля 1926

Возобновление «Китежа»²⁶. Незабываемый праздник! Исполнение в общем превосходное; если бы не несколько быстрых темпов и не купюры, то его можно было бы считать совершенным. <...> Превосходен, конечно, Ершов, а также Андреев. <...> Последняя картина несколько переставлена в смысле освещения и отсутствуют свечи; говорят, это из цензурных соображений (?). Восторг публики большой и успех колоссальный.

Из Записных книжек М. О. Штейнберга. С. 95—112.

1927, Ленинград

В воскресенье, 8 августа, выходя из петергофского собора, я увидел приклеенное к дверям воззвание временно управляющего епархией епископа Николая (Ярушевича), в котором он призывал к соблюдению лояльности по отношению к советской власти и, ссылаясь на указания митрополита Сергия, говорил о необходимости поминоения властей во время службы. Несколько месяцев раскол по этому поводу оставался не очень заметен, но к концу года размежевание было налицо, хотя большая часть тихоновского духовенства подчинилась указаниям митрополита Сергия. <...>

²⁵ Сочинение для большого смешанного хора а cappella, op. 13. Автограф: РИИИ. Ф. 28. № 1011, 1015. «Страстная седмица» в 2014 переиздана в США (Musica Russica), осуществлена ее запись. Все 11 частей представляют собой обработки традиционных роспевов, преимущественно знаменного роспева.

²⁶ Возобновлялась постановка 1918 года, осуществленная под руководством дирижера А. Коутса.

Другая, меньшая часть духовенства не подчинилась митрополиту Сергию, руководствуясь принципом, что власть в стране — атеистическая, глубоко враждебная Церкви и преследующая ее, не нуждается в том, чтобы Церковь за нее молилась. Отстранение митрополита Иосифа незаконно. Так возник церковный раскол, известный под именем «иосифлянского»; его центром стал храм Воскресения на Крови. Большинство иосифлян были принципиальные, образованные, известные своей высокой нравственной жизнью пастыри: архиепископ Димитрий Гдовский, епископ Сергей Нарвский, о. Феодор Андреев, причт храма Воскресения и другие, менее известные священники.

Перед Сережей (братом) и мной встал вопрос — с кем мы? Для Сережи ответ был легким, ибо он и раньше в течение двух-трех лет посещал храм Воскресения, где любимые им очень сложные песнопения Рахманинова, Чеснокова, Гречанинова, Глинки, Кастаньского, Чайковского пел самый лучший в городе церковный хор под руководством А. П. Рождественского. Поэтому Сергей без колебаний продолжал оставаться прихожанином своего любимого храма.

Василий Дягилев. Из моей долгой жизни. С. 137—138.

Ленинград, 1927

11 января

...На днях в трамвае рабочий говорил о предстоящем празднике. Какой-то сознательный его перебил: «Какие праздники, они уже прошли, и прошел ваш день отдыха»²⁷ — «Но наш праздник еще будет послезавтра, и мы будем молиться, еще пока мы не татары!» Церкви были переполнены и в сочельник, и утром Рождества. Некоторые церкви служили в 8 утра, давая возможность помолиться до службы.

Были на концерте Капеллы — «Страсти» Баха чудно исполняются, и всегда битком набито. Нам достает билеты Соня Носович²⁸, которая поет в хоре и может записать на очередь до выхода афиши. Сегодня хотят вскладчину попасть в Марининский на «Хованщину».

10/23 января

Алина [Александра Владимировна Жуковская-Воейкова] вернулась сейчас с концерта в церкви Захария и Елизаветы. Хор под управлением бывшего регента Смольного института и большого друга Жуковских, так как он еще был в Праге при консульстве. Вся музыка была его сочинения²⁹.

²⁷ Имеется в виду перевод рабочего графика на пятидневку с целью отменить воскресенье и церковные праздники.

²⁸ Софья Дмитриевна Носович (из семьи генерал-майора П. И. Носовича).

²⁹ Регент — Кондратий Прокофьевич Волков. Отец Алины, Владимир Григорьевич Жуковский, был российским консулом в Праге до Первой мировой войны. Настоятелем пражского, а также — в теплый период года — карловарского православных храмов был с 1897 по 1914 выдающийся священник — протоиерей Николай Рыжков, в числе прочего

28 февраля

Летние туфли мне делает Волков из кожи козы, томышевского происхождения, которую задавил поезд³⁰. Мара отдала кожу в выделку, купила к ней подошву, а Волков, церковный регент и музыкант, шьет сапоги, сочиняя при этом церковное пение без всякого музыкального инструмента. Пробует иногда на чужих роялях. Какой-то феномен. Напоминает Жан-Кристофа. Не знаю, что выйдет из этой необыкновенной комбинации томышевской козы и бывшего регента Смольного хора....

3 июня 1927, Симбирск

В Соборе Виссарион, местный мордвин, сидит там, точно в крепости, и все остальные священники против него, другой архиерей на покое, Александр, в Ильинской церкви, возглавляет враждующую державу, у него больше сторонников, а в соборе большого Вознесения епископ Живой церкви привлекает хорошим хором и новизной — очень мало заметной — в службе. Святые отцы делают больше для разрушения веры, нежели те, кто нападает на нее!³¹ Обидно и больно, что все сводится к пустым денежным счетам. В больших столицах лучше в этом отношении. Наш Питер стал очень богомолен, церкви полны, есть хорошие поповедники.

обладатель прекрасного певческого голоса, учившийся в консерватории. Из воспоминаний его дочери следует, что талантливый, по ее выражению, регент и композитор Кондратий Волков, служивший при о. Николае псаломщиком и регентом в обоих городах, был слушателем Пражской консерватории, а хор пражской церкви, составленный главным образом из хористов местного оперного театра, славился своим пением и даже давал изредка духовные концерты. О. Николай был арестован в начале Первой мировой войны и затем вернулся в Россию (скончался в 1920). Очевидно, после 1914 вернулся в Россию и Волков (см.: Рыжкова А. Н. «Мученик за православную веру и верность славянству» // Христианское чтение. 2012. № 3).

³⁰ Томышево — деревня в Сызранском уезде Симбирской губернии, около бывшего имения Воейковых. Там жила с семьей Мария Воейкова, младшая дочь автора писем.

³¹ В материале, размещенном на сайте Симбирской епархии, ситуация в городе обрисована следующим образом:

В 1926 году в Ульяновске было два епархиальных управления и два кафедральных собора. Обновленческий архиепископ Иоанн служил в Вознесенском соборе, где, кроме служб, устраивались лекции и духовные концерты; епископ Тихоновской Церкви Виссарион служил в Свято-Троицком кафедральном соборе.

Епископ Виссарион (Василий Зорин) впоследствии перешел в «григорианство». Архиепископ Иоанн официально находился «на покое» с 1924.

Обстановка в Симбирске очень напоминает ситуацию, сложившуюся в те же годы в находящемся сравнительно недалеко Пугачеве (Николаевске) и подробно обрисованную в воспоминаниях сестер Самуиловых (см. в следующем разделе).

25 декабря

...Вечером наши в Капелле на «Всенощной» Рахманинова, которая будет 7 января пропета в Кенигсберге капеллой, которая едет за границу в турне³².

Русская семья. Dans la tourmente déchaînée...

Письма О. А. Толстой-Войковой 1927—1939. С. 20, 21, 26, 42, 97, 164.

Середина 1920-х, Петроград / Ленинград

Богослужения в оставшихся православными церквях шли с особой истовостью. Церковные хоры пели особенно хорошо, ибо к ним примыкало много профессиональных певцов (в частности, из оперы Мариинского театра). Священники и весь причт служили с особым чувством. Мой педагог Пантелеймон Юрьевич Германович особенно часто ходил в церковь. <...> Тогда же крестилась Мария Вениаминовна Юдина, мой школьный товарищ Володя Раков стал прислуживать в церкви на Петровском острове у отца Викторина Добронравова... Чем шире развивались гонения на церкви и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой, 2», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и других местах, тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России.

Дмитрий Лихачев.

Беседы прежних лет. С. 35.

Конец 1920-х, Ленинград

С. А. Козин (проректор Восточного института) был одним из редчайших в России людей, по самой натуре своей принадлежащих к европейскому Ренессансу. <...> Его национализм никак не был петушково-самоварным. Он не выносил, например, балалаечных оркестров и «русского» стиля церковей эпохи Александра III. Помню его спор с Марией Вениаминовной Юдиной, которую он любил и уважал чрезвычайно. М. В., прихожанка того же Храма на Крови, что и Сергей Андреевич, жаловалась, что хор в этом храме упорно исполняет песнопения итальянизированного Бортнянского, Чайковского, Рахманинова, а не старорусские знаменного распева, так что это скорее опера, а не церковная музыка...

— Богу нужна всякая красота, — возражал Козин, — и оперная музыка прекрасна, и итальянизированная хороша, — почему же им не место в церкви? <...>

[Бас Павел Захарович Андреев] был одним из наиболее фрондирующих любимцев петербургской публики. <...>

...Заканчивая монолог [Шакловитого] молитвой: «Ей, Господи, взявляя грех мира, услышь меня, не дай Руси погибнуть от лихих наемников!», Андреев как бы

³² Уникальное заграничное турне Капеллы под управлением Климова продолжалось два месяца, с 1 января по 22 февраля 1928; концерты состоялись в тридцати городах Латвии, Германии, Швейцарии, Италии, в том числе в упоминающемся в письме Кенигсберге. Капелла выезжала на гастроли в полном составе (60 взрослых певцов и 40 детей); программ было всего две — «Песни народов СССР» и Всенощная Рахманинова.

невольно и ненамеренно широким жестом указывал на ложу новых властителей. Весь театр замирал в неизъяснимом восторге... Когда в 1933 году торжественно чествовали Андреева по случаю тридцатилетия его артистической деятельности, ему вместе со званием «народного артиста» собирались вручить орден Ленина. Но артист дал понять властям предержавшим, что не примет ордена. «Мне, — намекнул он, — будет, конечно, плохо, но и вам конфузно, если явно откажусь. Лучше не давайте». <...>

— Вот, Владимир Иванович, — ласково-укоризненно выговаривал Андреев замечательному певцу Касторскому, — я не задолиз, пою в храме Божиим частенько, а уж «Разбойника благоразумного» в Посту — обязательно, а народного мне все-таки дали. А ты, Владимир Иванович, вот и в Союз воинствующих безбожников вступил (хотя знаю, тайно крестишь лоб перед каждым спектаклем), а все дальше «заслуженного деятеля» не пошел. <...>

Слушать Андреева ходили даже в пашенковском «Черном Яре»³³. Ходили, собственно, на один акт. Тот, в котором на торжественном молебне в соборе белый генерал поет вместе с громадным двухсотголосным хором Мариинского театра в сопровождении оркестра, еще усиленного тридцатью медными инструментами, молитву о ниспослании белому воинству победы над безбожниками агарянами-большевиками: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

Борис Филиппов. Всплывшее в памяти. С. 147—148, 169—170.

1920-е, Петроград / Ленинград

Семья Симанских, записанная в Бархатной книге Москвы, действительно была всегда близка к придворным сферам. <...> Отец будущего Патриарха, Владимир Андреевич Симанский, камергер двора Его Величества, занимал важный пост: он был заместителем («товарищем», как тогда называлось) знаменитого обер-прокурора Синода Саблера. Владимира Андреевича я видел много раз: он уцелел после революции (умер только в 1929 году) и жил на покое, на Большой Дворянской улице. Высокий, важный старик, очень красивый, с белыми волнистыми волосами, всегда чисто выбритый, он появлялся часто в Троицкой церкви, где служил его сын. Он стоял всегда у двери, статный, стройный, в белом камергерском мундире. Жена его умерла еще в 1920 году, и он жил вдвоем с сыном. Помню, как владыка однажды, улыбаясь, рассказывал епископу Николаю (я в это время, будучи прислужником, стоял с дорожным посохом в руках, чтобы подать разоблачившемуся архиерею, и ожидал, когда владыки окончат разговор): «Вчера отец поздно пришел. Я отпустил прислугу и оставил ему ужин в термосе. Сегодня встаю — ужин не тронут. Спрашиваю: почему ж ты не ужинал? Отвечает: “Но мне же никто не подал”...» <...>

Сам владыка [Алексий] также казался сошедшим со старинного портрета. С черными как смоль, вьющимися волосами и с такой же бородкой. Из-под ворот-

³³ Имеется в виду опера композитора А. Ф. Пащенко, поставленная в 1931.

ника шелковой рясы всегда виднелся крахмальный воротник белоснежной чистоты. Говорил он особенно, по-гвардейски: букву «е» он выговаривал как «э», букву «р» слегка картавил, букву «и» произносил протяжно, как французы. Мне запомнилась на всю жизнь интонация, с которой он служил. <...>

Его проповеди мне всегда напоминали речь губернатора при открытии нового моста: строго официально, логично, ровно, никогда ни одной задушевной нотки, никакого повышения голоса, никакой лирики: «Мы собрались сюда, дабы почтить память святого (имярек) и чтобы вознести наши молитвы к Богу», — и дальше следовал краткий очерк жизни святого, напоминающий формулярный список. Первый раз я видел его под праздник Святителя Николая — 22 мая 1927 года, в Николо-Богоявленском соборе, на верхнем этаже, в Богоявленском храме, владыка совершал всенощную.

Обычно же он служил в небольшом Троицком храме. Этот храм, построенный Петром I и сгоревший в 1915 году, реставрировался с большой любовью настоятелем, отцом Николаем. Все восстанавливалось так, как было при Петре. Приглашали лучших специалистов, подбирали редкие иконы. Денег не было, народ нес по копеечкам. И восстановили древний памятник во всей его чарующей красоте. Восстановили в 1925 году, а в 1936 году он был варварски снесен, неизвестно зачем и почему.

Иногда владыка служил в будние дни без диакона. Тогда он оставлял иераршую, аристократическую важность; служба его становилась более теплой, одухотворенной. Официально владыка не имел в это время канонического отношения к Петроградской епархии. После возвращения из ссылки патриарший местоблюститель назначил его епископом Хутынским, управляющим Новгородской епархией. В Новгород его, однако, власти не пустили. Он жил в неопределенном положении в Питере. <...>

Почти одновременно с епископом Алексием вернулся из зырянской ссылки епископ Петергофский Николай (Ярушевич), получивший впоследствии широкую международную известность в качестве митрополита Крутицкого, — один из умнейших и талантливейших церковных деятелей за последние полвека.

<...> Что касается епископа Николая, то первое впечатление от него у всех было совершенно обворожительное. Светлые русые волосы, падающие с двух сторон, как на иконе Нерукотворного Спаса, такая же светлая борода. Белое лицо, голубые глаза. У него была своеобразная манера служить — мягкая, лирическая, голос музыкальный, напевный, грудной. Епископ Николай славился как проповедник... <...> Если народ уважал епископа Алексия, то епископа Николая буквально обожал: толпы поклонниц (реже поклонников, ваш покорнейший слуга в том числе) ходили за ним из храма в храм, ловили каждое слово, упивались его красноречием, восхищались его добротой, ласковостью, любезностью (С. 80—83).

<...> Главным центром [иосифлянского движения] был величественный храм Воскресения Христова, на канале Грибоедова, или, как его называли, храм Спаса на Крови. <...> Из всех питерских храмов этот был самый красивый. По сравнению

с Казанским и Исаакиевским соборами он имел преимущество более пропорциональных форм. В Казанском и Исаакиевском соборах, ввиду их громадных масштабов, совершенно пропадала красота богослужения: молящиеся видели лишь маленькие фигурки, одетые в парчу, суеящиеся на амвоне, причем слов, произносимых священнослужителями, никто не слышал. Храм Спаса на Крови, наоборот, обладал прекрасной акустикой: каждое слово было слышно.

Настоятель этого храма, отец Василий Верюжский, — энергичный, глубоко верующий человек — открыл двери алтаря для всех священнослужителей, порвавших с митрополитом Сергием. Здесь служили монахи и священники со всех концов России, никакой регистрации у властей никто не спрашивал и мнением ГПУ никто не интересовался. Очень часто здесь служили епископ [Гдовский] Димитрий [Любимов] и епископ Сергей [Дружинин]. Храм всегда был переполнен. Пел хор под управлением Рождественского — лучший хор Питера. Во время богослужения произносились вдохновенные проповеди. Идеологи иосифлянского движения обычно сравнивали своих вождей с Григорием Богословом, который лишь один сохранял верность православию на Востоке в конце IV века, во время арианской смуты. Были популярны также сравнения с преп. Феодором Студитом и Максимом Исповедником, которые в одиночестве противостояли иконоборческим императорам (С. 105—106).

Вспоминая митрополита [Петроградского] Серафима [Чичагова], я ловлю себя на том, что невольно им люблю: яркая индивидуальность всегда импонирует. В его лице Питер увидел <...> настоящего барина. <...> В нем не было ничего искусственного, натянутого, деланого. Он держал себя естественно и просто. Когда его облачали посреди храма, когда он стоял в полном облачении перед престолом, он держался так, как будто был один в комнате, а не перед несколькими тысячами человек, которые не спускали с него глаз. В его молчаливых, повелительных жестах чувствовалась привычка командовать; служил он негромким старческим голосом, благословлял слабым движением подагрических рук, генеральски, снисходительно шутил с духовенством. «Ты когда это успел, такой молодой, получить палицу?» — «Что вы, ваше высокопреосвященство, у меня уже дочь взрослая». — «Не верю, не верю, пока не увижу, не поверю». Так же просто он говорил с народом: отчитает, отругает, почему плохо стоят, зачем разговаривают, почему поздно приходят к исповеди; народ смущенно молчит... Потом барски снисходительный жест: «Ну, ладно, давайте помиримся». И начинается проповедь.

1930 год, начало пятилетки, колхозный переворот, разгар борьбы против «классовых врагов»... А герой Плевны и в старости остался верен себе. <...> Митрополит приехал к нам 75-летним старцем, уехал от нас в 80 лет. Тяжелобольной, страдающий гипертонией, подагрой, склерозом, митрополит, однако, не утратил ни ясности мысли, ни глубокой преданности своим убеждениям... (С. 112—115).

...Весна 1926 года. Великий пост. В 4-ю неделю Великого поста — пассия. Чтение Евангелия о страданиях Христовых. Верующие с зажженными свечами. После

Евангелия — духовный концерт. На кафедру проповедника всходит архиепископ (он получил это звание от обновленческого синода через 3 месяца после епископской хиротонии) Николай Платонов. Говорит о страстях Христовых 2 часа. Речь прерывается песнопениями Страстной седмицы в прекрасном исполнении великолепного хора Андреевского собора. Платонов говорит горячо, все более и более возбуждаясь под влиянием собственной речи.

И наконец, вершина! Платонов сказал о наших грехах, которыми мы распинаем Господа.

«Но ты мне скажешь, я такой, как все! О, если такой, как все, не надо было приходить Господу! Не надо, не надо было идти на крест!

О, если такой, как все? Зачем было так страдать, так мучиться на кресте?

О, если такой, как все? Излишен крест, излишне распятие, излишен Христос!»

Вся толпа, переполнявшая собор, дрогнула в едином порыве, и сейчас, через 50 лет, я слышу этот голос и вижу искаженное какой-то судорогой лицо проповедника. И мне стало тоже чего-то мучительно стыдно, и я дал себе слово никогда не быть, как все (С. 126—127)³⁴.

В то же время [обновленческий] епископ [Антонин Грановский] провел (по собственному почину) литургическую реформу. Он стал совершать литургию (как сейчас в католических храмах) посреди храма. Литургию он перевел на русский язык и дополнил ее некоторыми трогательными моментами из древних (коптской и сирской) литургий. Все тайные молитвы он читал вслух. Он ввел общенародное пение, которое должно было заменить наемные хоры. Владыка Антонин провел каноническую реформу, отменив все награды для духовенства: камилавки, набедренники, палицы. Он восстановил древний апостольский обычай выборов епископа и свел к минимуму внешний этикет: отменил ношение митры и саккоса, оставил только отличия епископского сана, имеющие мистическое значение: омофор, панагию и посох.

В то же время, следует сказать, епископ не навязывал никому нового обряда, а лишь настаивал на праве его на существование.

Когда он стоял во главе обновленчества, то обычно по воскресениям служил литургию в Храме Христа Спасителя, с большим торжеством, по старому традиционному архиерейскому обычаю, а по четвергам служил в Заиконоспасском монастыре (по-новому). Строгий аскет, он жил совершенным бесребренником: имел только одну рясу и связку книг. Его монашеская келья была открыта всегда,

³⁴ Николай Федорович Платонов, сначала блестящий выпускник ПДА, выдающийся петербургский священник-проповедник, затем «обновленческий митрополит», агент ОГПУ, а в 1938 отрекшийся от Церкви ренегат, сотрудник самых одиозных в данном смысле советских газет и журналов, — одна из самых трагических фигур этого периода. Он оставался в городе во время блокады и, по преданию, перед кончиной в Великий пост 1942 года пришел на общую исповедь в Николо-Богоявленский собор, причастился и скончался на следующий день. (См. о нем: *Фирсов С. Л.* Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 — начало 1940-х. М., 2014.)

для всех. И в то же время он не делал никаких уступок в принципиальных вопросах и не постеснялся открыто, во время литургии, бросить в лицо обер-агенту ГПУ [протоиерею Владимиру] Красницкому: «Нет Христа между нами!» И не допустил его к Святой Чаше. Аббат (впоследствии епископ) д'Эрбиньи совершенно не понял епископа Антонина и нарисовал в своей книге о поездке в Россию карикатурный его портрет; но другой гость с Запада, немецкий пастор, сказал об Антонине: «Я приехал посмотреть нового Лютера, а увидел нового апостола Павла»³⁵.

<...> У нас, в Питере, к Союзу Церковного Возрождения принадлежал (с 1924 по 1926) Преображенский собор на Литейном. Но крохотная община не могла содержать огромного здания. Собор был вскоре передан староцерковникам. А приверженцы Антонина собирались на Загородном проспекте, в частном помещении, в полуподвальном этаже, где по вечерам совершалась молодым священником, отцом Львом Бунаковым, литургия по антониновскому чину... (С. 146—147).

Анатолий Краснов-Левитин. Лихие годы: 1925—1941.

ПРОВИНЦИЯ

1920-е, Кинешма

Епископ Кинешемский Василий (в миру Вениамин Сергеевич Преображенский) родился в 1876 году в городе Кинешме Костромской губернии в семье священника Сергия и жены его Павлы... <...> После окончания гимназии Вениамин поступил в Киевскую Духовную академию, которую окончил в 1901 году со степенью кандидата богословия, и был определен преподавателем в Воронежскую Духовную семинарию. <...> Зная в совершенстве как древние, так и новые европейские языки, Вениамин для более углубленного изучения европейской культуры 1910—1911 годы прожил в Лондоне. <...> В 1914 году переехал в Москву и устроился преподавателем латинского языка в Петровской гимназии. <...> ...В октябре 1917 года поступил псаломщиком в Вознесенскую церковь, где служил его престарелый отец. <...> В 1918 году он стал ездить по приходам епархии. <...> В начале 1918 года власти запретили преподавание Закона Божия в школах... Вениамин стал собирать детей в Вознесенском храме. 16 июля 1920 года был рукоположен в сан священника в городе Костроме митрополитом Серафимом (Мещеряковым). Вскоре после этого скончался его отец, протоиерей Сергий, и о. Вениамин принял постриг с именем Василий — в память Василия Великого; 19 сентября 1921 года он был хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. <...>

³⁵ Суждение мемуариста об Антонине Грановском по меньшей мере спорно, однако «демократическим» служением Грановского увлекался по молодости лет не один Левитин. См., например, письма преподавателя МДА Д. П. Огицкого к священнику Сергию Желудкову во второй книге данного тома. Главное, что привлекало: «народ видел и слышал все, участвовал во всем».

Утонченный аскет и подвижник, святитель был любвеобильно прост в общении. Когда владыка ездил по епархии и навещал кружки, слух о его приезде распространялся быстро, люди торопились увидеться с ним, и обстановка здесь была самая простая. Пришедшие располагались где кто мог. Владыка часто устраивался на полу и пел духовные песни, играя на цитре. И столько было простоты и любви в его проповедях, евангельских беседах и пении, что и сам он, казалось, был как цевница духовная в руках Божиих³⁶.

Игумен Дамаскин (Орловский).

*Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 2. С. 216.*

1924, Богородицк Тульской губернии

Помню приезд в Богородицк тульского архиерея³⁷. Он прибыл не на поезде, а в огромной карете, запряженной шестеркой лошадей попарно в дышло. Толпы людей, и наша семья в том числе, встречали его в поле между городом и Земледелькой. Когда он проезжал мимо, все кланялись ему в пояс. <...>

Высокий, очень красивый и благообразный, с длинной седой бородой архиерей... служил с большим чувством, молитвы произносил так, что я искренно молился и крестился. Его золотые одежды, золотая митра на голове, золото на ризах нескольких священников, дьяконов и мальчиков — все это благолепие захватывало, возвышало душу молящихся. А когда архиерей начал произносить проповедь... вдохновенно, то повышая, то понижая голос, да еще неожиданно стал декламировать стихи — «Отцы пустынники и жены непорочны» и «По небу полуночи ангел летел», то все молящиеся, начиная со старушек и кончая взрослыми мужчинами, заплакали навзрыд.

1929, Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры

Молящихся было много. Женщины, молодые, а больше старые, в тот год впервые получили разрешение войти в скит; они теснились толпой. Длинноволосые монахи стояли отдельно, иные совсем древние седобородые, иные молодые, с черными и русыми бородами, такие, как на этюдах Корина. Два хора монахов пели молитвы на правом и левом клиросах. Сотни свечей, разноцветные лампы освещали молящихся. <...>

Я впервые попал в монастырь. Служба тянулась долго и утомительно, от множества свечей, лампад, от дыхания богомольцев было душно, но я терпеливо стоял, слушал протяжное пение монахов.

³⁶ Епископ Василий прошел через ряд лагерей и ссылок; скончался в заключении в 1945; священномученик.

³⁷ В 1924 тульским епископом был Николай (Могилевский), впоследствии митрополит; священноисповедник. См. о нем (в том числе о его взглядах на церковное пение) во второй книге.

Все случайное, наносное ушло из монастырских стен, а остались те иноки, которые ради прославления имени Христова готовы были идти на любые страдания. Они стояли и низко кланялись, шепотом повторяли молитвы.

Служил сам наместник Лавры отец Израиль³⁸ — в черной, с золотом, ризе, почтенный, полный, еще бодрый старец с пышной бородой. Он служил вдохновенно, слова молитвы произносил четко. Великая ответственность лежала на его плечах: суметь продержаться в скиту как возможно дольше, уберечь доверившихся ему иноков от земных соблазнов, разговаривать с властями с достоинством, высоко держать знамя православия и знать, что рано или поздно отца неминуемо ждут тягчайшие муки...

Сергей Голицын. Записки уцелевшего. С. 99, 104—105.

Середина 1920-х, Ташкент

... Не менее примечательной личностью был опальный митрополит Арсений [Стадницкий], в прошлом государственный сановник, первоприсутствующий член при правительствующем Синоде, бессменный председатель Собора в отсутствие патриарха, доктор богословия. Жил он в Ташкенте в вольной ссылке, снимая чуть ли не у узбеков малюсенькую комнатку с терраской, выходявшей прямо во двор. Даже он ходил в узбекском халате, что, помню, меня поразило, сам стряпал себе пищу и жил в убогости и смирении, но и в этом униженном виде сказывался вельможа до мозга костей³⁹. <...>

³⁸ Имеется в виду не наместник уже закрытой Лавры архимандрит Кронид (Любимов), а настоятель Гефсиманского скита игумен Израиль (Андреев); оба — священномученики.

Из воспоминаний Н. А. Верховцевой:

На его плечи легла вся тяжесть борьбы за жизнь родного скита. С какой непреклонной волей, неутомимой энергией, с каким умом и дальновидностью, с каким беспредельным самопожертвованием вел ее этот замечательно одаренный человек. Скит, превращенный в сельскохозяйственную артель, показывал образцы самоотверженных трудов: лучшие в округе овощи, богатейший пчельник — казалось, на всем, к чему ни прикасались трудовые, не знающие устали руки отца игумена, лежала печать Божьего благословения. Как в памяти живет чудесный храм — Дом Богородичен. Весь кипарисный, благоуханный, весь розовый в лучах восходящего солнца на ранних обедах. Истовые, простые, но столь проникновенные и благодатные службы, от которых трудно отрывались сердца присутствующих (Воспоминания В. Т. и Н. А. Верховцевых. М., 2008. С. 89—90).

³⁹ На самом деле митрополит Арсений был сыном бедного сельского священника в Молдавии.

Находясь в Ташкенте, он, в связи с закрытием храмов города либо переходом их в руки обновленцев, совершал богослужения под открытым небом у кладбищенской часовни иконы Богородицы «Всех скорбящих Радость». На эти службы стекались тысячи верующих из города и окрестных селений. Мемуаристы пишут о вдохновенных проповедях митрополита Арсения, а его преемник на Среднеазиатской кафедре епископ Гурий (Егоров) — о благородных служебных и певческих традициях, установленных в Ташкенте владыкой Арсением (см. во второй книге).

<...> Наибольшее впечатление оставила на нас встреча и знакомство с архимандритом Вениамином (Троицким), высланным в Ташкент из Вышнего Волочка в вольную ссылку⁴⁰. Младший брат вышневолоцкого иерея [о. Павла Троицкого], он еще в отрочестве был иподиаконом у епископа [Новоторжского] Феофила [Богоявленского], большого знатока и любителя церковных служб. Очень рано приняв монашество, он в возрасте 20 с небольшим лет был уж иеромонахом, попал в тюрьму, где встретился с епископом Андреем [Ухтомским], сошелся с ним и был возведен им в тюрьме же в сан архимандрита. Это был молодой, красивый монах, живой, деятельный, всегда окруженный молодежью, на которую он умел воздействовать. Он поселился за городом, сняв на Никольском шоссе небольшой домик, скрывавшийся от любопытных взоров проходящих в густом фруктовом саду. С ним поселились несколько старушек-монахинь... и девушка лет 30-ти, некрасивая, скромная, болезненная, по имени Тоня. Все они образовали общину, бывшую на послушании у о. Вениамина. Постоянными спутниками о. Вениамина были два брата Куликовы — старший Николай, принявший впоследствии монашество с именем Неофита и скончавшийся в молодых годах на далеком Севере, и младший Миша, совсем еще мальчик. Был и еще брат, но он появлялся изредка. Все братья обладали хорошими голосами и вскоре составили прекрасный хор. Приятный голос — мягкий баритон — был и у самого о. Вениамина.

В домике, в котором поселилась община, самая большая комната была оборудована под молельню. <...> В воскресенье и праздничные дни о. Вениамин стал совершать богослужения. Службы были уставные, хор пел слаженно, Тоня прекрасно читала, и вскоре слава о прекрасном богослужении, в маленьком домике на Никольском шоссе разнеслась по всему городу. В скором времени молельня перестала вмещать всех желающих присутствовать на богослужении и опоздавшие размещались в саду, под деревьями, у открытых окон. Особенно запомнилось богослужение под Пасху. Темно, звездная ночь, блестящий огнями домик, горящие площадки под деревьями, отбрасывающие фантастические тени, народ, в благоговейном молчании расположившийся под кущами деревьев у открытых окон, откуда раздавалось ликующее пение пасхальных ирмосов. На рассвете кончилась литургия, и тут же в саду была организована трапеза для народа. Такие праздничные угощения архимандрит Вениамин устраивал всегда в дни двенадцатых праздников, а иной раз и в воскресенье. Его намерением было возродить порядки древней (первохристианской) церкви — ее простоту и одушевление, ее общинный строй и живую трепетную веру в Спасителя.

Н. Ю. Фиолетова. История одной жизни (о Н. Н. Фиолетове). С. 66—70.

⁴⁰ Впоследствии епископ Стерлитамакский, викарий Уфимской епархии; священномученик. Его брат, иеромонах Павел Троицкий — известнейший старец-духовник второй половины XX века.

1927—1930, Соловки

В мое время в Соловках жили шестьдесят вольных соловецких монахов из братии уничтоженного Соловецкого ставропигиального монастыря. Остались главным образом старики, у которых в миру не было уже родных, к которым они могли бы поехать на жительство. УСЛОН отвел им кладбищенскую церковь св. Онуфрия Великого для богослужения. Туда ходили молиться заключенные — духовные и миряне. Теперь закрыта и эта последняя церковь в Соловках, что вытекает из полуженного мною письма оттуда. Полагаю, что монахи теперь содержатся на средства заключенных епископов, но не представляю, откуда и каким порядком они могут доставать продукты. В мое время работали еще кооперативы, отпуская каждому (до 1929 года) сколько бы он ни захотел — лишь бы были деньги. С 1929 года, с марта, соловецкие узники посажены были на пайки, величина которых определяется тяжестью выполняемой заключенным работы. Некоторые из вольных монахов приняты были на работу в УСЛОН плотниками, столярами, слесарями и т. д. Подлость Управления СЛОН заключалась в том, что им давали ничтожную плату не по тарифной сетке. Отговаривались тем, что монахи не принимаются в союз и, следовательно, тарифная сетка к ним не приложима.

В кладбищенской церкви богослужение совершалось по Уставу ежедневно. В мое время пел хор заключенных, и иногда в праздники настолько хорошо, что многие рыдали, я сам плакал навзрыд. Монашеское пение соловецкого напева очень грубое, особенно в исполнении иеромонаха Мартина, которому «подмаргивать» (любимое выражение владыки Илариона [Троицкого], обычно певшего с монахами на правом клиросе) было очень тяжело ввиду своеобразия соловецкого напева. В 1927 году регентом был преосвященный [Каменец-Подольский и Браславский] Амвросий Полянский, а за его ссылкой в Сибирь на три года его заместил Дехтярев, работник отдела труда, а потом наш лесник. Он управлял хором в Пасху 1928 года, когда мы служили в Знаменской церкви Кремля, только в этот день, имея во главе епископа Гомельского Тихона [Шарапова]. Обычно в этой церкви помещалась одиннадцатая «отрицательная рота», впоследствии превращенная в карцер.

В Соловках законы и порядки меняются чуть ли не ежемесячно. За два года в Соловках я служил 13—14 сентября 1927 года, 1 октября 1927 года, 26 декабря 1927 года, Крестопоклонную неделю 1928 года, Страсти Господни 1928 года, Св. Пасху тогда же, 2—3 воскресения. Мало? В Соловках одних священников во втором отделении до 112 человек было в одно время. Литургию служили в праздники обычно 3—7 епископов. В Анзере (шестое отделение) я уже не служил — там все церкви закрыты. В 1927 году все заключенные, не «шпана», свободно ходили в церковь, правда, по особым спискам, но они не контролировались. Требовалось при выходе из Кремля только «рабочее сведение», своего рода паспорт. Потом списки стали урезываться. Потом в списках можно было писать только духовных лиц, а мирян вычеркивали, и хор почти распался. Потом в церковь (Великий Пост 1928 года) стали водить только парами, под конвоем с особым счетом, как

институтков. В Пасху 1928 года из Кремля желающих помолиться выпустили после большого скандала, устроенного перед старостатом. Потом духовенству запретили служить и разрешили только молиться. Потом стало еще хуже, но я уже жил в Анзере.

В январе 1929 года пробовали в Кремле ввести стрижку духовенства и потребовали от него хождения в гражданской одежде. В Анзере трех духовных, и меня, конечно, остригли, а воспротивившегося стрижке иеромонаха Пафнутия остригли насильно, предварительно связав ремнями и избив.

Архимандрит Феодосий (Алмазов)⁴¹.

Мои воспоминания. Записки Соловецкого узника. С. 98—100.

1928—1929, Соловки

Онуфриевская церковь

Службы в Онуфриевской церкви нередко совершали по несколько епископов. Священники и диаконы выстраивались шпалерами вдоль прохода к алтарю. Сверкали митры и облачения, ярко горели паникадила... В двух хорах пели искусные певчие — оперные актеры. Богослужения были приподнято-торжественными, чуть парадными. И патетическими. Ибо все мы в церкви воспринимали ее как прибежище, осажденное врагами. Они вот-вот ворвутся... <...>

С клироса, глазами пронзительными и невидящими одновременно, озирали стоящих в храме иеромонахов. Лицо его под надвинутым на брови клобуком — как на древних новгородских иконах: изможденное, вдохновленное суровой верой. Он истово следил, чтобы чин службы правили по монастырскому уставу, и не раз-

⁴¹ Из письма епископа Алексия (Симанского) к митрополиту Арсению (Стадническому) из Петрограда от 22 июля 1921:

<...> Отец Сергей Шеин <...> почему-то уже заговаривает о возможности назначения сюда «пресловутого» архимандрита Феодосия (Алмазова), который здесь пребывает где-то на гражданской службе, состоя одновременно и священником в церкви на скотобойне (неправда ли, это как-то ему подходит?). Он иногда служит со мною. Вид его ужасен, и, к довершению безобразия, у него волосы (седые) подстрижены под скобку и борода «клинышком» а la Генрих IV. Можете себе представить эту фигуру в солдатской рубахе защитного цвета и соответствующего «строения» штанах и обмотках и в ужасных «американских» желтых башмаках, сверху всего — короткая уталенная и обесцвеченная ряса, а на главе круглая соломенная ниццкого курортного образца шляпа с цветной полинялой лентой (Письма Патриарха Алексия своему духовнику. С. 262—263).

Упоминается церковь святителя Николая при городских скотобойнях.

Архимандрит Феодосий (Константин Захарьевич Алмазов; 1870—1944) в 1903—1904 был настоятелем собора Двенадцати Апостолов в Московском Кремле, с 1917 служил в храмах Петрограда. Неоднократно подвергался арестам. В 1927 был приговорен к 3 годам лагерей и отбывал срок на Соловках. После освобождения из лагеря бежал в Румынию, служил в храмах этой страны и Болгарии. Архив архимандрита Феодосия был передан в ГА РФ в составе Русского заграничного архива (Пражского).

решал регенту отклоняться от пенья по крюкам. Знаменитые столичные диаконы при нем не решались петь молитвы на концертный лад. Еще об этом монахе знали, что был он из вятских мужиков-богомольцев, приехавших на месяц потрудиться по обегу на Соловках. И прожил здесь пятьдесят лет.

Суриков написал бы с него стрельца — непреклонного, для которого дьявольское в любом новшестве. Мы все были для него пришельцами, несшими гибель его святыне. <...>

Службы были долгими. Мы выходили из церкви, когда вокруг уже лежал покой летней беломорской ночи.

Олег Волков. Погружение во тьму. С. 70—71.

1928—1929, Соловки

...Я ездила на это свидание в 1929 году на две недели, а не на три дня. Я оттуда нормально уехала 13 октября (ст. ст.), а расстрелы в 40 человек были 16 октября. <...>

Один мне описывал, как Георгий шел и вместе с другими осужденными пел молитвы «Христос воскрес» и другие, выходя из Святых ворот. Я очень хорошо помню эти ворота, они выходили на залив, в котором стоял старый пароходик и где нам с Георгием отвели каюту на четыре недели, когда я ездила в Соловки в 1928 году на первое свидание в августе. Я была тогда на всех чудных службах в кладбищенской церкви преп. Онуфрия (у меня даже есть фотографии), где всегда служило не менее трех епископов. <...> Все хоры были особенно хороши, так как пели все монахи, справа был местный, из еще оставшихся из Соловецкого монастыря, а слева из арестованных духовных лиц и монахов⁴².

По кн.: Сергей Голицын. Записки уцелевшего. С. 42.

1924—1926, Печоры и Валаам

Печоры. Мы видели ансамбли церковных построек и келий и било посреди одного из дворов, превращенных в сад около древнего колодца. Осмотрели ризницу, прошли по садам, которые в этот момент все цвели, и казалось, что все благоухает. Нас поразили церковные службы, хор монахов, певший знаменитый акафист перед иконами: «Царице моя преблагая! Надеждо моя Богородице!»

Валаам. Впечатление теперь было, пожалуй, даже более сильное [чем в 1915], потому что уже не было парадной публики, блестящих платьев, дамских зонтиков,

⁴² Речь идет о Георгии Михайловиче Осоргине, цитируется письмо его жены. О нем же — в воспоминаниях Д. С. Лихачева, который попал на Соловки в 1928:

Арестовали Георгия Михайловича Осоргина — делопроизводителя санчасти, освобожденного от тяжелых работ многих интеллигентов. <...> Неожиданно к нему на свидание приехала жена. Под честное слово его выпустили из карцера. Затем приказали уговорить жену уехать на два или три дня раньше. Он это сделал. Жене он не сказал, что будет расстрелян... (Лихачев Д. С. Соловки // Писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 4 / Сост. З. Дигаров. СПб., 1998. С. 134).

шляп, как тогда. Монастырский хор был теперь гораздо меньше, но пел столь же выразительно.

Н. Е. Андреев. То, что вспоминается. С. 181, 186.

1920-е — начало 1930-х, Иваново — Юрьев-Польский **Священномученик Зосима (Трубачев)**

В середине двадцатых годов православные Иванова переживали один из самых тяжелых периодов своей церковной истории. Обновленцы при поддержке властей захватили почти все храмы в городе. Епископу Августину (Беляеву) запретили жить в кафедральном городе, и он приезжал в Иваново только для совершения богослужений. В отце Зосиме владыка нашел твердого и мужественного защитника православия и в 1925 направил его служить в Введенский храм в Иваново, так как настоятель этого храма отпал в обновленчество и многие из клира храма склонялись к переходу к обновленцам. Отец Зосима был назначен настоятелем и возведен в сан протоиерея. Приход здесь оказался разрушенным, богослужение совершалось небрежно, церковное пение к тому времени было почти полностью заменено концертным исполнением молитв. Отец Зосима тратил много сил, чтобы наладить уставное совершение богослужений, преодолеть среди причта привычку к небрежному отправлению чинопоследований, в особенности таинства исповеди. Он настойчиво отстаивал обиходные традиции церковного пения, не совместимые с концертностью, стремился передать хору свое молитвенное настроение. <...>

В 1926 власти арестовали епископа Августина и выслали в Среднюю Азию. В Иваново остались его дочери, которые еще в младенчестве лишились матери. Протоиерей Зосима обратился к прихожанам Введенского храма с просьбой оказать помощь сиротам. Как только это стало известно властям, они арестовали священника. <...>

В 1932 отцу Зосиме было разрешено переехать в Юрьев-Польский. Он устроился работать счетоводом, а в свободные дни управлял хором в единственном действующем в городе храме во имя святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана. На клиросе под его руководством пели тогда старые монахини из закрытого властями Петропавловского монастыря (С. 67—70).

Середина 1920-х, Воронеж **Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский**

Церковное положение в Воронеже [в 1926] было таково, что многие храмы к этому времени были захвачены обновленцами... <...>

Пребывание архиепископа на Воронежской кафедре, его истовое совершение богослужений, любовь к верующим — все это действовало на обновленцев уничтожающе. <...> В Воронеже архиерей был особенно дружен с народом, который собирался на его службы в великом множестве. С ним архиерей проводил все свои дни — в церкви и дома... <...>

Служил архиепископ по афонскому чину: каноны, кафизмы, стихиры — все читалось и пелось неспешно, без пропусков, поэтому службы длились по несколько часов, но народ не уходил из храма до окончания богослужения.

Архиепископ Петр не любил партесного пения и наладил в храме пение народа, чтобы пела вся церковь. Часто, стоя на кафедре, он сам запевал «Хвалите имя Господне», и затем все пели полностью оба псалма афонским распевом. Центр народного пения в храме составлял небольшой хор, который в шутку называли «капеллой»; управлял им талантливый и неутомимый регент архимандрит Игнатий (Бирюков). Клиросному послушанию он отдал много лет жизни, собирая от многих мест и затем вводя в церковный обиход древние роспевы. После службы люди подходили к архиепископу под благословение, а в это время весь храм пел стихиры и тропари (С. 54—55).

1920-е, Воронежская область

Преподобноисповедник Игнатий (Бирюков)

Преподобноисповедник Игнатий (в миру Иван Адрианович Бирюков) родился 25 мая 1865 года в городе Бирюче Острогожского округа Воронежской губернии в семье крестьян... <...> 9 октября 1878 года, когда Ивану было тринадцать лет, родители, помолвившись, благословили его поступить в ближайший к городу Валуйский монастырь. <...> Послушание ему было дано клиросное... <...> Когда скончался в монастыре регент, настоятель благословил управлять монастырским хором Ивана.

При монастыре была школа для детей-сирот... <...> Дети участвовали и в монастырском хоре. Правый клирос состоял из двадцати человек: басы и тенора набирались из монашествующей братии, а дисканты и альты из детей монастырской школы.

Став регентом, Иван принялся за изучение теории вокальной и инструментальной музыки, научился играть на скрипке и фисгармонии; игра его на этих инструментах хотя и не была профессиональной, но вполне достаточной для изучения вокала. В 1888 году он издал нотный сборник — догматики восьми гласов знаменного распева. Было у него несколько произведений собственного сочинения, но Иван по смирению не стал их издавать, и они все остались в рукописи. <...>

[В 1894 совершил семимесячное путешествие на Святую Землю и Афон. В 1912 был избран братией настоятелем Валуйского монастыря в сане архимандрита.]

В 1924 году власти закрыли монастырь. Отец Игнатий уехал в город Бирюч, где некоторое время жил у родственников. <...> Архиепископ Петр (Зверев) назначил его на место, которое наиболее соответствовало дарованиям отца Игнатия и намерениям владыки привлечь народ к участию в богослужении: он поставил его руководить церковным народным хором (С. 376—377).

Игумен Дамаскин (Орловский).

*Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 4.*

1920—1930-е, Нижегородская область

Священник Николай Державин

Николай Державин родился в городе Козьмодемьянске на Волге в семье священника о. Василия Державина. <...> Поступил в Нижегородскую семинарию, которую окончил в 1918 году. Недавнего семинариста и сына священника власти мобилизовали в рабочий батальон. Здесь на положении полузаклученного Николай пробыл два года, до конца Гражданской войны.

По возвращении он поступил псаломщиком в храм села Мухино, неподалеку от Бора. Кроме клиросного послушания он с усердием обучал прихожан пению. <...>

В то время во многих городах устраивались диспуты с безбожниками. Должен был быть такой диспут и в Городце. Архиерей послал туда Николая, и он произвел на слушателей такое впечатление, что про безбожника было сразу забыто. Его пламенная чистая вера пленила горожан, и они отправили делегацию к архиепископу с просьбой рукоположить молодого чтеца в священники. <...>

В 1927 году епископ Городецкий Неофит (Коробов) рукоположил его во священника. <...> В декабре 1928 года о. Николай был арестован и заключен в Нижегородскую тюрьму.

Это был удивительный период жизни в неволе. Надзиратели и администрация тюрьмы не препятствовали совершению церковных служб, но часто сами стояли у дверей и слушали вместе с уголовниками дивное пение, когда со вдохновением и умилением пело одновременно двадцать—тридцать голосов. Бывали дни, когда все камеры, где находились епископы, священники и миряне, начинали петь сразу, и тогда тюрьма обращалась в подобие храма... (С. 24—26)⁴³.

Регент Ветлужского собора Михаил Алексеевич Вячеславов

Родился в 1888 году в селе Ильинском Великоустюжского уезда в семье священника. Окончил духовную семинарию. В конце 1936 года епископ Городецкий Неофит пригласил его в Ветлугу. Расстрелян в 1937 (С. 180).

Регент храма села Борятино Владимир Михайлович Козлов

В трудные для крестьян годы (1928—1932) храм остался совсем без священника и так достоял до середины тридцатых годов, когда в нем стал служить последний в селе священник о. Михаил Козлов. <...>

Сын о. Михаила Владимир тоже был когда-то священником, имел семью, четверых детей, но, овдовев, пленился страстью к молодой девице, певшей на клиросе, у которой от природы был дивной красоты голос. Отец Владимир снял с себя священнический сан и женился. Обретя вожаденное, он не обманывал себя, зная, что выбрал худшее, небесному предпочел земное, свободному — страстное, рабское. Теперь Владимир служил в храме у отца регентом. Регентом он был ревностным и не желал ни при каких обстоятельствах покидать храм. <...>

В 1937 году о. Михаил и его сын Владимир были арестованы. В тюрьме безбожники предлагали Владимиру отречься от веры, обещая свободу, но он предпочел более выгодный торг, ценою мученической смерти приобрести душе первые одежды. Вместе с ним в заключении скончался о. Михаил (С. 202).

Игумен Дамаскин.

*Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия. Том 1.*

⁴³ Далее находился на Соловках, в ссылке в Карпополе Архангельской области. В 1934 вернулся в Городец, был расстрелян в 1937.

РУБЕЖ 1920-х — 1930-е*Василий Алексеев***Невидимая Россия***Фрагменты из романа***1928, март, Москва*****Храм Большое Вознесение***

Григорьев и Павел вышли на улицу. Лицо Григорьева было мрачно.

— Эх, выпить бы! — выдавил парторг сквозь стиснутые зубы.

— Следующая лекция по истории империализма, Лукина, — осторожно напомнил Павел.

— Не пойду, — решительно отрезал Григорьев.

Неожиданная мысль блеснула в уме Павла:

— Знаешь, сегодня похороны знаменитой русской артистки... заупокойная литургия в церкви Большого Вознесения, совсем близко. Служит архиепископ Трифон, архиерей очень образованный, умный и прекрасный проповедник. Пойдем, наверно, ты таких служб еще никогда не видал.

Мрачное выражение лица Григорьева сменилось удивлением и даже стало несколько растерянным.

— Ну, что же, сходим, — наконец решил он, и в серых хитрых глазах парторга блеснуло озорное любопытство.

Большой ампи́рный храм был полон, стояли плечом к плечу. Невысокий Григорьев совсем потерялся в толпе и сразу утратил свой обычный апломб. Величественные заупокойные песнопения звучали над толпой. «Отче наш» пропели молящиеся.

— Будем петь все, — обернулся протодьякон с амвона и повел общенародный хор звонким металлическим баритоном⁴⁴.

Середина храма была полна мужчинами. Москвичи привыкли и любили петь всем народом — храм дрогнул от торжественного гимна.

Павел искоса взглянул на Григорьева. Лицо парторга было бледно, на лбу от непривычной тесноты выступил пот.

«Но избави нас от лукаваго»... И сразу наступила тишина.

На амвоне, вместо высокого, широкоплечего протодьякона, появилась худенькая фигурка старика. Старчески проникновенный и в то же время неожиданно мощный голос заговорил:

— Таинственны явления смерти и рождения. Пути Господни неисповедимы. Невидимая рука направляет материальные процессы физической жизни. Из неведомого нам небытия, темной стезей утробного развития родится на земле новый

⁴⁴ Прототип — о. Николай Остроумов (см. в разделе «Диакон»).

гений, очаровывающий человечество своим дивным дарованием, разгорается необыкновенным светом и внезапно тухнет, сходит опять в неведомое небытие. Значит ли это, что все земные ценности безвозвратно исчезнут после физической смерти, как говорят материалисты, или есть что-то, что не поддается тлению?

Толпа замерла. Голос проповедника стал громче и тверже. Павел взглянул на Григорьева. Он еще более побледнел, в глазах чувствовалось напряжение и мука: от ответа на вопрос зависел смысл жизни, но ответ архиепископа был предreshен, и это не был ответ самого Григорьева. <...>

— Ну, как? — спросил Павел утомленного непривычным стоянием Григорьева.

— Как? — конечно, хорошо, — не сразу ответил парторг. — Знаешь, надоело повторять, подобно попугаю, то, что тебе на сегодняшний день партия мелом на доске напишет... надоело... Я попов не люблю, но то, что он говорил сегодня, выше жвачки, которой нас пичкают каждый день! (С. 44—45)⁴⁵.

1929—1931, Москва

Храм св. Николая в Кленниках

Храм был небольшой и полутемный. Не совсем обычная, очень тихая, напряженная толпа наполняла его. Павел с интересом вглядывался в лица окружающих. Среди молящихся поражало большое количество молодежи. Молодежь эта тоже была необычная. Павлу вспомнились слова Николая: «У нас пострижено несколько священников тайным посвящением». Очевидно, есть и тайные монахи — вот бледный большеглазый юноша, совсем похож на послушника... рыжеватая редкая борода, стоит и никого кругом не замечает. Вот две девушки сосредоточенные, в темных шапочках — тоже, может быть, монашки... что-то уж слишком молоды! А вон... — Павел очень удивился — он увидел ассистентку известного профессора древнерусской литературы. Было как-то совсем непривычно думать, что человек, которого часто видел в советском университете, может ходить в церковь, да еще в такую, как эта. А это кто? — Павел был совсем поражен: мимо прошла бледная девушка, студентка его факультета.

За этих можно не бояться, — думал Павел, — они уже и сейчас больше походят на христиан эпохи катакомбной церкви, чем на современных людей, а все-таки жаль их... Николай говорил, что в подвале храма систематически работали иконописные и богословские курсы. К закрытию прихода они, конечно, готовы, но без церковного здания им будет много труднее и рискованнее.

⁴⁵ Фрагмент датируется по дате отпевания М. Н. Ермоловой. Из слова преосвященного Трифона (Туркестанова) памяти великой актрисы:

Страдания необходимы в жизни, без них жизнь была бы пуста, пошла и ничтожна, но только те страдания увенчиваются нетленным венцом небесным, которые претерпеваются во имя высшего долга перед человечеством, которые несут в разрешающем аккорде успокоение, радость и Свет Небесный (*Митрополит Трифон Туркестанов. Письма о духовной жизни*. М., 2007. С. 52).

Павел сильно опоздал к началу всенощной. Когда он вошел, уже начали читать Шестопсалмие. Традиционная вязь алта чтицы как нельзя более гармонировала с полумраком и общим торжественно грустным настроением.

Главный их священник в ссылке, его заменяет бывший юрист, совсем недавно посвященный... Шестопсалмие кончилось. Безголосый дьякон, тоже совсем молоденький, возгласил Великую ектению. Хор пел нестройно, чувствовалось, что певчие любители. После чтения Евангелия на амвон вышел старичок, похожий на Николая Угодника.

— Братья и сестры! Два года тому назад мы с вами осиротели: не стало нашего настоятеля. Теперь у нас отнимают храм. Не унывайте! Спаситель сказал: «Там, где двое или трое соберутся во имя Мое, там и Я посреди них». Мужайтесь! Церковь Христова сильна не богатыми храмами, не пышными богослужениями, но подвигами, постом, трудами, делами добрыми, любовью и кровью мучеников. Ныне Господь посылает и нам с вами испытание. Примем его с любовью и смирением!

Все стояли тихо-тихо. Где-то в углу храма истерически зарыдала женщина. Молящиеся медленно, без толкотни стали подходить под благословение. Священник благословлял и целовал каждого подходившего в лоб (С. 86—87)⁴⁶.

Начало 1930-х⁴⁷, Москва

Глава четырнадцатая. В Елохове

Павел по освобождению почти не бывал в церкви. В это время на весь город, вместо нескольких сот дореволюционных храмов, осталось всего около десятка незакрытых церквей. Лучшие священники и архиереи погибли в тюрьмах, лагерях и ссылках; к оставшимся относились с недоверием — каждый из них мог оказаться секретным сотрудником НКВД. Из-за того, что прихожан на оставшиеся церкви было слишком много, и для того, чтобы избежать недоверия со стороны верующих, обычная исповедь почти всюду была заменена исповедью общей. Священник выходил на амвон и говорил о покаянии, толпа в несколько сот человек каялась про себя, затем все по очереди подходили получить отпущение и при этом могли говорить со священником отдельно, если хотели. Почти то же самое было с крещением: крестили одновременно, нося кругом купели вереницу плачущих младенцев.

Архитектор Мельников, у которого жил нелегально Павел, был очень верующим человеком, любителем торжественных богослужений. От него Павел узнал, что все протодьяконы, по тем или иным причинам, перестали служить. Михай-

⁴⁶ Место и дата определяются по упоминаемому аресту настоятеля о. Сергия Мечева (октябрь 1929). Храм был закрыт в 1932. Бывший юрист — вероятно, о. Борис Холчев (в дальнейшем — архимандрит; скорее филолог по образованию), иконописные курсы при храме вела М. Н. Соколова.

⁴⁷ Фрагмент датируется по упоминанию возвращения в Москву героя романа Павла (он же — сам Василий Алексеев) и по упоминанию протодиакона Михаила Лебедева как расстрелянного (1930).

лов, лучший бас, любимый протодьякон святейшего Патриарха Тихона, перешел, по-видимому не без нажима, в Большой театр и там быстро делал карьеру. Холмогоров, второй русский Шаляпин, был выслан из города и служил в провинции. Лебедев, еще лучший бас, чем Михайлов, был расстрелян, остальные арестованы, высланы или вынуждены перейти на сцену. Об архиереях и говорить не приходилось. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей, став на путь компромисса, потерял любовь и уважение верующих. Служил он в храме Богоявления в Елохове, в единственном незакрытом в Москве соборе. С тяжелым сердцем Павел поехал туда к обедне. Когда он входил, вспомнились прежние, так любимые им богослужения. Народу было много, но большинство уже составляли женщины. Пели слепые, по сравнению с прежними хорами — нестройно и незвучно. Вышел сам Сергей. Длинная борода, большое круглое лицо, холодные глаза... Павел не чувствовал к несчастному старику ни уважения, ни любви — только жалость. Женщины подходили к нему под благословение, мужчины избегали это делать. Что-то было надломлено, чувствовалось, что небольшое, еще оставленное властью, будет скоро отнято (С. 327—328).

1930, Сергиев Посад

16 января

Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело: по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей.

24 января

— Православный? — спросил я.

— Православный, — ответил он.

— Не тяжело было в первый раз разбивать колокол?

— Нет, — ответил он, — я же за старшими шел и делал, как они, а потом само пошло.

И рассказал, что плата им на артель 50 копеек с пуда и заработок выходит по восемь с половиной рублей в день. <...>

К этому рассказ Попова: прошлый год вся великолепная академическая библиотека (500 000 томов) чуть-чуть не попала на свалку в колокольню из-за того, что помещение ее понадобилось для какой-то затеи. Так! Почему бы в таком случае инициативу уничтожения монастырей не объяснить просто попыткой отдельных лиц выслужиться; инициативу питает выслуга, мотивировка: потребность в кирпиче и цветном металле. И все! Это, конечно, так, если смотреть в упор, но, с другой стороны, возможность действия негодяев является результатом, во-первых, окончательного разложения церкви (семинаристы же действуют), во-вторых, при перегонке мужиков в коллективы необходимостью потрясающего их мирозерцание эффекта (мы все можем, нет чудес против нас).

6 мая

— Покажите же, за что вы хотите гореть, мы, может быть, вас удовлетворим.

— Крест.

— Пожалуйста, несите крест, у нас Голгофа для всех открыта. Не хотите истинной Голгофы, идите в Живую церковь: там недурно.

Михаил Пришвин. Дневники. 1930—1931. С. 11, 16, 17, 19, 101—102.

23 марта 1930, Ленинград

Как ни было плохо [дочери] Алене, когда я заходила в церковь помолиться перед Распятием, я не могла не молиться за Россию. Когда я закрываю глаза и думаю о России, мне представляется она живым существом, с которого сдирают кожу, кровь хлещет. Такого разорения, такого наказания, конечно, Россия не переживала никогда, даже при татарах. Тогда можно было защищаться, героически умирать, жив был дух, мог быть «злой городок Козельск», Китеж Божья Матерь накрыла своим покровом. Какое счастье опуститься в бездонную глубину, слушать благовест святых колоколов и не быть. Кстати, Пришвин у Шишковых рассказывал (показывал снимки), как сбрасывали в Троицкой лавре колокола Годунова и других. Когда их уже свалили и вокруг толпились официальные лица, случайно подошел мужик, ничего не знавший об этом. Он остановился и долго и удивленно смотрел на разбитые колокола, потом взглянул наверх, понял. «Сукины дети», — единственно, что он мог сказать. Я передавала это [П. Е.] Щеголеву. «Ну, если это единственный протест русского народа, то это не страшно, надо все колокола снять, к чему они и кому нужны?»

Людмила Шапорина. Дневник. Т. 1. С. 90.

1931, февраль, Москва

<...> Сергей живет теперь где-то высоко в наемной угрюмой казарме на Воздвиженской улице, в сердце Москвы, на шумном проездом пути, который проходит от Александровского сада около кремлевских стен к Арбатским воротам. Он живет там в бедной комнате, скорее в монастырской келье, чем комнате; жизнь более суровая, чем монастырская, в бедности, христианском смирении, мучеником за свою Церковь, за свою веру, за свой народ. В так называемой беседе с 12-ю журналистами, как бы стоя перед мировым микрофоном, он все же не хотел говорить и не все хотел сказать, чтобы не выдать свое бедное стадо. Когда европейское христианство иногда обвиняло его в трусости и измене — оно было неправо. Нужно самому видеть в Москве страдающую Церковь, понять, что здесь применяется в буквальном смысле древлехристианское, древлесаветское «непротивление злу», и тогда поведение митрополита Сергея будет понятным. Если Православная Церковь хочет спасти свою автономию, то это есть единственный путь. <...>

О, эта картина как бы из другого мира, видеть Сергея, старца с седой бородой, едущим в своей серой длинной рясе, с единственным украшением — крестом на

груди, на трясущейся извозчицъей кабриолетке — служить литургию в одной из московских церквей. Я сам был свидетелем, как он, чрез шумные улицы, среди мчащихся трамваев и автобусов, ехал из своей квартиры на Воздвиженке в церковь св. Николы [на Щепках]; я не знаю, что было наиболее удивительным, чудесным в этой неземной сфере там, в этой отдаленной и для иностранца трудно находимой церковке, где-то позади Смоленского бульвара: торжествующая ли музыка или дивные церковные службы, совершаемые медленными движениями старцем, или же сияющие взоры и мокрые от слез глаза всех этих несчастных, бедных и убогих, которые, на миг оторвавшись от своего несчастья, пристально внимают святой Мистерии, совершающейся там, среди икон и кадильного благоухания. И это не есть исключение; каждое воскресенье можно видеть старого митрополита, совершающего святую литургию в какой-либо из бесчисленных, еще не закрытых церквей... Нужно самому часами простоять в московских храмах, когда митрополит служит Божественную литургию среди крестьящихся, в великом смирении коленапоклоненных верующих, чтобы понять, какое «небо на земле» представляет все это для страждущих людей. Почти райское блаженство доставляет эта мистическая служба, нежные мелодии псалма «Благослови душе моя Господа», «Благословен еси Господи» или старовизантийская зачаровывающая мелодия «Достоинство есть», любимая песнь в честь святой Богородицы. И, как противоположность этому, позади осаждающих церковные ворота нищих шумные выкрики радио, непрерывные звонки трамваев и гудки автобусов, резкие выкрики продающих газеты мальчишек... <...>

Нужно только видеть тот древлехристианский экстаз, когда народ выступает вперед, к открытым вратам иконостаса, чтобы приобщиться Тайн Христовых, как они целуют потир, священника и друг друга... Здесь видишь русский народ в его чистейших настоящих русских, глубоко христианских чувствованиях. Это есть собственно осуществление нового человека, так как в этом и заключается глубокий, существенный смысл Евхаристии, новый человек и новое общество... <...>

О, эта утонченная и умиленная сфера славных церквей святой Москвы. Этот священник в открытых вратах, перед блистающим алтарем, среди пристально смотрящих из икон святых, священник, простирающий свои руки к своему созерцательному, внимательно слушающему стаду, с простертыми руками к дикой, шумной Москве, и далее к широкой русской земле, этот тихий священник, страдающий Христос-человек среди своей страдающей и все же тихо умиленной Тайной Мистерии Церкви, сияющей паствы, этот старый священник — есть коллектив всего христоролюбивого славянского народа... <...>

Кто видел Церковь такую в ее святом центре в Москве, тот должен верить в ее миссию, в то великое дело, которая Православная Русская Церковь имеет еще совершить. Тяжело грешила она последние века своим «содружеством» с государством, но в настоящее время Она преображается в мученичестве. <...> Истекающей кровию Православный народ, страждущее тело Христово, уже не протестует больше против большевизма, он борется с обоготворением большевиками государства

лишь в душе, чисто подвижническим образом, силою духовного преображения, носителем которого он является. Так учит он Европу, как нужно по-настоящему бороться с большевизмом, чрез абсолютное самоуничужение, смиренною братскою любовью. Мир (Европа) мало понимает тот путь, которым идет Православная Церковь.

<...> Кто жил и молился с этим бедным «Богоносцем» в их разрушающихся и обедневших церквах, среди икон и поющих священников, тот не может уже больше верить в мрачный Запад; он может верить лишь только в Святую Россию, в третье вечное царство Достоевского, в Москву, в матушку Москву, в золотоголовую церковную крепость, видение Достоевского, его прибежище и его спасение: новая Россия будет Третьим Царством...

В России скрываются неиссякаемые семена конечной славы божественной жизни. В этом заключается глубокий смысл торжествующего крика Пасхальной русской ночи: «Воистину воскресе!»!

Петр Гендрикс. Впечатления от поездки в Москву (Акты... С. 796—799).

Рубеж 1920-х и 1930-х, Кострома⁴⁸

Папа ежедневно по утрам уходил рано в церковь. Очень скоро по приезде он стал посещать храм Всех Святых, красиво стоявший в конце Муравьевского бульвара, высоко над Волгой. Там был чудесный священник отец Сергей Никольский, скромнейший, достойный всякого уважения иерей. По возрасту он был близок к отцу, но производил впечатление древнего старичка, убеленного сединами. С моим отцом они хорошо поняли и искренне полюбили друг друга. Отец стал незаменимым чтецом, певцом и регентом. <...>

[В 1931] церковь Всех Святых на Муравьевке была закрыта, и о. Сергей, а с ним и отец мой перешли неподалеку, тоже над Волгой, в церковь свв. Бориса и Глеба.

Иногда в будние дни мы с отцом пели вдвоем, если мне удавалось пойти в церковь до работы. Особенно помню, как любил он две Херувимские песни: одна называлась «На разорение Москвы» (другого названия ее я не знаю), печальная, минорная, тягучая, и вторая «Софрониевская» — очень красивая по мелодии и простая. Я-то была далеко не первостепенной певицей, но на фоне его прекрасного голоса и опоры — получалось. Еще очень часто пели мы канон Божией Матери «Скорбных наведения» московским распевом.

Е. А. Чернышева-Самарина. Александр Дмитриевич Самарин. С. 195, 199.

1930—1933, Калуга

Владыка Павлин любил службу Божию и служил часто. По окончании божественной службы он всегда всех благословлял, стоя на амвоне. Благословляя, он обычно начинал петь общеизвестные церковные песнопения, всех привлекая

⁴⁸ После нескольких арестов и сибирской ссылки А. Д. Самарин получил «минус шесть» и в 1929 поселился с дочерью Елизаветой в Костроме, где и скончался в 1932.

к общему пению. Преподав благословения и направляясь к выходу из храма, он останавливался у дверей, окруженный прислуживающими ему мальчиками и народом, — и опять пели различные церковные песнопения. В воскресные дни, а также в Господские и Богородичные праздники и в дни памяти особенно чтимых святых обязательно пели тропари, а также и другие песнопения, соответствующие воспоминаемому евангельскому событию. Часто пелись: «Воскресение Христово видевше», «Заступнице усердная», «Под Твою милость» и другие. Особенно полюбился преосвященному умильный припев к акафисту иконе Божией Матери Казанской — «Радуйся, Заступнице усердная рода христианского».

Владыка очень любил церковное пение. Когда он пел вместе с окружающими его людьми, видно было, что в пение он вкладывал всю душу. Казалось, что он и не ушел бы из храма, а все стоял бы и пел.

Надо полагать, что, привлекая молящихся к общему пению, он имел в основном одну высокую цель — приучить их к сознательному произношению слов молитвенных, чтобы не только устами, но и умом, и сердцем возносились они к Небу.

Это общее пение, это «братание» с народом некоторыми, по наущению диаволу, было принято крайне недоброжелательно. Последовали насмешки, а в отдельных случаях даже грубые, оскорбительные выражения по адресу преосвященного. Но он как бы не замечал ничего... Перед собой он видел только одно — Господа Вседержителя, чрез святую Церковь призвавшего его на апостольское служение. Это служение он и стремился по возможности выполнять, несмотря ни на какие препятствия... <...>

В 1933 преосвященный Павлин принимал участие в сессиях Св. Синода. С этой целью поездки в Москву совершались им несколько раз в год. Из последней своей поездки на сессию им была привезена фотография — групповой снимок участников сессии во главе с Патриаршим Местоблюстителем, блаженной памяти митрополитом Сергием. В числе участвующих на сессии был и Ленинградский митрополит — впоследствии Святейший Патриарх Алексей, тогда еще совсем не старый.

Деятельность Преосвященного Павлина как архипастыря Калужской епархии была, конечно, по независящим от него обстоятельствам крайне ограничена. Она вообще, можно сказать, была заключена в тесные рамки, которые с каждым последующим годом сжимались все теснее. Он страдал, видя Церковь, раздираемую извне и изнутри... Вдвойне страдал, сознавая свою беспомощность и невозможность развернуть свою апостольскую деятельность во всей силе. Молча страдал, смиренно преклоняясь пред непостижимыми для человеческого разума судьбами Божиими...

Не считая неоднократных поездок в Москву, предпринимаемых преимущественно по делам Церкви, преосвященный из Калуги никуда не выезжал. За время своего служения на Калужской кафедре он не только не был ни в одном городе своей епархии, но и вообще никуда не выезжал за пределы города. <...>

Служил преосвященный Павлин часто, не только в большие праздники и воскресные дни, но и в дни празднования многих особенно почитаемых им святых и вообще в памятные для него, по какому-либо случаю, дни.

В первый же год своего служения в Калуге он привлек в Казанский храм любителей церковного пения, из которых составилась довольно приличный хор. Певчие, мужчины и женщины, до такой степени полюбили преосвященного, что всегда старались узнать, когда и где он предполагает служить или только присутствовать при богослужении. Узнав об этом, они в полном составе являлись петь. Однажды владыка, выразив приятное удивление, увидев их в хоре одной из церквей, где он присутствовал, услышал в ответ слова: «Мы, владыка, — ваша тень. Где вы — там и мы...»

Иногда он приглашал певчих к себе. Преимущественно это бывало в праздничные дни. После скромного угощения он всегда просил их петь, причем сам принимал участие в пении. Пелись, главным образом, церковные песнопения и изредка «псалмы», духовные стихи.

Во время пения он иногда останавливал певчих на некоторых словах, повторяя их раздельно. Так, например, во время пения «С нами Бог» из великого повечерия он останавливался на словах: «Отец будущего века». Или из «Величит душа моя Господа» он останавливал внимание поющих на словах: «Восприят Израиля, отрока Своего», поясняя при этом, что, как отрока, держит Господь руками Своими избранных Своих... Взор его при этом становился глубоким и проникновенным...

У владыки в приемной комнате стояла очень хорошая фисгармония. Особенно владыка любил тропарь Великой Субботы «Благообразный Иосиф». Даже не только во время Великого поста он предлагал пропеть это умиленное песнопение. Причем во время пения он как бы уходил от всех. Лик его становился отрешенным, казалось, что в этот миг он всецело переносится душою туда, где совершилось много веков назад искупление человеческого рода...

Преосвященным Павлином впервые в Калуге были введены вечерние богослужения по воскресным дням. Они отличались особой торжественностью и совершались по особому, необычному чину, возможно составленному им самим. Воскресные вечерни совершались в честь прославления Воскресшего Господа и проводились даже тогда, когда по Уставу полагалась служба какому-либо особенно прославленному святому, как, например, в канун памяти преп. Серафима Саровского.

Начало вечерни было обычное. По окончании вечерни совершался крестный ход внутри храма с пением «С нами Бог» (вокруг храма шествия не разрешались). Затем следовал акафист Спасителю. После акафиста — Евангелие, чтенное на Литургии в этот день. После Евангелия — пение всеми молящимися «Воскресение Христово видевше». Все заканчивалось поучением, которое произносил владыка и которое особенно жаждали услышать присутствующие⁴⁹.

Священномученик Павлин (Крошечкин), архиепископ Могилевский. С. 39—45.

⁴⁹ После 1933 владыка Павлин был архиепископом Могилевским; расстрелян в 1937; священномученик.

2 августа 1931, Архангельская область

В Ляховский сельсовет
дер. Звягинской

Биография гражданина И. С. Карпова

В 1898 году остались мы от отца впятером: дед, старик 84-х годов, мать 41-го года, я девяти лет, сестра двух лет и брат Василий трех месяцев. Отец был самый прегорький пьяница и пропил все хозяйство... <...>

В 1902 году мать отправила меня в Соловецкий монастырь на год, чтобы выполнить данное Богу обещание при моем рождении... <...> В монастыре у меня нашли приличный голос — альт — и взяли в соборный хор, предварительно изучив ноты, так что в течение года выработали из меня певца, самостоятельно ведущего свою партию альты. Тут стал у меня развиваться певческий вкус, так что я вполне понимал ту мысль или чувство, которое было вложено композитором при сочинении песнопения или концерта. Прожив в монастыре один год три месяца, я вернулся домой, чтобы заняться хозяйством. <...>

Пробившись три года, я никак не мог свести концы с концами в своем хозяйстве... <...> Проезжал по школам инспектор-наблюдатель, через которого было сообщено устюжскому архиерею обо мне, деревенском парне, имеющем голос-тенор и знающем нотное пение. Через месяц было предложено мне явиться в Устюг к регенту хора на испытание. Вот тут-то и решилась моя судьба, что я ушел из дома и был принят в хор. Обеспечение мне было: своя одежда, готовый стол с квартирой да доход хора 3 рубля 50 копеек. При таком обеспечении я едва дотянул год, и то благодаря тому, что иногда находил столярную работу. Нужно было устраиваться иначе. Согласно прошению я был определен исправлять должность псаломщика к лябельской церкви Красноборского района... <...>

24 мая 1928 года я отказался от должности псаломщика лябельской церкви...

Из воспоминаний И. С. Карпова

[В 1931 или 1932] я решил идти на Пасху в [соседнюю] черевковскую церковь, услышал, что там будут петь хором административно высланные, а они певчие. Один из них артист императорских театров, контроктава. Поразительно было пение, хотя трио — бас и два тенора. Даже приятно слышать один такой бархатный бас. Поразительно хорошо исполнили концерт Дегтярева «Днесь всяка тварь».

Вокруг церкви на стенах зажжены фонари с буквами: «С сегодняшнего дня колокольный звон умолкнет навсегда». При входе в храм сделана трибуна, и в начале богослужения открыли митинг.

<...> В 1934 году перед Пасхой была объявлена антипасхальная неделя. Учительство, члены сельсовета и актив обязаны были обойти все дома колхозников с разъяснением о Пасхе как суеверном пережитке старых некультурных людей и чтобы Пасху ничем не отмечали: не украшали ничем своих квартир, не пекли ничего праздничного. В пасхальную ночь всем колхозникам выйти на субботник.

Я, как свободный [лишенец], пошел в ягрышскую церковь к пасхальной утрени, запели первую часть канона «Воскресения день», и вдруг заиграла гармонь. Трое комсомольцев стояли на лавке с гармонью. Народ возмутился, но все были женщины-старушки. Колхозники все были на субботнике по вывозке на поле навоза. Священник вышел из алтаря и заявил, что он не может совершать богослужение, пойдемте, православные, из церкви. При выходе из церкви на крыльцо пришли два человека, член райисполкома, председатель колхоза, с трехметровой доской, отобрали у сторожа ключ и приколотили на двери церкви доску, и церковь закрылась навсегда.

*Иван Карпов. По волнам житейского моря. История моей жизни*⁵⁰.

С. 392—395, 192—193.

1931, 17/4 октября, Москва

То было несколько лет тому назад в сочельник. Наступал рождественский вечер. Мы с Михаилом Всеволодовичем спешили ко всенощной в Шереметевский храм⁵¹. Скрипели полозья извозничьих саней по снегу. Было морозно, но не ветрено. Луна сияла и освещала своим тихим, бледно-голубым светом землю. Царило какое-то величавое спокойствие и тишина, они заполняли душу, и чудилось, что в эту ночь нечто особенно торжественное и таинственное должно совершаться на земле. В короткие мгновения многое вспомнилось и перечувствовалось; всколыхнулись воспоминания, пережитые с раннего детства; все, что переживалось в разные эпохи жизни в этот праздник.

Тут были и картины раннего детства, елка, освещенная восковыми свечами, запах хвои, радостные лица детей; и одновременно: темный иконостас полуосвещенного деревенского храма, красная штофная занавесь алтаря, рождественские песни: «Христос раждается, славите», «Дева днесь Пресущественнаго раждает», Праздничное настроение в доме среди слуг и родных. Священник пришел с крестом, звучит песнь «Рождество Твое Христе Боже наш, возсия мирови свет разума». А затем далее: монастырь, ночная величавая, долгая служба, девяностолетний Оптинский архимандрит в тяжелой, шитой золотом ризе и митре, древние иконы, древние напевы, батюшка старец Амвросий в своей маленькой келье, его светлое личико, его дрожащая благословляющая ручка, запах росного ладану, иконы по стенам... А там, еще позднее, я сам священник и архиерей... Успенский древний собор, дивное ангельское пение Синодального хора, великолепный Храм Христа Спасителя, необъятные толпы богомольцев... А вот и родной мне Богоявленский монастырь, мои духовные дети; как многие из них состарились, а я их помню еще почти детьми. Все вспомнилось, промелькнуло и... погасло!!!

⁵⁰ Более обстоятельное освещение певческой и собирательской деятельности И. С. Карпова, прожившего очень долгую жизнь (скончался в 1986), будет дано во второй книге тома.

⁵¹ Имеется в виду церковь Живоначальной Троицы в Шереметевском странноприимном доме (ныне более известном как НИИ скорой помощи имени Н. В. Склифосовского). Закрыта в 1925. Ныне в отреставрированном храме вновь ведутся службы.

Но вот мы въехали в ворота обширного двора. Величавый дворец Шереметевской больницы в стиле ампир, высокий подъезд, белые колонны, множество народа на ступенях огромного крыльца, а среди них на возвышении Екатерина Владимировна, вся в белом, залитая лунным голубым светом, лучезарная и радостная, как ангел с неба, ждет с ангельским приветствием «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение»,

Распахнулись широкие входные врата. Море огня, беломраморный храм, духовенство встречает в золотых ризах, а с клироса несется гимн «Рождество Твое Христе Боже наш». Незабвенные минуты. Как много в них и духовной высшей красоты, и высшей духовной радости и света. И как больно за тех, кто их не испытывал и не может их понять. Бедна их безотрадная жизнь. И где и в чем им найти верную радость и утешение, какие не покидали бы их во время горестей и страданий, неизбежных в жизни.

Благодарю же Тебя, Боже мой, за себя и за всех моих духовных детей за то, что Ты дал нам понять и почувствовать сердцем и душой великие ангельские слова «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение».

Митрополит Трифон (Туркестанов). Из моих воспоминаний.

1932, Москва

1932 год нужно считать годом рождения той стройной системы хорового образования, которая существует и по сей день во всех высших музыкальных учебных заведениях страны.

Автору этих строк, тогда студенту первого курса, довелось быть восторженным свидетелем этой творческой эпопеи — создания в Московской консерватории первого в Советском Союзе учебно-методического центра по воспитанию молодых деятелей советского хорового искусства — дирижерско-хорового факультета, когда в 1932 году блестящая плеяда маститых популярнейших хоровых дирижеров — Н. М. Данилин, П. Г. Чесноков, А. В. Александров, А. В. Никольский⁵² — отдавали все свои знания и опыт, закладывая крепкие основы нового, советского высшего дирижерско-хорового образования.

Владислав Соколов. Жизнь в хоровом искусстве. С. 99—100.

1933, Ленинград

Следующий тяжелый удар по духовенству епархии был нанесен весной 1933 года при проведении в Ленинграде паспортизации населения. 16 марта на совещании районных инспекторов по вопросам культов представитель ОГПУ Медведев проинформировал их о проживании в городе около 600 служителей культов, из которых только 60 % прошли регистрацию, и указал, что выдача паспортов для них с момента данного совещания устанавливается в следующем порядке:

⁵² Все перечисленные — известнейшие церковные регенты, которым с конца 1920-х было запрещено регентовать в храмах и распространять собственную духовную музыку.

«1. Ни один из паспортных столов не выдает паспортов служителям культов, и выдача таковых устанавливается в тройке при Райсовете...

2. Не выдавать академикам (то есть с высшим духовным образованием) и со средним образованием (семинарии), при этом обращая особое внимание на их полезность оставления в Ленинграде.

3. Не выдавать паспортов служителям культов иосифлянского вероисповедания.

4. Не выдавать паспортов дьяконам и регентам хоров, хотя бы он и был любитель... <...>

При выдаче справок и получении паспортов особенно крепко подходить к Сергиевской ориентации и мягче к обновленцам. <...>

...Также надо принять меры к устранению выступления в церковных хорах артистов...»

М. В. Шкаровский. Город на все времена. С. 213.

1930-е, Ленинград

5 апреля 1933

Паспортизация свергла всех в невероятное уныние. Подавленность, отчаяние, стон стоит. Я зашла на днях к Знаменью [в Детском Селе] ко всенощной, пели «Владычице, к Тебе припадем», не помню слова, толпа вся запела вполголоса, в полутьме, и мне казалось: это вопль, стон всей России.

22 октября 1937

В Ярославской губернии, в тех местах, где мы жили, арестованы все священники, псаломщики, церковные старосты, все, кто имел какое-нибудь отношение к религии, пастухи и проч.

9 апреля 1939

Кажется, первый раз в жизни я не пошла к заутрене. Некуда идти. В городе осталось три церкви⁵³, все переполнены людом. Крестного хода нет, с улицы даже «Христос Воскресе» не услышишь.

Людмила Шапорина. Дневник. Т. 1. С. 132, 215, 233.

⁵³ В разных источниках приводятся разные данные о количестве действующих храмов в Ленинграде в это время. По наиболее авторитетному источнику — книге М. В. Шкаровского «Репрессии православного духовенства Ленинграда и области в 1930-е годы» (СПб., 2010), к лету 1941 года в городе и пригородах действовало 13 храмов, в их числе «иосифлянские» и «обновленческие» приходы. В той же книге публикуется перечень действующих храмов, составленный митрополитом Алексием (Симанским) 4 сентября 1941. Всего православных храмов — 7, в их числе Никольский и Князь-Владимирский соборы, церкви на Волковом и Больше-Охтинском кладбищах, Коломяжская церковь, Знаменская церковь в Пушкине и Троицкая в Петергофе.

Вторая половина 1930-х, Ленинград

Между тем несметные толпы наполняли оставшиеся храмы. В 1936 году, чтобы попасть к светлой заутрене в Князь-Владимирском соборе, мне пришлось занять место на клиросе в 2 часа дня. Так же обстояло дело и в 1937-м, и в 1939-м. В 1938-м, 1940-м и 1941-м я был у заутрени в Никольском соборе. Так как этот храм двух-этажный, то здесь можно было занять место гораздо позже — в 7—8 часов вечера. В Великом посту сотни тысяч человек приступали к исповеди и причастию. Оставшиеся священники буквально сбивались с ног, падали от усталости. Подавалось огромное количество записок о здравии «скорбящих» (термин «заключенный» был запрещен). По всей стране храмы были закрыты. Оставалось менее 100 церквей.

Возникает вопрос, почему все-таки Сталин, истреблявший в это время даже зародыш какого бы то ни было инакомыслия, все-таки сохранил остаток церкви — патриаршего местоблюстителя, обновленческого первоиерарха, нескольких епископов. Видимо, уже тогда коварный и дальновидный диктатор предусматривал, что настанет время, когда он сможет использовать и этот козырь в своей азартной, сложной, кровавой игре за мировое господство.

Анатолий Краснов-Левитин. Лихие годы: 1925—1941. С. 324.

1936, Москва

М. В. Нестеров — П. М. Керженцеву, май

Моя выставка имела бы смысл только тогда, когда могла бы появиться моя большая, написанная в 1916 году картина «Крестный ход», но время для ее появления, полагаю, еще не настало, и я ни в каком случае не решусь дать эту картину на выставку, если на то не последует согласие И. В. Сталина, а он год тому назад обращавшимся к нему в этом отказал...

М. В. Нестеров — П. М. Керженцеву, сентябрь

Моих картин «Под благовест» и «Святой Руси», висевших в музее в самые суровые для меня годы, сейчас вовсе нет; «Под благовест» — одна из самых удачных, по общим отзывам, моих вещей — лет десять как находится в реставрационной мастерской и никак оттуда выбраться не может. «Святая Русь», получившая на международной выставке большую золотую медаль, убрана «в запас». Картин с фигурой Христа, с монахами как в Русском музее, так и в Третьяковской галерее много... того больше их в нашей классической литературе, и худого от того нет: прошлое — прошло.

М. В. Нестеров. Письма. С. 403, 408.

1936, Москва

В марте 1936 председатель Всесоюзного комитета по делам искусств П. М. Керженцев докладывал Сталину и Молотову об ошибках в деятельности Голованова в Большом театре и предлагал уволить его и назначить С. А. Самосуа. Это назначение состоялось в апреле 1936.

В конце 1936 Самосуд... говорил Л. З. Мехлису:

«Голованов и Нежданова бравировуют тем, что у них иконы в доме, что они не перекрашиваются, они не против советской власти, они аполитичны. Голованов в частной беседе говорил мне, что у нас в Большом театре трудно делать то, что вы делаете. У нас ведь Людовики все... Он хотел сказать, что театр к искусству не имел отношения потому, что мешали наверху вкусы правительственные. Людовики были сумасбродные люди. А это он говорит о нашем правительстве».

Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. 1939—1948. С. 506.

Из беседы С. А. Самосуда с Л. З. Мехлисом в конце 1936:

«В смысле общеполитических качеств Большой театр — это черносотенный остров. <...> Оркестр по составу очень хороший. Хор недурен, может быть, даже лучший в стране. Но он поет по-церковному, и вся его художественная линия построена на этом. Политическая и общественная стороны его очень низки. Вся труппа низко стоит в этом отношении. Объясняется это тем, что фактический руководитель этой кучки Голованов — это глубочайший черносотенец, необычайный антисемит, который преследовал воздух, не только людей, и старался в театр не подпускать никакой общественности».

Леонид Максименков. С. 442.

1938, Москва,

Узнаю, что ночная Пасхальная служба, ввиду ожидаемого большого наплыва народа, будет служить трижды — в полночь, в три и в пять утра: осталось слишком мало церквей, а потребность в религии большая... В громадной церкви тесно. Стою в стороне, прижатый к дверям. А толпа все вливается... Многие плачут...

На паперти среди нищих вижу священников. Когда я подаю рубль, обычно слышу: «Ваше имя, я помолюсь за вас, спаси вас, Господи...» Одетые в тряпки, нищие кланяются, снимают шапки, крестятся. И я не могу не поклониться и не снять шляпы. Не таинственный ли это русский Христос стоит тут в дверях Церкви Своей?..

Из темного алтаря, окруженный десятью священниками, выходит архиепископ с зажженными свечами в руках.

— Примите свет от Вечного Света.

Быстро перебегает свет от свечи к свече, превращая собор в волнуемое море огней. Архиерей и духовенство сходят с амвона и, отступив несколько шагов, останавливаются. Не только о крестном ходе (он запрещен), но и о выходе в притвор нечего и думать. Дяконы с трудом сдерживают напор толпы.

— Слава Святей, Единосущней, Животворящей и Нераздельней Троице всегда, ныне и присно, и во веки веков.

Хор отвечает: «Аминь».

И через некоторое время — победная песнь: «Христос Воскресе!» Подхватывает весь собор. И снова, и снова поет... Здесь — вся сущность Православия. Чувствую, как радость, подобно волне, перекачивается по этому людскому морю... Я никогда

еще не слышал, чтобы толпа могла так петь и с таким чувством. Это — не человеческие голоса, это — поющие души!

А потом началось христосование. Бесконечное целование архиепископа с народом. Это, быть может, высшая точка этой ночи. Не присутствую ли я при древнейших временах христианства первых веков, которые ученые стараются найти и понять? Так, должно быть, было тогда. И христианство это — здесь. «Прииди и виждь...»

Между тем на дворе — зрелище необычайное. Такое же людское море. Счастливы стоят на подоконниках и у раскрытых окон, оттуда наблюдая службу. Через них передаются наружу зажженные свечи. Люди держат их и поют. Тут же, среди двора, сидят и лежат десятки нищих. И эти бедняки в лохмотьях тоже поют: «Христос Воскресе!» Нищий священник, в рваном и заплатавшем подряснике, христосуетя со всеми. Когда я ему подаю, — целует мне руку...

Слышу, как вокруг меня плачут от умиления, и сам чувствую себя умиленным... Который час сейчас? Мы как будто вне времени. Тут я познал, что Пасха Православия действительно вне времени, а в бесконечной радости, что это не воспоминание чего-то случившегося когда-то и что это не обещание будущего рая, а рай здесь — на земле, подлинная жизнь в Боге, вот в этой церкви, в эту дивную ночь Воскресения и жизни...

Поздно вечером автомобиль Интуриста увозит меня на вокзал к ночному поезду. Все дальше уходит свет города...

С глубокой благодарностью вспоминаю о Святой Православной Церкви в советской России.

Петр Гендрикс. Пасха в Москве

Конец 1930-х, Ленинград

Центр тяжести деятельности верующей молодежи стал переноситься на нелегальные формы. Это хорошо видно по изменению возрастного состава приходских советов. К концу 1930-х годов в них остались почти одни пенсионеры. Менялся и состав церковных хоров, прислуживавших в храмах, которые теперь также стали регистрироваться. Органы НКВД целенаправленно уничтожали легальный молодежный церковный актив, фабрикуя соответствующие дела. В качестве примера можно привести инсценированное весной 1934 года «дело Захарие-Елизаветинского братства», якобы контрреволюционной организации, смыкавшейся с троцкистами. <...> В феврале 1936 года в Ленинграде прошли аресты по делу контрреволюционного молодежного кружка в Патриаршей Церкви, который будто бы возглавлял протоиерей Иоанн Орнатский. В итоге 12 молодых людей, прислуживавших в храмах, были приговорены к 5—10 годам лишения свободы и т. д.

Михаил Шкаровский. РПЦ в XX веке. С. 136.

Конец 1930-х, Ленинград

Критиковать действия митрополита Сергия (Московского) мы страшились. Не был ли он в течение первого года своего служения непоколебимо твердым, бесстрашным и мудрым стражем патриаршего престола, к которому с надеждой обращались все взоры? И если он затем пошел по иному пути, чем ожидали от него его пасомые, значит ли это, что сразу же надо было потерять к нему всякое доверие? Не он ли нес ответственность за духовную жизнь народа русского перед Богом и своею совестью?

Настроение митрополита Сергия было нам хорошо знакомо из писем к настоятелю нашего [Царскосельского] собора о. Николаю Смирнову (скончался в Гатчине от голода во время немецкой оккупации в 1942), его старому товарищу по Духовной академии. О. Николай не раз давал мне читать эти письма, и из них нетрудно было убедиться, что митрополит Сергий по собственной инициативе писать инкриминируемые ему декларации и декреты не был способен. Но тяжелой скорбью смертельно измученного человека и какой-то горькой иронией над самим собой дышала каждая строка его. <...>

Не надо забывать, что поколения широких народных масс, воспитанных в Православии, постепенно вымирают, часто, из боязни репрессий, не смея своим детям передать заветов русской старины. Дети их растут, как язычники, и лишь в тех, что сохранили еще остатки внутренней самостоятельности, Бог живет в виде очень смутного понятия о чем-то хорошем, связанном с ранним детством, с каким-то ушедшим невозвратно сном — «старой Россией». И вот они, не зная сущности Православия, каким-то внутренним инстинктом угадывая в нем «единое на потребу», цепляются за протянутую всем руку Церкви? Можно ли было вырвать у них эту последнюю опору? Можно ли было от них, нуждающихся еще в «детской пище», ожидать «поклонения в духе и истине», оставив их совсем без храмов? <...>

Священники служили истово и бескорыстно, исчезла совсем практика урезать службу, где было возможно и невозможно. Наоборот, всюду заметно было стремление вернуться к древней уставной службе, что хотя и очень затягивало богослужение, но лишь больше воодушевляло священников и привлекало множество молящихся. В Царскосельском соборе у «Знаменья» богослужение в последние годы мало чем отличалось от монастырского, пели на два лика, с канонархом. Были храмы, в которых ничего из положенного по уставу не выпускалось. Вычитывались все кафизмы, пелись с канонархом все стихиры, читался даже синаксарий, причем всенощная продолжалась иногда от 5.30 до 10.30 вчера. Усталости не замечалось. Священники наши научили нас понимать и любить несравненную глубину и красоту православного богослужения, богатство и образность славянского языка. Чтецы и певцы были, в большинстве своем, безвозмездными любителями, священники лично обучали их неторопливому, внятному, уставному чтению.

Но — планом советской власти «отрицательная Церковь» в России была заранее приговорена к смерти, и храмы закрывались один за другим. В Петербурге оста-

вались до последних лет лишь знаменитый храм Николы Морского, св. кн. Владимира на Петроградской стороне и маленькая кладбищенская церковь на Большой Охте. В Царском Селе — лишь маленький бывший лицейский храм с древней новгородской чудотворной иконой Знамения Божией Матери. Богослужения в этих храмах совершались несколькими «великодушно» оставленными «помирать» старцами-священниками (свыше 70 лет) — ежедневно утром и вечером. В воскресные и праздничные дни эти храмы были так переполнены, что не могли вместить всех притекавших, так как во всей области не осталось, кажется, ни единого открытого храма. В эти дни причащались почти все поголовно.

В Пасхальную ночь 1941 года тысячные толпы народа стояли плечо к плечу вокруг храмов, с горящими свечами в руках, и единодушно пели пасхальные песнопения, не обращая внимания на беснование конной милиции, тщетно пытавшейся их разогнать...⁵⁴

Наталья Кутер. Православная церковь в СССР в 1930-е годы. С. 44—61.

Владимирская область, 1937

Священномученик Вениамин (Благонадеждин)

Родился 24 марта 1880 года в селе Опарино Александровского уезда Владимирской области в семье псаломщика Ильи Благонадеждина. Закончил Московскую духовную семинарию, в 1906 году был рукоположен во священника ко храму в селе Чеково Владимирского уезда Владимирской области.

В 1926 году был привлечен в качестве свидетеля по делу епископа Афанасия (Сахарова). В 1920 храм в Чекове был закрыт, однако о. Вениамин не оставлял надежды служить в нем, и ему при поддержке верующих в том же году удалось добиться разрешения на возобновление богослужения. Храм не закрывался до ареста священника — 8 сентября 1937.

Из показаний священника:

— Следствию известно, что вами из женщин был организован церковный хор. Вы подтверждаете это?

— Действительно, из женщин в селе Чеково организован хор.

— Расскажите, в церковном хоре участвует молодежь?

— В хоре принимает участие и молодежь. Всего участвуют 15—20 человек, исключительно из села Чеково.

Священник был расстрелян 1 октября 1937.

Московская область, 1937

Священномученики Павел Андреев и Александр Зверев

В конце сентября и начале октября 1937 года были арестованы благочинный Волоколамского, Шаховского и Лотошинского районов Московской области протоиерей

⁵⁴ Текст имеет датировку: «Лагерь Фишбек, 1948, Германия». Автор была членом приходского совета Царскосельского храма свыше 10 лет до войны и членом одного из тайных православных братств.

Павел Андреев, священник храма Рождества Богородицы в селе Возмище протоиерей Александр Зверев, священник Димитрий Розанов, а также жившие в этом селе монахини, состоявшие певчими в церковном хоре.

Отец Павел Андреев в феврале 1929 был назначен настоятелем церкви Воскресения Словущего на Остоженке, 25 июля 1929 — ключарем Богоявленского кафедрального собора, что в Дорогомилове, и награжден митрой. Арестован 21 марта 1932 и приговорен к трем годам ссылки в Казахстан. Вернувшись в 1935, был назначен настоятелем Вознесенской церкви в Теряевой Слободе Волоколамского района, в 1937 — Рождества Богородицы церкви в селе Возмище там же. Арестован 7 октября 1937. Из допроса:

— Следствие располагает данными, что вы для сопровождения служб привлекали монашествующий состав за плату.

— Монашествующие пели до моего поступления в приход. Регулярной платы им не выплачивалось, за исключением некоторых больших праздников, в виде так называемых праздничных. В церковных службах участвовали монахини Евдокия, Раиса, Татьяна, Екатерина, Ксения, Надежда, кроме них — в пожилых годах Рафаила, Валентина и Татьяна.

— Назовите фамилии монашек.

— Фамилий я не знаю, все они живут в селе Возмище.

Расстрелян 16 ноября 1937 года.

Игумен Дамаскин (Орловский). Кн. 7. С. 137—141, 158—175.

Источники

1. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. *Алексеев Василий*. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952.
3. *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. СПб., 2008.
4. *Ансимов Георгий*. Уроки отца, протоиерея Павла Ансимова, новомученика Российского. М., 2005.
5. *Волков Олег*. Погружение во тьму. М., 2000.
6. *Гендрикс Петр*. Впечатления от поездки в Москву // Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
7. *Гендрикс Петр*. Пасха в Москве // Последние новости (Париж). 1938. 24 июля
8. *Голицын Сергей*. Записки уцелевшего. М., 1990.
9. *Голубцов Георгий, протоиерей*. Поездка на Всероссийский Церковный Собор. Дневник (29 января — 18 апреля 1918) // Российская Церковь в годы революции. М., 1995.
10. *Дамаскин (Орловский), игумен*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 1—7. Тверь, 1992—2003.
11. Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. 1939—1948 / Сост. В. В. Перхин. М., 2007.
12. *Дурылин Сергей*. Из «Олонецких записок» // Наше наследие. 2011. № 100.
13. *Дягилев Василий*. Из моей долгой жизни // Невский архив. Вып. 6 / Авт.-сост. В. В. Антонов, А. В. Кобак. СПб., 2003.
14. *Евсеев С. В.* Фрагменты записных книжек. 1922—1932 / Публ. О. А. Бобрик // ИМТИ. 2015. № 12: <http://sias.ru/publications/magazines/musik/>
15. *Карнов Иван*. По волнам житейского моря. История моей жизни / Сост. В. И. Щипин. М., 2014.
16. *Китер Наталия*. Православная церковь в СССР в 1930-е годы // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1.
17. *Клементьев Василий*. В большевицкой Москве (1918—1920). М., 1998.
18. *Краснов-Левитин Анатолий*. Лихие годы: 1925—1941. Париж, 1977.
19. *Лихачев Дмитрий*. Беседы прежних лет // Наше наследие. 1993. № 26.
20. *Лосский Борис*. Наша семья в пору лихолетия 1914—1922 годов // Минувшее. Т. 12 / Ред.-сост. В. Е. Аллой. М.; СПб., 1993.
21. Маросейка. Жизнеописание о Сергия Мечева. Письма. Проповеди. Воспоминания. М., 2001.
22. *Марцинковский Владимир*. Записки верующего. Прага, 1929. Цит. по репринту: Новосибирск, 1994.

23. *Михаил Нестеров*. Из писем. Л., 1988
24. Музыка вместо сумбура: композиторы и музыканты в Стране Советов. 1917—1991 / Сост. Л. В. Максименков. М., 2013.
25. *Окунев Никита*. Дневник москвича. Париж, 1990.
26. Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000
27. Православная Москва в 1917—1921 годах / Авторы-сост. А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т. С. Тугова, А. М. Шарипов. М., 2004. Глава «Богослужение» (А. Н. Казакевич).
28. *Пришвин Михаил*. Дневники. 1930—1931. СПб., 2006.
29. «Революция и церковь». Журнал Народного комиссариата юстиции. Редактор П. А. Красилов. М., 1919.
30. Русская семья. Dans la tourmente déchaînée... Письма О. А. Толстой-Воейковой 1927—1939. СПб., 2009.
31. Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001.
32. Священномученик Павлин (Крошечкин), архиепископ Могилевский. М., 2007.
33. *Семенов-Тяньшанский Вениамин*. То, что прошло. В 2 т. Т. 2. М., 2009.
34. [*Сергий (Савельев)*, архимандрит]. Далекий путь. История одной христианской общины. М., 1998.
35. Современники о Патриархе Тихоне / Сост. М. Е. Губонин. В 2 т. Т. 1. М., 2007.
36. *Соколов В. Г.* Жизнь в хоровом искусстве. М., 2011.
37. *Степун Федор*. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990.
38. *Тревогин Георгий*, священник. Батюшкина любовь // Свет негаснущих звезд. О новомучениках российских / Сост. А. И. Яковлев. М., 2009.
39. *Трифон (Туркестанов)*, митрополит. Из моих воспоминаний. Рукопись из частного собрания.
40. *Угримов Александр*. Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту. М., 2004.
41. *Феодосий (Алмазов)*, архимандрит. Мои воспоминания (Записки Соловецкого узника) / Подготовка текста и публ. М. И. Одинцова, коммент. И. В. Соловьева. М., 1997.
42. *Филиппов Борис*. Всплывшее в памяти. Лондон, 1990.
43. *Фиолетова Н. Ю.* История одной жизни // Минувшее / Ред.-сост. В. Е. Аллой. Вып. 9. М., 1992.
44. *Фудель Сергей*. У стен Церкви. М., 2001.
45. *Чельцов Михаил*, протоиерей. Когда отменили расстрел... // Минувшее / Ред.-сост. В. Е. Аллой. Вып. 24. СПб., 1998.
46. *Чернышева-Самарина Е. А.* Александр Дмитриевич Самарин // Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001.
47. *Четверухин Серафим*. Толмачи. Воспоминания об отце / Доп. и ред. Сергея Четверухина. М., 1993.
48. *Шапорина Людмила*. Дневник. В 2 т. Т. 1. М., 2011.
49. *Шкаровский М. В.* Город на все времена. СПб., 2010.
50. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010.
51. *Штейнберг М. О.* Из Записных книжек / Публ. О. Л. Данскер // Из фондов Кабинета рукописей РИИИ. Вып. 1. СПб., 1998.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1920-е

ГОРОДА

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ ПО ДОНЕСЕНИЯМ МОСКОВСКИХ БЛАГОЧИННЫХ АРХИЕПИСКОПУ КРУТИЦКОМУ НИКАНДРУ (ФЕНОМЕНОВУ) 1922 ГОДА*

Москва, как Первопрестольный град, являлась патриаршей областью, но епархиальное управление находилось в фактическом ведении помощника (викария) патриарха в сане Крутицкого архиерея. До января 1922 года руководство Крутицкой епархией, то есть фактическое управление приходами г. Москвы, осуществлял митрополит Евсевий (Никольский), член Патриаршего Синода, проживавший вместе с патриархом Тихоном в Троицком подворье на Самотеке. Здесь же, на этом подворье, созывались собрания епархиальных благочинных.

18 марта 1922 года митрополит Евсевий скоростижно скончался и был похоронен в Новодевичьем монастыре. Новым викарием патриарха стал архиепископ Крутицкий Никандр (Феноменов) (1872—1933), назначенный на должность в январе 1922 года. При своем вступлении в должность архиепископ Никандр собрал для представления и знакомства московских благочинных, причем дал каждому из них поручение доставить для него сведения о состоянии вверенного им благочиния. Исполняя словесное поручение архиепископа, благочинные представили ему свои доклады, датированные в основном 4—6 февраля 1922 года (н. ст.).

Незадолго до своего назначения Крутицким архиепископом преосвященный Никандр (в миру Николай Григорьевич Феноменов, в 1925 году возведенный в сан митрополита) пережил арест и был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде в июле 1921 года. В сентябре 1921 года он был назначен членом патриаршего Синода, вскоре получил назначение на Астраханскую кафедру, но к месту служения не прибыл ввиду данной им подписки о невыезде. Пребывание на должности архиепископа Крутицкого было для владыки Никандра весьма кратким. Уже 22 марта 1922 года в связи с изъятием церковных ценностей преосвященный был арестован и до 23 января 1923 года содержался под стражей в Бутырской тюрьме города Москвы. 20 марта того же 1923 года архиепископа Никандра вновь арестовали вместе с Патриархом Тихоном, митрополитом Арсением (Стадницким) и П. В. Гурьевым. На этот раз заключение

* Фрагменты из публикации священника Или Соловьева в сетевом журнале «Церковь и время» (2010. № 50). Использовано вступление к публикации и некоторые комментарии публикатора (выделены курсивом).

длилось около года (с кратким перерывом). 28 марта 1924 года архиепископ Никандр был приговорен к ссылке в Среднюю Азию сроком на 3 года. В дальнейшем он также неоднократно подвергался аресту и закончил свои дни в марте 1933 года в ссылке в Ташкенте.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
НИКАНДРУ, Архиепископу Крутицкому от благочинного
1-го отделения Сретенского сорока В. П. Никольского¹**

Докладная записка

Во исполнение словесного распоряжения Вашего Высокопреосвященства по вопросу о состоянии церковно-приходской жизни в приходах вверенного мне благочиния, считаю долгом доложить следующее.

В последние годы (с 1918) церковно-приходская жизнь сравнительно с прежним временем резко изменилась: прихожане стали более горячо интересоваться храмом и вообще церковной жизнью. Во главе церковной жизни в настоящее время в приходах благочиния является Приходской Совет под председательством настоятеля прихода. Сами интересуясь церковной жизнью, члены Приходского Совета естественно привлекают и других прихожан к приходскому храму. Пастыри церкви, находясь во главе Приходских Советов и Церковных Общин, принимают деятельное участие в оживлении приходской жизни, действуя прежде всего на членов Приходских Советов, а также входя в тесное общение со своими прихожанами.

В целях привлечения в храм молящихся в церквях благочиния, в одних чаще, в других реже, устраиваются торжественные богослужения с приглашением ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА и других Архипастырей. При этом, можно заметить, что служение ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА привлекает массу молящихся, так что храмы бывают переполнены богомольцами.

При некоторых церквях благочиния устроено общее народное пение и заведены свои приходские хоры. Это средство — одно из лучших для привлечения молящихся, а также для внимательного отношения к молитве посещающих храм. Затем в некоторых приходах приглашаются чтимые московские святые, которые обносятся по домам прихожан.

Для религиозно-нравственного просвещения в церквях благочиния пастырями церковью неукоснительно проповедуется слово Божие. Для этой же цели приглашаются известные проповедники. Во многих приходах ведутся религиозно-нравственные беседы и обучение детей молитвам, Священной истории, бого-

¹ Никольский Василий Петрович, протоиерей (1854—?). Осужден по «делу» об изъятии церковных ценностей в 1922.

служению и катехизису. Последнее необходимо ввиду прекращения обучения Закону Божию в школах.

В смысле пожелания введения во всех церквях благочиния общего народного пения и привлечения к этому прихожан и богомольцев, а также для устройства приходских хоров считаю необходимым в корне изменить порядок совершения богослужения вообще священнослужителями и особенно псаломщиками, их привычку читать и петь небрежно, невнятно, скороговоркой, не проникаясь содержанием самих песнопений и молитвословий. Чтецы и певцы должны читать и петь внятно, выразительно, со смыслом, чтобы и богомольцы могли понимать смысл высокого и прекрасного по содержанию православного богослужения, а также вести себя благоговейно в храме, чтобы молящиеся, видя благоговейное отношение служащих к святости храма и к тому, что они совершают, прониклись молитвенным настроением и находили в храме духовное удовлетворение и утешение, так как небрежность и неблагоговейное поведение служащих в храме естественно отталкивают и не влекут их в храм.

Благочинный 1-го отделения Сретенского сорока

протоиерей Василий Никольский.

4/17 февраля 1922 г.

Краткий обзор состояния приходов 3-го отдел[ения] Ивановского сорока

...Несмотря на тяжелое положение, духовенство, можно сказать, не покладая рук работает на пользу своей паствы, стараясь напитать духовной пищей и привлечь пасомых ко храмам Божиим, для чего устраиваются нередко торжественные Архиерейские Богослужения — иногда во главе со Святейшим Патриархом, приглашаются чтимые московские святые (Иверская икона Божией Матери, Боголюбская икона Божией Матери), приглашаются выдающиеся духовные ораторы, ведутся беседы с народом при участии известных лекторов (у Сергия в Рогожской), устраиваются по известным дням всенощные и молебны с общенародным пением, в некоторых приходах заведены по пятницам заупокойные всенощные с великой панихидой после оной, и все это, видимо, дает хорошие результаты, народ охотно посещает все службы.

Почти во всех приходах ведутся религиозно-нравственные беседы с детьми, которые посещаются и взрослыми. Приходские Советы в некоторых приходах, к сожалению не во всех, работают в полном согласии с о.о. настоятелями и другими членами причта, и там работа протекает планомерно и с пользой; но в некоторых приходах Приходские Советы составляют великое зло, стараются захватывать в свои руки все дела, не только касающиеся хозяйственной части, но и Богослужбной и даже судебной над членами причта, стремятся самовольно распоряжаться всем, часто без ведома и согласия о.о. настоятелей, устраивают

торжественные Богослужения, приглашая епископов (которые почему-то не считают нужным спрашивать о согласии о. о. настоятелей), представляют к наградам младших священников, диаконов и других членов клира без ведома о. о. настоятеля, благочинного и благочиннического совета, имея дело непосредственно с высшей Церковной Властью, что, конечно, ведет к недоразумениям; считая себя хозяевами положения, позволяют себе грубо и дерзко обращаться с членами причта, грозят увольнениями и наказаниями — лишением материальной помощи, и даже считают себя вправе делать постановления о запрещении священнослужителям на известный срок исполнять свои обязанности с лишением дохода (как это было в Иерусалимской близ боен церкви), избирают и поставляют на священнослужительские места лиц, иногда не отвечающих таковому служению — ни по образованию, ни по нравственным качествам.

К числу печальных явлений церковной жизни, в настоящее тяжелое время, следует отнести распущенность о.о. диаконов и псаломщиков, которые манкируют церковной службой, являясь к Богослужениям и в праздники, и в будни особенно — несвоевременно, с опозданиями, а то так и совсем не являются без всяких объяснений причин неявки, голосистые же диакона часто в праздничные дни оставляют свои храмы, бегая по халтурам, нередко не оставляя за себя ничего, оставляя священника одного, и все это делается самовольно, даже как бы с правом на подобное самоволие; на замечания со стороны настоятеля или ничего не отвечают, или отвечают грубостью. <...>

Протоиерей Александр Голубев.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому, управляющему
Московской Митрополией благочинного 2-го отделения
Пречистенского сорока протоиерея Спасо-Песковской, на
Арбате, церкви Сергия Успенского²**

Доклад

В вверенном мне благочинии 28 церквей, в том числе 25 приходских, 2 домовых — в Университетских клиниках и в бывшем приходе Красного Креста и одна кладбищенская. Кроме того в благочинии один Новодевичий монастырь.

Все приходы по состоянию в них церковной жизни можно, по моему мнению, разделить на три разряда. В одних церковная жизнь даже при нынешних тяжелых условиях течет более-менее хорошо — оживленно, даже оживленнее, чем прежде, в других — идет ровно, не видится [*неразб.*], но не падает ниже сравнительно с дореволюционным временем, в третьих церковная жизнь затих-

² Священномученик; см. о нем подробнее далее, в воспоминаниях А. Б. Свенцицкого.

ла — только поддерживается. Есть еще приходы, в которых жизнь церковная идет довольно оживленно, но в которых отношения между духовенством и мирянами не нормальны — нет надлежащей любви, — идут несогласия.

К первому разряду относятся приходы:

1. Борисо-Глебской, у Арбатских ворот, церкви. — Приход в центре города. Население преимущественно интеллигентное. Причт — священник — священник — диакон, — священник-псаломщик и диакон-псаломщик с прекрасным голосом. Настоятель — протоиерей Бусыгин — прекрасный проповедник и деятельный настоятель. Сослуживцы его, подобранные им, — усердные его помощники. О. Бусыгин ведет беседы, которые привлекают много народу, — образовал братство, из которого образовался церковный хор. Богослужение совершается весьма благолепно — привлекает множество народу.

2. Богоявленской, в Дорогомиловской слободе, церкви. Храм один из самых обширных в Москве. Приход на окраине и громадный. Причт — три священника, и все пастыри добрые и усердные, — диакон с голосом хорошим, священнослужитель благоговейный, — диакон-псаломщик (в настоящее время ушел на другой приход) — протодиакон [*неразб.*] и псаломщик. Богослужение совершается весьма благолепно, по праздничным и воскресным дням при пении большого хора, на который Приходской Совет тратит весьма большие суммы. Богослужения посещаются прихожанами весьма усердно. По воскресным дням совершаются весьма благолепно вечерни с пением акафиста и проповедью. К сожалению, ни о. настоятель, протоиерей Михайловский, пастырь опытный, ни другие два священника не обладают особым даром проповедничества, хотя, конечно, могут проповедовать, и главное они не люди [*неразб.*]. Между тем в этом приходе многие многодетны.

3. Крестовоздвиженской, на Пометном Вражке, церкви. Храм довольно обширный — один из лучших в благочинии. Приход на окраине. Население преимущественно фабричное. Причт — священник, священник-диакон, псаломщик-диакон и псаломщик, все ревностные. Богослужение совершается благолепно. Ведутся беседы — учреждено братство. Существует народный хор. К сожалению, нарождается в приходе некоторое неудовольствие вследствие желания священника-диакона открыть штатное второе священническое место. Думаю, что это неудовольствие уладится.

4. Неопалимовской, близ Девичьего Поля, церкви. Храм прекрасный. Причт — два священника — оба ревностные, диакон — из светских по призванию, священнослужитель благоговейный, — псаломщик. Богослужение совершается истово. Проповедь раздается часто. Учреждено братство³.

5. Николаевской, в Плотниках, церкви. Приход небольшой. Священник о. Воробьев талантливый проповедник. Привлек в храм много народу. Отличным

³ См. в воспоминаниях А. Б. Свенцицкого.

помощником ему является о. диакон Алексей Смирнов, редкий диакон по усердию и благоговению. Он образовал приходской хор⁴.

6. Николаевской, на Щепках, церкви. Приход на окраине. Причт — два штатных священника, диакон и псаломщик. Причт весь усердный. Богослужение совершается правильно при пении приглашаемого хора или приходского. В жизни церкви под покровительством о. настоятеля протоиерея Николая Счастлива, всеми прихожанами глубоко уважаемого, — принимает деятельное участие Приходской Совет, тратя большие суммы на богослужение и благолепие храма.

7. Покровской, в Левшине, церкви и 8. Успенской при Могильцах церкви — о.о. настоятели этих церквей протоиерей Волконович и протоиерей Чиннов — пастыри ревностные, талантливые проповедники⁵. Оба они определены в приходы сравнительно недавно. До них в обоих приходах церковная жизнь замирала — едва теплилась. Население, большей частью интеллигентное, разошлось по другим церквям [неразб.]. Они привлекли в свои храмы своих прихожан и истовым богослужением, и своими проповедями. Оба они образовали братства, члены которых, преимущественно женщины, принимают участие и в пении в храме, и в заботах о благолепии и чистоты храма.

9. Седьмовселенской, близ Девичьего Поля, церкви. Приход большой — окраина. Два штатных священника, диакон, диакон-псаломщик и псаломщик. Настоятель протоиерей [Иван] Левитский — знаток устава. Богослужение совершается уставно. Храм хотя находится рядом с Новодевичьим монастырем, где прекрасное пение, — посещается прихожанами усердно. О. настоятель усердно заботится о преподавании Закона Божия — дает уроки в своей квартире.

10. Тихвинской, при Бережках, церкви. Приход на окраине, но маленький. Настоятель протоиерей Иоанн Полянский — известный миссионер-расколовед⁶. Богослужение совершает по уставу. Слушать его проповеди и беседы приходит много народа. Прихожане глубоко уважают своего пастыря.

11. Тихвинской, в Малых Лужниках, церкви. К приходу, расположенному за городом, относятся огороды и фабрики, где теперь печатаются денежные знаки. Прежде этот приход считался самым бедным в благочинии. Благодаря стараниям старосты, огородника Феодора Ивановича Егорова, приход обновился: богослужение совершается правильно, устраиваются торжественные службы, ведутся беседы по Закону Божию для детей. Рабочие фабрики относятся к церкви с любовью. Священник — добрый пастырь — уважается прихожанами.

12. Наконец, не могу не отнести к первому разряду приход Борисо-Глебской, на Поварской, церкви. Приход очень маленький. Причт — один только

⁴ См. в воспоминаниях А. Б. Свенцицкого.

⁵ См. там же.

⁶ Полянский Иоанн Васильевич, протоиерей, автор книги «Записки миссионера» (М., 1912).

священник. Но благодаря необычайному усердию благочестивой семьи Самариных в храме ежедневно совершаются богослужения благоговейно и молитвенно. Члены этой семьи читают и поют. Сергей Дмитриевич Самарин истово исполняет все обязанности и псаломщика, и даже трапезника. Вследствие стройного и благочестивого совершения богослужения многие посещают этот храм. Настоятель — протоиерей Лицов своими умелыми проповедями много содействует этому.

К приходам, в которых церковная жизнь идет обычным порядком, не упала, но и не особенно оживленна, относятся приходы:

Введенской, в бывшем Новинском женском монастыре, церкви. Приход ни [неразб.]. Можно было бы оживить благодаря большому числу прихожан, из рабочего класса, приходскую жизнь, но о. настоятель, теперь уволенный за штат, не старался об этом. Новый о. настоятель — протоиерей Порфирий Смирнов, три месяца назад назначенный, думается мне, поднимет церковную жизнь.

Власиевской, в Старой Конюшенной, церкви. Приход в прежнее время очень хороший, так называемый «барский», но ныне разоренный. О. настоятель — пастырь добрый, — но не может равняться с пастырями соседних двух приходов Успенской, на Могильцах, и Покровской, в Левшине, церквей — талантливыми, красноречивыми⁷. Поэтому многие его прихожане уходят в те церкви, и церковная жизнь у него не развивается.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому,
благочинного 4-го отделения Ивановского, в Москве, сорока,
протоиерея Николая Буравцева⁸**

Донесение

<...> Духовенство благочиния, по преимуществу иереи, старается быть на высоте своего пастырского призвания. Богослужение во всех храмах совершается ежедневно. По воскресным и праздничным дням проповедуется Слово Божие. Несмотря на прямое запрещение, также ведутся и беседы с детьми по Закону Божию не только по праздникам, но и в будние дни, не только в храмах, но и в квартирах священников <...>.

⁷ См. в воспоминаниях Свенцицкого.

⁸ Буравцев Николай Николаевич (1862—?) протоиерей, благочинный, с 19 марта 1925 подал заявление о вхождении в юрисдикцию «обновленческого» Московского епархиального управления (МБУ). ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 15. Л. 201. Служил священником храма Воскресения на Семеновском кладбище, в 1927 назначен его настоятелем. Там же. Д. 20. Л. 225. В том же году избран членом Московского епархиального управления.

В некоторых приходах не только о.о. диаконы и псаломщики, но и иереи при помощи церковников обучают желающих из прихожан церковному пению и ведут в храмах во время богослужения общее церковное пение. Так, при Ильинской, села Черкизова, церкви — диакон Ильин, при Преображенской, в Преображенском, — псаломщик Сахаров, при Дмитрие-Солунской, на Благуше, и Петропавловской, в Лефортове, настоятели о. протоиерей Преферансов и священник Николай Скворцов, при помощи прихожан-знатоков и любителей церковного пения.

К сожалению, в своем пастырском делании о.о. иереи встречают немалые препятствия со стороны Приходских Советов и отчасти — младших членов причта.

Так, Приходские Советы, под видом оживления приходской жизни, устраивают пышные церковные торжества, но часто без советов и даже предварительного уведомления причта, без всякой программы, обращая главное внимание на приглашение артистов, голосистых диаконов и т. п. Поэтому такие торжества проходят без всякой духовной пользы, на что приходится нередко слышать жалобы о.о. настоятелей. <...>

Приходские Советы склонны расширять штаты причтов без всякой в том нужды, главным образом путем введения в них голосистых о.о. диаконов с двойным орарем на особом привилегированном для них положении. Таковые о.о. диаконы далеко не ежедневно являются на службу, а нередко только по воскресным и праздничным дням, не считаются с авторитетом о. настоятеля, опираясь на сочувствие и поддержку Приходского Совета. <...>

Приходские Советы не жалеют тратить большие средства на содержание любительских местных хоров, часто приглашают на пополнение хора дорогих артистов, но мало заботятся о материальном положении причта, представляя ему довольствоваться теми добродетельными пожертвованиями, которые при настоящей страшной дороговизне понизились на 75 % и более сравнительно с прежними доходами причта. Духовенство терпит большие неудобства и стеснения в квартирах, еще большую нужду в топливе и во всем материальном его содержании. Желательно, чтобы Высшее Церковное Начальство пришло ему на помощь своим властным сочувственным словом.

Выражая те или иные пожелания, осуществление которых так хочется видеть в жизни и деятельности Приходских Советов церковью благочиния, я считаю долгом выразить великую благодарность тем же Советам и просить Ваше Высокопреосвященство преподать им Ваше Архипастырское благословение за те ежегодные щедрые пожертвования на разные общепархиальные церковные нужды и потребности, которые поступают от сих Советов. В особенности отличаются щедростью пожертвований Советы церковей: Дмитрие-Солунской, на Благуше, Ильинской и Введенской, села Черкизова, и Петропавловской, в Лефортове. Конечно, в этом оказывают большое содействие и настоятели с причтами сих церковей своими теплыми призываниями прихожан к пожертвованиям и личному участию в сборе таковых.

Что касается деятельности диаконов и псаломщиков, то остается пожелать здесь многое. Некоторые диаконы и псаломщики церквей благочиния, злоупотребляя добротой своих иереев, часто запаздывают, а по будням нередко и совсем не являются к службе и совершению треб, ссылаясь на свои семейные дела и нужды, на необходимость иметь посторонние занятия и т. п. Так, в одном из приходов было такое печальное явление. В престольный праздник, в воскресенье, при Архиерейском служении диакон и псаломщики явились к Божественной Литургии по приезде Владыки, оправдывая себя преждевременным приездом Архиепископа, хотя оба приходских священника и местный благочинный были на своих местах.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому,
благочинного 4-го отд. Сретенского сорока
протоиерея Василия Вишнякова⁹**

Донесение

1. В Гребневской Иконы Божией Матери, на Лубянской площади, церкви богослужение совершается ежедневно и применительно к народу, бывающему на площади: всенощная в 7—8 часов вечера, а обедня в 10—11 утра. При церкви сестричное братство и поет народ, а проповеди произносятся кроме местных священников и приглашаемыми проповедниками, духовными и светскими <...>. Все это привлекает народ в церковь. Но в то же время здесь наблюдается и некоторое ненормальное явление — неисполнение Патриаршего распоряжения о новшествах — открытие Царских врат в неположенное время, стояние на архиерейской кафедре, чтение на русском языке, нахождение на Св. Престоле горшков с цветами и елками, допущение мирян-проповедников [*неразб.*], сектантов, угощение духовенства и мирян в храмовой части.

2. В Николо-Звонарской церкви богослужение ежедневное, и сестричное братство принимает, под руководством священника, самое деятельное участие не только в украшении и убранстве храма к праздникам, но и в церковном богослужении — чтении и пении. По воскресеньям после вечерни священниками ведутся Евангельские беседы и совершается молебен при всенародном

⁹ Вишняков Василий Павлович (1866—?), протоиерей, настоятель храма Вознесения, близ Сретенки, благочинный. Окончил Новгородскую духовную семинарию и Московскую духовную академию. Для обеспечения себя и своей многодетной семьи (пятеро детей) в 1922 служил счетоводом в конторе Виндавской железной дороги. В том же году арестован по «делу» об изъятии церковных ценностей и 8 мая приговорен к расстрелу, но приговор был заменен тюремным заключением.

пения, что очень нравится народу. Священник пользуется поддержкой Приходского Совета¹⁰.

3. В Преображенской, в Пушкинских, церкви, благодаря прекрасному пению хора Малихина¹¹ и истовому богослужению и благочестию храма — храм бывает полон молящимися и бывшие недоразумения между настоятелем храма и Приходским Советом, после перевыбора Совета, прекратились. <...>

Благочинный 4-го отд.
Сретенского сорока Вознесенской, близ Сретенки, церкви
Протоиерей *Василий Вишняков*.

**Благочинного 3-го отделения Замоскворецкого сорока,
протоиерея Параскевиевской, в Охотном ряду, церкви
Александра Заозерского¹²**

Докладная записка

<...> Чтобы дать возможность верующим использовать «по-Православному» свой праздничный досуг и отвлечь народ от зрелищ, в продолжение всего года по воскресным и праздничным дням устраиваются торжественные вечера, молебствия и молитвенные собрания с произнесением 1—2 проповедей. При этом в воскресные дни Великого поста совершаются «пассии», на Пасхе — пасхальные, а в прочее время — обычные богослужения. В целях большего оживления эти последние совершались всегда полным составом священнослужителей благочиния, и только, нужно сознаться, псаломщики, за исключением Н. Н. Патакина, в них почти никакого участия не принимали. В проповедании изредка принимали участие проповедники со стороны — о.о. Хотовицкий, Богословский; в большинстве же случаев проповедовали, обходясь собственными средствами, располагая к тому же и молодых священников.

Богослужения совершались при пении местных хоров, специально организованных при храмах — Казанской иконы Божией Матери и Ризоположенской, братского хора, преимущественно из девушек, при той же Казанской церкви,

¹⁰ Состав причта: настоятель — протоиерей Александр Зверев (40 лет), диакон Симеон Елистратов, псаломщик Александр Сокольский, заштатный священник Григорий Скворцов. См.: ЦИАМ. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 109. Л. 32 об.

¹¹ Правильное имя регента — Николай Николаевич Мачихин (учился в Московской консерватории по классу пения).

¹² Заозерский Александр Николаевич (1879—1922), протоиерей. С 1917 принимал активное участие в церковно-общественной жизни Москвы, сотрудничал в «Московском церковном голосе». В 1922 арестован по «делу» об изъятии церковных ценностей. Виновным себя не признал. Расстрелян в июне 1922. Священномученик.

а иногда и при общенародном пении. За последнее время стали вводить исполнение догматиков и «Свете тихий» за вечерней сонмом священнослужителей по обиходному роспеву, для чего все священники и диаконы становятся за амвоном, а акафисты за молебнами не читать, а петь стих за стихом в качестве антифонов, причем один стих исполняется собором священнослужителей, которых всегда бывает не менее 10, а другой стих клиром или всем народом. И нужно отметить, что как то, так и другое производит очень хорошее впечатление на народ и значительно располагает его самого к активному участию в таких богослужениях. В истекшем году их было всего свыше 20, и о них заранее объявлялось народу по всем храмам благочиния.

Кроме того, на праздник Рождества Христова были устроены два молитвенных собрания преимущественно для детей: 26 декабря в Казанской, у Калужских ворот, церкви и 2 января в Ризоположенской. Программа их такова: краткий молебен Спасителю и три отдельных чтения и пения, а именно:

I отделение

«Сказание о четырех волхвах», прот. Н. М. Миловский¹³

«Ликуют ангели», хор Казанской церкви

«Веселись Вифлеем святой», братский хор той же церкви

II отделение

«Младенцы-мученики», прот. А. Н. Заозерский

«Волною морскою» (рождественское песнопение Гречанинова), хор Казанской церкви

«Был у Христа младенца сад» (Чайковского), братский хор

«Рождество Твое» (Лядова), хор Ризоположенской церкви

III отделение

Историко-богословское освещение событий праздника, прот. А. П. Орлов¹⁴

«Дева днесь» (Кастальского), хор Казанской церкви

«Христос рождается», братский хор

¹³ *Миловский Николай Михайлович, протоиерей, настоятель храма Ризоположения на Донской улице, кандидат богословия, к моменту составления рапорта был вдов и награжден наперсным крестом с украшениями.*

¹⁴ *Орлов Анатолий Петрович (1879—1937), профессор-протоиерей, второй священник храма Казанской иконы Божией Матери у Калужских ворот, магистр богословия, ректор Московской духовной академии (избран 10 сентября 1917). С мая 1919 настоятель Троицкой церкви на Арбате, в марте 1920 переведен вторым священником к храму Казанской иконы Божией Матери с оставлением в должности ректора Академии. В 1922 арестован по «делу» об изъятии церковных ценностей. Приговорен к расстрелу, но затем высшая мера была заменена 5 годами строгой изоляции. В 1923 освобожден по амнистии, впоследствии многократно арестовывался и в 1937 расстрелян.*

«Небо и земля» (Дегтярева), хор Ризоположенской церкви
В заключение исполнено «Дева днесь» всеми присутствующими.

Оба вечера, особенно второй, прошли с большим воодушевлением и религиозным подъемом. Народ переполнял храм, придя вместе с детьми, и громко выражал свою благодарность потрудившимся (хоры пели бесплатные). Несколько неодобрительно только были встречены, и то не всеми, а маленькой группой прихожан, туманные картины на Рождественские евангельские темы, показанные народу в храме Казанском 26 декабря. <...>

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому,
благочинного 2-го отделения Ивановского сорока, протоиерея
Вениамина Платонова**

Рапорт

Внутренняя религиозная жизнь благочиния выражалась в истекшем году, как и раньше: а) в совершении торжественных богослужений и б) в усвоении верующими истин веры при посредстве бесед.

По первому пункту должно сказать, что торжественные службы с участием Св. Патриарха, митрополита, епископов и других лиц имели место в каждом храме, и особенно много их было совершено в храме св. Василия Исповедника. Как и прежде, характерный недостаток их — затемнение празднично-воспоминательной части концертною — существовал и теперь, хотя нельзя не оговориться, что верующие начали уже понимать необходимость переоценки своего увлечения декоративной стороной торжественных служб. Наглядно такое настроение выразилось на одном из недавних благочиннических собраний, когда раннейшие ревнители безудержной торжественности заговорили в тоне необходимой борьбы с замечаемым ущербом для содержания богослужения от обычно принятой концертной наклонности при торжественных службах.

Требуется со стороны самих приглашаемых иерархов усиленного указания правильного положения дела и прямого предварительного уговора относительно способа совершения службы. Для проведения единства богослужения священниками потребно, чтобы единообразно совершали его епископы, уговорившись между собою во всех деталях, чтобы, в частности, не ставить пастырей по временам в тупик и благочинного, когда приходится давать указания духовенству во время службы.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому,
благочинного 1-го отделения Ивановского сорока г. Москвы,
протоиерея Никитской, в Старой Басманной,
церкви Иоанна Соколова**

Донесение

Население благочиния в массе православное, крупных центров сектантских и инославных организаций в районе благочиния — нет. За последнее время несомненно заметно усиление внимания населения к Церкви Божией; значительно увеличилась посещаемость Храмов Божиих, религиозно-нравственных бесед со взрослыми и детьми, повышается авторитет духовенства среди населения и намечается не пренебрежительное, как в недавнее время, а благожелательное отношение к духовенству. Долг духовенства использовать благоприятное для Церкви время в целях закрепления за Церковью влияния на население и жизнь русскую и внимание к Церкви со стороны населения на будущее время. Средством закрепления церковных впечатлений в Москве в настоящее время считается устройство торжественных богослужений с приглашением архиереев, протодиаконов, хоров певчих и даже театральных солистов; большое стечение богомольцев на этих торжествах многими признается показателем оживления церковной жизни и продуктивным средством оживления. Но я не разделяю этого взгляда на значение торжеств. Искусственное привлечение внимания обыкновенно бывает не прочно, и потому на благочиннических и пастырских собраниях моего округа всегда проводится мысль о необходимости привлечения внимания в церкви истовым благоговейным совершением богослужения с неторопливым чтением и пением, привлечением к участию в клиросном чтении и пении прихожан.

При развитии активного участия в богослужении прихожан чтением и пением нужна в псаломщиках, по большей части не отвечавших своему назначению, а в настоящее время и отсутствующих по приходам, — исключается.

**Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому,
благочинного 2-го отделения Замоскворецкого сорока
протоиерея Георгия Добронравова¹⁵**

Доклад

Во 2-м отделении Замоскворецкого сорока числится всего 19 приходских общин; из них одна — при подворье Афонского Пантелеимоновского мужского монастыря, одна при Марфо-Мариинской обители милосердия и одна при Иверской общине Красного Креста.

Все приходские общины в настоящее время имеют священников; 8 из них (считая и Пантелеимоновское подворье) обслуживаются каждая 2 священниками, причем по штату положено иметь по 2 священника лишь в 2-х приходах. Всех священников в благочинии 27, из них 3 на диаконской вакансии и 1 на псаломщической. Дяконов — 14, из них — 6 на псаломщической вакансии. Псаломщиков — 10.

Дяконов совершенно нет, хотя и положено по штату, при 4-х приходах.

Псаломщиков нет вовсе при 3-х приходских храмах и всех обительских. При 2-х приходских храмах нет ни дяконов, ни псаломщиков. Причина — скудость содержания, заставившая прежних служителей Церкви покинуть службу в храме, а для поступления новых является препятствием острый жилищный вопрос, так как есть и такие случаи, что отказавшиеся от приходской службы члены причта сохраняют квартиры при церкви за собою.

Но это оскудение низших служителей Церкви не влияет на отличное отправление богослужений. Почти во всех приходах (за исключением 1—2 церквей) богослужение совершается ежедневно. Там, где нет псаломщиков, их обязанности отправляют добровольцы из мирян; в 2-х приходах таковыми являются женщины (официально исполняющие должность псаломщиков). Вообще на привлечение женщин к церковной и приходской деятельности обращается особенное внимание — в 2-х приходах образованы сестричества (Кадашевское и Петропавловское), в других приходах — женские кружки, во всех Приходских Советах есть немалый процент членов-женщин.

¹⁵ *Добронравов Георгий Иванович (1874—1933), протоиерей, магистр богословия, профессор Московского университета по кафедре основного богословия, в 1922 вошел в состав раскольнической группы «Живая Церковь», затем состоял членом «обновленческого» Синода. Скончался в сане «обновленческого» митрополита.*

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому**

Почтительнейший рапорт

Во исполнение словесного распоряжения Вашего Высокопреосвященства долг имею сим почтительнейше донести Вашему Высокопреосвященству ниже-следующее.

Печальные события 1917 года в нашем отечестве особенно неблагоприятно отразились на единоверческих приходах, и преимущественно городских. Так как единоверческие приходы вообще не многолюдны и прихожане обычно удалены по местожительству от своих приходских церквей, притом рассеяны по разным частям города, единоверческие церкви тотчас опустели. Приходскому духовенству пришлось употребить большие усилия найти достаточное количество новых прихожан нашего, уже православного [исповедания], чтобы не допустить храмы до закрытия. Привлечение новых прихожан немедленно отразилось на церковном богослужении, а вместе с тем и на отношении к духовенству. Новые прихожане в лице своих представителей-«деятелей» — стали требовать иного пения и более краткого богослужения. Единоверческое духовенство не привыкло к произвольным напевам и к своевольным сокращениям богослужения. Явились неизбежные недоразумения и неприятности. Характерность единоверческой службы естественно потерялась, так как единоверческое духовенство никогда не находило поддержки, а неприятностей получало немало.

До крайности ухудшилось и материальное положение духовенства. Так как коренные прихожане-единоверцы — рассеялись, а новые еще не имели традиционной привязанности к единоверческому храму, естественно больше тяготения к православным храмам, да и православные причты соседних приходов, часть которых приписалась к единоверческим храмам, по старой памяти не оставляли своим вниманием своих бывших прихожан, то, понятно, единоверческое духовенство не могло быть достаточно обеспеченным от новой паствы. Вследствие безысходной материальной нужды началось бегство единоверческого духовенства. Так, например, в Троицкой единоверческой, что у Салтыкова моста, церкви из пятичленного причта остался один настоятель, причем церковь не может иметь даже сторожа, в Никольской, на Рогожском кладбище, церкви также остается один настоятель. Эти два прихода, думаю, самые бедные в Москве. В Никольском единоверческом монастыре из приходского причта никого не осталось. И только во Всехсвятском женском монастыре причт сохранился в полном составе (четверо), но два члена причта (а до последнего времени даже три) состоят на гражданской службе. Нужно, впрочем, присоединить, что в с. Михайловской Слободе (еп. Бронницкого уезда) приходская жизнь не потерпела существенного ущерба. Богослужение там по-прежнему отличается той красотой и вдохновенно-

стью, которая хорошо известна всем бывшим там. Городские же единоверческие приходы, благодаря чрезмерному усилению мирского начала в церковных делах, потеряли красоту богослужения и свой прежний общинный характер, хотя новые прихожане еще кричат «об общине». В прежнее время прихожане единодушно с причтом во главе с настоятелем стремились к уставной службе; теперь наоборот — повсеместное стремление поставить во главу прихода («общины») светское лицо, а в Церковь Божию ввести новые напевы и произвольные сокращения.

Но было бы несправедливо, несмотря на вышеизложенное, не возблагодарить Господа Бога за то, что благодаря поддержке со стороны православных единоверческие церкви не закрылись и не все духовенство разбежалось. Если же и постигло нас умаление, утеснение и лишение утешения в уставной службе церковной, то, видно, Господь попустил нам это за то, что прежде, быть может, тяготились продолжительностью богослужения и не ценили того сокровища церковного уклада, в котором имели счастье находиться.

Вашего Высокопреосвященства усердный послушник
благочинный протоиерей Гавриил Васютин.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому, Управляющему
Московской Митрополией, благочинного 3-го отделения
Никитского сорока**

Доклад

В благочинии 3-го отделения Никитского сорока шестнадцать приходских церквей и одна больничная и два монастыря — Скорбященский и Страстной (соответственно причты этих монастырей). Состояние церковно-приходской жизни благочиния, в общем, производит вполне удовлетворительное впечатление. Во всех приходах заметно стремление оживить церковную жизнь. В этих целях при Приходских Советах образуются различные комиссии, ставящие себе определенные практические, благотворительные и духовно-просветительские задачи. До второй половины 1921 года почти во всех храмах были организованы беседы с детьми и взрослыми по предметам веры и нравственности. Проповедь за богослужением стала считаться необходимой. Духовенство стало проявлять более усердия и тщательности в совершении богослужений. Часто устраиваются торжественные богослужения, для совершения которых приглашаются архиереи, а нередко и Святейший Патриарх. Чаще других архиерейские богослужения устраиваются в Казанской и Тихвинской, в Суцее, и в Пименовской, в Новых Воротниках, церквях. Такие богослужения совершаются, обычно, при громадном стечении молящихся.

Прихожане больше стали приходить к интересам и нуждам церковно-приходской жизни, теснее стали объединяться около своих храмов. Отношение при-

хожан к причтам, в общем, доброе, доброжелательное. Взаимоотношения между причтами и Приходскими Советами, в общем, нормальные. Правда, были случаи разлада, но они скоро улаживались.

В нашем благочинии нет приходов, в которых бы проявлялась особая, выдающаяся, кипучая деятельность по организации церковно-приходской жизни, но нет и таких, в которых церковно-приходская жизнь совсем замерла. Посильная деятельность, направленная на поддержание и оживление церковно-приходской жизни, повторяю, заметна во всех приходах.

Некоторую особенность в устройстве церковно-приходской жизни представляет община, образовавшаяся при Петро-Павловском храме Сельскохозяйственного Института в Петровско-Разумовском. Там причт получает от общины определенное жалованье, и в алтарь за богослужением деньги не подаются. Все денежные жертвы на проскомидии и плата за молебны и панихиды поступают в церковный ящик. С тарелкой и кружкой для сбора пожертвований на нужды храма по церкви не ходят. Жертвы подаются богомольцами за церковный ящик. В отношении церковной жизни этой общины нужно еще указать на то, что там в церковных богослужениях деятельное участие, в качестве чтецов и певцов, принимают преподаватели Института.

И в других приходах заметно участие интеллигентных людей в церковно-приходской жизни. Это отрадное явление налагает на духовенство особую задачу расширять свои богословские познания, чтобы быть готовыми удовлетворить духовные, религиозные запросы всех своих прихожан, и необразованных и образованных, проявляющих интересы по вопросам веры и стремящихся уяснить себе основы и [неразб.] христианской религии.

Благочинный протоиерей *Николай Соколов*.

**Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Никандру, Архиепископу Крутицкому,
благочинного Сретенского сорока,
2-го отделения протоиерея Сергея Глаголевского**

Докладная записка

Как на общий недостаток, которым страдают все приходы, должен указать на отсутствие солидарности и полного единения в действиях Приходских Советов между мирянами и духовенством. Постоянное несогласие, взаимное непонимание постоянно характеризуют их взаимные отношения. Причины этого разногласия, по-моему, в том, что Приходские Советы совершенно не поняли своего главного назначения — вместе с причтом служить к развитию приходской жизни, объединить приход, они вместо этого вообразили себя какой-то властью, которая должна теперь управлять приходом, руководить всей приходской жизнью не только во внутреннем хозяйственном укладе, но и во всех чисто церков-

ных — внутренне-богослужебных сторонах приходской жизни. Они присвоили себе право приглашать на служение угодных им епископов, проповедников, распорядиться ризницей, считают себя вправе выбирать не только кандидатов, но и самих членов причта, считают себя вправе контролировать отношение духовенства к богослужению, к народу, взаимные отношения причта, принимать всякие жалобы на духовенство, судить о чисто пастырской деятельности, указывать певчим что и как петь, приглашать на платные места диаконов с голосами, наделять их особыми привилегиями, освобождать их от исполнения их прямых обязанностей и т. д. Когда духовенство начинает противодействовать против этого, миряне обычно говорят: значит, вы хотите возвращения к старому, тогда нам нечего делать в Приходских Советах.

В частности, деятельность Приходских Советов сказалась в следующем. В отношении просветительском — самый шаблонный путь, избранный в этом отношении Приходскими Советами, — это устройство так называемых торжественных богослужений, с приглашением титулярных архиереев, голосистых проповедников, знаменитых певчих, солистов из театров, и все это с широкоформатными плакатами. Все это обращает богослужение в простое зрелище и мало имеет молитвенного характера.

Далее некоторые приходы устраивают всенощные с беседами, на которые приглашают проповедников. Такие всенощные совершаются в Адриановской церкви по пятницам, в Иоанно-Воинской по четвергам и воскресеньям, в Трифоновской церкви по средам и пятницам, в Троице-Капелевской — по четвергам. Но эти беседы носят случайный характер, не полезнее ли было бы для дела, если бы они были бы заменены систематическими катехизическими беседами. <...>

По вопросу о церковном пении должен сказать, что Приходские Советы тратят на певчих громадные суммы, но пение не носит церковного характера, служит в очень сильной степени для удовлетворения эстетического чувства слушателей, но не для поднятия их молитвенного состояния. Для устройства общего пения народного в храме Приходские Советы ничего не предпринимают и им не интересуются.

Митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский). НЕДЕЛЯ В ПАТРИАРХИИ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ В МОСКВУ*

Патриаршее помещение находится в Сокольниках, теперь на улице Короленко. <...> С внешней стороны — это дачный барский дом с небольшой надстройкой на основном помещении. Расположен внутри двора. К нему ведет проложенная от ворот, на случай грязи, в четыре доски дорожка. За домом — фруктовый сад. <...>

<...> Около 12 часов члены Синода вместе с председателем были в зале заседаний. Небольшая продолговатая комната в четыре окна. В святом углу с теплеющей лампадкой висит образ Божией Матери. Вдоль посреди комнаты стоит длинный, для 12-ти членов Синода, покрытый зеленым сукном стол, при нем 12 стульев, при входе вправо у стены мягкий диван, влево при двух окнах два небольших столика со стульями при них. За одним в известные часы принимает посетителей управляющий Московскою епархией архимандрит Филипп [Гумилевский; впоследствии архиепископ Звенигородский]. Тут же шкафчик с его делами, а за другим занимается правитель дел Синода, у которого здесь же своя конторка с синодальными делами. Все так скучено, стеснено, что с трудом, чтобы не обеспокоить заседающих иерархов, возможно пройти кому-либо из одной комнаты в другую. От входа на левой стене висит довольно хорошо исполненный портрет Святейшего Патриарха Тихона.

Заседание открывается обычно общим пением «Царю небесный». Мне председателем было предложено приступить к докладу о положении церковного дела за границею, частнее и главнее всего в Польше. Всех их особенно интересовал живой рас-

* Материалы по истории христианской церкви на родине и за рубежом в XX столетии. Кн. 5. М.: Крутицы, 1995. С. 175—283. Авторская дата — 8 ноября 1929.

Митрополит Елевферий (Богоявленский) посетил Москву в 1928 (прибыл 23 ноября, вернулся в Литву 2 декабря) по личному приглашению митрополита Сергия для обсуждения вопроса автокефалии Православной Церкви в Польше. Был принят в помещении церковного управления в Сокольниках и затем, в 1933, опубликовал свой пространственный отчет о поездке.

Другие разделы сочинения митрополита, посвященные собственно церковным проблемам, опубликованы в Актах Святейшего Патриарха Тихона.

сказ мой как одного из иерархов, свидетеля учреждения в Польской православной церкви неканоничной автокефалии. В общих чертах история ее была уже известна Синоду. Мне пришлось только дополнять ее многими фактическими деталями. Доклад продолжался около полутора часов. Им закончилось первое для меня заседание временного Патриаршего Синода. Доклад о современном состоянии церкви в Польше был отложен до следующего заседания. Около 3 часов был обед. Видимо, Патриархия все имеет для полного радушия в приеме гостей. Своими средствами она не обладает, да и откуда их взять? Но находятся добрые люди, которые жертвуют не только все необходимое для стола, но и то, что можно отнести к некоторой роскоши при современных условиях жизни, — жертвуют не только москвичи, но и из других городов, — русское радушие, русская любовь к тем, кто явился в тяжелое время исповедниками веры и кто готов во всякое время пойти на тот же подвиг.

— Завтра у нас память блаженного Максима Московского. Сегодня в храме блаженного Максима¹ будет совершено архиерейским служением всенощное бдение. Будет служить любимец москвичей, новый протодиакон М[аксим] М[ихайлов]. Не угодно ли вам помолиться за богослужением и посмотреть, как у нас празднуются праздники? — сказал, обратившись ко мне, любезнейший хозяин.

— С удовольствием, — ответил я.

— Служба обычно начинается в 6 часов. В таком случае в пять с половиной часов будет приготовлено для вас такси.

Такси, по обыкновению, опоздал приехать, и мы прибыли к храму с значительным замедлением. Храм достаточно просторный. Народ двумя противоположными волнами двигался в храм и из храма, и вместе с тем храм был до тесноты переполнен: люди шли хотя бы приложиться к изображению на раке святого, мощи которого находятся под спудом, и немного помолиться во время богослужения. Трудно было пройти в храм, тем более в алтарь. В просторной паперти, в которую можно было войти легко, в две шеренги стояли нищие, среди которых несколько в рясах с крестами на груди. Один из них, посматривая на моего спутника, одетого в приличную шубу, сказал: «скоро-скоро снимем с тебя шубу-то». В Патриархии потом пояснили, что это, вероятнее всего, живоцерковнические священники, которые, вынужденные прихожанами оставить приход, в Москве собирают достаточно, чтобы просодержать себя и семью. Медленно двигаясь в колонне, идущей в храм, мы кое-как протискались до середины его. Дальше я уже не мог идти, никак не раздвинуть толпу. Наконец, два моих спутника с большим усилием провели меня до солеи, а в алтарь уже я прошел без затруднений.

В алтаре было много лишнего народа, своим по временам шептанием друг с другом нарушавшего требуемое святостью места должное благоговейное настроение. Служил архимандрит Филипп с протодиаконом Михайловым. Пел, по-видимому, любительский приходской хор, значительный по составу, с достаточною силою, но

¹ Храм блаженного Максима Исповедника на Варварке. В конце 1920-х там был регентом будущий Патриарх Пимен.

со строем среднего достоинства. Шестопсалмие и канон были прочитаны хорошо — четко, внятно, громко и со смыслом. Что мне не понравилось, это произношение протодиаконом нараспев великой ектении: непривычное для слуха, оно отнимает молитвенное настроение. Новостью для меня было видеть в приходском храме прислуживающую монахиню. Исполняла свою обязанность она довольно хорошо. Служба окончилась около 10 часов. Народ наполнял храм до конца ее. Возвращались мы на трамваях с пересадками. Трамваи всегда переполнены народом, так что иногда с трудом приходится стоять в нем, не говоря уже о сидении. Кондуктор не ходит по вагонам с билетами для пассажиров, а, по заведенному строгому порядку, последние сами чрез других передавали ему деньги, а он билеты. Около 11 часов мы были в Патриархии.

— Как вы нашли у нас богослужение? — обратился ко мне с вопросом Высокопреосвященнейший Митрополит Сергей.

— Хорошо, неспешно, чинно. А особенно утешило меня множество молящихся — не пройти, не протискаться сквозь его толщу.

— Это ведь только сегодня на всенощном бдении, а завтра будет совсем мало народу.

— Почему? — удивленно спросил я. — В самые праздники, да мало молящихся?

— Да, да, ведь завтра будничный день, и все ныне молившиеся будут на работах, на службе.

— И это приятно, хотя по другим соображениям: значит, рабочие и служащие — люди не безрелигиозные, в трудовые дни находят время хотя немного помолиться в храме, освятиться душою, подышать церковною благодатью. А у нас, за границей, неодинаковые представления о рабочем классе в религиозном отношении, чаще всего не в пользу их.

— А вот увидите, сколько будет молящихся в огромном храме в воскресенье, где мы будем служить литургию. А как вы находите голос и служение нашего протодиакона?

— Особенного ничего я в нем не нашел.

— А вот услышите его в воскресенье на нашей службе.

— Все же далеко ему до Розова.

— Ну, да, конечно, конечно. Розов был во всех отношениях своего рода уникум. По нашему времени и этот — хорош, любим москвичами, да и недавно он здесь, еще не успел вполне войти в свою роль.

24-го [ноября], в субботу, в заседании Синода я не делал доклада. Синод занимался недолго не особой важности делами, готовилось наречение иеромонаха Иоанна во епископа, викария Вятской епархии². Нареченный — сын бедного сельского псаломщика, с академическим образованием, участвовал по призыву в Великой Европейской войне, был в Германии в плену, где сам испытал все горести его. Наречение происходило в зале заседаний по полному положенному чину. Новона-

² Вероятно, епископ Глазовский (даты неизвестны).

реченный произнес речь, в основу которой положил Евангельское повествование о просьбе апостолов Иакова и Иоанна ко Христу, чтобы Он посадил их в Своем царстве одного по правую, а другого по левую руку. А Христос спросил их: «Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?» — «Можем», — ответили они. «Крещением, которым Я крещусь, будете вы креститься, и чашу, которую Я пью, вы будете пить; но сесть одному по правую руку, а другому по левую не в Моей власти, а кому уготовано Отцем Моим».

«В мирное время среди подвижников иерархов были и такие, которые искали в епископстве почет и славу и находили их; а теперь иерархи призываются к великому подвигу — быть впереди всех в страде церковной».

«Святые апостолы, когда выражали свою готовность пить Христову чашу и креститься Его крещением, не вполне понимали сущность этих слов, а мы теперь понимаем их, знаем, ибо видим, как они в действительности переживаются иерархами, и идем на тот же подвиг; посему, слыша вашу волю о своем избрании во епископа, я с дерзновением сказал: приемлю и ничтоже вопреки глаголю, ибо в мирное время отказ от избрания был бы принят за глубокое смирение, а теперь может быть сочтен за боязнь пить чашу Христову и креститься Его крещением. Впереди на пути своем я вижу шипы и терния, но верую во всемогущую благодать архиерейства, которую вы, Святители, по воле Пастыреначальника Христа изведете в мое недостойное сердце. Прошу ваших Святительских молитв, да действием их шире и глубже раскроется мое греховное сердце, и, исполненный благодати Архиерейства, стану и я с вами на стражу церковную, чтобы благовествовать спасительную истину без земного страха, но, в благодатной силе свершив земное служение, и мне получить хотя малую обитель в доме Отца Нашего Небесного».

Наречением окончилось заседание Синода. Всенощное бдение мне посоветовали отстоять в Богоявленском храме [в Дорогомилове], где по найму всегда поет хор [П. К.] Нестерова, помощника регента Придворной капеллы³. В промежутке времени мне захотелось осмотреть все помещение Патриархии. В нижней части дома четыре комнаты, разделенные небольшим коридором, и передняя с двумя дверями, одна из которых ведет в коридор, откуда вход в зал заседаний Синода. Он же при мне был и столовой, и рядом из него же вход в келлию Митрополита Сергия. Вправо из передней — дверь в комнату, где члены Синода принимают посетителей, ожидающих приема в передней. Иерархи для приема размещаются по углам, где стоят маленькие столики, при каждом стул. До моего приезда сюда здесь ожидали очереди посетители, а прием их происходил в следующей соседней комнате, которую на время заняли управляющий делами Синода, в части, отделенной ширмой, уступивший свою комнату для меня, и мой спутник. В конце коридора, под прямым углом к келлии Митрополита Сергия, выделено из него маленькое

³ См. об этом регенте в дальнейших материалах; Павел Константинович Нестеров не учился и не служил в Придворной капелле.

помещение для буфета, где имеет беспокойный приют келейник Сергия, иеродиакон Афанасий, из Валаамских иноков, очень симпатичный, добродушный, приветливый, услужливый, всегда занятый каким-либо хозяйственным делом. На нем и почтенных лет из Нижегородского женского монастыря монахине лежат все по дому экономические обязанности. Нужно отдать им должное: несложные хозяйственные дела они ведут образцово хорошо, со смирением, охотно, во всем и везде успевая, без тени выражения усталости, которая для них, кажется, не существует. В верхнюю надстройку из зала заседаний ведет извилистая лестница на маленькую площадку, из которой три двери — одна в комнату в три окна правителя дел Синода, епископа Питирима⁴, временно предоставленную мне, другая — в маленький уголок для исполняющего различные поручения административного характера, каковым является кандидат богословия, бывший на юге России епархиальным миссионером, и третья — в скромную ризницу.

Помещение для Патриархии, конечно, очень мало, зато наполнено уютом. Все оно живет свежим, тщательно оберегаемым преданием. Оно было заареновано еще при жизни Святейшего Патриарха Тихона. Он сам осматривал его, оно понравилось ему, и он в нем переночевал одну ночь. А после него некоторое время здесь жил Местоблюститель Патриаршего Престола Митрополит Петр [Полянский]. Крепкий дух веры исповедников ее оставил свои следы в стенах Патриархии, и живущие в ней дышат им. Митрополит Сергей живет именно в той комнате, где проживали наши первоиерархи. С любовью он указывал в киоте с образами иконы, принадлежащие приснопамятному нашему Патриарху, место, где стояла его койка, портрет его. С особым почтением к покойному и Митрополит Сергей, и члены Синода рассказывали некоторые факты из жизни покойного. Все это сливает живую Патриархию с умершим, но и живущим во Христе, близким русской Церкви столпом Ее, Святейшим Тихоном, и делает ее воспринявшею от него церковное дело не только в существе, но и в духе почившего. Правда, Патриархия находится вдали от центра Москвы, почти в пригороде ее, и это представляет большое неудобство для посетителей. Но для живущих оно имеет свои выгоды: дачное место, вдали от городского шума, при доме достаточный по размерам фруктовый сад с небольшим огородом. Есть где пройтись и подышать чистым воздухом. При мне уже поговаривали о переходе в другое помещение поближе к центру. Жалко было бы оставить без особой нужды в своем роде исторический домик. Но, по имеющимся отсюда у меня сведениям, Патриархия осталась на прежнем месте⁵. Хорошо было бы, собравшись со средствами, купить этот домик, который был бы дачей для Патриарха, тем более что с ним связано большое церковно-историческое событие: здесь открылось законное организационное Церковное Управление, здесь Патриархия начала устройство Патриаршей Церкви на канонических началах,

⁴ Епископ Волоколамский Питирим (Крылов), викарий Московской епархии.

⁵ Теперь она — в другом помещении. — *Примеч. автора.*

В 1931 Церковное Управление переехало в Бауманский переулок, где и оставалось до 1943.

сюда являлись возвращающиеся из Соловков, тюрем, ссылки в Сибирь иерархи-исповедники и своим присутствием уже освящали стены дома, отсюда получали они назначения на церковный труд; сюда устремляются взоры и сердца иерархов и всех деятелей живущих церковною жизнью. Здесь — центр церковной жизни, и забыть это едва ли было бы желательным.

Такси опять опоздал приехать; вообще-то их там приходится отыскивать с большим трудом, так как для Москвы их очень мало. Все же мы прибыли ко все-нощной в храм Богоявления [в Дорогомилове] без большого опоздания. Огромный трехпрестольный храм; молящихся было много, но пройти в алтарь можно было совершенно свободно. Служба совершалась чинно. Пел хор Нестерова в половинном составе — 35 человек. Чудный хор, как по голосовым силам, так и по редкому строю, внимательному выполнению всех тонкостей хоровой музыки. При всем том, что особенно ценно, все пение его проникнуто церковностью, церковным духом⁶. Плата ему от церкви всего 200 р. в месяц. В Патриархию мы возвращались в трамвае. Так как движение трамвая недалеко от храма, то нам было возможно прийти в вагон одними из первых и занять места. Против меня сидел на вид рабочий, тоже бывший на всенощном бдении.

— Вы, батюшка, откуда, из какой церкви? — обратился он ко мне.

— Я не здешний, из заграницы.

— Из заграницы? Откуда же!

— Из Литвы.

— Как, понравился вам наш храм, служба, пение?

— Все хорошо, прекрасный храм, чинная служба, но всего лучше пение.

— Да, да, хор здесь очень хороший. Я сам живу далеко, за Кремлем, а на праздничные богослужения всегда приезжаю сюда, люблю пение. Это еще не полный хор, а когда бывает полный, прямо заслушаешься. Храм хороший, стоит, как видели, в ограде, а ограда в прямую линию с домами улицы, значит, никому не мешает, а вот поговаривают, что его хотят снести.

— Почему?

— А вот, походи с ними, — кивнул головою в сторону.

— А может быть, и не тронут, — сказал я.

— Дай-то Бог.

С тех пор я тщательно слежу по газетам за этим храмом. Доселе, слава Богу, он стоит благополучно⁷.

— Как вы нашли службу, пение? — был первый вопрос ко мне Митрополита Сергия, когда мы возвратились в Патриархию.

— Все хорошо, но особенно меня радовало чудное пение: это выше моей похвалы, оно превзошло мои ожидания, — сказал я.

⁶ В конце 1920-х одним из регентов Богоявления в Дорогомилове был также будущий Патриарх Пимен. См. о духовенстве этого храма в материалах о. Георгия Извекова.

⁷ Храм был уничтожен в 1938.

— И я очень доволен тем, что вы нашли у нас то, чем мы за границу можем удивить. А завтра вы будете, конечно, участвовать в нашем церковном торжестве и увидите много другого, что скажет вам о нашей жизни.

25-го, в воскресенье, в 9 часов 35 минут в поданный такси сели два митрополита — Сергей и Серафим [Чичагов], я и иеродиакон Афанасий. Ровно в 10 часов мы были у ограды храма Воскресения [в Сокольниках]. При торжественном трезвоне Митрополит Сергей в сопровождении нашем направился в храм, где при мощном пении «От востока солнца до запада» был встречен длинными рядами духовенства, протодиаконом и диаконами, а мы по боковой стороне прошли в алтарь, в котором уже находились почти все готовящиеся служить иерархи. Полились тихие мелодичные звуки пения входного «Достойно есть». Не знаю, имели ли иерархи свое облачение или достают его в подобных случаях где-либо в Москве, но я-то не имел с собою ничего, и мне подали все уже приготовленное на месте. Храм огромный, вместимостью, как говорят, тысяч 7—8. Народ был оповещен о готовящейся епископской хиротонии. Уже к началу литургии молящихся собралось много.

«Посмотрите, сколько народу», — приоткрыв немного занавес царских дверей, обратясь ко мне, сказал архимандрит Алексей. Видимо, ему самому было приятно похвалиться растущим духовным богатством. Уже стояло море голов, но вместительный храм принимал в себя все новые волны верующих. Несомненно, исключительное торжество Церкви влекло их сюда. Заканчивалось чтение часов. Открылись Царские врата и попарно стали выходить иерархи, а за ними духовенство к архиерейской кафедре для принятия всею Церковью исповедания веры и благочестия от готовящегося принять иерархическую благодать. На широкой архиерейской кафедре было приготовлено для 12-ти иерархов седалище. <...>

Выводится из алтаря избранный Духом Божиим нареченный во епископа Иоанн, как бы выявляется всей церкви, да видит она в своем собрании того, кто поставляется на свещнике ее, да светится свет его пред человеки и да прославит добрыми делами Отца нашего, иже на небесех, поставляется на орлец⁸, символ надмирности, и на троекратные вопросы Первенствующего Иерарха: «како веруеши... рцы нам пространнее»... хиротонисуемый громко произнес исповедание православной веры и свв. канонов. К ряду анафематствований различных ересей и отвержения церковных постановлений прибавлена анафема на автокефалистов, то есть на самочинно отделяющих от Матери Церкви и, вопреки ее воле, устрояющих свою, независимую от нее, церковь и упорствующих в этом самочинии. Я не спросил, с какого времени существует в чине эта прибавка; но уже потому, что она не вызывает ни удивления, ни разговоров, можно думать, что она — не новость последнего времени, а, вероятно, введена еще при Патриархе Тихоне, когда пошли самочинные отложения в церкви в лице живоцерковников, обновленцев, самосвяттов и др. Поэтому, полагаю, еще при нем и принимались отпадшие от Церкви по особому чину

⁸ В Петроградской Лавре для этого торжества имелись три больших орлеца, а здесь обыкновенные. — *Примеч. автора.*

через всецерковное покаяние и отвержение всех самочинств, каким чином принимались отлученные от церкви.

Окончилась исповедь. Начинается Божественная литургия. Все внимание забегает вперед, к таинственному акту. Взор ничего не наблюдает, не замечает, смолкает рассудочная мысль и уступает свое первенство сердцу. А оно хочет только молиться, и молится о церкви, о мире в ней и о мире всего мира, о иеромонахе Иоанне, да придет на него благодать Всесвятого Духа. Слышу: «о Богохранимой стране нашей, о властях ее... да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте», и сердце не волнуется этим прошением, не встает против него: заповедь Апостольская, Христова, Духа Божия. Малый вход, все иерархи вошли в алтарь; наступают моменты церковного торжества, возжигания нового церковного светильника. Вот подвели его к Святому Престолу, и он, преклонив колена, забыл все, кроме своего ничтожества, почти несущности (1 Кор: 4, 7), в трепете телесном раскрывает свое сердце для принятия благодати. Первоиерарх, раскрыв Святое Евангелие, символ вечного служения Христу и твердого благовестия Его неизменной истины, положил его словами вниз на голову хиротонисуемого, поддерживая рукою. Простерли все иерархи свои десницы к лежащему на главе Св. Евангелию и, держа его, готовятся низвести Св. Духа на просящего благодати. Происходит тайносовершение. Первоиерарх читает тайносовершительную молитву, читает отчетливо, громко, да слышит вся церковь и молится об Иоанне; волнуется сердце, чувствую, как вздрагивает держащая Св. Евангелие моя десница, подступают слезы, увлажняются глаза, мысль замолкла, только сердце без слов говорит: «да придет на него благодать Всесвятого Духа, да придет на него благодать Всесвятого Духа»...

Таинство совершено. Новый иерарх встал и, облеченный в иерархические одежды, при братском лобзании со взаимными приветствиями — «Христос посреди нас! Есть и будет» — принят в иерархическое общение и стал в сонм иерархов для совершения мироспасительного таинства св. Евхаристии. Местный диакон, среднего роста, худенький, резковатым басом громко и четко прочел Апостол, а протодиакон более мягким и более полным басом прочел из Евангелия притчу о «Милосердном самарянине». Теперь с горнего места спокойно можно было посмотреть на наполнившую храм ниву Христову: стоят в чинном порядке, как будто ни движений, ни разговора. Хор пел хорошо, но все же нет в нем строя и гармонии нестеровского хора.

Новому иерарху Иоанну Первоиерархом было поручено посвятить во диакона сирийца. Проповедь говорил настоятель храма, еще не старый митрофорный протоиерей с академическим образованием. Редкий у него голос для проповедей. Говорил он, по-видимому, без напряжения, но так звучно, отчетливо, что, думается, слова его были слышны во всем храме. Пред заамвонной молитвой новопосвященный диакон говорил на своем сирийском языке ектению, а несколько сирийцев, стоявших на клиросе, по-своему пели. Прошений у них здесь больше числом, чем у

нас. Пели в унисон, непривычным для нашего уха плаксивым роспевом. Тяжелый образ жизни под мусульманским игом отобразился и здесь.

По окончании литургии, разоблачившись и надевши мантии, с посохами в руках, все попарно вышли на архиерейскую кафедру на средину храма, чтобы во главе с Первоиерархом совручить новохиротонисанному архиерейский жезл и принести ему братское приветствие с принятием архиерейской благодати. Все иерархи сели на седалища; вышел из алтаря епископ Иоанн и, сделав глубокий поклон иерархам, стал у подножия кафедры. Первоиерарх, встав, а с ним все прочие иерархи, держа в руке посох, обратился к новому иерарху с простой, но задушевной речью, предварив ее братским приветствием со вступлением его в сан иерархов Русской Церкви, а чрез Нее и всей Единой, Святой, Соборной и Апостольской. Епископское служение, говорил он, есть надмирное служение в Его земной Церкви. Мир ищет радостей земных, плотских удовольствий, а мы должны утверждать их призрачность и видеть ценность в вечной жизни в Боге, которая приобретается борьбою со грехом, доселе царствующим в мире.

Вручив новопосвященному иерарху посох, Первоиерарх повелел ему благословлять ожидавший архиерейского благословения народ.

Войдя в алтарь, мы, иерархи, сняли мантии, а Митрополит Сергей, сделав общее осенение, в мантии последовал к выходным дверям. Народ прямо толпой бросился к нему за благословением. «Ну, — думаю себе, — надолго задержат его». Медленно он продвигался вперед, а я с Митрополитом Серафимом пошли по боковой стороне храма. Люди, увидя нас, стали подходить к нам под благословение. Только и слышишь: «Владыко, благословите, владыко, благословите». Так сильна духовная потребность в архиерейском благословении. Около 3-х часов мы были уже в Патриархии, где в зале заседания был приготовлен для праздничного обеда стол. Скоро явился и новопосвященный иерарх. Пропев хором «Отче наш», сели за трапезу — все участвовавшие в службе иерархи, настоятель храма, протодиакон и еще 4—5 человек.

ДНЕВНИК МОСКВИЧА*

10/23 сентября 1918

За ближайшие праздники слышал в церквах заупокойные поминовения архиепископов Варнавы, Гермогена и Макария (Гневушева). Они расстреляны. Между прочим, был за службами, совершавшимися архимандритом Холмской епархии Смарагдом и Тифлисским и Бакинским митрополитом и экзархом Грузии (какой «бывший» титул!) — Кириллом¹. И тот и другой поразили меня особенностью своего служения и красивой представительностью. Необыкновенно выразительны и сладкозвучны их возгласы, а первый — подлинный оратор... (С. 221).

2/15 октября 1918

Видел в церкви Святой Троицы (в Троицком около Патриаршего подворья) за поздней обедней Виктора Михайловича Васнецова. Стоит в толпе и молится так же истово, как молились наши отцы — простые люди. И вид у этого великого иконописца не то что древний — а «ушедший», или «уходящий» (С. 224).

15/28 августа 1919

По случаю великого московского праздника Успения (увы! из Кремля не слышался уже величавый звон храмового праздника в Успенском соборе, ибо там давно служб не совершается) задумал сходить в Рождественский монастырь, где служил тифлисский митрополит Кирилл. <...> В монастыре за обедней, несмотря на благолепие служения, молящихся не очень много, а где стоял я — там и совсем просторно. Тут я пережил час доброго и умирительного настроения. Не столько религиозной радости, сколько удовольствия чисто житейского от красоты звуков и внешности близко находившихся ко мне. Это было приятнейшее зрелище, описать которое не погнушался бы и заправский писатель, точно не в 19-м году, а в прошлом веке: истово служил седовласый митрополит в богатейшем облачении; его возгласы чаруют молящегося или просто слушателя. У митрополита чудный баритональный тенор и, как видится, врожденная музыкальность. До такой степени отчетливо, проникновенно и ритмично идут из его уст святыя слова, что не наслушаешься. Хор монахинь поет стройно и благозвучно (С. 283).

* Никита Окунев. Дневник москвича. Париж, 1990.

¹ Кирилл (Смирнов), митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказа; священномученик.

12/25 сентября 1919

Сегодня вечером принимал «опиум», то есть был за всенощной в храме Пятницы Параскевы (в Охотном ряду). По случаю завтрашнего праздника Обновления Храма Воскресения Христова в Иерусалиме всенощная шла «по пасхальному чину», что было для меня великим духовным утешением, ибо я по болезни не мог быть в этом году ни за одной пасхальной службой. Служба была на редкость благолепной. Храм переполнен, служит епископ Трифон [Туркестанов], очень популярный в Москве, но поистине отрекшийся от мира. Ведет, говорят, совершенно замкнутую жизнь, и даже не в монастыре, а в частной квартире, занимая одну жалкую комнатку. Внешность его как бы подтверждает такую обстановку: не так давно он был совершенно черен волосом... а теперь седой, с изможденным лицом, но зато, когда облачился в красные торжественные ризы и в митру, — явил из себя картинного епископа. Так шло к пышной церковной обстановке его иконописное лицо, и к тому же все его возгласы и чтение Св. Евангелия были проникновенны и западали в душу молящихся. У него не сильный, но приятный голос и умение им пользоваться. Сослужил ему местный, должно быть, священник, молодой еще, но уже «благообразный», с истовым отношением к своей, по службе, задаче. У него также прекрасный голос — тенор. Диаконствовал тоже «мастер своего дела» — иеродиакон или архидиакон (не знаю, кто именно), которого я видал раньше в Сретенском монастыре, а теперь вижу всегда в этой церкви — значит, он перешел сюда. У него представительная внешность, роскошная кудрявая шевелюра и приятнейший, хотя не поразительный, но порядочной силы — бас. А хор — по нынешним временам — прямо замечательный. Так и должно казаться, потому что им управляет прославленный знаток церковного пения — Н. М. Данилин, бывший регент бывшего несравненного Синодального хора².

Всенощная началась троекратным пением «Христос воскресе», и сразу получилось настроение. А когда в конце Великого входа хор грянул «Да воскреснет Бог» (Пасху — Смоленского), у меня волос зашевелился. Несказанно хорошо и величаво!..

После Евангелия духовенство запело «Воскресение Христово видевше», и вся церковь наполнилась всенародным пением. Первые слова молящиеся подпевали несмело, но епископ обратился к нам со словом: «подпевайте», задирижировал бывшей у него в руке зажженной свечой, и волна задушевного, мощного пения охватила весь храм. Точно уж не только воспоминание об Обновлении Храма, а обновление всех предстоящих людей, час тому назад погруженных — кто в служебные, кто в домашние, кто... в спекулятивные дела... Затем чудным древним роспевом хор исполнил весь Пасхальный канон... (С. 293).

1/14 октября 1919

Накануне сегодняшнего праздника (Покрова) был в нескольких церквях, наблюдал, какие жуткие времена переживают наши храмы и духовенство. Там, где

² См. в разделе «Николай Данилин».

нет архиерейской службы, прославленного хора певчих, — там пяток молящихся (в большинстве случаев старушек), скудное освещение... и душу ущемляющая обстановка службы: во многих храмах нет дьяконов (они, что ли, забраны в Красную армию или за невозможностью просуществовать на их церковные доходы сами разбежались по советским учреждениям или по спекулятивным делам), нет псаломщиков, певчих и службу совершает один только печального вида священник, а на клиросе какой-нибудь богомольный прихожанин, умеющий прочитать что нужно и пропеть положенное. <...>

Правда, архиерейская или патриаршая служба и теперь привлекает большую толпу, но при каких условиях!.. Расклеиваются своего рода зазывательные афиши, тогда-то, там-то будет служить такой-то митрополит, с таким-то протодьяконом, с таким-то хором, с такими-то солистами, с таким-то проповедником-профессором, и что будет совершаться не обыкновенное служение, а вот эдакое — или покаянное, или древнее, и что будут исполнены песнопения таких-то композиторов. Чувствуете, как это грустно?.. Идет ли это к Храму Божию, куда верующие должны стремиться в силу своей душевной потребности, а не какой-либо зрительной или слуховой! <...>

Церковь от государства отделена — это еще полгоря; но люди-то государства отделились от нее — вот в чем безмерное горе! Точно обрадовались: вот, мол, были церковные расходы, а теперь я волен их и не делать. Бессовестные мы, простые русские люди, в особенности пожилые и старики. Ведь не всех нас перестреляли и заточили по тюрьмам и лагерям (С. 295).

24 декабря 1919/6 января 1920

В прошлое воскресенье после обедни настоятель храма Гребенской Божией Матери³ обратился к прихожанам со слезною просьбой принять личное участие в топке железной печки: «Дрова, — говорит, — есть, а топить некому». И тут батюшка упрекнул нас в нашем показном благочестии: вы-де ставите свечки и кладете поклоны, а когда храм холоден, сыр, запылен — вас нет, вы не хотите здесь проявить «трудовой повинности» и т. п. Одним словом, сказал правильно, что называется, не в бровь, а в глаз. В частности, каюсь, и в мой, — что я и доказал на деле, пойдя сегодня на всюнощную к Прасковье Пятнице, где, надо полагать, есть не только дрова, но и истопники, потому что там поет хор под управлением Данилина и туда «публика» валом валит.

Пение сегодня было до того замечательно, что хотелось временами плакать, а временами — аплодировать (С. 313).

25 января/7 февраля 1920

Какие все-таки гонорары стали получать голосистые дьякона. Есть в церкви Никиты Мученика на Басманной протодьякон Холмогоров, специализиро-

³ Церковь Гребневской иконы Божией Матери на Лубянской площади, уничтожена в 1935.

вавшийся по пению чесноковской Ектении⁴, так вот, он получает за участие где-либо, не в своем приходском храме, за три службы храмовому празднику, то есть за вечерню, всенощную и обедню, — 7000 рублей и 15 фунтов муки, да кроме того выговаривает себе бесплатный ночлег, обед, чай и ужин у какого-нибудь прилично живущего прихожанина (под тем предлогом, чтобы не взыскать еще с церкви за извозчика по переезду между службами из церкви на квартиру и обратно) (С. 320).

6/19 апреля 1920

В пятницу на Пасхе совсем закутили. Были в театре Незлобина, смотрели знаменитую пьесу покойного Великого Князя Константина Константиновича «Царь Иудейский». Странно даже, что эта пьеса, ставившаяся для царской фамилии в Эрмитаже (Дворцовом), в которой играл Иосифа Аримафейского сам Князь и участвовали в других ролях его дети и приятели, — имеет в наше время такой шумный успех среди новой театральной публики (С. 337).

30 мая/12 июня 1920

Прошел домой мимо Сретенского монастыря, не закрытого еще в полном объеме, но оставшегося с одной только церковкой и «братией» человек в пять. Но от бывшего остались музыкально подобранный звон и сам звонарь, какой-то удивительный человек — я вижу его, он «штатский», тощий, болезненный, типа старых сухаревских мелких торговцев. Еще бы чуть-чуть попотрепаннее одяжание, ну и подавай ему Христа ради копейку. Такова наружность, а кто его знает, может, он богатый человек, любитель позвонить. (Позднейшая вставка в рукописи: «Это Гедике, сын и брат больших профессоров консерватории»⁵.) В нем нет профессионального звонаря, он несомненно дилетант, но зато какой в своей сфере гениальный! Я, по крайней мере, никогда не слышал такого замечательного звона. Когда он звонит, на углу Сретенки и Сретенского переулка всегда собирается толпа и смотрит на его переборы по веревочкам. Голова без шапки, закинутая вверх, — точно смотрит в небо и аккомпанирует ангелам, поющим гимн Богу (С. 358).

5/18 сентября 1920

Слышал, что Н. М. Данилин со своим хором получает за участие во всенощной и обедне 130 000 рублей. Это меня очень радует. Теперь на устройство торжественных богослужений прихожане храмов московских собирают «промеж себя» по полмиллиону рублей. И это очень приятно (С. 384).

⁴ См. в разделе «Диаконь».

⁵ См. о нем в разделе «Колокола».

19 апреля/2 мая 1921

На Страстной неделе тянуло в церковь. Несколько раз ходил в Сретенский монастырь. Привлекал туда епископ Иларион⁶, не своим пышным архиерейским служением, а участием в службах в качестве рядового монаха. Однажды (за все-нощной со среды на четверг) он появился в соборном храме монастыря в простом монашеском подряснике, без панагии, без крестов, в камиллавке, и прошел на левый клирос, где и пел все, что полагается, в компании с 4—5 другими рядовыми монахами, а затем вышел в том же простом наряде на середину храма и проникновенно прочитал канон, не забывая подпевать хору в ирмосах. Прочитавши канон, запел один «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный». Ну! Я вам скажу, и пел же он! Голос у него приятнейший, чистый, звучный, молодой (ему 35 лет), высокий тенор. Пел попросту, не по нотам, но так трогательно и задушевно, что я, пожалуй, и не слыхивал за всю свою жизнь такого чудного исполнения этой дивной песни. Мне, грешному, вспомнился Н. А. Преображенский, знаменитый тенор конца прошлого столетия. Разве только он бы спел эту вещь лучше Илариона. В эту же службу объявился там удивительный канонарх, по одежде такой же простой монах. И голос, и чинность, и симпатичнейшая наружность действительного девственника заставили меня спросить: да кто же это? И я узнал, что это родной брат Илариона архимандрит Даниил (по фамилии Троицкий). Он на два года моложе Илариона, но тоже теперь архиерей: его хиротония во епископа Елецкого совершена в субботу на Страстной⁷. <...>

Пасхальную заутреню и после обедню имел счастливый случай (при протекции Розова) простоять на левом клиросе Храма Спасителя. Служил патриарх с митрополитом Евсевием [Никольским] и с епископом Петром Подольским. Народу было видимо-невидимо. <...> Говорят, что столько народу там еще никогда не собиралось (С. 446—447).

24 апреля/7 мая 1921

В коммунистических газетах Пасху бессовестно лягнули: «в церквях народу мало», «пасхального звона не слышно — некому звонить — все были на майском празднике». Вздор! Церкви были переполнены, звон колокольный заглушал уличные звуки не только в первый день Пасхи, но и во все остальные — вплоть до сегодняшнего вечера (С. 448).

26 апреля/9 мая 1921

Третьего дня по моей просьбе К. В. Розов позвал к себе на квартиру П. Г. Чеснокова и Н. М. Данилина, куда и я явился вместе с Павлом Александровичем Ламме, страстным любителем духовной музыки и замечательным производителем

⁶ Епископ Верейский Иларион (Троицкий), ближайший помощник Патриарха Тихона, настоятель Сретенского монастыря; священномученик.

⁷ Впоследствии архиепископ Брянский.

ее на рояле (немножко подпевая своим маленьким тенорком). Ламме сыграл нам обедню Александра Алексеевича Оленина (брата Петра)⁸. «Спецам» она не очень-то понравилась, да и сам Оленин не ждал от них благоприятного отзыва, ибо (это он мне пишет), как сказал Козьма Прутков: «специалисты флюсу подобны — полнота их односторонняя». Но на мой вкус, которому Оленин почему-то придает решающее значение (вероятно, как представителя церковной «толпы»), — эта обедня заслуживала бы «постановки» ее в храмах. Но теперь громадных денег стоит разучить такую вещь хором. А музыка как раз требует очень большого хора. В иное время нашлись бы «меценаты» своего рода, и обедня была бы в репертуаре московских хоров. Нет ни одного пения в обедне, к которому Оленев не приложил бы своего творчества. Все «Господи помилуй», даже все «Аллилуия» и «Аминь», — все поется мелодично и притом каждый раз на другой манер. Все время слышится какая-то грустная нотка. Розову, по его собственным словам, казалось, что он находится где-то в катакомбах. Александр Алексеевич прославил себя уже на поприще собирания древних русских песен, и надо полагать, что он в свою обедню вложил много от хорошо известных ему народных причитаний и попевок «калик переходящих». Местами очень красиво, местами величественно. Но кое-что нужно переделать, на что справедливо указали «спецы», и, как ни хотелось бы мне самому послушать это произведение в церкви, я до этого не доживу. <...> Если бы не я, то она долго бы лежала у Ламме никому не известной, а теперь как-никак ее слышали такие авторитеты в духовной музыке, как Данилин, Розов и Чесноков (С. 449—450).

28 апреля/11 мая 1921

А вот бас Большого театра В. Р. Петров, еще давно прославившийся исполнением «Разбойника благоразумного», ухитрился в четверг на Страстной, за всю ночь, отпеть его в трех церквях, за что в общем стяжал себе полмиллиона рублей (в одной церкви ему заплатили 200 тысяч). Впрочем, извозчик, перевозивший его из церкви в церковь, взял с него 90 тысяч (С. 450).

8/21 мая 1921

Сегодня, то есть накануне Николина дня, был за всенощной у Николы на Дербеневке (в Уланском переулке). Служил архимандрит Троицкой лавры Вассиан⁹. Сравнительно молодой еще человек и, должно быть, ученый. Сказал великолепную речь, да с таким воодушевлением, что многих слушателей растрогал до слез. <...> А пел, как написано в объявлении: «полный хор *бывшей* Троице-Сергиевской Лавры». Ущемило меня это слово — «бывшей». Грустно сделалось и от неправильного слова «полный», когда на поверку оказалось, что весь хор состоит из 18 человек (в том числе один регент, одна барышня, 7 мальчиков, 2 монаха и 7 певчих свет-

⁸ См. подробнее в материале «Народная литургия». Ламме — известный московский музыкант Павел Александрович Ламм.

⁹ Вассиан (Пятницкий), впоследствии архиепископ Тамбовский; священномученик.

ских). Однако я был очень доволен, что мне пришлось послушать только жалкие остатки Лаврского хора. Они пели, между прочим, «Благослови, душе моя, Господа» Комарова, «Блажен муж» и «Хвалите имя Господне» Архангельского, но через композиторские достижения слышалось что-то прибавочное, монастырское, свое. Видно, держатся еще каких-то традиций, какого-то особого стиля, и за это честь регенту — Мартову¹⁰.

(К концу всенощной явился в церковь Н. М. Данилин, как мне показали «инкогнито», и очень внимательно прослушал «Слава в вышних Богу», значит, хор действительно «с изюминкой», когда сам Данилин заинтересовался им.) Очень интересен один мальчуган. Голос у него такой угрюмый, убедительный, точно у слепецкого вожака, и таково-то он душещипательно и проникновенно дивился, что «на горах станут воды», и так искренне голосил «Дивна дела Твоя, Господи», что я даже всплакнул, как умиленная баба.

Не могу простить себе, что я в те времена, когда существовали громадные хоры, когда в соборах и монастырях свершались торжественнейшие служения, — любил все это как-то вскользь, мимоходом, между делом (а вернее, бездельем). Давно надо было поставить все это в ряд наипервейшей духовной улады, и тогда от множества житейских промахов и ошибок избавился бы. А теперь так грустно все это видеть и слышать! Точно внимаешь последним словам и вздыханиям близкого-близкого, дорогого и милого человека, уходящего туда, «аможе вси человецы пойдем». Пройдут десятки лет, мы перемрем, дети наши состарятся, будут, пожалуй, искать духовных утех на земле, пойдут, может быть, в церковь, но не услышат уж таких мастеров, которые если еще не совсем исчезли в наше время, то заметно поредели. А для внуков наших, пожалуй, останутся от их отцов только воспоминания о былой красоте церковного пения да ворох старых забытых нот. Теперь мальчиков в московских хорах совсем нет, и эти семь, как видится, уже не свежего выпуска, и попеть им осталось, если они раньше не разбегутся на Сухаревку, еще год, и тогда навсегда закроется эта старинная область искусства. Бедные потомки! (С. 452—453).

15/28 мая 1921

Был сегодня еще впервые в новой церкви Марфо-Мариинской обители, учрежденной великой княгиней Елизаветой Феодоровной. <...> Думалось, что она как в некотором роде «придворная» закрыта или превращена в какой-нибудь клуб. Но — слава в вышних Богу — там все в таком порядке и в такой, подобающей Божьему дому обстановке, что невольно благодарно вспомнишь и храмоздательницу, и тех советских чиновников, которые сохранили в полной неприкосновенности художественную прелесть этого чудного храма и допустили сестер

¹⁰ Анатолий Николаевич Мартов — в прошлом офицер; уйдя в отставку, поселился в Сергиевом Посаде, где в 1920-е преподавал в музыкальной школе и регентовал в церкви Рождества Христова.

обители к хозяйствованию этой достопримечательности московской¹¹. Вероятно, она, а также и причт храма те же, которые были подобраны и при самой Елизавете Феодоровне. Один священник митрофорный, другой помоложе с магистерским крестом — оба такие чинные, «тихоструйные», благоговейные, представительные; дьякон с протодьяконским орарем, молодой еще, но хорошо ведущий свое дело и басящий в такую меру, которая как раз подходит к общему строю придворно-монастырского чина. Хор состоит из 20 тонко подобранных женских голосов. Пели замечательно стройно и задушевно. Пели, вероятно, песнопения таких композиторов, которые черпали свое вдохновение в древних русских напевах. И, в общем, незабываемый ансамбль: архитектура Покровского или Щусева, живопись Васнецова и Нестерова, а к этому алтарные и клиросные действия и звуки во вкусе «тишайших царей» и «благоверных цариц». Ах, как хорошо! Елизавета Феодоровна оставила по себе памятник такой светлый, христиански-радостный и кроткий, такой обаятельный по красоте замысла и исполнения, который так и говорит, что эта женщина — подлинная христианка, красивая душой и разумом (С. 455—456).

5/18 июня 1921

Сегодня в канун Троицы вздумал пойти на всенощную в великолепный единовременский храм у Салтыкова моста во имя Святой Троицы. Думал, там древле-православное торжество, уставная служба, крюковое пение, собрание богомольцев старообрядческой складки: бородатых, истовых, с четками, в длинных камлотовых поддевках, как это я видел там каких-нибудь 7—8 лет тому назад. Но увы! Все это отошло в область предания. Священник и дьякон творили свое дело, как в наших епархиальных церквях. В их возгласах не было той своеобразной музыки, которую прельщали любителей и поборников старины протоиереи И. Г. Звездинский и Шлеев¹². Видно, эти новые не учились у них, и те унесли с собой свою лепоту в могилу. А богомольцы совсем не типичны: о поддевках и помина нет, и стоят они так же лениво и развязно, как мы в своих церквях. На клиросах очень много детских голосов, должно быть, из школы, состоящей при храме, и никого из старых певцов, таких голосистых и ловких на крюковое пение. Пели хоть немудреное, но нотное, ничего общего с демественным пением не имеющее. Что это? Влияние времени, распушенность причта, политика высшей церковной власти, самодурство членов приходского совета или самоотречение единоверцев от своих старых заветов? Вероятно, последнее, и это не к чести их. <...>

¹¹ Марфо-Мариинская обитель просуществовала до 1926, храм Покрова был закрыт в 1928. В предреволюционные годы хором в обители в течение двух лет руководил Н. С. Голованов.

¹² О единоверческом священнике Иоанне Гавриловиче Звездинском очень тепло рассказывается в книге А. М. Ремизова «Подстриженными глазами»; протоиерей Григорий Степанович Шлеев — настоятель этого храма в 1907—1913, брат священномученика единоверческого епископа Симона Шлеева.

Я ушел оттуда перед Шестопсалмием и поспешил в настоящую старообрядческую церковь (Успения, в Гавриковом переулке). Вознамерился проверить самых настоящих «раскольников» («Рогожского согласия»): может, и у них пропадет мало-помалу старая обрядность. Но, слава Тебе, Господи, там все «как встарь». И священнослужители, и канонархи, и певцы, и молящиеся... Пение крюковое, стройное, умелое и прочувственное. Этих, должно быть, не скоро выбьешь из их колеи; они крепче духом и телом, чем «никониане» и их (по-новому) «приспешники» единоверцы. Хвалю и благодарю их за такую надежную «охрану» памятников старины (С. 461—462).

14/27 июня 1921

...Я вчера ходил на Рогожское кладбище, уже «по своему делу», посмотреть, как там, все ли утрачено от старой «закоснелой» веры или осталось кое-что? Нашел, что и там не то уже, но это скорее от всеобщих лишений, а не от духа времени. Ну, кто в силах идти в такую даль (за Рогожскую или Покровскую заставу) из центра города, из Замоскворечья, с Тверской, с Девичьего Поля? А ведь раньше туда действительно стекались со всех концов Москвы на конках, трамваях, извозчиках, а многие и «на своих» лошадях. Ведь это старообрядческий Кремль. Итак, богомольцев для такого громадного и благолепного храма — обидно мало, но кто был — любо посмотреть. Такого чинного, благообразного и богомольного стояния нигде в наших церквах не увидишь. <...>

Благодаря высокопристойному держанию себя молящихся и общему тону службы: неспешной, стройной и благочестивой, во все три часа обедни в храме царила какая-то величавая тишина; тишина, даже чувствовавшаяся в возгласах басистых епископа и священника и в крюковом пении 10 мужчин и 10 женщин. Первые на правом клиросе, вторые на левом, а «Приидите поклонимся», «Иже херувимы» и «Достойно» все среди церкви, на «сходе». Служил Рязанский епископ Александр [Богатенко] в сослужении одного только священника, который вместе с тем был и за дьякона. Все это мне показалось «бедным». Я даже спросил там, почему это так? Сказали, что теперь штат кладбища у них против прежних времен очень маленький: нет у церкви доходов, священнослужители разбежались по городским приходам, а тут не прокармливаются. <...>

Между прочим, отмечаю замечательный звон. Не искусство звонаря (которому, конечно, далеко до Сретенского), а ансамбль звона. Самая группа колоколов, вес их и подобранная звучность дают такое впечатление, точно звонят в Кремле или в Троицкой Лавре. В Москве уж давно такого звона не слышать. Даже в Храме Спасителя звон не такой величавый (С. 465).

20 июня/3 июля 1921

Был сегодня опять за патриаршей службой. Патриарх становится все популярнее. У него руки отнимаются от тех бесчисленных благословений, которые он должен давать народу по окончании обедни. Я люблю эту процедуру. Она

продолжается больше часа времени и проходит как-то незаметно. Церковь тогда небезгласна. Кто-нибудь начнет петь «Воскресение Христово видевшее», все подхватывают, и получается мощный хор из тысяч или сотен, ожидающих своей очереди для получения патриаршего благословения. Переберут весь «репертуар» знакомых всем песнопений: «Верую», «Отче наш», «Заступнице усердная», «Правило веры», «Не имамамы иныя надежды», «Милосердия двери», «Достойно», «Царю небесный», «Взбранной воеводе» и т. п. И с каждой песней дело идет дружнее, велегласнее; заметно всеобщее воодушевление и умиление, а у Патриарха такая милая, тихая, неясно очерченная улыбка, как будто хочет сказать: «Ну, что вы, други мои, теплеете ко мне? Ведь я такой же, как и вы, — мне вас всех жалко, но я не чудотворец»..

Слово говорил протопресвитер Любимов. Теперь я разобрался, что он, епископы Трифон и Иларион, да, пожалуй, еще протоиерей Страхов — самые лучшие, искренние, серьезные, красноречивые и благопристойные духовные ораторы (С. 466).

25 июля/7 августа 1921

Вчера за всенощной на Патриаршем Троицком подворье впервые видел монашеский постриг (протоиерея Добронравова в «священноинока Николая»¹³). Обряд довольно тягостный, близкий к погребальному, и вот, в тот час, когда он совершается, сквозь открытое окно церкви довольно явственно слышалась красноармейская песня, исполняющаяся во флигеле подворья. Не знаю, кого винить в такой какофонии: монахов-псалмопевцев или товарищей — исполнителей кощунственных частушек Демьяна Бедного. Ведь стоило бы одной какой-нибудь стороне закрыть свое окно, и не было бы такого жуткого соблазна (С. 476).

30 июля/12 августа 1921

...Старинный крестный ход в Новодевичий монастырь (28 ст. ст.) также не разрешен «светской» властью. Но все рано и без крестных ходов праздничные службы привлекают невероятное количество народа. <...> Вот, например: вчера я был за всенощной в двух церквях (по случаю сегодняшнего праздника Иоанну Воину) — у Троицы на Капельках, слышал там, что всенощная и обедня обойдутся храму в шесть с половиной миллионов, затем у Иоанна Воина «на Убогих домах» (Божедомовка). Тут служил сам Патриарх и были обе дьяконствующие знаменитости — Розов и Холмогоров и полный хор Воинова, значит, понадобилось денег больше, чем у Троицы на Капельках... (С. 477).

22 августа/4 сентября 1921

Был за Патриаршей службой у Мартина Исповедника на Малой Алексеевской улице (около Таганки). Какой это великолепный храм, а я за 50 лет своей жизни и не бывал в нем. Участвовавший в службе протопресвитер Любимов по обыкно-

¹³ В миру — Николай Иванович Добронравов, впоследствии архиепископ Владимирский и Суздальский; священномученик.

вению сказал прекрасное слово и даже сострил по адресу советских проповедников. Тов. Поссе¹⁴ читал лекцию о «Богe, мире, душе, бессмертии, любви, свободе и власти» и озаглавил эту лекцию так: «Посильные ответы на проклятые вопросы». О. Любимов сказал нам в своем «слове», что Поссе честнее бы сделал, назвав свою лекцию: «Проклятые ответы на непосильные вопросы» (С. 481).

15/28 октября 1921

Редакция «Известий» объявила, что в контору ее поступило в пользу голодающих 2 755 000 рублей и 480 николаевскими, собранных по инициативе К. В. Розова в день его юбилея¹⁵.

27 октября/9 ноября 1921

В прошлую субботу был за всенощной «с участием епископа Антонина [Грановского]». Он все продолжает придумывать «трюки». Вводит в службу особые песнопения, обряды, но при этом в своих речах (говорю «в речах», потому что за одной всенощной он ухитрился поораторствовать три раза) громит падкость нынешних посетителей церкви на блеск служения, на концертное пение и т. д., а сам ведь тоже пускает «фейерверки». Проехался тут по адресу моего приятеля, «Великого Архидьякона», он, говорит, столько собрал ненужной для Божьего храма публики на своем юбилее, что целых два дня из Храма Христа Спасителя выметали подсолнечную скорлупу. Конечно, преосвященнейший остряк тут прихвастнул, но что в храмах бывает такая публика, которой не стыдно там безобразничать лущением подсолнечника, это — увы! — суцая правда! (С. 491).

31 декабря 1921/13 января 1922

Оказывается, перед Рождественскими праздниками выпустили из тюрем очень много духовных лиц. И между прочим, моего любимца митрополита Кирилла. Пошел специально посмотреть, как он выглядит после почти двухлетнего пребывания на хлебах Чрезвычайки. Да! Полинял-таки Владыка, несмотря на свою природную мощь. Состарился, похудел и утратил от своего очаровательного голоса свежесть и силу. По-прежнему читает и поет как итальянец, а все-таки так и слышится в звуках голоса, что устал старик и осердился! (С. 511).

30 января/12 февраля 1922

Я был у Георгия [на Б. Дмитровке на отпевании П. С. Оленина]. Полна церковь артистической братией (и сестрами). Видел, между прочим, Станиславского, Москвина, С. И. Зимина и Трубина. Почему-то не артисты пели, а хор Данилина под его управлением. Пел замечательно. Еще бы, ведь и «во гробе спящий», и его товарищи такие знатоки пения, каких Данилин и в Охотном Ряду у Параскевы не увидит (С. 520).

¹⁴ Вероятно, Владимир Александрович Поссе, писатель и журналист, до 1917 участник революционного движения.

¹⁵ См. в разделе «Диаконь».

30 апреля/13 мая 1922

Пошел сегодня за всюнощную на Патриаршее подворье¹⁶. Прекрасная, «правильная» служба, как в небольшом монастыре незабвенного старого обихода. Служил простой иеромонах с одним иеродиаконом, но на правом клиросе звучное и умелое пенье любителей церковного пенья обоего пола, по-видимому, из духовного звания (поют и вместе с тем молятся), на левом — знаменитейший чтец, молодой человек с редким по красоте голосом и изумительной дикцией. Когда ему приходится петь, ему вторит подворский патриарший архиерей Автоном, не ахти какой бацище, но певец складный и умеющий. В общем, очень хорошо, но и очень грустно. В алтаре всю всюнощную стоял сам Патриарх, как простой богомолец. Его можно было видеть, став за левым клиросом, в те моменты, когда открывались Царские врата. Он стоял направо, в сторонке от престола, в простой рясе и без параманда. Так вот он и на суде предстал «высокий и стройный». <...> А паства? «Боголюбивая» Москва, где же она? Отчего она не потянулась в эти дни именно сюда, в этот уютный и скромный храм, в этот русский Ватикан? <...> Разве мало в Москве стариков и вообще почтенных людей, обязательно посещающих воскресные службы. Ну и шли бы или на трамвае ехали со своих плющих, хамовников, серпуховок, таганок, бутырок или грузин на Троицкое подворье... (С. 539).

На днях у меня в гостях был очень любопытный человек: регент кружка любителей духовного пения имени Св. Филиппа — Никита Никандрович Драчев (все пропагандирую обедню А. А. Оленина) (С. 540).

5/18 июля 1922

Одним из последних «деяний» ВЦУ (вцу — тьфу!) — постановление «раскассировать» причт храма Христа Спасителя за неприятие мер к прекращению мер против ВЦУ со стороны «мирянских организаций». Три его протоиерея и один дьякон уволены за штат. Один протоиерей, протодьякон, два дьякона и три псаломщика переведены в другие епархии. На их место назначены сторонники нового церковного направления (С. 549).

16/29 октября 1922

Вот я теперь повадился на Валаамское подворье на Второй Тверской-Ямской — а почему? Потому что там служат по-старому, поют настоящим, старомонастырским пением, речей не говорят, электрического освещения нет, монахи, может быть, и пьющие, и блудящие — но умеющие и читать, и петь, и крестное знамение класть. Нет у них стриженных бород, бритых шей и щек. Все как 20, 40, 100 лет тому назад. И как там легко стоитя длинная, трехчасовая служба, так примирительно себя чувствуешь там, и видишь кругом — церковь полна, и все понимают, что они не на концерт пришли, не на эксперимент каких-нибудь Антонинов и Красницких, а в Храм Божий! (С. 557).

¹⁶ Ныне Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

О ЦЕРКОВНЫХ ХОРАХ И ДИАКОНАХ В ЛЕНИНГРАДЕ*

Я родился в 1912 году в Петербурге в семье священника-законоучителя Института Святой Елены. <...>

Мой отец — человек с двумя высшими образованиями, духовным и светским (он, кроме духовной семинарии и академии, окончил еще и Археологический институт) — воспитал меня в духе любви и уважительного отношения к русской старине, памятники которой он энтузиастически любил, в частности к церковной службе. Не исполнилось мне полных пяти лет, как состоялся «дебют» в домовых церкви 11-й петроградской гимназии, где преподавал отец: я читал «Святый Боже» после «Ныне отпускаеши». Затрудняюсь сказать, какой грамоте я научился раньше: церковнославянской или гражданской. Как мне это помогало во время моей службы в Отделе рукописей Публичной библиотеки, в которой я прослужил 38 лет до ухода на пенсию! Как мне это помогало читать спецкурс палеографии на родном мне филологическом факультете ЛГУ, где я преподавал ровно 25 лет!

[Из-за голода наша семья в 1918 уехала из Петрограда в город Алатырь (ныне в Чувашской республике), где жила семья моего деда по матери. Ехали через Москву, останавливались у дяди Кости [архидиакона Константина Розова]. Меня положили спать в его кабинете. Проснувшись рано утром, я с удивлением увидел, что дядя Костя усердно молится перед иконами, а в нашей семье он слыл не слишком благоговейным священнослужителем. Я как-то выразил свое удивление; подойдя ко мне, он сказал: «Спи, Коленка, я сегодня с приготовлением служу, с Патриархом». Поясню: накануне и в день совершения литургии священник должен долго молиться, «читать правило», что постоянно и истово делал мой отец; для диакона это не обязательно — он мог служить и без «приготовления», но тогда не причащался.

Утром мы втроем поехали на извозчике в церковь, куда уже уехал дядя Костя, взяв с собой своего любимца — моего старшего брата Михаила. Мы с отцом стояли в алтаре, и я впервые наблюдал сложный и торжественный церемониал патриаршего служения; дядя Костя, согласно уставу, большую часть службы проводил вне алтаря — перед иконостасом. Потом мать рассказывала, что, войдя в церковь, она увидела Мишу на самом видном месте, у царских врат иконостаса, облаченного в стихарь и держащего

* В основной текст (Московский церковный вестник. 1990. № 25 (43)) внесены (квадратные скобки) небольшие дополнения по книге «Николай Николаевич Розов. Человек. Наставник. Ученый» (СПб., 2012), где мемуары Н. Н. Розова изложены более полно и систематично, а также дополнения по рукописи Розова под названием «Краткие воспоминания о церковных хорах и диаконах в Ленинграде» (конец 1980-х; РНБ. Ф. 1338. Оп. 2. № 51).

патриарший посох. И когда выходил из алтаря дядя Костя, Миша буквально давился от смеха: оказалось, что, произнеся тот или иной возглас во время пения хора, дядюшка подавал ему тихим говорком разные смешные реплики: он вообще был добродушным шутником.

Мамочка рассказывала, что как-то, пойдя к заутрени в кремлевский Успенский собор, она не могла молиться: на правом клиросе главенствовал дядя Костя, а на левом — протопоп Субботин, которого недаром звали «поп-пушка». И оба старались перекричать друг друга; когда это удавалось дяде Косте, он оборачивался к ней и с улыбкой кивал на Субботина. Таков был наш дядя Костя. <...>

Почему-то моему отцу пришлось часто менять приходы, и наша семья постоянно переезжала из села в село <...> Главное эстетическое удовольствие я получал в церкви, где пел и читал на клиросе. Мой отец каждое богослужение старался сделать торжественным: сам служил артистически и всюду привлекал хороший хор.]

<...> Отрочество мое прошло в деревне — без электричества, кино, радио и прочих примет «нового быта». Лишь в 1926 мы вернулись в Ленинград, я поступил в школу (начать свое образование мне пришлось в селе под руководством старых, хороших учителей). Отец начал служить в ленинградских церквях.

После закрытия в начале 20-х годов Казанского собора кафедральным храмом стал так называемый Спас на Крови, построенный на месте убийства Александра II. Большинство ленинградских церквей было тогда обновленческим, а в Князь-Владимирском соборе настоятельством тогдашний лидер «Живой церкви» священник Красницкий. Помню, моя матушка, которая знала Красницкого, зайдя в этот собор, отметила, что он отвернулся от ее пристального взгляда.

У Спаса на Крови пел хороший хор под управлением ученика А. А. Архангельского — Александра Павловича Рождественского. Пели в этом хоре высокопрофессиональные вокалисты, в том числе оперные артисты. До сих пор не могу забыть, как один из них — Павел Захарович Андреев, впоследствии народный артист СССР, читал Апостол в Неделю Православия — о муках подвижников веры. Огромного роста, в стихаре золотой парчи, он и внешне производил огромное впечатление. А как артистически он читал! [После чтения Апостола к нему в алтаре подошел мой отец и выразил своей восторг его чтением, я же с немим восхищением взирал на него.] Не портил впечатления от ансамбля (в церкви таковой очень нужен) протодиакон по фамилии Кабанов — человек с хорошим голосом (басом) и опытный в дьяконском искусстве.

После закрытия в конце 20-х годов Спаса на Крови хор под управлением А. П. Рождественского пел в Греческой церкви, где в начале 30-х годов служил мой отец. Протодиаконом был отец Валериан Гиндыш — бывший оперный певец, которого предшественник моего отца, греческий иеромонах, научил читать по-гречески с «подвываниями» на восточный манер. В хоре Греческой церкви тоже пели профессионалы. Помню, как тетушка былого премьера Большого театра В. Атлантова запела «Тебе поём» — вместо «Тебе поем». Гиндыш передернулся, а мой отец, казалось, не обратил внимания никакого — слишком был важный момент литургии.

И отца Атлантова я тоже помню: по Мариинскому театру, где он исполнял вторые партии, например иезуита в «Борисе Годунове» (на театральном жаргоне — «пел моржей»). После войны он участвовал в церковных хорах.

С Греческой церковью конкурировала по популярности у интеллигенции расположенная поблизости Знаменская церковь, где также пел очень хороший хор под управлением регента Сампсоненко¹ — автора до сих пор исполняемого в ленинградских храмах Великого славословия — и служил очень голосистый причт, возглавляемый протодиаконом Иевлевым (его могилу я как-то видел на Смоленском кладбище). Сейчас Знаменская церковь полностью разрушена: на ее месте теперь вестибюль станции метро «Площадь Восстания», который старые ленинградцы называют «Новознаменская церковь».

В середине 30-х годов я часто ходил в Сергиевский собор — на углу Литейного и нынешней улицы Чайковского, бывшей Сергиевской (переименованной не в честь композитора, а в честь его однофамильца, организатора анархического кружка в конце прошлого века). Там тоже пел очень хороший хор под управлением регента Фрунза². Протодиаконом был Грисюк. Вторым диаконом был тоже голо-систый молодой человек, которого все прихожане звали Вася; у него скорее всего был баритон, а не бас, как у настоящих довоенных диаконов. Настоятельством в Сергиевском соборе епископ Сергей (Зинкевич), сравнительно молодой монах небольшого роста с приятным голосом.

В 1935 Сталин решил уничтожить духовное сословие — аресты и ссылки прокатились по всей стране. Мои родители тоже были высланы в Уфу, где отец был через два года арестован и выслан «в дальние лагеря без права переписки», то есть попросту уничтожен. Мать вернулась в Ленинград после пяти лет ссылки и умерла в блокаду. После 1953 года я добился реабилитации отца; есть у меня и «похоронка», где графа о месте его смерти осталась незаполненной. Интересно, что все эти документы я получал на месте... алтаря Сергиевского собора, где тогда существовала (и сейчас существует) приемная УКГБ Ленинградской области.

Еще об одном диаконе — необычного вида (он брил бороду) и голоса (тенор). Отец Семен Сергеевич Дмитриев был протодиаконом Никольского кафедрального собора (во время войны он выступал по ленинградскому радио). Когда почти всех ленинградских священников и диаконов выслали, в Никольском соборе стал служить архиепископ Николай (Ярушевич). Служил он в соборе один, даже

¹ Василий Григорьевич Самсоненко (род. 1877) учился в Придворной капелле и в Петербургской консерватории, автор большого числа духовно-музыкальных сочинений. До 1917 был регентом известного хора С. П. Елисеева в храме на Большой Охте; после 1917 управлял хорами церковью Симеона и Анны и Знамения у Московского вокзала (там же служил псаломщиком). Был арестован в 1934, в марте 1935 был выслан из Ленинграда (умер или погиб в лагере).

² Александр Александрович Фрунза (1878—1941) — певчий (тенор) Придворной капеллы в 1904—1922, педагог регентского класса Капеллы; регент ленинградских храмов в 1920—1930-е. Автор ряда духовно-музыкальных сочинений.

без диакона. Протоиерей Дмитриев вынужден был поступить в хор Мариинского театра. Во время блокады я встретил его, и он мне радостно сообщил, что опять служит Богу. <...>

[Немного о церковной жизни в блокированном Ленинграде. Кроме нескольких кладбищенских церквей, служили тогда в трех соборах — Преображенском, Никольском и Князь-Владимирском. Ближайшим к Некрасовской АТС [где работал Н. Н. Розов] был первый, но я туда не ходил: он был обновленческим. А в дальние соборы мне просто не было времени и сил ходить. Когда заболела моя мать, я на Николу (в свои именины) сбегал в Никольский собор, где настоятельствовал тогда Павел Петрович Тарасов, которого я помнил еще по Второй гимназии. <...>

Самое удивительное было в том, что церковная служба даже в лютую и холодную зиму 1941/42 не прекращалась. Где брали муку на просвиры и виноградное вино, необходимое для совершения литургии, мне неизвестно. Свечи и лампы также в церквях горели.]

Теперь о церковной жизни Ленинграда послевоенного периода. Я продолжал ходить в церкви, преимущественно в те, где пели хорошие хоры. Таковые были во всех четырех ленинградских соборах — Никольском, Князь-Владимирском, Спас-Преображенском и Троицком в Александро-Невской Лавре, который после войны, после 30-летнего «закрытия», наконец-то открыли. <...>

Но не только церковными хорами я увлекался в молодости. Воспитанный на церковной хоровой музыке (мой отец и в сельских приходах старался создавать и создавал хорошие хоры), я был завсегдатаем Капеллы, куда начал ходить свыше 50 лет тому назад. Хор Капеллы переживал тогда период расцвета под руководством Михаила Георгиевича Климова. В это время в Капелле пели многие хорошие старые певцы. Из них мне запомнился октавист Лебедев, который на «контр-фа» произносил целые фразы (теперешние октависты — представители уже умирающей человеческой породы — лишь хрипят на этой ноте).

Прихожанином Греческой церкви был певец Капеллы, с которым родители были знакомы «домами» и в гостях у которого мы неоднократно бывали. Он рассказывал нам, что во время гастролей этого хора в Париже с горла Лебедева был сделан слепок³. Вот какой уникальный был у него голос! После этих гастролей начались аресты певцов Капеллы (их обвиняли в том, что они слишком активно общались с эмигрантами), и наш знакомый исчез.

В Капелле я помню концертное исполнение оперы Пащенко «Царь Максимилиан», «Страсти по Матфею» Баха и другие концерты. Рассказывали, что П. З. Андреев перед «Страстями», где он исполнял центральную партию, три дня постился. Я постоянно видел Андреева в Никольском соборе, где регентом был мой послевоенный знакомый Николай Дмитриевич Успенский.

³ Зарубежные гастроли Капеллы прошли в 1928, но в Париже Капелла не была (см. в Хронике).

Регентом собора первые послевоенные годы был А. Ф. Шишкин⁴ — автор музыки псалма «Благословлю Господа на всякое время», до сих пор исполняемого в ленинградских церквах во время всенощной, перед Шестопсалмием. Одновременно он читал лекции в ЛДА. Одно время он читал там Конституцию. Что касается репертуара церковных хоров, то в сельских церквах исполняли преимущественно классику конца XVIII века: Бортнянского, Сартти и др. В ленинградских довоенных храмах пели то же самое, добавляя сочинения Архангельского, Фатеева (последний — регент Казанского собора, которого я стариком помню) и прочих композиторов конца прошлого века — начала нынешнего столетия. Литургию П. И. Чайковского служили в Спасо-Преображенском соборе до войны не чаще раза в году, когда ее заказывал премьер Мариинского театра, превосходный баритон С. И. Мигай (он был сыном священника).

В послевоенные годы репертуар ленинградских церковных хоров расширился главным образом за счет произведений современных церковных композиторов, например С. В. Рахманинова; отдельные песнопения его Всенощной постоянно поют в Преображенском соборе. <...>

Хочу отметить, что я не случайно наряду с хорами вспомнил и диаконов. Диакон в мелодике церковной службы имеет гораздо большее значение, чем священник: он ведет все богослужение, переключаясь с хором во время ектений. Выходит из алтаря диакон в стихаре золотой парчи, как бы отделяясь от многоярусного иконостаса, и весь храм вместе с хором поет навстречу ему.

[Когда я был в аспирантуре и на половине ставки в Отделе рукописей [Публичной библиотеки], воспользовался (ради приработка) возможностью петь в маленькой церкви Праведного Иова на Волковом кладбище. Регентом там был Афанасий Александрович Сирота. Хор был небольшой, но хороший: в басах пели Серафим Наседкин, единственный второй бас хора Кировского театра, и Л. А. Белоусов — превосходный баритон из Капеллы. Мне со своим «басишкой» и плохим знанием нот так было удобно между ними! Настоятелем был о. Василий Павлов — единственный ленинградский священник, вернувшийся после войны из ссылки.]

* * *

В своих мемуарах Н. Н. Розов пишет: «Несколько раз я пытался выяснить судьбу отца и перед войной — в приемной НКВД в Москве, на Кузнецком мосту; каждый раз мне говорили: “Выслан в дальние лагеря без права переписки”. Только после смерти Сталина, в период “позднего реабилитанса”, когда я подал заявление в ленинградскую, такого же рода, приемную, мне ответили, что дело моего отца прекращено “за отсутствием состава преступления”. Когда я спросил о дальнейшей его судьбе, принимавший меня чиновник сказал, чтобы я писал в ЗАГС Уфы. И оттуда мне прислали по всей форме “похоронную” с датой смерти отца “от паралича сердца” — 19 сентября 1939, а графа “место смерти” была пустой» (С. 137—138).

⁴ О А. Ф. Шишкине см. подробнее во второй книге тома.

К этой фразе составители книги сделали примечание: «Николай Николаевич так и не узнал, что его отец 5 марта 1938 года был расстрелян в Уфе. Канонизирован РПЦ в 2000».

В агиографическом труде игумена Дамаскина (Орловского) (Кн. 7. С. 59—64) биография Николая Розова, брата великого архидиакона Константина Розова, изложена значительно более подробно, как в дореволюционном, так и в послереволюционном периоде.

Священномученик Николай Розов родился 27 ноября 1877 в селе Жданово Симбирской губернии (ныне Пильнинский район Нижегородской области) в семье священника Василия Розова. Все три сына о. Василия стали священнослужителями, двое из них были диаконами — патриарший архидиакон Константин Розов и диакон Михаил Розов, принявший сан в 1930-х и служивший в одном из храмов в Ораниенбауме. В отличие от братьев и отца, Николай Розов не только совершенно не употреблял спиртного, но и являлся ревностным создателем обществ трезвости везде, где служил.

В 1918 о. Николай стал служить в храме в селе Григорово неподалеку от Алатыря, а в 1922 переехал в село Коноклейки в Мордовию. С 1925 по 1931 он служил в небольшом деревянном храме в селе Купчино в пригороде Петрограда. В это время был возведен в сан протоиерея.

В 1932 староста Греческой, что на Лиговском проспекте, церкви Колхитис пригласил о. Николая стать в ней настоятелем. Прихожан-греков в то время оставалось всего несколько семей, но церковь считалась посольской: иногда сюда приезжал посол Греции и по национальным праздникам вывешивался греческий флаг. Большое внимание в храме уделялось пению. Здесь, как и пишет Н. Н. Розов, был профессиональный хор под управлением А. П. Рождественского, в нем пели многие оперные певцы, но характер пения был скорее светский, нежели церковный. Будучи настоятелем, о. Николай хотел богослужение в храме сделать более уставным, но потерпел неудачу и в 1932 вынужден был перейти в Никольский храм на Охтинском кладбище. В 1935 отец Николай был награжден митрой.

Был арестован 19 марта 1935 и выслан на пять лет в Уфу, где работал переплетчиком. Арестован в Уфе 9 декабря 1937 года по обвинению в «контрреволюционной фашистской пропаганде», не признал себя виновным и был расстрелян 5 марта 1938.

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ*

Мудрые звуки

Фрагменты

...Велико дело церковное пение!.. Душу к Богу подьемлет, сердце от злых помыслов очищает...

Мельников-Печерский

...Церковная музыка в России — гениальна.

Горький

...любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой.

Чехов

Я люблю церковное пение с тех пор, как помню себя. Эта любовь у меня в крови. Она досталась мне по наследству — и от отца, и от матери. Отец питал особое пристрастие к пению церковному, признавался, что его душе церковное пение больше говорит, чем самое красивое светское:

...И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли. <...>

Когда было заранее известно, что мой отец намерен петь в Георгиевской церкви [города Перемышля] что-нибудь сольное, то послушать его лирический тенор сходился чуть ли не весь городок.

Отцовского голоса и умения петь я, к сожалению, не унаследовал, ко мне перешла лишь его любовь к пению, но и на том великое ему спасибо.

* Николай Любимов. Неувядаемый цвет: книга воспоминаний. Т. 3. М., 2007. С. 108—117.

Моя мать, к духовному званию никакого отношения не имевшая, до переселения в Перемышль общавшаяся с духовными лицами только в московской Арсеньевской гимназии — на уроках Закона Божьего и в московских храмах — сначала как исповедница и причастница, позднее — как заказчица сорокоустов и панихид по усопшим сродникам, тонко чувствовала церковное пение. Это она, тихонько напевая своим маленьким, но верным голоском, дала мне впервые ощутить захватывающий трагизм страстных напевов — «Аллилуия», «Егда славнии ученицы», «Волною морскою», благостную нежность припевов из акафиста Покрову Пресвятой Богородицы: «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякаго зла честным Твоим омофором».

Однако вот что явилось первым моим вокальным впечатлением: к нам в дом пришли какие-то люди и что-то запели, — только это и осталось у меня, двухгодовалого ребенка, в памяти от выноса гроба с телом отца. Затем уже я постоянно присутствовал на панихидах, которые служились на его могиле, а несколько лет спустя — и на могиле моей няни. В силу свойственной мне переимчивости я тоже начал «служить панихиды» (это была одна из первых моих детских игр) и однажды на кладбище «отслужил панихиду» на воображаемой могиле моей тогда здоровой и невредимой тетки. Потом меня все чаще и чаще стали брать в церковь на все более и более торжественные службы, и излюбленной моей игрой была уже теперь игра в церковный хор. В это я мог играть часами, и притом — когда уже был большим мальчиком. Каких только «взрослых» книг не перечитал я к девяти годам, а в церковный хор продолжал играть с младенческим упоением, с младенческим вживанием в игру, создавая себе полную иллюзию «всамделишного» хора.

Я даже сочинял музыку для своего хора и записывал эти «сочинения», пользуясь мною самим изобретенной и одному мне понятной системой знаков. Роли певчих исполняли уцелевшие игрушки, которые нужны мне были теперь только для игры в хор, а так я давно уже в них не играл. Тетя Саша подарила мне умевшее прочно стоять деревянное яйцо в виде совенка с клювиком. Так вот, этот совенек был у меня октавой, потому, очевидно, что чем-то напоминал мне октависта из хора Фроловской церкви — круглого, приземистого, бритоголового Федора Васильевича Смольянинова. И опаздывал совенек на мои «службы» точно так же, как Федор Васильевич, — всегда, бывало, явится ко всенощной не раньше, чем к «Блажен муж...», за что неукоснительно получал нагоняй от регента (он же первый тенор) — барашка на зеленой подставке, и становился, как и Федор Васильевич, с самого краю воображаемого клироса, по правую руку от регента. Зато никаких нареканий не вызывал лучший бас моего хора — высокий резиновый кот с длинными усами. Основные моменты всенощной и литургии я знал для своего возраста прилично, а кроме того, у меня всегда был под руками учебник. И пел я один за весь свой хор — и всенощную и обедню. Хорошо еще, если это был «Блажен муж» или «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя» простого, «обиходного» напева, однако дерзновение мое простиралось до того, что я брался и за «партесные» Херувимские собственной импровизации, и тут уж моей единственной невольной слуша-

тельнице тете Саше временами становилось неважно. Однажды мама, придя из школы, услышала дуэт. Я исполняю мажорный финал Херувимской.

— Яко да Царя всех подыдем, — пою я на все голоса и одновременно регентую, зажав в правой руке отцовский камертон, — ангельскими невидимо дориносима чинми, дориносима, дориносима.

— Невыносимо, невыносимо! — в такт мне исступленно скандирует тетя Саша, вскочившая со своего креслица, где она обыкновенно рукодельничала.

В годы моего сознательного детства в Перемышле были превосходные для уездного города церковные хоры, были отличные голоса — и мужские и женские. Самый большой и самый слаженный, самый спетый хор был в нашем приходе — во Фроловской церкви, и пел этот хор не страха ради и не из корысти — он пел воистину из любви к искусству. Бывало, осенью, летом или весной идешь в будний день перед вечером мимо церковной сторожки, смотришь: на лавочке в ожидании спевки сидят певчие. Вот отец моего друга Юры бухгалтер Николай Федорович Богданов. От этого молчаливого, с виду угрюмоватого человека за версту веяло душевным благородством. Это был один из тех скромных тружеников, которыми держалась дореволюционная Русь и до времени, пока они не перемерли, держалась, в сущности, и Русь советская. Он до того обожал церковное пение, что, несмотря на свою чадолюбивость, будил всех своих шестерых детей часиков этак в пять утра, ибо ему не терпелось ни свет ни заря громыхнуть своим иерихонскотрубным басом ну хотя бы из «Покаяния» Веделя: «...множества, множества содеянных мною лютых помышляя окаянный, трепещу Страшнаго дне суднаго...»: как ахнет, так все шестеро сразу подскочат на своих разнородных ложах. Вот руководитель одного из подразделов перемышльского исполкома Георгий Васильевич Смирнов, в обиходе — Жоржик, каковое уменьшительное имя уже не приличествовало почтенному его возрасту. Он обладал мягчайшего тембра баритоном (в его отменном исполнении я впервые услышал «Ныне отпускаеши» Строкина). Вот ветеринарный фельдшер Григорий Васильевич Чугрин, уездный красавец, всегда безукоризненно одетый, даже в годы военного коммунизма, летом — в кремовой выутюженной паре, с тросточкой, висящей на левой руке. Он так и не ушел из лона семьи, но через всю жизнь пронес любовь к некрасивой женщине Анисье Васильевне Зориной, с которой он встречается едва ли не ежедневно и с которой его в теплые дни можно видеть гуляющим в окрестностях Перемышля. Рядом с ним сидит его невестящаяся дочь Евдокия, мило кокетливая, грациозная, как фарфоровая куколка, — ее все зовут уменьшительным и к ней как раз очень идущим именем «Дуся». Вот голубоглазая фельдшерница Ольга Васильевна Алексанина с чахоточным румянцем на впалых щеках. А вот самое сильное и самое красивое сопрано во всем городе, ведущее за собой дискантовую партию нашего хора, — эффектная, высокая, стройная женщина, с большими, живыми, то задумчивыми, то задорными искристыми серыми глазами, с пушистыми бровями, с тонко прочерченным овалом матового лица. Для женщины она, пожалуй, даже слишком высокого роста, но ее врожденное изящество, сказывающееся в каждом повороте ее головы, в летящей походке, в

манере носить туалеты — последние остатки предреволюционной петербургской роскоши, изящество, которым она резко выделяется не только на фоне обывательско-мещанском, но и на фоне интеллигенции, как местной, так и залетной, скрадывает недостатки ее фигуры и некоторую неправильность черт лица. Это внучка небогатой помещицы Перемышльского уезда Наталья Петровна Кукульская. Она с консерваторским образованием, преподает в нашей школе музыку, совмещая преподавание с исполнением обязанностей делопроизводительницы. Она с одинаковым успехом играет на любительской сцене Машу в «Чайке», Василису в «На дне» и Негину в «Талантах и поклонниках».

К посиживающим на лавочке певчим мелкими быстрыми шажками направляется невысокий человек с лысеющей головой, с быстрыми глазками, с мелкими редкими зубами, которые обнажает улыбка, с полоской усиков под пуговичным носом, с мелкими суетливыми движениями, то преувеличенно развязными, то боязливymi. Это регент, Владимир Петрович Попов, приятель моего отца, наш хороший знакомый, на коленях у которого я поздними вечерами под разговоры взрослых не раз сладко засыпал. Он главный энтузиаст хора, его нерв. От природы Владимир Петрович робкого десятка, но он так беззаветно любит церковное пение, что, даже исполняя обязанности заведующего отделом народного образования, регентства не бросает, благо в начале двадцатых годов власти на это пока еще только косятся. Регентует он увлеченно, самозабвенно, с темпераментом, которого никак нельзя ожидать от этого низкорослого, щедедушного человечка, время от времени, словно из боязни удара, втягивающего голову в плечи. Однажды он так размахался, что нечаянно поддел камертоном широкополюю шляпу служившей в детском саду солистки-контральто, Ольги Андреевны Шубиной, и шляпа, описав стремительный круг, опустилась на солею.

Мои родные в разные периоды относились к Владимиру Петровичу по-разному: порой были с ним дружелюбно близки, порой от него отдалялись, порой были настроены к нему даже враждебно. А я сохранил к нему в сердце тепло. Сохранил потому, что он был со мной неизменно ласков, независимо от его отношений с моими родными, временами почти отечески заботлив и нежен, уже в годы моего студенчества бережно отвел меня от одного моего опасного увлечения, а главное — главное потому, что этот талантливый человек (из дали десятилетий талант его мне теперь виднее, чем вблизи) первый показал мне, что русское церковное пение — это царство красоты, славейшее без сравнения всех других царств, и тем осчастливил меня на всю жизнь¹.

Ну так вот, сейчас подойдут остальные певчие, затем они все вместе войдут в сторожку, и начнется многочасовая спевка. Спрашивается в задаче: что влекло на клирос этих людей? Что заставляло их спеваться и петь, да еще, с 1918 по 1921 год, частенько на голодное брюхо? У некоторых были свои огородики, садики — почему бы не уделить лишнее время огородничеству или садоводству? Почему бы, в конце

¹ Он скончался в Перемышле в 1977 году. Ему был 91 год. — *Примеч. автора.*

концов, вместо спевки летом не пойти на рыбную ловлю, зимой не перекинуться в картишки по маленькой? Что заставляло служившего одно время в Калуге Георгия Васильевича Смирнова отмахивать по субботам двадцать семь верст до Перемышля на своих на двоих, ибо автобусы тогда никому и во сне-то не снились, а нанять лошадку ему не позволяли финансы, затем, передохнув и поев картошки, спешить в церковь и петь всенощную, а на другой день — обедню, и опять — двадцать семь верст переть пехтурой до Калуги? Иными руководила набожность в сочетании с любовью к церковному пению, иными — только любовь к пению, но уж во всяком случае шли эти люди в церковь и пели не из-за денег и не из-под палки, не «в порядке партийной, комсомольской или профсоюзной дисциплины».

Одних басов в хору Попова насчитывалось десять человек. Среди них были и октавы, и баритоны, и собственно басы. Помню я их всех до одного: Смирнов, Богданов, начальник почтового отделения, у которого, катаясь на коньках по непрочному озерному льду, утонули товарищи моих детских игр, сынишка и дочурка, служившие в разных уездных учреждениях, землепашцы и огородники, среди них — брат регента.

Памятны мне в исполнении этого хора «Иже херувимы» № 7 Бортнянского; и рокочущее, грохочущее, перекатывающееся, как эхо в горах, звучащее грозно-торжественно, как клятва всего христианского человечества, «Верую» Березовского, — его пели как будто сливавшиеся в один голос только басы; и древнего напева «Блажен муж», неизменно исполнявшийся в стремительном ритме, предохранявшем его от вялой, тягучей заунывности, сообщавшем ему крылатость (теперь, спустя много-много лет, мне и сквозь несовершенное исполнение слышится тот, перемышльский, шумнокрылый «Блажен муж»); и живоносным ключом бьющий богородичный прокимен перед чтением Апостола: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боже, о Боже, Спасе моем» (больше уже ни один из слышанных мною хоров так не передавал радостно-изумленного смирения, какое слышится в этих словах Девы Марии); и из глубины души рвущийся вопль за молебном: «Пресвятая Богородице, спаси нас!», и успокоительно-разрешенно звучащее в конце литургии: «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко да поем славу Твою, яко сподобил еси нас причаститися святым Твоим, Божественным, безсмертным и животворящим Тайнам. Соблуди нас во Твоей святости, весь день поучатися правде Твоей».

Впечатления от песнопений сплетались с впечатлениями от обрядов. И те и другие воспринимались на фоне то расцветшей у нас в саду как раз к Троицыну дню сирени, то тропического леса, нарисованного на стеклах окон искусной кистью деда мороза накануне зимнего Николина дня.

В 1925 году, 22 мая, на «вешнего Николу», я пошел один в противоположный конец города — в Никольскую церковь — к обедне. Такое большое, по уездным масштабам, путешествие, и притом совершаемое «в единственном числе», уже само по себе было для меня событием. В церковь я обычно ходил с матерью и теткой, и притом — в ближайшую, знакомую, привычную.

...Внутри храма жарко от горящих свечей, от плотной — крестьянской по преимуществу — толпы молящихся. Пряно пахнет ладаном, воском и кумачом. И вдруг хор запекает «Верую», которое, — кажется мне, — я никогда раньше не слышал, а вернее всего, оно почему-либо не поражало прежде моего слуха. Я стою возле самого правого клироса, но уже не вижу ни толстопалых рук регента Павла Алексеевича Соколова, ни его сизо-багрового носа с прыгающими на нем очками в стальной оправе. Я вижу небо, я слышу жаворонков, купающихся в его сини.

Позднее я узнал, что это киевское «Верую». И лишь много спустя, побывав в Киеве, я понял: такое переливчатое «Верую» могло родиться только в Киеве, только на певучей Украине. Прислушайтесь, как еще и сейчас поет народ в украинских храмах. Стоит с вами рядом черноокая, просмоленная белоцерковским, полтавским или ржищевским солнцем Хивря и поет: «Воскресение Христово видеvше». И она не рубит музыкальные фразы, нет, она перекидывает между ними воздушные мостики.

...Я вышел из Никольской церкви. Праздничная пестрядь сарафанов, платков и лент, празднично яркая и свежая, еще не пропыленная и не прохваченная летним жаром зелень лугов, стелющихся под горою, за озером, праздничный, весенний наряд садов, трели жаворонков в бирюзовом небе, звуки «Верую» в моем внутреннем слухе... И всю дорогу, до самого дома, пела и ликовала детская моя душа...

<...> У меня такое чувство, словно «Христос воскрес» я слышал еще в колыбели.

Шаляпин в «Маске и душе» рисует впечатление, какое на него всякий раз производил этот тропарь: «...короткое время я не чувствую земли, стою как бы в воздухе...»

Душевное состояние, вызываемое пасхальным тропарем, Шаляпин уловил с завидною точностью. Но, сколько я себя помню, я никогда не мог отделаться от ощущения, что пасхальный гимн навевает мне на душу не только радость, но и печаль. И опять-таки я лишь много спустя убедился, что иначе и не может быть, ибо это единственный за всю историю человечества гимн, написанный в миноре, а написан он в миноре потому, что смерть попрана смертью, — «се бо прииде крестом радость всему миру», — потому что радость воскресения — это не бездумная, языческая, эпикурейская безрадостная радость, — это радость выстраданная и тем более радостная, доставшаяся нам ценою Голгофы, потому, что, как сказал поэт,

Радость — Страданье одно!

Я вполне понимаю героиню горьковской эпопеи «Жизнь Клима Самгина» Нехаеву, зарывавшую, когда запели «Христос воскрес из мертвых...». И снова не могу не обратиться к Шаляпину, воспринимавшему русское православное пение как единство двух одинаково сильно выраженных настроений человеческой души:

А единственная в мире русская панихида с ее возвышенной одухотворенной скорбью?

Благословен еси Господи...

А это удивительное «Со духи праведных скончавшихся...»

А «Вечная память»!

Я не знаю и не интересовался никогда, чем занимаются архиереи в синодах, о каких уставах они спорят. Не знаю, где и кто решает, у кого Христос красивее и лучше — у православных, у католиков или у протестантов. Не знаю я также, насколько эти споры необходимы. Все это, может быть, и нужно, — оговаривается Шаляпин со скромностью, присущей сверхгениям или, если не выходить за рамки его собственной терминологии, архигениям и начисто отсутствующей у невежественной бездари, для которой в мире все безоговорочно ясно, все известно, все решено и подписано, которой все представляется гладким, как доска, прямым, как телеграфный столб. — Знаю только, — продолжает Шаляпин, — что «Надгробное рыдание» выплакало и выстрадало человечество двадцати столетий. Так это наше «Надгробное рыдание», а то «Надгробное рыдание», что подготовило наше, — не десятки ли тысяч лет выстрадало и выплакало его человечество?.. Какие причудливые сталактиты могли бы быть представлены, как говорят нынче, — в планетарном масштабе, — если бы были собраны все слезы горестей и слезы радости, пролитые в церкви! Не хватает человеческих слов, чтобы выразить, как таинственно соединены в русском церковном пении эти два полюса радости и печали, и где между ними черта, и как одно переходит в другое, неуловимо².

Пасхальные службы — это самые мои любимые из православных служб, любимые с детства. Многие, начиная с моей матери, отдавали предпочтение службам страстным, и потом я был рад узнать, что пасхальные службы больше всех остальных любила Ермолова. В детстве я старался, — да и теперь стараюсь, — не пропускать ни одной вечерни, ни одной утрени, ни одной обедни с пасхальными песнопениями, и чем ближе подступало Вознесение, тем я все сильнее и сильнее грустил. Это была детски наивная грусть о том, что Христос покинул землю, — оттого праздник Вознесения был для меня не в праздник, накануне Вознесения и в самый его день я под разными предлогами уклонялся от хождения в церковь. И еще это была грусть о том, что вот-вот смолкнут напевы, которые я готов был слушать до бесконечности, отзвучат песнопения, действующие на молящихся одновременно и красотой слова и красотой звука: «Пасха — Христос-избавитель», «Пасха, двери райския нам отверзающая», «...быв человек, страждет, яко смертен, и страстию смертное в нетления облачит благолепие...», «Что ищите Живаго с мертвыми? Что плачете нетленного во тли?», содержащие такие церковнославянские словосочетания, которые при переводе мгновенно теряют всю свою емкость, картинность, своеобразие — так сорванный цветок теряет изначальную свежесть

² Шаляпин Ф. И. Маска и душа // Шаляпин Ф. И. Литературное наследство. Т. 1. / Ред.-сост. Е. А. Грошева. М., 1976. С. 221—222.

своего аромата: «Мироносицы жены, утру глубоко, представша гробу Живодавца...»; отзвучит краткий финал Пасхи, вместивший в себя всю философию и всю этику христианства, просквоженный тем светом, который христианство принесло в мир: «Воскресения день, и просветимся торжеством, и друг друга обымем, рцем: „Братие!“ и ненавидящим нас простим вся Воскресением, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав».

Ясную глубину молитвословного лирика Архангельского — одного из «великих властителей гармонии», как назвал Лесков, по свидетельству его сына, русских церковных композиторов, — раскрыл мне, уже взрослому, киевский дирижер Гайдай³, но пробудил во мне любовь к нему опять-таки захолустный Перемышль, точнее — хор Георгиевской церкви, а еще точнее — хорик, потому что, когда в 1925 году я впервые услышал на Пасху «Воскресение Христово видеьше» Архангельского, наш город разжаловали в село, большинство служащих, спасаясь от безработицы, разъехалось, и хоры наши поредели. «Воскресение Христово...» Архангельского певчие пели в Георгиевской церкви начиная со Светлой заутрени и кончая последней перед Вознесением субботней всенощной, за каждой всенощной — дважды. Весной 1927 года в одну из таких суббот Георгий Авксентьевич отправился с нашим классом на геологическую экскурсию. Он ехал на телеге, а мы туда и обратно отшагали в общей сложности верст около двадцати. Но как же я мог пропустить хоть одну всенощную с пасхальными песнопениями и с «Воскресением» Архангельского?.. Вымывшись и наскоро пообедав, я уже «веселыми ногами», как поется опять-таки на Пасху, побежал в Георгиевскую церковь, благо от нашего дома было до нее рукой подать. Отстоял всенощную и, конечно, сторидей был вознагражден за то, что не поддался соблазну улечься с книжкой после «путного шествия». Да и немудрено. С какой светоносной силой надо любить Христа, чтобы так воспеть праздников праздник, как воспел его Архангельский! Эпиграфом к его музыке можно было бы поставить слова предпасхальной стихиры: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить». Восьмиголосный хорик Георгиевской церкви, которым управлял бывший дьякон Михаил Николаевич Святополков, умевший держать строй, предпочитавший пение негромкое, умирительно-молитвенное, что соответствовало всему складу его незлобивой души, так пел «Воскресение Христово видеьше», с таким настроением, с таким строгим соблюдением всех его переходов и оттенков, что с той поры Архангельский стал моим «вечным спутником» в музыке. А что такое оттенки в православном церковном пении, об этом пишет в «Страницах из моей жизни» Шаляпин: «...мне кажется, что за границей нет таких хоров, как в России, — я объясняю это тем, что у нас хористы начина-

³ Воспоминания Любимова о М. П. Гайдае и пении в Киеве в послевоенный период см. во второй книге тома.

ют петь с детства по церквам и поют с такими исключительными оригинальными нюансами, каких требует наша церковная музыка». И еще: «...от итальянцев нельзя требовать того, что дают русские хористы, большинство которых с детства воспитывается на церковной музыке»⁴.

Теперь — увьи! — давно уже не воспитывается, и многолетняя затяжная война с церковным пением и церковными хористами — война и позиционная, и маневренная, с солидно поставленной разведывательной службой, — не прошла даром для русской певческой культуры. У дерева подсечены корни, и оно, некогда раскидистое, ветвистое, все унизанное сочными и пахучими листьями, сохнет у нас на глазах.

⁴ Шаляпин Ф. И. Страницы из моей жизни // Цит. изд. С. 174, 176.

ДВЕ ТЮРЕМНЫЕ ПАСХИ*

ПАСХА 1923 ГОДА

Бутырская тюрьма, январь — весна 1923

Через некоторое время нашу камеру рассортировали и перевели на первый этаж, который упирался в стену, а камера была на 70 человек. Здесь был архиепископ Новониколаевский и Якутский [Софроний] Арефьев. Он рассказал, между прочим, как во время революции прислуга в Семинарии отказалась убирать загаженные донельзя уборные, и пришлось ему, ректору, убирать г... руками. В камере он готовил... ваксу. Дня через три я попросил коридорного надзирателя перевести в соседнюю камеру, где находился архиепископ Киевский Димитрий (Вербицкий), милейший человек! Там же находился настоятель Донского монастыря архимандрит Алексей. В камере мы отслужили всенощную, — епископ Димитрий за священника, архимандрит Алексей за регента и баса, священник о. Василий из Киева за тенора первого и я — за второго. Камера внимательно слушала пение всенощной службы.

В околотке шла каждый день литургия. Служил митрополит [Серафим] Чичагов. Просфоры доставал каждый день и вино. Евреи, бывшие в околотке, очарованы были митрополитом Чичаговым и его обхождением. В 1—2 часа дня была общая прогулка всего четырнадцатого коридора, во время которой мы знакомились с духовенством. Здесь, на четырнадцатом коридоре, сидели архиепископы: Тверской Петр [Зверев], Вятский Павел [Борисовский], Саратовский Вукол, Волоколамский Герман [Ряшенцев], Терский Серафим (Александров), архиепископ [Митрофан] Гринев, Николай Петроградский [Ярушевич], митрополит [Серафим] Чичагов, архиепископ Андрей (Ухтомский), князь, проповедник социализма на религиозной основе. Общий труд по собственному желанию, как это было в Соловецком монастыре. Никакого вознаграждения, общий стол, одинаковая одежда, начиная с настоятеля. Каждый имел свой самовар. Но программа Ухтомского была лишь предметом разговора со следователем. Дальше не пошла.

* Первая публикация: Резникова И. А. Православие на Соловках. СПб., 1993. С. 43—46. Фрагмент «Пасха 1926 года» перепечатан: Воспоминания Соловецких узников. Т. 1. Соловецкий монастырь, 2013. С. 711—715.

Утро началось с проверки. Давали кипяток... В полдень — обед, обыкновенно суп селедочный, в пять часов вечера каша пшеничная и чай. Затем песни, разговоры. Пасха была ранняя [26 марта/8 апреля]. Первый день ее был отмечен. Двери настежь... были открыты и не запирались. Утром приходили из других камер и христосовались. Пришел в нашу камеру епископ Волоколамского монастыря Герман [Ряшенцев], вызвал меня и протодиакона Новочадова, поставил нас посередине коридора и сказал: «Будем петь “Да воскреснет Бог”!..» Мимо нас проходил с ключами надзиратель, улыбался и покачивал головою, дескать, пойте... пойте... Сам епископ пел тенором, я — вторым, протодиакон — басом. Оглушен был пением, — «Да воскреснет Бог...», «Тако да погибнут грешницы от лица Божия...» Все камеры вышли к дверям, и смотрели, и слушали нас, пока мы не закончили: «...И тако возопиим: Христос воскресе из мертвых!..» Мы трое были произведены в героев Бутырской тюрьмы, — осыятили ее пасхальным песнопением. И все это благодаря душевному епископу Герману и надзирателю. Помяни их, Господи, во Царствии Твоем!.. И в тюрьме есть верующие! В тот же день мы, священники, получили передачи: булочки, бумагу для писем и по три яйца крашенных, от первой жены Максима Горького [Пешковой], — раздавала на коридоре сама. А затем принесли корзину яиц от рабочих Москвы для верующих четырнадцатого коридора и раздали, помня древних русских князей и царей, а также купцов и богатых людей, раздававших милостыню по тюрьмам в день Пасхи. В этот же день получили запасные дары и скромно приобщились я и о. Алексей, в коридоре, где окна выходили на закрытую церковь Сергия Радонежского.

<...> В марте произошло событие, нарушившее жизнь четырнадцатого коридора. Кто-то узнал, что произошла покража в каптерке и по этому случаю объявляется голодовка всей тюрьмы. Протесты должны выражать сами арестанты, и особым образом. Они должны были подходить к открытым окнам и кричать: «Прокурора!.. Прокурора!..» И так целый день. Была ли кража или ее не было — неизвестно. Но горы каши валялись перед окнами камеры. Арестанты реагировали по-своему. Отец Алексей решил присоединиться к голодовке, объявленной камерой. Я же решил спросить совета у епископа Петра Тверского. Тот дал отрицательный ответ: «Это не наше средство... Мы не видели ничего... Мы — заключенные... Будем поддержаны от голодовки...» К нам присоединились евреи. Утром раздали пайки хлеба, согласившиеся голодать его не брали. Я взял свой паек. Целый день кричали «прокурора», на ночь замолкли. А утром прекратили голодовку. За это или по другому делу надзиратель нашего четырнадцатого коридора Павел Соколов через три месяца оказался в Соловках.

Наша камера оказалась раскассированная. Я и отец Алексей оказались в тринадцатом коридоре, в общей камере на 75 человек. Здесь же был уже архиепископ Новониколаевский Софроний (Арефьев). Здесь же находился священник московской церкви, взятый за изъятие ценностей, страшно тосковавший, вспоминавший домашнюю обстановку, кофе, чай, белый хлеб. Услышав, что в тринадцатом кори-

доре, в соседней камере находится группа духовенства, я попросил дежурного по коридору перевести меня туда под предлогом — «к своим землякам». Просьба была уважена, и я был переведен. Там оказались: настоятель Донского монастыря архимандрит Алексей [Палицын], впоследствии архиепископ Новониколаевский и Якутский, архиепископ Киевский Димитрий [Вербицкий], священник о. Василий Славучевский, владевший приятным первым тенором. Я оказался недостающим для трио вторым тенором. Бас был готовым — о. архимандрит Алексей, который обрадовался моему приходу. В субботу староста камеры нашей, уголовный преступник Цыган, заявил: «Так как с нами сидит духовенство, епископы и прочие, то я считаю нужным воспретить матерщину и прочую брань и сквернословие из уважения к ним... А ты, Васька, — чтобы я не слышал в камере нашей жалоб на покражу мыла и прочего!..» Васька, мелкий уголовник, дал свое согласие, затем обратился к епископу с вопросом: «Желаете сегодня и завтра совершить службу, то я дам согласие своей камеры...» Архимандрит Донского монастыря выразил свое удовольствие и здесь перераспределил обязанности: архиепископ Димитрий Киевский за священника, остальные — хористы и чтецы. Архимандрит — за регента. Остальные в камере обязались поддерживать порядок. Мы, хористы, согласились петь нотное: «Блажен муж», «Свете тихий...» Архимандрит солировал: «Блажен муж... Блажени вси...», «Ныне отпускаеши...» Дворецкого, «Хвалите имя Господне...» Архангельского. Впечатление в камере — сильное. Голоса прекрасные оказались и среди духовенства. Внимал и надзиратель, по временам через окошечко дверное приговаривал нам, поющим: «Потише...»

Так и здесь, на тринадцатом коридоре в Бутырке, освятили мы свершением богослужения тюремное помещение. И здесь нашлись верующие и среди заключенных уголовников, и среди надзирателей — сочувствующие. Все объединились в молитве воскресшему Спасителю и Богу, в молитве и прославлении Его. Господь возглаголал в сердце Цыгана, и в особенности о. архимандрита Алексия, и, как последнее слово, в надзирателе. Слава Богу за все!

Пасха 1926 года

Тяжелая была эта Пасха из всех четырех, какие пришлось мне пережить в неволе с 23-го по 26-й год, июнь месяц, за великую Церковь Российскую. Первая Пасха — в Бутырской тюрьме, две — на Соловецких островах и одна на Поповом острове [в Кемии] в каторжном, сказал бы я, пересыльном пункте. Вот эта последняя Пасха оставила во мне неизгладимый след: с одной стороны, внешне — грустный след, с другой — радостный: по внутренней радости, в особенности теперь, когда на другом краю земли живу, с крайнего севера — на дальнем юге. <...>

Подходила Пасха. Людей нагнали в пункт видимо-невидимо. Вследствие весенней распутицы лесные разработки закончились, и более тысячи человек возвращались обратно в лагерь. А весь лагерь рассчитан на 800 человек. Клуб закрылся и переделан под жилое помещение с нарами. В прочих бараках проходы замощены нарами, двойные нары переделаны в тройные (в три этажа). Даже привилегиро-

ванный канцелярский барак обращен в двойные нары, вместо шестидесяти человек стало в нем сто двадцать. Кипятку сплошь и рядом не отпускалось, так как котлы под обед и ужин занимались.

Шла Пасха [19 апреля/2 мая]. И как хотелось, хотя и в такой затруднительной обстановке, совершить молитвенный обряд. «Как это так, — думал я, — пусть даже и сейчас, когда просунуться поговорить через толпу затруднительно, как не пропеть “Христос воскрес!” в пасхальную ночь!..» И я решил подготовить свою братию. Повел разговоры с благодушнейшим епископом Нектарием (Трезвинским), епископом Митрофаном (Гришиным), епископом Рафаилом (Гумилевым) и епископом Гавриилом (Абалниковым). Последний и не подозревал, какая ему писанка готовится. Из прочей братии оповещены были отец Филонен¹, шахматист, постоянный компаньон владыки Илариона [Троицкого], отец Аркадий Маракулин².

Однако приглашенные разбились на две группы. Только архиепископ Иларион и епископ Нектарий согласились на пасхальную службу в далеко не законченной пекарне, где только одни просветы были прорублены, ни дверей, ни окон. Остальное епископство порешило совершить службу в своем бараке, на третьей полке, под самым потолком, по соседству с помещением ротного начальства. Но я решил пропеть пасхальную службу вне барака, дабы хотя бы в эти минуты не слышать «мата».

Сговорились.

Настала Великая Суббота. Арестантский двор и бараки, как сельди, были наполнены прибывавшими из лесозаготовок. Но нас постигло новое испытание. Последовало распоряжение коменданта ротным командирам не допускать и намеков на церковную службу и с восьми часов вечера не пускать из других рот. С печалью сообщили мне епископы Митрофан и Гавриил это распоряжение. Однако я своему «причту» настаивал: все же попытаемся в пекарне совершить службу. Епископ Нектарий сразу согласился, а архиепископ Иларион нехотя. Но все же попросил разбудить в 12 часов.

В начале двенадцатого я отправился прежде всего в барак, где помещался владыка Нектарий. Двери были настежь открыты, и мне, быстро вошедшему, преградил дорогу дневальный.

— Не велено пускать никого из других рот...

Я остановился в нерешительности. Однако владыка Нектарий был наготове.

— Сейчас, сейчас, — сказал он мне.

Я отправился к владыке Илариону. Войдя стремительно в барак, я направился мимо дневального, который оказался несколько знакомым мне и расположенным.

— Пожалуйста, поскорее делайте и уходите. Не приказано...

¹ Имеется в виду протоиерей Федор Дмитриевич Филоненко (1869 — не ранее 1930), депутат 4-й Государственной Думы.

² Аркадий Иванович Маракулин (род. в 1865), священник из Вятской губернии.

Я кивнул ему головою, подошел к владыке Илариону, который, растянувшись во весь свой великий рост, спал. Толкнул его в сапог; владыка приподнялся.

— Пора, — сказал я ему шепотом.

Весь барак спал. Я вышел. На линейке ожидал владыка Нектарий. Присоединился владыка Иларион. И мы гуськом тихо направились к задней стороне барачков, где за дорогой стоял остов недоконченной пекарни, с отверстиями для окон и дверей. Мы условились не сразу, а по одиночке прошмыгнуть. И когда оказались внутри здания, то выбрали стену, более укрывавшую нас от взоров проходящих по дорожке. Мы плотнее прижались к ней, — слева владыка Нектарий, посередине — владыка Иларион, а я — справа.

— Начинайте, — проговорил владыка Нектарий.

— Утреню? — спросил владыка Иларион.

— Нет, все по порядку, с полунощи, — отвечал владыка Нектарий.

«Благословен Бог наш...» — тихо произнес владыка Иларион. Мы стали петь полунощницу. «Волною морскою...» — запели мы. И странно, странно отзывались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова: «Гонителя мучителя, под землю скрыша...» И вся трагедия преследующего фараона особенно в этой обстановке чувствовалась нашими сердцами как никогда остро. Белое море с белым ледяным покровом, балки для пола, на которых мы стояли, как на клиросе, страх быть замеченными надзором. И все же сердце дышало радостью, что пасхальная служба все же совершается нами вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощную. Архиепископ Иларион благословил заутреню. «Да воскреснет Бог и расточатся врази его...» — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион. Мы запели: «Христос воскресе!..» Плакать или смеяться от радости, думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню. «Христос воскресе!» — сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались. Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал и часы с обедницей совершить. И мы совершили вдвоем. Только я был за предстоятеля, а владыка Нектарий за псаломщика, так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения — апостоловец — наизусть.

Днем по случаю праздника я пригласил владыку Илариона на кофе в свой барак. Но пили его в комнате канцелярии хозяйственной части, пустующей по случаю праздника. Владыка удивился моей смелости и изобретательности. Кофе — с халвой, с кусочками кулича, который был прислан кемским духовенством для всех нас.

— А пили вы кофе по-венски? — спросил меня владыка и, смеясь, рассказал, как это делается.

На другой день службу совершили мы с владыкой Нектарием вдвоем, ходя по дорожке. И этот день также казался мне праздничным, как и первый с «богослужением». Эта пасхальная служба осталась в памяти у владыки Илариона. В тот год в декабре ему кончался срок. Его уже перевезли на берег из Соловков ввиду прекращения навигации. В декабре я получил от него письмо: «Колесо Фортуны поверну-

лось обратно, меня снова перевозят в Соловки...» Действительно, из Москвы пришло извещение: продлить изоляцию еще на три года. «На повторительный курс остался», — шутил владыка Иларион. И в 1927-м году в мае писал мне: «Вспоминаю прошлогоднюю Пасху. Как она отличается от сегодняшней! Как торжественно мы справили ее тогда!..»

Да, обстановка Пасхи 26-го года необычайна. Когда мы втроем ее справляли в недостроенной пекарне, в это время там, в Ростове, в залитом электрическим светом кафедральном соборе, при участии чудного хора И. Ф. Ковалева³ городское духовенство совершало тоже пасхальное торжественное богослужение. Но!.. думается нам, наша Кемская Пасха с владыкой Иларионом в пекарне без окон и дверей, при звездном освещении, без митр и парчовых риз, дороже была для Господа, чем великолепно обставленная Ростовская...

Первый фрагмент Воспоминаний приводится по сайту Якова Кротова; второй фрагмент сверен с новейшей публикацией. При сетевой публикации находится примечание, приводим его в сокращенном виде:

Воспоминания священника Павла Дмитриевича Чехранова (1875—1961) охватывают трагический период отечественной истории. Их автору, обыкновенному приходскому священнику, пришлось стать свидетелем и соучастником многих выдающихся событий. Детство, учеба в духовном училище и семинарии, священническое служение, красочные картины провинциально-непосредственной жизни. И одновременно — революция, Гражданская война, со всеми ее ужасами, казнями и убийствами духовенства, борьба «живоцерковников» с канонической церковью, аресты, тюрьмы и лагеря... Перед нами встают образы выдающихся иерархов и священнослужителей, будущих новомучеников российских, с которыми о. Павлу довелось быть в близких отношениях, претерпевать невзгоды судьбы. В годы Гражданской войны он был священником Никольской церкви в Ростове-на-Дону. В 1923 за активную борьбу с «живцами» арестован. Лубянка, Бутырская тюрьма в Москве, три года Соловецкого лагеря. В 1926 освобожден, затем снова находился в ссылке. Годы Великой Отечественной войны провел в оккупированном немцами Ростове-на-Дону, сыновья о. Павла воевали на фронте.

³ Имеется в виду известный регент и духовный композитор Иван Федорович Коваленко (см. в разделе «Драмсоюз»).

ВОСПОМИНАНИЯ О ХРАМЕ СВВ. БЕССРЕБРЕНИКОВ КИРА И ИОАННА НА СОЛЯНКЕ*

Я сама была участницей катакомб, описанных Верой Яковлевной Василевской, и лично знала упоминаемых ею людей. Мне хочется рассказать о том, что меня особенно поразило, когда я стала ходить в храм свв. бессребреников Кира и Иоанна на Солянке, настоятелем которого был о. Серафим (Битюгов)¹.

Я пришла туда впервые весной 1925 года в Лазареву субботу, и этот день остался памятным на всю жизнь. Я тогда только что кончила десятилетку — мне было 18 лет. В те годы борьба между церковью и атеизмом была особенно острой. Благодаря семье — очень верующей, я продержалась всю школу, хотя борьба эта была очень трудной — и она ставила меня особняком. <...>

Так как этот храм был не приходским — это бывшее «Сербское подворье», там царили особые порядки, которые ввел о. Серафим. Во-первых, служба была, как в монастырях, без всяких сокращений, много времени уходило на исповедь, а народу все прибывало. Батюшка относился к храму и богослужению с великим благоговением, для него это был Дом Божий не на словах, а на деле. Такого же отношения требовал от всех, начиная с алтаря и певчих. Не допускал никакого шума, никаких разговоров и толкучки. Церковь была маленькая, и в праздники иногда из-за тесноты возникал шум. В таких случаях он прерывал богослужение, оборачивался к народу и говорил: «Если сейчас же не будет тишины, служба не будет продолжена», — да при этом так грозно посмотрит, что тишина воцарялась в ту же минуту. Особенностью Солянки было и то, что никогда, в отличие от Маросейки², там не ощущалась граница между «своими» и пришлыми. Всякий пришедший чувство-

* Текст приводится по журналу «Вестник русского христианского движения» (1984. № 142. С. 209—215). В дальнейшем публиковался как приложение к книге В. Я. Василевской «Катакомбы XX века» (М., 2001).

¹ Старец архимандрит Серафим (Битюгов) провел в затворе — не в монастыре, а в миру — примерно 12 лет, главным образом в Загорске, где и умер 19 февраля 1942 года. В затвор он ушел за послушание. Он был в Дивеево у блаженной Марии Ивановны, рассказывал ей о своей работе на приходе (в церкви Кира и Иоанна в Москве) — работе, очень его вдохновлявшей, а она его прервала и говорит: «Иди в затвор». Он удивился и стал возражать. Она опять ему говорит: «Иди в затвор». Он еще раз попытался привести какие-то разумные доводы против такого решения, но она в третий раз сказала ему то же самое. «И тогда, — рассказывал он мне, — я ей сказал: “Благословите, матушка”». В затворе он пробыл до самой своей смерти (Фудель С. И. Собр. соч. в трех томах. Т. 1. М., 2001. С. 112—113).

вал себя «своим», желанным гостем. В этом — заслуга о. Серафима и сослужащих священников.

Поскольку это был храм «бессребреников», то батюшка постановил за правило — ни за что и ни с кого в церкви денег не брали. Все требы совершались бесплатно. Платили только за просфору и за свечку. С тарелкой никогда не ходили — при входе у дверей стояла кружка. В то время церкви душили налогами. Вот и нам прислали большой налог. Прихожане стали упрашивать, чтобы он разрешил ходить с тарелкой, — и так его доняли, что он сказал: «Ну, если вам так хочется, то стойте на паперти, а в храме не разрешу». И эта женщина с тарелкой стояла позади всех нищих. Я думаю, что ей клали больше, чем при обычных сборах. Как-то потребовался большой ремонт, а денег не хватало, прихожане охали и ахали, а батюшка помолился свв. бессребреникам, и нашлись люди, которые помогли и работой, и материалами. Все сделали и все налоги уплатили.

Батюшка так любил церковную службу, так умел сделать ее торжественной и доходчивой, что заражал этим и певчих, и народ. Все, кто работал в храме, — уборщицы, певчие, прислуживающие в алтаре, — все работали бесплатно. На клирос попадали только по его благословию, а направлял он туда людей, не считаясь ни с голосом, ни со слухом, а только для духовной пользы. В их число попала и я. И вот что случилось. С детства я ходила в церковь, но прилежанием никогда не отличалась. Если шла к обедне, то приходила к Херувимской. Так же и на всенощной: или уйдешь пораньше, или выйдешь на улицу посидеть. А тут вдруг происходит чудо: выстаиваю эти бесконечные службы добровольно, да еще после трудного рабочего дня. Регентом у нас была Ольга Ивановна — 2-й дискант, ее сестра Поля — 1-й дискант и Шура — альт. Они одного возраста — чуть постарше меня, они-то составляли основное ядро хора. С какой любовью относились Оля и Поля к нам, девчонкам, — там были и помоложе меня, школьницы Груня, Настя, Нина, Наташа и другие. Никогда не забуду Олю и Полю, настолько стали они близки мне и дороги на всю жизнь.

Так вот, когда попала на клирос и стала читать по-церковнославянски, вдруг и мне открылась красота богослужения, да и не только мне, а всем девчатам. Я помню Наташу Бубнову — живая, бойкая девчужка, а так полюбила великопостную службу и чтение Псалтири, что все свободное время проводила в церкви. Конечно, это было по молитвам батюшки.

На Сербском было правило, чтобы все стихиры всегда пелись с канонархом, так что и народ слышал все слова. Канонаршила обыкновенно Шура — у нее был хороший альт. На клиросе тоже бывали, как говорила Ольга, «искушенья». Девчат было порядочно, то что-нибудь шепчем друг другу, а иногда смешинка в рот попадет: поглядим друг на друга, и смех разбирает — тут, конечно, рот зажмешь, но батюшка как-то чуял. В таких случаях неожиданно откроется дверь из алтаря, и он только молча взглянет, да так, что хоть провались сквозь землю.

² То есть от общины храма св. Николая в Кленниках («мечевской»).

Так как на клирос попадали независимо от певческих способностей, то иногда пищали мы довольно неудачно, но это прощалось, и, несмотря ни на что, нигде так не чувствовалось торжество праздника, как на Сербском. По воскресеньям перед общей обедней служился параклис Божией Матери — это была моя любимая служба, читали акафист и нараспев пели канон «Многими одержим напастьми». А на неделе — вечером в пятницу — служили молебен преподобному Серафиму и пели на саровский распев акафист.

Пасха встречалась как нигде. За Великий пост все чада поговеют и причастятся, а в Светлую Пасхальную ночь была краткая общая исповедь и вся церковь причащалась.

Вспомнила одну особенную черту батюшки: с каким почтением и благоговением относился он к другим священникам. Помню, это было уже в Загорске. О. Иеракс (Бочаров) тогда, в 1932 году, жил у нас³. И вот батюшка просил передать ему, чтобы он приехал. Повторяя его поручение, говорю: «Так я скажу, что вы велели ему приехать». Батюшка возмутился: «Как велел? Что ты говоришь! Не велел, а прошу, прошу, Господа ради, чтобы не отказал ко мне приехать».

Батюшка настойчиво требовал, чтобы в храме женщины стояли с покрытой головой, а на клиросе для всех было обязательным черное платье с длинными рукавами и черный платок или косынка на голове. Молоденьким было трудновато это исполнять, но соблюдали все без исключения. Девочка Груня была очень способной к пению, и Оля старательно все объясняла и показывала, так что, в случае чего, она могла бы ее заменить, а Груня была еще школьницей.

Престол в храме только один — свв. бессребреников Кира и Иоанна, но почитались иконы Иверской Божией Матери и преподобного Серафима. Эти дни праздновались как престольные. А когда подходили ко кресту, певчие пели «Тебе Бога хвалим». В то время в алтаре прислуживал молодой человек, Федор Никанорович; у него был прекрасный голос, особенно при чтении. В большие праздники, в сочельник он всегда читал паремии, и так, что запомнилось на всю жизнь.

Забыла упомянуть о наших спевках. О. Серафим собирал нас перед большими праздниками, перед Великим постом и Пасхой, чтобы мы хорошо ознакомились с новой службой — стихирами, ирмосами и проч. На спевках всегда бывал сам, и они проходили с таким душевным подъемом, что пропустить такую спевку было очень жалко. Батюшка всегда требовал, чтобы мы пели тихо, но вкладывали душу. Батюшка особенно любил Шестопсалмие и часто читал сам. Двадцатые годы были примечательны тем, что в Москве очень много было безработных. Потом постепенно хозяйство стало налаживаться, и биржа труда стала направлять на работу, в их число попали и певчие Оля, Поля и Шура. Батюшка старался так служить, что-

³ Иеракс (Иван Матвеевич Бочаров, 1880—1959) — иеромонах Троице-Сергиевой Лавры. Арестован в 1943 вместе с епископом Афанасием (Сахаровым) по делу «Ангисоветское церковное подполье», приговорен к пяти годам лагерей. В 1950-е после освобождения проживал в инвалидном доме в г. Березники (Мордовия) и во Владимире.

бы люди могли поспевать на работу, но не всегда это удавалось. В это время часто выручала девочка Груня — она замещала регента.

В 1927 прошла полоса повальных арестов среди верующих⁴. Очень много попало певчих, церковных старост и помогавших в церкви. Попали и наши Оля с Полей. В это трудное время на высоте оказалась школьница Груня. Светлая блондиночка в черном платье, с вьющимися волосами, она выходила к народу и регентовала всей церковью, когда пели «Верую» и «Отче наш». Запомнился самый печальный день в нашей жизни. В 1932 году накануне Благовещения арестовали наших священников о. Димитрия (Крючкова) и о. Алексия (Козлова), и некому было служить⁵. Дьякона Виктора Щеглова арестовали раньше, в 1930 году. Побежали просить по другим церквям, но и там было опустошение. Нигде не смогли найти священника. Народу — полна церковь, горят лампы и свечи, певчие на клиросе, а священника нет! Решили служить всенощную при закрытых Царских вратах. Народ стоял и плакал. Это была последняя служба в нашем храме.

⁴ В 1927 о. Серафим ушел в затвор по благословию о. Нектария, Оптинского старца. —

Примеч. автора.

⁵ О. Алексия (Габрияника) арестовали в 1928. Он был женат на дочери профессора МДА Голубцова, сестре братьев Голубцовых, ставших впоследствии священниками, — наиболее известен из них был о. Николай Голубцов. — *Примеч. автора.*

ОТЦОВСКИЙ КРЕСТ.

ЖИЗНЬ СВЯЩЕННИКА И ЕГО СЕМЬИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОЧЕРЕЙ 1908—1931

В 2014 в свет вышла замечательная книга, отрывки из которой уже давно можно было встретить в разных «уголках» Всемирной паутины¹, — повествование сестер Софьи и Натальи Самуиловых «Отцовский крест. Жизнь священника и его семьи в воспоминаниях дочерей. 1908—1931». Жанр здесь, скорее всего, может быть определен как семейная хроника; необычность же текста в том, что, будучи написан в беллетристической форме (с речами «от разных лиц», диалогами и проч.), он не просто имеет в основе личные воспоминания авторов, но и носит документальный характер. Как пишет в предисловии Софья Самуилова, «здесь нет ни одного случая, не происшедшего в действительности, ни одной фразы, не отвечающей действительно высказанным мыслям». И далее: «Тут могут быть незначительные, в мелочах, ошибки памяти, неясные формулировки (где я говорю от своего лица), но ни слова вымысла». Текст написан очень талантливо и, вполне возможно, на основе дневниковых записей, хотя в авторском предисловии об этом не говорится.

В предисловии от издательства указывается, что основной текст был создан сестрами Самуиловыми в 1950—1960-х и распространялся (очевидно, не полностью) в самиздате. Первые две книги (части) посвящены священнику Сергию Самуилову, третья книга — судьбе его сына, тоже священника, Константина Самуилова, а также его дочерей Софьи и Натальи после ареста отца.

В первой части действие происходит в 1908—1926, в основном в селе Острая Лука Самарской губернии, а также в близлежащих селах и в самой Самаре; во второй части, с 1926 по 1931 — в уездном городе Пугачеве (бывшем Николаевске) той же губернии (ныне — Саратовской области), то есть там, где служил отец Сергей Самуилов; его предки в нескольких поколениях и близкие родственники священствовали в тех же местах. В Пугачеве он служил вторым священником в так называемом Новом (Воскресенском) соборе.

Имя Сергия Самуилова присутствует в базе «За Христа пострадавшие» ПСТГУ, так же как имена его старшего сына иерея Константина и авторов книги.

¹ Собственно, первый раз «Отцовский крест» в данном составе — две книги вместе — был опубликован петербургским издательством «Сатис» еще в 1996; третья книга (не вошедшая в настоящее переиздание) — в 2001, однако тираж, вероятно, был столь скромным, что издания давно стали редкостью и мало вошли в научный обиход.

Сергей Евгеньевич Самуилов родился 26 августа 1882 в городе Бугуруслане Оренбургской губернии, в 1905 закончил Самарскую семинарию, в том же году был рукоположен в сан священника, в 1925 — в сан протоиерея. Несколько раз подвергался арестам, последний раз — в 1930. Тройкой при ОГПУ по Нижне-Волжскому краю 30 апреля 1931 был приговорен к трем годам ссылки в Кунгур Пермской области; в том же году погиб в заключении. Его сын Константин, рукоположенный в священнический сан в год смерти отца и вставший на его место в Новом соборе города Пугачева, а также дочери Софья и Наталья пережили ряд арестов и были отправлены в ссылку. В третьей книге приводится общее фото всех троих и младшего брата Михаила, сделанное, по-видимому, либо в ссылке, либо после нее. Про дочерей известно, что впоследствии они жили в Петербурге (Ленинграде), имеется их фото, сделанное в 1953. По сведениям из базы «За Христа пострадавшие», отец Константин вернулся около 1940 в Пугачев и продолжал служение. Однако этот факт приводится с вопросительным знаком, а в соответствующей базе Саратовской епархии, куда входит ныне Пугачев, никаких сведений о Константине Самуилове не имеется.

Образ отца Сергия в книге его дочерей — это образ идеального православного священника, прекрасного мужа и отца, преданного друга, а также одаренного художественно человека, многогранно проявляющего свои таланты, прежде всего — в храме, где отец Сергей не только служит, но и поет, регентует, помогает мастерам в росписи деревенской церкви (а в Острой Луке еще и пашет, косит, занимается пчеловодством — так же, как его прихожане).

Во второй части книги есть специальная глава «О пении и певчих», однако на самом деле о пении и чтении за службой говорится на многих страницах, и что особенно важно — о пении как в сельских храмах, так и в храмах провинциального города, как до 1917 года, так и после него. Все основные черты эпохи (даже двух эпох) в церковно-певческой области воссоздаются в хронике сестер Самуиловых — наряду, конечно, с темами гораздо более крупными, такими как: образование священнослужителей; отношения священства с архиереями и с прихожанами; взаимоотношения священников сельских и городских; проникновение в провинцию обновленчества и борьба с ним; противостояние новой власти; священнические съезды и «антирелигиозные диспуты» 1920-х; роль церковных старост и церковных советов в это время и проч. А в области певческой — отношения священника с регентами и певчими и последних между собой; пение «простое» и «нотное»; проникновение на клирос новых веяний; судьбы псаломщиков, регентов, певчих...

Целый ряд явлений, отраженных в хронике сестер Самуиловых, многократно возникает на страницах других материалов этой книги. Например, читая о псаломщиках, регентах и певчих города Пугачева, вспоминаешь образы певчих и регентов города Перемышля в воспоминаниях Н. М. Любимова или города Касимова в письме о. Анатолия Правдолюбова. Очень важно, однако, что все эти образы и явления в книге Самуиловых даны с точки зрения не прихожанина, не регента или певчего, а именно священника, отца Сергия.

Ввиду структуры книги «Отцовский крест», где действие развивается в целом хронологически (хотя и с отступлениями), так же расположена и выбор-

ка текстов, имеющих отношение к пению и чтению, хотя конечно же полный их смысл раскрывается только при чтении всей хроники.

Село Острая Лука Самарской губернии, 1910-е годы

Григорий Яшагин и другие молодые мужики: Николай Собашников, Никита Амелин, Сергей Прохоров — сблизилась с отцом Сергием во время спевков, которые он зимой устраивал в своей квартире. На спевках занимались тем, на что регенты не обращали должного внимания, — гласовым пением, тем, которое называют простым и которое гораздо красивее и молитвеннее многочисленных нотных переложений. При этом отец Сергей, который не мог руководить пением во время службы, добивался, чтобы певчие сразу принимали тон, в котором делался тот или другой возглас, и запевали, не дожидаясь камертона, без досадных «до-ми-соль-до», так искажающих службу и разрушающих создавшееся настроение.

— Батюшка возглас дает, им бы подхватить, а они докают да микают, камертон разогревают, не дождешься, когда запоют, — жаловались на подобные хоры прихожане.

Отцу Сергию со своими не особенно грамотными певчими удалось достичь того, что недоступно многим городским хорам, следующим за камертоном регента «как телок за коркой». Конечно, не обходилось без промахов, случалось, меняя тон или напев, хор разбредался кто в лес, кто по дрова, даже совсем останавливался, но исключения только подтверждают правила.

Многих привлекали на спевку скрипка и фисгармония отца Сергия, возможность после официальной части послушать еще что-нибудь, не обязательно духовное. Но постепенно там начинали говорить, и не только о пении. После очередного приезда миссионеров молодежь заинтересовалась беседами со старообрядцами, и отец Сергей предложил занятия на эту тему (С. 38—39).

* * *

Как и везде в селах, в Острой Луке мужчины и женщины стоят отдельно, хотя делятся не совсем так, как обычно, — справа мужчины, а слева женщины. В Острой Луке мужчины занимают не только правую сторону, а и передние ряды на левой; зато вся задняя часть церкви со стоящими у стены скамейками принадлежит старухам. Этот порядок соблюдается и тогда, когда за утреней прикладываются к Евангелию или к иконе праздника. Идут сначала с правого клироса, потом с левого; потом двигается первый ряд справа, за ним второй, третий... Когда проходят все мужчины справа, в таком же порядке идет левая сторона, а после всех смиренно и неторопливо подходят старушки. Во время причастия тот же порядок, только вперед пропускают женщин с маленькими детьми, а за ними — детей школьного возраста. Ни давки, ни толкотни, очередь перед аналоем небольшая, от силы человек пятнадцать—двадцать; по мере того как они отходят на свои прежние места, к аналою подходят следующие по порядку. Лишь изредка забежит вперед какая-нибудь одинокая хозяйка, которая торопится домой, чтобы убрать скотину, испечь печь и к обедне прийти не очень поздно.

Поют в Острой Луке не торопясь, но и не растягивая намеренно, как раскольники и многие городские хоры. Пение исключительно гласовое, такое, которое принято называть простым. Называя так, забывают, что музыкально образованным певчим шикарных городских хоров только в исключительных случаях удается достичь такой молитвенной простоты, такого четкого соединения чувств и мелодии. Остролукские певчие, особенно те, которые посещали спевки на квартире отца Сергия, и теперь еще время от времени заходят к нему попрактиковаться и спросить совета. Возглавляет их псаломщик, а иногда во время вечерни или утрени, особенно в небольшие праздники, когда на клиросе не хватает голосов, и сам отец Сергей выходит из алтаря и помогает петь стихиры. И стало традицией, что он сам читает канон на Благовещение, а Великим постом, стоя перед престолом один, наизусть, поет: «Да исправится молитва моя», тем напевом, каким пели в его время в семинарии.

Одно время пригласили было регента, учителя Павла Афанасьевича. Но он страдал профессиональной болезнью регентов — страстью к вычурным нотным «номерам»; вкус его резко расходился со вкусом отца Сергия и большинства прихожан. Вдобавок многие были недовольны тем, что на клиросе появились девушки и даже замужние женщины. Регента скоро уволили, а в церкви так и укрепился мужской хор, в обычном составе. Результаты прежних спевков сказывались и сейчас, пели довольно стройно, сразу принимая тон, в котором отец Сергий делал возглас. Правда, наиболее удобный для него и для певчих тон, в котором пелось то или иное песнопение, повторялся из службы в службу, а переходы на другой тон тоже происходили в одних и тех же излюбленных местах. Зато это создавало впечатление особенной цельности, гармоничности, проникавшее все богослужение от первого возгласа священника до последней ноты хора.

Отец Сергий, всю жизнь стремившийся к тому, чтобы, не утомляя молящихся, совершать службу с наименьшими сокращениями, еще и ввиду этого не одобрял тягучего пения. Обычный темп за утреней был таков: как раз спокойно, но не медленно можно было сделать земной поклон, пока пелось: «Поклонимся Отцу и Его Сынови, и Святому Духу...», а в то время, пока отец Сергий катил вокруг храма (молодой и подвижный, он обходил его довольно быстро, хотя и без излишней торопливости), певчие успевали три раза пропеть величание со стихами перед каждым разом. Эти стихи все очень любили, и, нужно отдать справедливость руководителям хора, они брали не первые попавшиеся, а из всех стихов данного праздника выбирали лучшие.

Диакона в Острой Луке не было, и Евангелие на утрене прочитывалось священником в алтаре. Прихожане любили и этот момент, когда стоящий на середине церкви отец Сергий сам запевал своим красивым, хоть и не очень сильным тенором: «От юности моя мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой!» — и, худощавый, стройный, в ловко сидящем голубом праздничном облачении, легко, почти стремительно, шел в алтарь.

Так он держался и такое впечатление производил не только в годы своей ранней молодости. Время приносило перемены. Не один год отец Сергий, наравне с

прихожанами, работал в поле. Вечерами возвращался тяжелой походкой усталого человека, без подрясника, в одной пропыленной и пропотевшей ситцевой рубашке, с рассыпавшимися из-под самодельной соломенной шляпы волосами. И волосы стали уже не те — посеклись, поредели, и небольшая бородка превратилась в широкую, окладистую, с сильной проседью; и сам он отяжелел, опростился. (Надо сказать, что эту простоту крестьяне чрезвычайно ценили.)

Но и в это время в церкви он оставался прежним. Так ловко сидело на худощавой фигуре праздничное голубое облачение, и такой же легкой и стремительной казалась походка (С. 99—101).

* * *

Когда выдавались не занятые приходскими делами вечера и не хотелось заниматься ничем серьезным, отец Сергей принимался за музыку. Он играл на скрипке и фисгармонии; кроме того, от отца ему достались гусли, на которых он, как когда-то покойный Евгений Егорович, играл простые, наивные и трогательные мелодии. Много приятных воспоминаний сохранилось об этих гусях у всех бывавших когда-то в доме Евгения Егоровича, и прежде всего, конечно, у самого отца Сергея. Но гусли эти были совсем не такими, какие рисуются нам в руках у древних певцов, которые, удобно положив их на колени, «сказывали» старые былины. Гусли отца Сергея были большие, на трех точеных ножках, и требовали почти столько же места, сколько фисгармония, а места не было. Поэтому в разное время они то стояли, приткнувшись у печки, то лежали на боку в коридоре. Скрипка была удобнее. Она спокойно ютилась под диваном или за письменным столом в ожидании, когда отец Сергей вынет ее из футляра и, поставив посреди комнаты самодельный пюпитр, начнет настраивать. При первых звуках сбегались дети, прослушивали несколько детских песенок, а когда музыка становилась более серьезной и без слов, отправлялись по своим делам. Более усердной слушательницей была жена, сидевшая с работой в соседней комнате, но отец Сергей не нуждался в слушателях, он играл для себя. Был, правда, один слушатель, на которого обращал внимание музыкант, это — рыжий таракан-прусак. В течение нескольких месяцев, стоило отцу Сергию заиграть, таракан выползал из какой-то щели, устраивался на верхней части пюпитра и слушал, от удовольствия поводя усиками.

Иногда заходил, тоже со скрипкой, учитель Павел Афанасьевич, и тогда они исполняли скрипичные дуэты, или отец Сергей садился за фисгармонию и аккомпанировал скрипачу. <...>

Отец Сергей садился за фисгармонию. На стуле около нее возвышалась целая стопа нот, печатных и рукописных, но он редко пользовался ими. И у него, и у его слушателей были излюбленные вещи, которые его просили спеть, и он пел без нот; иногда именно тех вещей, которые он пел, даже и не было в его нотных сборниках.

В числе любимых были некоторые романсы, русские и украинские песни, арии из опер, преимущественно из «Жизни за царя», где он пел не только арии Сусанина

и Вани, но, при помощи фисгармонии, изображал даже хор девушек «Разгулялася, разливалася».

Пел он и песню Мефистофеля о золотом тельце, арию Пимена, арию Мельника... Исполнение последней арии было особенно характерно для его стиля. Он пел, иногда даже полуобернувшись к присутствующим тут девочкам и девушкам-подросткам, и, как бы обращаясь к ним, толковал о том, что «мало толку в вас», «упрямы вы», «своим умом богаты», — а советы, которые «молодым девкам» не особенно полезно слушать, пропускал так естественно, словно их и не было совсем. Так же было и в арии «Куда, куда вы удалились» — и в любимом женщинами романсе «Я видел березку». Отец Сергей показывал музыкальную красоту вещи, а когда дело доходило до любовной части, она незаметно стушевывалась, заменялась одним аккомпанементом или пелась так иронически, между прочим, что не производила впечатления. Впрочем, в большинстве исполняемых им вещей не нужны были и эти уловки. Он пел «Слезы людские», «Как король шел на войну», «Лесной царь», песни о Волге и о Днепре, некоторые шуточные и совершенно безобидные песенки.

Около дверей пение слушали кухарка, няньки, церковный сторож и соседка, бабушка Матрена или другая женщина, приглашенная помочь постряпать (С. 109—112).

Самара, 1923

Вечером в субботу, сидя среди родных, отец Сергей заявил, что в [захваченный обновленцами Старый] собор он теперь ни шагу не сделает, не будет сообщаться с раскольниками, а пойдет утром в Воскресенскую церковь. В это необыкновенное утро в церковь собрались не только отец Сергей с Соней, но и его брат, Филарет Евгеньевич. Правда, он шел как будто только для того, чтобы послушать хор. Уже много лет в Самаре славились два регента — Каленик и Олейников; в 1923 году первый из них пел в Воскресенской церкви, а второй в соборе. Оба были художниками, мастерами своего дела, и у каждого был свой круг ценителей его искусства. Филарет Евгеньевич предпочитал Олейникова (С. 338—339).

Пугачев, 1926

«[Новый] собор там [в Пугачеве] — красота, — говорил отец Сергей, — только что отремонтирован, светлый, высокий. Даже слишком высокий, резонанс чересчур силен, слова сливаются, зато служить легко. Вот здесь, в нашей маленькой церковке, очень трудно служить, особенно в большие праздники, когда народ битком набьется. Кричишь что есть голоса, а толку мало. А там скажешь “и во веки веков...”, а “аминь” за тебя собор допоеет.

Ну, конечно, обстановка совсем не та, что здесь. Там послушание нужно. С настоятелем отцом Александром Моченывым отношения у нас хорошие, а все-таки здесь я был хозяин, а там на втором штате: как скажет, так и делай.

Всего нас там пять человек — два священника, диакон и два псаломщика; один из них вдобавок регент. Он с настоятелем служит. Парень как будто хороший, мяг-

кий, сговорчивый, но как регент неважный. Зовут его Михаил Васильевич. А со мной служит Димитрий Васильевич, с ним иногда трудненько приходится. Совсем еще молодой, самолюбивый, ершистый, чуть его против шерсти погладишь, так и вспыхнет, как спичка. А молчать нельзя: если теперь, когда мы только начинаем вместе работать, не поправить, после труднее будет, да и у него дурные привычки укоренятся. Торопится очень за службой. И в конце, еще только «Господи, сохрани» поют, а у них обоих уже шапки в руках, последние слова чуть не на ходу дупевают. А скажешь — буря. Я уж немного начал приспособливаться. Пойдем вместе с Димитрием Васильевичем домой, я и начинаю рассказывать, как у нас, бывало, в семинарии служение шло, при ректоре Боголюбском или при архимандрите Вениамине, как епископ Гурий порядка требовал. Смотришь, кое-что и наматает себе на ус. Бывает, что ненадолго, потом опять по-старому начинает действовать, но после этого уж говорить легче. А вы как с отцом Тимофеем ладите?»

Вопрос был задан не попусту. Еще в письмах отцу Сергию сообщали, что многие недовольны новым священником, отцом Тимофеем Кургаевым, сыном бывшего миссионера Афиногена Антоновича. И голос не такой, как у батюшки Сергия, и кадиллом взмахивает, перекидывает его, по мнению некоторых, неблагоговеино. И со Святыми Дарами не так выходит, а в боковой двери один раз даже ризой зацепился. Конечно, с непривычки, тесно здесь очень, а все-таки батюшка Сергей не зацеплялся.

— И тон правильно не задает, — возмущался Никита Иванович Амелин, ведущий тенор, еще молодым парнем начавший ходить на спевки к отцу Сергию и на клирос.

— Вот, бывало, мы ектению за здравие и за упокой в «до-ми-соль-до» пели, а «помолитесь, оглашении, Господеви» ты, батюшка, на «ре-си-соль» переходил, и мы за тобой. А он все в одном тоне дует. И тяжело, и красоты такой нет.

— Он не переходит, вы бы перешли, а он бы подхватил за вами. Слух у него есть. Не всегда священники тон задают, чаще наоборот бывает.

Отцу Сергию пришлось проводить целую беседу на тему о том, что у каждого священника своя манера служения и обижаться на то, что отец Тимофей не похож на отца Сергия, так же нелепо, как на то, что Никола Потапович ниже ростом, чем Трофим Поликарпов, поет басом, а не тенором, как Никита Иванович. Они двадцать лет вместе прожили, привыкли, поэтому им и нравится больше служение отца Сергия, а пройдет несколько времени, и отец Тимофей понравится. А если уж очень хочется что-нибудь наладить или по-старому оставить, пошли бы к отцу Тимофею да поговорили. Конечно, по-хорошему, без обиды, а в виде просьбы. Отец Тимофей человек разумный, может навстречу пойти, если с ним мирно потолковать, а то ведь, как говорится, и у воробья самолюбие есть. Тем более что он большой, нужно стараться его по пустякам не расстраивать.

— Так-то оно так, а нам такого соловья, как ты, больше не видать, — вздохнул кто-то из женщин.

— Послушали бы вы, как в Пугачеве смеялись, когда я сказал, что меня здесь соловьем считают, — усмехнулся отец Сергей. — Вы помните, какой у меня был

голос, когда я сюда приехал, и не заметили, что за двадцать лет от него почти ничего не осталось... Да что это я? — вдруг спохватился он. — Самое-то интересное не рассказал. Ведь я, когда в Пугачев ехал, с [обновленцами] Вариным и Апексимовым разговаривал.

— Как так?

— А вот так. В Селезнихе на постоялом дворе встретился. Они из Пугачева ехали. Сначала кое о чем, о пустяках разговаривали, а потом Варин не выдержал, говорит: «Так, так... Значит, в пугачевском Воскресенском соборе собирается штаб контрреволюционных элементов... Ну что же. Сейчас ты протоиерей; будешь архиерей — за решеткой» (С. 477—479).

Пугачев, 1926, Новый собор

Регент Михаил Васильевич Емельянов был человек совсем иного типа, чем его младший товарищ [Димитрий Васильевич], — небольшого роста, более спокойный. Он был почти новичком в городе, приехал туда из Уральска ровно за год до отца Сергия. И у него, и у его жены Прасковьи Степановны, и даже у маленького Бори, когда он начал достаточно понятно объясняться, был сильно заметен уральский говор. Они говорили: «пямы», «Сяров», «дярутся» и т. п.

Емельяновы еще не успели обзавестись постоянным кругом знакомств и скучали. Как псаломщик первого штата, Михаил Васильевич в основном служил с настоятелем и мог бы почти не встречаться с отцом Сергием. Однако он часто, гораздо чаще, чем Димитрий Васильевич, заходил к новому батюшке, еще когда тот жил один, продолжал заходить и когда к нему приехала семья.

Вначале для таких посещений было два основных повода — возможность получать ссуды и брать книги для чтения. К отцу Сергию, продавшему свой домик в Острой Луке, до покупки нового все сослуживцы обращались за небольшими займами, и чаще всех это делал Михаил Васильевич. С другой стороны, он как манна небесной ждал библиотечки отца Сергия, о которой зашел разговор еще тогда, когда они вдвоем сидели в полупустой и страшно холодной квартире нового священника. Когда же библиотечку наконец привезли, Михаил Васильевич стал самым частым и аккуратным ее абонентом.

Михаил Васильевич успел принять участие в Гражданской войне. В 1919—1920 годах он отбывал действительную службу в закаспийских степях, воюя против казаков Серова. На память об этом времени остался глубокий круглый шрам на правой щеке, а на правой руке у него два пальца были оторваны осколком снаряда. После армии Михаил Васильевич пел на клиросе в Уральском соборе, даже был там помощником регента. Естественно, что, не зная других образцов, он во всем, хорошем и плохом, подражал этому регенту и считал его непререкаемым авторитетом в области пения. Пение Михаил Васильевич страстно любил, и в этом была одна из точек соприкосновения его с отцом Сергием, хотя вкусы их были совершенно различны, и они много спорили, толкуя о стилях пения.

Для начинающего регента у Михаила Васильевича была довольно большая нотная библиотека; когда закрывали собор, он ночью вынес оттуда, какие мог, нотные

тетради и зарыл их в сугробе, а потом постепенно перетаскал домой. Он красочно рассказывал о своих переживаниях в это время, да и вообще любил и умел рассказывать; рассказывал и случаи из певческой жизни и о военном времени (С. 512—514).

О ПЕВЧИХ И ПЕНИИ

(Книга 2. Глава 5)

Отец Сергей имел очень хорошее мнение о Михаиле Васильевиче как человеке и сослуживце, но находил, что как регент он оставляет желать многого. Большинство прихожан разделяло его взгляд. Прихожане еще помнили «старого регента Жукова», умершего от туберкулеза несколько лет назад. В последнее время Ефим Иванович не мог долго стоять; хором управлял его сын Борис Ефимович, перешедший потом в Старый собор. Он регентовал, а отец сидел на клиросе и поднимался только в самые ответственные моменты. «И при Борисе хорошо пели, сразу как будто и незаметно разницы, — рассказывали любители пения, — а как Ефим Иванович встанет да взмахнет руками, хор будто подменяет, совсем по-другому зазвучит!»

Уж если Борис Ефимович не мог угнаться за отцом, то Михаилу Васильевичу и вовсе было до него далеко. Вдобавок не только наших приезжих, привыкших в селе к благоговейному поведению певчих, но и многих из здешних старожиллов коробило то, как держались певчие на клиросе: они стояли спиной к алтарю, улыбались, перешептывались, особенно во время чтений. Регент отчаянно размахивал руками, точно все пение зависело от силы его размаха, а так как он стоял на самом виду, то внимание молящихся отвлекалось — невозможно было не следить за его движениями.

— Михаил Васильевич, если бы вы постарались делать как другие регенты, — говорил ему отец Сергей. — Вот в Самаре, в Петропавловской церкви, есть регент. У него весь хор стоит лицом к алтарю, а он сам сбоку и чуть впереди их, впол-оборота, — и ему их видно, и им его. И совсем не машет руками, только чуть-чуть шевелит пальцами, да иногда бровью, а певчие поют, как хороший музыкальный инструмент. И смотреть, и слушать приятно.

— Не умею я так, — отвечал Михаил Васильевич.

Он и действительно не умел, да и не считал нужным что-то менять, находил все вполне нормальным. Сам вчерашний певчий, он в разговорах на клиросе не видел ничего особенного. Когда же ему со всех сторон начали делать замечания, он уже не мог справиться с избаловавшимися людьми. При Ефиме Ивановиче Жукове на клиросе была строгая дисциплина, при Борисе Ефимовиче она ослабела, а поступивший потом регент, о котором составилось мнение, что он неверующий, и совсем распустил певчих. И уж конечно, не Михаилу Васильевичу с его мягким характером было взять хор в руки. Связывало его и то, что певчие с хорошими голосами при первой же попытке призвать их к порядку фыркали: «Уйдем в Старый собор». Там, правда, им не было такой свободы, они не были там единственными и незаменимыми, но грозить — грозили, а некоторые даже выполняли угрозу. С этим тоже приходилось считаться.

Чуть ли не основная беда Михаила Васильевича как регента состояла в том, что он не мог добиться подчинения от собственной жены. Свое первенствующее положение в домашней жизни она перенесла и на клирос. «Главный регент», — язвительно звали Прасковью Степановну обиженные ею певчие, а за ними и все прихожане. Неплохая женщина, хорошая семьянинка и хозяйка, благодаря привычке командовать мужем, она потеряла чувство такта и на клиросе сделалась нетерпимой и несправедливой. Частенько, не стесняясь тем, что это видит вся церковь, она настаивала на исполнении именно тех вещей, которые нравились ей, пела все лучшие партии, затирая других дискантов. Особенно обидно было невестке отца Александра, Жене Моченовой, обладавшей удивительно красивым голосом, мягким, но не очень сильным. В хору резковатый, громкий голос Прасковьи Степановны совершенно заглушал ее, а солировать ее не допускали. Дело дошло до того, что вмешался церковный совет и потребовал, чтобы Жене дали исполнить соло «Ныне отпускаеши». Когда начали готовить «На реках Вавилонских», только благодаря вмешательству того же церковного совета дискантовая партия была отдана Жене. Молящиеся получили незабываемое наслаждение. Чистый, серебряный голосок Жени, с глубоким чувством повторявший: «Аще забуду... Забвена буди...», вызывал слезы на глаза; как будто слышалось пение самих иудейских пленников. Мне он слышится и теперь, спустя сорок лет.

В известной мере Прасковью Степановну оправдывало то, что она действительно любила пение. Некоторые песнопения она исполняла так, что ее приятно было слушать. Когда она пела «Благословлю Господа на всякое время» за Преждеосвященной литургией или «Реку Богу: заступник мой еси», голос ее терял обычную резковатость и звенел неподдельной искренностью.

Были удачи и вообще в репертуаре хора. Прежде всего «Святой Боже» угорского роспева², которую с искренним удовольствием слушала даже Соня, особенно

² Это песнопение издано в 1906 в сборнике «Церковное простопение, сложенное на нотах Иоанном В. Бовшай, хоррегентом кафедрального храма унгарского...» (Репринт: США, Иллинойс, 1950):

Трисвятое.

1. *Покійно. mf*

Гва - тый Бо - же, — сва - тый креп - кий, — сва - тый без - смрт - ный по - ми -

fine. авй насъ. 3-жды. Гла - ва ѿт - цю, — и — Гы - ню, — и — сва —

тс — лисъ Дъ — хъ. — — и — ну — нъ, и — при — сно, и — вх — вѣ — ки —

вѣ — ковахъ ѧ — минъ. — — Гва — тый без - смрт - ный по — ми — авй насъ. **Da capo al fine.**

тяжело переживавшая переход «от греческого пения к итальянскому», как определил отец Сергей. Хорошо, со вкусом, которого не хватает многим более видным хорам, пели «С нами Бог» — крещенские песнопения и прокимен «Море виде и побеже». Да и «На реках Вавилонских» с Женей Моченовой производило сильное впечатление.

Правда, о последнем отец Сергей говорил, что он [псалом] значительно выиграл бы, если бы вместо бесчисленных повторений на разные лады каждой фразы из них взяли бы только по одному наиболее сильному варианту. И добавлял: «А камней-то сколько навалили, это уже совсем лишнее!.. Теряется чувство меры, основным звучанием становится не скорбь, а жестокость».

Отец Сергей горячо любил пение и, несмотря на эти недостатки, вместе с Костей старался не пропускать ни одной спевки. Возвратившись, он иногда с удовольствием напевал понравившуюся ему мелодию, а иногда комментировал: «Марш какой-то!» И, расхаживая по комнате, наглядно доказывал, что под эту музыку очень удобно маршировать. А однажды пропел фразу из песнопения (не буду указывать из какого, чтобы не смутить тех, которые его услышат) и спросил Юлию Гурьевну³ и Соню: «Что это?»

— Что-то очень знакомое, но что, не могу припомнить, — ответила Юлия Гурьевна.

Отец Сергей еще раз пропел мелодию уже без слов, а затем со словами, «переводя на русский язык»: «Ле-он мо-ой, ле-ен!» — и добавил с горечью: «Вот чем нас потчуют новые-то, модные композиторы!»

— Как много значит в церковном пении правильный темп, — говорил он в другой раз. — А у нас то торопятся, чуть не захлебываются, слова не выговаривают, особенно на левом клиросе, то как воз в гору тащат. Некоторые регенты, особенно второстепенные и третьестепенные, медленность и вычурность считают торжественностью. Чем больше праздник, тем больше они стараются насовать всяких концертных «номеров» с бесконечными, а часто и бессмысленными повторениями одних и тех же слов. Затянут службу, а потом начинают пропускать стихиры, не считаясь с тем, что некоторым стихирам, по их содержанию, цены нет. Понравилось им это «Ныне отпускаеши!» Я прошлый раз по часам заметил, ровно пятнадцать минут пели. Сколько стихир можно бы пропеть за это время, если бы не увлеклись итальянщиной! Эти все сложные «херувимские» да «Отче наш» — «птички» хороши для духовных концертов, какие устраивались раньше во внебогослужбное время, а не для самого богослужения. На концерте можно полюбоваться и голосами певцов, и искусством, с которым они справляются с разными, чуть не оперными, фокусами. А за богослужением нужно другое, нужно, чтобы пение создавало и усиливало молитвенное настроение — его «птичкой» не достичь. Наши лучшие духовные композиторы — Иоанн Дамаскин, Косьма Маяумский знали этот

³ Теща о. Сергия, мать его покойной жены; в прошлом — выпускница Самарского епархиального училища.

секрет, и лучше их гласовых напевов ничего не придумаешь. А у нас в последнее время привыкли гласовое пение считать за ничто. Какие-то деревенские регентши и хоришки и то норовят петь «понотно» (хотя в нотах почти ничего не смыслят), а так называемое простое пение оставили левому клиросу. А оно, кстати сказать, совсем непростое, далеко не всякий хор сумеет как следует исполнить его, не подменяя всякими «приторными» и тому подобными распевками. Конечно, если ноют два старика да три старухи, хорошего не получится, а когда на него, хотя бы и в селе, обращено должное внимание, то споют так, что заслушаешься. А вот у епископа Тихона в его миссионерской школе пели по-единоверчески молодые звучные голоса, куда до них нашему хору!⁴ И в семинарии у нас, бывало, все больше гласовое пели, нотного очень мало, и только настоящих церковных композиторов вроде Архангельского, а сколько людей приходили слушать!

— Да, я тоже очень любила семинарское пение, — подтверждала Юлия Гурьевна, — очень любила туда ходить. Да и вообще мне больше нравится мужское пение.

— Это еще новый вопрос. Женские голоса по природе резкие и страстные, они заглушают мужчин. Чтобы они не преобладали в хоре, а украшали его, женщины должны составлять примерно четвертую часть поющих, а в современных хорах бывает наоборот — мужчин четвертая, а то и пятая часть.

На квартиру к новому батюшке частенько заходил по-соседски один из церковных попечителей, Григорий Амплеевич Калабин, маленький, худенький и очень горячий старичок. Как-то так получалось, что он почти всегда попадал во время обеда.

— Садитесь к столу, Григорий Амплеевич, — приглашали его.

— Спасибо, не хочу, — солидно отвечал он. — Сейчас только пообедал. Щи с горохом ел.

Он брал стул и усаживался чуть поодаль от стола, аккуратно устроив между ног довольно увесистую палку.

Разговор начинался с текущих соборных дел, переходил на воспоминания о недавнем прошлом, снова возвращался к собору и т. д. Григорий Амплеевич был ярким противником обновленчества, в 1923 году вместе с другими членами церковного совета привлекался к суду за сопротивление, оказанное уполномоченному ВЦУ, и очень любил об этом рассказывать.

— Ведь оправдали нас, — говорил он. — Значит, и суд согласился, что по-другому мы не могли поступить. А что же было терпеть, когда Варин⁵ к нам в собор лез? Мы

⁴ Имеется в виду епископ Тихон (Иван Иванович Оболенский), с 1924 митрополит Уральский и Николаевский, который, став в 1891 настоятелем Спасо-Преображенского единоверческого монастыря Самарской губернии, устроил в стенах монастыря двухклассную церковно-приходскую школу с миссионерским отделением. Образование выпускников этой школы было слабее, нежели семинарское, но ввиду близости к крестьянской среде они успешно работали в Поволжье.

⁵ Сельский иерей Иоанн Николаевич Варин с самого начала стал главным деятелем обновленчества в Самарском крае.

замок навесили, а он со своими явился, хотели ломать. Тут, конечно, народ сбежался, попечители пришли, не дали. Я вот этой палкой!..

Его глазенки возбужденно блестели, палка внушительно стучала об пол, убедительно подчеркивая наиболее острые моменты рассказа. С языка, по адресу Варина, с силой срывались эпитеты: «чубук»... «лоскут»... — самые резкие выражения, которые позволил себе употребить маленький попечитель. Можно было поверить, что противники у Варина оказались не из смиренных.

Григорий Амплеевич стоял в церкви на левом клиросе, подпевал там дискантом, как его когда-то учили в школе, и имел свой идеал церковного пения. Он не забирался в дебри теории, а рассуждал попросту, требовал, чтобы пение было «церковное, а не как в театре», и чтобы певчие ни своим поведением, ни самим пением не нарушали церковного благочиния.

— Не могут начать сразу! — горячился он. — Священник возглас даст, а они «докают» да «микают», камертон разогревают.

Эта привычка не беспокоиться о непрерывности богослужения, задавать и переадавать тон иногда в самые важные моменты, даже во время Евхаристийного канона, волновала и отца Сергия. Еще больше его возмущало то, что даже в эти моменты регент и певчие считаются только с собой, по собственной фантазии выбирая то очень быстрый, то очень медленный напев.

— Во время Евхаристийного канона, хотя бы и не сам служил, хочется сосредоточиться, углубиться, — говорил отец Сергий, объясняя, почему не выходит в это время исповедовать. Он и в селе перестал руководить хором отчасти для того, чтобы не рассеиваться. — А то читаешь тайные молитвы и прислушиваешься, как певчие такую-то и такую-то ноту возьмут.

В селе он мог не следить за пением, знал, что певчие возьмут нужный темп и кончат одновременно с ним, а если поторопятся, то и повторят последние слова. А здесь?

— Я евхаристийные молитвы читаю, в это время все должно идти по порядку, в привычном ритме, чтобы не нарушалось молитвенное настроение, — жаловался он. — А тут читаешь и слышишь, что на клиросе молчат — спели что-то быстрое и меня поджидают. Тут невольно начинаешь нервничать, торопиться. А то еще хуже, дойдешь до самого важного момента, скажешь начало стиха, нужно возглашать «Примите, ядите!», а певчие все свои рулады выводят. Вот и сохрани тут молитвенное настроение перед самым Пресуществлением!

Он ненадолго замолчал, чтобы дать почувствовать серьезность сказанного, особенно если его собеседником был Михаил Васильевич, потом продолжал:

— Рассказывали про митрополита Филарета Киевского [Амфитеатрова], что ему однажды пришлось служить в присутствии императора Николая Первого. Придворные перед началом шепнули митрополиту, что, мол, его величество торопится, нужно кончить литургию за час. А он два прослужил и на сделанное ему замечание ответил: «В присутствии Царя Небесного я не могу помнить о земном». Знаете, что Николай Первый из себя представлял? А вы хотите, чтобы я к певчим приравнивался!

По поводу какого-то такого «Господи, помилуй», в котором сопрано выделяет замысловатые коленца, один слушатель высказался так: «Посмотрел бы я, как она запоет “Господи помилуй”, когда смерть пред собой увидит; пожалуй, забудет все эти выкрутасы-то» (С. 518—525).

* * *

В то время, когда отец Сергей переехал в Пугачев, крупных недостатков в приходской жизни Нового собора не было, а к мелким старожилы притерпелись или совсем не замечали их, или считали неустранимыми, вроде неправильного резонанса. Свежему же человеку, как отец Сергей, притом привыкшему совсем к другим порядкам, многое не просто бросалось, а прямо било в глаза. При своем характере он не мог смиряться даже с мелкими неполадками, а старался исправить их, найти выход; и, конечно, не мог не рассказывать дома о том, что волновало его в течение дня.

У детей не было своих отдельных знакомых, своих отдельных интересов, они жили делами и интересами отца. Он ничего не скрывал от них, делился впечатлениями, как когда-то с женой; остро анализировал характеры и поступки людей. Но это не было осуждением, наоборот, он старался понять, подойти, найти общий язык, хотя и часто бывал резок в выражении своих мыслей. Он не чувствовал бы всей полноты жизни, если бы лишился возможности вот так вновь переживать недавние события и вслух обдумывать их. «Отец Александр с Дмитрием сегодня за час десять минут обедню скрутили! — взволнованно говорил он, вернувшись из церкви и вешая на место парадный подрясник. — А как скажешь? Отец Александр и то обижается, что я не хочу крестить во время всенощной. Мне же, как и любому верующему, хочется в праздник помолиться, я лучше после задержусь... так народ обижается, приучили. И псаломщики... Михаил Васильевич, тот хоть молчит, пыхтит, а Дмитрий Васильевич, чуть что ему скажешь, сейчас же в амбицию вломится. То и дело с ним стычки. Настоятель-де ничего не говорит, а вы везде придираетесь. В том-то и беда, что настоятель не говорит, а мне приходится на рожон лезть».

Отец Сергей отхлебывал несколько глотков чая и продолжал: «А торопятся! В соборе с его резонансом, чтобы было разборчиво, нужно каждое слово отчеканивать, а у нас на правом клиросе тянут до невозможности, а на левом частят. Среди певчих тоже много любителей этого стиля, но все-таки главное дело в псаломщиках. Псаломщики должны руководить клиросом, подавать пример, а они сами, еще служба не кончилась, все книги в шкафу засуют, а последние слова допевают уже на ступеньках. Михаил Васильевич даже ухитрялся во время часов на базар бегать, благо базар рядом, только из ограды выйти. Я запретил, он теперь не ходит, а понял ли, что был не прав?»

Бороться с такими неполадками было тем труднее, что причиной их были не только свойственные молодежи легкомыслие и небрежность; это было следствием неправильной системы, действовавшей в некоторых местах. Михаил Васильевич усвоил в певческих кругах понятие, что основой каждой службы является пение, а чтение —

только малосущественный придаток, и потому считал себя вправе во время длинных чтений — часов, Шестопсалмия, кафизм — заниматься своими делами, даже совсем выходить из церкви. Много пришлось отцу Сергию поговорить и поспорить с ним и после службы, и дома, прежде чем он понял красоту и важность этих чтений. Димитрий Васильевич тоже был не просто торопыга, его так приучили, и он считал умение быстро читать большим достоинством. Еще мальчишкой, при дедушке, он бегал с братьями в Старый собор, и они хвалились один перед другим уменьем без остановки прочитать сорок раз «Господи помилуй!» Позднее монахини учили его петь с закрытым ртом, уверяя, что очень хорошо получается: и быстро, и отчетливо. Быстро — да, а уж отчетливо... может быть, в маленькой, низкой церковке у таких искусниц и можно что-то разобрать, но только не в соборе. Зато о Димитрии Васильевиче прихожане отзывались: «Поет читком, а читает скороговоркой».

Вдобавок в маленьких уездных городишках, чуть ли не больше, чем в областных, гордятся тем, что мы-де не кто-нибудь, а городские. Поэтому претензии какого-то деревенского батюшки учить, указывать на недостатки «городских» сами по себе казались обидными. А он продолжал вести свою линию.

— Прекратите хождение! — приказывал он, заметив, что псаломщики то и дело перебегают около горнего места с одной стороны алтаря на другую. В этом были повинны не только Жаров и Михаил Васильевич, а и другие певчие. Чтобы не сновать на виду у народа по амвону, они пользовались алтарем как коридором, по делу и без дела переходя с одного клироса на другой, или заходили в алтарь пить воду.

— Здесь вам не водопой! — возмущался отец Сергей. — Можно и потерпеть два-три часа. Терпят же ваши женщины. В крайнем случае приносите воду на клирос.

Кончалась вечерня. Отец Сергей вышел на амвон и начал читать последнюю молитву «Христе, Свете истинный...» Одновременно с этим на левом клиросе запели «Взбранной Воеводе». Так делали уже не раз, не считались с замечаниями, поэтому отец Сергей применил другой метод — остановился, дал клиросу допеть и снова начал «Христе, Свете истинный...» Поневоле пришлось и клиросу повторить «Взбранной». Как нарочно, Димитрий Васильевич собирался куда-то идти. Обычно в будни он ходил в потрепанной курточке с коротковатыми рукавами, придававшими ему вид длинного подростка, выросшего из своей одежды, а на этот раз был одет в парадный костюм, и около клироса его ждала жена. Было вдвойне неприятно, но препираться некогда, да и что скажешь? В глубине души приходилось сознаться, что отец Сергей прав, но недовольство его строгостью оставалось (С. 543—546).

* * *

Хотя отец Сергей и говорил, что псаломщики должны быть хозяевами на клиросе, но сам же признавал, как трудно стать там хозяином новичку Михаилу Васильевичу, а тем более Димитрию Васильевичу, которого певчие помнили еще мальчишкой, да и сейчас считали почти таким же. А на левом клиросе годами стояли солидные мужчины, по большей части члены церковного совета, привыкшие, чтобы с ними считались не только в церкви, но и в городе. Все они, правильно или

неправильно, считали себя знатоками церковного пения и Устава и незаменимыми украшениями хора...

Аборигенов левого клироса заинтересовал новый священник, избранный несмотря на то, что отказался приехать на пробу. Интерес был чисто профессиональный. Тогда, на собрании, говорили о разных его качествах, заставивших предпочесть его другим кандидатам. Многим понравились слова, которыми он обосновал свой отказ и которые в точности передал Василий Ефремович: «Я не цыган, чтобы меняться приходами, и не цыганская лошадь, чтобы меня “пробовали”. Я считаю, что обручился с церковью, к которой назначен, и не нахожу возможным переходить в другой приход без приказа епископа».

Все это хорошо, а все-таки как он служит?

Первое впечатление оказалось не в его пользу. После громкого, хотя и пропиетого баса его предшественника, рядом с мягким, сочным баритоном и внушительной фигурой Моченева, его голос показался слабым, а манера служить — слишком простой, не эффектной.

— Ничего особенного, — пожимали плечами представители общественного мнения.

Михаил Васильевич откровенно улыбнулся, когда отец Сергей, рассказывая, как его провожали в Острой Луке, упомянул о сожалениях некоторых прихожан: «Такого соловья больше не услышим!»

Подумаешь, соловей! Михаил Васильевич охотно признавал, что в молодости, когда отец Сергей только приехал на приход, голос его был значительно лучше и сильнее, но это было когда-то. Теперь человеку шел сорок пятый год, и по его рассказам видно, что ему пришлось много испытать, а тенор — такой нежный, капризный голос! Хорошо, что хоть частичка осталась!

Трудно показать свой голос и уметь, когда приходится только давать возгласы. Но вот однажды, в пятницу, когда у диакона был выходной, отец Сергей служил один. Служил так, как когда-то в селе, не подчиняясь хору, а ведя его за собой, даже сделал свой обычный переход с одного тона на другой, когда начинал ектению об оглашенных. Этот переход так любили в Острой Луке; кроме своей музыкальной красоты он пробуждал внимание молящихся, ослабленное однообразным ритмом предыдущих прошений, заострял его на новом и важном моменте. Но главное, что произвело впечатление на слушателей, было чтение Евангелия. Отец Сергей не одобрял излюбленную многими диаконами и чтецами Апостола манеру начинать на самых низких, едва доступных голосу нотах, причем в начале чтения слова сливались в сплошной, невнятный гул, а под конец из горла вылетали резкие, дребезжащие звуки. Он начинал своим обычным голосом и читал отчетливо, просто, без декламации, но как бы вкладывая каждое слово в уши и сердца слушателей. Постепенно и вполне естественно, без напряжения, голос его начинал повышаться и четко и свободно поднимался вверх, почти до самого своего предела.

Но так как отец Сергей хорошо знал этот предел и не доходил до него, может быть, на каких-то полтона, то казалось, что этого предела и нет и что, продолжай

он читать еще полчаса, его голос так и будет лететь ввысь, придавая особую лирическую прелесть произносимым им словам.

Любители церковных служб были покорены. «Вот это да!» — восхищенно произнес один из певчих, выражая этой короткой фразой чувство слушателей. Это было признание.

Когда отец Сергей еще только начал вставать на клирос, там к нему отнеслись со сдержанным недоверием — деревенский, что он понимает! Да он и не старался лезть вперед; он стоял, пел и прислушивался. И скоро убедился, что на клиросе достаточно неплохих голосов, есть и хорошие, но нет руководителя и потому нет хора. Начинать пение не умеют. Еще Михаил Васильевич в свою неделю может, как регент, задать правильный тон, и, оказывается, он неплохо знает гласовые напевы, а без него некому. Каждый запеваet самостоятельно, и если выйдет дружно, так выйдет, а не выйдет, победит тот, у кого сильнее легкие.

— Руководитель должен учитывать возможности каждого певца, — говорил отец Сергей дома семейным или новым знакомым, чаще всего тому же Михаилу Васильевичу. — Сам он должен вести мелодию, то есть теноровую или дискантовую партию. Если запеваet бас или альт, другим очень трудно попасть в тон, да иногда, как запевают здесь, и не по силам — слишком высоко или слишком низко. Вот у Дмитрия Васильевича вырабатывается прекрасный голос, но петь он не умеет, он не поет, а подпеваet (об этом, конечно, при посторонних не говорилось). А ведь у него альтище... запоет, унесется под небеса, а остальные справляйся кто как может.

Выждав момент, отец Сергей запевал сам. Сначала никто, кроме разве Михаила Васильевича, не заметил его вмешательства. Чувствовалось только, что на этот раз всем легко петь и хорошо получилось. Потом обратили внимание — деревенский-то, оказывается, кое-что понимает!

Наконец, однажды Михаил Васильевич тихонько назвал Херувимскую, которую собирался запеть, а отец Сергей так же тихо предложил: «А что, если спеть простую?»

Михаил Васильевич смущенно кашлянул, видно, не был уверен в себе, и ответил: «Может быть, вы запоете?»

«Простая» Херувимская понравилась и вошла в употребление.

Позже, когда в город уже вернулся епископ Павел, он однажды должен был служить в какой-то небольшой праздник среди недели. Многие певчие работали и не могли прийти. Тогда представители церковного совета явились к епископу и к отцу Сергию с просьбой — пусть отец Сергей не служит, а поет на правом клиросе басовую партию. При небольшом хоре он и это мог. «Я ведь партитурой пою», — шутил он по этому поводу.

Признание признанием, а борьба по разным поводам продолжалась — не такие люди стояли на левом клиросе, чтобы беспрекословно подчиняться кому бы то ни было. Правда, борьба эта, что ни дальше, становилась менее напряженной.

Великий пост. По городу разносится медленный, печальный звон. В церкви — такие же печальные и торжественные, пробуждающие душу покаянные напевы.

Еще не забытая прекрасная старинная манера делает то, что все голоса, не только певчих, но и священника и диакона, звучат как-то своеобразно, необычно музыкально, мягко, задушевно. Кажется, если бы человек много лет провел в темнице, так много, что потерял счет не только дням, но и временам года; если бы такой человек неожиданно всего на несколько секунд попал в церковь, он и тогда, услышав переливы одного слова «а-аминь» или первые нотки Херувимской, понял бы — сейчас Великий пост.

Продолжительные чтения тоже как-то по-особенному трогают сердце. Даже знакомые слова звучат совсем по-иному, а незнакомые иногда являются целым откровением. Конечно, если их хорошо можно разобрать. А если не разбираешь, сразу становится заметно, что читают очень долго, что в соборе страшный холод и мучительно мерзнут ноги. Хорошо еще, что немного людей и ноги можно укутать несколькими стегаными половичками, которые приносят и оставляют по углам заботливые старушки. А если этого нельзя, люди нетерпеливо топчутся и... уходят в Старый собор. Значит, вдвойне нужно отчетливое чтение, оно согревает не только душу, но и тело. А как его добиться?

На Масленицу служил [настоятель Александр] Моченев, первая неделя должна быть отца Сергия, но отец Александр объяснил ему, что принято первую и Страстную неделю служить настоятелю. Значит, отцу Сергию придется отслуживать подряд две недели — вторую и третью. Опять, как на Рождество и другие большие праздники, отец Сергей столкнулся еще с одним неудобством положения второго священника — он лишен возможности сам совершать службу в наиболее дорогие ему торжественные дни. Положим, Великий канон они читают по очереди, но это еще не все. Считается, что настоящая, полная служба должна быть только на первой неделе, а дальше можно дать себе поблажку. Особенно чтецы, которым тяжело достается Великим постом, норовят, где только удастся, сократить. Нельзя совсем выбросить кафизму, так прочитав вместо нее один псалом покороче, а то и всего несколько стихов. Да и петь, если возможно, поменьше.

Сначала отцу Сергию неудобно было настаивать, но скоро он возмутился и заявил, что если они — второй штат, это не значит, что служение их должно быть второго сорта. Да и люди, которые не смогли поговорить на первой неделе, имеют такое же право и так же хотят помолиться на любой другой. Постепенно, конечно, не в первый год, он добился, что на клиросе привыкли — нет второстепенных недель, служба всегда должна идти одинаково. Впрочем, уступки пришлось делать с обеих сторон. Скрепя сердце согласились, что на второй неделе, как и на первой, кафизмы будут вычитываться полностью, а на остальных по псалму на «славу». «Все равно ведь никто ничего не разбирает», — защищались чтецы.

Что «никто» и «ничего» — это неправда. А что мало, к сожалению, правда. Так нужно добиться, чтобы разбирали. И отец Сергий сам брался читать, брал то один, то другой темп, выходил то на середину, то поближе к клиросу, то дальше. Своих близких он просил тоже вставать то на одно, то на другое место, спрашивал, как слышно. Выяснилось, что нужно читать не нараспев, а старательно отде-

для каждое слово — так слышимость лучше. Но этого мало. Требовалось что-то еще (С. 555—559).

* * *

Если Самуиловы жалели о простом пении в обычное время, то тем более жалко его постом, и особенно на Страстной неделе. Когда пели «Волною морскою», хотелось плакать не от умиления, как обычно, а от разочарования, от досады.

— Что, если договориться с левым клиросом и на полунощнице под Пасху запеть ирмосы простым напевом? — предлагал Костя. (Каникулы совпадали с праздниками, и мальчики опять были дома.) — Один раз Михаил Васильевич спел по-своему, второй раз пусть будет по-нашему.

— Нельзя. Тут не один Михаил Васильевич, и среди народа многие привыкли к такому пению, — возразил отец Сергей. — Как нам хочется своих напевов, так им хочется своих. А впрочем, можно попытаться сделать так, чтобы ни им, ни нам не было обидно.

И он, придя вечером пораньше, договорился, что ирмосы «Волною морскою» будут петь по два раза — правый и левый клиросы. На левом это предложение приняли с удовольствием, каждому хотелось принять личное участие в праздничной службе. Но другое требование отца Сергия о том, чтобы не только пели ирмосы, но и читали канон, встретило возражение. Так никогда не делалось. Один из ведущих певчих, Бушев, обладавший красивым сильным баритоном и соответствующим апломбом, даже попробовал сделать по-своему. Едва правый клирос закончил первый ирмос, Бушев в свою очередь запел его. Отец Сергей моментально оказался на клиросе.

— Читайте канон! — распорядился он.

— Не успеем, — стоял на своем Бушев. — Крестный ход задержится. Не обойдем до двенадцати часов.

— Я не первый год служу, — возразил отец Сергей. — Сейчас только половина двенадцатого, как раз успеем. Читайте, или я сам возьмусь.

Бушев начал читать, а уж если начал, то постарался прочитать как только мог лучше. Трогательные слова тропарей, перемежающиеся с двумя напевами ирмосов, произвели сильное впечатление. Полунощница заняла то место, какое она и должна была занимать, — не торопливой вставки, сделанной ради того, чтобы успокоить истомившийся ожиданием народ, а неповторимо прекрасного вступления к праздничному ликованию пасхальной утрени. Крестный ход, разумеется, не задержался. Отец Александр даже постоял молча минуты две и сделал возглас только тогда, когда подтянулись отставшие и люди замерли в ожидании. С первым ударом колокола, выбивавшего полночь на пожарной каланче, священники запели «Христос воскрес», а последние удары были заглушены мощным пением нескольких тысяч голосов, повторяющих торжествующий гимн победившего христианства.

Недаром отец Сергей столько раз поминал о трудности великопостного и пасхального служения. Он давно еле перемогался, всю Пасху через силу ходил

с молебнами и даже вынужден был в одном доме попросить разрешения полежать (С. 565—567).

* * *

Служба еще не начиналась. Отец Александр разговаривал на левом клиросе с псаломщиками. Молящиеся подходили к небольшому столику, стоящему внизу около клироса, и клали на медный поднос просфоры, поминанья и деньги. Когда поднос заполнялся, сторож переносил все на другой столик около жертвенника. Деньги со звоном катились по клеенке, покрывавшей столик.

— Скоро ли вы уберете отсюда этот престол сатаны? — слышался голос отца Сергия. Он только что пришел и с ходу заговорил о том, о чем толковал уже не раз. Можно бы поставить там, внизу, кружку или весь столик перенести к свечному ящику. Незачем около престола Божия деньгами звенеть.

Отец Александр обыкновенно отмалчивался. Он не видел в этом обычае ничего дурного и не соглашался с отцом Сергием. К тому же сейчас он был серьезно озабочен другим.

— У нас тут события поважнее этого разворачиваются, — сказал он, здороваясь с сослуживцем. — Слышали новость? Диакон Маркин приехал.

По лицу отца Александра можно было прочесть, что эта новость не доставляла ему удовольствия. Отец Сергий тоже сразу помрачнел.

— Что он вам говорил? — спросил он.

— Ничего не говорил, хоть бы из приличия подошел поздороваться. Собрались около него наши воротилы за свечным ящиком, шепчутся.

— Значит, подкапываться приехал? На живое место лезет? — возмутился отец Сергий, а отец Александр добавил в тон ему:

— На живое место, несомненно, а что подкапываться, так еще вопрос — сам ли он приехал или его вызвали?

Новособорные прихожане не очень ценили своего диакона Медведева. И голос у него был не особенно хорош, и выпить не прочь, и об отношениях его с квартирной хозяйкой ходили темные слухи. Священники тоже не были им очарованы и были бы довольны, если бы архиерей заменил его более подходящим. Но именно архиерей, и именно более подходящим, а не Маркиным, и не таким незаконным и нечестным путем.

— О чем вы думаете? — встретил отец Сергий «воротил», подошедших к нему после обедни договориться о том, чтобы Маркин послужил с ним в будущую пятницу. — Кукушку на ястреба меняете? Что, у него голос громче медведевского? Не лучше, а только громче. А остальные-то недостатки у них одни, только у Маркина они крупнее; недаром его из Балакова выживают. А как вы набрались смелости без архиерейского разрешения, на живое место диакона приглашать, пробу устраивать?

— Да мы не пробу, — возразил председатель церковного совета Андрей Платонович. — Маркин сюда к родным приехал, а мы надумали — в пятницу Медведев будет отдыхать, так пусть этот послужит для торжественности.

— О торжественности беспокоитесь в будни, — усмехнулся отец Сергей. — Что вы, меня за малого ребенка считаете? Соберете в пятницу кто поскандальнее, покажете им Маркина, а потом поедете архиерея за горло брать. Не буду я с ним служить.

— Настоятель не возражает, — продолжал напирать Андрей Платонович. — Только с вами согласовать велел, потому что вы очередной.

— Настоятель с вами связываться не хочет, потому ко мне и послал. Если у Маркина совесть чиста, почему сам к настоятелю не подошел, не объяснил, что, мол, так и так, не могу трех дней не служа пробыть, разрешите. А он обходным путем, через адвокатов действует.

— Так если церковный совет желает! — повысил тон Андрей Платонович.

— Мало ли чего вы желаете! — вспыхнул и отец Сергей. — Ваше дело у ящика, там и распоряжайтесь, а в алтарь не лезьте, мы и без вас разберемся.

— Мы тоже имеем право каких нам хочется священнослужителей принимать, — настаивал председатель.

— Ваше право вам гражданская власть дала, там не вникают в наши церковные правила. А вы, как христиане, сами должны от этого права отступить или пользоваться им умеренно, подчиняя его власти епископа. Мое последнее слово — если Маркин придет и будет облачаться, я разоблачусь и уйду. Просите тогда настоятеля, пусть он служит, если вы уверяете, что он согласен.

Отношения испортились всерьез и надолго. Андрей Платонович был человек властный и не любил, когда ему противоречили (С. 584—586).

* * *

Хотя Федор Трофимович Медведев служил диаконом уже давно, никогда нельзя было быть уверенным, что он не допустит какой-либо досадной, а то и смешной ошибки.

До революции Федор Трофимович был купцом. У него были дом или два, и магазин в городе, и лавки в двух-трех ближайших больших селах. Кроме того, он обладал сильным, хотя и не очень благозвучным, басом и любил слушать голосистых диаконов. Он слушал их в разных городах, подражал им, и, когда пришло время, полученное как бы шутя умение помогло ему найти новое место в жизни.

Был он дубоват и добродушен, большой мастак выпить, из-за чего у него выходили неприятности и со священниками, и с церковным советом, и с отдельными прихожанами, не глуп и по-своему грубовато остроумен. У него существовали свои излюбленные словечки. Вместо «брандмауэр» он говорил «гранди мвра»; услышав о какой-нибудь судебной ошибке или несправедливости, сокрушенно и иронически замечал: «Фомаида!» (вместо Фемида).

Как-то в сумерки они с отцом Сергием возвращались после совершения требы. Со скамеечки, скрытой в тени дома, донесся насмешливый голос: «Поп! Поп!»

Федор Трофимович, продолжая идти своей ленивой, неуклюжей походкой, как бы нехотя, но достаточно громко добавил:

— Попа видно, а дурака слышно!

Но одно дело — остроумие, а другое — строгий, раз и навсегда установившийся порядок. Тут Медведев мог ошибаться самым изумительным образом.

— Опять отца диакона его муза подвела! — говорил Костя, рассказывая об очередной ошибке Федора Трофимовича.

Музу приходилось вспоминать из-за того, что сам виновник досадных ошибок имел обыкновение сваливать все на нее, свою музу: «У меня что-то сегодня музы не было, а то бы я разве так прочитал!»

Особенно часто, как бы упорно, ошибался он перед чтением Евангелия в словах: «Благослови, преосвященнейший владыко!» В этом месте муза Федора Трофимовича считала нужным добавлять слово «святой», и епископ Павел, услышав добавление, страдальчески морщился. Обычно он умел «не замечать» ошибок во время богослужения и, если считал нужным сказать что-то по поводу их, говорил после окончания службы, но это слово волновало его больше других. Там, где полагалось произносить «святой владыко», приходилось принимать этот эпитет, а лишний раз добавлять его — совсем другое дело. Об этом говорил Федору Трофимовичу и сам владыка, и Костя, и другие, а когда дело доходило до этих слов, диакон снова начинал колебаться. Стоя перед открытыми Царскими воротами у аналоя и уже прикоснувшись лбом к поставленному на аналоя Евангелию, он слегка поворачивал лицо вправо, к старшему иподиакону, и шепотом спрашивал:

— Говоришь, не нужно здесь «святой»?

— Не нужно, не нужно, отец диакон, просто «преосвященнейший владыко».

— А как же там написано: «Помяни нас, владыко святой»?

— Так это в начале литургии, а здесь не положено.

И все-таки, несмотря на все предупреждения и разъяснения вне службы и во время ее, Федор Трофимович частенько ошибался, и его муза вновь проталкивала на свет роковое слово.

С течением времени Костя приспособился в самый крайний, критический момент подсказывать ему кратко: «святой не надо». Иногда это помогало, а иногда Медведев все-таки провозглашал: «Благослови, преосвященнейший святой владыко!» А потом оправдывался: «Тут же есть “святой”. Вот, смотри: “Святой Иоанн Богослов”».

Наступал какой-нибудь большой праздник. Всем, прежде всего самому Федору Трофимовичу, так хотелось, чтобы все шло «благообразно и по чину». С особой важностью выступал он, собираясь говорить многолетие, а Костя опять подсказывал: «Отец диакон, “благоденственное и мирное”...» Но даже при этих предосторожностях случалось, что, отмахнувшись от надоевшего подсказчика, диакон провозглашал: «Благоденственное и всемирное житие!..»

После службы на него наседали с упреками, а он бубнил обиженно и убежденно: «Ведь всемирное-то больше!»

Он мог заняться чем-нибудь в алтаре как раз в то время, когда ему нужно было говорить ектению. Стоило тогда окликнуть его: «Отец диакон, малая ектения» —

он обязательно запутывался. Костя выходил из положения проще: «Отец диакон, паки и паки...» И Медведев, подхватив первые слова, величественно выплывал на амвон (С. 681—684).

* * *

Епископ Павел⁶ любил служить по небольшим праздникам или в дни памяти малоизвестных, но почему-либо чтимых им святых; теперь такие службы совершались чаще прежнего. Оба батюшки и их семьи тоже любили эти службы. Основным отличием их было то, что певчие правого хора, все где-то работавшие, не могли участвовать в них, пели любители левого во главе с духовенством. Михаил Васильевич, не имея под руками хора, следовательно, лишенный возможности управлять им, оказывался хорошим помощником для них. Особенно отличалось от обычного облачение архиерея. Отбрасывали крикливый концерт «Да возрадуется душа твоя...» и тихонько, не заглушая диакона, повторяли стихи на облачение, которые он произносил тоже негромко, но отчетливо, красивым низким голосом. Затем «Приидите поклонимся» так называемого архиерейского роспева. Этим напевом поют и духовенство, и хор. В строгую, благородную мелодию не вклиниваются чуждые ей модные рулады женских голосов. Мирно и плавно звучит у духовенства старинный напев, так же плавно и красиво подхватывается он певчими, опять духовенством, и органически переходит в не менее благородное, сдержанное «ис полла...» (С. 739).

⁶ Имеется в виду Павел (Петр Дмитриевич Флеринский), с 1924 епископ Пугачевский, викарий Уральской епархии; в 1931 был арестован (вместе с ним по делу проходил о. Константин Самуилов), приговорен к пяти годам лишения свободы.

На страницах «Отцовского креста» его образ полон света и величия. При совершенном бескорыстии, при большой мягкости в обращении с людьми епископ Павел мог быть и твердым:

Так получилось... со старособорным регентом Б. Е. Жуковым, надумавшим как-то со своим хором петь народные песни в клубе. Конечно, их разговор происходил с глазу на глаз, но один из посетителей, ожидавший очереди в крохотной кухоньке, невольно слышал этот разговор. По его определению, владыка, не повышая своего мягкого голоса и почти не меняя манеры говорить, пробрал виновного «до разделения души же и духа» (С. 674).

Заметим, что в Ярославле в то же время хор под управлением священника Василия Зиновьева предпринимал подобные выступления без всяких нареканий со стороны церковной власти.

МОНАСТЫРИ

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ БРАТСТВО

Появление многочисленных церковно-гражданских образований, преимущественно разного рода «братств», «сестричеств», «общин» и проч., — характернейшая черта послереволюционных полутора десятилетий. С одной стороны, их возникновение было связано с решениями Поместного Собора, по которым инициативе мирян предоставлялось гораздо более прав в церковной жизни, нежели это было ранее. С другой стороны — и это особенно важно, — Церковь, лишившаяся государственной поддержки, стала нуждаться во всесторонней опеке и защите ее членов и едва ли не каждый храм — в заботе о нем прихожан. С особой силой такой мотив начал звучать в годы изъятия церковных ценностей, которые надо было оборонять нередко и в прямом, буквальном смысле этого слова. Кроме же всего этого, для возникновения новых общностей имелись чисто религиозные, или религиозно-идеологические, мотивы, связанные с потребностью в обновлении церковной жизни в целом.

«Братства» и «сестричества» многократно упоминаются в приведенной выше Хронике, на страницах многих мемуаров и документов. Обычно в деятельность братств входило благоустройство храмов и собственно богослужения. Такая потребность чаще реализовалась в приглашении к службе в данном храме талантливых диаконов, регентов, хоров, нередко также священства и проповедников. Но в других случаях члены общины сами создавали хоры и выдвигали из своей среды регентов, псаломщиков и проч. Примеры такого рода читатель найдет в целом ряде печатающихся в томе воспоминаний, хотя бы в воспоминаниях Н. М. Любимова о любительских хорах в Перемышле Калужской губернии, священника Анатолия Правдолюбова о любительских хорах Касимова Рязанской губернии. Эти хоры исполняли нередко сложный, богатый репертуар; для них создавались и новые композиции.

Но существовала другая тенденция, другое понятие о церковном благолепии, характерное для общин высокой, сосредоточенной духовной жизни. Таковой была, например, ныне широко известная община храма св. Николая в Кленниках (на Маросейке в Москве) — так называемая мечёвская: там пели и регентовали только прихожане, строго по Обиходу и по монастырским роспевам; совершенно не признавалось «партесное» пение (см. в Хронике). В расположенном неподалеку древнем храме Троицы в Никитниках создалась под руководством ревнителя уставной службы протоиерея Сергия Голощапова небольшая молодая община, о которой впоследствии ее участники вспоминали: некоторые из членов «взялись помогать в хозяйственных делах, а другие стали на клирос, чтобы осваивать цер-

ковное пение. <...> Хотя руководителя у нас не было, но мы все-таки не утонули и даже кое-чему научились, имея в руках ценнейшие сборники обиходных распевов синодального издания (на квадратной ноте). Самое дорогое для нас было то, что мы вошли в строй уставной церковной службы с ее божественно мудрой красотой» (см. в Хронике).

Случалось также, что участниками и создателями хоров, служителями при храмах становилось монашество ближних закрытых монастырей, и тогда в храмовом пении поддерживались монастырские традиции.

Любительские хоры (как и профессиональные), при всех испытаниях 30-х годов, иной раз выживали и сохранялись (в незакрытых, конечно, храмах), но активно действующие религиозные общины, с их просветительской, благотворительной, воспитательной деятельностью, подвергались беспощадному уничтожению, и к началу 30-х с ними — по крайней мере, с их сколько-нибудь открытым существованием — было покончено. Наиболее стойкой из таких общин, продолжившей свою жизнь — пусть в неявных, «потаенных» формах — в последующую эпоху, явилось (наряду с «мечёвской» общиной) петербургское Александро-Невское братство. О нем сейчас существует интересная литература, некоторые члены братства оставили свои воспоминания. Для нас важно то, что в этом братстве очень большое внимание уделялось как уставной службе, так и уставному пению. Это было связано не только с идеологическими мотивами «очищения» церковной жизни, но и с высоким уровнем образования, в том числе эстетического образования, его создателей и руководителей, в особенности епископа Ладожского Иннокентия (Тихонова).

Об этом идет речь в приводящихся в качестве вступления фрагментах замечательного исследования М. В. Шкаровского об истории и судьбе Александро-Невского братства. Далее следуют фрагменты из мемуаров его членов, доживших до наших дней, — регента одного из братских хоров Л. А. Дмитриевой-Мейер, псаломщика и участника братского хора К. Н. Вендланда (впоследствии митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна), еще одного, тогда совсем юного, хориста А. Н. Хархарова (впоследствии архиепископа Ярославского и Ростовского Михея), а также фрагменты из писем руководителей братства — епископа Иннокентия (Тихонова), архимандрита Гурия (Егорова; в конце жизни — митрополита Симферопольского) и преподобномученика архимандрита Льва (Егорова).

Автор этих строк имел счастье знать лично двоих из мемуаристов и может свидетельствовать, что они пронесли заветы Братства, в том числе певческие заветы, до конца своей долгой жизни. Конечно, архимандрит Гурий, К. Н. Вендланд, А. Н. Хархаров, выйдя на открытое служение после войны и проходя монашеское послушание в разных местностях и даже в разных странах, не всегда могли — и чаще вообще не могли — создавать и поддерживать там то пение, которое культивировалось в Братстве. Но они могли — и постоянно делали это — напоминать окружающим о высоких идеалах своей молодости и воплощать их там, где это было хоть в какой-то мере возможно. Знаменательно также, что издание большой, прекрасно иллюстрированной книги о Братстве, в которой приводится множество подлинных документов, осуществлено сыном одной из «братчиц», профессором Петербургского университета Сергеем Зегждой.

*Михаил Шкаровский***АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ БРАТСТВО (1918—1932)***

Складывание братства из мирян и монахов при главной обители Северо-Запада России — Александро-Невской Лавре происходило в течение первых полутора лет после Октябрьской революции. В это время трижды появлялись объединения верующих, на основе которых 1 февраля 1919 возникло единое Александро-Невское братство, ставшее заметным явлением всей церковной жизни Северной столицы в 1920-е — начале 1930-х годов. Непосредственной причиной начала создания братства стала попытка захвата Лавры в январе 1918.

21 января после совершения молебствия в обители во время общегородского крестного хода в защиту Церкви было открыто «Братство по защите святынь Александро-Невской Лавры». Первоначально оно создавалось прежде всего для укрепления защиты монастыря от конфискации властями. <...>

8 марта 1918 возникла <...> организация, на основе которой через год окончательно сложилось Александро-Невское братство. Это был созданный при Лавре молодежный кружок, включавший в себя монахов и мирян обоего пола. Уже в январе 1918 в государственных школах, несмотря на протесты многих родителей, прекратилось преподавание Закона Божия, и лаврские монахи стали уделять большое внимание работе с молодежью и детьми, стремясь воспитать их в православном духе. Создали и возглавили кружок три молодых иеромонаха, каждый из которых в дальнейшем стал известным церковным деятелем, — Иннокентий (Тихонов) и братья Гурий и Лев (Егоровы). Будущие руководители братства были очень близки по духу. Их сближала строгость канонических взглядов, неуклонное следование учению святых отцов в сочетании со стремлением не оставаться в стороне от общественных проблем и нужд. Живым руководством по спасению для единомысленных друг другу монахов были слова апостола Иакова: «Вера без дел мертва» (Иак. 2:26). <...>

После своего окончательного оформления Александро-Невское братство стало быстро расти и в начале 1920 достигло численности 70—100 человек. Прежде всего, это было объединение людей, ревнующих о высших подвигах христианского благочестия. При этом деятельность братства отличалась удивительным многообразием. Крестовая Успенская церковь [Лавры] находилась при покоях митрополита и представляла собой прямоугольный зал, вмещавший около 1000 человек. Пост заведующего давал возможность о. Гурию вести самостоятельную работу с мирянами, которые представляли самые разные слои населения. В состав обра-

* Текст с сайта Славянского молодежного союза: <http://anbratstvo.ru/content/slavyanskiy-molodezhnyy-soyuz>.

Используются комментарии М. В. Шкаровского; комментарии составителя даются курсивом.

зованного братства вошли мещане, рабочие, ломовые извозчики, но также и в заметном количестве представители различных кругов интеллигенции, в том числе профессора петроградских вузов. Среди тех, кто принимал активное участие в организации братства, были: старший брат иеромонахов Гурия и Льва — профессор технологического института Николай Михайлович Егоров, заведующий Богословско-пастырского училища и член Миссионерского епархиального совета Иван Павлович Щербов, крупный знаток канонического права Леонид Дмитриевич Аксенов, с 1919 певший в братском хоре. Принимались в братство «все желающие, уяснив, что они преданные религии люди»¹.

Основой духовной жизни членов Александро-Невского братства были богослужения, проходившие в основном в Крестовой церкви, часто при участии митрополита Вениамина [Казанского], что укрепляло и воодушевляло всех присутствующих. Эти моления включали и ночные службы, полюбившиеся братьячикам. Службы длились дольше, чем в приходских храмах, совершались истово, с точным соблюдением устава. Практиковалось строго уставное чтение и общенародное пение. У братства были и два собственных хора, которыми руководили иеромонахи Иннокентий и Гурий. Богослужения совершались ежедневно, литургия начиналась в 7 часов утра и заканчивалась в половине девятого. После службы устраивались общие трапезы².

Отец Иннокентий был специалистом по литургике и церковной археологии, прекрасным знатоком устава и старинных знаменных роспевов. Именно по его инициативе был введен братский порядок службы, заключавшийся в максимальном приближении к уставу, что противоречило общепринятому тогда обычаю. Кандидатская диссертация о. Иннокентия была посвящена древнерусским церковным облачениям, и иеромонах собственноручно изготовил полный комплект такого облачения, в котором иногда служил. На допросе в ГПУ 15 августа 1922 он говорил: «Братство при Александро-Невской Лавре состоит из богомольцев при Крестовой церкви, которая всегда стояла несколько особняком среди церквей Лавры. Крестовая церковь была предоставлена нам митрополитом Вениамином в начале 1919, и мы устроили в ней строго уставные службы с сознательно исполняемым чтением и пением по старинным напевам»³. <...>

В начале 1922 работа петербургских братств продолжала приобретать все больший размах. В частности, они активно включились в помощь голодающим. С 12 марта о. Лев стал заведовать питательным пунктом при Александро-Невской Лавре. Примерно тогда же руководитель Спасского братства иеромонах Мануил [Лемешевский] устроил столовую для голодающих, в которой выдавалось

¹ См.: Антонов В. В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. Вып. 15. М.; СПб., 1993. С. 426; Филимонов В. П. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб., 2001. С. 294—295.

² Антонов В. В. Указ. соч. С. 426; Филимонов В. П. Указ. соч. С. 295.

³ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-88399. Т. 2. Л. 501.

70—100 обедов ежедневно, и т. д. Подобная деятельность вызывала все большее раздражение властей. Так, 26 апреля в опубликованной в газете «Известия» статье Сурожского говорилось: «В Петрограде свирепствует какая-то эпидемия братств, духовных кружков, подготовительных религиозно-схоластических школ. Духовенство обрабатывает этим путем молодежь». Чувствовалось, что надвигаются широкомасштабные гонения и репрессии, которые вскоре и последовали⁴.

1922 год стал переломным в судьбе Александро-Невского братства. Как и над многими другими церковными организациями и обществами, над ним нависла угроза полного уничтожения, и только верность истине Христовой и личное мужество его членов позволили братству выстоять и продолжить свою деятельность. <...>

Дело братств стало вторым тяжелым ударом по жизни Петроградской епархии после процесса над митрополитом Вениамином и его сподвижниками⁵. Последствия этой репрессивной акции и общего изменения ситуации в Церкви оказались очень тяжелыми. Большинство братств прекратило свое существование. А немногие оставшиеся уже не могли действовать открыто и были вынуждены перейти на полуподпольные формы работы. <...> Уже значительно позднее — через 9 лет, на допросе 28 февраля 1932 г. Варлаам (Сацердотский) так говорил о событиях 1922—1923 (в изложении следователя):

Мое участие в руководстве... «Александро-Невским братством» заключалось в том, что я после ареста о. Гурия и Льва Егоровых, а также Иннокентия Тихонова осуществлял руководство «братством» до своего ареста, последовавшего в начале 1924. Деятельность «братства» заключалась в: 1) организации церковной строго уставной службы; 2) организации хора; 3) организации занятий по Закону Божию с детьми; 4) организации богослужебного воспитания юношества и собраний, на которых ставилась читка евангелий и писаний святых с последующим толкованием... Конечной целью членов руководимого мною «братства» было духовное самоусовершенствование путем полной преданности церкви. Наиболее религиозно настроенные члены «братства» организовывали монашеские общежития, целью которых было подготовить себя и жить иноческой жизнью, оставаясь в миру. К таким общежитиям монашеского типа относятся общежития на Конной, д. 8, и в Петергофе, где предполагалось открыть монашеское подворье. Правила жизни в общежитиях сводились к: 1) совместной молитве, 2) общей коммунальной жизни и 3) воздержанию от общения с миром⁶.

Действительно, осенью 1922 в жизни Александро-Невского братства произошло очень важное, этапное событие — были созданы две общины сестер — в Петрограде и Петергофе. Первую из них образовали наиболее близкие к отцу

⁴ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-88399. Т. 2. Л. 155; Известия. 1922. 26 апреля.

⁵ См. об этом процессе подробнее в материале, посвященном С. М. Ляпунову.

⁶ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-68567. Т. 2. Л. 24—25.

Гурию его духовные дочери и родственницы. Арестованный архимандрит смог передать им свое благословение на осуществление давно задуманного намерения. После этого освобожденные в августе из ДПЗ Вера Киселева и Евгения Миллер, а также тетя отцов Гурия и Льва Мария Карловна Шмидт и ее племянница Ольга Костецкая сняли для совместного проживания предоставленную им управдомом — членом Александро-Невского братства большую квартиру по адресу: Конная ул., 8—22, вблизи Старо-Невского проспекта. Первоначально старшей сестрой общины была дочь городского главы Кишинева монахиня Мария (Шмидт). Она два года обучалась на Высших Бестужевских женских курсах, до 1921 работала в Петрограде учительницей, а затем приняла монашеский постриг. Но в начале 1923 Марии Карловне пришлось оставить общину и «город на Неве». С марта 1923 по апрель 1925 она проживала в ссылке близ г. Полторацка (Ашхабада) в Туркмении вместе с архимандритом Гурием. Старшей сестрой и заведующей хозяйством общины стала Ольга Костецкая, которая в то время училась в Богословском институте⁷.

В дальнейшем численный состав общины значительно вырос — до 8—10 человек, пополнялся он в основном за счет активных членов Александро-Невского братства. Так, например, в 1923 в квартиру на Конной пришла жить молодая учительница Анастасия Яковлевна Аристова, а в 1924 — выпускница Петроградского Богословского института, дочь известного религиозного философа А. А. Мейера Лидия Александровна Мейер и молодая служащая Гостиного Двора Александра Сергеевна Борисова. Согласно показаниям последней на допросе 27 февраля 1932 правила, по которым жили сестры, были выработаны о. Гурием, а затем дополнены и расширены членами общины при активном участии и под руководством о. Варлаама. Составленные архимандритом Гурием незадолго до его ареста 1 июня 1922 первоначальные правила внутренней жизни общины были близки к монастырскому уставу и предусматривали «общность имущества, общую кассу, общий стол, общую молитву, обязательное посещение церкви, обязательное воздержание от посещений кино и театров, воздержание от употребления мяса и спиртных напитков, строгое соблюдение постов, воздержание от общественной работы, которая направлена к разрушению религии». <...> Сестры не принимали монашеский постриг и не устранились полностью от светской жизни, как правило продолжая работать в различных медицинских и хозяйственных организациях. Община на Конной стала первым и достаточно успешным опытом осуществления намерений о. Гурия по созданию полулегальных «монастырей в миру».

Вторая община сестер была создана при церкви св. прп. Серафима Саровского Серафимо-Дивеевского подворья в Старом Петергофе. <...>

В Петрограде успешную борьбу за Церковь возглавил епископ Мануил (Лемешевский), но советские власти в очередной раз пришли на помощь обновленцам. В ночь со 2 на 3 февраля 1924 в городе на Неве, по указанию выехавшего туда

⁷ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-81782. Т. 1. Л. 313—314; Т. 4. Л. 334—335.

начальника «церковного» отдела ГПУ Е. Тучкова, были арестованы несколько десятков человек — сам епископ Мануил и его ближайшие помощники в борьбе с обновленчеством. Им приписывалось участие в тайной антисоветской организации. Обвинительное заключение было составлено на 42 человека, в том числе настоятелей ряда ленинградских храмов, монашествующих, активистов приходских советов Сергиевского собора и Вознесенской церкви, а также руководителей еще существовавших или уже прекративших существование братств⁸. <...> В современной церковно-исторической литературе дело епископа Мануила даже называют делом «о православных братствах». Это не вполне справедливо, хотя значительная доля истины в подобном утверждении есть. В обвинительном заключении говорилось, что с приездом владыки деятельность братств оживилась и они стали активно поддерживать епископа в борьбе с обновленчеством за «Истинно-Православную Церковь», прежде всего распространяя «листовки, слухи, брошюры, воззвания». <...> В целом же дело епископа Мануила и его сподвижников стало третьим тяжелым ударом по православным братствам Северной столицы после репрессий лета 1922 и начала 1923. В результате арестов февраля 1924 было разгромлено и перестало существовать насчитывавшее в это время 50 человек Спасское братство, а также остатки некоторых других — Вознесенского, Екатерининского и Введенского братств. Смогло выстоять и сохранить свое ядро единственное Александро-Невское братство, хотя и ему пришлось очень нелегко. К счастью, уцелела от закрытия или захвата обновленцами Троицкая церковь Творожковского подворья, в которой братчики проводили свои службы и пел их хор. После ареста о. Варлаама духовных руководителей братства на свободе не осталось, и в качестве руководящего органа был образован «совет братства» из наиболее авторитетных мирян. <...>

Основным храмом Александро-Невского братства в 1925 осталась Троицкая церковь Творожковского подворья. Там продолжал служить архиепископ Гавриил (Воеводин), и было решено сохранить братский чин богослужения. Так возник второй хор Александро-Невского братства. Он состоял в основном из так называемых пекинских девушек, возглавляемых Анной Ивановной Кошкиной или, по-другому, Нюрой Пекинской — женой выпускника Богословско-пастырского училища, будущего священника Александра Кошкина. <...> Регентом нового хора стала Вера Николаевна Киселева, которая в то время продолжала жить в расположенной неподалеку общине сестер на Конной ул. <...>

Последним из основателей Александро-Невского братства — уже в начале июня 1925 — в Ленинград вернулся архимандрит Гурий (Егоров). Его ссылка в Туркестан оказалась самой продолжительной. После возвращения о. Гурий был назначен настоятелем Киновии Александро-Невской Лавры. К этому времени одна церковь

⁸ Там же. Д. П-82582. Т. 1. Л. 2—3; см.: *Регельсон Л. Л.* Трагедия Русской Церкви 1917—1945. Париж, 1977. С. 351; *Картычева Л. А.* Новомученик протоиерей Владимир Лозина-Лозинский // С.-Петербургские ведомости. Вып. 21—22. 2000. С. 81.

Киновии — домовая Михаила Архангела при покаях митрополита — была уже закрыта. Но продолжали действовать в качестве приходских еще две — большая каменная Пресвятой Троицы и маленькая деревянная Всех Святых, которые обслуживали иеромонах Иосиф и архимандрит Игнатий. Архимандрит Гурий постепенно сделал Киновию еще одним — третьим центром братской жизни.

Но начавшаяся активизация деятельности Александро-Невского братства была временно приостановлена новым арестом епископа Иннокентия 18 декабря 1925. <...>

На 1926—1928 пришелся новый, относительно благоприятный период существования братства. Конечно, его жизнь и деятельность официально оставалась нелегальной, но в то же время прямо не преследовалась. Несмотря на арест и ссылку епископа Иннокентия, Александро-Невское братство по-прежнему возглавляли три находившихся между собой в тесном духовном общении и единстве руководителя — отцы Гурий и Лев (Егоровы) и о. Варлаам (Сацердотский). Последний в 1926 вновь вернулся в Ленинград и стал служить в Троицкой церкви Творожковского подворья, а вскоре был возведен в сан архимандрита. Отца Льва примерно в это же время назначили настоятелем одного из крупнейших соборов Северной столицы храма Феодоровской иконы Божией Матери в память 300-летия царствования Дома Романовых на Миргородской ул. Постепенно туда перешла часть членов братства и в 1930 два братских хора. О. Лев также был возведен в сан архимандрита и стал исполнять обязанности благочинного, преподавателя и члена педагогического совета Богословско-пастырского училища.

Но главную роль в руководстве братством играл архимандрит Гурий. Весной 1926 он был назначен заведующим Богословско-пастырским училищем и благочинным монастырей Ленинградской епархии, расположенных за пределами города. При этом о. Гурий окормлял общину сестер на Конной ул., руководил мужским монашеским кружком, в основном состоявшим из членов братства, и создал третий братский хор при храмах Киновии, где он служил настоятелем. Регентовала этим хором упоминавшаяся дочь философа А. А. Мейера Лидия Александровна Мейер, певчими же были духовные дети о. Гурия — А. Борисова, З. Денисова, М. Богданова, В. Помылева, А. Грацианова, П. Дмитриев, И. Орлов, А. Хархаров (будущий архимандрит [впоследствии архиепископ] Михей), Л. Поляков (впоследствии митрополит Леонид), К. Вендланд (будущий митрополит Иоанн) и другие. <...>

Руководители Александро-Невского братства, видя нарастающий процесс уничтожения существующих обителей, с еще большей активностью стремились подготовить к принятию пострига молодых образованных людей. Не оставил о. Гурий и своего намерения основать помимо двух женских полупулегалную мужскую монашескую общину. В конце концов, этот план не осуществился, хотя одно время даже подыскивалась подходящая дача в окрестностях Ленинграда для размещения там общины. Однако не менее 9 молодых людей, так или иначе связанных с Александро-Невским братством, в конце 1920-х — начале 1930-х приняли монашеский постриг в мантию. Еще несколько человек, имевших такое намере-

ние, из-за арестов или по другим причинам не смогли этого сделать. <...> Первым — в начале января 1928 — был пострижен в монахи с именем Сергей сын профессора консерватории, известного композитора С. М. Ляпунова Борис Сергеевич Ляпунов. Он окончил гимназию и до 1918 учился в Петроградском университете, затем по мобилизации служил в Красной армии, заведующим библиотекой Кавказского полка. Демобилизовавшись в 1921, Борис продолжил учебу в университете и одновременно работал в Библиотеке Академии наук. В 1921—1922 он также читал и пел в хоре консерваторской церкви, старостой которой был его отец. В 1925 Ляпунова в ходе чистки исключили из университета, и он перешел учиться в Библиотечный институт, продолжая работать в Академии наук. Вскоре после принятия пострига юноша был рукоположен во иеродиакона и иеромонаха, начал служить в храмах Лаврской Киновии, являясь ближайшим помощником о. Гурия. После ареста архимандрита в декабре 1928 иеромонах Сергей занял место настоятеля киновийских церквей и фактически стал одним из руководителей братства. <...>

24 декабря 1928 архимандрит Гурий был арестован по делу религиозно-философского общества «Воскресение». Возглавлял это общество философ Александр Александрович Мейер, а среди членов были известные ученые — литературовед М. М. Бахтин, краевед Н. П. Анциферов, востоковед А. П. Алявдин и др. Архимандрит Гурий познакомился с Мейером в 1922, в дальнейшем их контакты стали довольно частыми, так как Александр Александрович до июня 1927 входил в педагогический совет Богословско-пастырского училища и преподавал в нем апологетику. Впрочем, с 1926 архимандрит перестал посещать собрания общества... <...>

В протоколе своего первого допроса — 26 декабря 1928 архимандрит Гурий в графе «Политические убеждения» написал: «Не согласен с религиозной политической коммунистической партии», но затем рассказал об окормляемой им общине сестер на Конной ул. Серьезных последствий в тот момент это не имело. Из сестер по делу «Воскресения» была арестована лишь монахиня Мария (Шмидт). Ее взяли под стражу 9 января 1929, а единственный допрос состоялся на следующий день. Мать Мария не стала отрицать существование общины. 19 января органы следствия приняли решение о выделении ее дела в самостоятельное производство, так как она не являлась членом «нелегальной антисоветской организации “Воскресение”», а была «руководительницей самостоятельной нелегальной группы женщин, создавшей на частной квартире монастырь»⁹.

Мать Мария была вскоре освобождена и вернулась на Конную ул. В тот период ОГПУ не проявило особого интереса к общине сестер, и она смогла относительно спокойно просуществовать еще около трех лет. О. Гурия, напротив, ждал суровый приговор. У него при обыске нашли различные церковные документы самиздата — «Послание Соловецких пастырей» 1927 года и др. Кроме того, архи-

⁹ АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-71897. Т. 4. Л. 332—334.

мандрит в глазах органов следствия был опасным преступником-рецидивистом, в третий раз арестованным по обвинению в антисоветской деятельности и агитации. В результате 22 июля 1929. Коллегия ОГПУ приговорила о. Гурия к 5 годам лагерей, он был отправлен в Беломоро-Балтийский лагерь на строительство канала и вернулся жить в Ленинград только через 30 лет — в конце 1950-х уже в сане митрополита. <...>

...Одним из центров братства продолжала оставаться Лаврская Киновия. После ареста архимандрита Гурия — с декабря 1928 настоятелем ее храмов был молодой ревностный иеромонах Сергей (Ляпунов), который постепенно начал играть все более заметную роль. Некоторые арестованные в 1932 по делу Александро-Невского братства, в частности архиепископ Гавриил (Воеводин), даже включали его в число братских «руководителей и идеологов». В середине февраля 1931 деревянная церковь Всех Святых была закрыта, но главный каменный храм Киновии Пресвятой Троицы продолжал действовать, и в нем по-прежнему пел один из трех братских хоров под управлением Лидии Мейер. На допросе 12 марта 1932 она показала:

В Киновии я служу регентом бесплатно и пела до ареста «сестер» вместе с ними. Из своих знакомых по братству назвать никого не хочу. Сама я занималась частными уроками музыки с детьми, но религиозной пропаганды вести возможности не представлялось. С Гурием Егоровым я нахожусь в постоянной переписке, хотя в последние месяцы получала от него ответы очень редко. О подпольной деятельности братства показать ничего не могу, так как постоянно бываю только в Киновии. Бывала я в Петергофе у «сестер», где кроме меня бывала Соколова Зинаида. О других показаниях давать отказываюсь.

До 1930 внештатным псаломщиком киновийского храма служил будущий митрополит Иоанн (Вендланд), и за эти свои труды он был посвящен последним наместником Лавры епископом Амвросием (Либиным) во чтеца. <...>

Главным же центром братства с апреля 1930 по февраль 1932 являлся собор Феодоровской иконы Божией Матери, ранее бывший при подворье Феодоровского мужского монастыря Нижегородской епархии. Поэтому в храме и в начале 1930-х еще продолжало служить несколько монахов Феодоровского монастыря. Но настоятелем, как уже указывалось, был отец Лев, по свидетельству А. Краснова-Левитина «один из лучших представителей петербургского ученого монашества»:

Весь церковный Питер тогда знал братьев Егоровых... Из трех братьев я больше всего любил отца Льва, он остался у меня в памяти как образец церковного администратора. Он удивительно соединял исконную православную традицию с широкой культурой и тонким интеллектом. Это отражалось на всей жизни обители (т. е. подворья). Строгая уставность богослужения и постоянные проповеди. Строгий порядок, никакой давки, никакой толкотни, и наряду с этим никакой суровости, никаких строгостей. Монахи его уважали, но не боялись. Он любил молодежь и умел ее привлекать. В обители мирно уживались малограмотные старички — иеромона-

хи, оставшиеся от Ипатьевского монастыря, и монахи-интеллектуалы, привлеченные отцом Львом¹⁰. <...>

Полная трагизма и жертвенного служения Всевышнему история братства завершилась в начале 1932. Его судьба была predeterminedена развернутой кампанией массовых арестов священнослужителей и, прежде всего, монашествующих. Уже в январе некоторых монахинь, в том числе Марию (Шмидт) и Евгению (Миллер), арестовали и выслали из Ленинграда в Сибирь. Но это было только начало. Главный удар по еще проживавшим в городе монахам органы ОГПУ нанесли в так называемую святую ночь с 17 на 18 февраля 1932. Общее количество арестованных в эту ночь составляло около 500 человек, в том числе более 40 членов Александро-Невского братства. Но даже такая массовая акция не смогла охватить всех монашествующих Ленинграда. В течение двух последующих месяцев агенты ОГПУ выявляли уцелевших монахов и представителей белого духовенства и мирян, связанных с братством или монастырями, арестовав еще около 200 человек.

Историк А. Краснов-Левитин сохранил драгоценные воспоминания об одной из последних служб в главном храме братства:

Я помню день 11 февраля 1932. Воскресенье. Я был у обедни в верхнем храме Федоровского собора. Литургию совершил настоятель архимандрит Лев. Это была Неделя о мытаре Закхее. И после литургии отец Лев говорил на тему воскресного Евангелия. Рассказав о Закхее, влезшем на дерево, чтобы увидеть Христа, архимандрит сказал: «И мы, чтобы видеть Христа, взбираемся на высокое дерево, терпим многие лишения и несчастья. Чтобы видеть Христа, мы терпим многие муки...» А через несколько дней, 18 февраля, всю братию Федоровского собора арестовали. Из них, кроме Серафима Гаврилова, не вернулся никто. Все погибли в лагерях — взобрались на высокое дерево, откуда виден Христос!¹¹ <...>

До недавнего времени оставалась неизвестной подлинная судьба архимандрита Льва (Егорова). Как и в отношении архимандрита Варлаама, органы госбезопасности сообщили родственникам ложную информацию о смерти о. Льва 25 января 1942 в лагере пос. Осинники Кемеровской области от несчастного случая на шахте. Эти сведения попали во все опубликованные в 1990-е биографические справки. Однако на самом деле архимандрит был взят под стражу 2 сентября 1937 в Ахпунском отделении Сиблага (ст. Ахпун Таштагольского района Кемеровской обл.), 13 сентября приговорен Тройкой Управления НКВД Западно-Сибирского края к высшей мере наказания и 20 сентября расстрелян. О. Вениамин (Эссен) отбывал срок в Темниковском лагере (Мордовия), где работал сотрудником санитарного отряда. Там он был взят под стражу, осужден и 4 мая 1938 расстрелян.

¹⁰ Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы. Париж, 1977. С. 206.

¹¹ Краснов-Левитин А. Э. Указ. соч. С. 207—208.

Иеромонах Сергей (Ляпунов) также отбывал десятилетний срок в Темниковском лагере, где и умер от болезни. Н. Мещерский писал в воспоминаниях: «Он скончался к концу 1936, умер он от туберкулеза. Он был необыкновенно красив, высокого духа, талантлив во многих отношениях. Его основные интересы — церковная история. Здоровье у него было слабое, хотя он был спортсменом»¹². Еще 30 марта 1933 скончался на реке Или от приступа астмы отправленный на 3 года в казахстанскую ссылку иеродиакон Нектарий (Панин).

Некоторые братские отцы выжили в заключении и даже вышли на свободу, но вскоре погибли или умерли от болезней. <...>

Отец Гурий единственный из руководителей братства не погиб в период «большого террора» и после освобождения из Беломоро-Балтийского лагеря в 1933 продолжал окормлять часть бывших братчиков и братиц. Выйдя в июле на свободу, архимандрит на короткий срок посетил Ленинград (где ему прожить не разрешили) и благословил брак его духовной дочери Лидии Мейер со старым членом братства Петром Васильевичем Дмитриевым. Понимая, что избежать нового ареста можно, только живя вдалеке от центра, архимандрит в августе поселился в г. Бийске на Алтае, а в декабре 1933 переехал в Ташкент. Там он проживал на покое по благословию местного архиерея митрополита Арсения (Стадницкого), работал бухгалтером и служил келейно.

Уже вскоре к о. Гурию переехали из Ленинграда некоторые бывшие члены братства, а затем к ним присоединились отбывшие срок заключения в Карагандинском лагере или ссылку в Казахстане сестры из общин на Конной ул. и в Петергофе. Так постепенно вокруг архимандрита сложилась небольшая община его духовных детей, продолжавшая многие традиции Александро-Невского братства. Первыми из Ленинграда в Ташкент переехали молодой геолог Константин Николаевич Вендланд и его сестры Елизавета и Евгения. Затем при о. Гурии поселились монахиня Мария (Шмидт), Нина Яковлева, Анастасия Заспелова, Александра Борисова, Мария Маракушина, Клавдия Степанова и некоторые другие сестры.

В 1938 архимандрит переехал жить в пригород Ферганы Беш-Бала, с ним вместе переселилось большинство членов общины. Правда, некоторые — М. Маракушина, А. Борисова, монахиня Мария (Шмидт) и иеромонах Иоанн [Вендланд] — остались в Ташкенте. Но Фергану в качестве места проживания выбрали другие недав-

¹² Мещерский Н. А. На старости я сызнава живу, прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С. 36.

В более поздней работе М. В. Шкаровского («Репрессии православного духовенства Ленинграда и области в 1930-е годы». СПб., 2010) приводятся фрагменты из допроса иеромонаха Сергея Ляпунова 29 февраля 1932:

Деятельность моя носила характер чисто религиозный, и потому назвать имен своих знакомых не могу, так как считаю это противным моей совести. Дополнительно могу сказать, что в церкви, в Евангелии есть законы, которые выше законов государственных. Эти Божьи законы в некоторых случаях оправдывают неподчинение государственной власти, и в частности в данном случае советской в лице ОГПУ (С. 36).

но освободившиеся из мест заключения бывшие члены братства — Вера Киселева, Ольга Костецкая и Зинаида Денисова. В конце 1938 из Ленинграда в Фергану переехал Александр Хархаров. Таким образом, община продолжила свое существование на новом месте. В июле 1939 о. Гурий ездил в Новгород и проводил в последний путь о. Варсонофия.

С началом Великой Отечественной войны некоторые члены общины были мобилизованы в армию — Елизавета Вендланд, А. Хархаров; ряд других скончались от заболеваний — З. Денисова, К. Степанова, Евгения Вендланд. Число духовных детей вблизи о. Гурия заметно сократилось. Но уже вскоре начались существенные позитивные изменения во всем положении Русской Православной Церкви и в судьбе самого архимандрита. В 1944 он «вышел из подполья» и был назначен настоятелем Самаркандского Покровского собора, а в 1945 — наместником возрождавшейся Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Некоторые из членов общины о. Гурия остались в Фергане. Так, Вера Киселева стала регентом хора местной церкви. По свидетельству Н. Мещерского, вместе с бывшей творожковской послушницей Анастасией «они восстановили братскую службу и поддерживали братский церковный порядок»¹³. Другие духовные дети о. Гурия жили при нем в период пребывания Владыки на Ташкентской кафедре (в 1946—1953). <...> Избежавшие репрессий и оставшиеся в Ленинграде члены братства уже не собирались вместе и не занимались организованной благотворительностью, хотя в индивидуальном порядке продолжали помогать арестованным за веру, а также обучать детей Закону Божию. Они поддерживали друг друга морально и материально, старались хранить верность братским правилам и берегли память о своих погибших в лагерях духовных отцах. Последней из активных членов Александро-Невского братства скончалась 9 ноября 1993 в Петербурге Лидия Александровна Мейер¹⁴.

Несмотря на жестокие репрессии, братские отцы все же во многом смогли воплотить в жизнь одно из своих стремлений — в условиях гонений подготовить новых, молодых священнослужителей Русской Православной Церкви. Четверо братчиков стали архиереями: Иоанн (Вендланд) — митрополитом Ярославским и Ростовским, Леонид (Поляков) — митрополитом Рижским и Латвийским, а бывший иподиакон архиепископа Гавриила (Воеводина) Никон (Фомичев) — архиепископом Пермским и Соликамским. Александр Хархаров принял монашеский постриг с именем Михей и со временем также был возведен в сан архиепископа. Старый член братства Иван Александрович Тихомиров, женившийся в 1925 на участнице братского хора Александре Помылевой, после войны принял рукоположение во священника и в сане протоиерея до 1970-х годов служил в храмах северной столицы. Другой активный братчик — Александр Федорович Кошкин, также женатый на бывшей братчице «Нюре Пекинской» <...> был рукоположен во свя-

¹³ Мещерский Н. А. Указ. соч. С. 57.

¹⁴ Точнее, последним скончался владыка Михей (Хархаров) — в 2005.

щенника епископом Гурием в Ташкенте в конце 1940, а позднее служил в сане протоиерея в Калужской епархии и т. д.

Таким образом, след, оставленный Александро-Невским братством в истории Русской Церкви XX века, был достаточно заметным, и память о нем верующие сохранили до настоящего времени. В 2003 состоялось прославление в лике святых архимандрита Льва (Егорова) и двух братчиц — Екатерины Андреевны Арской и Киры Ивановны Оболенской.

Лидия Дмитриева (Мейер)

Из моего прошлого*

1910 год. Летом мы живем на даче в поселке Ольгино. Каждый вечер я ухожу к чужой даче и слушаю фортепианную игру, доносящуюся из открытых окон. По возвращении в Петербург мне купили прекрасный кабинетный рояль красного дерева, и я начала учиться на нем играть: сперва у частной учительницы, затем в музыкальной школе и, наконец, поступила в консерваторию. Я часто посещала филармонию, где не раз слушала концерты выдающегося пианиста Гофмана, ездила в Павловск на субботние симфонические концерты.

Ни мои родители, ни мы, дети, в церковь не ходили. Наша семья была свободной от всех обычаев. На вопрос, почему она не ходит в церковь, моя мать всегда отвечала так: «В Бога я верю, но Богу моя любовь не нужна, а людям — нужна», — и вся мамина жизнь была заполнена добрыми делами по отношению ко всем, кого она видела. И делала она их с настоящей любовью, абсолютно бескорыстно. А отец — человек очень образованный, известный всему Петербургу — знал прекрасно все православное богослужение с детства. Он остался круглым сиротой в десять лет (его родители умерли один за другим), и его вместе с братом взяла к себе на воспитание родная сестра матери — Диевская Анна Даниловна.

У нее было шестеро своих детей, но, несмотря на то что у нее было много забот, она всю жизнь ежедневно ходила к ранней литургии в церковь, ходила и ко всеобщим на праздники, часто беря с собой и своего племянника Сашу Мейера.

Именно отец открыл для меня церковь. Однажды он повел меня на подворье Киево-Печерского монастыря на Васильевском острове, и я была поражена изумительной красотой самого храма и новой для меня церковной музыкой. Там пели монахи, пели стройно, могуче и в то же время нежно. Папа мне сказал, что все это открывает для души дорогу к познанию Бога, Творца мира, разъяснил мне суть молитвы. И еще сказал, что мое восхищение музыкой тоже можно считать молитвой. Жизнь Иисуса Христа, его заповеди о любви, само Евангелие стали открывать-

* Московская регентско-певческая семинария. 1998—1999. Наука. Образование. Практика музыкального оформления богослужения: Сб. статей, воспоминаний, архивных документов. М., 2000. С. 266—270. Публикация С. Г. Зверевой.

ся мне, и я стала уже оценивать все, что слушала в храме, как более драгоценное, чем та музыка, какой я жила в концертных залах. Папа брал меня с собой на богослужения в Александро-Невскую лавру, и тогда я обрела еще одно место молитвы.

Осенью 1919 я поступила в Петроградский университет, а с мая 1920 стала по вечерам учиться в Богословском институте¹⁵. Этот институт начал свою работу 24 мая 1920 и располагался на территории еще не упраздненного тогда подворья Троице-Сергиева монастыря, находившегося на Фонтанке напротив Аничкова дворца. Условия приема в институт, где преподавали лучшие силы закрытой в октябре 1917 года Духовной академии, были довольно своеобразными. Помимо своего жизнеописания и списка прочитанных книг, необходима была работа в церкви и рекомендация одного из преподавателей института. Последнюю мне дал друг отца Л. П. Карсавин, преподававший там греческий язык. В списке же прочитанных мной книг значилось полное собрание сочинений Вл. Соловьева, «Столп и утверждение истины» Флоренского и другие книги о христианстве из библиотеки отца.

Занимались мы вечерами четыре раза в неделю без каникул. В субботу и воскресенье обязательно ходили в церковь. Посещение лекций было свободным, никакой канцелярии не велось, «обслуживающего персонала» тоже никакого не было. Только монах из Троице-Сергиева подворья о. Макарий (он тоже был слушателем Богословского института и старостой от учащихся) топил нам печки.

Слушали мы лекции с величайшим восторгом, но было чувство, что нашему счастью скоро может наступить конец. Так оно и вышло. В 1922 году институт был закрыт, а его ректор (впоследствии митрополит Ленинградский Григорий) настоятель Казанского собора протоиерей Николай Чуков был арестован и предстал как обвиняемый на процессе над духовенством и церковными деятелями в 1922 году. Нашего ректора на этом суде приговорили к расстрелу, который затем заменили ссылкой в Сибирь. Вообще, я очень хорошо помню этот процесс, потому что благодаря одному из знакомых адвокатов имела возможность присутствовать в зале Филармонии, где проходил суд.

Подсудимых было 105 человек. Их привозили на заседание к 9-ти часам утра на грузовых машинах, за которыми от самой тюрьмы шел народ. Стоявшие на машине священники благословляли людей. Особенно мне запомнился архимандрит Сергей (Шейн), настоятель Троице-Сергиева подворья, своим высоким ростом и благообразным видом напоминавший ветхозаветного пророка. Митрополита Вениамина привозили в закрытой машине.

¹⁵ Деятельности Богословского института ныне посвящен ряд исследований. См., в частности: *Бовкало А. А.* Последний год существования Петроградского Богословского института // *Минувшее*. Вып. 24. СПб., 1998.

В этой работе приводятся: полный список преподававшихся предметов, перечни педагогов, студентов, темы зачетных работ. В частности, серьезные занятия по церковному пению там вел известный деятель предыдущей эпохи П. П. Мироносицкий.

Весь этот суд являл собой зрелище, воскрешавшее картину судилищ над исповедовавшими веру христианскими мучениками древности. Подсудимые, которых во время их допроса вынуждали отвечать на самые глупые вопросы, стояли в зрительном зале внизу перед сценой, а те, что судили, — сидели вверху за столом на сцене.

Митрополит Вениамин стоял на допросе несколько дней, а его конвойных несколько раз меняли, потому что они не привыкли стоять и падали в обморок.

Защитником на процессе выступал Гуревич — самый лучший и известный адвокат Петрограда. Его заключительная речь была настолько убедительна, что все обвинения казались нелепыми. Но на судей его аргументы не производили ни малейшего впечатления. К расстрелу были приговорены первоначально десять человек, затем шестеро отправлены в Сибирь в лагерь. Я потом долго не могла ходить на концерты в Филармонию.

Еще обучаясь в Богословском институте, мы, молодые слушательницы, поехали на одно из женских монастырских подворий, и его игуменья, совсем еще не старая, обратилась к нам с речью и обрисовала прекрасный путь монашества. Я стояла впереди, прямо перед ней, и всё сказанное восприняла как обращение лично ко мне. В 1924 я решила поступить в послушницы Вохоновского монастыря, но для этого требовалось разрешение родителей, а моя мама, не разделявшая мое «увлечение попами», была против¹⁶. Тогда я стала искать возможность поселиться в монашеском общежитии, которое в 1921 основал на одной из петроградских квартир на Конной улице мой духовник иеромонах Гурий (Егоров), известный тем, что после революции он организовывал различные молодежные кружки.

Жившие в общежитии на Конной не были в постриге, но жили по монастырскому уставу. Для того чтобы как-то существовать, некоторые стегали на заказ ватные одеяла (стежка одеял считалась основной профессией монашек), двое работали сестрами милосердия в больнице. Я давала детям частные уроки и приносила в квартиру на шестой этаж дрова. Дел у каждого было много, но жили мы дружно и счастливо, хотя и скудно. Есть яйца могли себе позволить только на Прощеное воскресенье и на Пасху. В другое время нам это было не по карману. В нашем общежитии была фисгармония, и в свободное время я имела возможность заниматься изучением духовной музыки: в то время мы с друзьями-певчими, многие из которых жили в общежитии, ежедневно пели в Феодоровской церкви.

Некоторое время спустя из ссылки вернулся отец Гурий, у которого в нашем общежитии была комната. Он был назначен настоятелем в Киновии Александро-Невской лавры и благословил меня быть там регентом, освободив по состоянию здоровья от заготовки дров и поста. Все свои силы я должна была отдавать хору, спевкам и обучению новых певчих.

Восемь лет жизни в общежитии оборвались в один день. 17 февраля 1932 власти, кажется, решили убрать из Ленинграда всех людей, так или иначе связан-

¹⁶ Вохоновский монастырь находился (и находится вновь) недалеко от Гатчины.

ных с церковью. Этой ночью пришли и к нам в общежитие с ордерами на арест. Но меня по Промыслу Божию не оказалось дома, и вместо меня забрали девушку, которая снимала в нашей квартире комнату. И она, бедная, поехала в ссылку и через три года там умерла. А меня Бог избавил, хотя мне-то первой полагалось бы там быть — уж очень ретивая была. Я потом ездила навещать в Кемский район девушек из нашего общежития. Жили они там в деревнях на частных квартирах и ходили в лагере на работы по постройке Беломорканала. Потом их всех сослали в Казахстан, и в Ленинград не вернулся никто. (На Соловках в лагере с 1928 находился и мой отец.)

В эти годы пострадали очень многие священники. Хорошо помню, как после того, как забрали очередного нашего батюшку, прислали двух священников: многоуважаемого пожилого протоиерея о. Николая Гронского и деревенского, невидного такого о. Евгения. Жилось им обоим очень трудно. У о. Николая было две взрослых дочери — одна душевнобольная, а вторая вообще отказалась от него. А у отца Евгения было шестеро детей, и его жена, чтобы получить работу и как-то существовать, тоже от него отеклась. Оба батюшки снимали комнату в пригороде, так как в городе им жить не разрешалось. И вот как-то, предвидя, что их могут забрать, о. Евгений решил договориться с о. Николаем о том, что тот из них, кто останется на свободе, будет помогать тому, кого посадят. Но о. Николай, будучи уверенным, что его, в силу его известности, не заберут, отказался. Так вот, в 1934 забрали и выслали в Уфу о. Николая Гронского, а о. Евгений благополучно служил до самой своей смерти, последовавшей в 1940.

Я продолжала регентовать в храме Киновии вплоть до ее закрытия в августе 1950 года¹⁷. Пели мы по квадратным нотам, и такое пение казалось более молитвенным. У сына композитора Ляпунова, который стал иеромонахом, я раздобыла «Азбуку» Александра Мезенца и выучила названия «крюков». Хотя кругом шли аресты, боязни я не испытывала никакой. Ведь если тебе посылается испытание — арест, ссылка, тюрьма, — к этому нужно подготовиться. Ведь вера — это готовность идти за Христом при любых обстоятельствах, идти без всякого страха и помнить, что Бог есть Любовь. Ну а бояться испытания нельзя. Можно только Бога бояться. Но ведь Бог-то за тебя!

Что бы мне хотелось сказать современным регентам? Нужно помнить, что они стоят перед Богом и поют для Бога, и не забывать ни в одном слове, что поющий исполняет волю Божию во славу царствия Божьего. И пение это люди будут воспринимать должным образом только тогда, когда поющие — и все вместе, и каждый в отдельности — будут полны любовью к людям, а не только заботой о том, как бы получше спеть. И только тогда сила Божия, которая человека ведет, даст ему возможность петь, даст ему голос, даст талант. И народ будет с благодарностью молиться.

¹⁷ Ошибка первой публикации: храмы в Киновии были закрыты в 1923, 1931 и 1937 годах.

Человек прежде всего должен быть благодарным. Если разобраться, все молитвы, оставленные нам св. Отцами, проникнуты этим чувством. Во время службы надо о себе совершенно забыть и благодарить Бога за то, что ты живешь, что ты имеешь возможность петь. Если помнить это — то и пение будет прекрасным, и люди будут молиться, и сам получишь то, что называется «благодатью Божией».

К большому сожалению, существует так много отвлечений во время пения, которые могут отвести человеческие мысли и сердце. И с этим приходится мириться: не все люди совершенны и могут быть все время сосредоточены. Но, хотя бы вставая на клирос и ощущая, что ты уже готов к служению Богу, нужно уметь отрешиться от всех земных помыслов. Ведь каждый молящийся ждет от певчих, что они должны петь, как ангелы. И певцы действительно должны в это время ощущать себя бестелесными, без всяких забот человеческих, существами. Это не есть нечто недостижимое, а вполне возможное при усилении воли. Все земное нужно оставить и предаться только тому слову, которое ты будешь петь. Слова церковных песнопений рождены, не боюсь это слово произнести, Духом Божиим, внушившим их нашим св. Отцам — создателям песнопений. Затем постоянное исполнение — а их пели сотни лет — наполняло эти слова особой силой, которая действует на людей при условии, если произносящие их сами переживают сказанное.

Совершенство пения во многом зависит от регента, который должен серьезно, не только профессионально, но и духовно, готовиться к богослужению. Нельзя просто так, соскочив с трамвая, побежать на свое место на клиросе. К богослужению пением ты должен относиться почти так же, как относится к богослужению священник; так же, как священник, ты должен готовиться к исполнению своего долга.

Что касается манеры клиросного пения, то ей абсолютно чужда какая бы то ни было аффектация. Сами слова, сами напевы наши показывают и драматизм Страстной Пятницы, и радость Светлого Воскресения. Вообще в церкви неуместно громкое, крикливое пение. Громогласность вовсе не есть торжественность. И еще: нельзя оценивать ни себя, ни своих певцов. Считай, что все хорошо спели, и не осуждай, если кто-то ошибся, отвлекся. На это не нужно обращать абсолютно никакого внимания, потому что все пройдет и забудется, а останется та благодатная сила, которую Бог дает поющим.

Очень важно, чтобы пение было понятным. Регент сперва сам должен хорошо понять смысл песнопений и потом разъяснить певчим, чтобы каждый поющий понимал, что он поет не просто что-то такое на такой-то высоте звука. Я очень люблю пение и признаю, что дар пения — это один из самых больших даров, дающихся человеку.

*Митрополит Иоанн (Вендланд)**

В начале 1925 отец Гурий вернулся в Ленинград. Проезжая Москву, он застал похороны Патриарха Тихона, участвовал в его отпевании — был уставщиком на этом отпевании.

В Ленинграде о. Гурия назначили настоятелем Киновии Александро-Невской лавры. Это был уютнейший уголок на правом берегу Невы, чуть ниже моста Финляндской железной дороги. В середине живописного, засаженного деревьям кладбища возвышался каменный собор, а на некотором расстоянии от него, сбоку, деревянная зимняя церковь. Когда-то эта Киновия предназначалась для штрафных монахов. Теперь это был приходской храм, который обслуживали монахи. Один из них — Иоасаф — был по виду старец, другой — простого вида — архимандрит Игнатий. О. Гурий стал настоятелем этого храма. Посещаемость его оставляла желать лучшего. В самом деле, кругом было тогда довольно пустынно: только отдельные домики, а вдали виднелся химический завод, окруженный небольшим поселком. Доехать до Киновии — значит потратить около часа на трамвае, а затем нужно было еще перебраться через Неву. Летом там был организован перевоз на лодках, зимой — переход по мостикам. Местное население имело пропуски через Финляндский мост.

На всенощных бдениях было около 10-ти молящихся, на воскресных литургиях — 50—100 человек.

Самым интересным в Киновии был хор, в котором пели в основном девушки и молодые люди — духовные дети о. Гурия. Регентовала этим хором Лидия Мейер (впоследствии Дмитриева). Киновию посещали Лева Поляков (впоследствии митрополит Рижский Леонид), Никита Мещерский (впоследствии профессор древнерусского языка), Ваня Орлов (где он теперь?), Петр Васильевич Дмитриев (бухгалтер, будущий муж Лидии Александровны, ныне покойный), Саша Хархаров (архимандрит Михей [с 1995 — архиепископ Ярославский и Ростовский]). Из девиц упомяну Зинаиду Денисову (умерла в Фергане в 1942), Марию Богданову (тогда занимавшуюся биологией рыб, затем перенесшую Ленинградскую блокаду), Шуру Борисову (счетный работник, умерла в 1958 в Ташкенте), Варю Помылеву, Шуру Грацианову, Люсю (перенесшую блокаду и вскоре после Победы скончавшуюся).

Принцип пения в этом хоре заключался в простоте: пели без нот, по гласам. О. Гурий был противником так называемого партесного пения, когда хор разделяется на сопрано, альты, теноров и басов и каждый из них по нотам поет свою партию.

Зато в киновийском хоре поощрялось пение по квадратным нотам, когда все голоса поют в унисон. Квадратные ноты были совершенно необходимы за Литургией для исполнения различных Херувимских песен, «Милость мира», задостойников, а также прокимнов. Как известно, квадратные ноты представляют собой

* Митрополит Иоанн (Вендланд). Князь Федор (Черный); Митрополит Гурий (Егоров): исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 99—101.

расшифровку, то есть переложение на современный нотный стан древнерусских «крюков» знаменного и других роспевов.

Таким образом, в киновиjsском хоре в какой-то степени оживала Древняя Русь. В особенности прекрасно исполнялись «статьи» на утрени Великой Субботы (благодаря квадратной ноте пение на этих «статьях» занимало гораздо больше места, чем в обычных храмах).

Все остальное, как я уже написал, пелось просто по гласам, и бас мог петь мелодию. Но, впрочем, допускалось некоторое разделение на голоса: альт пел на терцию ниже, чем сопрано, а иногда выводил басовые фиоритуры.

Для меня такой хор был просто находкой. Дело в том, что я все свое детство пел дискантом, и, конечно, мелодию. Когда голос мой изменился, я хотел бы продолжать мелодию, но мне предлагали басовую партию, которую петь я не умел. В Киновии я мог петь мелодию своим новым голосом, и это мне очень нравилось¹⁸.

¹⁸ В издании «Владыка Иоанн (Вендланд). Сборник» (Ярославль, 2011) опубликованы воспоминания М. П. Рахмановой о беседах, посвященных пению:

Конечно, я расспрашивала Лидию Александровну Дмитриеву, регента по профессии, что они пели в Киновии Александро-Невской лавры, где она регентовала и где пел в молодости Константин Вендланд. То есть я понимала, что квадратной нотой изложены в синодальных изданиях одnogолосно традиционные роспевы, но интересно было, пели ли всегда в унисон или все же иногда многоголосно. Владыка упоминал неоднократно, что он любил хор Лидии Александровны, потому что там он мог петь мелодию роспева. Иначе, при стандартном хорошем изложении, будущему Владыке, с его низким басом, только бы и доставалась «доминанта и тоника».

Однозначного ответа я не получила. Владыка говорил, что иногда допускалось некоторое, простейшее, разделение на голоса. Он сам очень любил петь по квадратной ноте и побуждал знакомых музыкантов проделывать это вместе с ним (хотя большинство из музыкантов о квадратной ноте никакого понятия не имели).

Есть и у меня подобное воспоминание, относящееся к последним годам жизни митрополита. Помню, что было очень холодно на улице, что Владыка неважно себя чувствовал и еще — что в гостях у него был друг, возможно Глеб Александрович Коляда (уже тогда тайно рукоположенный священник). Владыке захотелось запеть — и именно «статьи» на утрени Великой Субботы, длинные и очень красивые. Период года был не великопостный, но «статьи» мы пропели, и Владыка за пением оживился, хотя было в этом и нечто прощальное (С. 224—225).

В упомянутой книге приводится еще одно свидетельство Л. А. Дмитриевой о певческой юности владыки Иоанна:

По секрету рассказала, как к ней в первый раз пришел Владыка, тогда еще Костя.

— Его гнали отовсюду, и Николай Дмитриевич Успенский прогнал. Вот он пришел ко мне и сказал: «Научите меня петь». <...> Вспоминал Владыка, как однажды в Киевской академии встретились они с Успенским, который его не узнал и спросил: «А почему вы так пристально на меня смотрите, отец архимандрит?» А Владыка отвечает: «Ведь я тот самый Костя, которого вы прогнали...» (С. 46).

Сергей Зегжда

Из Биографического очерка*

В середине двадцатых годов, когда в душе Кости Вендланда зарождается желание послужить Церкви Христовой, в его жизни появляется Киновия Александро-Невской лавры. С назначением архимандрита Гурия (Егорова) ее настоятелем она становится одним из центров Александро-Невского братства. Дети семьи Вендланд, уже полюбившие отца Гурия, начинают ездить туда на службы. То, что в 1928 архимандрита Гурия арестовывают и отправляют на Беломорканал, сегодня видится как Промысел Божий. Архимандрит получил пятилетний срок и в период массовых арестов членов Братства находился в лагере. Только поэтому он избежал общей участи — очередного ареста и расстрела.

Во время его пятилетнего отсутствия Киновия продолжала оставаться живым и плодоносящим центром. Службы по заведенному архимандритом Гурием порядку совершались ежедневно. Людей в воскресные и праздничные дни собиралось много — в основном члены Братства. Пел большой хор, службы совершались строго по уставу, без малейших пропусков. Поскольку штатного псаломщика в храме не было и на буднях петь и читать было некому, эти обязанности взял на себя юный Константин Вендланд. Он часто один читал и пел на клиросе. Для этого надо было ежедневно проехать через весь город на трамвае, затем переплыть на пароходике на другой берег Невы и прийти в храм раньше священника. Не было случая, чтобы студент Горного института не пришел или опоздал. К моменту прихода священника он шел звонить на колокольную, а затем читал часы и один на клиросе пел Божественную Литургию. Затем он ехал через Неву и весь город назад — на работу и учебу. И так каждый день. Этот порядок нарушали лишь полевые геологические работы.

Именно в Киновии произошла встреча студента-геолога Константина Вендланда с девятилетним Сашей Хархаровым, будущим архиепископом Ярославским и Ростовским Михеем. В 1930 настоятелем Киновии стал протоиерей Николай Гронский — первый духовный отец Саши. Тогда-то мальчик и стал ее усердным посетителем (С. 35).

Из писем епископа Ладожского Иннокентия (Тихонова) во время ссылки**

Архангельск, 29 октября/11 ноября 1922

<...> Сейчас только что слушал всенощное бдение в Соборе и по поводу каждой мелочи храмовой обстановки и церковной службы переносился мыслями в дорогой мне храм [Крестовую митрополичью церковь Лавры] и мысленно воспроизводил истинно-благоепную службу Божию по святому уставу.

* Зегжда С. А. Митрополит Иоанн (Вендланд). Биографический очерк. Ярославль, 2009. С. 35.

** Письма приводятся по кн.: Зегжда С. А. Александро-Невское Братство. Добрым примером, житием и словом. Волгоград, 2009.

Надеюсь, друзья мои, что храните устав, как и прежде, оберегая святую службу от произвола и безвкусыя человеческого и ревностно исполняя те особенности православного богослужебного стиля, на которые я в свое время так часто обращал ваше внимание.

Но, впрочем, это все написал я под впечатлением службы, только что мною прослушанной.

Но есть нечто еще более важное, чем соблюдение богослужебного чина, это хранение истины Христовой, за исповедание которой мы с вами разлучены. <...>

Архангельск, 27 ноября /10 декабря 1922

<...> Радуюсь о том, что вы храните преданный вам чин службы Божией и что вам не неприятны, а, напротив, весьма любезны мои просьбы о его сохранении. Но, конечно, уставность чина, хранимая нами, не должна быть поводом, ни в каком случае предметом похвалы и превозношения над другими. Надобно затем, чтобы наша ревность о правильности и простоте службы никогда не соединялась с раздражением, нетерпением и резкостью по отношению к тем, кто нечаянно нарушил чем-либо стройность нашего богослужебного чина. <...>

Архангельск, 10/23 февраля 1923

<...> Полагаю, что не забудете в молитве своей и другого Льва, близкого и знакомого всем вам, хотя тоже удаленного страданиями. Мы его все любили, и, кроме того, любовь к нему и дружба с ним Ангела Церкви нашей — лучшее свидетельство о нем¹⁹.

<...> Особый привет мой певчим. Много раз слышал об усердии сестер ликональниц Лидии [Николаевны Суворовой-Киселевой] и Веры [Николаевны Киселевой], но столько же раз слышал, к сожалению, о том, что на спевки приходят слабо.

А один мною очень уважаемый собрат во Христе так прямо написал мне — «петь стали хуже».

Если певчие меня любят и любят свое дело, как и я его любил и их, то они поймут, каково мне было прочесть это. Надеюсь, что это исправится.

Желал бы затем, чтобы мелкая и презренная привычка, которая усвоена в последние дни сестрами и братьями, была совершенно ими оставлена²⁰. Это отвлекает внимание, нарушает священный характер нашего общения о Христе Иисусе, придавая нам вид пошлых и праздных людей. <...>

Архангельск, 16 февраля /1 марта 1923

<...> Каждый день понемногу занимаюсь церковным пением по знакомым вам [регентам Братства] нотным книгам — квадратных знаков в альтовом клю-

¹⁹ Речь идет о Л. Н. Парийском, арестованном в 1922 по делу митрополита Вениамина (см. в Хронике о его пребывании в заключении).

²⁰ Имеется в виду скорее всего «партесное» пение на собраниях членов Братства. См. далее письмо архимандрита Гурия.

че. Мелодию пою, а терцию подыгрываю на скрипке. Научился так, что без всякой подготовки пою и играю любую страницу из всех пяти нотных книг²¹. Получаю от сего не только неизъяснимое утешение в своем удалении от Вашего пения, которое вспоминаю только что не со слезами, но и очень много нового для себя и в церковно-музыкальном, и в богословском отношении нахожу. <...>

Для певцов Ваших особенно рекомендую подобны по «Спутнику псаломщика»: 2 глас «Доме Евфрафов», 4 глас «Яко добля», 6 глас «Ангельския», «Тридневен» и «Всю отложивше». Очень красив и 8 глас — «Что вас наречем». Предложив вам в свое время подобны «Егда от древа» и «О преславнаго чудесе», я руководился тем, что оба эти подобна идут правильным мерным темпом и правильно чередуют строки. Таков же и подобен «Радуйся живоносный Кресте», разученный Вами без меня. Но те подобны совершенно своеобразны. Чередование строк неправильное и более подчиняется мысли самого песнопения. Получается необыкновенно яркое впечатление. Таков самоподобен: «Яко добля», посвященный Святому Георгию, служащий образцом для стихир в честь мучеников; в нем чрезвычайно выразительно представлены воодушевление и мужество мученика в его устремлении на страдание. Прекрасен самоподобен 6 гласа «Ангельския». По-моему, это одна из лучших мелодий, какие я знаю. Поэтическая обстановка Рождества, явление Слова Божия во плоти, пришествие Ипостасной премудрости, приветствие Церкви Божией, восторг людей Господних — все это передано в соответствующих оригинальнейших мелодических фразах, иногда восторженных (6-я строка), но более певучих, изящных до нежности. Хорош, хотя суров несколько, подобен «Тридневен» с необычными звуковыми сочетаниями. Затем нравится мне подобен «Всю отложивше» с неправильным темпом [ритмом], но именно потому как-то особенно выразительный. Очень красив однообразный, отвечающий ряду вопросов стихир, мотив подобна: «Что вас наречем».

Пишу Вам все это, желая, чтобы Вы попробовали спеть эти подобны и убедились, какая это красота. Но прошу не петь их в церкви, пока не разучите их в совершенстве, так как при необычности напева, при трудности спеть их, в особенности небольшим количеством голосов, и при своеобразности ритма эти же подобны могут оттолкнуть человека с чутким ухом, если они не будут сразу же прекрасно исполнены.

Я их тоже не сразу понял. Но эти вещи хороши как редкое украшение, меня же теперь особенно пленяет наше священное знаменное осмогласие.

Какая музыкальность была у наших предков, какое дерзновение!

Наше обычное речитативное осмогласие — детский лепет по сравнению с мощностью знаменного пения. Даже обычные стихирны октоиха поражают каждая своими оттенками смысла.

Чувствуется однако, что это музыкальное богатство уже утрачено православным народом и едва ли когда возродится. Отдельные вещи перерабатывают и пере-

²¹ Полный круг певческих книг: Обиход, Ирмологий, Октоих, Праздники, Триодь.

лагают для хора композиторы, и это останется, а основная масса церковно-музыкального богатства звучит лишь для тех, кто хочет и старается ее услышать. Что делать? Может быть, так угодно Господу, все на пользу строящему.

Архангельск, 31 марта/13 апреля 1923

<...> Здесь я не могу быть понятым со своими вкусами и стремлениями. И уже придя домой, раскладывал я квадратную Триодь — «Спутник псаломщика» и Триодь Богослужбную и допевал со скрипкой, и дочитывал все, что было пропущено в церкви. Даже в Великую Пятницу и то играл на скрипке ее стихиры и тропари (С. 90). <...>

Архангельск, 2/15 апреля 1923

<...> Господь да укрепит их всех в православии, и да не престанет в их храме уставное, чинное, святое, преданное от святых Отец, богодохновенное богослужение. И да совершается оно во всей строгости и стильности древнего обряда (С. 94).

Архангельск, 19 мая/1 июня 1923

Пятидесятница

<...> После службы, когда народ подходил под благословение, мы с братом Владимиром устроили общее пение стихир и тропарей Пятидесятницы. Я вкратце объяснял содержание тропаря или стихиры, а затем канонаршил ее, благословляя народ. Пели очень охотно и очень благодарили потом (С. 98).

Кара-Кала, 13/26 апреля 1924

Великая Суббота

Вечером совершили мы последование Страстей Христовых. Служил по нашему обычаю о. Феодор, а мы с о. Николаем пели²². <...> Хотя и мало нас певцов, все же не только ничего не пропустили, но и не читали того, что полагается петь. Пели все. Господь дал и силы и голос. <...> Ирмосы канона «К Тебе утренюю» я пел один по нотной Триоди. Это в начале песни, а в конце, на катавасию, пели мы с о. Николаем по «Спутнику псаломщика». <...>

Перед первым часом [Великой Субботы] стихира «Приидите ублажим Иосифа приснопамятнаго». Хорошо поет ее о. Николай. У него тенорок еще свежий, несмотря на его немалые годы (строгая жизнь, чистота тела и духа, непрерывный пост, когда положено). Как-то особенно хорошо он делает некоторые переходы. Очень сердечно, задушевно у него выходит. Самому так не сделать. Поешь с ним что-нибудь, видишь строку и думаешь, как-то сейчас о. Николай вывернет кончик. Мы с ним недурно спели все службы, хотя ни одной спевки не делали (С. 115—120).

²² Упоминаются священники, находившиеся в ссылке в одном месте с епископом. Ташкентский митрофорный протоиерей Николай Степанович Гриневиц характеризуется в письмах как старец (окончил Духовную академию в 1888), служивший когда-то псаломщиком в Америке, любитель и знаток уставной службы.

ИЗ ПИСЕМ АРХИМАНДРИТА ГУРИЯ

Моим духовным детям и всем во Христе братьям и сестрам, духовно близким мне

15/28 мая 1927

Сегодня меня вызывают...

Пишу на случай, если меня не выпустят.

<...> Тем, кто считает нужным братски слушаться меня, я твердо указываю:

1. Никогда не участвуйте в пении партесов (то есть где записана не одна для всех мелодия, а несколько голосов); отступление, к сожалению, приходится допустить для Постной Триоди.

2. Никогда не ходите и не участвуйте группой в музыкальных вечерах не церковного характера, на вечеринках с танцами или играми; программу именинного вечера намечайте заранее и проводите исключительно в церковном духе.

Тот, кто будет нарушать эти два пункта, — враг нашей семьи и отпадает от нее.
<...>

ИЗ ПИСЕМ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА ЛЬВА (ЕГОРОВА)

Оренбург, 1923

Молюсь, темно в церкви. <...> Приходят барышни певчие. Они и на поздней [литургии] будут петь. «До, ля, си» — задаем мы втроем и каждый на свой лад. Загремело, заскрипело и пошло. Девушки верещат отчаянно, мне, одному басу, приходится работать за троих. Так было и в два прошлых воскресенья, а теперь я предложил им петь только на поздней. Как хорошо было последний раз за ранней, нас было всего трое: альт, тенор и бас (С. 218).

Оренбург, апрель—май 1923

Письма Владыки Иннокентия очень бы хотел получать. Так как бесконечно люблю его и ценю его ученость и доброе сердце. Я весьма грущу за него; ведь для него особенно тяжела ссылка, где нет условий, среди которых могла бы процветать его ученая деятельность.

В теперешнее время надо с особою силою отстаивать мысль, что богослужбная реформа должна развиваться в рамках, поставленных ей предшествовавшей традицией. А Владыка не только в кабинете работал, но, как человек, одаренный музыкальными способностями, большим умом и красноречием, успел проповедовать, воплощая свои идеи в те чины и подробности богослужбной практики, которые так хорошо знакомы нашему братству.

Приложение

☞ **Епископ Иннокентий (Тихонов)** ☞**Взгляды на церковное пение****Братское, 21 августа 1926²³**Годовщина кончины раба Божия чтеца Павла*

Возлюбленным моим во Христе сестрам и ученицам по церковному пению: регентшам инокиням Вере [Киселевой] и Анастасии [Заспеловой] и регентам Лидии [Мейер], Лидии [Суворовой-Киселевой] и Нине [Яковлевой].

Мир и благословение Божие!

Братская во Христе любовь побуждает меня писать к вам, любезные во Христе сестры. Ободряюсь я надеждою, что, может быть, вы пожелаете выслушать мой любовь к вам подвемлемый голос. Пришлось мне услышать, что среди вас и среди других учениц моих по богослужебному уставу и священному пению развивается стремление к изучению и введению в богослужебный быт обслуживаемых вами религиозных общин так называемого партесного пения, свободных музыкальных произведений так называемых духовных композиторов, подобно тому как эти произведения поются и одобряются почти во всех церквях нашего города.

Встревожился я этим известием, любезные сестры, и первая мысль была подсказана мне совестью моею: «Этo ты виноват, преподав им начала церковного пения; ты не углубил затем их знания, не сообщил им главного — принципов, на которых зиждется священное делание церковного пения, и не предупредил их о возможности ошибок,

* Взгляды на церковное пение, изложенные в этом письме Епископом Иннокентием (Тихоновым), сперва полностью разделялись Митрополитом Гурием (Егоровым); когда Митрополит Гурий получил епархию, он допустил в своем Соборе так называемое партесное пение, но строго следил за его характером. — *Примеч. митрополита Иоанна (Вендланда), сделанное при перепечатке данного текста.*

Специальный текст, практически — статья, о церковном пении епископа Иннокентия входит в состав машинописного переплетенного Приложения, которое митрополит Иоанн предполагал присовокупить к своему очерку о владыке Гурии при его публикации. Приложение, однако, не вошло в издание. О митрополите Гурии и его действиях в области церковного пения см. подробнее во второй книге тома. Приношу благодарность Э. Л. Меженной за сообщение этого источника из личного архива владыки Иоанна.

²³ Братское (Братский Острог) — современный город Братск Иркутской области.

даже не оформил, не изложил и не сообщил им своих взглядов и положений, на которых ты сам основывался, когда в свое время работал в области церковно-певческого дела».

И стало мне стыдно и совестно, что не сделал я всего этого. Но сейчас же и подумал я, нельзя ли еще мне теперь, хотя с запозданием, сказать свое слово. Может быть, они не откажутся со вниманием прочесть мое письмо.

И вот по повелению совести, помолясь, я пишу теперь вам.

То, что я изложу вам здесь, — есть мое глубочайшее убеждение, созданное во мне и полученным мною богословским образованием, и дальнейшим моим религиозным самообразованием и самовоспитанием, и семнадцатилетним наблюдением над церковной жизнью в столицах и провинции, в городах и селах, и тринадцатилетним опытом личного моего служения в священном сане, в частности в деятельности моей как чтеца, уставщика, певца, канонарха, головщика и регента.

Я думаю, что вы встретите меня как встревожившегося любителя старины.

Нет, любезные сестры, за эти годы мое увлечение стариной уже прошло.

И в этом письме своем я буду рассуждать только как христианский пастырь, как христианский мыслитель, богослов, как ревнитель и проповедник истинных и православных воззрений на духовную жизнь и спасение верных в Церкви Христовой.

Прошу вашего терпеливого внимания к моим словам.

1. Что такое церковное пение по своей природе?

2. Каким оно должно быть?

3. Как мы его должны совершать, чтобы оно было полезно и для нас, и для тех верующих, которым мы служим как певчие?

Это вопросы очень важные и серьезные, но каждый работник по церковному пению должен уметь правильно и православно на них ответить.

Вот мои ответы.

Церковное пение есть вспомогательное церковно-служебное делание, состоящее в том, что естественная человеческая способность к пению используется для мелодического выражения в поэтических песнопениях учения Церкви Христовой и для такого же выражения чистых молитвенных чувств и настроений — славословия Богу, благодарности Ему, радости духовной, а также покаяния перед Ним, возносимых от лица молящегося народа.

Церковное пение должно быть чисто и строго церковным деланием, всегда проводимым так, чтобы быть ему удобнейшим средством, с одной стороны, для православного преподавания человекам слова Божия, которое проповедует Церковь, а с другой — чтобы быть православным и благообразным выражением молитвенных чувств и настроений молящихся.

Мы должны совершать церковное пение как наше служение Богу, которое мы совершаем с благословения Церкви, как священнодействие благовестия Божия.

Здесь нужны не только любовь к делу, знание его и благоговение, но и проникновение духом учения Церкви и Ее заветами, чтобы наше пение было действительно достойным средством для православного возвещения в нем истин христианских, чтобы оно было также пригодным и удобным средством для православного выражения духовных переживаний молящихся, от лица которых мы выступаем как певцы.

Теперь еще вопрос в связи со сказанным: что такое есть хор, или лик церковный?

Хор, или лик церковный, есть совокупность певцов, соединившихся для того, чтобы быть выразителями, с одной стороны, голоса Церкви, преподающей учение Христово, а с другой — выразителями христианских настроений и мыслей верующего народа.

Певцы в Церкви Христовой поют не от себя, не от своего имени, но от лица верующих.

Хор есть лишь внешне выделившаяся часть Церкви, но внутренне неотделимая от нее. Певцы свое вдохновение на пение и самое содержание пения получают от Святого Духа через Церковь.

Служение певца есть не внешнее служение для Церкви технически подготовленного лица, как, например, служение наемного электромонтера или архитектора, а внутреннее, внутри Церкви ему порученное делание, послушание на пользу и созидание Церкви.

Певцы церковные поэтому должны быть проникнуты духом учения Церкви с начала до конца и в отношении к внешней его стороне, к самому настроению и мелодии и гармонии песнопений, так чтобы пение было действительно православным средством для преподавания молящимся вероучительных истин и для выражения их молитвенных чувств.

Заметьте, я умышленно здесь не называю церковное пение искусством, сознательно не указываю на прекрасное пение как на самостоятельную, самодовлеющую цель деятельности православных певцов, а настойчиво заявляю, что оно есть лишь вспомогательное средство для православного возвещения христианских истин и выражения молитвенных настроений молящихся.

Теперь подумаем: что такое по сознанию православного христианина представляет из себя так называемое партесное пение по своей природе или происхождению. В чем его цель: что такое хор, поющий партесные произведения? Какие результаты дало партесное пение за время почти двухсотлетнего существования своего в Русской Церкви?

Обычно под именем партесного пения разумеются свободные композиции музыкальных авторов, написанные ими применительно к тексту и содержанию священных песнопений и предназначенные их авторами для исполнения их церковными хорами при богослужении. В этом смысле и мы употребляем здесь термин «партесное пение».

Что же в сущности по своей природе представляет собой такое пение?

Отвечаю: оно есть служение искусству, и искусству, конечно, высокому — музыке.

Свои природные истоки оно имеет в эстетическом чувстве человека, в чувстве прекрасного, в котором находится зародыш всех прочих человеческих изящных искусств.

Цель его, как и вообще цель художественного пения, изображение в звуках человеческих настроений и чувствований, в особенности тех тончайших оттенков жизни души, которые не передаются словом. Так, религиозные чувства и переживания — вера в Бога, благоговение, благодарность к Нему, покаяние и сокрушение перед ним — эти тончайшие и благороднейшие из чувств и настроений человеческого духа — не остались незамеченными для представителей музыкального творчества.

В то же время музыкальное искусство очень широко. Оно не довольствуется неисчерпаемой областью мелодической и гармонической музыки, как инструменталь-

ной, так и вокальной, на поприщах концерта, оратории, оперы. Оно не довольствуется и возможностью применения в своих целях произведений светской мирской поэзии в песнях, ариях и романсах. Оно стремится использовать в своих целях также и текст священных песнопений и самые храмы и богослужения для исполнения своих написанных на текст священных песнопений произведений. И вот среди людей искусства выработалась чисто художественная творческая идея — задание попытаться передать в музыкальных произведениях религиозные чувства и настроения.

Таким образом установилась в мирском музыкальном искусстве интересная для него цель: отобразить в музыкальном творчестве религиозные мотивы.

Если мы теперь честно, вдумчиво, с точки зрения верующего человека, обсудим сказанное, то должны будем прийти к следующему заключению: по своей природе партесное пение не церковно, а общегуманистично, общечеловечно. Истоки его находятся не в христианской духовной жизни, а в общечеловеческом чувстве. По своему характеру оно не есть искусство Церкви Христовой, а есть искусство мира, лишь по желанию некоторых людей направленное в область церковного делания. По своей цели оно также не церковно, оно не направлено на преподание, или на выражение, богословствования Церкви и не является выражением чувств и настроений молящихся.

Такой хор не есть также выразитель настроений и переживаний верующих. Он не от их лица поет, а от лица композитора. Он есть музыкальный исполнитель, а молящиеся лишь пассивные слушатели. Хор показывает, концертирует, а народ безмолвствует. Об участии народа в пении, о молитвенном единении народа с ним в этом случае не может быть и речи.

Посмотрим теперь, что дало нам партесное пение за 200 почти лет своего господства в Русской Церкви. Композиторы, по образованию и по жизни люди мирские, поняли и разрешили вопрос о церковном пении по-мирски. Они изображают в звуковых сочетаниях религиозные чувства совершенно теми же методами и приемами, как это делается в музыке светской, мирской при изображении всех вообще чувств и настроений человеческих, и отзвуки этих чувств неизбежно переносятся ими в их предназначенное для Церкви творчество.

Какие это чувства переносятся?

Чувства и переживания падшей, отвергшейся от Бога человеческой природы: страх, тоска, отчаяние, уныние, даже гнев, ярость, злоба, бурная животная чувственная ревность, стремление к плотской любви и, в лучшем случае, неизбежная, неизлечимая скорбь, безотчетная сентиментальная грусть о чем-то непонятном и неуловимом — все эти совершенно не христианские, не церковные, а чисто мирские настроения звучат в наших храмах в произведениях даже лучших и наиболее возвышенных так называемых духовных композиторов. Эта неизбежная особенность партесного пения тщательно иногда скрывается, маскируется композиторами. В своем творчестве они стараются уловить и выразить в своих произведениях стройный стиль древнего, действительно церковного пения, подражают ему, подделываются под него. И хотя это им удается, все же мирское творчество не делается от того, и не может сделаться, духовным и церковным. И кроме того, все они без исключения невольно подчиняются влиянию музыкальных школ, их воспитавших, влиянию тех разнообразных направлений, какие пронесли над русской музыкой в это время, подчиняются они и велениям музыкаль-

ной моды, вызывающей их на музыкальные эффекты и на потворство низким и извращенным вкусам толпы.

Что же сказать обо всем этом?

Вот что.

Дух мира сего через партесное пение овладел нашим богослужением и внес в него мирское начало, чуждое и враждебное истине и нравственности христианской. Вместо чистого и бесстрастного певческого выражения истины христианской веры и выявления чувства и настроения христианской души мы слышим в храмах наших светскую, языческую по происхождению музыку.

Тот же дух мира сего внес черты мирской суетности и в церковно-певческий быт. Внедрились в него: светско-музыкальная постановка и культура голосов певчих-артистов, выработка артистических приемов и внешности у певцов, почитание талантливых и музыкальных регентов, преклонение перед солистами и солистками, отношение к священной службе как к ряду музыкальных номеров, которые надо в известном порядке исполнить, и полное и окончательное пренебрежение к церковному богопреданному уставу.

Въелось язвою в церковно-богослужебный быт обыкновение певчих выходить из церкви во время шестопсалмия, часов и проповеди и курить около церкви и даже, о скорбь наша, в церковных пономарках, модные и по моде нескромные наряды певцов и певиц, начали появляться эстрады, устраиваемые в церквях по требованию певчих, дирижерские палочки в руках у регентов.

Все это происходит не в языческих капищах, где жрецы и жрицы могли бы отправлять свое служение музам, а, к великой печали нашей, в христианских церквях.

Так осилил христианское боголепие дух мира сего.

Мирское начало через партесное пение, господствующее в нашем церковно-богослужебном быту, причиняет приходским общинам материальные бедствия и разрушает приходскую жизнь. Приходские общины насилу покрывают свои расходы, из которых наибольший — плата хору. Сокращаются, насколько можно, церковные штаты. В некоторых церквях священники состоят по двое на одной вакансии. Многие священники без места и бедствуют, некоторые священники стоят у церковных дверей с протянутой рукой. Окончательно забыта церковная благотворительность. Приходы еле-еле сводят концы с концами. Но хор берет свое.

В отношении характера и стиля песнопений певчие теперь дают себе полную свободу. Регент — хозяин за службой. За ним ухаживают, ему угождают, его хвалят, им гордятся и настоятель, и председатель приходского совета. Поют певчие что хотят.

Греховная чувственность и мирской языческий характер пения перешли теперь уже всякие границы.

И никто, конечно, из певчих артистов не задаст себе по-настоящему вопрос, в чем задача по отношению к Церкви Христовой, что такое, чем должно быть церковное пение, как должно осуществляться молитвенное единение молящихся с певцами. Куда там! Я знаю духовных композиторов, регентов и певчих, которые открыто заявляют, что они неверующие люди и что служат искусству. И если вы осмелитесь только напомнить им о цели и смысле церковного пения, об их долге, об обязанностях в отношении Церкви, о, как они сумеют оборвать вас и поставить на место! Они — «жрецы великого искусства, и не вам, профанам и ханжам, судить об их творчестве».

Возлюбленные мои во Христе сестры, скажите мне по совести: правда ли то, что я описал здесь? нравится ли вам все это?

Вы мне скажете, что описанное здесь, к сожалению, правда и что эта правда вам очень не нравится, что вы и раньше это знали и всем этим, описанным здесь, возмущались. Но сейчас же вы мне скажете, что я ломлюсь в двери, которые открыты, что тревожусь напрасно, что вы всех этих безобразий не допустите, что вы желали бы петь только некоторые, вполне приличные и церковные вещи из старого церковного репертуара.

Я вам на это еще раз напомню свои основные соображения о том, что всякое партесное пение не есть пение Церкви, но есть пение воинствующего против Церкви мира. Введение его в богослужение есть внесение в церковную жизнь мирского, враждебного ей начала, и поэтому оно для нас есть дело неодобрительное.

И сам Господь наш Иисус Христос, и Его Божественное учение не от мира сего. Не от мира сего ученики — апостолы и вся Церковь и ее жизнь от начала и до конца. «Вы не от мира сего, — говорит ученикам Спаситель наш, — но Я избрал вас от мира» (Ин. XV:19). <...>

Партесное пение, будучи даже в самой малой мере введено в богослужебный быт, будет в нем по своей сущности элементом чуждым, а по действию вредным. Вы хотя немного, хотя лучшее из этого мирского, называемого церковным, примете, вы тем самым будете льстить и служить духу мира сего, мира, в продолжение девятнадцати веков гнавшего Церковь.

Вы, хотя не пойдете по ложному пути, все же будете стоять на нем.

Вы не пойдете, но ваши ученики, ваши продолжатели и все, кто взирает на ваши успехи, будут брать с вас пример — они пойдут непременно по этому пути.

А у самих вас при допущении вами партесного пения будет вот что: будет отниматься время на исполнение партесных вещей, которое придется наверстать путем сокращения устава в других местах службы. Будет отвлекаться внимание на исполнение чисто музыкальных оттенков. Внимание с назидательного и молитвенного содержания стихир, тропарей и ирмосов будет перенесено на музыкальные вставки. Например, певчие уже не исполнят как должно, со вниманием и покойно и не дадут молящимся спокойно прослушать богородичны на стиховных стихирах и, может быть, и самих стихир, потому что в это время придется разбирать нотные партии и шелестеть страницами, так как ведь вот затем нужно будет петь нотное «Ныне отпускаеши».

Спевки у вас будут уже не церковно-текстологическими занятиями, какими они были у вас раньше, а чисто музыкальными. На них не придется говорить о содержании, смысле стихир и тропарей, не будет речи и об уставе, не будет, следовательно, речи о богодухновенном, богословско-назидательном элементе богослужения, придется заняться чисто музыкальным делом, разъяснить, как лучше, музыкальнее передать мысль композитора, как гармоничнее исполнить аккорды, как разрешить диссонансы, как произвести впечатление на слушателей. Словом, будет отставлена на второй план учительная сторона пения, а вместо нее будет расти и множиться чуждая Церкви, искусственно ей навязанная музыкальная сторона. Таким образом вы невольно станете на тот путь, который привел к тем уродливым вредным влияниям, о которых сказано выше.

Посмотрите на хранилище благочестия, на лучшие из наших монастырей, где в насельниках горит дух истинного понимания и осуществления идеала Христова, —

на Саров, Оптину Пустынь, Белые Берега, Святые Горы, Сергиево-Лаврские скиты, Зосимову Пустынь и другие. Какое в них пение? — Древнее, столповое, почти даже унисонное.

Никогда истинные христиане-мыслители не допускали в свой богослужебный быт пения партесного, так как они ясно видели его нехристианский, языческий и вредоносный для церковной жизни характер.

Обратитесь мыслью к светильникам веры и благочестия и почитателям духа христианского, к признанным Церковью учителям жизни духовной, представьте себе близких по времени преп. Серафима Саровского, епископа Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, старцев Амвросия, Варсонофия и Анатолия Оптинских — одобряют ли они ваше желание, в особенности если бы было им известно, как много вам дало истинное церковное пение?

Нет, конечно, они предохранили бы вас от увлечения мирским, враждебным Христу началом.

А вот вам отзыв уже мирянина, преподававшего с молодых лет церковное пение и на этом деле поседевшего и постаревшего, П. П. Мироносицкого. В задушевной беседе о церковных недугах он прямо так формулировал свое убеждение: «Партесное пение надо запретить, уничтожить, удалить без остатка». Это отзыв теоретика и практика церковного пения, знатока и пения и музыки, магистра богословия, профессора гимнологии христианской.

Может быть, вам прискучили простота и однообразие вашего пения. Знайте, что в простоте вашего пения, как обычного, так и нотного (обиходного), нет ни одного звука мирского, светского, там все глубоко народное, вышедшее из недр воспитавшегося церковным духом народа, там все истинное церковное, там нет ни одного звука человеческой страсти и чувственности, там все свято, чисто и бесстрастно.

Знайте, что в том пении вы соединяетесь с Церковью, вы соединяетесь и с православным народом. Помните, что, держась истинного народного пения, вы всегда сможете исполнить святоотеческий церковный устав. Между тем опыт показывает, что введение партесного пения всегда связано с урезыванием устава и пренебрежением к нему, что чем музыкальнее хор, тем более он пренебрегает уставом.

Вы хотите идти в пении? — Изучайте догматики, задостойники, подобны, самогласны, праздничные Евангельские стихиры, все прокимны, аллилуарии, ирмосы, пропевайте духом знаменного пения, добейтесь его — воодушевленного, стройного, отчетливого, — отчетливого, но и, когда надо, мягкого исполнения. Возьмитесь за это. Материал для работы и радости от успеха и благодарной пользы хватит в этой деятельности на всю вашу жизнь, и, если вы останетесь на этом истинно церковном пути, вас благословят истинно церковные люди и будут смотреть на вас как на благодетельный пример. Если же станете на путь хоров мирской, вы будете одним из множества заурядных хоров. Вспомните постоянное благожелание и благословение вам нашего Владыки [митрополита Вениамина], любившего вас за православие и уставность ваших служб и за церковность вашего пения. Хотите ли сохранить на себе его благословение? Сохраните в том, в чем вы были нами утверждены. Вспомните одобрение вашему пению, высказанное вам первостепенным знатоком богослужебного чина и церковного пения Преосвященным митрополитом Арсением Новгородским. Будьте достойны этого одобрения

и в будущем. Знайте, что вас слушал и не находил слов для одобрения уставности и церковности наших служб один из мировых ученых и первоклассных знатоков богослужения и богослужебного устава, православнейший и благочестивейший по жизни человек, почивший профессор Петроградского университета Борис Александрович Тураев.

Видите, вас ценили и истинно православные миряне. Что же это такое? Это бесспорное духовное первородство ваше, признанное первыми церковными авторитетами. Прошу вас, сохраните его, не меняйте его на вредную похлебку из червивой чечевицы.

Я знаю и предвижу возражения, которые мне могут сделать, и сейчас же отвечу на некоторые из них.

«Позвольте, — скажут, — согласитесь, что художественное партесное пение облагораживающе действует на молящихся, способствует молитве, возвышает душу к Богу».

Нет, возлюбленные сестры, это не так. Господь учредил Церковь, заповедал апостолам и их преемникам служение слова — труд проповеди. И все дело духовного облагорожения, молитвенного успеха и возвышения души к Богу совершается в Церкви через слово.

И те псалмы, и пения, и песни духовные, которые советует употреблять в повседневной жизни христианской св. апостол Павел (Еф. V:19; Кол. III:16), суть прежде всего именно церковные словесные поэтические произведения, положенные для пения их, как наши теперешние псалмы, стихиры, ирмосы, тропари, а не свободные чисто музыкальные произведения, каковы теперешние партесные вещи, в которых почти и слов не разобрать, а слышится только музыка хора, который теперь и построится как оркестр. Таким образом, богослужение есть, в сущности, словесное славословие, а не музыкальное произведение.

И вот именно эту словесную сторону богослужения нам надо усовершенствовать, а не музыкальную. И вовсе не выяснено, что собственно по природе своей и сущности своей есть то «возвышение» души, которое достигается партесным пением.

Я убежден, что оно чисто искусственно, сентиментально-язычески-романтично. И как таковое оно не христианское и не благотворно в духовном отношении. Нецерковное дерево не может приносить церковные плоды.

Еще возражение: партесное пение нравится народу, привлекает молящихся. Простите, мне очень не нравится такое возражение: оно будет очень прилично для какого-нибудь антрепренера, или импресарио, заботящегося, чтобы к нему «валом валила публика».

Нужна ли нам, православным людям, такая праздная и развращенная «публика», которая приходит из любопытства топтать двory Господни (Ис. I:12), или нам нужны искренно молящиеся и идущие к Спасителю нашему труждающиеся и обремененные. А затем — ведь православный народ не слышит теперь правильно поставленного подлинно церковного пения. Устройте его, дайте народу сравнить то и другое и тогда говорите, что больше ему нравится. Народу 200 лет портили вкус, прививая ему чуждое и по вере и по природе — языческое и иноземное пение, и теперь угодливо считаются с его вкусом.

Пастырь истинный, ведущий духовных овец своих на пастбище церковное, не может считаться с таким возражением.

Еще возражение: почему же в таком случае во всех церквах это пение введено? Если оно не христианское, а мирское языческое, чего же смотрят священники и архiereи? Неужели все они ошибаются, а вы одни правы?

Отвечаю. Не надо скрывать истинного положения дела, не надо бояться правды, не надо бояться признать наше положение грустным и печальным. Надо согласиться с истиною: мы живем теперь в период упадка жизни церковной.

С лишком 200-летнее неустройство церковное отразилось и на богослужении, и на пении церковном. Мы, церковные деятели, теперь должны многое исправить, многое строить вновь. И в нашем делании церковном, в нашем стремлении по воссозданию жизни церковной мы не должны сообразовываться с ошибками окружающих и смотреть на соседей наших, которые, как и мы, представители упадка? Но куда смотреть?

В слово Божие, в 2000-летний опыт Церкви, в ее святое предание и Божественные каноны, в писания святых и духовных отцов, в ее богослужебный устав, в ее художественное достояние, богослужебные и певческие книги, сохранившиеся до нашего времени из прежних веков, — вот куда нам прилично смотреть, вот где надобно поучаться.

Мы так и поступали, на этом было основано и мое священнослужебное и певческое делание.

Я старался уяснить себе, что за тяга у вас и у других к партесному пению. Может быть, хочется нового, острого, приятного для слуха, скромного, но эффективного, такого, что могло бы производить впечатление.

Сестры, любезные, око ваше соблазняет вас, рука ваша вводит вас в искушение. Соблазняющий Вас помысл отсеките и бросьте от себя, согласно заповеди Господней.

Вот высказал я то, что повелела мне совесть. Примите со вниманием письмо мое. Как видите, оно очень большое и серьезное. И раз, и два прочтите его. Внимания у вас прошу к словам моим, как и сам я с чутким вниманием встречаю каждое известие о вас. Не пренебрегайте словом моим. Ведь кто знает, может быть и никогда больше не даст нам увидеться Господь.

Ему я молюсь о вас словами Рождественского ирмоса, который, конечно, не знают и никогда не поют (куда им!) любители партесного пения. В Федоровском кафедральном соборе Ярославля этот ирмос всегда пелся и теперь поется.

Молитва моя о вас теперь такова:

Призри, Благодетелю,
 На пение рабов Твоих,
 Смирив вознесенную гордыню врага
 И поднимая из греха, Благий Всевидец, певцов,
 Непоколебно утвержденных
 На основании веры.

Возлюбленные сестры! Неужели вы не оставите своего нецерковного и вредного увлечения? Да не будет.

Простите.

Спасайтесь, пребывая в благодати Божией. Молитесь и о мне.

*Ваш богомолец и во Христе собрат грешный
 И[ннокентий] Е[пископ] Л[адожский].*

ДАНИЛОВ МОНАСТЫРЬ

Данилов монастырь в первые полтора десятилетия после 1917 был главным духовным центром Москвы, а во многом и России. Он как бы перенял эту миссию от закрытой и разоренной Троице-Сергиевой лавры, где жизнь теплилась до начала 1930-х лишь в некоторых скитах.

Совсем неслучайно сложилось так, что Данилов — первый по основанию монастырь Москвы — стал последним закрытым в древней столице монастырем и первым открытым вновь в конце XX столетия. Неслучайно, разумеется, и то, что некоторые насельники монастыря, пришедшие в него в первые десятилетия XX века совсем юными, дожили до конца столетия и оставили содержательные воспоминания о жизни Данилова, в том числе о его службах и пении.

Для того чтобы понять ситуацию, сложившуюся в монастыре в описываемую эпоху, приведем фрагмент из очерка игумена Дамаскина (Орловского) «Данилов монастырь в годы гонений», первоначально опубликованного в альманахе «Даниловский благовестник» (1995. № 8), а затем в уточненном виде на сайте монастыря:

Данилов монастырь в XIX веке был монастырем необычным, и неслучайно именно здесь хотели быть похоронены и Н. В. Гоголь, и А. С. Хомяков. Но к началу XX века духовная жизнь в Данилове, как и в ряде других русских обителей, начала угасать, и назначение сюда в 1917 бывшего ректора Московской Духовной академии епископа Волоколамского (с 1923 — архиепископ) Феодора (Поздеевского) явилось решающим для расцвета обители. <...>

Когда архиепископ Феодор стал настоятелем Данилова монастыря, он привлек в обитель единомысленную с ним ученую братию, воодушевленную идеями христианского подвига. У архиепископа Феодора была мысль создать иноческое братство монахов-подвижников, делателей на ниве христианского подвига, и в силу этого — подлинных защитников Православия и хранителей церковного предания. По таким признакам и подбиралась братия Данилова монастыря.

В этом смысле Данилов монастырь значительно отличался от других монастырей того времени. В двадцатые годы, благодаря образованию нового братства, особенного во многих отношениях, духовная жизнь в монастыре пришла в состояние расцвета, и этот расцвет оказался важным для Церкви и для ее противостояния расколу обновленчества. <...>

ОГПУ, которое занималось тогда разработкой планов по уничтожению Церкви, решило, прежде всего, разорвать связь между епархиальными архиереями и их паствой и единым распоряжением лишило иерархов занимаемых ими кафедр, выслало

из пределов тех епархий, которыми они управляли. Так, более пятидесяти архиереев оказалось в Москве, и большая их часть нашла приют в Даниловом монастыре. Здесь они должны были сделать решающий выбор: или присоединиться к обновленцам, или же остаться со Святейшим Патриархом Тихоном, несмотря на то что святитель Тихон находился в то время (1922—1923) под домашним арестом, а в 1922 году был арестован и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), которому Святейший Патриарх передал полномочия по временному управлению Церковью.

И вот тогда Владыка Феодор и вся даниловская братия оказали неоценимую услугу Церкви. Они сделали ясный, бескомпромиссный выбор. Пребывая на канонических церковных основаниях и исходя из своего духовного опыта, они заняли истинно церковную позицию, не допуская возможности иного возглавления Русской Православной Церкви, кроме как Святейшим Патриархом Тихоном, не допуская и никакого диалога с обновленцами, которые сами, по собственной воле отпали от Церкви. И довольно скоро даниловцам удалось объяснить это многим архиереям, приезжавшим к ним в растерянности, не звавшим, как поступать, — вести ли диалог с обновленцами дальше, соглашаться ли на формальное им подчинение или не иметь с ними никаких отношений. Настоятель Данилова монастыря архиепископ Феодор в 1924 году был арестован, и с того времени для него началась жизнь исповедника. Его отправляли из ссылки в ссылку, он практически уже не возвращался к свободной деятельности, не мог открыто служить. Первое время, находясь в ссылке в Средней Азии, Владыка Феодор еще переписывался с даниловской братией, монахи ездили к нему, привозили письма, получали от него духовные наставления, но и их впоследствии всех ждала та же участь — арест и заключение. <...>

Несмотря на некоторые разногласия в вопросах современной церковной политики, святой Патриарх Тихон с большим уважением относился к суждениям архиепископа Феодора по церковным вопросам, в шутку называя настоятеля Данилова монастыря архиепископа Феодора и близких к нему иерархов «даниловским синодом», во многом советовался с ним, хотя зачастую поступал по-своему. Святейший Тихон понимал, что все советы архиепископа Феодора и его братии происходят из стремления сохранить безупречную церковную позицию. Даниловцы в то время были как бы эхом церковного народа, неким эталоном церковности. Потому они и собрали тогда вокруг себя большое число просвещенных духовных чад. Народ видел в даниловской братии подвижников, ощущал в них дыхание церковной жизни. <...>

Архиереи, нашедшие пристанище в монастыре, лишенные властями своих мест в епархиях, жили в обители подолгу.

<...> Власти ставили свою задачу масштабно. Им важно было организовать как можно большее число церковных расколов и как бы «сдвинуть» Церковь с канонического основания, что привело бы к возникновению множества сект. Тех, кто мешал осуществлению этой цели, кто был благочестив, стоик и достаточно образован, чтобы понять и объяснить происходящее, тех расстреливали. Лишь немногие благочестивые и мужественные архиереи дожили на своих кафедрах до 1937, как священномученик архиепископ Тверской Фаддей (Успенский).

Так продолжалось до 1937, когда правительство приняло решение о повсеместном истреблении архиереев, священнослужителей и многих мирян, где бы они ни

находились — в лагерях, в ссылках, под следствием или на свободе. Указ об уничтожении церковных деятелей был составлен И. В. Сталиным и до деталей разработан Н. И. Ежовым и его заместителем Фриновским. Все кровавое «мероприятие» было приравнено к военной операции, с привлечением войсковых подразделений. В течение нескольких месяцев, начиная с 5 августа 1937, страна находилась в состоянии чрезвычайного положения. Арестованных приговаривали по двум категориям: по первой — к расстрелу, по второй — к 10 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. <...>

В 1937 по Данилову монастырю велось два дела.

Дело архиепископа Феодора (о «даниловском братстве») велось в Ивановской и Владимирской областях (тогда это была единая Ивановская Промышленная область). По этому делу проходили архимандрит Симеон (Холмогоров), архимандрит Поликарп (Соловьев); архиепископ Феодор был привезен в г. Иваново из места ссылки, которую он отбывал с 1935 года в Сыктывкаре. В октябре 1937 года все они были расстреляны.

Другое дело по Данилову монастырю велось в Твери. Часть даниловцев, и среди них — архимандрит Стефан (Сафонов), проживала в Кашине. Там же был в то время и епископ Григорий (Лебедев). По этому делу проходил пятьдесят один человек. В 1937 году они были арестованы, перевезены в Тверь и осенью 1937 года все, кроме одного — несовершеннолетнего юноши, расстреляны.

Историю Данилова монастыря 1917—1937 годов XX века можно разделить на два периода: до закрытия монастыря в 1930 и после его закрытия до 1937, когда продолжалось исповедничество даниловской братии, а в 1937 году и оно закончилось со смертью насельников, за немногими исключениями. Архимандрита Серафима власти не нашли: он жил под Москвой, находясь на нелегальном положении. Пережили 1937 год еще несколько человек из даниловской братии, в том числе — последний наместник монастыря архимандрит Тихон. <...>

Действенная, подлинная церковность — это главное, основное, что было в те годы в Данилове. Данилов монастырь оказался тогда в одной чреде духовного подвига с другими обителями, такими как, например, Оптиная и Зосимова пустыни, и подвига особенного — просветительства, учительства церковного народа и своих собратий — священноцерковнослужителей, защиты Церкви и Православия.

В публикуемых воспоминаниях встречаются как упомянутые выше имена архиереев, так и ряд имен других иерархов, которых ныне принято называть «даниловцами». Некоторые из них, а также из монастырской братии упоминаются как знатоки пения, как выдающиеся певцы и чтецы. Совершенно понятно, что при такой, с одной стороны, концентрации епископата в стенах Данилова, притом что архиереи прибывали в Данилов из разных местностей России и, чаще всего, в сопровождении отдельных членов своего причта, а с другой стороны, при высоком духовном напряжении, которое царило в даниловских стенах, — службы в монастыре отличались не только точным соблюдением устава, но и особой торжественностью.

Не последнюю роль играло в этом великолепное пение, в которое вносили, по-видимому, некоторый вклад и песнопения или традиции, привезенные новыми насельниками. В целом же обиход монастыря, репертуар монастырских хоров охарактеризован в воспоминаниях о. Даниила (Сарычева), который в самой ранней юности стал прекрасным, многим запомнившимся канонархом Данилова, затем известным московским регентом (в 1950—1960-е руководил хором в храме Ризоположения и хором в Малом соборе Донского монастыря), был пострижен в монашество в Лавре в 1970, в 1978 рукоположен во диакона и, наконец, в 1988 — в возобновленном Даниловом — во пресвитера, затем во архимандрита и игумена. Репертуар даниловского пения был многослойным, в нем сочетались роспевы разных монастырей, «классические» духовные сочинения XIX и начала XX века и даже сочинения авторов 1920-х годов.

**Из жизни православной Москвы.
Воспоминания православного христианина***

Фрагменты

Настоящая школа

Нечаянная радость

Не знаю, как это случилось, что мама зашла в церковно-приходскую школу Данилова монастыря. Данилов монастырь был от нас не так уж близко, но зато путь туда лежал по спокойным улицам, на которых не было трамвайного движения.

Учитель школы, Леонид Алексеевич, сказал маме, что у них есть одно место, но что для приема на это место ученика требуется благословение отца казначея.

Казначей монастыря о. Кассиан, выслушав просьбу мамы, сказал:

— Благословляю перевод в нашу школу вашего сына. Приводите его завтра в половине десятого утра. Как раз завтра Сергиев день. Да поможет ему Преподобный в ученье.

Я был несказанно рад, когда по возвращении из училища услышал от мамы эту новость. <...>

Уроки пения

Один раз в неделю у нас был урок пения. Приходил иеромонах отец Сергей, садился за фисгармонию, проигрывал вещь, которую мы должны разучить, объяснял, как она должна быть выражена в пении, и начинал ее разучивать по голосам. Это были двухголосные вещи для дискантов и альтов. Мы пели народные песни и молитвы. К двенадцатым праздникам разучивали их тропари. Если кто-то начинал «врать», то отец Сергей подзывал к себе ошибающегося, ласково клал левую руку на его плечо, а правой проигрывал на фисгармонии его пение правильно. Все это делалось со вниманием, любовью, «на равной ноге», допустивший ошибку быстро понимал разницу и исправлялся. А отец Сергей по-детски радовался удаче и приветливо говорил:

— Ну, вот видишь, и получается. <...>

* Макаров Михаил. Из жизни православной Москвы. М., 2011.

Курсивом выделены примечания авторов.

Отец Сергей добивался от нас, чтобы мы при пении стояли прямо, не боялись шире открывать рот, «держали воздух в животе» и расходовали его плавно, без дрожания. Для этого он приносил с собой страусиное перо и давал тем, у кого дрожал голос, дуть на него, чтобы пух отклонялся от воздуха равномерно, без рывков. Это достигалось равномерным расходом воздуха «из живота». А потом, когда это получалось, ученик также перед пером тянул какой-либо звук. Таким образом исправлялась вибрация голоса. Но таких «овечек», как называл вибрирующие голоса отец Сергей, у нас было всего два человека. Надо сказать, что уже к середине учебного года все пели правильно. Отец Сергей радовался и приговаривал:

— Вот как стали петь! Молодцы! Если так еще год попоете, то можно и на клирос.

У всенощной

Незадолго до двенадцатых или больших монастырских праздников [учитель] Леонид Алексеевич приносил в класс хорошо литографированную картину праздника. По этой картине рассказывал нам о празднике. Мы шли на праздник хорошо к нему подготовленными, вплоть до знания тропаря праздника.

Накануне праздников, а также по субботам нас отпускали домой ранее обычного. При этом Леонид Алексеевич весело говорил:

— Быстро марш по домам. Вечером полшестого быть у школы. Идем ко всенощной.

Ходить ко всенощной всегда было радостно. Бывало, идешь в сумерках или уже в темноте. На душе легко: уроки выучены или их не задано. Впереди сладость: полная поэзии и отрады монастырская служба. Завтра утром тоже служба, а там — целый свободный день: можешь гулять или читать, сколько тебе хочется.

Вот я у школы. Уже почти все собрались. Делимся впечатлениями, проверяем наши знания, а то и просто «жжем масло». Для нас это была одна из любимых игр, особенно удобная при ожидании: ее можно было кончить моментально.

Раздается первый удар большого монастырского колокола. Пауза. Мы сразу затихаем, снимаем шапки, крестимся. Второй удар. Опять пауза. С третьим ударом начинается непрерывный благовест большого колокола. Мы сами становимся в пары. Дверь школы открывается, выходит Леонид Алексеевич, говорим ему «добрый вечер», и начинается наш поход в монастырь.

Мы должны быть у всенощной там, где служит или молится настоятель монастыря, архимандрит Иоаким — попечитель нашей школы. Таков установленный им порядок. Если служба в Троицком соборе — становимся впереди настоятельского места, между главным алтарем и правым приделом. Когда о. архимандрит молится за службой на своем настоятельском месте (а оно на возвышении), — мы все видны ему как на ладони. Великую ектенью произносит иеродиакон Иона¹ — человек богатырских размеров, с богатырским красивым басом, с золотисто-рыже-

¹ Иеродиакон Иона умер в 1919 году, как говорят, от истощения.

ватыми волосами почти до пояса и с простодушно-детской душой. Ектенья льется у него, как большая река, свободно, без какого-либо нажима.

Я любил службу о. Ионы, особенно чтение Евангелия, пение величаний и его «многолетия». Безупречная дикция — каждое слово отчетливо. Он не позволит вам задуматься о чем-либо постороннем. Он ведет вашу мысль за словами, которые он произносит. Однако слово «произносит» сюда не подходит — он не произносит, а просто говорит. Но как говорит! Не оторвешься, и слушаешь-слушаешь... что говорит.

Отец Иона в свободное от службы и монастырских послушаний время выходил за монастырские ворота отдохнуть. Сядет, бывало, на каменный выступ фундамента ворот, достанет из кармана семечки или крошки и начинает кормить птичек. Лицо его при этом выражает бесхитростно детскую радость...

К правому хору подходит монах с большой книгой в руках. Это канонарх. Он возглашает глас, на который будет петься стихира. Начинается пение стихир с канонархом. При этом пении до нас доходила каждая фраза стихир: фразу сначала отчетливо возглашает канонарх, а потом она повторяется хором. При пении последней фразы стихир, особо выделяемой канонархом, он переходит к левому клиросу и там начинает петь новую стихиру.

Для пения догматика (песнопения перед входом вечерни) и «Свете тихий» монахи спускались с обоих клиросов и сходились внизу, перед амвоном.

Все это вместе с кадыльным дымом, восходившим кверху, было торжественно и настраивало на молитву.

Шестопсалмие. Читает его не спеша и выразительно иеромонах о. Иасон. В его чтении — это целая поэма о душевных страданиях человека и покаянии, о его надежде на Бога, о его мольбе к Богу, о благодарении и восхвалении Бога за Его великие благодеяния и помощь. Такое чтение волнует, вызывает духовные переживания и добрые мысли, возвышает душу.

Очень захватывал выход на «Хвалите имя Господне...». Свечи в паникадилах были большие, восковые. Фитили этих свечей соединялись белым, пропитанным чем-то воспламеняющимся шнурком, который был протянут от одной свечи к другой, от другой — к третьей и т. д. Свободный конец шнурка спускался к самой нижней части паникадила. Незадолго до пения «Хвалите...» из отверстых Царских врат с посохом в руке, в блестящем облачении выходит архимандрит. За ним шествуют иеромонахи, позади которых о. Иона несет целый сноп горящих свечей. Отсвет от этих свечей скользит по стенам, боязливо отражаясь в вышине. И вдруг к этому свету внезапно врывается целое море света сверху. Заблаговременно подошедшие к паникадилам монахи зажгли концы паникадыльных шнурков. Огонь запольхал по шнуркам, зажигая по пути каждую свечу в паникадилах. Храм переполнен светом и ликующим пением «Величания» празднику. Душа празднует. После чтения Евангелия первыми после священнослужителей идем вереницей прикладываться к иконе праздника и помазываться освященным

елеем и тут же направляемся к выходу. Так благословил о. архимандрит: ученикам школы уходить домой при начале канона, чтобы не уставали. <...>

Говение

Первая неделя Великого поста — трезвенное, чистое, спасительное для православных христиан время. <...>

На первой неделе Великого поста мы ходили в уединенный монастырский храм во имя Симеона Столпника. Храм этот находился над главными воротами монастыря, под колокольней. Со стороны монастырского двора, над воротами, на стене была написана большая картина: преп. Симеон Столпник, стоящий на столпе, и толпящийся у столпа народ, пришедший к преподобному. Выходящие из монастыря богомольцы, приближаясь к воротам, видели эту картину и вспоминали о великом угоднике Божиим. Слева от картины, внизу, в левой части ворот был вход на лестницу, приводившую в храм.

В отличие от Троицкого собора и храма Вселенских соборов, в этом храме было очень мало молящихся. На первой неделе Великого поста в этот храм кроме учеников нашей школы приходили еще пожилые люди — беженцы из наших западных губерний, жившие в трехэтажном монастырском флигеле, примыкавшем к храму и соединенном с ним ходом. Для пожилых людей это было удобно: они могли прийти в храм, не выходя на улицу.

Храм был высоко над землей, ничто не загоразивало его окон с большими белыми откосами. Поэтому днем здесь было очень светло. В храме высился белый иконостас, украшенный снизу до самого верха золочеными резными виноградными лозами. Такой же сплошной золоченой резьбой были богато украшены Царские врата. Гармоничное сочетание обильного света с белым и золотым радовало душу. В иконостасе мне запомнился своей необычностью образ Божией Матери в восьмиконечной звезде, с предстоящими Ангелами, — «Неопалимую Купину» я увидел впервые в жизни.

По-особенному слышался в этом храме звон на колокольне. Казалось, кто-то отрывисто ударяет чем-то звонким по потолку, но тягучести колокольного звона слышно не было. <...>

Данилов день

Наступил Данилов день (4 марта ст. ст. — 17 марта н. ст.). В этот день мы были у Литургии в храме Вселенских соборов. Я впервые в своей жизни увидел, хотя и частично, но вблизи, архиерейскую службу. Я сказал — «хотя и частично», потому что место нашего стояния в Борисоглебском приделе не позволяло нам видеть ее всю. Мы могли видеть (и то не все, а только стоявшие в первом ряду, где был я) лишь в профиль и лишь на мгновение проходивших в процессе службы из алтаря и в алтарь священнослужителей. Несмотря на это, архиерейская служба произвела тогда на меня большое впечатление, и до сих пор, когда я за ней бываю, она всегда радостно волнует меня.

Перед началом службы среди молящихся в храме — тишина и торжественное ожидание. Хор наготове. Лица у хористов напряжены. Сейчас начнется встреча архиерея. Вот из северной двери главного алтаря пронес архиерейский посох иеродиакон, облаченный в золотой стихарь, опоясанный крестообразно орарем. В то же время другой иеродиакон прошел из южной двери в таком же стихаре и ораре, с перекинутой через левую руку сложенной архиерейской фиолетовой мантией. За иеродиаконами через северную и южную двери проследовали о. архимандрит и иеромонахи — все в клобуках и мантиях, затем иеромонах в золотой фелони (он нес на серебряном блюде с золотым парчовым покрывалом на престольный крест).

Но что такое? Это было неожиданно! Из южной двери вышел в золотом стихаре и в широком пурпурно-золотом двойном ораре красавец-богатырь протодиакон Константин Васильевич Розов с трикирием из трех белоснежных свечей в левой руке и с кадилом в правой. Он мне показался более огромным, чем в Кремле. Может быть, облачение способствовало этому впечатлению. Навстречу Розову из северной двери шел с дикирием и кадилом другой богатырь, поменьше — наш о. Иона, в таком же стихаре, но в простом ораре. У Царских врат они встретились и пошли рядом к выходу. Приятно было видеть этих двух богатырей вместе. Они замыкали шествие встречи. Благоуханный дым от их кадил поднимался вверх. Шествие прошло, и в храме сделалось еще тише. Только снаружи доносился непрерывный благовест большого колокола.

Вдруг благовест сменился радостным трезвонном всех колоколов. Хор еще более насторожился. В храме произошло какое-то движение, как будто от дуновения ветра. Отец Иона громкогласно возгласил: «Премудрость!» И вслед за этим послышался мощный рокот розовского полусшепота. Хор фортиссимо подхватил: «От восток солнца до запад...», перейдя затем на умиленное пианиссимо входного «Достойно есть». При этом пении архиерей, маститый старец (имени его не помню), медленно и величественно шествовал в мантии, придерживая левой рукой свисавший с плеча снятый клобук, к иконам Спасителя и Богоматери, делал перед иконами поясной поклон и прикладывался к ним. Таким же образом он проследовал к мощам св. князя Даниила и приложился к ним. Затем певчие пропели «Тон деспотин...», и началось облачение архиерея.

Из этой службы мне особенно запомнилось чтение Апостола о. Ионий: «Плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание...», и чтение Евангелия Розовым: «Во время оно, ста Иисус на месте равне: и народ ученик Его, и множество много людей от всея Иудеи и Иерусалима, и помория Тирска и Сидонска...» Все это было прочитано необыкновенно выразительно и живо, поражало и сразу же запоминалось. Но при чтении оказалось, что голос о. Ионы, казавшийся раньше удивительно сильным и красивым, померк по сравнению с необъятной мощью и величественной красотой голоса Розова. По силе звучания ионовский голос составлял, может быть, одну только треть розовского голоса. Я потом наблюдал, что голос Розова обладал феноменальным свойством наполнять помещение, независимо от его величины. Где бы

ни служил Розов, всегда казалось, что стоишь рядом с ним: так отчетливо было слышно каждое слово. Это явление наблюдалось и в огромном Храме Христа Спасителя, где даже такой исключительный голос, как голос народного артиста Василия Родионовича Петрова, которому завидовал Ф. И. Шаляпин, не мог заполнить колоссальный объем храма. Очевидно, эту особенность голоса Розова имел в виду маршал Георгий Константинович Жуков, когда в своих воспоминаниях писал: «В Храме Христа Спасителя было приятно послушать протодиакона Розова. Голос у него был, как иерихонская труба»².

Невыразимое впечатление произвел на меня молебен св. князю Даниилу после обедни, когда весь народ, находившийся в храме, пел, повторяя за священнослужителями: «Святой благоверный княже Данииле, моли Бога о нас». В этом всенародном призыве слышалась неразрывная связь святого с молящимися. Подтверждалась истинность обещания святого князя: «Аз есмь с вами». Святой здесь, с нами, он слышит нас, и поэтому такое вдохновенное воодушевление и единение в храме. <...>

Монастырские хоры

При владыке Феодоре [Поздеевском] к двум большим хорам — мужскому (монахи и любители-миряне) и женскому (любительницы с соседних фабрик) — добавился новый, также большой и хороший хор — детский. Этот хор стоял внизу у солеи, перед правым клиросом. Организатором и регентом детского хора был иеромонах Евсевий (впоследствии епископ). Он же был организатором и руководителем занятий с детьми Священной Историей и Законом Божиим. Эти занятия проводились в Троицком соборе. Впоследствии многие из детского монастырского хора стали хорошими певцами. Кстати, надо сказать, что регентом мужского хора был иеромонах отец Алексей, обладавший абсолютным слухом. Отец Алексей, задавая тон, почти никогда не пользовался камертоном. Хор он вел безукоризненно. В хоре нередко участвовали некоторые оперные певцы. Когда в монастыре служил протодиакон Максим Михайлов (а это было довольно часто), он солировал в мужском хоре и всегда был очень доволен руководством отца Алексея. Женским хором руководил иеромонах отец Сергей — тезка отца Сергия, преподававшего пение в монастырской церковно-приходской школе. Женский хор мне очень нравился своим чистым, каким-то прозрачным, «хрустальным» звучанием. В то время мне казалось, что по сравнению с мужским хором он больше приближался к ангельскому пению.

В отсутствие Владыки

Хотя владыка Феодор был настоятелем монастыря вплоть до его закрытия в 1930 году³, но с 1922 года владыке мало пришлось быть в монастыре; больше

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 20.

³ Официально монастырь был закрыт в 1919, но до 1930 существовал как «даниловская община».

владыка был в заключении, а затем — в ссылке. Однако это не ослабило популярности монастыря. В монастыре подолгу жили и служили: епископы Филипп (Ставицкий), Гурий (Степанов), Амвросий (Полянский), Валериан (Рудич), Парфений (Брянских) и другие архиереи; нередко служил митрополит Серафим (Чичагов). Поэтому в отсутствие владыки архиерейская служба здесь почти не прекращалась, строго соблюдался порядок, установленный владыкой, и молящиеся во множестве стекались в монастырь.

Два урока

На Большой Серпуховской улице во владении дома № 31 находится переделанное здание бывшего домового храма Ляпинской богадельни, располагавшейся на обширной территории этого и соседних домов. Храм был освящен в честь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость. Храм этот, как и другие храмы богаделен на Большой Серпуховской, многолюдно посещался не только призреваемыми в богадельнях, но и жителями прилегающей местности. По своим службам храм мало чем отличался от соседних храмов. Но вот в начале 1917 года появился новый староста — владелец маслозавода Грачев. Грачев не жалел средств на благолепие храма. Он пригласил в храм известную Губонинскую капеллу. Нередко приглашал таких прославленных солисток, как Нежданова и Степанова. Вместо маленькой колокольни храма Грачев задумал построить новую, двухъярусную колокольню, архитектурный проект которой был выставлен у свечного ящика для всеобщего обозрения. На новую колокольню Грачев приобрел колокол в 220 или 250 пудов (веса точно не помню).

Чтобы использовать колокол до постройки колокольни, была сооружена специальная деревянная звонница. Мне довелось видеть, как строилась звонница, как освящался колокол, как водружался он на звонницу. Доводилось мне и звонить в этот колокол. С уходом Грачева постройка новой колокольни не была осуществлена.

Довольно часто Грачев приглашал в храм для служения архиереев. Большей частью это были архиереи, прибывшие в Москву на Всероссийский Поместный Собор. Архиерейские облачения для служб брались в Даниловом монастыре, откуда приглашались и иподиаконы. Зная меня, иподиаконы предлагали мне держать архиерейский посох за службами, что я выполнял с большой радостью. Я даже стал в этом храме как бы постоянным посошником для архиерейских служб. Когда объявлялась архиерейская служба, я уверенно шел перед ее началом в алтарь, где получал благословение на стихарь, подготавливал посох, раскладывал в нужных местах орлецы, выходил с посохом встречать архиерея и держал посох в продолжение всей службы, которая меня никогда не утомляла, а, наоборот, всегда давала заряд бодрости и удовлетворенности.

Архимандрит Симеон [Холмогоров]

В монастыре на покое жил архимандрит Симеон. Он пользовался всеобщей симпатией и уважением. Трудно определить, что было тому причиной, но совер-

шенно бесспорно, что расположение к нему рождалось у других людей как-то само собой, с первого взгляда. Может быть, поэтому память об о. Симеоне сохраняется до сих пор, и иногда встречаются даже молодые люди, которые на вопрос, слышали ли они что-нибудь о даниловском старце Симеоне, отвечают:

— Да, это тот старец, которого возили в кресле-коляске.

Но, к сожалению, этим и исчерпывается память о нем. Поэтому хочется сообщить крупницы сведений, запомнившихся мне об о. Симеоне.

Не помню точно, когда он появился в монастыре. Мелькает в памяти, будто еще при настоятеле архимандрите Иоакиме я видел о. Симеона в храме Симеона Столпника, куда его привезли однажды в кресле-коляске из флигеля, в котором жили беженцы. Флигель этот соединялся ходом с храмом, что было удобно для перемещения о. Симеона.

Отец Симеон уже давно не мог ходить. Говорили, что в 1905 году, когда он шел по улице, началась перестрелка между войсками и восставшими рабочими. Во время этой перестрелки о. Симеон был нечаянно ранен. Вследствие ранения у него парализовало обе ноги⁴.

Отцу Симеону было лет пятьдесят. Он был крупного сложения. Его лицо с большим лбом и выразительными глазами, вдумчиво смотревшими сквозь очки, светилось умом. Несмотря на свою «прикованность» к креслу, о. Симеон имел внушительный, можно даже сказать, величественный вид.

При настоятельстве владыки Феодора о. Симеон в храмах монастыря бывал за каждой воскресной и праздничной службой. Обладая хорошим голосом (бас) и слухом, он пел на правом клиросе.

Келейником его был иеромонах Николай. Это был очень смиренный человек, с большой любовью ухаживавший за о. Симеоном. При первых же звуках благовеста о. Николай вез на кресле архимандрита Симеона из покоев первого этажа настоятельского дома к храму. У храма под сиденье кресла продевался прочный костыль, достаточно длинный для того, чтобы с боков кресла за него могли взяться по два человека. Охотников внести о. Симеона на довольно высокую паперть всегда хватало с избытком. Многие богомольцы специально приходили раньше, чтобы нести о. Симеона. Сзади кресло поддерживал за ручку о. Николай.

Отец Симеон сидел на своем кресле-коляске в задней части клироса у самого барьера, что позволяло молящимся видеть его лицо. Разместившись на клиросе, отец Симеон снимал клобук и в продолжение всей службы был без клобука. Так, видимо, ему было легче петь.

Во время чтения часов за литургией отец Симеон надевал епитрахиль и читал поминания, вынимая из просфор частицы в ковшик для теплоты, или совершал исповедь кого-либо из своих многочисленных духовных чад. Я заметил, что он

⁴ В действительности отец Симеон был тяжело ранен в 1907, когда он был ректором Казанской Духовной академии, при покушении на него революционно настроенного семинариста.

очень любил благословлять стихари мальчиков-алтарников. Благословив стихарь, он всегда ласково гладил по голове подошедшего и тепло говорил ему что-нибудь приветливое. Это, пожалуй, все, что запомнилось мне об отце Симеоне.

Как-то в декабре 1923 года Коля Журко⁵ — посошник владыки Феодора — разговаривал со мной о протодиаконе о. Максиме Михайлове, приехавшем незадолго до того в Москву и начавшем служить с Патриархом Тихоном вместо скончавшегося архиерея о. Константина Розова.

— На днях, — сказал мне Коля, — я слышал Михайлова у нас в монастыре на спевке с правым хором. Оказывается, Михайлов знаком с Иваном Яковлевичем⁶ и скоро будет служить у нас за всенощной. На спевке Михайлов пел «Блажен муж», «Ныне отпускаеши» и «Спаси, Боже, люди Твоя». Голос у него красивый, сильный и очень ровный, одинаково легко звучавший на «низах» и на «верхах». Мне он очень понравился. Из оставшихся после Розова протодиаконов Михайлов, пожалуй, самый лучший. Его заслушаешься. Но не меньше Михайлова хотелось слушать о. Симеона.

— Разве о. Симеон солирует? — спросил я.

— Да нет, он не пел, а говорил о церковной службе.

— Что же он говорил?

— Сейчас расскажу.

Приехал Михайлов с опозданием. Пока его ждали, среди певчих зашел разговор о том, как лучше петь ектеньи: с «перекрытием» или без «перекрытия»⁷.

Отец Симеон сначала слушал этот разговор, а потом сказал:

— Многим нравится пение с «перекрытием». Звучит это красиво, но слова ектеньи, которые молящиеся должны слышать, чтобы молиться этими словами, скра-

⁵ Коля Журко — сын врача Михаила Ивановича Журко, славившегося в то время по всей Даниловке (за Камер-коллегским валом). Брат Коли — Миша тоже прислуживал в алтаре. Часто ходили молиться в монастырь мамаша Коли и две его сестры, Люда и Надя. Братья, сестры и их мамаша отличались выдающейся красотой. Сестры и мамаша были всегда одеты с большим вкусом, что еще больше подчеркивало их красоту. В храме они стояли чинно, строго, как-то плотно, как столпы, что выделяло их среди молящихся.

⁶ Иван Яковлевич — протодиакон монастыря — не был монахом, но принял обет безбрачия. Он перешел в монастырь году в двадцать первом — двадцать втором из Храма Христа Спасителя, где был псаломщиком. Иван Яковлевич поселился в квадратной башне монастырской стены у храма Вселенских соборов. Он запомнился мне наружным сходством с Петром I и тем, что круглый год ходил в летней одежде и без шапки, даже в самые лютые морозы. Голос у него был глуховатый бас, но служил он торжественно. Говорили, что он большой постник. Протодиакон Михайлов, будучи хорошим знакомым Ивана Яковлевича, всегда останавливался у него в башне, когда служил в монастыре. Примечательно, что Ивана Яковлевича все в монастыре называли по имени-отчеству, а не «отец протодиакон» или просто «отец Иоанн».

⁷ «Перекрытие» ектеньи — это когда диакон говорит слова прошения, а хор одновременно с этими словами поет «Господи помилуй» или «Поддай Господи».

дываются. И получается, что красивое заслоняет собою столь важную в церкви общую молитву. Это — то самое «многогласие», против которого восставал и боролся Патриарх Никон.

Обычаем церковным установлено повторение хором прокимнов, возглашаемых диаконом или чтецом. Это сделано для того, чтобы обратить особое внимание молящихся на содержание прокимнов. У нас теперь нередко и прокимны «перекрываются». И то, что должно запомниться, выпадает из внимания.

Прекрасен обычай пения стихир с канонархом. При этом пении до молящихся доходит каждое слово и возвышает душу. Вспоминаю, как в детстве я пришел ко всеобщей накануне Вербного воскресенья. Пасха была в тот год поздняя, было тепло, все распускалось. Было радостно идти в церковь с вербочкой... И вот я услышал стихиры, певшиеся с канонархом, глубоко тронувшие мою душу и запомнившиеся на всю жизнь. Особенно тронула стихира, в которой говорится: «Прежде шести дней Пасхи прииде Иисус во Вифанию, и приступиша к Нему ученицы Его, глаголюще Ему: “Господи, где хочещи уготоваем Ти ясти Пасху?” Он же посла их: “Идите в преднюю весь и обрящете человека, скудель воды носяща, последуйте ему и дому владыце рцыте: “Учитель глаголет, у тебе сотворю Пасху со ученики Моиими”»».

Каждая фраза, сказанная канонархом и пропетая затем хором, запечатлелась в моей детской памяти, и воображение рисовало тихую Вифанию, само название которой, как мне казалось, было мягкое, созвучное уютному, полному благоухающей зелени селению, куда пришел Господь. Бесхитростная душа умилялась предведением Господа: «Идите, и встретите человека с кувшином воды», и сердце трепетало при словах: «Учитель глаголет: у тебе сотворю Пасху со ученики Моиими», — ведь Он знал, что это Его последняя Пасха перед крестными страданиями... Сердце мое сжималось, и в то же время в глубине души зажигалась весенняя заря нескazanной радости Воскресения Христова и нашей Пасхи.

Увы, вам известно, как зачастую обесцвечивается стихира, пропетая только хором, да притом торопливо. Многие слова и даже фразы не доходят до молящихся, и дивная по своему содержанию стихира остается без внимания. Молящиеся стоят без воодушевления, и к ним скоро приходит утомление, которого никогда не бывает при вдохновенной службе. К сожалению, теперь пение с канонархом только в монастырях, а в приходских храмах даже те стихиры, которые должны петься дважды, поются по одному разу. Если уж зашел разговор об ектенийных «Господи, помилуй», то, мне кажется, лучшие из них — старинных роспевов, а больше всего мне по душе ектеня псковского роспева⁸.

Вообще о церковном пении надо сказать: если пение начинает заслонять своей вычурной театральностью молитву — оно не годится для церкви. Очень жаль, что

⁸ Не знаю, были ли в монастыре ноты этой ектенни. В настоящее время она поется только в храме Донского монастыря — по памяти регента о. Иоанна. Тем не менее звучит она очень торжественно, с каким-то отголоском патриотизма псковичей.

многие церковные регенты чуждаются истинно молитвенных симоновских, софрониевских, зосимовских, оптинских и других монастырских напевов. Не подумайте, что я против всего нового в церковном пении. Наша церковь богата поистине небесными мелодиями новых композиторов, но эти мелодии должны исполняться с особым духовным проникновением и очень хорошими хорами. Есть впечатляющие произведения у регентов Рютова и Чмелева⁹, но и эти произведения — для хороших хоров.

Сказанное о пении полностью относится к церковным иконописи и живописи и вообще к церковной службе. Если они не располагают к молитве — они не церковны.

Некоторые говорят, что чтение и возгласы в храме должны быть всегда плавны и немного нараспев. Это не так. Важно, чтобы и чтение, и возгласы были наполнены молитвенным вдохновением, а не сухой казенной обязанностью. Вот архиепископ Трифон (Туркестанов) служит «говорком», не нараспев, а молящиеся стоят как на воздухе. Так отрывает от всего земного и возносит к Небу его служба.

В храме все должно располагать к молитве, все должно вдохновлять: от возглавляющего службу священнослужителя до последнего свещника, ставящего и снимающего свечи с подсвечников. Тогда даже свечи горят по-иному, и люди стоят, как свечи, пламеня серафимовым огнем хвалы Богу, и молитвы доходят...

В это время к клиросу подошел Михайлов. Он был в какой-то необыкновенно мохнатой черной дохе. На ногах — сапоги. Приземистый, коренастый и, наверно, очень сильный. Лицо у него немного чувашское, серьезное, лоб выпуклый, с небольшим шрамом справа. Густые черные волосы до плеч. Совсем небольшая, редковатая борода. Все видели его впервые и с интересом смотрели на него... Началась спевка.

Таким запомнился мне рассказ Коли Журко.

⁹ Георгий Иванович Рютов в двадцатые годы был регентом в домовом храме бывшего Коммерческого института. Храм находился на улице Зацепы. В интерьере храма сделано четыре этажа для аудиторий. Снаружи легко угадывается его прежнее назначение. Из хора Рютова вышли солисты Большого театра Ал. Чаплыгин и Д. Волков. В хоре Рютова зачастую солировали А. В. Нежданова и А. С. Пирогов.

Хор Чмелева, современника Рютова, пел в большом великолепном храме в честь Казанской иконы Божией Матери на Калужской (ныне Октябрьской) площади. В тридцатых годах храм был закрыт. В здании храма был кинотеатр «Авангард». В конце семидесятых годов здание храма снесено. Своей колокольней храм выходил на улицу Димитрова [Якиманку] рядом с теперешним вестибюлем метро. На части территории, ранее занятой храмом, сейчас находится большое многоэтажное здание.

Одновременно с руководством церковными хорами Рютов и Чмелев занимались композицией и преподавали пение в средних школах.

См. о них подробнее в разделе «Драмсоюз».

Прошло более шестидесяти лет с тех пор, как рассказал мне это Коля, но мысли о Симеоне о церковной службе сохраняют живое значение и для наших дней.

Не так давно мне довелось видеть ноты, переписанные о Симеоне¹⁰. Меня поразила своей красотой его изящный, связный почерк. Такой почерк обычно бывает у людей, глубоко чувствующих все возвышенное и прекрасное, устремляющее нас к Небу.

...11 сентября 1983 года, накануне дня памяти князя Даниила, мне посчастливилось быть за первой всенощной в восстанавливавшемся монастырском храме Вселенских соборов. В храме были голые стены, на полу — строительные отходы. В Даниловском (он же Касьяновский) приделе было несколько прибрано, на полу настланы большие фанерные щиты, поставлен аналой с иконой святого и перед ним — подсвечник с немногими свечами. Две свечи прилеплены к стене арки, в которой когда-то лежали мощи князя. Свет свечей скудно освещал лишь место в приделе, где шла всенощная. В остальном большом пространстве храма — мрак. Все напоминало катакомбы первых веков христианства.

Пели человек шесть братии восстанавливавшегося монастыря. Монашеское пение отдавалось слабым эхом в дальних, покрытых мраком углах храма. Прислушавшись к эху, я заметил, что оно звучит как бы большим хором красивых высоких голосов.

Ярко вспомнилось одно из моих посещений этого храма в 1919 году. Была осень. Будни. Шла всенощная. Молящихся очень мало — человек двадцать. Пели пять или шесть монахов. И точно так же отдавалось в дальних углах большим хором красивых голосов эхо. Бесхитrostное детское чувство подсказало мне тогда: это поют Ангелы и души подвизавшихся здесь праведников.

Воспоминание глубоко меня взволновало.

Отраднo было вновь услышать, как бы через призму времен, эти не изменившиеся за десятки лет голоса.

¹⁰ Неизвестно, где видел автор мемуаров эти ноты, но в настоящее время таковых в музее монастыря не имеется.

Архимандрит Симеон, в миру Михаил Холмогоров, родился 29 сентября 1874 года в городе Кунгур Пермской губернии, в семье священника. О своем детстве и годах учения он рассказывал так:

«Дома я не учился, а только с кошками играл; но вот пришло время отдать меня в Духовное училище. Напекли пирогов с яблоками и отвезли. Ну что же делать! Я плачу, плачу, потом поем пирогов, потом учусь, потом опять плачу, опять поем пирогов и опять учусь; так первым и кончил; и семинарию кончил, и поступил в Казанскую Академию...»

Товарищи о. Симеона и его крестная мать рассказывали про него: «Он был высокого роста, широкоплечий, темно-русый, с прекрасным голосом, легким басом, скорее красивый, очень веселый, любил бывать на вечерах, был замечательный певец и танцор»¹¹. <...>

Близким другом о. Симеона по Казанской Духовной академии был будущий владыка Феодор (Поздеевский). Они оба были преданными духовными сыновьями и учениками старца Гавриила (Зырянова). <...>

В начале 1906 указом Св. Синода о. Симеон был назначен на должность инспектора Тамбовской семинарии, где ректором в то время был архимандрит Феодор (Поздеевский).

В то время Тамбовская семинария, как и многие другие, была охвачена революционными настроениями. 2 мая 1906 года было совершено покушение на жизнь о. ректора архимандрита Феодора. В него стрелял из револьвера воспитанник первого класса Владимир Грибоедов. К счастью, о. Феодор остался жив. 21 августа 1906 он был переведен на должность ректора в Московскую Духовную семинарию. 4 ноября 1906 ректором Тамбовской семинарии назначается о. Симеон. 19 ноября епископом Тамбовским Иннокентием он был возведен в сан архимандрита.

7 апреля 1907 жертвой нового покушения революционно настроенных семинаристов стал архимандрит Симеон. Архимандрит Феодор сразу же приехал к тяжело раненному о. Симеону. Он был уверен, что пуля, искалечившая о. Симеона, предназначалась ему. Недаром в среде людей, близко знавших о. Симеона и архиепископа Феодора, была распространена легенда о том, что о. Симеон буквально заслониł собой владыку Феодора, пострадав вместо него и тем сохранив его жизнь.

* Даниловский благовестник. 1999. Вып. 10. С. 43—51.

¹¹ *Игуменья Иулиания (Ушакова)*. Священномученик старец архимандрит Симеон // Архимандрит Симеон. Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни. 2-е изд. Джорданвилль, 1964. Приложение.

Пуля попала о. Симеону в поясной позвонок, вследствие чего нижняя часть тела осталась парализованной. <...>

Когда 1 мая 1917 года архиепископ Феодор был назначен настоятелем Данилова монастыря, о. Симеон последовал за ним. К этому времени относятся воспоминания игумении Иулиании:

Я с ним познакомилась, когда он жил в Свято-Даниловом монастыре, а настоятелем был владыка Феодор. До этого он жил одно время у своего старца схиархимандрита Гавриила, который и передал ему старчество...

В Даниловом монастыре о. Симеон жил в довольно большой келье. Рядом жил его келейник о. Николай...

Ход в келью о. Симеона был отдельный, как раз против могилы Гоголя. Обычно о. Симеон лежал на животе, и тогда движение его рук было свободно. Лежал он всегда в сером подряснике, наполовину покрытый одеялом, лицом к киоту с иконами. Все было для него приспособлено: лежа мог тушить электричество, с рядом стоящего столика доставал книги; когда подавали чай, сам разливал. А с приспособленной к его кровати полочки доставал лекарства гомеопатические. Он очень любил лечить. Могу по себе сказать, что о. Симеон лечил очень удачно. Но помогали ли его лекарства или молитва, не знаю.

Если он себя чувствовал хорошо, то к нему келейник пускал посетителей. Батюшка лежал спиной к двери. Еще не видя входящих, а только слыша, он всегда очень любезно приветствовал их, говоря:

— Милости прошу, пожалуйста!

Духовных детей у него было мало, не больше пятнадцати. Некоторых он брал сам, но с благословения владыки Феодора. Иногда к нему приезжали его давнишние духовные дети, иногда бывшие духовные дети старца Гавриила, а иногда владыка Феодор к нему посылал. В этих случаях оставить себе посланного владыкой предоставлялось о. Симеону. <...>

О. Симеона одевали, сажали в кресло на колесиках, возили в церковь и подымали на клирос. Его прекрасный бас, несмотря на тяжелое физическое состояние, сохранился во всей красе. До сих пор помню, как звучал его голос, когда он пел подобен на «Господи возвах» праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Там был Покровский придел, а потому (а может быть, и в память Московской академии) по пятницам читался акафист Покрову и пелись некоторые стихиры с заключительными словами: «Обрадованная, радуйся, с Тобой Господь!»

Если опаздывал регент, о. Симеон регентовал. <...>

Владыка Феодор в то время [1929] был в ссылке, и монастырем управлял наместник архимандрит Тихон (Баляев). Он определил келейником к о. Симеону послушника Михаила Карелина, которому довелось быть рядом с о. Симеоном почти до самого конца его жизни.

В 1930 году Даниловскую обитель закрыли, и монахи стали служить в храме Воскресения Слоущего, рядом с монастырем, поочередно с приходским духовен-

ством. Туда же перенесены были и мощи святого князя Даниила. Немногочисленная теперь уже братия проживала у даниловских прихожан. О. Симеона приняли две сестрицы¹².

Когда владыка Феодор уехал на жительство во Владимир (скрываясь от властей), — рассказывает о. Михаил, — он написал в Москву, чтобы о. Симеон приехал к нему. Батюшка сразу собрался; я тоже поехал с ним.

Владыку принял у себя в доме на Заднем Боровке протоиерей Владимир¹³; первое время по приезде мы также остановились у него.

О. Симеон был большим любителем и знатоком церковного пения. О. Владимир обладал прекрасным голосом, и в тот недолгий период, пока мы пребывали у о. Владимира, батюшка имел великое утешение от совместного пения. Бывало, о. Симеон достанет партитуры:

— Посмотрите, батюшка, вот эти ноты.

О. Владимир усаживается за стол, смотрит в ноты, качая головой:

— Ай-яй-яй, какая красота! Давай, батюшка, попробуем спеть.

У о. Владимира, как и у о. Симеона, был бас, и они договаривались, кому петь басом, а кому тенором. <...>

Приезжали к нам даниловцы: о. Поликарп¹⁴ и о. Стефан¹⁵. Тогда вместе служили. О. Стефан, о. Поликарп и матушка Гермогена с о. Симеоном пели. Владыка служил очень сосредоточенно, серьезно.

Между о. Симеоном и владыкой Феодором было необыкновенное согласие и взаимная любовь. Они были как одна душа... Трогательно было наблюдать, как Владыка беседовал с батюшкой. Беседы их были таковы, что, ведя их, они «восходили на небо» и укреплялись благодатью. О. Симеон лежал на кровати, Владыка становился в двери, а о. Поликарп стоял в сторонке — как пасхальная свеча. Однажды Владыка хотел процитировать что-то из святых отцов и, забыв, обратился к о. Поликарпу, которого называл «аввой»:

— Авва, откуда эти слова?

И о. Поликарп тотчас же ответил ему... <...>

Был батюшка добрый, ласковый, мудрый, терпеливый... Часто он рассказывал о своем старце Гаврииле, вспоминал случаи из прошедшей жизни... И многому можно было научиться у него, но я, к великому прискорбию своему, не смог воспользоваться этим родником благодати...

¹² О. Симеон жил у трех сестер Горюновых; дом их находился в Большом Воскресенском переулке, д. 3, недалеко от храма Воскресения Словоущего.

¹³ О. Владимир Побединский. В 1930 был арестован, в 1931 находился в Соловецком лагере. Дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁴ Архимандрит Поликарп (Соловьев), наместник Данилова монастыря в 1920—1927. Расстрелян в Ивановской тюрьме 27 октября 1937.

¹⁵ Архимандрит Стефан (Сафонов), наместник Данилова монастыря в 1927—1929. Расстрелян в Твери 17 сентября 1937.

Весной 1936 в связи с начавшимися во Владимире массовыми арестами о. Симеон переехал в Киржач, где поселился в доме Бакиной (ул. Свободы, 59). Здесь, вероятно, принял схиму с именем Даниил.

В 1937 году Владыки с нами уже не было¹⁶, — продолжает о. Михаил. — Однажды явились к нам сотрудники НКВД, произвели обыск, все перевернули, а нас всех увезли в тюрьму: батюшку о. Симеона, Лидию Сергеевну и меня. Нас с батюшкой посадили в одну камеру. Через сутки пришел служитель и велел мне собираться с вещами, сказав, что я больше сюда не вернусь.

Я оставлял о. Симеона одного, беспомощного. А батюшке и пошевелиться было трудно. Когда приходилось с большой осторожностью усаживать его, батюшка, бывало, скажет: «Тише, тише, такая боль... как если бы камни положили в нутро, и они трутся друг о друга»...

Поклонился ему в ножки (если только можно так сказать, потому что батюшка, лежал):

— Благословите, батюшка, простите...

О. Симеон благословил меня и сказал:

— Бог тебя простит... Ну вот, мы теперь навсегда расстаемся, больше не увидимся. Вот тебе мое последнее слово: я здесь в тюрьме умру, а ты вернешься и еще многое увидишь...

Эти слова были пророческими!¹⁷

29 декабря 1936 о. Симеон был арестован у себя на квартире вместе с келейниками: Михаилом (Карелиным), монахиней Серафимой (Виноградской) и послушницей Александрой Туловской. Он содержался во Владимирской тюрьме, тогда как все арестованные с ним в Киржаче были сразу переведены в Ивановскую тюрьму. В сентябре 1937 о. Симеон был осужден как «руководитель подпольной к/р организации церковников и монашества “Иноческое братство князя Даниила”». 9 сентября 1937 расстрелян в Ивановской тюрьме.

¹⁶ В 1933 архиепископ Феодор был арестован, в 1935 сослан в Архангельск, а затем в Сыктывкар.

¹⁷ Михаил Петрович Карелин был приговорен к десяти годам лагерей на Колыме; затем в течение десяти лет оставался там на вольном поселении. В 1959 был реабилитирован и вернулся в Москву.

Рассказы инока Михаила Карелина, родившегося в 1911 и дожившего до восстановления Данилова монастыря (скончался в 2003, пострижен в схиму), опубликованы: Даниловский благовестник. 1996. № 8. С. 56—58.

ВОСПОМИНАНИЯ О МОСКОВСКОМ ЦЕРКОВНОМ ПЕНИИ*

Я родился в 1912 году в Рязанской губернии, в двадцати пяти километрах от города. В начале 1920 года вместе с матерью и сестрой переехал в Москву и поселился на Малой Тульской улице, близ Данилова монастыря. Ежедневно ходил в монастырь к ранней обедне, во время которой пел архимандрит Григорий (Лебедев), позже ставший настоятелем Александро-Невской Лавры и позже архиереем. Я его очень полюбил, и он меня также. Вот он-то и обратил внимание на мой голос и отдал в обучение к игумену Алексию, бывшему в монастыре регентом. Науку отца Алексия, который учил меня гласам и славянскому языку, я освоил быстро, так как, по отзывам, имел абсолютный слух и хорошую память: стоило мне один раз услышать песнопение, как я уже мог его спеть.

Очень мне хотелось быть канонархом, и я часто молил об этом Господа. И вот когда мне было одиннадцать лет, моя мечта сбылась и я стал канонархом Данилова монастыря. Москвичи меня очень любили и приходили слушать со всего города. Бывало, под праздник у нас пели десять стихир; так я один канонаршил все десять — с правого на левый клирос ходил. Носил я подрясник и немного длинные волосы, так что был похож на девочку. Бывало, пока пройду по храму, мой карман в подряснике полон конфет и шоколада.

Пение у нас в монастыре было прекрасное, молитвенное, торжественное. На правом клиросе хор был наемным и состоял примерно из тридцати человек. Все голоса были отборные: храмы и монастыри закрывались, поэтому наплыв певцов был большой. Это потом уже начались притеснения, и стали бояться петь в церкви.

На левом клиросе пели наши монастырские насельники, числом около двадцати, под управлением игумена Алексия — человека одаренного и необычайной доброты, обладавшего красивым, немного «в нос» тенором. Всего же у нас в монастыре было около сорока монахов. Среди тех, что пели на клиросе, был архимандрит Симеон, у которого был прекрасный бас. <...>

За службой в монастыре пели гласы московского роспева, а также Обиход Львова. Любили петь Турчанинова, Бортнянского, Аллеманова, Нафанаила [Бочкало] и, конечно, Архангельского. Вообще, в Москве Архангельского очень любили. Но вот у нас в монастыре предпочтение отдавали Кастальскому. Затмил же всех этих композиторов своими новшествами Павел Чесноков! Почти все протодьякона — Михайлов, Холмогоров, Туриков — пели его ектении, «Спаси Боже...» Испол-

* Труды Московской регентско-певческой семинарии. 1998—1999. М., 2000. С. 271—277. Материал подготовлен к публикации С. Г. Зверевой.

нялись у нас за службами и напевы Зосимовой пустыни «Благослови...», «Блажен муж...», а также подобны Оптиной пустыни. Очень мы любили подобны Даниилу Московскому (на тот же распев поются подобны преподобным Сергию и Серафиму). К сожалению, утеряны ноты необычайной красоты трипеснцев, которые исполнялись на повечерии Рождества Христова и на Страстной седмице, — отдали на хранение домой старушкам, да те поумирали. Трипеснцы были четырехголосными, какого-то древнего монастырского напева, и исполнялись они только в нашем монастыре. И еще у нас в монастыре было особое «Господи помилуй», которое привез Владыка Дамаскин [Щедрик], обладавший прекрасным первым тенором — прямо Сладкопевец!

На первом месте в нашем монастырском пении была церковность, и пению нашему по благоговейности равных не было. Оно было одновременно и торжественным, и умягчало сердца молящихся. В пении должна быть внутренняя молитва, тогда оно будет духовным и будет пробуждать к молитве. Службы у нас в монастыре были длинными, особенно под большие праздники: все кафизмы вычитывались, стихиры пелись полностью, служба длилась с полшестого и кончалась в половине одиннадцатого. Но мы не уставали, не хотелось уходить из храма.

Надо сказать, что на празднование памяти благоверного князя Даниила Московского у нас в монастыре собиралось множество московского духовенства и был мужской хор, наверное, человек в пятьдесят. Из них некоторые были хористами Большого театра. Одна басовая партия — человек двадцать, да первых теноров человек четырнадцать. Сейчас уж нет таких голосов! Чем выше — тем для них лучше! А как стояли за службой! Благоговейно, крестятся, молятся. И вот эта обстановка заставляла настраиваться на молитву. Левый хор, тоже очень большой, был смешанным.

Многие песнопения в память преподобному — припевы акафиста, «Взбранной» и другое — написал профессор Московской консерватории Александр Александрович Воронцов, ученик Кастальского¹⁸.

В праздник благоверного князя Даниила Московского к нам приходил служить протоиерей Максим Михайлов, протопресвитер Николай Колчицкий. Архиереев было от двенадцати до шестнадцати человек, а в 1924 году приезжал к нам Святейший Патриарх Тихон...

Максим Дормидонтович Михайлов прибыл в Москву из Казани вместе с епископом Иоасафом [Удаловым] в 1920-х годах. Первая служба владыки Иоасафа была у нас в Троицком соборе, и тогда мы первый раз услышали Михайлова. Боже мой! Что ж это такое? Нельзя передать впечатление от этого бархатного, малинового баса! Вообще москвичи к протоиерейским были равнодушны, особенно купцы, и Михайлова стали приглашать насильно служить в разные храмы. Но Павел

¹⁸ А. А. Воронцов окончил Синодальное училище (в 1905); профессором Московской консерватории он не был, но в 1923/24 руководил хоровым классом на хоровом подотделе консерватории.

Григорьевич Чесноков перетянул его к себе в церковь Василия Кесарийского, что близ Тверской, где он был регентом. Но Михайлов служил там мало, потому что его прямо-таки разбирали по храмам на престольные праздники.

Тогда никто не запрещал даже целому хору приходиться в другой храм на престольный праздник. Вот, например, на Ордынке была церковь Иверской Божией Матери, в которой регентовал Георгий Рютов — красивый, интеллигентный, высокого роста человек. Он был в Москве известен как регент и композитор; его вещи и сейчас поют — «Ныне отпускаеши», Великое славословие. В его хоре были прекрасные солисты — [Анатолий] Орфенов, впоследствии артист Большого театра, и Дмитрий Волков, которого нередко приглашали в наш монастырь. Голос Волкова напоминал голос Карузо. В хоре Рютова пела и Полякова — лучшее церковное сопрано Москвы. Я удостоился в ее исполнении слышать рютовское Великое славословие, которое начинает соло сопрано. Так вот, помню, что Рютова со своим хором приглашали в Духов День на Даниловское кладбище.

Не могу не назвать и других прекрасных церковных певиц — Марию Стрельцову и Александру Панкину. Они так же, как и Полякова, имели сопрано. Из московских регентов того времени я знал Николая Сергеевича Орлова, который управлял хором в храме Благовещения на Бережках, что неподалеку от Смоленской площади на берегу Москва-реки. Потом этот храм закрыли, и он регентовал в других церквях и в конце концов — в храме Преподобного Пимена Великого. Настоятелем там был отец Борис Писарев, тоже в прошлом хороший регент. Знал я еще регента Полянского, который управлял хором у священномученика Ермолая, что на Садовой-Кудринской.

Но все-таки лучшим московским регентом в 20-е годы был Николай Данилин. Он управлял хором в белом двухэтажном храме великомученицы Параскевы Пятницы, и хор его состоял из остатков Синодального хора, которым он управлял до революции. Наш иеросхимонах Герасим, бывало, раннюю отслужит — и туда. «Отец Герасим, куда?» — «Данилина иду слушать». Мне говорил Святейший Патриарх Пимен, сам в молодости бывший на Москве регентом: «Для меня было достаточно услышать только «Аминь», и я уже понимал, что такое Данилин, какая это звезда была русская!» Как в театре лучшим певцом был Шаляпин, так и лучшим русским регентом — Данилин. Очень строгий был, как зверь стоял. Но подобных не было!

Когда храм Параскевы Пятницы закрыли, Данилин перешел к мученику Трифону. А потом, видимо, его стали притеснять, и он совсем оставил регентскую службу. Примерно в то же время, в конце 20-х годов, ушел из церкви и протоиерей Михайлов. Конечно, у Михайлова был голос! Но по музыкальности все-таки лучше был протоиерей Холмогоров. Он служил в храме Никиты Мученика на Басманной, но можно его было видеть и в других храмах. Помню его замечательное пение «Верую» Архангельского в храме священномученика Николая, где регентовал Полянский. Он же пел и ектению [протоиерея Димитрия] Баянова «Рцем вси...» Холмогоров был не только известный протоиерей, но и великий певец.

Времена, о которых я рассказываю, были очень тяжелыми. Гонения на церковь, притеснения духовенства и закрытие храмов начались сразу же после революции. Первыми в Москве пострадали кремлевские монастыри и церкви. Затем начали закрывать другие храмы и монастыри — Симонов, Алексеевский, Петровский, Донской, Страстной...

Святейший Патриарх Тихон с первого же дня притеснений встал на защиту церкви. Но ему очень вредили «обновленцы» во главе с Введенским. «Обновленцы» захватили храмы Христа Спасителя, Преподобного Пимена, Воскресения в Сокольниках и другие. Ушли они из церкви только после войны.

Новшествами «обновленцев» было то, что они упразднили старославянский язык и стали служить на русском, то, что они престол вынесли из алтаря на середину храма... Службы «обновленческие» были более короткими, но народ не очень-то их жаловал, особенно женщины. Пение у «обновленцев» было таким, как и у нас. Но опять же, певцы шли к ним петь только ради денег — те, что нетверды были в вере.

Многие архиереи и духовенство сперва перешли к «обновленцам», но потом все они каялись у Патриарха Тихона. Говорят, что «обновленцы» очень притесняли в служении знаменитого московского протодиакона Константина Розова, что отчасти послужило причиной его преждевременной кончины.

Сам Святейший Патриарх Тихон умер в марте 1925 года, и отпевание его совершалось в Донском монастыре, где тело стояло четыре дня. Отпевание совершал митрополит Петр Крутицкий в сослужении шестидесяти двух архиереев. Духовенства в соборе было так много, что народ не мог уже туда поместиться. Из протоиереев, помню, присутствовали Туриков и Михайлов. Пели два хора — Чеснокова и Астафьева, усиленные певцами из других хоров. Пение было подобрано самое хорошее — ирмосы «Волною морскою», шестой номер [Херувимской] Архангельского...

Когда кончилась обедня, все архиереи вместе с митрополитом Петром Крутицким вышли на погребение. Прежде чем начать погребение, митрополит Петр обратился к народу с краткой проповедью. Затем гроб с телом Святейшего обнесли вокруг стен монастыря, поднесли к келье, где жил Патриарх, и принесли к старому собору. Здесь была отслужена краткая лития, и Святейшего опустили в могилу. Миллионный народ запел «Вечную память».

После смерти Патриарха Тихона Русской Церковью в течение восьми месяцев, вплоть до ареста, управлял митрополит Петр Крутицкий, который отстаивал все, что мог. Но постепенно духовенство высылали и церкви закрывали. Вот представьте: храм закрыли, а в нем был целый хор. Кто мог — устроился в театр, другие — на гражданскую службу — сторожами и т. д. Монахам особенно трудно было поступить на работу. Чаще всего их арестовывали и высылали. Это вначале была вольная высылка, а потом стали отправлять в концлагеря — на Колыму, в отдаленные места Сибири. Все наши монахи там и остались, а архиереев особенно много было на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Я жил в монастыре в архиерейских покоях и был очевидцем такого положения: бывало, двенадцать часов ночи — пронзительный звонок. Все знают, что кого-то пришли забирать. Два часа с половиной, три делают обыск — все переворачивают. Потом смотрим, кого-нибудь одного берут. Прощаемся.

Вокруг монастыря жило много архиереев. Их епархии закрывались, и они приезжали в Москву, где во времена НЭПа еще можно было снять комнату. Вот, к примеру, закрыли храм в Виннице, и местный архиерей Амвросий [Полянский] поселился близ Данилова монастыря и в нем служил. Кроме того, привлекало архиереев в монастырь и то, что наш настоятель, владыка Феодор [Поздеевский], который прежде был ректором Московской Духовной академии, намеревался возобновить ее при нашем монастыре. Но постепенно и архиереев стали арестовывать и ссылаять. Началось это примерно в 26-м, 27-м. В эти же годы были закрыты Донской монастырь, в конце 28-го, 29-м — Новодевичий (его игуменья Вера [Победимская] тоже пострадала).

В 1929 закрыли Троицкий собор нашего монастыря, в конце 1930 и весь монастырь, который оставался последним действующим монастырем в Москве. Мощи благоверного князя Даниила Московского перенесли в находившийся за монастырской оградой, не принадлежащий к монастырю храм Воскресения Словущего. Туда же перешел из монастыря и любительский смешанный хор, регентом которого стал я. Прекрасные певцы там были, особенно женские голоса. Старался я сохранить в этом хоре традиции монастырского пения. Два года мы отмечали в храме Воскресения Словущего память преподобного Даниила, но потом закрыли и эту церковь.

В 1930-е, когда начались концлагеря, настали страшные времена. Власти начали вырубать всё церковное под корень. Вот придет молодой человек в храм, прочитает «Святый Боже...» — за ним уже идут по пятам. Потом его вызывают или приезжают за ним: либо вышлют, либо такого страха нагонят, что человек боится в храм зайти. В 1937 в храме уже боялись и служить, и читать, и Богу молиться.

В 1932 дошла очередь и до меня: забрали меня в Бутырки. Но тогда был еще жив схимник Захария [Минаев; в монашестве Зосима], который сказал, что меня выпустят. И действительно. Просидел я сорок дней, и меня выпустили. Пошел я сразу к отцу Захарии, поблагодарил его за святые молитвы и попросил благословения принять священнический сан. А это в те времена означало, что сразу после принятия сана пойдешь в лагерь.

Батюшка меня на это не благословил, велел в церкви по-прежнему петь и читать. А моя родственница говорит: «Батюшка, да его снова возьмут». — «Никуда его не возьмут. Ходи в церковь, пой, читай, славь Бога». Этими его святыми молитвами я пошел в церковь Святителя Николая на Новокузнецкой, где служил отец Александр Смирнов. И в течение девяти с половиной лет я там организовывал такое народное пение! А кругом аресты идут. Я же смело ходил, и никто меня не взял по милости Божией.

В 1930-е самое хорошее пение можно было услышать в храме Богоявления в Дорогомилове. Это был огромный храм, с пятью престолами. Его собирались закрыть еще в начале 1920-х, но Патриарх Тихон отстоял. Пел там хор под управлением Нестерова, и был это второй хор по красоте исполнения после хора Данилина. Но примерно в 1932 году и эта церковь была взорвана. Как говорят, Нестеров после этого уехал в Ленинград и организовал там хор¹⁹.

Самым последним большим регентом я считаю Виктора Комарова, управлявшего хором в Богоявленском соборе в Елохове.

Вообще, в церковном пении всё от регента зависит. Регент должен быть глубоко верующим — петь и молиться душой. И вот этот его духовный инстинкт, он пронизывает и поющих с ним, и молящихся. Когда пение бывает молитвенное, церковное, когда хор поет «с душой», как раньше пели матушки-монахини в монастырях, то молящиеся стоят и чувствуют себя, как на небе. Есть пословица: «Каков поп, такой и приход». Так вот, *какой регент — такой и хор*.

МОНАСТЫРСКАЯ РУКОПИСЬ

Из богатого рукописного собрания Данилова монастыря ныне в монастырском музее была обнаружена всего лишь одна певческая рукопись (точнее, стеклограф), но весьма примечательная. Этот «Сборник лучших церковных напевов разных авторов. Часть 1. Всенощное бдение» принадлежал настоятелю Феодору (Поздеевскому) и был подарен ему выпускниками МДА в бытность владыки Феодора ректором.

На титуле стеклографа значится:

*Почтительнейшее приношение
Строителю церковного пения
Московской Академии Ректору
Преосвященному Владыке
Феодору*

Признательные клирики и нижайшие послушники:
Свящ. Феодор Делекторский, В. Д. Металлов и иеромонах Матфей.

Издатель-писец — кандидат богословия, бывший регент левого хора, священник Феодор Петрович Делекторский.

Редактор — регент правого хора, студент четвертого курса Валентин Металлов.
Издатель-печатник — иеромонах Матфей.

1915. 20 июня

¹⁹ Действительно, регент П. К. Нестеров в это время руководил в Ленинграде хоровой самодеятельностью.

Нотному тексту предшествует вступление, поясняющее цель этого «издания»:

<...> Чтобы сохранить Богослужение от привнесения в него чуждых и не свойственных ему элементов, необходимо держаться определенного характера и стиля церковного, который давал бы известный тон и настроение соответственно потребностям молитвенного духа и не раздражал его неожиданными диссонансами.

Над этой задачей, по настойчивому и руководственному почину Владыки, при его непосредственном участии, трудились в последнее время в нашей Академии любители церковного пения.

<...> Стараниями Владыки и студентов Академии было добыто много песнопений и не имеющих еще в печати. И вот, клирики решили хоть и кустарным, примитивным образом закрепить выработанный состав церковных песнопений в настоящем сборнике, чтобы таким образом при малой затрате времени и денежных средств иметь у себя все существенное из общего церковно-певческого состава Академической службы. <...>

Во-первых, такое свидетельство о певческом репертуаре лаврского хора очень ценно само по себе, а во-вторых, можно, по-видимому, предположить, что владыка Феодор, будучи настоятелем Данилова, использовал «выработанный репертуар» и в монастырском обиходе.

Приводим оглавление рукописи, как оно оформлено авторами:

- 1—3. Предначинательный псалом: Комаров, Фатеев, Аллеманов
- 4—6. «Блажен муж»: киево-печерского напева, Кастальский (напев Большого Успенского собора), Львовский
- 7—9. «Свете тихий»: Чесноков, Никольский в переложении Чеснокова (киевского напева), Аллеманов
- 10—12. «Ныне отпускаеши»: Кастальский, Копылов, Строкин
- 13—20. «Хвалите имя Господне»: Афонское, Никольский, В. Софронов, Валаамское, Чесноков (№ 1), Архангельский, Чесноков (№ 2 и № 3)
- «Ангельский собор» — епископ Феофан
- Антифоны воскресные восьми гласов — Войденов
- «Воскресение Христово» — Архангельский, Чайковский
- «Отверзу уста» — Строкин, Чесноков
- Великое славословие — иеромонах Нафанаил
- «Взбранной воеводе» — иеромонах Нафанаил
- Припев на акафисте Пресвятой Богородице — Самарского напева
- Сугубая ектения — Самарского напева
- «Блажен муж» — Троице-Сергиевой лавры в переложении иеромонаха Нафанаила
- Тропарь Покрову — Троице-Сергиевой Лавры в переложении иеромонаха Нафанаила.

Список песнопений, исполняемых в Академическом храме, но не вошедших в настоящий сборник ввиду их повсюдного распространения:

- Предначинательный псалом — Львова (в переложении для однородного хора)
Предначинательный псалом — Чеснокова № 1 (из Всенощной для женского хора)
Предначинательный псалом — Ломакина (по Церковно-певческому сборнику, № 4)
Предначинательный псалом — иеромонаха Нафанаила (греческого распева)
«Свете тихий» — в Церковно-певческом сборнике № 19 и № 20
«Ныне отпускаеши» — Чеснокова (знаменного распева)
«Хвалите имя Господне» — епископа Феофана в редакции Георгиевского (киевского распева)
Великое славословие — епископа Феофана (по Церковно-певческому сборнику, № 35)
Великое славословие — Софронова для женского хора.

КИЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

☞ Иван Никодимов ☞

ВОСПОМИНАНИЕ О КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ*

Фрагмент

Воспоминания Ивана Николаевича Никодимова (настоящая фамилия — Шумилин; 1895—1977) в последние годы переиздавались неоднократно Киево-Печерской Лаврой — с интересными архивными фотографиями, но без комментариев.

О Никодимове известно, что он родился в 1895, был послушником Лавры, затем окончил юридический факультет Варшавского университета. Сам он пишет во вступлении к воспоминаниям:

Состоя в течение ряда лет (1919—1923) юрисконсультom Киево-Печерской Лавры и проживая в ней, я хотел поделиться с читателями тем, что осталось в моей памяти об этой величайшей святыне православного мира.

Никодимов рассказывает подробно и ярко о разных сторонах жизни Лавры, причем на протяжении большого временного периода: примерно со второй половины 1910-х по 1940-е, когда окончательно закрытая (вместе со скитами) к 1930 Лавра была частично открыта при немецкой оккупации Киева. В дальнейшем Никодимов эмигрировал, жил в Мюнхене.

В данной книге для публикации выбран раздел о богослужении и пении, охватывающий годы перед 1917 и следующее десятилетие.

В настоящее время появились исследования, освещающие судьбы упоминаемых в тексте лиц. Это прежде всего книга Л. П. Рылковой «Биографические сведения о братии Киево-Печерской Лавры, пострадавшей за Православную веру в XX столетии» (Киево-Печерская Лавра, 2008), а также содержательные статьи в Православной энциклопедии: материалы по истории Лавры в XX столетии разных авторов, статья «Киево-Печерский напев» протодиакона Димитрия Болгарского в 33-м томе, статья Е. Ю. Шевчук «Иадор (Ткаченко)» в 30-м томе и др.

Хотелось бы обратить внимание на отраженное в тексте Никодимова и характерное именно для Киева сочетание и противопоставление пения лаврского, монашеского

* Текст публикуется по изданию: Мюнхен. Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. Серия II (ротаторные издания). № 76. 1960.

хора, исполнявшего киево-печерский распев по собственному Обиходу, и хора архиерейского (митрополичьего).

Этот контраст когда-то был отмечен П. И. Чайковским, который в 1882 обратился с письмом к епископу Михаилу (Лузину), ректору Киевской Духовной академии, в котором «разъяснял... до чего неприличен обычай *петь какие-то омерзительные концерты*, — вместо запричастного стиха», как прекрасная архиерейская служба омрачается «пением концертным, вычурно исполненным» (письмо к М. И. Чайковскому от 1 октября 1882). Идеалом, на котором должен воспитываться вкус народа, была для великого композитора служба в Киево-Печерской Лавре, где «поют на свой древний лад, с соблюдением тысячелетних традиций, без нот и, следовательно, без претензий на концертность» (письмо к Н. Ф. фон Мекк от 9 ноября 1881).

Примерно так же думает и Никодимов, хотя архиерейский хор в его время был в состоянии ином, нежели то, в котором застал его Чайковский.

Дискуссия о киевском пении в 1903 развернулась на страницах РМГ; среди ее участников были известные деятели, в том числе протоиерей Михаил Лисицын, сам певший в молодости в киевских хорах.

Протицируем фрагмент из статьи, опубликованной за подписью В. П. [Василий Петрушевский] в № 27/28:

Свящ. Лисицын выражает опасения за дальнейшую судьбу и сохранение в церковной практике одного из чудных памятников самобытного русского народного творчества — киево-печерского лаврского напева, которому будто бы грозит совершенно уничтожение и притом со стороны самих же лаврских иноков, особенно «нового» регента лаврского хора о. Илиодора [правильно: Иадора]. Нынешний лаврский регент, как человек необразованный, будто бы держится взгляда на лаврский напев как на «*мужицкий*» и даже успел внушить этот взгляд и другим; по его именно инициативе о. наместник Лавры организовал смешанный хор из 45 человек, исполняющий, вместо исконного лаврского напева, «отжившие свой век итальянско-го характера композиции XVIII и начала XIX века» (Стб. 632).

Но, продолжает автор, смешанный хор существует в Лавре

уже более 50 лет специально для пения в Крестовой церкви митрополита. В 80-х годах прошлого века, когда был упразднен особый митрополичий хор, лаврский хор был увеличен и в настоящее время доведен до 45 человек. <...>

Смешанный хор поет главным образом в Крестовой церкви, а в Великой церкви [Успенском соборе Лавры] в воскресные и праздничные дни, большею частью при архиерейских служениях, и то только одни литургии, причем клирошане составляют левый лик. Во-вторых, репертуар этого хора составляет уже не один лаврский напев, а вся вообще существующая духовно-музыкальная литература. Этот хор по первоначальному своему уставу должен был руководствоваться главным образом придворным напевом; но в настоящее время исполняет кроме того произведения как старых (Бортнянского, Львова, Турчанинова и др.), так и новых (Чайковского, Римского-Корсакова, Архангельского, Кастальского и др.) духовных композиций, а также действительно и некоторые старинные произведения, сохраняющиеся

в рукописях, большей частью неизвестных авторов. Вообще в отношении репертуара митрополичий хор нисколько не уступает другим киевским хорам, если даже не выше их... <...>

Лаврским смешанным хором в настоящее время управляет иеромонах о. Иадор. <...> Он хотя и не получил специального регентского образования (подобно и всем без исключения киевским регентам), но далеко не новичок в своем деле. В 1879 он поступил певчим мальчиком в хор Выдубицкого монастыря, бывший тогда под управлением хорошего знатока церковного пения иеромонаха Авдия <...> Уже в 1887 он был назначен к о. Авдию помощником и учился у него управлению хором, а в 1892 перешел в Лавру регентом Скорбященской церкви. В Лавре о. Иадор исполнял затем регентские обязанности в разных церквях, а последние шесть лет он состоит регентом митрополичьего хора (Стб. 638—642).

О. Иадор (Ткаченко) управлял митрополичьим хором вплоть до начала 1915, когда стал священником при госпитале в действующей армии. За эти годы он успел окончить музыкальное училище Киевского отделения ИРМО, руководимый им хор давал духовные концерты с вполне «передовыми» программами, было опубликовано несколько его сочинений. Впоследствии о. Иадор стал игуменом, затем архимандритом, членом Духовного Собора Лавры, а с 1926 — ее наместником. Он пережил несколько арестов, в конце концов был арестован 13 июля 1938 по делу о контрреволюционной пропаганде, получил ссылку в Казахстан сроком на пять лет, и дальнейшие сведения о нем отсутствуют.

Упоминается в тексте Никодимова также о подготовке нового полного издания Обихода Лавры. Вообще история певческих книг Лавры подробно изложена в указанной статье о. Димитрия Болгарского. В 1905 Духовный Собор поручил комиссии, состоявшей из регента иеромонаха Иадора, уставщиков Великой Церкви иеромонахов Флавиана (Приходько; впоследствии игумен), подуставщиков иеромонахов Прокла и Иоасафа, под председательством епископа архимандрита Назария (Блинова), «проверить и сличить употребляющиеся на клиросах Великой Церкви нотные книги с Обиходом 1865—1873 годов, представляющим последнюю и наиболее полную запись мелодий лаврского напева, с первоначально записанными переложениями, а также с действительным исполнением пения в Лавре; установить точную редакцию напева и его гармонизации; восполнить существующие изложения лаврского пения в гармоническом виде теми песнопениями, которые еще не были записаны, и приготовить исполненный и дополненный Обиход для печати» (из вступления к Обиходу).

В результате в течение 1910-х в Лаврской типографии было издано четыре части Обихода (Всенощная, Литургия, Дванадцатые праздники и Постная Триодь); пятая часть, Цветная Триодь, выйти до 1917 не успела. В наше время четыре части лаврского Обихода переизданы репринтно издательством «Живоносный Источник».

Вспоминает Никодимов и о записи песнопений Лавры на граммофонные пластинки: это произошло в 1910, записывала киевская фирма «Экстрафон», и всего было записано 68 произведений в исполнении братского хора под управлением уставщика Флавиана.

Таким образом, когда после нескольких десятилетий бездействия Лавры в советскую эпоху (с 1961 по 1988) в ней начали восстанавливать традиционное пение, для этого имелись достоверные источники.

Приводим фрагмент интервью из киевской «Церковной православной газеты» за 27 ноября 2012; на вопросы отвечает архимандрит Поликарп (Линенко), уставщик Киево-Печерской Лавры, регент левого клироса.

— *Как удалось братии монастыря возродить древние лаврские традиции церковного пения, прерванные в советское время в связи с закрытием обители?*

— Старцы, которых выгоняли из монастыря, верили в то, что Лавра еще откроется и возродится. Они молились об этом и старались хоть что-то сохранить для возрожденной обители. Например, тогдашний уставщик Лавры, игумен Феодосий (в схиме Антоний), все годы, пока Лавра была закрыта, скитаясь по квартирам, носил за собой шесть мешков с партитурами и богослужебными книгами. И когда Лавра открылась, то вся эта библиотека, и нотная, и чтецкая, была передана сначала в Митрополю, а потом нам. Это был базовый материал.

Кроме того, до нашего времени дожили несколько монахов-клирошан старой Лавры, которые знали лаврское пение. Это схиигумен Агапит, схиархимандрит Феофил. Но самую ценную помощь в возрождении старых обычаев, напевов и уставных особенностей нам оказал, конечно, приснопамятный отец Спиридон ([Лукич], схиархимандрит Дионисий).

В партитурах лаврского Обихода даны в основном праздничные песнопения. А отец Спиридон сам напевал все будничные напевы, которые использовались на простодневных службах, и тогдашний наш наместник, владыка Ионафан [Елецких] (который тоже был патриотом лаврского пения), записывал их на ноты. Мы это разучивали и учились исполнять на клиросе.

— *Сколько сейчас певчих в Киево-Печерской Лавре и каков их режим дня в монастыре?*

— Певчих у нас человек по 12 на каждом из двух клиросов. Но для пения на некоторых службах мы приглашаем дополнительных певчих и даже смешанные хоры. А на братских литургиях мы делимся и иногда поем квартетами. Большинство клиросных монахов несут параллельно еще и другие послушания. <...>

Покойный отец Спиридон говорил, что в старой Лавре особое внимание уделялось певчим Великой Церкви (Успенского собора), так называемым великоцерковным клирошанам. Они жили в отдельном двухэтажном корпусе, который до сих пор называется певческим корпусом.

И благочинному вменялось в обязанность накануне всенощных бдений проходить по корпусу и проверять, чтобы как минимум два часа каждый певчий поспал перед большой, в особенности ночной, службой. Но сейчас таких правил уже нет. Мы сами, как можем, выкраиваем себе часы сна и отдыха.

И еще один момент хотелось бы отметить в связи с лаврским пением. И после первого закрытия Лавры в 1930, и после второго ее закрытия в 1961 лаврские монахи, в том числе регенты и певчие, продолжали служить в храмах Киева и Украины, а также и в храмах разных местностей России. Это способствовало широкому распростране-

нию киево-печерского напева. Так, по мнению Н. А. Потемкиной, этот напев оказывал и оказывает сильное влияние на московское пение: «Напевы Киево-Печерской Лавры украшают богослужение, выполняя функцию “праздничного роспева”, и являют собой гармоничное сочетание с напевами московской традиции» (*Потемкина Н. А. Современная московская традиция пения и напев Киево-Печерской Лавры / Материалы интернет-конференции РАМ имени Гнесиных «Музыкальная наука на постсоветском пространстве»*: <http://2010.gnesinstudy.ru/wp-content/uploads/2010/03/Potyomkina.pdf>).

Лаврские богослужения

Лаврские богослужения доставляли величайшее религиозное и эстетическое наслаждение. Совершались они по особому чину в обстановке древнейшего монастыря в величественных храмах. Великолепны были и звон лаврских колоколов, зовущих на молитву, и дивные, художественные облачения на духовенстве, и гигантские свечи, таинственно освещавшие старинные своды, древние иконы, позолоту иконостасов, и, наконец, своеобразное обаятельное пение лаврских хоров.

Лавра встречала день молитвой очень рано. В час ночи раздавался благовест, зовущий к утрени. Эта служба продолжалась до половины четвертого. Уже в половине шестого начинались ранние литургии. С девяти часов совершалась поздняя литургия в Великой Церкви, которая продолжалась иногда до часу дня. Наконец, в четыре часа в том же соборе и на Пещерах совершалась вечерня, а в других храмах вечерня с утреней. В кануны великих праздников и воскресений в соборе служили всенощную, которая начиналась в шесть часов вечера и кончалась около двенадцати, а то и позже. Каждая деталь этого богослужения гармонировала с прекрасным целым. Такова была уже встреча митрополита. Шесть часов вечера. Завтра воскресенье, и сегодня в Великой Церкви Успения Богоматери совершается всенощная митрополичьим служением. От входа в храм и до дверей митрополичьего дома разостланы широкие красные сукна. По ним торжественно шествует для «великой встречи» «со славой» многочисленное духовенство. Вот, впереди, непосредственно за жезлоносцем, свеченосцем и крестоносцем медленно, торжественно и важно движется могучая, массивная фигура архидиакона Иоакима. Его громахующее «Достойно есть» состязается с потрясающим гулом больших лаврских колоколов. Он облачен в золотой кованый стихарь, а богатырская его грудь накрест перепоясана широчайшим красного бархата с золотом орарем. По его сторонам в таких же прекрасных облачениях с дикириями и трикириями шествуют иподиаконы Пантелеимон и Никон — лаврские «соловьи», для которых, казалось, в гамме не существует предельно высоких нот. Сосредоточенно и важно выступают попарно лаврские старцы, члены высшего органа правления Лавры, Духовного Собора или, как их называли, соборяне: наместник Лавры архимандрит Климент¹, начальник ста-

¹ В дальнейшем — схиархимандрит Антоний (Константин Матвеевич Жеретиенко). В декабре 1917 был назначен Духовным Собором исполняющим обязанности наместника Лавры, с 1924 — настоятель. Несколько раз арестовывался; скончался в 1950.

рейшей на Украине, в Юго-Западном крае (свыше 300 лет) типографии архимандрит Филадельф, казначей Лавры архимандрит Анфим, всегда озабоченный эконом Лавры архимандрит Вонифатий, величавый епископ Лавры архимандрит Димитриан, подвижный и несколько нервный архимандрит Варсонофий, благочинный Лавры архимандрит Алексей, правитель дел иеромонах Аполлос... Вот следуют иеромонахи Моисей, Ипполит, Пахомий и др. Все облачены в черные мантии и клобуки, и только у архимандритов на мантиях, в зависимости от их положения, выделяются красные или зеленые «скрижали». Торжественной процессии сопутствует лаврский великоцерковный хор под руководством опытного, бесконечно любящего дело и преданного пению уставщика правого клироса архимандрита Флавиана.

Величественно разносятся слова Успенского тропаря «В Рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила еси, Богородице...» Впереди идут канонархи-мальчики с длинными волосами и в подрясниках, а за ними сонм певчих-монахов и послушников. Народ, уже давно на лаврском дворе ожидавший начала богослужения, обступил красную дорожку ковра, по которой шествует процессия. Через несколько минут эта процессия возвращается, но ее уже возглавляет митрополит Киевский и Галицкий, настоятель Киево-Печерской Лавры². На нем надет белый митрополичий клобук и прекрасная светло-лиловая с белыми полосами шелковая мантия. При его появлении на пороге митрополичьего дома раздаются непередаваемый могучий и мелодичный лаврский «красный звон». Это — весь грандиозный оркестр лаврских колоколов приветствует Первосвятителя Церкви. Кольшутся огромные высокие лаврские восковые свечи (около 25 килограммов каждая), курится фимиам, блестят при свете заходящего солнца ризы, и мелодичная гармония звуков наполняет воздух... Многие плачут, становятся на колени... Ведь для этой молитвы, для этих слез умиления люди часто проходили тысячи километров. Запыленные, усталые, загорелые, но бодрые духом, они несли в течение длинного, продолжительного и трудного пути в своих сердцах глубокую веру и любовь...

Уже оба клироса стали на свои места по обеим сторонам амвона, уже могучие своеобразные лаврские мелодии разливаются под уходящими ввысь сводами древнейшего храма... Медленно на прекрасных лентах опускается для лобызания митрополита величайшая святыня православного мира чудотворная икона Божьей Матери... Колеблющиеся тени, запах ладана, лампы, свечи³, силуэты монахов в мантиях под аккомпанемент чарующего пения настраивают торжественно, возвышенно и сосредоточенно... Столь же торжественным было начало богослужения, когда в волнах фимиама с возженной пудовой свечой белого воска архидиакон

² Митрополитами Киевскими в данный период были: Флавиан (Городецкий; с 1903 по 1915); священномученик Владимир (Богоявленский; с 1915 по 1918); Антоний (Храповицкий; с 1918 по начало 1920); Михаил (Ермаков; с 1921 по 1930).

³ До советского времени в лаврских церквях не горело ни одной электрической лампочки. Церкви освещались исключительно свечами. Впоследствии было проведено электричество, от чего сильно пострадала красота вечерних богослужений. — *Примеч. автора.*

Иоаким провозглашал свое мощное «Встаните, Господи благослови», и происходил выход сонма духовенства в клобуках и мантиях во главе с митрополитом на литию, а затем на полиелей уже в полном облачении и с возжженными свечами. Как красочен был выход архидиакона с массивным пудовым кованным Евангелием в сопровождении двух иподиаконов и его прокимен, подхватываемый попеременно обоими клиросами! А затем задумчивое, мелодичное Славословие и необыкновенно гармоничное и смелое по своим модуляциям «Святой Боже», которые исполнялись обоими клиросами совместно посередине храма... Этот момент наступал около половины двенадцатого ночи. Все знали о нем по мощному звону лаврского колокола «на девятую песнь».

Кроме упомянутых богослужений, в определенные дни недели совершались торжественные панихиды и молебствия. Особенно памяты соборные акафисты перед чудотворной иконой Божьей Матери по средам и такие же панихиды перед гробницей святителя Павла Тобольского по четвергам.

Однако самым большим церковным торжеством в Лавре был день Успения Божьей Матери 15 августа. К этому дню за многие тысячи километров из Сибири, с Кавказа и из других отдаленных частей России стекались огромные массы богомольцев. Шли поодиночке, шли и организовано, партиями, иногда с крестным ходом во главе со своим духовенством. Шли поклониться чудотворной иконе, неся в своих сердцах радость, а больше скорбь, печаль и слезы, но неизменно моления, надежды и горячую веру. И все эти чувства заставляли людей в течение месяцев проходить многие километры трудного пути, чтобы затем принять участие в великом торжестве и помолиться вместе с тысячами других. Запыленные, загорелые, но бодрые духом, они располагались в монастырских гостиницах, в упомянутых выше деревянных галереях на Пещерах, а то и просто на открытом воздухе, но всегда в стенах Лавры, чтобы таким образом быть ближе к цели путешествия, дорогой святыне. Но когда Лавра перешла в руки созданной большевиками так называемой Живой церкви и наступил праздник Успения, группы паломников, узнав при приближении к Лавре о совершившихся переменах, останавливались перед обителью, молились на нее и возвращались вспять⁴.

Накануне Успения праздновалась память преподобного Феодосия. Таким образом великое торжество усугублялось. Еще задолго до Успения вся Лавра, а особенно лаврский двор перед собором, представляла собой как бы огромный лагерь людей в разнообразных уборах: здесь были и серые армяки русских крестьян, и колоритные наряды украинцев, а особенно украинок, и белые косынки, и цветные платки, и модные дамские шляпы, и офицерские эполеты, и скромный подрясник издалёка пришедшего послушника. Среди этого множества выделялись группы монахинь. Обыкновенно они сопровождали приехавшую на богомолье игуменью своего монастыря. Игуменья шла с посохом, на груди у нее висел крест. Все монахини были в рясах и в черных «апостольниках», из-под которых,

⁴ Передача лаврских храмов «Живой церкви» произошла в 1924.

однако, выглядели праздничные, белого цвета косынки. Море голов колыхалось самыми разнообразными, пестрыми волнами, самыми яркими красками. В воздухе стоял сдержанный, ради святости места, гомон. Звуки сливались как бы в одно гуденье. Однако среди них выделялись своеобразные, обращающие на себя внимание. Это было исполнение слепцами-лирниками старинных песнопений на библейские темы под аккомпанемент бандур, народных цитр, сопилок, лир, а то и переносных фисгармоний. Встречались большие знатоки старинных мелодий. Их своеобразная спокойная, монотонная, но весьма гармоничная песня, полная трогательного содержания и задушевности, оставалась надолго в памяти. Вот народ толпится около ларька с иконами, духовной литературой. Кто желал сделать покупку в больших размерах, тот направлялся в иконные магазины. Там находил он и ладан, и свечи, и масло, и лампады, и тонкой ювелирной работы крестики из драгоценных металлов, и олеографии видов Лавры, и прекрасные работы лаврской живописной мастерской, и облачения, и плащаницы, и целые иконостасы. Дальше расположены хлебные и просфорные ларьки, откуда несетя привлекательный аромат свежeweыпеченного лаврского хлеба и просфор. Последние продаются начиная с размеров в грецкий орех и кончая колоссальной величиной в несколько фунтов весом.

Часовая стрелка продвигается к шести часам. В ряде лаврских церквей уже происходит торжественное предпраздничное богослужение, однако в Великой Церкви, где должно состояться всенощное бдение, пока тишина. Храм еще с утра набит богомольцами, заранее занявшими места. Все, кто остался на дворе, а таких, естественно, большинство, слушали богослужение и молились под открытым небом. Вот лаврские куранты мелодично проиграли четыре раза гамму, бой часов, и вместе с последним звуком их раздался мощный, густой удар большого лаврского колокола. Много эпитетов можно было бы приложить к лаврскому звону: это был и бархатный, и мелодичный, и величественный, и необыкновенной силы звон. Он сливался в один непрерывный звук, гул, в котором нельзя было различать отдельных ударов, а слышались лишь волны звуков. Своей могучей музыкой он доставлял неизъяснимое эстетическое удовольствие.

С первым ударом колокола вся масса богомольцев заколыхалась. Кто сидел, встал; пение прекратилось. Все стали набожно креститься. В это же время со стороны Великой Церкви по направлению к митрополичьим покоем по широким разостланным красным суконным дорожкам двигалась процессия духовенства для «великой встречи» митрополита. Через несколько минут эта же процессия, но уже возглавляемая митрополитом, прошла обратно. В Великой Церкви, среди массы возжженных восковых свечей в клубах душистого афонского фимиама, с поднятым орарем, архиидиакон провозглашал свое мощное «Благослови, Высокопреосвященнейший Владыко»... Беспрерывно до часу ночи шла служба, и многочисленный народ в духовном экстазе незаметно для себя простаивал всю службу до конца, и не только те, которым посчастливилось пройти в церковь, но и те, которые стояли во дворе и лишь урывками слышали богослужение. Центральным пунктом служения

являлось погребение Божией Матери, которое состояло из чтений и умилительных музыкальных песнопений лаврского роспева. Несколько духовных песен выполняли лучшие голоса посредине храма. Все стояли со свечами, паникадила горели множеством огней. При общем пении чудотворную икону опускали с ее места над иконостасом. На ней была надета знаменитая бриллиантовая риза, горящая при блеске свечей множеством искр и огней. Все опускались на колени в горячей молитве. Даже во время кафизм, когда обыкновенно многие выходят из храма, в этот день никакого движения заметить было нельзя; все стояли сосредоточенно на своих местах. Даже ночью в этот день жизнь в Лавре не замирала совсем, так как разговоры и пение богомольцев не прекращались до рассвета.

На следующий день утром торжество начиналось рано, в половине шестого, служением литургии в нескольких церквях. Однако опять-таки главное торжество начиналось несколько позже. В восемь часов митрополит в сопровождении сонма духовенства и множества народа под могучий звон всех лаврских колоколов совершал крестный ход вокруг лаврской стены. Это было грандиозное и внушительное зрелище. На углах лаврской стены крестный ход останавливался для совершения краткого богослужения и чтения Евангелия. После крестного хода и водоосвящения в Великой Церкви совершалась митрополичьим служением поздняя литургия. В это время на широком лаврском дворе, под густыми сводами каштанов расставлялись длинные столы и скамьи. Столы покрывались холщовыми скатертями. Множество богомольцев садилось за них. Каждому давали деревянную ложку и большой кусок ароматного лаврского хлеба. Так Лавра, следуя заветам преподобных основателей монастыря, устраивала праздничный обед для всех странников и богомольцев. Эта традиция общей братской трапезы, пришедшая из седых времен, свято соблюдалась братией монастыря даже в самые тяжелые для Лавры годы⁵. Под звон лаврских колоколов в сопровождении сонма духовенства из Великой Церкви выходил митрополит. Народ застыл в ожидании. Митрополит благословляет трапезу. Сразу после благословения множество послушников и монахов устремляется из лаврской кухни с большими деревянными мисками, наполненными монастырским борщом, дымящимся на свежем воздухе. Рядами за столами расположились богомольцы. Тени каштанов бросают блики на разнообразные краски платков и одеяний. После длинного молитвенного бдения люди устали и проголодались. Многие говели, соблюдали Успенский пост. С аппетитом вкушался монастырский борщ, за ним в прежнее время следовали рыбный суп и каша.

Гостеприимные монахи угощают и приносят щедрою рукой все новые порции. От чашек исходит ароматный запах рыбы и жареного подсолнечного масла. Митрополит после службы отправлялся в свои покои. Обыкновенно в этот день у него собиралась на обед высшая лаврская братия, духовенство и приглашенные

⁵ Такие общие трапезы устраивали не только на Успение, но и в дни преподобных Антония и Феодосия. — *Примеч. автора.*

светские лица. Позже, когда в Лавре не стало митрополита, в эти праздничные дни обед устраивал наместник Лавры. В лаврской трапезной происходило угощение братии. Торжественно справляла эти праздники Лавра. Еще три дня продолжалось духовное торжество. Постепенно богомольцы расходились по другим киевским монастырям и на поклонение святыням, а кто собирался и домой. Однако долго еще в жизни Лавры чувствовалось праздничное оживление.

Как мы уже упоминали, весьма торжественные службы совершались также в праздники преп. Антония и Феодосия, на Пасху, Рождество и в двенадцатые праздники. В Лавре почти всегда гостили приезжие епископы, и потому торжественное архиерейское богослужение не было редкостью. Благолепию этих молений содействовала стройность богослужений, совершаемых по особому монастырскому чину, великолепные песнопения, горение множества свечей и необыкновенная красота и богатство облачений. Каждому празднику соответствовало облачение особого цвета. Так, в мученические праздники надевалось облачение розового оттенка, в Богородичные — голубого, в праздники Господни — зеленого, в Пасху ярко-красного цвета, иногда красного бархата, иногда красного с позолотой, в Рождество — золотое, кованное с серебром.

Можно представить себе разнообразие и богатство лаврской ризницы, если иметь в виду, что комплект для архиерейского служения в Лавре состоял из облачений для митрополита, нескольких епископов, 20—30 священников, 15—20 диаконов, иподиаконов и др. Такое большое количество дорогих облачений требовало надлежащего хранения, ухода и починки. Эти функции входили в ведомство епископа Лавры; для реставрации и починки существовали специальные мастерские. Необыкновенно красивы были облачения художественного шитья. Рисунок, тона и весь вид их поражал своей высокой художественностью и нежностью.

Служба на Пасху обыкновенно начиналась в половине двенадцатого ночи. После полунощницы служилась заутреня, которая заканчивалась около трех часов утра. Затем следовал перерыв до восьми часов утра, когда совершалась торжественная поздняя литургия. В других лаврских церквях служили по-разному: в ряде храмов следовали тому же распорядку, а в других литургию совершали сразу после пасхальной заутрени. Между заутреней и литургией было принято не ложиться спать. В этот великий праздник всю ночь бодрствовали. Многие ходили на высокие места любоваться восходом солнца: по древнему преданию, в это святое утро солнце особенно ликует и «играет» на восходе. Непосредственно после окончания литургии братия отправлялась в трапезную, а митрополит угощал высшее духовенство и гостей чаем, а затем, как полагалось, обедом.

На Рождество порядок богослужений в Великой Церкви оставался тот же: ночная заутреня, а затем после перерыва поздняя литургия. Особой умирительностью отличались богослужения в Лавре в Великом посту. В Прощеное воскресенье (перед началом Великого поста) в Лавре совершался трогательный обряд «прощания». В обед подавались последние блины, заговлялись (у кого было) маслом, тврогом и до вечерни отдыхали перед длинным периодом поста, молитвы, строгого

воздержания. Как всегда, в четыре часа вечера звонили к вечерне. Служба происходила во всех храмах при большом стечении молящихся. В конце ее все духовенство и монахи прощались друг с другом и народом. Земными поклонами и троекратным лобызанием со словами «Прости, брат, мне» или «Прости мне, отче» выражали желание загладить грехи перед своим ближним. Кончалась служба. Народ расходился, прощаясь с Лаврой, на целую неделю, так как вход в эти дни в Лавру был строго воспрещен и все ворота Лавры, начиная с шести часов вечера Прощеного воскресенья и до четырех часов субботы первой недели Великого поста, оставались закрытыми. Таков был завет основателей Лавры.

Тем временем вся братия собиралась в трапезную, чтобы последний раз вкусить горячую пищу. Скромный ужин на этот раз дополнялся разукрашенной и нарезанной тоненькими ломтиками редькой. Это блюдо, думаю, символизировавшее начало воздержания в пище, всегда вызывало веселое оживление и искреннее удовольствие среди мальчиков-канонархов, которые как члены братии присутствовали на трапезе. После окончания трапезы, около семи часов вечера, раскрывалась стеклянная арка, соединяющая собственно трапезную с храмом. Все монахи облачались в мантии. Митрополичий хор выстраивался с левой стороны посередине церкви. Начальствующая братия, то есть члены Духовного Собора Лавры, наместник, начальники ведомств, архимандриты, игумены, старшие иеромонахи становились в ряд в центре храма. К ним поочередно подходила вся братия Лавры, несколько сот человек. Тихо, бесшумно опускались иноки друг перед другом и со словами «Прости мне, отче» троекратно лобызали друг друга. Полумрак храма сгущался, таинственно мерцали лампы, раздавалось хватящее за душу пение в тоскливых, иногда грозных тонах церковного песнопения «Седе Адам прямо рая...» Сотни бесшумно опускающихся ниц монашествующих в мантиях и клобуках составляли незабываемую картину. По окончании обряда прощания все в безмолвии расходилось по домам, чтобы после полуночи возобновить усердную молитву.

В Великий пост праздничные в ризах иконы вынимались и заменялись иными, исполненными в темных, траурных тонах. Облачения одевались также траурные, то есть фиолетовые, иногда с серебром.

Раздавался протяжный звон постного колокола, вызывавший в душе печаль и наводивший на размышления. Зато в Пасху ежедневно в течение Светлой недели с утра (после поздней литургии) и до вечерни каждые пятнадцать минут (по звону лаврских курантов) раздавался красный звон во все лаврские колокола.

Лаврское церковное пение хорошо известно любителям духовной музыки. Мелодии, которые лежат в основе этих напевов, насчитывают не одну сотню лет. Они создавались постепенно в течение всей истории Лавры. Я был близко знаком с знатоком и гармонизатором лаврских напевов иеромонахом, а впоследствии игуменом и архимандритом Флавианом. Он всей душой отдавался своему любимому делу. У него в келье хранился старинный лаврский Обиход, написанный в старом альтовом ключе, причем ноты изображены были в виде квадратиков. Отец Флавиан очень любил показывать этот Обиход посетителям и давал весьма интерес-

ные пояснения, как из старинной ведущей мелодии, написанной для одного голоса, в которой, однако, уже скрывалась вся художественная полнота лаврских напевов, под пером опытного чуткого гармонизатора выростала дивная многоголосная гармония лаврского хора. И должно признать, что обработка лаврских мелодий о. Флавианом действительно производилась с большой бережностью и стремлением сохранить точность и своеобразие старинных напевов⁶. Это, однако, сделать было не так легко. В лаврских напевах чрезвычайно много особенностей, и правильно передать оригинальность мелодии являлось задачей нелегкой. Когда слушаешь эти роспевы, то реально ощущаешь их мощь и величие. Они многогранны: в них чувствуются и беспредельность и раздолье украинских вольных степей, и грусть и тоска мятежной, кающейся души, и величие религиозных настроений, и хоралы торжества победы духа над материей, и звуки народных песен. Все это слилось в одну стройную, подкупающую своей художественной простотой,стройной гармонией и величием прекрасную мелодию.

Для подобных мелодий был нужен и своеобразный по своей конструкции хор, именно такой хор, в родной для которого среде веками создавались эти мелодии. Таков был лаврский великоцерковный хор. Он состоял из теноров (первых и вторых), басов (первых и вторых и октав) и альтов канонархов. Появление в лаврском хоре последних относится к весьма давнему времени и объясняется следующим обстоятельством: в старину, когда книгопечатание еще не существовало, книга представляла собой большую редкость. На клиросе, в котором числилось около семидесяти певчих, имелся один рукописный экземпляр текста песнопений. Совершенно понятно, что, написанный не всегда разборчиво, он читался с трудом. Если учесть, что в прежние времена храмы освещались исключительно восковыми свечами, становится понятным, что по одной книге столь большой хор петь был не в состоянии. Для облегчения певчих один из них, обыкновенно тенор, а впоследствии альт, на высокой ноте в тональности пения читал нараспев или, вернее, речитативом слова песнопения, соответствующие одному стиху или одной музыкальной фразе. Немедленно вслед за этим весь хор повторял прочитанное. Таким образом исполнялось все песнопение, причем канонарх, несмотря на изменение тональности песнопения, не модулировал, не изменял первоначального тона и только в заключительном стихе заканчивал повышением голоса. С распространением печатных книг смысл такого канонаршества в значительной степени был утрачен, но традиция осталась. Теперь канонарх не только канонаршил, но и участвовал в хоре в качестве альта. Голоса у канонархов были сильные и звонкие и на фоне гармонии мужского хора очень выделялись. На большой хор бывало достаточно одного-двух канонархов. На оба клироса (или, как монахи называли, «крылоса») Великой Церкви по штату числилось двенадцать канонархов, однако

⁶ Как отмечают авторы статей в Православной энциклопедии, на этот счет существовали разные точки зрения. Некоторые считали более удачными переложения лаврского роспева Л. Д. Малашкиным (издание 1887—1888 годов), чей Обиход, однако, не был полным.

фактически состояло сначала восемь, а затем шесть, причем они в обычные службы чередовались. На Ближних Пещерах в мое время оставалось всего два канонарха, а на Дальних Пещерах они были и вовсе упразднены. В период немецкой оккупации после реставрации Лавры в хоре принимал участие всего один канонарх.

Некоторым любителям более изысканного церковного пения не нравились лаврские роспевы, не нравился и лаврский хор, но большинство богомольцев и слушателей было очаровано этим пением, поддавалось гипнозу его чудесной гармонии, и память о нем оставалась у них навсегда. В большинстве лаврских церквей исполнялись именно эти лаврские роспевы, хотя в небольшом составе и без канонархов они звучали не так выразительно. Хор, в котором процветали мелодии нового стиля, был хор митрополичий. Это был также великолепный хор, возглавляемый весьма опытным регентом и композитором иеромонахом Иадором (именно под этим именем). В исполнении этого хора чувствовались влияния новой музыки, мелодии в стиле Веделя, Архангельского, Бортнянского. Сообразно с выполняемыми номерами и хор был построен по типу четырехголосного с дисканта и альтами — мальчиками. Как-то раз митрополит Антоний организовал интересный концерт, в котором попеременно принимали участие и митрополичий, и великоцерковный хоры. Этот концерт вылился в своеобразное соревнование двух разных по типу и по исполнению вокальных ансамблей и окончился триумфом лаврского великоцерковного хора. Сначала выступал митрополичий хор с какой-то очень трудной, замысловатой гармоничной мелодией. В ней было много чисто светской романтики и нежности. Бесспорно, исполнение и само музыкальное произведение произвели на слушателей художественное впечатление. Замерли последние мелодичные кадансы. На смену зазвучал великоцерковный хор. Он исполнял с участием «уставщика» и канонарха, по всем правилам и традициям лаврских клиросов, «На реках Вавилонских». Сначала выступал мощный и низкий бас, который пел соло слова «На реках Вавилонских». На высокой ноте в тональности песнопения канонарх подхватывал «тамо седоном и плакахом». Вслед за этим раздавалось могучее величественное пение двух, соединенных в один, клиросов, которые повторяли произнесенные канонархом слова. Содержание как нельзя лучше гармонировало с мелодией, а исполнение было выше похвал. Тоска по потерянной родине, безмерная грусть и стенания сменялись торжественными хорами гордости и любви к отечеству. Конечно, тонкие нюансы сложных мелодий, быть может, были менее доступными для подобного хора и едва ли были бы исполнены так, как это сделал бы митрополичий хор. Однако лаврские мелодии выковывались на протяжении веков именно для подобного хора; они создавались в среде именно этого хора, и здесь и роспевы, и сам хор как нельзя лучше соответствовали друг другу. А акустика и настроения великого собора дополняли впечатление. В некоторых местах песнопений мелодия разрасталась как бы в море звуков, на которые набегали все новые и новые волны; силу ее можно было ощутить лишь благодаря великолепному резонансу Великой Церкви. Часто хор давал только «звуковые толчки», а заканчивала гармонию акустика. Благодаря этой же

акустике иногда на правом клиросе пело всего пять-шесть монахов, а получалось впечатление полного, большого хора. На правом клиросе Великой Церкви пел иеродиакон, а потом иеромонах Иерадион⁷. Он обладал необыкновенным громающим басом. В тех местах песнопений, где именно нужно было дать упомянутые «акустические толчки» под своды великого собора, он испускал потрясающей силы рыкающие звуки, которые долго колебали и сотрясали воздух храма.

А звуки лились, разливались, заполняли все уголки храма Благовещения, где происходил концерт. Они проникали глубоко в душу и оставались в памяти навсегда, то могучие и сильные, как шквал, как ураган протестующей души, то обессиленные, нежные и тихие и всегда льющиеся, беспрерывные. Точно исполнителем мелодии был не хор, а какой-то мощный орган, однако умеющий передать все сложные модуляции человеческого голоса. Хотя акустика Благовещенского храма и ослабляла силу впечатления, однако успех великоцерковному хору был обеспечен. Многоголосное «ах» раздавалось, когда замирали последние звуки песнопения.

Лаврские богослужения отличались продолжительностью не только потому, что точно выполнялся устав монастырской службы, но и в силу своеобразия лаврского пения. Оно было протяжным и изобиловало многочисленными повторениями. Так, например, «аминь» перед «Херувимской» повторялось двенадцать раз. Как при Великой Церкви, так и в других храмах Лавры состоял уставщик, или регент. Само название регента «уставщиком» говорит о том, что в прежнее время уставная сторона пения, то есть знание порядка богослужения, являлась основным и заслонила музыкальную сторону. Теперь же уставщиком в первую очередь назывался именно регент, дирижер хора, конечно хорошо сведущий и в уставе. Тем солистом или попросту запевалом, который в «Блажен муж», «Хвалите имя Господне», «На реках Вавилонских» первый нараспев произносил слова песнопения, теперь в большинстве случаев являлся уже другой певчий, обладающий сильным басом. На обыкновенные службы уставщики ходили по очереди, так как у каждого из них было по два подуставщика. Подуставщики вообще являлись помощниками уставщика и заменяли его во время его отсутствия, когда уставщик совершал богослужения. Для уставщика и его помощников на клиросе были устроены возвышения и «формы»; такие же «формы», но без возвышений, были установлены вдоль всего клироса и для певчих, однако в праздничные службы певчих было значительно больше, нежели «форм», и потому остальные стояли без этой опоры. На моей памяти уставщиком правого клироса и вместе уставщиком всего великоцерковного хора являлся опытный регент и знаток лаврского пения, гармонизатор лаврских мелодий архимандрит Флавиан. После его смерти его заменил игумен Валерий, ставший потом настоятелем Лавры⁸. Оба они обладали прекрасными голосами. На левом клиросе уставщиком до последних дней существования Лав-

⁷ Правильно: Иродион (Илия Яковлевич Беда), с 1919 иеромонах. Подвергался арестам.

⁸ Валерий (Василий Авксентьевич Устименко) — с 1920 уставщик правого клироса, с 1924 игумен, с 1928 архимандрит. После передачи Лавры обновленцам, в 1925—1933, нес

ры был иеромонах, а затем игумен Харлампий, обладавший прекрасным тенором и красивой головой римского патриция. Подуставщиками на правом клиросе были тенора иеродиаконы, а потом иеромонахи Никон, Пантелеимон, Леонид, а также иеродиакон, впоследствии архимандрит, Иерон, обладавший мягким басом красивого тембра.

Любители лаврского пения не раз просили запечатлеть прекрасное исполнение хора Великой Церкви на граммофонных пластинках. Наконец, какой-то настойчивый предприниматель уговорил отца Флавиана приехать с хором в студию и исполнить ряд мелодий. На автомобилях хор был доставлен в лабораторию граммофонной записи, и таким образом лаврское пение было увековечено. Правда, из-за этого отцу Флавиану пришлось перенести объяснения с митрополитом, который был недоволен, что лаврское пение будет исполняться на граммофонах.

Лаврские певчие не были выделены по своему месту жительства наподобие митрополичьего хора, который занимал отдельный корпус. Этот корпус, расположенный непосредственно около Святых Ворот, состоял из дортуаров для мальчиков и келий взрослых певчих. Там же находились певческие комнаты, классные комнаты для занятий и др. Канонархи Великой Церкви имели также общежитие в Верхней Лавре, а канонархи Ближних Пещер на Пещерах. Певчие митрополичьего хора ходили в подрясниках или, если это были монахи, в рясах. Мальчики также носили подрясники, подпоясывались монашеским ременным кушаком и на голову надевали остроконечную скуфейку из черного бархата. У канонархов одяние было такое же, однако в отличие от мальчиков митрополичьего хора они носили длинные волосы. Митрополичьи певчие на праздничных богослужениях пели в синих кунтушах, из которых впоследствии для них были сшиты изящные синие костюмчики. В рядовые дни оба хора, и митрополичий, и великоцерковный, принимали участие в богослужении лишь частями, по очереди.

В последние перед окончательным закрытием Лавры дни хоры распались. Прежде всего в них перестали участвовать мальчики. Органы Наркомпроса категорически возражали против участия детей в церковных богослужениях и предлагали их всех взять в свои интернаты. Однако протест пришел совершенно неожиданно со стороны самих юных певчих: они проявили себя необыкновенными патриотами Лавры и заявили, что никуда не пойдут из обители. Несмотря на уговоры и угрозы, они продолжали посещать церкви. Однако это становилось небезопасным для Лавры, и потому они должны были уйти из хора. Встречаясь впоследствии со многими из них, я мог убедиться, что в их сердцах сохранилась большая привязанность, любовь и благодарность к Лавре. Родители этих детей поручали их с большим доверием заботам Лавры, иногда отдавали в монастырь по обету и, конечно, не хотели, чтобы вместо монастыря их дети попадали в сомнительные советские пансионаты. До последних дней Лавры некоторые канонархи по

послушание регента и священника церкви Св. Ольги в Киеве. Подвергался аресту. В 1941 во время оккупации вернулся в Лавру и затем возглавлял ее до 1947.

собственной инициативе продолжали участвовать в богослужении, благодаря чему сохранялся стиль великоцерковного хора. Когда митрополичий хор перестал существовать, силами самих прихожан был организован «любительский» хор с участием женщин. Несмотря на несомненные достоинства и усердие певцов, в стенах Лавры хор был встречен не особенно дружелюбно: монахи считали, что появление на клиросе монастырского храма женщин нарушает обычаи и устав монастыря, и в сущности это было правильно.

Все монахи-певчие на клиросе стояли в клобуках и лишь в торжественные моменты снимали их, кладя на плечо. Особенно торжественное и величественное пение звучало во время исполнения песнопений соединенными клиросами. В определенные моменты богослужения оба хора (правого и левого клиросов) выходили на середину храма и под управлением уставщика правого клироса выполняли, с канонархом или без него, богослужебную мелодию. Так бывало на Богородичных, на «Хвалите имя Господне», на Славословии, «Тебе поем» и т. д. Объединенный хор звучал мощно и величественно. Во время этих песнопений все монахи обнажали головы.

Послушание великоцерковных певчих было значительно утомительнее, нежели певчих митрополичьего хора, так как в первом случае само пение благодаря сложности и силе было тяжелее, а продолжительность богослужений доходила иногда до семи часов. Кроме того, все певчие великоцерковного хора должны были по очереди участвовать в ночных богослужениях. Ввиду этого для подкрепления сил было принято накануне больших праздников и воскресных дней выдавать всем великоцерковным певчим по куску осетрины.

На группу мальчиков-певчих назначался особый воспитатель, который назывался смотрителем. Так, смотрителем канонархов Великой Церкви был о. Леонид, смотрителем канонархов Ближних Пещер о. Аггей и над певчими митрополичьего хора стоял о. Закхей. На Дальних Пещерах почивали мощи канонархов св. Леонтия и св. Геронтия. Их маленькие гробики со св. мощами можно и сейчас видеть в Лавре. Ежедневно, отходя ко сну и вставая поутру, канонархи читали молитву своим покровителям, и в этом было нечто весьма трогательное. По преданию, святые канонархи скончались внезапно, во время вечернего богослужения на стихирах на «Господи воззвах». Один из них возгласил стих «Изведи из темницы душу мою...» и после этого преставился, а другой ответил другим стихом: «Мене ждут праведницы дондеже приду...» — и также почил.

ПОРТРЕТЫ 1920-х

☞ Священник Василий Зиновьев ☞

Священник, композитор, регент и педагог, участник Первой мировой войны, отец Василий Зиновьев являет своей жизнью образец неразрывности патриотического и священнического служения. Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон (Беллавин, будущий Патриарх), высоко ценивший композиторский талант Зиновьева, назвал его даже «русским Бахом»¹. Среди работ Зиновьева, помимо духовных композиций, Кантата к 200-летию со дня кончины св. Димитрия Ростовского, Кантата на 600-летие явления Толгской иконы Богоматери, песнь «На день рождения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича», кантата «Русь святая идет на войну» — отклик на начало Первой мировой.

Летом 1916 Галиция и Буковина стали ареной кровопролитных боев. В так называемой Галицийской битве погибло множество солдат, погиб едва ли не каждый третий из русских офицеров. Огромные потери русской армии потребовали дополнительного призыва новобранцев.

В сентябре 1916 о. Василий уходит добровольцем на Юго-Западный фронт, где служит священником и капельмейстером полкового хора в 206-м пехотном Сальянском Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полку 52-й пехотной дивизии². В походной церкви о. Василий совершал богослужения, исповедовал и причащал однополчан. Личным примером и проповедями он призывал к мужеству и стойкости. Многих о. Василий проводил в последний путь.

В одной из проповедей военного периода он говорил: «Используем приближающуюся зимнюю стоянку на лекции, школьные занятия и создадим непобедимую, сильную духом и телом, юную армию!» Сам о. Василий, несмотря на все невзгоды и тяготы, на фронте работал над продолжением своего «Практического руководства для начинающего учителя-регента» — большого труда, изданного только в наше время. В июле 1917 206-й пехотный Сальянский полк понес огромные потери и выбыл из боевых действий, а в 1918 был окончательно расформирован.

¹ По устным воспоминаниям протодиакона Виктора Константиновича Леданова, певчего Ярославского архиерейского хора. О. Виктор учился в Синодальном училище, после 1918 пел в Художественной капелле Зиновьева (см. далее); с 1950 — протоиерей Феодоровского кафедрального собора Ярославля.

² ЯГПУ имени К. Д. Ушинского. Личное дело В. Н. Зиновьева (№ 120).

В тревожные дни февраля 1918 с фронта возвратился в родной дом священник Зиновьев. Но мирная довоенная жизнь не вернулась.

В июле 1918 в Ярославле вспыхнуло вооруженное выступление против большевиков. В дни так называемого белогвардейского мятежа было повреждено множество зданий, в том числе Успенский кафедральный собор и Демидовский лицей. Без крова осталась четверть горожан, при подавлении мятежа расстрелы производились без суда и следствия. В эти трагические дни о. Василий написал Великое славословие, напряженностью звучания внутренне связанное с этими событиями.

Ярославль еще дымился пепелищами, в губернии тоже было неспокойно. Однако 16 сентября 1918 при огромном стечении народа состоялось освящение нового, величественного собора в честь Казанской иконы Божией Матери в уездном городе Данилово. На торжество прибыли Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон, митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский), архидиакон Константин Розов. Принимал участие в освящении собора и о. Василий Зиновьев: он запечатлен на фотографии с Патриархом (возможно, о. Василий пел в хоре).

О. Василий вновь, как и до войны, служил в Троицкой церкви Николаевско-го детского приюта. Кроме того он активно включился в музыкально-педагогическую работу с детьми как организатор и заведующий музыкальной школой при станции «Ярославль-город», преподаватель Ярославской музыкальной школы второй ступени (позже была реорганизована в техникум). Но уже через год ему запретили преподавание в школах, поставив перед выбором — либо служение в храме, либо работа с детьми³.

Он остался в Церкви и при Сретенском храме, где был регентом, организовал Художественную капеллу. В одном из следственных дел 1930 (то есть уже после кончины о. Василия) в обвинительном заключении указывалось: «С целью облегчения широкой антисоветской деятельности в церкви Сретеня при непосредственном участии [следует перечисление фамилий прихожан] был организован знаменитый Зиновьевский хор, который привлекал к себе не только верующих фанатиков, но и простого обывателя, где они в открытую воссоставлялись против Соввласти и ВКПб»⁴. Руководя этим большим хоровым коллективом, о. Василий довел его до такого совершенства, что капелла действительно получила известность далеко за пределами Ярославля.

«Это был хор такого великолепного звучания, что слушать его приезжали даже из Москвы», — рассказывала со слов своего отца П. И. Полтавцева, дочь регента церкви Параскевы Пятницы, что на Туговой горе, Ивана Демьяновича Полтавцева.

Ярославец Сергей Васильевич Дмитриев, увлекавшийся хоровым искусством, в своих воспоминаниях пишет: «Знал я регентов и дирижеров: Люминарского, Бугрюмова, Иванова, о. Николая Розова, о. Василия Зиновьева, Алмазова. Все они

³ ГАЯО. Р-178. Оп. 1. Д. 195.

⁴ ГАЯО. Р-3698. С-11861. Том 5.

в обыденной жизни были милые люди, но как только возьмут в руки камертон или дирижерскую палочку, то делаются звери зверями. Кричат, ругаются, дерутся. Попадало и большим, и маленьким»⁵.

С певчими о. Василий держался очень строго, но в результате хоровая дисциплина была идеальной: «Все мы висели у него на кончике камертона. Одного взгляда Василия Николаевича было достаточно, чтобы мы знали, что нужно петь и как надо петь», — вспоминала певчая В. Л. Соколова⁶.

При этом на спевках он мог шуткой приободрить певчих после долгой напряженной работы, умел сглаживать конфликты в хоре. Певчие любили и уважали его. Регент служил им примером — на службе был собран, натянут, как струна. Его молитвенное вдохновение передавалось и хору. «Когда я молюсь, горю, как свеча. Пусть свеча и копеечная, но пламя моей свечи соединяет меня с Богом» — эти слова о. Василия на всю жизнь запомнила Е. В. Куликова, крестница Зиновьева⁷.

Возобновилась и композиторская деятельность о. Василия, появились новые песнопения.

«Великое славословие», как уже говорилось, было создано в тяжелые дни июля 1918.

«Сугубая ектения» написана в июне 1921, по случаю трагической смерти сына Николая.

Не найденная пока кантата «В память 100-летнего юбилея Н. А. Некрасова» прозвучала на торжественном вечере 5 декабря 1921 в Драматическом театре имени Федора Волкова в исполнении Художественной капеллы.

«Многолетствование Патриаршее» написано в 1922—1923, после ареста Патриарха Тихона и митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела.

⁵ Дмитриев С. В. Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 76.

⁶ Бакуменко В. М. Регент и церковный композитор священник Василий Зиновьев // ЖМП. 1985. № 1. С. 21; цитируются воспоминания певчей В. Л. Соколовой.

Валентина Леонидовна Соколова (Коровина) пела под управлением Зиновьева в Архирейском хоре (в Успенском соборе), в Сретенской капелле, в Феодоровском кафедральном соборе. Она — супруга Бориса Васильевича Соколова (1895—1978), тоже певчего архиерейского хора и Сретенской капеллы, а затем — регента Феодоровского кафедрального собора. В 1947 он был арестован по обвинению в антисоветской агитации. Дополнительным поводом для ареста послужили показания свидетеля — певчего хора: «Соколов отдельные выдержки из церковного пения преподносит умышленно, в искаженном виде, например в конце службы поется песня, в которой есть слова: "...низложи сильные со престол и вознесе смиренныя" (речь идет о песнопении "Величит душа моя" Зиновьева. — Л. З.). Указанные слова Соколов заставлял петь громко, чтобы было отчетливо слышно, и этим самым у верующих вызывал двоякое понятие этих слов. Певцы этим возмущены, указанная песня должна быть исполнена в одинаковом ритме». Приговор судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда от 15.11.1947: лишение свободы по ст. 58-10 ч. 1 УК на 8 лет с поражением в правах на 5 лет. Реабилитирован 07.07.1992 (ГАЯО. Р-3698. Дело С-13203).

⁷ Воспоминания записаны в 2000.

Кондак акафиста сочинен в 1924 в Москве, когда о. Василий состоял регентом храма Сергия Радонежского у Рогожской заставы.

После 1918 написан ряд песнопений, посвященных празднику Сретения Господня (уже говорилось, что о. Василий регентовал в Сретенском храме).

Наконец, имеются непроверенные сведения, что Зиновьевым была сочинена кантата к годовщине смерти Ленина, исполнявшаяся 22 января 1925 на радиостанции в Москве.

В начале 1920-х Сретенский хор вел активную концертную деятельность. В его репертуаре была не только духовная музыка, но и сочинения русских и зарубежных композиторов-классиков, народные песни.

Сохранились две афиши духовных концертов в Ярославле:

3 февраля 1924 г.

Программа духовного концерта

Художественной капеллы В. Н. Зиновьева

Отделение I

«Помышляю день страшный», муз. Архангельского

«На реках Вавилонских», муз. Веделя

«Спаси Боже люди Твоя» — solo бас с хором

Исполнит протодиакон Н. Ф. Остроумов

«Во царствии Твоем», муз. Калининкова

«Услыши Боже глас мой», муз. Бортиянского

Отделение II

Тропари воскресны [из Всенощного бдения], муз. Рахманинова

«Ныне отпускаеши» — solo бас, муз. Чеснокова

Исполнит протодиакон Н. Ф. Остроумов с хором

Непорочны Великой Субботы, трио с хором

Исполняют Н. Ф. Остроумов, Н. Н. Дубков и А. Н. Барцевский

Ектения просительная — solo бас, муз. Чеснокова

Исполнит Н. Ф. Остроумов с хором

«Хвалите имя Господне», муз. Рахманинова

В заключение концерта будет исполнено «С нами Бог», муз. Зиновьева.

Кстати: о необычайной распространенности и в наши дни часто исполняющегося песнопения «С нами Бог» могут свидетельствовать стихи Константина Самуилова под названием «Диспут», относящиеся к первой половине 1920-х (приводятся в книге «Отцовский крест»; см. о ней выше) и снабженные подзаголовком: «Посвящается священнику Зиновьеву, положившему на звуки знаменитую декларацию гонимого, но торжествующего христианства “С нами Бог!”»

Атеисты в докладах стремились
Фактов цепь повернуть кверху дном.
Оппоненты-священники бились
Величайших ученых умом.

Много было здесь всем возражений,
Много сильных и шумных похвал.
Но, быть может, объятый сомнением,
Кто-нибудь здесь и правду искал.

Кто действительно истину ищет,
Вникни сам, рассмотри и реши:
Рукоплещет народ или свищет,
Ты вниманьем к тому не гречи.

Посмотри на безверие модное,
Что внушает нам страх пред концом,
И на веру в Христа благородную,
Что венчает бессмертья венцом.

Обратись и к научному методу,
Посмотри, сколько веры и в ней.
Не имеешь ты права поэтому
Говорить, что наука сильней.

Прикрываясь суждениями ложными,
Нам кричат: справедливость напрасна!
Грех и лживость найдены возможными.
Но мы с этим совсем не согласны.

Мы за Того, Кто в мученьях распятыя
Пролил за всех неповинную Кровь.
Наша программа — всеобщее счастье,
Наши лозунги — Бог и Любовь.

Выбирай, если хочешь, проклятыя,
Твоя воля свободна, иди!
Но, гоняясь за призраком счастья,
Ты увидишь тоску впереди.

Если ж ты, укрепляемый верою,
Встанешь твердо, как дуб-великан,
То ты кровью своею и нервами
Впишешь подвиг в науку векам...

Как червь волочится в пыли,
Считая грязь своим пределом,
Так и безбожье на земли
Животным манит стать уделом.

И как орел, взлетая к небу,
Кругами мощными парит,
Так вера в огненном порыве
О Боге вечном говорит.

Ни Лушников, ни Мурзалев,
Ни Олещук иль Луначарский
Не поразят из-за углов
Великой веры христианской.

Сгнут они в своей пыли,
Развеет вихрь земное счастье;
А Бог и Вера — посмотри —
Во всех не потеряют власти.

Мы знаем: в этом мире боле
Все только внешность и наряд.
А в нашей вере в Божью волю
Зарницы вечности горят.

Кроме того, в приведенной выше программе примечательно участие знаменитого московского протоиерея Николая Остроумова, который в числе прочего исполняет и очень в то время (и в наше тоже) популярное, недавно написанное сочинение Чеснокова «Спаси Боже люди Твоя», даже без указания авторства в афише. О том, что подобные «гастроли» были не единичны, свидетельствует, может быть, сохранившийся экземпляр песнопения Зиновьева «Вошел еси во церковь» (кстати, посвященного архиепископу Тихону Беллавину), подаренный уже после смерти автора, в 1926, еще одному знаменитому московскому протоиерею — Владимиру Прокимнову, с подписью: «Зачаровавшему ярославцев В. Д. Прокимнову на память о Ярославле. Протоиерей В. Добровольский».

Зал гимназии имени Карла Маркса**7 апреля 1922 года****Ярославской Художественной певческой капеллой****дан будет 2-й духовный концерт**

1-е отделение

- «Архангельский глас» — женский хор, муз. Бортнянского
 «Совет превечный», муз. Астафьева
 «Достойно есть», муз. Черепнина
 «Величит душа моя» — соло тенор с хором, муз. Чеснокова
 «Богородице Дево радуйся», муз. Чеснокова
 «Ангельский собор» и прочие тропари, муз. Чеснокова

2-е отделение

Слово о бессмертии

К помощи голодающим

Произнесет протоиерей о. В. Н. Добровольский

3-е отделение

- «Блажен муж» — соло тенор с хором, муз. Архангельского
 «Хвалите имя Господне», муз. Чеснокова
 «От юности моя» — соло бас с хором, муз. Чеснокова
 Славословие великое, муз. Рютова
 Тропарь Великого Пятка — мужской хор, муз. Зиновьева
 Задостойник Великой Субботы, муз. Турчанинова
 «Да молчит всякая плоть», муз. Турчанинова
 «Да воскреснет Бог», пасхальный концерт, муз. Бортнянского.

Не может не привлечь внимания сложный, высокого художественного качества репертуар обоих концертов. Очевидно, и слушательский резонанс был соответствующий, так как местная газета «Творческие дни» не замедлила откликнуться на второй концерт (№ 83 от 12 апреля):

«Не из той оперы»

Это придется сказать устроителям «2-го духовного концерта», по поводу пения митрополиту встречного «исполаем ти деспота».

Хор запел, верующие вскочили, митрополит всегда и, конечно, как полагается в подобных случаях, начал «осенять» аудиторию.

Получилась, с точки зрения одних, — «умилительная», с точки зрения других — неловкая и, во всяком случае, неуместная на концерте «церковная» сцена.

«Исполать» крестоносного «князя церкви» находили нужным, конечно, далеко не все пришедшие послушать композиции Бортнянского, Турчанинова, Кастальского. «Чтят вставанием» только тех, кого уважают за гражданские подвиги, за общепризнанную работу на пользу народа, а черные и белые клобуки меньше всего имеют отноше-

ние к подвигам и пользе — всем памятны их открытые «смирненные труды» в прошлом, общеизвестны их «гражданские заслуги» в настоящем.

«Хвативши» на открытом концерте «встречу» по церковному ритуалу, хор Зиновьева не только совершил общую бестактность, но и поставил «скромно» сидевшего в первом ряду митроносца в неловкое положение, превратив его из простого служителя в «священнодействующего» представителя православия.

Не следует смешивать концертную эстраду с церковным амвоном, гражданин Зиновьев: то, что уместно в соборе, неуместно в школе имени Карла Маркса.

Исполайте кого хотите и как хотите в церквах, но не устраивайте церковных демонстраций на концертах.

Не «исполающий».

Еще одна сохранившаяся афиша отражает песенную программу:

Ярославский гарнизонный клуб имени В. И. Ленина

Пятница 28 ноября 1919 года

Программа концерта

Ярославской художественной капеллы
под управлением регента В. Н. Зиновьева

«Русская народная песня»

в музыкальной обработке композиторов: Архангельского, Гречанинова, Никольского,
Римского-Корсакова, Чайковского, Чеснокова и др. авторов

Отделение 1

«Не белы снеги в поле забелелись», муз. Н. Брянского

«Ох, не буйный ветер завывал», муз. Бородина

«Ай во поле липенька» (Троицкая хороводная песня), муз. Римского-Корсакова

«Не цветочек в поле вянет», муз. Чеснокова

«Вейся, вейся капуста», муз. В. Орлова

«Отчего у нас зима становилася» (Былина о птицах и зверях), муз.

А. В. Никольского

Отделение 2

«Таусень» (Новогодняя колядная песня), муз. Никольского

«Скучно, матушка, весною жить одной», муз. Воротникова

«Ты царевна молодая» (Свадебная песня), муз. Никольского

«За рекою за быстрой мой Ваня гуляет», муз. Чеснокова

«Утенушка луговая» (Игровая песня), муз. Никольского

«У ворот, ворот батюшкиных» («Ай, Дунай»), муз. Архангельского

Начало концерта ровно в 7 час. вечера.

Ответственный распорядитель концерта И. В. Озерский

Дополнительную информацию о концертах под управлением Зиновьева можно найти в местных газетах. Например:

«Село Карабиха Ярославского уезда.

В воскресенье, 8 августа, в народном доме с. Карабихи состоялся концерт Ярославской Художественной Певческой Капеллы под управлением В. Н. Зиновьева. Концерт прошел блестяще. Публика, собравшаяся в большом числе, осталась им крайне довольна. Многие высказывают желание, чтобы концерт Капеллы был устроен еще раз» (Известия Яргубисполкома. 1920. 19 августа. № 187).

«В Клубе водников.

8 октября в Клубе водников состоялось открытие зимнего сезона. Была поставлена комедия в 3-х действиях “На бойком месте” Островского... В спектакле принимали участие преимущественно водники — служащие станка и прилавка. После спектакля состоялся концерт, который также прошел с большим успехом. В концерте приняли участие: хор под управлением т. Зиновьева, поэт А. Верпаховский, ученица консерватории [Ярославской народной] В. Вознесенская и тов. Яковлев, исполнивший несколько песен на корнет-а-пистоне. Открытие клуба собрало много водников, и маленький зал не мог приютить всех собравшихся» (Там же. 1920. 10 октября, № 230).

«В гарнизонном клубе имени т. Ленина в пятницу, 8 октября, состоялся первый концерт-спектакль, устроенный культпросветкомиссией при Губпроммилитии, при участии художественно-певческой капеллы под управлением т. Зиновьева» (Там же. 1920, 12 октября, № 231).

С самого начала 1920-х деятельность Зиновьева оказалась тесно связанной также с Ярославским педагогическим институтом. С 20 октября 1921 он вел занятия по музыке и пению на третьем и четвертом курсах и руководил студенческим хором. В январе 1922 в Совете института обсуждался вопрос о закрытии педагогического института как самостоятельного учреждения и введении его в состав Ярославского университета в качестве педагогического факультета. Обсуждались также вопросы вокально-хорового воспитания студентов и кадрового обеспечения этой работы. Вот выписка из протокола № 9 заседания педагогического факультета Ярославского государственного университета от 23 января 1923:

«Слушали: о занятиях по пению.

Постановили: 1. Признать занятия пением в высшем педагогическом учебном заведении необходимыми; 2. Признать наиболее подходящим для ведения занятий по этому предмету регента В. Н. Зиновьева; 3. Сообщить об этом правлению Университета»⁸.

В мае 1922 в Ярославле, ввиду отсутствия на кафедре пребывавшего тогда в заключении митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела (Преображен-

⁸ Цит. по: Новикова Л. П. Из истории музыкально-эстетического воспитания студентов в Ярославском педагогическом институте // Материалы междунар. конф. «Чтения Ушинского». Ч. 2. Ярославль, 2007. С. 126.

ского), управление церковной жизнью захватила так называемая Живая церковь. Духовенство епархии в целом отрицательно отнеслось к самозваной церковной власти. 10 октября 1922 от имени духовенства и мирян города Зиновьев написал заявление в ОГПУ с просьбой разрешить проведение собрания в церкви Святого Духа. На нем присутствовали около трех тысяч человек. Ярославцы выразили верность Святой Соборной и Апостольской Церкви, отвергли обновленческое Высшее церковное управление и приняли постановление о молитвенном поминовении за богослужением Святейшего Патриарха Тихона, митрополита Ярославского Агафангела и епископа Романовского Вениамина⁹.

После собрания последовали аресты. 28 октября был арестован и священник Василий Зиновьев. Дополнительным поводом послужила проповедь, сказанная им 17 июня 1922 в Троицкой церкви при Николаевском приюте; она заканчивалась так: «...Когда Николая прогнали — вы спали, Временное правительство свергнули — вы спали, Ленин сидит — спите. Сказал бы больше, да “Коровники” [*ярославская тюрьма*] недалеко. Меня посадят, и вы тоже будете спать...»¹⁰

На допросах о. Василий вел себя уверенно, с достоинством. На вопросы следователя отвечал с некоторой иронией; так, по поводу своего имущественного положения заявил: «Имею козла и козу»¹¹. За неделю до пятой годовщины Октябрьской революции заключенный Зиновьев подал заведующему Секретно-оперативным отделом ГПУ заявление:

Не для получения себе лично свободы, а для окончания подготовки трех хоров к торжествам Октябрьской революции прошу Вас рассмотреть мое дело в спешном порядке... Если нельзя быстро рассмотреть дело, прошу временно освободить меня для производства спевков в трех хорах (в учебной дивизионной школе, в педфаке и в своем хоре), которые каждый год под моим управлением поют на торжествах. Осталась одна неделя, а спевков надо провести минимум 7—8¹².

Его выпустили, взяв подписку о невыезде. 22 ноября 1922 он был окончательно освобожден.

Напряженная профессиональная деятельность в предвоенное время, годы в окопах, житейские испытания последующих лет сказались на здоровье о. Василия. В ноябре 1923 открылось серьезное заболевание горла, и весной следующего года он отправился на лечение в Крым. Там наступило некоторое улучшение, но по возвращении в Ярославль болезнь снова дала о себе знать. В октябре 1924 отец Василий переехал в Москву, чтобы серьезно заняться лечением. Кроме того, он взял на

⁹ Вениамин (Василий Константинович Воскресенский, 1871—1930), епископ Романовский (Тутаевский), в 2000 был причислен к сонму русских святых в лике священномучеников.

¹⁰ ГАЯО. Р-3698. Оп. 2. Д. С-4773. Л. 60.

¹¹ Там же. Л. 59—59 об.

¹² Там же. Л. 67—67 об.

себя управление хором в храме Преподобного Сергия Радонежского у Рогожской заставы.

В феврале 1925 отца Василия неудержимо потянуло в родной город. Видимо, в предчувствии близкой кончины композитор решил проститься со всем, что было ему так дорого, чему он отдал всю свою жизнь и творческие силы. Он приехал в Ярославль в праздник Сретения Господня. Посетил Троицкий храм, где он прослужил почти 30 лет, и скорбел, что не может послужить в своем любимом храме: в это время о. Василий даже говорил с трудом, почти шепотом. Но, несмотря на сильное недомогание и слабость, хором в Сретенском храме он все-таки управлял¹³.

25 марта 1925 Зиновьев скончался в московской больнице. Отец Василий до конца остался верен своему юношескому завету: «Нотки я покину только тогда, когда буду там, далеко... на том свете»; «Музыка — это моя стихия, я добровольный пленник ее на всю жизнь»¹⁴.

* * *

В фонде Драмсоюза сохранилось небольшое дело В. Н. Зиновьева. Оно состоит из заявления о вступлении в Драмсоюз от 15 декабря 1924; адрес проживания указывается уже московский, неподалеку от очень известного (в том числе хорошим пением) храма, в котором он взялся за руководство хором (б. Б. Алексеевская), д. 40/14, кв. 3). В заявлении содержится обещание представить «подробный каталог своих произведений», но никакого списка в деле нет.

В деле находится множество посланий — заявлений, писем и телеграмм от вдовы композитора Е. А. Забродино-Зиновьевой¹⁵ вплоть до 1928, содержащих просьбы о высылке авторского гонорара за исполнение сочинений покойного композитора. Вот характерная телеграмма от 15 марта 1927: «Средств прожития нет крайне нуждаюсь шлите помощь Зиновьева», с визой чиновника Драмсоюза: «Выслано 75 руб. 69 коп.».

Подтверждая свои права, Е. А. Забродина выслала в Драмсоюз копию свидетельства о смерти Зиновьева:

¹³ Бакуменко В. М. Регент и церковный композитор священник Василий Зиновьев. С. 23.

¹⁴ Цит. по: Шутов Павел, протоиерей. Памяти композитора-священника В. Н. Зиновьева // ЖМП. 1960. № 4. С. 24—25.

¹⁵ После смерти супруги Марии Львовны (10 августа 1922) в феврале 1923 Зиновьев вступил в гражданский брак с Евдокией Александровной Забродино, сиротой, воспитывавшейся в Николаевском приюте и певшей в Сретенском хоре; у них родилась дочь Татьяна. Забродина в последние годы жизни Зиновьева ухаживала за ним и за его младшей дочерью Екатериной. После второй женитьбы Зиновьев не совершал богослужений, служил в храме только регентом. После смерти о. Василия его старшая дочь Вера забрала мачеху и сестру к себе в Петроград.

Москва. Отдел записи актов гражданского состояния Рогожско-Симоновского района. 1925 год. Выпись о смерти № 162

№ записи — 823

Число и месяц совершения — 27 марта

Фамилия и имя умершего — Зиновьев Василий Николаевич

Возраст — 55 лет¹⁶

Число, месяц и год — 25 марта 1925

Место смерти — Москва. Клиника 1-го Госуд. Университета

Постоянное местожительство — Москва, Б. Коммунистическая ул., № 40/14, кв. 3

Род занятий — регент

Семейное положение — женат

Причина смерти — рак гортани

Подробный адрес заявившего — Алексей Васильевич Перевезенцев (адрес указан выше)

Место погребения — Туговское кладбище (Ярославль).

Людмила Зуммер

¹⁶ Верно — 51 год.

ПОСТАНОВКА ХОРА (ВОСПИТАНИЕ ХОРА)

В 1904 о. Василий Зиновьев издал у Юргенсона свой учебник — «Практическое руководство для начинающего учителя-регента» (переиздан в Ярославле в 2014). В нем в краткой, общедоступной форме излагались основные необходимые для устройства самостоятельного хора сведения по теории музыки и истории церковного пения, а также давались некоторые практические советы по проведению начальных спевков. Книга приобрела значительную популярность.

Находясь на фронте, о. Василий продолжил работу над «Руководством»; возможно, он продолжал ее и позже, вернувшись в Ярославль. Так или иначе, труд под названием «Постановка хора (воспитание хора)» не был завершен, а рукопись надолго утеряна. Всего несколько лет тому назад она нашлась в рукописном собрании БАН в Петербурге (Собрание Лукьянова. № 192).

Рукопись содержит 29 листов и имеет подзаголовок: «Пособие руководителям всех церковно-певческих хоров. Составил свящ. В. Зиновьев (б. учитель пения Ярославской Духовной Семинарии, Мариинской женской гимназии, руководитель регентских курсов и регент Ярославского Архиерейского хора)». Она датирована: «Июнь 1917 года. Галиция (Шумляны, Хохошев, Быдло)».

В работе предполагались две части — теоретическая и практическая; первая была вполне завершена, вторая — только начата. Приводим авторское оглавление:

Часть теоретическая

1. Понятие о хоре
2. Музыкальная грамотность певцов как основа хора
3. Чистота хорового аккорда как главная задача руководителя
4. Враги чистоты аккорда: вибрация, подход к звуку, злоупотребление силой звука
5. Одинаковая тембровая окраска звука партий
6. Личность регента-руководителя и внутренняя дисциплина хора
7. Что такое «хорошая» и «дурная» пьеса.

Часть практическая

Упражнения, доводящие звук хора до изящества как в нотном, так и особенно в простом пении — неторопливом, выразительном, тихом, спокойном и в то же время величественном и проникновенном.

В «Постановке хора» — очень живо и ярко написанном тексте, — разумеется, развиваются некоторые мысли, изложенные в «Руководстве», но, можно сказать, в более профессиональном, «регентском» аспекте. Особенно ценны даваемые о. Василием характеристики провинциальных хоров, их недостатков, а также путей преодоления таковых. Вероятно, создаваемая им картина церковного пения вне столиц еще долго сохраняла свою актуальность.

На обороте последнего листа рукописи рукой о. Василия записан черновик, эскиз проповеди, явно относящейся к фронтовому времени:

...С нашей стороны, мы, оставленные большинством кадрового офицерства, сумевшего устроиться в тылу, мы, юные поклонники своей Мечты, пошли умирать за нее и умирали геройски: Быдло, Галич, Станислав 3—5—6 июля видели наши дела, — если пока не dokonчено дело, если все еще наша Принцесса-Свобода в плену, то весь мир знает, что еще не раздавленные революционной машиной старые реакционные пни и обросшие мохом корни всех сил общества, — они и единственно они с их обычной провокационной кликой стали нам поперек дороги и помешали dokonчить начатое освобождение заветной своей сказки.

Мы, юные рыцари, освободим свою Принцессу Грезу, юную Свободу! Мы верим в это! Все молодое, сильное духом и телом, все... здоровое Русской Армии объединяется в Союз Юных Рыцарей. Наш девиз: победно dokonчить войну и спасти свободную Россию путем воспитания и пробуждения сознания молодых солдат и сплочения их вокруг себя. Используем приближающуюся зимнюю стоянку на лекции, беседы, школьные занятия и создадим сильную духом и телом юную армию.

Пусть все старое, уставшее, отжившее, легко поддающееся на большевистский лозунг «Долой войну!», что одинаково значит — долой свободу, пусть все это отойдет в сторону, на покой и пусть весь свет увидит, что юное поколение молодой России бодро, молодо и оно в силах рыцарски спасти свою юную мечту — Свободу. Мы, молодежь, живем веря в свою чистоту и свежесть. Бог, давший нам юность, да укрепит нас на предстоящий нам подвиг!

Свое молодое воодушевление мы вторжем в молодые души народных масс, пробудим, воспламеним, зажжем ярким огнем любовь к Свободной России, над которой уже занесена святотатственная рука Вильгельма.

Молодые сердцем генералы, полковники, капитаны, поручики, прапорщики, молодое морское офицерство — все, в чьем сердце брызжет юная горячая кровь и пылает любовь к идеалу, спешите к нам!

Инженеры, техники, доктора, адвокаты, химики, студенты всех университетов и академий, юнкера — все влюбленные в свою мечту — красавицу Свободу, спешите к нам, объединяйтесь в наш молодой Союз Юных Рыцарей.

Поле деятельности нашей обширно, нас ждет радостная работа с молодым поколением. Скорей и смелей вперед! Нет преграды весеннему потоку. Удача впереди! Нет силы, которая бы устояла против молодости!

Этот весьма эмоционально написанный текст свидетельствует о том, как о. Василием была воспринята Февральская революция, — так же восторженно, как и многими другими гражданами «Свободной России».

ЧАСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

Понятие о хоре

В общезнании всякое случайное собрание поющих людей принято называть «хором». Такие хоры мы наблюдаем во множестве сельских церквей, где певцами являются все, чувствующие склонность к пению, поселяне: мужчины, девушки, подростки и дети. В таком же приблизительно положении находятся и очень многие городские приходские церковные хоры.

Но не всякое случайное собрание поющих людей можно назвать хором в строгом смысле этого слова, хотя бы это собрание и пело действительно «хором» и даже «под управлением» или учителя, или псаломщика, или же особого регента, — это будет все же только лишь поющая народная масса, но не хор; всё пение такого «хора» носит совершенно случайный характер, а именно: каждый певец поет так, как он может, и так, как ему нравится; каждый певец дает звуки, какие у него есть от природы; о музыкальных познаниях, о постановке голоса, о подборе тембров, о точности каждого данного звука, о равномерности силы звука партий и о многом другом, необходимом для настоящего хора, у таких певцов не возникает и речи.

Хором эту массу поющих людей можно будет назвать тогда, когда:

1. все эти случайные певцы будут разделены на определенные голосовые партии (дисканты, альты, теноры и басы) соответственно, конечно, своим природным голосовым данным;
2. голоса этих партий будут подобраны хотя бы по приблизительно одинаковому тембру;
3. партии одинаковых голосов будут иметь одинаковую силу звучности, — но и тогда это еще не хор в строгом смысле слова, а только лишь материал для будущего хора, который в руках опытного руководителя постепенно, путем терпеливого обучения и рационального воспитания, будет мало-помалу превращаться в стройный хор.

Музыкальная грамотность певцов как основа хора

Все без исключения лица, принятые в хор, должны быть грамотны в музыкальном отношении — грамотны хоты бы в элементарном значении этого слова. Должны знать нотную систему, ключ (скрипичный для дискантов, альтов и теноров и басовый для басов), должны сознательно петь интервалы (большие и малые, чистые, увеличенные и уменьшенные), должны быть знакомы со знаками изменения звука (диез, бемоль, бекар) — одним словом, певец, прежде чем вступить в хор, должен основательно пропеть элементарный курс сольфеджио. Руководитель хора должен ознакомить своих будущих певцов с правильной постановкой звука, выяснив, что такое открытый и закрытый звук, с пением на различные гласные, выяс-

нив положение при исполнении этих гласных отдельных органов — гортани, языка, губ и проч., выяснив также общее положение корпуса поющего. Певцы должны знать и уметь исполнить знаки экспрессии (*p, pp, mp, mf, f, ff, < >, sf* и др.). Все эти элементарные познания должны быть сообщены при первоначальном обучении и снова повторяемы на подготовительных к общему хору спевках, отдельно с каждой голосовой партией.

В дурно организованных хорах установилось мнение, будто бы достаточно иметь в каждой партии одного знающего певца и вся-де партия тоже будет петь, — но нетрудно себе представить, что это за пение, когда один поет, а пять человек за ним тащатся! Кроме того: подпевание всей партии одному руководителю еще терпимо было в незамысловатой гармонии стиля Бортнянского и Турчанинова, но совершенно уже невыносимо в пьесах нового направления, где подпевающих партий — на расстоянии интервалов терций и секст — совсем нет, где каждая голосовая партия является совершенно самостоятельной мелодией, где у каждой партии свой художественный узор. Тут требуется безусловная грамотность и самостоятельность каждого отдельного певца — грамотность, заранее приобретенная на пении сольфеджий и вокализов: без нее исполнение таких пьес будет недостижимо для хора; если же хор, несмотря на малограмотность, возьмется за эти пьесы, то это исполнение окажется лишь «покушением с негодными средствами». Вся современная духовно-музыкальная литература, начиная с Чайковского и кончая Гречаниновым, Кастальским, Чесноковым, Никольским, этой славной плеядой талантов, — окажется для такого хора закрытой, недоступной.

Обучение нотной грамоте должно идти параллельно с воспитанием в певцах известного изящества исполнения: учитель собственным голосом должен помочь ученику дать правильный и красивый звук, выработать мягкий и приятный тембр, создать выразительное произношение отдельных звуков, слов и фраз, — но, повторяю, это должно быть сообщаемо параллельно с музыкальной грамотой: было бы странно, например, привить человеку красивые, интеллигентные манеры, научить его красиво говорить, но оставить его безграмотным, — то же самое и в деле хорошего обучения.

Как сообщить певцам необходимые познания и поднять их до известной степени грамотности, а равно и сведения о выборе голосов для хора, об индивидуальных особенностях голосов, об элементарной постановке их, о развитии и упражнении, о способе обучения нотной грамоте начинающих певцов — обо всем этом достаточно сказано в моем «Практическом руководстве для начинающего учителя-регента» (изд. Юргенсона, Москва), где для примера показана и первая спевка с начинающим хором.

О том же, как весь избранный для хора певческий материал довести до известной степени культурного развития, как воспитать интеллигентность звучания всей массы певцов, как выработать изящество и мягкость хорового звука, как добиться прозрачности, ажурности хорового аккорда — об этом пойдет речь в предлагаемом труде.

Чистота аккорда как основа хора

Первое и основное стремление регента должно быть направлено в сторону выработки *чистоты* — *прозрачности* — *ажурности* хорового аккорда; все остальные достижения делаются попутно с этим первоначальным и руководящим мотивом.

Только что собранную массу поющих лиц, этот хоровой материал, можно для примера сравнить с новым, ненастроенным роялем, где каждый отдельный звук гаммы дается одновременным звучанием трех струн. Чтобы эти три струны дали точный, ясный, определенный, одинаковой высоты, силы и тембра звук, опытный настройщик сначала терпеливо подбирает и выбирает из множества струн такие именно три струны, которые могут дать одинаковый звук, а затем еще более терпеливо подвинчивает их, повышая и понижая звук каждой струны до абсолютного совпадения всех в одном звуке.

Тот же самый подбор, такое же тщательное выравнивание, ту же самую — конечно, только в другом виде — работу должен проделать и руководитель хора, если желает, чтобы, например, вся партия дискантов (а их может быть от 5 до 10 человек и более) звук дала абсолютно точно, все — как один голос. И только при подобной тщательной настройке хора возможна желаемая чистота аккорда.

Есть дивные от природы голоса, и есть дивная старая итальянская школа сольного пения. Но если мы поставим в хор букет из дивных певцов, прошедших высокую итальянскую школу, и попросим их спеть вместе, то услышим хор невысокого качества: индивидуальность каждого певца слишком будет ясна, и вместо хора мы услышим именно несколько красивых голосов, причем по особенностям голоса каждого певца можно будет назвать его имя; в партии теноров мы отличим: у теноров это — звук Собинова, это — Смирнова, а это — Дамаева; у басов это — звук Шаляпина, это — Петрова и т. д. Корифеи-солисты окажутся неблагодарным материалом; они слишком индивидуальны, ни один из них не сольется в звуке с другим. В результате будет не хор, а группа солистов, группа отдельных красивых голосов, могущих отлично петь соло, дуэты, трио, квартеты, квинтеты, то есть такие вещи, в которых в каждой партии поет один певец: один бас, один тенор, одно сопрано и т. д. При соединении же по два и по три голоса в одну партию группа солистов в чистоте и ясности хорового аккорда много уступит, например, небольшому отделению хора А. А. Архангельского, или Синодального, или хора Тернова Петербургской митрополии, где певцы, хотя по существу и со средними голосами, но подогнаны и отшлифованы рукою опытных мастеров так, что индивидуальности сглажены и из пяти-шести, например, басов «слит» один коллективный, гибкий, мягкий бас.

Если это приходится говорить об оперных певцах, то что сказать о малограмотных певцах наших обычных церковных хоров? Какой аккорд получится у них, если не учить их? <...>

Враги чистоты аккорда

Главными врагами хора в смысле чистоты аккорда являются:

1. Вибрация.

2. Так называемые «подходы» к звуку.
3. Злоупотребление силой звука отдельных голосов и целых партий.

1. *Вибрация*, или дрожащие переливы звука, бывает природная и искусственная. Природная вибрация, местами очень красивая у солистов, есть признак полноты и сочности звука; звуковая волна равномерным и плавным колебанием ласкает слух; особенно ярко она проявляется в местах лирических и драматических, в момент душевного волнения.

Искусственная вибрация — признак слабости и пустоты звука, когда певец принужден искусственно создавать иллюзию известного настроения, и как всякая искусственность, она всегда заметна и неприятна.

Но та и другая вибрация — безусловный враг хорового аккорда! И вот почему. Предположим, в дискантовой партии только два голоса (минимум), но оба склонны к вибрированию. Вибрация есть колебания звука, но различные: у одного голоса колебания отклоняют звук вверх на $\frac{1}{2}$ тона или на $\frac{1}{4}$ тона, у другого же — вниз и тоже на $\frac{1}{2}$ тона или на $\frac{1}{4}$ тона; колебания эти, конечно, различны и по скорости: один вибрирует очень быстро, другой — менее быстро; этим двум дискантам нужно спеть одну и ту же ноту sol (sol); будучи склонны оба к вибрации, они запоят эту ноту так:

один голос

другой голос

Вполне понятно, что при таком исполнении ноты sol мы эту ноту не услышим, вместо нее мы услышим нечто неопределенное, похожее и на sol, и на sol диез, и на sol бемоль, какой-то неясный, сумбурный звук.

А если в хоре 5, 8, 10 вибрирующих дискантов? Какой невообразимый хаос получится!

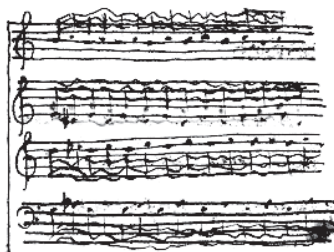
Но к вибрации склонны не одни дисканты; вибрируют и альты, и теноры, и басы... Какое страдание и отчаяние испытает регент, если все голоса его хора вместо самого простого аккорда дадут такой приблизительно хаотический набор всевозможных, не относящихся к данному аккорду, звуков, вызванный исключительно тем, что голоса вибрируют.

Д.

А.

Т.

Б.

Конечно, такое «счастливое» совпадение, чтобы все голоса в хоре сильно вибрировали, очень редко, но оно вполне возможно; впрочем, достаточно уже испортится аккорд, если хотя бы два или даже один голос начнет петь не так, как следует; ясно, что и один колеблющийся звук нарушит всю гармонию. Беда ведь и в том, что многие хористы убеждены, будто вибрация есть достоинство звука, и многие из них, если не имеют природной вибрации, вызывают ее искусственно; они ссылаются, конечно, на солидных певцов-солистов (которых, впрочем, слышат по большей части только в разбитом граммофоне), и трудно бывает руководителю хора отучить своих певцов от этой пагубной манеры.

В таком случае регент решительно, строго, безапелляционно должен потребовать прекращения искусственной вибрации — манеры цыганского пошиба и серьезно озаботиться о постепенном исправлении природных колебаний в голосах своих хористов; иначе никогда ему не добиться ясного, прозрачного, кристаллически чистого аккорда!

Исправление природного недостатка можно проводить так. Предположим, сильно вибрируют дисканты. Регент пишет для них упражнение из нот очень

длительных, например такое , и заставляет всю партию дискантов медленно пропеть написанное, предупредив, что *все* голоса должны слиться в одном звуке и *никто* не должен выделяться. Петь это упражнение в первый раз нужно *tr* (не громче тихого разговора, средне-тихо); во второй раз с «филировкой», то есть замедлив темп, исполняя каждую ноту с большим крещендо и постепенным -диминуэндо. Во время пения регент следит внимательно за каждым голосом, делая то одному замеченному в вибрации, то другому выделившемуся голосу замечания: «я вас лично слышу! не выделяйтесь!», «ваш голос вибрирует!», «убавьте звук!», «пойте спокойнее!», «старайтесь все слиться в одном звуке!» Это или подобное ему упражнение можно петь сначала называя ноты, потом его же на гласный звук, и, наконец, опять то же упражнение, но с закрытым ртом, причем мысленно стараясь произносить звук «у» (вытянув вперед закрытые губы, в противном случае при закрытом рте получается слишком носовой звук). В заключение еще раз пропойте упражнение с названием нот, но уже без всяких усиления и непременно *pp*, и вы услышите, что голоса начали сливаться.

По образцу дискантов руководитель хора выравнивает подобными упражнениями и другие партии. Если замечается выделяющаяся вибрация во время пения уже всем хором разучиваемой пьесы, регент немедленно прекращает пение, ни в каком случае не пропускает этого случая незамеченным и заставляет партию, в которой слышалась вибрация, отдельно петь данное место по образцу вышепозначанного упражнения, и, только таким путем выверив эту партию, продолжает пение с хором. Упражнениями для различных голосовых партий иногда могут служить отрывки из тех пьес, которые регент наметил к разучиванию.

2. Вторым врагом чистоты хорового аккорда являются так называемые *подходы* к звуку, когда певец вместо того, чтобы прямо и определенно взять написанный звук, начинает пение со звуков предшествующих написанному, как бы медленно тащит свой голос к данной ноте. Например, для баса написаны такие ноты

, а певцы начало каждой ноты делают не на высоте звука *фа*, а несколько ниже и только на втором ударе попадают на нужную высоту. И так с каждой нотой, причем произвольный, предшествующий написанной ноте звук различные певцы начинают с различной высоты и различно по длительности:

одни в виде малого форшлага

, другие задерживают подход чуть не на целый удар.

Иногда певцы делают подходы с очень далекой дистанции. Например, написа-

но так:

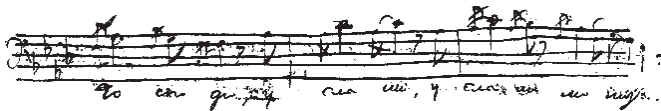
; поют же плохие певцы, словно отыскивая, нащупывая каждую следующую ноту с массой промежуточных звуков, так:

Конечно, певцы не исполняют точно всех написанных здесь форшлагов, а издают какой-то ноющий, стонущий вой. Легко представить себе, какая беспорядочная масса звуков получается, если во всех голосовых партиях появляются такие стонущие неопределенные звуки, и что происходит с аккордом и его чистотой! Певцы, поющие с «подходами», как бы вязнут в глубокой трясине или же тянут резину. Тяжело слушать, когда, например, бас-солист в концерте Архангельского вместо красивой по мелодии и молитвенной по содержанию музыкальной фразы

простонет такую отсебятину:

А такое пение, к великому сожалению, мы слышим очень часто, даже в приличных столичных церковных хорах.

Особенно утомительно-неприятен этот недостаток при пении речитативных пьес, когда у всех голосов по много раз повторяются одни и те же ноты, и при

пении «на глас» стихир, тропарей, прокимнов и других молитв. Например, нужно спеть так:

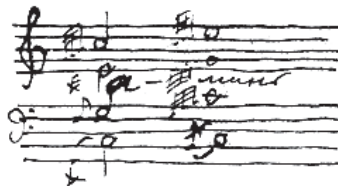

Исполняют же приблизительно в таком виде:

Получается полное отсутствие гармонии; хор звучит противно; регент теряется и, не уясняя себе причины явления, или беспомощно говорит, что такие уж плохие у него певцы, или же сам постепенно привыкает к завыванию и как будто даже и не замечает, сколь дурно звучит его хор. Положительно бывает жаль, что часто хор, по существу весьма приличный по своим голосовым средствам и могущий стать в ряд солидных, стоит очень низко исключительно по вине дурной манеры пения.

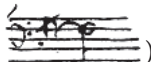

Напрасливается обидное сравнение такого хора со старинными гоголевскими часами, которые сначала шипят, потом хрипят и уже только потом издают звук. Достаточно, придя в храм, услышать первое пропетое хором «Аминь», чтобы сразу определить достоинство хора и его руководителя. Если, например, после данного регентом тона все голоса постепенно нащупывают звук и тащатся к своим нотам,

как бы отыскивая их пение, то сразу можно предвидеть, как будут пропеты дальнейшие песнопения.

Этим недостатком — конечно, в различной степени — страдают почти все церковные хоры даже крупных провинциальных центров и многие в столичных приходских церквях, кроме редких счастливых исключений, и они — эти исключения — известны наперечет! Между тем как легко избавиться от этого недостатка при желании и настойчивости! Досадно, что все так называемое «простое» пение исполняется крайне небрежно и именно с этим недостатком — все время слышится надоедливое улюлюканье, а ведь «простого» пения за богослужением очень много!

Чтобы убить в хорах привычку брать ноту с подходом к ней, заставьте, например, баса проделать следующее:

«Слушайте, я беру ноту *фа* (поете ее сами), — слышите? Беру *фа* без подхода, не так вот () и не так (), а беру прямо, с акцентом именно звук *фа*, — слушайте (поете еще раз). Тенор, берите точно так же и вы! (поет... еще раз!.. поет...). При каждом новом звуке *фа* выговаривайте его только лишь губами при участии челюстей, но отнюдь не изменяйте положения гортани и связок!

Пишу для вас это *фа* несколько раз () и, чтобы вы брали его сразу чисто, ставлю над каждым звуком *sforzando* > > > ; делайте этот акцент при начале каждого звука! Пойте теперь другое упражнение, из разных звуков, но пойте именно то, что написано, не выдумывая форшлагов; пойте, делая на каждом

новом звуке (начиная его) акцент так: ().

Теперь пропойте первое упражнение, называя все звуки, потом на гласную *а-а-а*; его же пропойте закрытым ртом. (Во время пения следите и исправляйте замечаемые недостатки!) Пойте второе упражнение на *а-а-а*; его же — закрытым ртом!»

Так последовательно вы отучите от завывания один голос в партии; если остальные певцы присутствовали при этом, то они уже поняли, что вы того же потребуете и от них, — то же самое, конечно, вслед за исправлением одного, делаете с целой партией. За одной партией исправляете другую, за ней — третью, и так — весь хор. Написав четырехголосное упражнение, хотя бы в таком роде:

(Чайковский. Херувимская), и разучив

его:

- 1) каждую партией отдельно,
- 2) называя ноты,
- 3) на гласный звук *а*,
- 4) закрытым ртом, —

путем постепенного освобождения каждой ноты от губящих ее подходов и форшлагов, вы добьетесь того, что ваш хор даст дивную по чистоте аккорда гармонию! Это услышит и сам хор, когда он запоет приведенный выше четырехголосный пример закрытым ртом! Одно лишь условие: неторопливость, последовательность и толковость при разъяснении, чего именно вы желаете добиться от хора!

Исправление этого недостатка в «простом» пении следует вести путем исполнения его не наизусть, а непременно по нотам. С такой целью мною издано «Воскресное всенощное бдение», где песнопения на «Господи воззвах», на

«Бог Господь», прокимны, тропари, ектении даны в простейшей гармонизации, доступной всякому хору. Способ разучивания безусловно применяется тот же; при этом на первых уроках очень трудным является для хора повторение одних и тех же нот по несколько раз и непременно без «подходов»; на каждом новом слоге певцу кажется необходимым несколько изменить высоту. Снова и снова надо внушать, что слоги и слова произносить нужно лишь губами, языком и челюстями, но отнюдь не изменяя положения гортани и голосовых связок. Постепенно тренируясь на пении стихир и тропарей, хор приучается к плавному, красиво-му, изящному и мягкому фразированию и точному сохранению аккорда при его многократном повторении.

Задавшись целью спеть правильно простым напевом, например, молитву «Отче наш» (см. выше), разучиваете сначала партию дискантов, соблюдая все изложенные выше требования, затем — альтов и т. д.; поете молитву всем хором, снова предупреждая, что каждая следующая повторенная нота должна быть ни выше, ни ниже предыдущей, звук пусть не прерывается и не изменяется, и лишь только слова с каждой нотой являются другие, однако нисколько не влияя на высоту звука.

Первый раз молитву можно пропеть даже с акцентами на каждой ноте:

. Второй раз — сняв акценты, мягко и слитно; третий раз — с закрытым ртом, лишь мысленно произнося слова (непрерывно оттянув губы вперед, как бы для звука у). При этом заставляйте певцов вслушиваться в красоту аккорда. И наконец, еще раз спойте все песнопение со словами, при полнейшем legato, pianissimo, не громче того, как хор звучал при пении закрытым ртом. Таким путем достигается чистота аккорда и, одновременно, мягкость фразы.

3. Третий враг чистоты аккорда — это злоупотребление силою звука со стороны как отдельных голосов, так и целой партии.

Пение есть прежде всего именно пение, а не крик. Исходная сила звука для пения — не сильнее обычного спокойного разговора. От этой исходной точки и должны быть производимы все динамические оттенки: *p* = тише, чем обыкновенный разговор; *pp* = еще тише; *mp* и *mf* = средний звук, равный силе обыкновенного разговора, но *mp* с отклонением в сторону *p*, а *mf* — с отклонением в сторону *f*; *f* = немного сильнее обычного разговора, *ff* = равно громкому разговору, но совсем не крику: в пении постоянно должно быть слышно плавное, спокойное чередование красивых и нежных звуков ясно определенной высоты и долготы и совсем нет места крику.

Среди отдельных голосов хористов мы различаем голоса *легкие*, свободные, гибкие, подвижные, дающие звук без всякого напряжения, как будто даже с видимым на лице удовольствием, и наоборот — голоса *тяжелые*, дающие звук с усили-

ем, как бы с напряжением выталкивающие его из гортани; на лице такого певца отражается страдание.

Легкие голоса по большей части бывают у индивидуумов с сангвиническим темпераментом, у веселых, жизнерадостных людей. Обладающий таким голосом в пении даже тяжелую для него по высоте ноту сумеет взять легко, но, по природе своей склонный увлекаться и все делать очень быстро, он часто усиливает звук раньше других и выделяется, ускоряет темп и опять выделяется, старается слишком быстро и отчетливо произнести слова и опять выделяется.

Рядом же с ним товарищ по партии, с тяжелым от природы голосом и с темпераментом флегматика, человек уравновешенный, хотя и старается поспевать за своим энергичным соседом, но в силу природной неторопливости усиливает звук тогда, когда тот уже начал ослаблять, а при произношении слова производит впечатление, как будто все слоги у него на несколько мгновений отстают от соседа. Притом же певец с тяжелым от природы голосом всегда дает звук громче, чем следует, тяжеловеснее. В результате целостность звучания партии этими двумя противоположными индивидуумами нарушается, и, конечно, в ущерб чистоте всего хорового аккорда.

Регент должен знать индивидуальные особенности каждого своего певца и уметь вовремя сдерживать слишком энергичный порыв одного и вовремя же заставить быть более энергичным другого. Конечно, распознавание и выравнивание делается на спевках, когда поются сольфеджи и вокализы или же когда разучивается пьеса отдельными партиями. На спевках вырабатывается равномерность в силе звучания отдельных голосов и устанавливается строгость темпа, правильность акцентировки, ясность и чистота фразы у отдельных голосов и подготавливается точная звучность аккорда для речитативной пьесы.

Портит чистоту аккорда и неравномерность силы звучания разных партий в целом. Если в хоре преобладает какая-либо одна партия, то аккорд, хотя бы он по существу и был чист и безусловно правилен, звучит не так, как бы следовало: преобладающая партия все время будет привлекать внимание слушателя, она будет причиной как бы неправильных звуковых сочетаний, создавая впечатление, будто бы на ней базируется весь аккорд, хотя бы она и была партией второстепенной по существу, — а это безусловно невыгодно отзывается на красоте ансамбля.

Некрасиво, например, когда слишком сильный звук дает басовая партия (не говорю про крик на верхних нотах, но даже в среднем регистре), хотя басам это вроде бы простительно как основному звуку в аккорде; очень некрасиво, когда партия дискантов дает более сильный звук, чем следует; плохо, когда теноры подавляют своим звуком, и положительно тяжело, когда сильнее других партия альтов. Кстати: в лучших хорах принято у альтов вырабатывать звук не металлический, резкий, а мягкий с оттенком меццо-сопрано.

Регент при организации хора должен взвесить возможности каждого певца, а при пении упражнений заметить индивидуальные особенности и умение каждого вовремя усиливать или ослаблять звук (управлять своим голосом) и все это при-

нять во внимание при образовании голосовых партий. Такая тщательность при выборе голосов и постоянное наблюдение за ними при пении сольфеджий и вокализмов дадут возможность регенту ознакомиться и с тембровой окраской каждого голоса.

Присутствие в хоре голосов тяжелых, поющих с усилием и напряжением, является иногда причиной губительного для чистоты аккорда явления — понижения звука, детонирования. Уже один голос, склонный к детонированию, разбивает всю голосовую партию, если же таких голосов несколько, то они положительно служат балластом для хора: их партия тащит за собою всех.

Детонирование бывает и у певцов с легким звуком — как результат утомления после долгого пения или вследствие болезни голосовых связок; в этих случаях нужно дать певцам отдых и лечение. Вообще же детонирование, так часто присутствующее плохо поставленным хорам и доводящее иногда регента до такой крайности, что он среди пьесы вынужден переадавать тон, есть результат плохой постановки, малой напетости и устойчивости голосов (достигаемой чрез пение упражнений).

Исправление детонирования вообще очень трудно, лучше поэтому предупредить появление его рациональным обучением и правильной постановкой голоса. Некоторые успехи достигаются постоянным наблюдением за такими певцами при пении отдельно с каждым из них гамм и упражнений под инструмент (скрипка, рояль, фисгармония) и отдельным с каждым из них прохождением голосовых партий. Но, повторяю, борьба с детонированием очень трудна, и иногда бывает лучше для сохранения чистоты аккорда от неожиданных покушений на нее со стороны лиц, склонных к детонированию по разным причинам, — совсем расстаться с такими голосами.

Целостность звука и чистота аккорда нарушается еще тогда, когда поющими в одной партии неодновременно произносятся слова, неточно выдерживается длительность нот; мешают также частные недостатки певцов: хрипота, резкость звука, звук сквозь зубы, носовой звук и др.

Одинаковая тембровая окраска звуков в партии

В идеально организованных хорах партии составлены так, что все голоса данной партии одинаковы по тембру и потому дают один общий звук; получается впечатление, будто поет один человек. Но это, конечно, идеал, о приближении к которому могут мечтать лишь немногие хоры — богато материально обеспеченные или казенные. В таких хорах на каждую открывающуюся вакансию регент имеет возможность не торопясь выбрать из массы предлагающих свои услуги именно такого по тембру певца, который слился бы с имеющимися в хоре. В хорах же плохо обеспеченных подобной роскоши допустить нет возможности: приходится брать первого предлагающего свои услуги певца, лишь бы у него был хоть некоторый голос и хоть минимальная опытность в пении. С таким материалом работают, нужно сказать, большинство солидных провинциальных регентов

и — к чести их сказать! — кой-чего достигают даже в художественном отношении: опытность, любовь к делу, природная художественная чуткость заставляют их прибегать ко всевозможным комбинациям, и, поистине, эти труженики из «ничего» создают «нечто»! При своем не знающем границ трудолюбии они ухитряются и в неважном по составу голосов хоре достигнуть приблизительно одинаковой тембровой окраски звучания голосов внутри партии. Достигают они этого приблизительно так.

При пении сольфеджий, при разучивании пьесы отдельными партиями мы слышим голоса мягкие, приятные, нежные и, с другой стороны, резкие, жесткие, грубые, неприятные. Из голосов нежных отличите один наиболее красивый голос и его одного заставьте пропеть то место, которое разучиваете; когда он споет, попросите его пропеть еще раз и по возможности спокойно, чтобы голос проявился в полной красоте; остальных певцов попросите прислушаться к его голосу; затем к нему присоединяйте другой, подходящий к нему по тембру голос и просите их спокойно, вместе пропеть то же место так, чтобы голоса их сливались и действительно бы слились в одном звуке; затем присоединяете третьего певца, потом четвертого и так объединяете в звуке всю партию, подгоняя всех к первому, наиболее красивому голосу. Петь все должны, конечно, очень тихо, и так поставьте дело, чтобы первый голос чуть-чуть доминировал над остальными, а остальные подражали ему. Этот способ очень полезно применять ко всем партиям, выбрав в каждой по одному руководящему в смысле тембра певца, и использовать его на каждой спевке при пении сольфеджий или разучивании пьесы по партиям. На спевке же общей, когда собирается весь хор, вы можете требовать и добиваться известного хорового ансамбля как неперменного результата такой подготовки — и тогда каждый певец и в этом отношении (как и раньше — в отношении вибрации и «подходов» к звуку) будет ясно сознавать, чего от него добивается руководитель хора.

На общей спевке полезно снова пропеть всю пьесу всем хором в виде сольфеджио в требуемом темпе и со всеми указаниями динамики, а затем пропеть ее закрытым ртом *pp*, лишь слабо подчеркивая нюансы. Если вы правильно разучили пьесу и если певцы каждую отдельную ноту правильно передали, — какое удовольствие испытывают при этом они сами! Они слышат как бы отдаленный, дивный по звуку орган! Они видят, что труды их не пропали даром, что работа их вполне целесообразна, что действительно в результате получается музыка! Это послужит побуждением к дальнейшему совершенствованию хора, но регент — как он должен все время быть внимательным! Все время надо вслушиваться: нет ли звуков вибрирующих, не берутся ли звуки с «подходами», не выделяется ли один голос сильнее другого, не слышны ли разные тембры в партиях?

Хор в результате должен явиться совершеннейшим в мире музыкальным инструментом, самым лучшим симфоническим оркестром! Живые сознательные голоса (если они абсолютно чисто дают звук) должны выразительнее передать смысл музыки, чем мертвый клавиш или безжизненная струна!

Личность регента-руководителя и дисциплина хора

Конечно, здесь пойдет речь не о внешней дисциплине, но, как ни странно, а наблюдениями и опытом вполне установлено: хор, в котором внешняя дисциплина сильнее, поет всегда лучше; где больше порядка, там и певцы к делу пения относятся серьезнее; чем строже на своем посту регент, тем он больше имеет возможностей сделать нечто и в художественном отношении. Всеу свое время и место: время — разговорам, шуткам, но время — и исключительно делу. Раз спевка началась — все певцы стоят (или сидят, где как принято) на своих местах и заняты *только* пением, слушают только то, что говорит регент, и исполняют именно так, как он показывает. При таком отношении к делу работа, без сомнения, идет продуктивнее.

За пять минут до начала церковной службы весь хор должен уже приготовиться и каждый певец должен занять то место, которое ему раз и навсегда указано регентом. Ни разговоров, ни переходов с места на место, ни выхода из церкви быть не может. Лишь регент встал на свое место, все внимание певцов должно быть устремлено на него. С этого момента всё подчиняется его авторитету. В нем незримо пробуждается художник, творец, способный воспламенить, зажечь... Личность регента, его обаяние, уважение к нему, граничащее с благоговением, как к существу высшего порядка, с этого момента способны создать ту внутреннюю дисциплину, которая объединит весь хор и заставит его жить одной с регентом жизнью, одними переживаниями.

Талантливый регент, показавший себя как действительный художник, как истинный маэстро, всегда высоко ценится певцами, составляя их гордость, и его личность окружается известным ореолом. Каждый его жест, его взгляд, штрих, малейшее указание глазами или рукою будут поняты. Чуть слышное давание тона, едва заметное показание меры рукою будет уловлено и исполнено именно так, как он того желает.

Он в буквальном смысле является руководителем хора, давая то или другое толкование и выражение пьес; он живет пьесой, а певцы, подчиненные ему, его влиянию, связанные с ним как бы невидимыми нравственными нитями, являются послушными истолкователями его души, его настроения. Одним словом, регент — это душа, а хор — тело живого, мыслящего, чувствующего музыкально-художественного организма. Самые лучшие и справедливые ценители регента — это певцы: от них не скроется ничто и личность регента им будет ясна с первых же дней знакомства, с первой же спевки, с первой церковной службы.

Действительное знание дела хорового пения, уверенность в себе, солидное знакомство с музыкальной литературой и ее видными представителями по их произведениям, эрудиция в этой области, правильные педагогические приемы, знание техники хорового пения, умение сразу взять хор в руки, быстрота и продуктивность работы — вот что отличает дельного регента от регента-посредственности, который всегда нерешителен, не энергичен, недостаточно знаком с современным

хоровым репертуаром, колеблется при выборе пьес, начинает разучивать и бросает на полпути, показывает неуверенность при постановке пьесы, медлителен, вял, без нужды повторяется, недостаточно ясно обрисовывает цели своих стремлений — не руководит хором, а бредет за ним со своим мертвым камертоном. Такой регент при всем трудолюбии часто бывает способен не двигать вперед свой хор, а лишь утомлять его и бесплодно топтаться на месте.

Конечно, все великие художники и мастера своего дела в разных областях святого искусства родились отмеченными рукою Творца, но хотя про знаменитых регентов и говорят, что они от природы имеют «дар», имеют особую «регентскую жилку», все же одно природное дарование солидного регента сделать не может. *Научное знание* и подкрепляющий знание *опыт* — вот два стимула, которые при природном даровании могут создать действительно сильную фигуру регента! Поэтому для лица, желающего стать регентом-воспитателем и руководителем хора и чувствующего в себе природное к этому делу дарование и особое призвание, самый верный путь — это *наука*; наука в специальных музыкальных училищах и наука через непосредственное соприкосновение с представителями данной отрасли музыкального искусства. Посещение концертов лучших хоров, присутствие на их спевках, слушание их во время церковного богослужения, беседы с руководителями этих хоров по интересующим вас вопросам и по поводу только что исполненного ими песнопения, чтение солидной музыкальной критики на концерты, на которых вы присутствовали, — всё это введет регента в курс дела, даст энергию и укажет то верное направление, которое ему нужно взять в его личных работах в области хорового искусства.

Для регентов, только начинающих свою карьеру и, по разным условиям, не могущих получить специального музыкального образования, в составленном мною «Практическом руководстве для начинающего учителя-регента» дано много полезных указаний и намечен путь к постепенному самообразованию, но останавливаться на этом руководстве нельзя: это лишь закладка фундамента элементарного знания, без которого нельзя даже и начинать регентского дела, или, вернее, это лишь указатель единственно верного пути вперед!

СЕРГЕЙ ЛЯПУНОВ

В творческом наследии Сергея Михайловича Ляпунова симфонические, фортепианные сочинения и романсы для голоса с фортепиано имеют наибольший удельный вес. Исключение составляют *Prélude pastorale As dur* для органа, ор. 54 (1913), Концерт для скрипки с оркестром *d moll*, ор. 61 (1915) и Секстет для фортепиано, двух скрипок, альты, виолончели и контрабаса, *b moll*, ор. 63 (1915), а также вокальные ансамбли, представляющие собой обработки народных песен для мужских голосов: 5 квартетов, ор. 47 («Малое виноградие», «Протяжная», «Ваня Клюшничек» и «Две малорусские песни»; 1912) и 5 квартетов, ор. 48 («О птицах», «Плясовая», «Святочная», «Былина про Ивана Васильевича Грозного», «Былина про Ермака»; 1912). Изредка Ляпунов обращался к светской хоровой музыке. Им сделаны обработки для смешанного хора *a cappella* двух русских песен, ор. 15 (протяжной «Во лесах то ли было» и святочной «На горе стоит верба»; 1902) и сочинена кантата «Вечерняя песнь» для тенора, хора и оркестра на слова А. С. Хомякова, ор. 68 (1920).

Однако со времени учебы в Московской консерватории и до последних дней жизни композитора неизменно интересовала и музыка духовная. Среди изданных произведений Ляпунова к собственно духовным относятся лишь Шесть духовно-музыкальных сочинений и переложений для смешанного хора без сопровождения, ор. 62 (1915). Два духовно-концертных сочинения — 56-й Псалом для 4 солистов, смешанного хора и оркестра, без обозначения опуса (1882), и 140-й Псалом для голоса, органа и арфы, ор. 64 (1916) — не были опубликованы. Остались неизданными не имеющие обозначения опусов «Богородице Дево радуйся» (1922) и начало Литургии (1920-е годы).

При небольшом количестве духовно-музыкальных произведений Ляпунова их художественный уровень весьма высок. Они укоренены в традиции, как древней, так и сложившейся в Новое время (от напевов знаменных, от приемов раннего русского многоголосия до Д. С. Бортнянского, А. Ф. Львова и композиторов рубежа XIX—XX веков). Вместе с тем Ляпунов вводит новые элементы в интерпретацию богослужебных текстов, обновляет гармонический язык, развивает хоровую фактуру, в равной степени пользуется гомофонным, хоральным, полифоническим, подголосочным складами, создает свой стиль. Отголоски духовных сочинений проникают и в другие сферы творчества композитора, проявляясь в симфонических и фортепианных опусах. Оставшиеся после него многочисленные однострочные записи церковных напевов, выписки из церковных нотных книг позволяют предположить наличие больших творческих замыслов, которым, к сожалению, не суждено было осуществиться.

Наиболее ранним из датированных сочинений Ляпунова является 56-й Псалом для солистов, хора и оркестра¹, законченный автором 12 мая 1882. Сочинение это было написано во время обучения композитора в Московской консерватории и, по всей видимости, представляло собой экзаменационное задание при окончании первого курса на овладение крупной формой вокально-симфонического жанра в стиле западноевропейской кантаты. Псалом написан на большой состав оркестра и состоит из четырех номеров. Как указывает дочь композитора, А. С. Ляпунова, «в партитуре соблюден принцип контраста форм и инструментов между номерами. Полный состав (солисты, хор и оркестр) участвует лишь в первом номере (“Помилуй мя, Боже”); второй (“Посла с небесе”) и четвертый (“Исповемся Тебе” с двойной фугой “Вознесися на небеса”) номера написаны для хора и оркестра; третий (“Готово сердце мое”) представляет собой арию для альты соло с отдельными репликами хора»². Наиболее интересен по музыке третий номер Псалма, построенный на мелодии широкого дыхания и большого диапазона. По словам А. С. Ляпуновой, эта ария была переложена автором для пения с фортепиано и, вероятно, исполнялась.

По завершении учебной работы композитор никогда более не вспоминал о ней. Он не считал возможным заносить ее в списки своих сочинений и не собирался издавать.

В годы службы в Придворной певческой капелле (1894—1902) композитор не сочинял для хора. 1893-й стал в жизни Ляпунова годом углубленного знакомства с народной песней. Из десятков песен, услышанных и записанных композитором в северных губерниях во время фольклорной экспедиции, более всего его привлекли духовные стихи. Впоследствии, издавая свои сборники русских народных песен для голоса в сопровождении фортепиано, Ляпунов включил в них все записанные им духовные стихи, добавив еще три стиха из сборника Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина (1894). Так, в состав сборника Ляпунова «Русские народные песни», ор. 10, изданного Ю. Циммерманом в 1900 в Лейпциге, вошло 5 духовных стихов: «Иоанн Златоуст» (Дютш), «Алексей, человек Божий» (Ляпунов), «Лазарь» (Ляпунов), «Святая пятница» и «Взирай с прилежанием» (оба — Дютш). Второй сборник, «35 песен русского народа», ор. 13, вышедший в Петербурге в 1899, также открывается пятью духовными стихами, записанными композитором в 1893: к «Алексею, человеку Божию» и «Лазарю» добавлены «Вознесенье», «Кирик и Улита» и «Страшный Суд». В своих обработках духовных стихов композитор объединяет элементы народно-песенной и церковно-музыкальной традиций.

Отголоски церковных песнопений, с детства хорошо знакомых композитору, проникают в некоторые его инструментальные сочинения. В этюд «Трезвон» из цикла «12 трансцендентных этюдов», ор. 11 (1901), Ляпунов вводит мелодию

¹ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 149. Партитура. Автограф. 36 листов.

² Ляпунова А. С. Наброски монографии о С. М. Ляпунове. ОР РНБ. Ф. 1141. № 72. Л. 43—44.

начального песнопения всенощного бдения «Приидите поклонимся»³. Интересна программа, предпосланная этому этюду автором: «Благовест. Сквозь мерные удары колокола доносятся из собора звуки церковного напева. Звон постепенно усиливается и нарастает, маленькие колокола присоединяются к большому и сливаются в общем трезвоне. Торжественный церковный напев чередуется с колокольным звоном, соединяясь, наконец, в общем величественном хоре, покрываемом густыми ударами большого колокола»⁴.

В написанном в 1910 цикле из четырех пьес для фортепиано «Святки», ор. 41, композитор использует тему тропаря праздника Рождества Христова⁵.

Наконец, в 1915 на свет появляется цикл Шесть духовно-музыкальных сочинений и переложений для смешанного хора, ор. 62⁶. Сын композитора, Ю. С. Ляпунов, 11 января 1915 отмечает в своем дневнике: «Папа, по-видимому, сочиняет что-то богослужебное. Время от времени он пишет и наигрывает что-то не только сильно напоминающее древнерусские церковные напевы, но что, по-моему, ничем, кроме богослужебных песнопений, быть не может»⁷. Параллельно композитор работает над Скрипичным концертом и Секстетом, завершая работу над церковными хорами в июне—июле 1915 в имении Шипилово. В конце того же года пьесы были изданы Юргенсоном в Москве.

Цикл написан на тексты постоянно звучащих за службами песнопений. Одно из них — «Свете тихий» (№ 5) — принадлежит к последованию всенощного бдения, а остальные — две Херувимские песни (№ 1 и 2), «Достойно есть» (№ 3), «Отче наш» (№ 4) и причастный стих «Хвалите Господа с небес» (№ 6) — являются песнопениями Божественной литургии. Два номера — Херувимская C dur и «Свете тихий» — представляют собой переложения из Обихода, остальные — собственно сочинения.

Рассматривая 62-й опус, мы обнаруживаем два разных типа переложения обиходных напевов: свободный, с развитым движением самостоятельных голосов и без выдерживания строгого четырехголосия в Херувимской и строгий в «Свете тихий».

В собственно сочинениях можно обнаружить немало интересного: использование свободного, несимметричного ритма, полностью подчиняющегося слову и приближающего мелодии некоторых песнопений к древним прототипам, черты яркой концертности («Отче наш» и «Хвалите»), частое использование побочных ступеней лада, создающее неоднозначность ладовых отношений, соединение

³ Тема Ляпунова почти идентична гимну «Приидите поклонимся» в расшифровке М. В. Бражникова. См.: *Успенский Н. Д.* Образцы древнерусского певческого искусства. Л., 1971. С. 159. № 85.

⁴ *Sergej Liapunov.* 12 Etudes, op. 11. Leipzig: Edition Peters. С. 18. Программа этюда приведена также в очерке М. Шифмана о жизни и творчестве С. М. Ляпунова.

⁵ Этот факт отмечает в своем дневнике сын композитора Ю. С. Ляпунов (запись от 2 февраля 1919). См. Картотеку А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 88.

⁶ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 227. Партитура. Автограф. 16 л.

⁷ *Ляпунов Ю. С.* Дневник. С. 161. Цит. по Картотеке А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 88.

гомофонного и полифонического принципов развития музыкального материала, частое использование контрапунктических подголосочных линий, красочность гармонического языка, нередкие аллюзии с колокольным перезвоном. Все хоры из опуса 62 органично вписываются в церковную традицию, вместе с тем зачастую обнаруживая элементы новизны.

Имеются свидетельства об исполнении духовных сочинений Ляпунова в концертах. 27 марта 1916 дочь композитора Ксения сообщает матери: «Третьего дня мы с папой были в концерте. [Зал Армии и Флота, угол Кирочной улицы и Литейного проспекта в Петербурге. — В. М.] <...> Там исполнялось папино “Хвалите Господа с небес” и “Достоинно есть”, и это было самое лучшее из всего концерта, хотя мы до конца не досидели»⁸.

Еще одно исполнение состоялось 1 апреля 1919 в духовном концерте с участием учеников Петроградской консерватории и артистов Государственных театров. Вместе с сочинениями Кастальского, Чайковского, Аренского, Панченко, Кедрова, Римского-Корсакова, Азеева, Глинки и Балакирева была исполнена Херувимская Ляпунова; дирижировал автор⁹.

В январе 1916 Ляпунов начал работу над 140-м Псалмом для сопрано в сопровождении органа и арфы. В дневнике Ю. С. Ляпунова имеется запись, датированная 5—6 января: «Ляпунов присутствовал на конкурсе в память Малоземовой. Акцери, встретившись с ним, просила его прочесть 140-й псалом. Через несколько дней она сказала, что ей нужно русский текст этого псалма положить на музыку с органом и арфой»¹⁰.

Софья Александровна Малоземова — русская пианистка и педагог, преподававшая в столичной консерватории с 1887 по 1908. В 1910 была учреждена премия имени Малоземовой, присуждавшаяся каждые 5 лет лучшей русской пианистке. Наталья Константиновна Акцери-Ирецкая — оперная и камерная певица, преподававшая в Петербургской консерватории вокал в 1910—1923.

Предложение Акцери заинтересовало Ляпунова. 7 августа 1916 в Шипилове работа над сочинением была завершена, и осенью того же года Псалом был впервые исполнен в духовном концерте в Петрограде. Солировала Акцери, партию арфы исполнила А. С. Короленко, а партию органа — органист и руководитель органного класса Петербургской консерватории Жак (Яков Яковлевич) Гандшин.

В 1920-е годы рукопись сочинения исчезла. В фонде С. М. Ляпунова в РНБ сохранилось три письма, написанных Гандшиным композитору по поводу восстановления Псалма. В одно из писем вложен нотный листок с фрагментами сочинения, сохранившимися в памяти органиста. 26 апреля 1922 он пишет Ляпунову из

⁸ Письмо к Е. П. Ляпуновой от 27 марта 1916. Цит. по Картотеке А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 88.

⁹ Картотека А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 88. Какая из двух Херувимских Ляпунова исполнялась в этом концерте, установить не удалось.

¹⁰ Цит. по Картотеке А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 88.

Швейцарии: «Горестно думать о том, что Ваш Псалом может быть утерян, но я, все же, не могу поверить, чтобы в Петрограде рукопись так бесследно могла исчезнуть; думается, что должна найтись. <...> Но неужели Вы бы не восстановили по памяти, имея пред собою текст? Ведь даже я, кажется, мог бы написать целый ряд тактов»¹¹.

В марте 1923 композитор получил черновик своей рукописи от Акцери, 10 марта работа над второй редакцией Псалма была окончена. Впервые в новой редакции сочинение было исполнено в Петрограде 5 июля 1923 на органном вечере ученика Гандшина Николая Ванадзиньша (Ванадзина). Сольную партию исполнил известный тенор, партнер Шалапина по опере «Юдифь» Николай Куклин, партию арфы — Маргарита Тойман (Шитохина).

Рукописи обеих редакций 140-го Псалма хранятся в фонде Ляпунова в РНБ. Псалом, ор. 64, представляет собой одночастную композицию, в которой использован полный библейский текст на русском языке. Выбор инструментов естествен: «Хвалите Его во струнах и органе», — говорится в Священном Писании (150-й псалом). Форма произведения — трехчастная репризная, с ярко контрастной серединой, рисующей картину Страшного Суда. Инструментальное начало играет в среднем разделе главенствующую роль. Это органная fuga, написанная в ритме бешеной скачки, прорезаемой сигналами архангельских труб. Вокальная линия здесь жестка и угловата, преобладает речитативное начало. Гармония предельно хроматизирована и диссонантна, особенно на словах «сыплются кости наши в челюсти преисподней» с жуткими нисходящими последовательностями увеличенных трезвучий. Крайние части Псалма своей возвышенной торжественностью и спокойствием разительно отличаются от среднего эпизода. Здесь главенствует плавно льющийся голос, восхваляющий Господа: «Но к Тебе, Господи, очи мои; на Тебя уповаю, не отринь души моей!» Ползущая хроматика сменяется чистой диатоникой. Начало и конец Псалма — это царство светлых мажорных тональностей, с неожиданной яркостью сменяющих друг друга (C–E–As).

Вторая редакция Псалма стала последним сочинением Ляпунова, написанным в России. Возвращение композитора к Псалму через 6 лет после окончания первоначального варианта представляется весьма знаменательным. Этот опус подытоживает творчество Ляпунова. Он создает концертную пьесу для солиста с инструментальным сопровождением, понимая, что такое произведение в годы яростной борьбы с Церковью скорее достигнет слушателя. Содержание 140-го Псалма, представляющего собой молитву к Богу о спасении от врагов, оказалось особенно близким Ляпунову в обстановке послереволюционных лет. Отсюда — глубоко личный тон музыки и использование сольного голоса вместо хоровой массы. «Не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных вместе с людьми, делающими беззаконие, и да не вкушу я от сладостей их. <...> Вожди их рассыпались по утесам и слышат слова мои, что они кротки. <...> Падут

¹¹ Письмо Я. Гандшина к С. М. Ляпунову от 26 апреля 1922. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 787. Л. 4–5.

нечестивые в сети свои, а я перейду». Неслучайно композитор обратился к современному, русскому переводу псалма, а не к церковнославянскому варианту текста. Псалом Ляпунова стал его духовным музыкальным завещанием, написанным за полтора года до смерти.

9 января 1925 в Париже состоялся концерт Русской консерватории памяти Ляпунова, на котором, наряду с другими произведениями, прозвучал Псалом, ор. 64, в исполнении известного лирического тенора Александра Александровича, органиста О' Келли и арфистки мадам Казадезюс. М. А. Новосильцева писала вдове покойного композитора: «Псалом, чудный, захватывающий, прекрасно был исполнен»¹².

В апреле 1917 Ляпунов получил письмо от княгини М. В. Волконской с предложением создать еще одно духовное произведение: «Напишите-ка музыку на слова Евангелия “Христос воскрес и явился Симону...”». Теперь это может Вам очень удасться при Вашей раскрытости душевной...»¹³. В том же письме княгиня Волконская дает любопытный отзыв о Фортепианной сонате, ор. 27, Ляпунова: «Помню Вашу сонату, которую не любил Милий Алексеевич»¹⁴. — Там мне чудились освещенные свечами и лампадами окна старинной русской церкви, сумрак, темные силуэты народа и его <...> молитвы».

Советом Волконской композитор не воспользовался, однако в 1919 он снова возвращается к церковной музыке. 2 февраля Ю. С. Ляпунов оставляет в дневнике запись: «Сегодня утром папа, сойдя вниз, в кухню, в которой у нас помещается столовая, к чаю <...>, разговорился о своих новых сочинениях, над которыми он сейчас работает: одно “Святая Русь”, на темы “Да воскреснет Бог” знаменного и какого-то еще другого роспева и тропарь Рождества из “Святок”. Другое — обедня, частью на обиходные роспевы, частью — сочинение папы»¹⁵.

«Святая Русь» — неосуществленное сочинение Ляпунова, других упоминаний о котором встретить не удалось. Начало же Литургии сохранилось в рукописях композитора и находится в его фонде в РНБ¹⁶. Судя по записанному фрагменту, композитор намеревался сочинить полную службу, начав с великой и малой ектений и двух первых антифонов, но кроме этих песнопений ничего написать не успел.

Композитор поставил перед собой задачу создания новой гармонизации антифонов греческого роспева первого гласа, наиболее употребительных по настоящее

¹² Письмо М. А. Новосильцевой к Е. П. Ляпуновой от 15 января 1925. Цит. по материалам А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 89.

¹³ Письмо от 4 апреля 1917. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 566. Л. 36—36 об.

¹⁴ В переписке Балакирева и Ляпунова велась продолжительная полемика по поводу этой Сонаты. Балакирева не устраивали детали одночастной формы сочинения. См.: М. А. Балакирев. Исследования и статьи. Л., 1961. С. 388—421.

¹⁵ Цит. по Картотеке А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 88.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 226. Партитура. Автограф. 6 л. Сочинение неверно атрибутировано А. С. Ляпуновой как Всенощная. Вероятно, она приняла первый изобразительный антифон Литургии «Благослови душе моя Господа», положенный на музыку Ляпуновым, за предначинательный псалом из Всенощной, начинающийся теми же словами.

время¹⁷. «Благослови душе моя Господа» — чисто церковное сочинение, доступное для исполнения самому скромному по своим возможностям хору и лишенное всякого элемента концертности. Оно очень близко известному № 1 из «Церковно-певческого сборника»; композитор лишь немного разнообразит гармонию, пользуясь аккордами побочных ступеней лада. Музыкальный материал «Хвали душе моя Господа» является повторением с незначительными изменениями первого антифона. Великая и малая ектении выдержаны в том же духе. Их абсолютная плагальность напоминает «Свете тихий» из ор. 62. В целом музыка эта полностью находится в русле «новой петербургской школы», без каких-либо нововведений.

Несомненно, работа над Литургией связана с деятельностью Ляпунова в церкви Петроградской консерватории. Не исключено, что эта музыка, как и другие сочинения композитора, исполнялась там во время богослужений. Вызывает сожаление, что планы Ляпунова по работе над этим сочинением не были до конца осуществлены, а задуманные новые переложения древних напевов так и не были созданы композитором. Постоянная вынужденная забота о хлебе насущном в последние годы жизни превращала сочинение музыки в физически почти невозможное дело.

Чинопоследованию Божественной литургии принадлежит большинство духовно-музыкальных сочинений Ляпунова. К песнопениям же всеобщего бдения композитор обращался лишь дважды: в «Свете тихий» из ор. 62 и в «Богородице Дево радуйся», написанном в 1922 во время петроградского «процесса церковников», в ходе которого композитор оказался среди подсудимых и понесших наказание лиц. На этих драматических событиях, закончившихся в конечном итоге смертью Ляпунова вдали от родины и близких, стоит остановиться несколько подробнее¹⁸.

22 июля 1918 в «Известиях ВЦИК» была опубликована инструкция Наркомпроса, предписывающая закрытие всех домовых церквей, к каковым относились имеющие антиминс церкви в домах частных лиц, дворцах, зданиях государственных, военных и общественных учреждений, учебных заведений, тюрьмах. Церковь Петроградской консерватории также являлась домовою. Община была категорически против ее закрытия и, пытаясь повлиять на ход событий, написала ходатайство в Музыкальный отдел Народного Комиссариата просвещения с просьбой сохранить церковь по следующим соображениям: «Русское музыкальное искусство создало целый ряд высокохудожественных произведений в области церковной музыки, причем специальный образцовый хор Консерватории, исполняя образцы таковой во время Богослужений, тем самым знакомит учащихся специального класса теории композиции с необходимыми в этой области знаниями, а равно дает возмож-

¹⁷ См.: Церковно-певческий сборник. Т. II. Ч. I. СПб., 1903. С. 3. Автор гармонизации не указан. Существует также вариант изобразительных антифонов киевского роспева. См.: Там же. С. 19.

¹⁸ См. об этом также: Миллер В. Р. С. М. Ляпунов и «Дело о церкви» // Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой. Петербургский музыкальный архив. Вып. 9. СПб., 2012. С. 64—91.

ность практики в композиции духовной музыки»¹⁹. Музыкальный отдел согласился с мнением прихожан и в письме наркому А. В. Луначарскому от 30 сентября 1918 сообщил, что считает сохранение церкви в консерватории, в виде исключения, желательным и полезным. К этому мнению присоединился и сам нарком.

В результате церковь не закрыли и даже изменили ее статус на приходской, приписав храм в начале 1919 к Николо-Богоявленскому собору. 15 мая 1919 Ляпунов единогласно был избран старостой консерваторской церкви. Будучи человеком глубоко религиозным, он занимался церковными делами с большой любовью, посвящая этому все субботы и воскресенья.

В 1921 разразился страшный голод в Поволжье и других регионах Республики Советов. Это дало повод советской власти начать новое, решительное наступление на Православную Церковь. Началась массовая реквизиция церковных ценностей, сопровождавшаяся закрытием множества храмов и репрессиями по отношению к духовенству. 15 февраля 1922 церковь консерватории была опечатана, а 25 февраля произведена опись церковного имущества, чему, по мере сил, препятствовали С. М. Ляпунов и настоятель церкви священник Александр Толстопятов. 27 февраля группа верующих написала письмо в отдел управления Петрогубисполкома за тридцатью восемью подписями:

Церковь никакими сокровищами не обладает, и для верующих в ней лишь ценны стены, св. иконы и престол.

Привыкшим многие годы молиться в этой церкви, нам, прихожанам, слишком тяжело расстаться с ней, а потому просим Управление Петрогубисполкома открыть ее и разрешить совершение служб.

Церковь хотя и помещается в здании консерватории, но имеет отдельный ход, так что никакого касательства к зданию не имеет.

Имевшийся хор при церкви, составленный из учеников Консерватории, получал практику в пении под руководством известных профессоров пения. Из означенного хора вышли лучшие силы Мариинского театра, получившие основание своей карьере в этом хоре.

На основании изложенного все прихожане церкви при Государственной Консерватории еще раз просят внять мольбам и не лишать их духовного наслаждения, и в скорейшем времени снять печати²⁰.

Заведующий Церковным столом Отдела управления Петроградского губернского исполкома Ларионов наложил на письмо свою резолюцию: «Церковь подлежит закрытию на общих основаниях». В результате службы прекращаются, хлопоты об открытии церкви результата не приносят. 14 марта Ляпунова как старосту церкви вызывают на Гороховую и допрашивают, после чего Петрогубернское отде-

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 17. «Дело о церкви». Документы, относящиеся к судебному процессу по вопросам изъятия ценностей домовая церковь Петроградской консерватории: судебные повестки, справки, акты, газетные вырезки, переписка и прочее. Л. 4.

²⁰ ОР РНБ. «Дело о церкви». Л. 2.

ление ГПУ заводит уголовное дело по оказанию сопротивления властям за номером 1286.

25 марта составлен акт за подписью членов Комиссии по изъятию ценностей из церквей, представителя Главмузея, представителя Митрополита, инспектора Рабоче-крестьянской инспекции и членов церковного совета профессоров С. М. Ляпунова и Н. Н. Кедрова. Согласно акту изъятию подлежат следующие вещи:

- 1) Дарохранильница серебряная 1846 года.
- 2) Крышка Евангелия серебряная 1895 года.
- 3) Потир 1, Дискос 1, Звездица 1, Лжица 1 и 3 серебряных блюдечка.
- 4) Лампада серебряная.
- 5) Крест малый напрестольный серебряный.
- 6) Кадило серебряное.

Все означенные вещи, перечисленные в Акте, церковный Совет данной церкви просит оставить при Церкви для замены их верующими равным по весу и количеству серебром, в чем Комиссия определила срок в 7 (семь) дней для замены, после которой вещи будут изъяты, если не будут заменены, причем члены Комиссии с согласия церковного Совета данной церкви установили приблизительный вес подлежащих изъятию предметов в 8½ фунтов серебра²¹.

К 20 апреля прихожане консерваторской церкви собрали десять с половиной фунтов серебра взамен церковной утвари, подлежащей изъятию. Собранные ценности были сданы в церковный стол 2-го Городского района, о чем составлен специальный акт²².

4 мая дело по обвинению «граждан Ляпунова С. и Толстопятова А.» за номером 3480 передано на рассмотрение в Губернский революционный трибунал.

«Красная газета» 18 мая 1922 сообщала:

Назначенное к слушанию в трибунале дело священника консерваторской церкви Толстопятова и старосты Ляпунова было снято с очереди потому, что решено объединить в один процесс все дела, связанные с изъятием ценностей из церквей.

В губернский трибунал ежедневно поступают такие дела. Часть их обнимает прямое противодействие духовного синклита представителям власти, изымавшим ценности. Часть уличает отдельные приходы в сокрытии ценностей, подлежащих отобранию. Нередко происходила инсценировка краж и исчезновение инвентарных книг.

Наконец, громадные материалы имеются по поводу планомерной агитации, которую вели духовные отцы против декрета ВЦИК. Агитация эта носила в большинстве случаев явно черносотенный, погромный характер, рассчитана была на низменные инстинкты темной толпы и, исключительно благодаря неизменной корректности представителей советской власти, не повлекла массы жертв и потоков крови.

²¹ ОР РНБ. «Дело о церкви». Л. 7.

²² Там же. Л. 5.

Ожидаемый процесс даст возможность трудящимся Петрограда воочию убедиться, как под предлогом формальных отписок и оговорок церковная клика пыталась организовать контрреволюционное течение, усугубляла муки голодного Поволжья и на голодной смерти народа хотела осуществить свои контрреволюционные желания.

Всю работу по церковным делам трибунал ведет в самом срочном, ударном порядке, и слушание их начнется не позже 7—10 дней²³.

Следователь Нестеров, рассмотрев следственный материал по делу о консерваторской церкви, в своем заключительном постановлении, ссылаясь на многочисленные свидетельские показания, сообщает в подробностях о событиях, разыгравшихся в Консерватории 25 февраля 1922:

Заведующий церковным столом Отдела Управления Совета 2-го Городского района КОЛЕСНИКОВ и Член Комиссии по учету и изъятию ценностей из церквей и оперативный комиссар ПГУ ЕГОРОВ отнесли в Отдел Управления 2-го Городского района рапортом, из коего усматривается, что указанная комиссия, явившись для описи и учета ценных вещей Домовой церкви Консерватории, встретила со стороны настоятеля церкви ТОЛСТОПЯТОВА и старосты той же церкви ЛЯПУНОВА противодействие, сопровождавшееся оскорблением Комиссии, как представителей Соввласти и едва не повлекшее за собою конфликт с прихожанами. Так, священник ТОЛСТОПЯТОВ категорически отказался помочь Комиссии в ее работе по учету ценностей, и когда таковая приступила к описи ценных предметов, то должностные лица церкви не только не давали соответствующих указаний или разъяснений, но и все вопросы Комиссии оставались без всякого ответа. Когда Комиссия после поверхностной описи приступила к опечатанию церкви, то встретила активное физическое сопротивление со стороны церковного старосты ЛЯПУНОВА, который, в конце концов, с трудом был отстранен от дверей церкви. Но место старосты занял священник ТОЛСТОПЯТОВ, препятствовавший опечатанию церкви с такой настойчивостью, что для удаления его от дверей пришлось прибегнуть к физической силе и затем наспех опечатать дверь одной печатью. Когда Комиссия по опечатанию церкви намеревалась удалиться в Канцелярию для составления соответствующего акта, то священник остановил Членов Комиссии и каждого из них в отдельности проклял, присовокупив несколько словесных выпадов против Советской Власти. Отношение административных лиц церкви к Правительственной Комиссии нашло соответствующую почву среди скопившихся и присутствовавших при указанной процедуре описи и опечатания церкви прихожан, из среды которых послышались вызывающие хулиганские выкрики по адресу Власти и призывы к избиению. Комиссия, видя нарастающий конфликт, не стала реагировать на выпады толпы и спокойно удалась в канцелярию, где составила акт описи опечатания церкви. Староста ЛЯПУНОВ, отстаивая до конца свою позицию, отказался подписывать акт и отдать ключи от церкви.

Допрошенный в качестве свидетеля КОЛЕСНИКОВ, подтверждая по существу свой рапорт, добавил, что, имея задание от района по описи ценных предметов

²³ Красная газета. 1922. 18 мая. № 109 (1261).

церкви при Консерватории, он предложил церковной администрации выбрать соответствующую Комиссию, что и было сделано. При описи священник ТОЛСТОПЯТОВ отказался показать ценные вещи, препятствовал наложению печати на двери церкви и, наконец, по одиночке, его, КОЛЕСНИКОВА, и его спутника, ЕГОРОВА, проклял от имени Всевышнего Бога, после какового акта из толпы послышались возгласы об избииении Комиссии и свержении этой Власти, как не Советской.

Свидетель ЕГОРОВ показал, что староста ЛЯПУНОВ отказался предъявить Членам Комиссии опись инвентаря церкви, а на просьбу Комиссии показать, где имеются ценные вещи, ибо, по мнению ЕГОРОВА, им, представителям Советской Власти, неудобно приступать к учету без помощи священника, священник ТОЛСТОПЯТОВ ответил: «я знаю, где все вещи находятся, но я вам этого не скажу и показывать не буду». Таким образом, Член Комиссии вынужден был самостоятельно производить учет церковных ценностей. По окончании описи, при попытке опечатать церковь, ТОЛСТОПЯТОВ стал у двери, заявив, что, только перейдя через его труп, удастся опечатать церковь. Не менее энергичное сопротивление чинил и ЛЯПУНОВ, неоднократно отталкивая Членов Комиссии, коим, в конце концов, удалось наложить лишь одну печать Губчека, печатью же Городского района не опечатали, так как во время инцидента со старостой и настоятелем скопившиеся прихожане стали шуметь и священник предал проклятию Членов Комиссии. ЕГОРОВ подтверждает, что староста ЛЯПУНОВ отказался «из принципа» подписать акт и сдать ключи, хотя и присутствовал при описи и опечатании церкви.

Свидетель КЛИНЕВИЧ, комендант здания Консерватории, объяснил, что ТОЛСТОПЯТОВ действительно отказался помочь в описи ценных предметов и показать таковые, мотивируя тем, что он не обязан этого делать; священные же предметы, находящиеся на алтаре, согласился показать, и то лишь после того, как один из Членов Комиссии сказал, что, как миряне, они не могут сами брать с престола предметы, ибо это может считаться оскорблением чувств верующих. ЛЯПУНОВ действительно отказался подписать акт и сдать ключи, хотя и присутствовал при описи и опечатании церкви.

Свидетельница ШЕВЫРЕВА объяснила, что во время описи ценных предметов она стояла на середине храма и вынесла впечатление, что «в течение малого времени опись ценностей была произведена без препятствий», а затем Комиссия приступила к опечатанию церкви. Тогда прихожане, собравшиеся по распоряжению Комиссии, стали просить КОЛЕСНИКОВА, чтобы он не опечатывал церковь; просьбы были искренни и слезны, но Комиссия, не обращая внимания, продолжала свое дело. Священник ТОЛСТОПЯТОВ, видя холодное и бессердечное отношение Комиссии к прихожанам, высказался как пастырь таковых о каре Божией, именно о том, что их, Комиссию, за упомянутое отношение к верующим может постичь кара Божия. Эти слова, по мнению ШЕВЫРЕВОЙ, КОЛЕСНИКОВ принял за проклятье, на что ТОЛСТОПЯТОВ ответил, что наша религия никого не проклинает.

Допрошенный в качестве обвиняемого ЛЯПУНОВ объяснил, что согласно ходатайству Художественного Совета консерватории в 1918 году Домовая церковь при Консерватории по художественным соображениям была переименована в приходскую, чем избежала закрытия и с апреля 1921 года упомянутая церковь имела при себе

отдельный причт священнослужителей. 26-го февраля сего года церковь внезапно была опечатана, а вслед за сим была произведена опись ее имущества. От подписи акта он, ЛЯПУНОВ, отказался по формальным соображениям, так как в протоколе по составлению описи было сказано, что церковь Домовая и в то время, как он, ЛЯПУНОВ, является ктиторм, выбранным от прихода, а церковь уже с 1918 года обращена в приходскую. Ключи ЛЯПУНОВ отказался сдать, потому что получил таковые от приходского Совета, которому их только может сдать обратно, и, кроме того, Комиссия не предъявила мандата на изъятие ключей. ТОЛСТОПЯТОВ и ЛЯПУНОВ показывают, что он указал Комиссии, где что находится, но принимать участие в описи отказался. Со стороны ЛЯПУНОВА, по его словам, никакого сопротивления к опечатыванию церкви оказано не было, и никто из Членов Комиссии не удалял его от двери.

Обвиняемый ТОЛСТОПЯТОВ объяснил, что опись ценностей производила сама Комиссия, причем священные предметы, находящиеся на престоле, он лично снимал и показывал. Затем прихожане стали просить не опечатывать церковь. Сам ТОЛСТОПЯТОВ никакого препятствия этой операции не оказывал, хотя многие из прихожан плакали и выражали свое негодование по поводу холодности и бессердечного отношения Комиссии к их чувствам. Видя слезы своей паствы и холодное отношение Комиссии, ТОЛСТОПЯТОВ счел своим священным долгом обратиться к таковой с пастырским словом о каре Божией, которая может постигнуть такое бессердечие. Прихожане были сильно возмущены и взволнованы опечатанием церкви, но он, ТОЛСТОПЯТОВ, успокаивал их, говоря, что Комиссия не могла поступить иначе, так как печать уже раньше была наложена. Ввиду отсутствия описи, ТОЛСТОПЯТОВ предложил Комиссии самой составить таковую²⁴.

Рассмотрев изложенные факты, следователь обвиняет Ляпунова и Толстопятова, как должностных лиц, в умышленном противодействии властям и выносит следующее постановление:

1. Следствие по сему делу заключить.

2. Священника церкви Консерватории ТОЛСТОПЯТОВА и ктитора той же церкви ЛЯПУНОВА предать суду Революционного Трибунала, вменив в вину противодействие Комиссии по изъятию церковных ценностей.

3. Настоящее постановление предъявить на утверждение Президиума Петрогубревтрибунала²⁵.

10 июня 1922 в Большом зале Государственной филармонии начались заседания трибунала. Публика на слушания дела допускалась только по предварительно выданным пропускам и преимущественно состояла из членов ВКП(б). Члены семей обвиняемых также получили пропуска. Был такой пропуск и у Е. П. Ляпуновой, приходившей на заседания поддержать супруга.

На одном из заседаний трибунала допрашивали Ляпунова, о чем А. С. Ляпунова сделала запись в своем впоследствии уничтоженном дневнике: «Вчера допраши-

²⁴ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 17. Л. 17.

²⁵ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 17. Л. 17 об.

вали папу. Подробно он не рассказывал. Старались запутать, как и многих других. <...> Он отвечал громко, твердо и определенно, накричал на них больше, чем они на него».

Петроградская пресса подробно освещала события суда над церковниками. Дело получилось большим и сложным, при 97 обвиняемых и 43 свидетелях. Газеты не скупились на самые злобные и ядовитые высказывания в адрес обвиняемых. Несколько вырезок из петроградских газет сохранилось среди документов, собранных и сбереженных А. С. Ляпуновой. Например, «Петроградская правда» 1 июля 1922 писала:

Речь общественного обвинителя тов. Смирнова продолжалась более трех с половиной часов, прерываясь частыми рукоплесканиями публики. <...> Общая физиономия обвиняемых в данном случае тем труднее для проникновения в ее сущность, что их основной кадр состоит из людей высококвалифицированной умственности, «привыкшей плотно запереть во внешнюю скорлупу свои внутренние переживания». <...> Щедро лилась рабоче-крестьянская кровь под «белыми» штыками, и параллельно шла минная работа церкви, пробивавшей с амвона брешь в революционной крепости, и оттуда то и должна была последовать решительная атака на твердыню пролетариата. <...> Поскольку обвинение готово отнестись с полной снисходительностью к темным массам, путем векового невежества задержанным в церковном мраке, постольку революционная совесть должна отнестись сурово к лицемерию и обманной тактике «черных мантий». <...> В отношении «зачинщиков» должна быть применена крайняя степень государственного возмездия²⁶.

По делу Ляпунова выступил общественный обвинитель Драницын. Та же газета сообщает:

Вот два настоятеля — указывает товарищ Драницын — Ливенцов и Толстопяттов, и два мирянина — Соколов и Ляпунов. Подробно останавливаясь на составе преступления этих лиц, обвинитель требует для них строгой кары. <...>

Заканчивая свою речь, обвинитель считает свой общественный долг выполненным и просит Трибунал выполнить свой судебный долг применением в полной мере тех кар, какие предусматриваются данными обвинительного акта²⁷.

4 июля обвиняемым предоставили последнее слово. По воспоминаниям А. С. Ляпуновой, отец держался спокойно, сказав коротко: «Меня знает не только Европа, но и Америка, так что кто я — мне говорить не приходится. Протокол не подписал из принципа, ключей не выдал, так как имел на то право. С постановлением трибунала буду согласен».

5 июля в 8 часов 55 минут утра, после 24-часового заседания, вынесен суровый приговор, чтение которого продолжалось 45 минут, о чем в деталях и подробностях сообщает «Петроградская правда» № 148 от 6 июля 1922. Приведем здесь поч-

²⁶ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 17. Л. 23.

²⁷ Там же.

ти полностью эту статью за подписью А. Лешина, в упоении воспевающего торжество диктатуры пролетариата.

Три недели кряду, изо дня в день, трое рабочих, волею своего революционного класса поставленные у весов пролетарского правосудия, прорывали длинную и широкую ткань церковной паутины, наброшенной на изголодавшееся Поволжье.

Три недели, не зная отдыха, трудилось общественное обвинение над изобличением нескольких десятков подсудимых, снабженных острым защитным оружием в виде «наивысшего» образования, выхваченного ими в свое время из мозолистых рук «темной черни».

Три недели строила защита сложный лабиринт коридоров, переходов, лазеек, кротовых нор, переплетая все системой тупиков, куда должен был забрести суд, но откуда должна была выбраться церковная преступность.

Ничего не вышло из всех ухищрений «высокой науки», выражавшейся соловьиной трелью адвокатского красноречия.

24 часа в совещании пробыли трое рабочих, принявших на себя обязанность выразить революционную волю. И, оставшись наедине со своей совестью, отрешившись от всего иного, кроме заботы о будущем того класса, который создал величайшее завоевание пролетариата, то завоевание, против которого в слепой, изуверной злобе пыталась восстать, прикрывшись церковным престолом, кучка «религиозных» хитрецов, Революционный Трибунал вынес свое решение, поддержанное мощным одобрением всей «классовой» части «публики».

Огромная толпа, запрудившая столь же не малую залу, где когда-то собиралось «благородное дворянство» Петроградской губернии, несколько часов провела в каком-то серьезно-сосредоточенном настроении. Приближалось время закончания того длинного счета, который питерский пролетариат поднес своим бывшим воспитателям. Поднес не за себя, не за свое обездоленное прошлое, а за мучительные страдания своего родного брата — поволжского крестьянина, который должен был еще корчиться в угоду «политическим канонам» застрявших в Советской России «духовных сынов» церковного палача, Антония Храповицкого и его рясоносной своры.

Вводят подсудимых. Странные, тупо застывшие в деревянном безразличии облики. Что это: «религиозный энтузиазм» фанатиков? Какое там! Упрятанная на дно человеческой души злоба бессилия пред непреодолимостью «пролетарской судьбы». До Антанты далеко, до Карловицкого собора и рукой не достать, Пуанкаре пальцем не шевельнет. Антоний благодушествует себе, «верующие» забрались по домам и не желают вступаться в «поповское» дело.

Резкий звонок. Потом второй. Зала застывает.

Рабочий суд сказал свое не столь грозное, сколь милостивое.

Не пугайтесь грозных слов:

— Расстрелять!

Их рабочая революция поставила лишь против 10 из 87 изобличенных имен.

Митрополит Вениамин... Новицкий... Ковшаров... Елачич... Чуков... епископ Венедикт... Чельцов... Богоявленский... Огнев... Шейн... <...>

10 смертей! Страшно, граждане обыватели? А десятки миллионов озверевших от корчей в желудке Поволжья, пока «господа» члены высшей церковной иерархии

и господа члены «правления общества православных приходов» изобретали все препятствия для того только, чтобы украсть от голодного народа ими же созданные «церковные ценности», нужные не вашему «богу», а планам Врангеля, Пуанкаре, Антанты, мирового капитализма, мировой буржуазии, мировой сытости, которая голода не ведаёт и никогда не ведала. <...>

Что значит десять мер высшего наказания, когда Революционный Трибунал тут же вызвал к своему столу и отпустил на свободу не один десяток весьма несомнительных людей. Их простили. Рабочий класс до крови не жаждён. Он вынужден её проливать каплями, когда грозит беда пролития её целыми бочками по вине преступников.

Вот и все освобожденные. Им нужно быть закоренелыми негодьями — да простит мне это «профессура», если они не будут весь свой век помнить милосердие питерского пролетариата. Тот смешал в одну кучу и профессоров, и уличных хулиганов, равным образом признав их «невменяемость» в известных случаях. Он поберег для будущей деятельности одинаково и рядового праздношатающегося, и «мирового» учёного. Все равны пред революционным правосудием. Все безразличны для пролетарской совести. Меньше виноват — поберегись на другой раз. Больше проштрафился — держи ответ, чем хочешь, чем можешь...

Я вышел из зала заседаний Революционного Трибунала с облегченным сердцем.

Церковь «православная» не выдержала испытания. Она провалилась. Она избличена. Она — преступница. По делам и воздастся её преступным «апостолам»...²⁸

Приговор трибунала от 5 июля был издан отдельной брошюрой. Его экземпляр находится в материалах «Дела о церкви», хранящихся в ОР РНБ. Относительно С. М. Ляпунова и А. М. Толстопятова говорится следующее:

Заслушав и рассмотрев дело за № 1287 по обвинению <...> **Толстопятова** Анатолия Михайловича, 43 лет, происходящего из дворян гор. Москвы, священника церкви при Консерватории и преподавателя физики Училища Комсостава флота, беспартийного, бывшего капитана второго ранга, не судившегося; **Ляпунова** Сергея Михайловича, 63 лет, происходящего из дворян Нижегородской губернии, Васильсурского уезда, Аликановской волости, имения Плитники²⁹, с высшим образованием, беспартийного, не судившегося <...> — в использовании легальной церковной организации (Правление Общества Приходских Советов) в контрреволюционных целях, агитации, против изъятия церковных ценностей, противодействию и сопротивлению изъятию церковных ценностей и хищению таковых, в преступлениях, предусмотренных ст. 62, 69, 72, 73, 77, 86, 119, 150, 180 и 185 Уголовного Кодекса Р. С. Ф. С. Р.

Рассмотрев в судебном заседании материалы предварительного следствия, объяснения представителей обвинения и защиты, показания свидетелей и самих обвиняемых,

²⁸ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 17. Л. 22.

²⁹ В тексте приговора допущена ошибка. Имя отца композитора, М. В. Ляпунова, называлось не Плитники, а Плетниха. Васильсурский уезд именовался также Васильским.

ТРИБУНАЛ УСТАНОВИЛ: <...>

Винность **Толстопятова** установлена в том, что, состоя настоятелем церкви при Консерватории, при производстве комиссией 2-го Городского района описи церковных ценностей, оказал сопротивление означенной Комиссии, а также в том, что возбуждал прихожан своего прихода против законных действий Комиссии, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 119 Уголовного Кодекса

Винность **Ляпунова** установлена в том, что, состоя старостой той же церкви, оказал сопротивление Комиссии, производившей опись церковных ценностей, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 86 п. 2 с применением ст. 36 Уголовного Кодекса. <...>

На основании вышеизложенного **ПРИГОВОРИЛ: <...>**

Толстопятова лишить свободы сроком на ТРИ года со строгой изоляцией.

Ляпунова лишить свободы сроком на 6 месяцев, считая наказание **УСЛОВНЫМ**. <...> Срок наказания осужденным к лишению свободы и принудительным работам считать со дня их ареста.

Судебные издержки возложить на осужденных за круговой ответственностью.

Приговор вступает в силу через 48 часов, в какой срок предоставляется право кассации³⁰.

Итоги Революционного трибунала: 10 человек приговорено к расстрелу, 25 подсудимых оправдано. Еще 62 человека получили различные сроки лишения свободы, среди них и Ляпунов, наказание которого оказалось одним из самых мягких. Он вместе с другими подсудимыми, получившими условное наказание, освобождается из-под стражи и прямо из зала суда отправляется домой.

Газеты продолжают радоваться по поводу победы над врагами революции, сообщая, что «приговор встречен бурными аплодисментами большинства собравшихся». Очевидцы же вспоминают другое: когда после вынесения приговора машины увозили от Филармонии осужденных, вся Михайловская улица была заполнена верующим народом. Люди громко плакали, пели церковные песнопения. Никто в тот момент не мог предположить, сколь велика и страшна будет волна красного террора и сколько миллионов жизней будет ею унесено...

Согласно решению Петрогубревтрибунала судебные издержки были возложены на осужденных. По этому поводу Президиум трибунала 13 июля проводит заседание, где составляются списки «церковников» и определяются денежные суммы, которые должны быть ими незамедлительно уплачены. Начальники отделений милиции получают соответственные предписания и приступают к их выполнению. От Ляпунова требуют выплаты 30 000 рублей дензнаками 1922 года. Сумма должна быть препровождена в управление 2-го Городского района Петрограда для направления в Петрогубревтрибунал. Не имея такой возможности, композитор отказывается платить судебные издержки.

27 июля начальник 21-го отделения милиции со своим помощником в присутствии управдома, двух понятых и квартирохозяина Ляпунова, ввиду его отказа от

³⁰ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 17. «Дело о церкви». Приговор Революционного трибунала. Л. 25.

уплаты судебных издержек, на основании ордера 2-го Городского района опечатывают семью печатями пять комнат его квартиры.

Большой семье Ляпуновых оставляют для пользования одну комнату. Находящиеся и без того в бедственном материальном положении, Ляпуновы вынуждены изыскать требуемую сумму и уплатить ее на следующий день, 28 июля.

В папке «Дела о церкви» хранится акт опечатания квартиры с характерной припиской-резолуцией, сделанной заместителем начальника милиции 2-го Городского района после получения требуемых денег: «Немедленно снять печати, т. к. деньги уплочены. Акты, как настоящий, так и копии с него, уничтожить при свидетелях. Зам. нач. А. Ошерович. (28.07.) 12 часов»³¹. Акт и его копия действительно были уничтожены, но осталась копия с копии, сделанная рукой и хранящаяся ныне в РНБ.

Именно в эти трудные дни композитор создал песнопение для смешанного хора «Богородице Дево радуйся»³². На партитуре он оставил следующую надпись: «20 июня 1922 года. Сочинено во время заседания Ревтрибунала. С. Ляпунов».

«Богородице Дево радуйся»³³ — необычайно светлое произведение продолжительностью всего 17 тактов, близкое по своему эмоциональному состоянию одноименной композиции из Всенощной Рахманинова. Это свободное переложение «Богородице Дево» греческого роспева³⁴. В первой половине песнопения композитор близок к первоисточнику, во второй — значительно изменяет повторяющийся мелодический рисунок и ритмическую структуру для достижения наибольшей музыкальной выразительности в кульминации на словах «яко Спаса родила». Таким образом, начинаясь как гармонизация греческого роспева, «Богородице Дево» преобразуется в его свободную обработку. Фактура песнопения прозрачна и незамутненна, с четко вырисовывающимися линиями каждого из четырех голосов; гармонический язык прост и благороден. Эта пьеса, скромная по масштабам, имеет для нас особую ценность как отпечаток душевного состояния композитора в тяжелейшие часы его жизни. Только случайный пропуск двух кратких фрагментов текста³⁵, вероятно выпавших из памяти от волнения, напоминает нам о перенесенных им испытаниях.

Хочется процитировать здесь фрагмент письма Ляпунова к сыну Борису в действующую армию:

³¹ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 17. «Дело о церкви». Приговор Революционного трибунала. Л. 3 об. Копия с копии акта об опечатании квартиры С. М. Ляпунова.

³² См.: *Миллер В. Р.* «Сочинено во время заседания Ревтрибунала» // *Рукописные памятники*. СПб., 1999. Вып. 5: Из истории музыкальной культуры. С. 130—137, 214.

³³ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 229. Партитура. Автограф. 1 лист.

³⁴ См.: *Церковно-певческий сборник*. СПб., 1903. Т. 1. С. 134. № 36.

³⁵ Фрагменты, заключенные в квадратные скобки, отсутствуют у Ляпунова: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, [Господь с Тобою]; благословена Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила [еси] душ наших».

Крепись, не падай духом и помни, что всякое испытание, ниспосылаемое Богом, послужит тебе на пользу. Он посылает крест, Он дает и силы нести его. Непрестанно помни это и чаще обращайся к Нему. <...> Будь здоров, дорогой мой, терпи мужественно ниспосланное и помни, что все ниспосылаемое Богом надо переносить с покорностью и без ропота. Да хранит тебя Христос, крепко тебя обнимаю и благословляю³⁶.

Размышления о том, как и на что жить дальше, приводят Ляпунова к мысли о необходимости выезда за рубеж в качестве пианиста на длительные гастроли с сольными концертными программами из собственных сочинений.

Больше года понадобилось на организацию поездки, и 14 сентября 1923 Ляпунов на пароходе отбыл из Петрограда в Германию, откуда впоследствии переехал в Париж. Там нашлись близкие люди, к которым можно было обратиться за помощью в организации концертов. Ляпунов занялся также вопросом создания в Париже Русской консерватории. Несколько сольных выступлений Ляпунова состоялось во французской столице в течение последующего года. Накануне очередного из этих концертов, 8 ноября 1924, композитор скончался от сердечного приступа. Последнее пристанище он нашел на парижском кладбище Cimetière des Batignolles (8 Rue Saint-Just, 24 division, 7 ligne, № 29).

Чувствовал ли он, уезжая из России, что уже никогда не увидит своих горячо любимых жену и детей? Вероятно, да, так как здоровье его было совершенно подорвано событиями последних лет. Но никакого другого выхода из создавшегося положения не представлялось. Близкие так и не смогли побывать на его могиле. Единственным членом семьи композитора, сумевшим приехать в Париж, стала А. С. Ляпунова, посетившая могилу отца в 1970-е, незадолго до своей смерти.

За несколько дней до отъезда за границу композитор, прощаясь с семьей, дарил детям на память свои музыкальные автографы. «Богородице Дево» стало единственным из духовных сочинений, которое он счел возможным преподнести своим близким. «Дорогой Людмиле на память от отца. С. Ляпунов. 10. IX. 1923» — написано на партитуре³⁷. В этом варианте изменена тональность сочинения с фа минора на ми минор и сделаны некоторые незначительные правки в гармонии, голосоведении и ритме. Пропущенные слова не восстановлены и в этой редакции.

Последнее упоминание о духовных произведениях содержится в письме композитора к семье из Парижа:

...Прошу спешно выслать мне 1) все мои духовно-музыкальные сочинения, которые здесь можно исполнить, в партитуре, если есть, голоса <...>. Пришлите также 2) русские песни для хора. Здесь имеется хор, который исполняет духовную и светскую русскую музыку, и потому я хочу воспользоваться этим, чтобы исполнить мои духовные сочинения и переложения русских песен³⁸.

³⁶ Письмо к Б. С. Ляпунову от 4 октября 1919. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. № 82. Л. 3—4.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 230. Партитура. Автограф. 1 лист.

³⁸ Письмо к семье от 23 октября 1923. Цит. по Картотеке А. С. Ляпуновой. ОР РНБ. Ф. 1141. № 88.

Сведений о получении композитором нот требуемых произведений и об исполнении их в Париже обнаружить не удалось.

Нужно отметить, что в фонде Ляпунова в РНБ имеются также разрозненные однострочные записи церковных напевов и их фрагментов³⁹. Это выписки, сделанные композитором из нотных богослужебных книг, изложенные преимущественно в альтовом ключе. На л. 3 об. имеется неозаглавленный четырехголосный 22-тактный набросок сочинения без текста. На л. 7 об. — крюковая запись с переводом на пятилинейную нотацию. Среди выписанных фрагментов — три песнопения праздника Рождества Христова (тропарь Рождества, «С нами Бог» и стихи-ра праздника «Небо и земля днесь пророчески да возвеселятся»), два пасхальных песнопения (ирмосы третьей и пятой песен канона Пасхи), фрагмент стихиры на литии «Приидите празднующи и постников сословие» из службы на преставление св. Сергия Радонежского. Практически все песнопения, выписанные композитором, принадлежат чинопоследованию всеобщего бдения. Вероятно, по окончании работы над песнопениями Литургии он планировал сочинить и Всенощную. Некоторое количество подготовительных материалов для духовных произведений находится в нотных записных книжках композитора. Свои записи композитор мог использовать и при работе над инструментальными сочинениями, а также при реализации программы изучения древнерусской церковной музыки, которую он составил для Петроградской консерватории.

Нам представляется совершенно несомненной духовность и цельность всего творчества Ляпунова. Речь здесь идет о более высоком уровне, чем простое цитирование и разработка церковных мелодий в инструментальных сочинениях, а именно — о теснейшей взаимосвязи мировоззрения композитора с его творчеством. Об этом еще в 1914 замечательно высказался Н. Я. Мясковский, размышляя о романсах Ляпунова ор. 50, 51 и 52:

В прекрасном и своеобразном даровании С. М. Ляпунова меня, прежде всего, привлекает его, я бы сказал, религиозное миропонимание. В объективности Ляпунова, в его душевной невозмутимости сказывается не сухость художника, не безразличие к жизни, а какое-то просветленное отношение к миру; его душе наиболее близки и родственны настроения, характеризующие святость и воплощенные Римским-Корсаковым в образе чистой сердцем Февронии. Отсюда — отсутствие в творчестве Ляпунова драматических элементов, элементов борьбы, бурных порывов и безнадежных терзаний, отсюда — устремление ввысь⁴⁰.

Владимир Миллер

³⁹ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. № 223. Автограф. 7 листов.

⁴⁰ РМГ. 1914. № 13. Библиографический листок № 3.

АЛЕКСАНДР ОЛЕНИН: НАРОДНАЯ ЛИТУРГИЯ

Александр Алексеевич Оленин (1865—1944) — личность, известная в истории русской музыки. Принадлежавший к высококультурной дворянской семье, Оленин всю жизнь занимался музыкой вполне профессионально: сначала обучался в Московской консерватории, затем переехал в Петербург, где стал преданным учеником М. А. Балакирева (и впоследствии оставил отлично написанные подробные воспоминания о почитаемом учителе). По взглядам Оленин был убежденным «народником» и «кучкистом» и в этом отношении несомненно оказывал сильное влияние на свою младшую сестру — прославленную певицу Марию Оленину (в замужестве д'Альгейм); кроме того, он нередко выступал с нею как аккомпаниатор в концертных поездках. После 1917 Оленин, живший ранее преимущественно в своем имении Истомино на Оке, обитал также в близлежащем Касимове, а затем в Москве, работал в разных музыкальных учреждениях, в том числе в ГИМНе; немало сочинял. Процитируем имеющийся в архивном фонде Олениных в РГАЛИ (Ф. 818) очерк, точнее — вступительное слово известного музыковеда Б. В. Доброхотова, предназначавшееся для концерта из сочинений Оленина в 1954 (Оп. 3. № 55. Л. 50):

С конца 1917 Оленин поселился в Касимове и стал энергично заниматься там музыкальной деятельностью. В 1921 он организует концертное турне по Касимовскому округу со своей капеллой, исполняющей русские песни.

Творческая деятельность Оленина протекает также весьма интенсивно: он создает множество записей и обработок народных песен, а также ряд капитальных произведений, проникнутых духом русской народной песенности и поэтически отображающих образы русских людей и природы. В 1927 в Москве был организован концерт в честь 30-летнего юбилея музыкальной деятельности Оленина, в связи с чем ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Последние годы А. А. провел в Москве, неизменно все силы отдавая музыке.

Есть возможность уточнить эти данные по воспоминаниям певицы К. О. Косухиной, которая в 1917 переехала с семьей в Касимов и там познакомилась с Олениным¹. В 1917 он еще жил в своем Истомине:

А. А. получил от отца Алексея Петровича родовое имение Истомино; по существу, отец не оставил ни хозяйства, ни капитала; полуразрушенный старинный дом со

¹ Косухина К. О. Заслуженный деятель искусства А. А. Оленин. Воспоминания. Музей имени Глинки. Ф. 256. № 3492.

старинной утварью, музейные старинные гравюры, портреты предков и задолженность. А. А. показал мне свой рабочий кабинет на «антресолях», забираться туда было опасно, шаткая лестница едва держалась. Кабинет — это небольшая комната с прекрасным видом на Оку, на пойму, на отлогий песчаный берег с низкими кустами вереска. <...> На стенах — портреты дорогих лиц, давно ушедших из жизни. Все скопановано с большим мастерством, любовью и изысканным вкусом художника. Окружение располагало к творческой мысли (Л. 3).

В Касимов Оленин окончательно переехал с женой и двумя сыновьями в 1918, бросив в усадебном доме многое из старых вещей. Далее Косухина вспоминает:

В 1918 году при Отделе народного образования открылась студия художественная и народный театр. А. А. собрал вокруг себя коллектив любителей певцов, среди которых были с вокальным средним образованием и педагоги-вокалисты. Главная наша опора был Федор Дмитриевич Архангельский, прекрасный бас... <...> Церковный хор полностью с регентом Резвяковым перешел в Студию (Л. 6)².

Оркестра, конечно, не было; его заменял Оленин за роялем и два музыканта-любителя на струнных инструментах. В этом составе в Касимове были поставлены целые оперы, в том числе «Борис Годунов», «Хованщина», «Русалка», «Аида». Оленинская «капелла» давала концерты в Касимове и округе; в них исполнялись не только, как пишет Доброхотов, песни, но и арии, романсы, целые сцены из опер. Другим важным для Оленина делом были путешествия:

А. А. исходил пешком со своей неизменной желтой клюшкой не только свой родной Рязанский край, но далеко за пределы его, собирая фольклор самобытный по форме и содержанию, отражающий в песне то горечь «бабьей доли», то веселые частушки «сапожищи-то на ём» и многие песни, отображающие эпоху времени, то безнадежно печальные, то ухарски задорные. Народ считал А. А. своим родным, близким, в каждой хате он был желанным гостем и другом (Л. 7).

Как говорил сам Оленин:

В том-то и соль и прелесть вся — пешком, да с клюшкой, по селам все знают и накормят и напоят, и песни запишу, и душу отведу, меня собаки, и те, пожалуй, знают (Там же).

Однако к 1923 заработки иссякли, и семье пришлось перебраться в Москву.

* * *

В творчестве Оленина представлены разные жанры: оперы (среди которых некоторой известностью пользовался «Кудеяр», поставленный в 1915 в Опере

² Об этом талантливом регенте см. в материалах Драмсоюза и в письме о. Правдолюбова, в молодости певшего под управлением Резвякова.

Зими́на), симфонические поэмы, камерно-инструментальные опусы и — в очень большом количестве — романсы и обработки народных песен.

В 1921 в многократно цитируемом в данном томе дневнике Никиты Окунева появляется запись:

8/21 апреля 1921

Вчера ходил к К. В. Розову на квартиру. Надо было поговорить с ним насчет музыки Александра Алексеевича Оленина к Литургии Иоанна Златоуста. Это творение в Москве еще неизвестно, но находится в рукописи здесь, у некоего П. А. Ламме. Вот и сговариваемся — как бы ее ввести в репертуар московских духовных хоров (С. 443).

«Некий П. А. Ламме» — это, конечно, крупнейший русский музыковед-текстолог Павел Александрович Ламм; в молодости он выступал как пианист-аккомпаниатор с М. А. Олениной. Ламм был известен как большой поклонник духовного русского пения; его нотная коллекция в этой области ныне находится в библиотеке Музея имени Глинки.

Следующая запись в дневнике Окунева:

26 апреля/9 мая 1921

Третьего дня по моей просьбе К. В. Розов позвал к себе на квартиру П. Г. Чеснокова и Н. М. Данилина, куда и я явился вместе с Павлом Александровичем Ламме, страстным любителем духовной музыки и замечательным воспроизводителем ее на рояле (немножко подпевая своим маленьким тенорком). Ламме сыграл нам обедню Александра Алексеевича Оленина (брата Петра). «Спецам» она не очень-то понравилась, да и сам Оленин не ждал от них благоприятного отзыва, ибо (это он мне пишет), как сказал Козьма Прутков: «специалисты флюсу подобны — полнота их односторонняя». Но на мой вкус, которому Оленин почему-то придает решающее значение (вероятно, как представителя церковной «толпы»), — эта обедня заслуживала бы «постановки» ее в храмах. Но теперь громадных денег стоит разучить такую вещь хором. А музыка как раз требует очень большого хора. В иное время нашлись бы «меценаты» своего рода, и обедня была бы в репертуаре московских хоров. Нет ни одного пения в обедне, к которому Оленин не приложил бы своего творчества. Все «Господи помилуй», даже все «Аллилуия» и «Аминь», — все поется мелодично и притом каждый раз на другой манер. Все время слышится какая-то грустная нотка. Розову, по его собственным словам, казалось, что он находится где-то в катакомбах. Александр Алексеевич прославил себя уже на поприще собирания древних русских песен, и надо полагать, что он в свою обедню вложил много от хорошо известных ему народных причитаний и попевок «калик переходжих». Местами очень красиво, местами величественно. Но кое-что нужно переделывать, на что справедливо указали «спецы», и, как ни хотелось бы мне самому послушать это произведение в церкви, я до этого не доживу. <...> Если бы не я, то она долго бы лежала у Ламме никому не известной, а теперь как-никак ее слышали такие авторитеты в духовной музыке, как Данилин, Розов и Чесноков (С. 449—450).

Упомянутый в записи Петр Алексеевич Оленин — писатель, драматург, журналист, печатавшийся под псевдонимом Оленин-Волгарь. Естественно, что завязь

тый театрал Окунев был знаком с П. А. Олениным, так же как естественно, что хоровая партитура Александра Оленина оказалась у его приятеля Ламма.

Следующее — и последнее — упоминание этой Литургии в записях Окунева относится к 1922:

На днях у меня в гостях был очень любопытный человек: регент кружка любителей духовного пения имени Св. Филиппа — Никита Николаевич [правильно — Никандрович] Драчев (все пропагандирую обедню А. А. Оленина) (С. 540).

Изучение фонда А. А. Оленина в РГАЛИ показало, что не только сохранилась партитура этой Литургии, но даже что она была исполнена в Москве в 1927; неизвестно лишь, услышал ли ее Окунев, поскольку неизвестна дата его кончины. Имеется в этом фонде также шесть писем Оленина к Никите Потаповичу Окуневу (26 марта 1921 — 6 мая 1922), в основном посвященных Литургии и ее возможному исполнению, а также очерк о Литургии, написанный поклонником творчества композитора, его другом и душеприказчиком Николаем Вячеславовичем Кохманским. В очерке цитируются и высказывания самого Оленина (по письмам к Окуневу), и письма регента Драчева, который, как выясняется, взялся-таки за разучивание сочинения и в конце концов спел его со своим хором в известной московской церкви Всемилоственного Спаса на Спасской улице (так называемый «Спас во Спасех») — непонятно только, полностью или фрагментами³.

Литургия св. Иоанна Златоуста для смешанного хора, соч. 33, имеет авторские даты начала и конца работы (1914—1916) и авторское предисловие:

Желающим познакомиться с настоящей партитурой я бы дал такой совет: не смотреть на это произведение как на нечто самодовлеющее музыкальное, а помнить все время, что она каждым своим тактом приурочена к тому или другому священнодействию и, следовательно, имеет значение чисто служебное.

Кроме того мне хочется сказать, что если бы я особенно желал слышать свою Литургию, то это отнюдь не в каком-либо из раззолоченных, пышных столичных храмов, а в какой-нибудь из наших древних церквей. Я вижу связь между музыкой и архитектурой (включая сюда и орнамент) и придаю огромное значение тому, чтобы каждое музыкальное произведение исполнялось в соответствующей (по стилю) обстановке; от этого оно только выигрывает. Это замечание относится особенно к тому роду музыки (служебной), как настоящая партитура⁴.

Говоря кратко, Оленин написал свое сочинение как бы вне церковной традиции в смысле музыкальном — не только без стилизации, но даже и без намеков на какой-либо исторический стиль церковного пения. Окунев отчасти прав, ког-

³ Этому произведению посвящен краткий очерк Н. Ю. Плотниковой в ее книге «Русская духовная музыка XIX — начала XX века» (М., 2007. С. 187—190); некоторые из цитируемых далее документов впервые упомянуты в указанной книге.

⁴ РГАЛИ. Ф. 818. Оп. 3. №. 26.

да пишет, что Оленин «в свою обедню вложил много от хорошо известных ему народных причитаний и попевок калик перехожих», — если иметь в виду древние стихи калик перехожих, былинного типа. Еще сильнее здесь ощущаются основы крестьянской протяжной песни. И если такой убежденный сторонник фольклорного многоголосия в духовных композициях, как Н. И. Компанейский, неизменно опирался на подлинные церковные роспевы, то Оленин этого не делает. В результате получился интересный опыт создания циклической духовной композиции вне прямых связей с обиходным пением. Это обстоятельство, а также развернутое многоголосное хоровое письмо делают Литургию и трудной для исполнения, и, в общем, вряд ли возможной в клиросной практике⁵.

Упомянутый выше Н. В. Кохманский, разобрав архив Оленина после его смерти, в 1946 направил партитуру Литургии в, как он выражается, «Патриарший Синод». И получил оттуда содержательный и благожелательный отзыв:

Не имея возможности входить в детальный анализ представленного музыкального произведения: «Литургия св. Иоанна Златоуста», муз. А. А. Оленина, и очерка Н. В. Кохманского по поводу этой Литургии, следует безусловно признать высокие достоинства и Литургии, и очерка. Музыка очень интересная, чуждая внешних эффектов, преисполненная красот русской народной песни, она много говорит душе русского человека. Даже при чтении партитуры она пленяет, зачаровывает, ее хочется слушать, повторять ее музыкальный текст.

В очерке проведены совершенно верные глубокие мысли о том, что русская духовная музыка должна быть обязательно национальной, что она должна быть в стиле русской церковной архитектуры, живописи и т. д., что она должна быть тесно связана с текстом богослужебным и вовлекать в стильную службу самих совершителей богослужения.

Основным недостатком представляется то, что в Литургии и очерке опущено существенное различие, которое сделал сам русский народ в своем творчестве: церковном и песенном. Одно слово: песня, другое — песнь. Русский народ создал совершенно различные напевы для мирских песен и для церковных молитв. Поэтому пренебрежение к созданным народом знаменному и киевскому роспеву является серьезным недостатком в Литургии Оленина. Эту «Литургию» за Литургией петь в целом нельзя рекомендовать: она не удовлетворит религиозное чувство молящихся. Но слушать ее в концертном исполнении, вне церкви, полезно: она будит мысль и направляет творчество церковного композитора к наиболее верному руслу: народному творчеству, а не перепеву западных мотивов.

*Примечание: «Настоящий отзыв получен от заведующего
Редакцией Патриаршего Синода 2 июля 1946 года.
Н. Кохманский»⁶.*

⁵ Это суждение отличается от точки зрения Н. Ю. Плотниковой, которая считает, что Оленин все-таки «создает мелодию, опираясь на типичные мотивы, которые встречаются и в церковных роспевах» (Цит. изд. С. 189).

⁶ РГАЛИ. Ф. 818. Оп. 3. № 55. Л. 40.

Если понимать под выражением «заведующий редакцией» ответственного секретаря редакции ЖМП, то им тогда был протоиерей А. П. Смирнов. Во всяком случае можно утверждать, что автором отзыва был образованный церковный музыкант.

В «пояснительном очерке» Кохманского⁷, в частности, приводится фрагмент письма Оленина к «московскому другу», который в 1921 отнес партитуру Драчеву, то есть к Окуневу.

Здесь Оленин, с одной стороны, развивает мысли своего предисловия к партитуре, а с другой — отвечает на те сомнения, которые отражены в записи Окунева о прослушивании Литургии в присутствии протодиакона Розова, Чеснокова и Данилина:

И вот в основу своей обедни, над которой я много думал и работал, положены те же основания, что и при создании «Кудеяра», а именно изучение народного духовного творчества, как оно выявилось в причитаниях, в песнях калик переходящих, в духовных стихах и т. д. Тут нет греческих и иных роспевов, а своя музыка, *заквашенная* на оборотах народной духовной музыки, так что, независимо от ее достоинств или недостатков, она является вполне народной обедней. Когда я ее исполнял в первый раз своим музыкальным друзьям, то некоторые были в большом восторге, другие же находили, что обедня слишком бедна по созвучиям, по самоотречению от многих музыкальных приобретений как средств выражения, кратко сказать — слишком аскетична. И вот я боюсь, найдет ли она какое-либо сочувствие у регентов и диаконов, стремящихся, судя по Вашему письму, прежде всего к внешнему успеху, к виртуозности. Обедня эта проста, суха, строга по линиям своим и решительно не дает ничего в смысле блеска. <...>

Далее Оленин замечает, что «мы страшно, именно страшно» далеко ушли от подлинной народности вследствие внедрения в нее органически ей несвойственных элементов, отчего подлинное народное перестает пониматься.

И вот я боюсь, что и с обедней как бы не случилось того же [то есть того же, что и с другими его произведениями на народные мотивы. — М. Р.].

Вот Вы пишете, что огромным успехом пользуются Чесноков и Гречанинов. Я же нахожу, что если у первого и есть кое-что русское *истинное* (на манер как таковое есть у Васнецова), то уж у Гречанинова русского ничего или весьма сомнительного достоинства. Видите, какое разномыслие тут, и поэтому я думаю, что вряд ли моя обедня придется сейчас ко двору. <...>

...Отзыв о моей обедне Драчева, по Вашему описанию человека живого, увлекающегося, для меня во сто крат ценнее отзыва мудрствующего Чеснокова со всей компанией. <...> На первом заседании по моей обедне, кажется, Данилин, критикуя ее, обмолвился одним дельным замечанием. Он сказал, что «эта обедня такова, что даже священнослужители как бы приглашаются вместе с хором к ее исполнению — они долж-

⁷ РГАЛИ. Ф. 818. Оп. 2. № 66.

ны служить с хором в полном согласовании. Безусловно, и Вы об этом при случае осведомите Драчева»⁸.

Судя по письмам, Драчев начал разучивать обедню в конце 1922:

...Я по кусочкам зубрю ее и заставляю повторять каждого певчего без нот. Таковую вещь нельзя петь зря. Сам сижу все свободные часы и играю без конца. Это такая красота, равной которой я еще не знаю в религиозной музыке всех народов. Вчера на спевке несколько старушек после вечерни остались нас послушать — мы пели как раз «Святый Боже», и вот после они обступили меня и спрашивали, почему я никогда не пою эту вещь, и буквально плакали — так сильно впечатление для простых сердец⁹.

Однако и в марте 1923 сочинение еще не было готово. Училося оно очень трудно, поскольку язык Оленина был для певчих, конечно, «чужим языком». Драчев писал Окуневу:

Оленина я могу только порадовать исполнением «Господи спаси благочестивыя» и Трисвятого — это можно без стыда пропеть, но что касается до Херувимской, то я не буду ее петь до тех пор, пока весь хор не будет знать наизусть¹⁰.

В конце очерка Кохманского читаем:

Исполнена была Литургия Оленина лишь в 1927 году в храме Спаса на Спасской, по случаю 30-летнего юбилея композитора, — сопровождавшегося общественным чествованием его концертом из его произведений...¹¹

Никаких иных сведений об этом или последующих исполнениях Литургии не обнаружено. В конце очерка Кохманский приводит еще ряд высказываний, уточняющих позицию Оленина:

Переходя, в частности, к своей обедне, скажу, что некоторые мои друзья назвали ее бедной по краскам, может быть, слишком монотонной, аскетичной. Это следует понимать в смысле западноевропейском. В действительности же в ней много разнообразия, но своего подлинного, русского — достаточно указать хотя бы на то, что кроме объединяющих аминь и аллилуя все «Господи помилуй» написаны на разные попевокки. Дело ведь в следующем. Каждый обособленный цикл в искусстве, возьмем хоть архитектуру — готика, ренессанс и т. д., — имеет свои выразительные возможности и невозможности, лежащие в самой природе данного цикла. Очень наглядно это видно в орнаментике. В восточном шитье религия не позволяет фигурного орнамента, остаются одни геометрические линии. Уж на что кажется трудно задание, когда средство выражения — одни линии. Но так как каждый цикл стремится в пределах своих возможностей

⁸ РГАЛИ. Ф. 818. Оп. 2. № 66. Л. 135—136.

⁹ Там же. Л. 136.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 136 об.

расширить круг средств выражения, как бы инстинктивно убягая от однообразия, то вот эти средства и тут найдены, — в чем же? — в расцветке, в красках. И действительно, краски и их сочетания тут до того изумительно разнообразны, что получается полное художественное впечатление, и вы вполне вознаграждены за бедность рисунка.

А вот русское северное шитье: тут уже сама природа лишила этот цикл средств выражения — полотно и красная нитка. Но ведь это целые поэмы, стилизация цветов мороза. Так и русская народная музыка, развившаяся сначала вне влияния Европы; в ней есть богатейшие выразительные возможности — подголосочность на основе двухголосия, ритм, — и я полагаю, что они в моей опере и обедне в должной мере использованы. Но тут нет ни одного кивка в сторону Европы, и вот в этом-то и заключается моя неудача. Русский народ создал, может быть, величайшее народное искусство, но — увьи и увьи! — оно остановилось в своем развитии, и давно. С Петра это началось... и теперь русский народ настолько утратил чутье, что уже перестал распознавать, что подлинно русское, что нет; своей, выстраданной веками музыке он стал чужд. Тот же процесс свершился и в высших слоях <...> для них русская народная музыка это оперы Чайковского, Римского-Корсакова, может быть и даже подчас гениальные, но сплошь пропитанные европеизмом — последний, по-видимому, нам уже необходим, и отсутствие его нас заставляет скучать¹².

Отчасти высказывания Оленина напоминают некоторые мысли А. Д. Кастальского и С. В. Смоленского. Но он пошел в несколько иную сторону, создав чисто «фольклорную» духовную музыку. В наши дни такие опыты имеются, но в 1920-х, с их вкусами в церковном пении, «народная литургия» вряд ли могла иметь успех и, конечно, сразу канула в Лету. Между тем по качеству музыки она безусловно заслуживает внимания.

* * *

Написав Литургию, Оленин продолжил работу в духовно-музыкальных жанрах. В том же фонде в РГАЛИ имеется подборка (Оп. 3. № 26) разных его духовных сочинений, которые, судя по бумаге и по выставленным в некоторых случаях авторским датам, появлялись с конца 1910-х и до 1932. Имеются в подборке сочинения законченные и незаконченные, предварительные эскизы и набело переписанные варианты. В стилистическом отношении эти композиции продолжают основные принципы Литургии, но фактурно они, как правило, значительно проще; возможно, потому что автор ориентировался на конкретные возможности известных ему церковных хоров.

В жанровом отношении большинство хоров относится к циклу всеобщего бдения. О том, что композитор собирался сочинять именно цикл, свидетельствует надпись на одном из черновиков песнопения «Богородице Дево» — «Всенощная, № 9» (Л. 10), а также заголовок «Всенощная», выставленный на рукописи первых четырех номеров цикла (Л. 47—52; последний номер остался незаконченным).

¹² РГАЛИ. Ф. 818. Оп. 2. № 66. Л. 137 об.

Примечательно, что только эти две единицы хранения написаны на бумаге дореволюционного производства. Это дает возможность предположить, что замысел Всенощной возник у Оленина во время работы над Литургией; в дальнейшем он пытался его продолжить.

Пытался Оленин и создать новый цикл Литургии. Именно к нему относится самая поздняя по дате рукопись: Великая ектения, Блаженны, «Тебе поем», «Святый Боже»; авторская помета в начале: «Наброски. А. Оленин, ор. 79. Начато — 4 августа 32 г. ст. ст. Деревня Котерево»; авторская помета на «Тебе поем» — «1 декабря 1932». Кроме того среди эскизов имеется рукопись под названием «Начало литургии» (записаны первый и второй антифоны, рукопись не закончена) и разные варианты Херувимской, причем один из них (Л. 42—42 об.) отмечен надписью автора «Слабо!» и любопытной датировкой: «Шамхор. 1929 год» и «Окончил 5 июля 1930. Дер. Балаево на Пахре. Подольск». Поскольку древний город Шамхор (Шамкур) находится в Азербайджане, можно предположить, что Оленин и в поздние годы не отказался от своего любимого «скитальчества».

Но самое интересное в этой подборке — два сочинения с конкретными адресатами.

Первое из них — «Богородице Дево», без даты, с надписью «Для Церкви св. Николая, что в Кленниках», то есть для храма, в котором служили священнослужители о. Алексей и о. Сергей Мечевы. Поскольку песнопение имеется и в предварительном, и в чистовом вариантах, надо полагать, что оно предназначалось для исполнения в данном храме.

Второе песнопение вложено в изящно разрисованный сложенный лист с орнаментом в древнерусском стиле, знаком креста и надписью: «Хору имени Св. Митрополита Филиппа Московского в знак глубокой приязни и благодарности от автора Александра Оленина. Москва. 1928. 18 мая ст. ст.». Выше сделана еще одна надпись: «На память Н. Н. Драчеву — А. Оленин». Папка содержит чистовой и черновой варианты песнопения святителю Филиппу «Украшен боголепно Господу» из 7-й песни канона святителю на перенесение его мощей, а также записанные неизвестной рукой тексты разных песнопений из той же службы (см. в *Иллюстрациях*). Как видно из записей Окунева, именем святителя Филиппа назывался кружок любителей духовного пения, которым руководил Драчев, и тогда это сочинение можно трактовать как дань благодарности хору и регенту за исполнение Литургии.

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1930-е

☞ Андрей Козаржевский ☞

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ 1920—1930-х годов*

<...> Моему поколению пришлось пережить вторую волну репрессий, начало которой можно отнести на 1929 год («год великого перелома», как называла его советская печать). Это массовые ссылки, аресты и расстрелы духовенства. Мой крестный отец, протоиерей Илия Зотиков, был одним из соратников Святейшего Патриарха Тихона. До ареста отец Илия служил настоятелем в Святодуховской церкви у Пречистенских ворот. Там вместе с отцом Илией служил диакон Михаил Астров, редкий по своей христианской убежденности и верности Церкви человек¹. Усадив меня к себе на колени, он знакомил меня с основами Закона Божиего. Мальчиком в конце 1920-х мне довелось прислуживать отцу Илие в кладбищенской церкви города Владимира, выполнявшей после закрытия Успенского собора функцию кафедрального храма епархии. Вместе с другими священнослужителями, в частности с архидиаконом Константином Лебедевым², он был заключен во владимирскую тюрьму, печально знаменитую жестокими условиями содержания арестованных. Когда его вели на расстрел, по дороге к стене смерти отец Илия умер от разрыва сердца, не получив от убийц пулю в затылок. <...>

На моих глазах закрывались и рушились церкви. <...> В нынешних границах города по Московской кольцевой автодороге (включающей большую часть бывшего Московского уезда) до 1917 было около 700 церквей. К началу Великой Отечественной войны половина из них была снесена, незначительная часть превращена в музеи, действующих храмов осталось около 40. <...>

Главным митрополичьим собором был Богоявленский в Дорогомилове, его снесли незадолго до Великой Отечественной войны³. Кафедральным собором стала Богоявленская церковь в Елохове. Очень любил митрополит Сергей служить в Покровской церкви на Красносельской и именно там совершать рукоположения.

* ЖМП. 1992. № 11.

¹ См. о диаконе Михаиле Астрове: Московский журнал. 1993. № 3.

² Ошибка публикатора — архидиакона звали Михаил Петрович Лебедев; см. о нем в разделе «Диаконы».

³ Собор был уничтожен в 1938.

Другой архиерейской резиденцией был Преображенский собор на одноименной площади (в годы хрущевских гонений его сломали). Там служил Владыка Сергей (Воскресенский); он <...> впоследствии стал митрополитом Виленским и Литовским — экзархом в Прибалтике. Я часто бывал в Преображенском на его служениях. От природы он был одарен яркой наружностью и артистизмом, жизненной энергией, сильным голосом (тенором), прекрасной дикцией, но служба его, как мне казалось, духовной проникновенностью не отличалась.

Большую любовь православных москвичей снискал митрополит Трифон (Туркестанов). Особой духовной красотой было проникнуто его служение литургии Преждеосвященных Даров в храме Большое Вознесение у Никитских ворот.

В довоенные годы я неоднократно бывал на службах известных московских священников. Протопресвитер Александр Хотовицкий, который вместе с отцом Илией Зотиковым сопутствовал будущему Патриарху, Святителю Тихону, в его миссии в Америке, затем служил с ним в Храме Христа Спасителя, славился пламенными проповедями и общими исповедями. Потом некоторое время он был настоятелем Ризоположенской церкви на Донской улице. После неоднократных арестов его расстреляли. <...>

Мне запомнились благолепным служением, душеполезными проповедями пастыри отец Александр Воскресенский в церкви Иоанна Воина на Якиманке, отец Павел Лепехин в Никольской церкви в Хамовниках, отец Александр Скворцов в бывшем Иерусалимском подворье на Арбате, отец Георгий Чиннов в церкви Успения на Могильцах, отец Павел Цветков в Ильинской церкви в Черкизове, отец Стефан Марков в Знаменской церкви на Переяславской, отец Александр Смирнов в церкви Николая в Кузнецях, благочинный Владимир Воробьев (дед нынешнего известного пастыря, носящего то же имя⁴), Александр Лебедев, настоятель Дорогомиловского собора. <...> Настоятелем храма Илии Обыденного после отца Виталия Лукашевича стал достойнейший пастырь Александр Толгский. Это были яркие личности, непоколебимо державшиеся Православия, оставившие заметный след в церковной жизни столицы...

Хотя храмов в Москве было немного, священников, особенно для проведения ранних литургий в воскресные и праздничные дни, не хватало. Использовались заштатные священники. Так, в церкви Илии Обыденного обычно приглашали отца Филиппа из закрытого Ивановского женского монастыря. Кадры духовенства нигде не готовились. Правда, в тридцатые годы штаты чудом сохранившихся храмов пополнились в результате слияния приходов. Естественно, священнослужители были, как правило, людьми немолодыми. Они пользовались у прихожан глубоким уважением и любовью.

В те далекие годы был своеобразный обычай приглашать на престольные праздники известных протодиаконов. Православная Москва особенно люби-

⁴ Имеется в виду ректор Свято-Тихоновского университета, протоиерей Владимир Воробьев.

ла отца Михаила Холмогорова. <...> Холмогоров в противоположность другой московской знаменитости — отцу Владимиру Прокимнову не оставлял церковной деятельности и последние годы своей жизни служил в бывшем Иерусалимском подворье на Арбате⁵. Его старческий голос утратил былую силу, но сохранил благородный тембр. У приглашаемых протодиаконов был свой излюбленный репертуар: «Блажен муж» Любимова, «Ныне отпускаеши» Строкина, «Спаси, Боже» Чеснокова, «Верую» Архангельского, запричастные «концерты» разных композиторов. <...>

Что представляло собой церковное пение тех лет? <...> В конце 1920-х — начале 1930-х годов лучшим церковным музыкальным коллективом был хор под управлением [Павла Константиновича] Нестерова, потом [Василия Андреевича] Антонова. В полном составе он пел в Дорогомиловском соборе. Часть хора приглашалась в другие места, например в церковь Похвалы Богородицы на акафист иконе Божией Матери «Нечаянная радость». В церкви Николы в Кузнецях, а затем в Преображенском митрополичьем храме пел хор, регентом которого был Моисей [Никифорович] Кононенко. Пение хора отличалось высоким профессионализмом, но не входило в ткань богослужения так органично, как нестеровское, а представляло собой как бы цепь концертных номеров. Недаром на дверях храма вывешивалась своего рода музыкальная программа, например: «Благослови» Чеснокова, «Блажен муж» Кастальского и так далее. У клиросов, на которых пели знаменитые хоры, стояла плотная толпа немолодых мужчин — любителей пения. Они не молились, а разглядывали певчих, придиричиво прислушивались к тому, как тот или иной солист возьмет трудную ноту, и без стеснения делали вслух свои замечания, смущая молящихся прихожан. Справедливости ради замечу, что они удивительно точно на слух определяли композиторов. После службы в церковных дворах собирались группы этих меломанов и горячо обсуждали слышанное. Подобное же наблюдалось и по отношению к известным протодиаконам.

При всей своей материальной стесненности многие московские церкви обладали небольшими, но хорошими по составу голосов хорами. С чувством благодарности за доставленную духовную радость вспоминаю регентов [Гавриила Антоновича] Семенова в церкви Илии Обыденного, [Василия Васильевича] Локтева в церкви Успения на Могильцах, [Александра Михайловича] Астафьева в Знаменской церкви на Переяславской⁶, [Василия Алексеича] Александрова в церкви Николы в Хамовниках, [Николая Константиновича] Соболева в бывшем Иерусалимском подворье на Арбате⁷. Во всех храмах регентами были только мужчины, что приводило, по моему мнению, к строгости и музыкальной четкости исполнения. За службой, даже праздничной, пел один хор, а не два. Правый, профессиональный хор пел в субботу за всенощной и в воскресенье за поздней обедней,

⁵ См. в разделе «Диаконы».

⁶ См. о нем в разделе «Дело Драмсоюза», а также во второй книге тома.

⁷ Обо всех упомянутых регентах см. материалы во второй книге.

а также по праздникам; левый, из прихожан, — по будням, а по воскресеньям и праздникам — за ранней литургией.

Обязательное всенародное пение «Верую» и «Отче наш» было введено в середине 1930-х годов⁸. На первый взгляд это кажется оправданным: верующие невольно заучивают наизусть Символ веры и Молитву Господню. Однако эта практика далеко не бесспорна. Главную молитву, «Отче наш», раньше пел хор, а все прихожане во главе с духовенством благоговейно слушали ее, стоя на коленях. Теперь же все стоят и увлекаются самим процессом пения (чем громче — тем лучше), часто не вдумываясь в слова. Кроме того, мы, наверное, навсегда лишились возможности слушать замечательную, глубоко молитвенную музыку: «Верую» Кастаньского, Гречанинова, «Отче наш» Кедрова, Шведова, Чеснокова. Вообще же, не приемля вульгарной концертности церковного пения, вряд ли стоит пренебрегать эстетической стороной богослужения, в том числе и пения, сводить все к Обиходу, начисто отрицать наследие духовной музыки наших современных композиторов. Бог даровал им талант, а они посвятили его служению Богу. Как мы обеднеем, если лишимся Херувимской Бортнянского, «Вечери Твоя тайная» Львова, «С нами Бог» Зиновьева, «Да молчит» Турчанинова и многого, многого другого. <...>

Дополнение

Андрей Козаржевский

ЗАМЕТКИ О МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ МОСКВЫ В 30—40-Е ГОДЫ*

<...> Обычно церковные хоры насчитывали 12—15 человек, это, как правило, были профессиональные коллективы, поднимавшие сложные вещи. Наблюдалось увлечение сольным пением; так, сопрано часто солировало в сугубой ектень, «Величит душа моя», «Тебе поем», даже в «Отче наш». Не уделялось должного внимания обиходному, в частности гласовому, пению; не исполнялись монастырские напевы: киево-печерский, валаамский, оптинский и т. п., представление о знаменном роспеве и его поздних обработках мы получили сравнительно недавно.

Распространению солирования способствовал обычай приглашать на престольные праздники известных протодиаконов, в первую очередь Холмогорова, Прокимнова, которые по традиции исполняли «Блажен муж» Любимова или Чеснокова, «Ныне отпускаеши» Строкина, «Верую» Архангельского, великую и сугубую ектень, «Спаси, Боже» Чеснокова... Постоянно и тщательно проводились спевки, теперь почти не практикующиеся. Помнится, в церкви Илии Обыденного на спевках регент Семенов проигрывал на скрипке партии разных голосов. <...>

⁸ См. об этом во второй книге.

* Московский журнал. 1996. № 5. Авторский вариант предшествующего текста, содержащий некоторые дополнительные сведения.

Хоры были только смешанными. Поскольку монастыри и монастырские подворья были закрыты, то мужского пения мы не слышали. За богослужением пел только один хор: правый или левый; этот обычай сейчас сохраняется в петербургских и прибалтийских церквях. О детских хорах, естественно, не могло быть и речи. В старообрядческих храмах Рогожского и Преображенского кладбищ сохранялось пение «по крюкам», причем в Воздвиженском храме федосеевского согласия культивировалось так называемое хомовое пение, для которого характерна замена исчезнувших полугласных старославянского языка на полногласные; так, вместо «согрешихомъ» звучало «согрешихомо». От окончания этой глагольной формы и произошло название певческой системы произношения.

НЕВИДИМЫЕ НИТИ

Фрагменты

Говоря о новомучениках, не могу не рассказать о самом ярком воспоминании моего детства: я видел настоящего святого — Патриарха Всероссийского Тихона. Это было 14 сентября 1924 в храме Неопалимая Купина Пречистенского сорока во время престольного праздника. Мне было тогда три с половиной года, но помню все, как будто видел это вчера.

Солнечный день, множество тополей, окружающих белоснежный древний храм, построенный в конце XVII века (закрит в 1929-м и вскоре снесен). Тополя шелестят еще не пожелтевшими листьями (я и сегодня слышу шелест тех тополей). Патриарх вот-вот должен подъехать. Люди толпой окружили храм, ждут. К самым дверям паперти подвезен на инвалидной коляске бывший настоятель Неопалимовского храма — разбитый параличом отец Димитрий Ильич Успенский, родственник известного ученого-богослова епископа Порфирия (Успенского); здесь же и один из сыновей отца Димитрия — Дмитрий Дмитриевич Успенский, в течение многих лет — хорист Большого театра, обладатель красивого баса, в те годы он часто читал в этом храме Апостол в воскресные и праздничные дни. Племянник отца Димитрия и епископа Порфирия отец Сергей Успенский (тогда второй священник храма) в облачении, с крестом на блюде встречает Патриарха. Ждет настоятель отец Борис¹, многочисленное духовенство. Диакон (впоследствии протоиерей) Георгий Хохлов, сын знаменитого певца Павла Акинфиевича Хохлова, стоит со свечой, тут же юноши в стихарях — братья Голубцовы: младший — будущий архиепископ Сергей, старший — будущий протоиерей Николай. Оба они, теперь покойные, всю свою юность в 1920-х годах были алтарниками Неопалимовского храма и духовными детьми отца Сергия Успенского. <...>

Ударяет басовитый главный колокол. Через несколько минут к ограде храма подъезжает коляска: широкие шины на колесах, вороная лошадь, полный, важный кучер в поддевке, с крупным носом и окладистой каштановой бородой. Козлы пролетки широкие. Рядом с кучером — коренастый человек в подряснике, подпоясан-

* Анатолий Свенцицкий. Невидимые нити. Церковь. События. Люди. М., 2009.

Выбранные фрагменты относятся к разным частям воспоминаний, отсюда повторное появление некоторых лиц, но при возвращении к ним мемуарист обогащает ранее данные характеристики.

¹ Об о. Борисе Забавине см. далее.

ный крупным диаконским поясом, борода подстрижена. Улыбается. «Отец Максим Михайлов», — радостно шепчет народ. Отец Максим слезает с козел, подает руку... и вот из коляски поднимается Патриарх Тихон. От него исходит необычайное сияние, как от солнышка, которое светит сегодня с утра. Опираясь на посох, Патриарх идет к дверям храма, его встречает трезвон колоколов, староста храма Ольга Гавриловна преподносит хлеб-соль. Патриарх седой, стройный, а глаза! Таких добрых глаз я еще никогда не видел. <...>

Я был еще очень мал, чтобы присутствовать в переполненном храме на богослужении. В дверях паперти меня все же несколько раз высоко подняли над головами молящихся, и я видел, как облачали Патриарха, как он благословил народ, а значит, и меня, тогда только вступавшего в жизнь.

Через много лет я присутствовал на прославлении Патриарха Тихона в Донском монастыре. Когда сонм архиереев и духовенства возгласил: «Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас!» — я не мог сдержать слез, вспоминая уничтоженный Неопалимовский храм с его великолепным паникадиллом, иконостасом и колоколами, трагическую судьбу его священнослужителей — протоиерея Сергия Успенского, расстрелянного в Бутове, и протодиакона Георгия Хохлова, расстрелянного в Можайске. Но это были и слезы радости и молитвы за них, за отцов Бориса и Димитрия, за моих родителей и всех прихожан этого храма, которых я в детстве знал. Они не дожили до радостного события — канонизации Патриарха Тихона, но я свято верю, что они невидимо стояли тогда в Донском монастыре и вместе со всеми нами пели тропарь святителю-исповеднику.

Храм «Неопалимой Купины» был храмом моего раннего детства.

Храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Бережках

Протоиерей отец Василий Доронкин, настоятель храма, был благочинным Пречистенского сорока еще с начала 1920-х годов.

Храм был очень красив, с пятью вызолоченными главами. Стоял он напротив Киевского (в просторечии Брянского) вокзала, на левом берегу Москвы-реки. На его месте теперь многоэтажный дом амфитеатром. Основное здание Благовещенского храма построено в середине XVII века, на месте более древнего и снесенного за ветхостью. Его прихожанами были ремесленники, жители переулков «за Смоленским рынком».

С древнейших времен храм являлся подворьем Ростовских митрополитов в Москве, почему и назывались шесть переулков, идущих от храма Благовещения, Ростовскими, — 1-м, 2-м и так далее. В самом конце XVIII века, когда митрополит Димитрий Ростовский был причислен к лику святых, к храму Благовещения пристроили средних размеров трапезную с двумя приделами: в честь святителя Николая и святителя Димитрия Ростовского. Пятиярусная, украшенная вызолоченной главой колокольня храма вознеслась уже в XIX веке.

Резной пятиярусный иконостас центрального храма создан в конце XVII века, живопись икон нижнего ряда, ряда апостолов и ряда пророков выполнена в стиле

письма Симона Ушакова. Обильной резьбой были украшены и Царские врата. Иконостасы приделов искусственного белого мрамора были конца XIX века, иконы в основном также письма XIX века, кроме иконы Николая Чудотворца конца XVII века.

Службы в храме по торжественности соответствовали благочинию. Хор под руководством регента и композитора Фролова исполнял в основном произведения композиторов XIX века, а также и самого Фролова. Унисонного пения на манер староверческого не было. Часто исполнялись сольные партии: «Верую» Гречанинова, «Отче наш» Фролова или Чмелева, «Ныне отпускаеши» Строкина и Фролова. Солировал довольно часто солист ГАБТа М. В. Сказин².

Но, несмотря на хороший хор и торжественное служение отца протодиакона (имя и фамилия мне неизвестны), обладавшего статной фигурой и весьма неплохим басом, храм Благовещения и службы в нем не пользовались большим успехом у молящихся, хотя некоторые другие храмы в благочинии отца Василия были популярны на всю Москву. Причин прохладного отношения к Благовещенскому храму было, как мне представляется, две. Первая — расположение отца Василия к митрополиту Сергию (Страгородскому), будущему Патриарху, разочаровавшему своей Декларацией 1927 года и интервью 1930 года не только интеллигенцию и церковных людей среднего образования, но даже и многих малограмотных прихожан. А вторая — ортодоксальность и холодность проповедей. <...>

Храм Ржевской иконы Богоматери у Пречистенских ворот

Храм находился на Гоголевском бульваре, рядом с особняком правления Общества художников — закрыт в начале 1929 года, на его месте был построен многоэтажный дом № 8. <...>

После революции 1917 года многие интеллигенты обратились к Церкви, в храмы стали ходить и бывшие «левые» профессора, и даже эсеры. Верующими оставались многие ремесленники, бывшие коммерсанты, промышленные рабочие, дворники (тогда еще не татары) и домашние работницы, позже наводнившие Москву из начинающей голодать деревни. С началом войны 1914 года появились беженцы с запада России, довольно много среди них было и духовенства.

Они-то и принесли в Москву ряд особенностей в совершении богослужений. Новшества были крайне неодобрительно встречены москвичами, особенно прихожанами из бывшего купечества и ремесленников, а также немногочисленной дореволюционной интеллигенции, помнящей синодальные заветы времен Победоносцева. «Западники» принесли в храмы театр, говорили они: священник не должен вносить чувства в богослужение, не должен быть артистичным, возгласы должны быть четкими, но отрешенными и бесстрастными. Петь — дело протодиаконов, и то очень немногих. Диаконы же должны делать упор не на силу голоса,

² Михаил Владимирович Сказин — оперный певец, выпускник Московской консерватории, в 1933—1959 годах солист Большого театра.

а на простоту и четкость в дикции. В хорах не нужны сольные партии — они отвлекают от молитвы.

В благочинии начались споры.

1. В субботу на утрени «западники» стали выносить Евангелие на середину храма (часто это делал настоятель, а иногда и два сослужащих ему протоиерея) и класть на аналой, затем диакон брал его с аналая и произносил «прокимен», держа Евангелие перед предстоятелем, который его читал. Далее прикладывались к иконе Воскресения и к святому Евангелию.

Ортодоксы считали это неверным: по их мнению, Евангелие полагалось читать в алтаре. Только в двунадесятые и престольные праздники служили соборно, в субботу это почиталось чуть ли не за грех. В приходы, где выносилось Евангелие (что бывает теперь даже во многих селах — обряд укрепился), прихожане-ортодоксы перестали ходить. Помазание производилось только по двунадесятым праздникам и ортодоксами, и западниками.

2. Лучше никаких проповедей.

3. Вынос Плащаницы в предпразднество Успения грешен: никаких плащаниц и погребений, кроме Иисуса Христа, быть не может — это влияние католиков!

4. Общая исповедь — величайший грех.

5. Призыв к общему поднятию верб со свечами в Вербное воскресенье для освящения не нужен.

6. Гробы с усопшими вне зависимости от количества молящихся, величины храма и количества покойников обязательно должны стоять в главном храме или приделе, но обязательно там, где идет Литургия; там же совершается и отпевание.

7. Крещение младенцев обязательно должно происходить в храме — никаких крестилок, никакого подогрева воды.

8. Миряне в алтарь и к участию в церковных службах не допускаются, за исключением участия в крестных ходах.

9. Чтение Апостола, канона, шестопсалмия исполняет псаломщик, который в те годы был в каждом храме благочиния.

10. Чтение Апостола не может исполнять мирянин, участник хора и т. д.

11. Чтение женщинами Апостола и т. д. и вообще участие женщин в богослужении крайне осуждалось.

12. Алтарником должен быть мужчина, женщины могли быть лишь посвященными монахинями, и то после шестидесяти лет, тогда допускались как алтарницы.

13. В ряде малых храмов Москвы, в том числе и в нашем благочинии, не было правого хора. В будние, а иногда даже в субботние и воскресные дни богослужение совершали священник, диакон и псаломщик, поющий на разные лады в зависимости от слуха и голоса. Иногда пел так, что, как говорится, хоть святых выноси! Говорили: нечего мирянам в два хора на все лады распевать, это западничество, это не дело!

14. Староста должен во время богослужений быть за правым ящиком, а также возглавлять тарелочный сбор.

15. Уважались только священники, носившие длинные волосы и бороды и нигде не появляющиеся в штатской одежде. Этот вопрос также всегда дебатировался даже в нашей семье.

16. Особое возмущение вызывало у ретивых москвичей служение литургии при открытых Царских вратах настоятелем храма Успения на Могильцах отцом Георгием Чинновым (об этом я напишу особо).

Настоятели-«беженцы» в Пречистенском благочинии возглавляли следующие приходы:

1. Покрова в Левшине — отец Стефан Волконович.

2. Успения на Могильцах — отец Георгий Чиннов, беженец с юга.

3. Святой Троицы на Арбате — отец Николай Карпович, бывший священник военного ведомства в Польше.

Всего трое на сорок храмов.

Но они невольно смутили московское Пречистенское благочиние. В престольные праздники в этих храмах отец Василий Доронкин не присутствовал. Из архиереев, служивших тогда в Москве, в «западные» приходы чаще всего приглашался архиепископ Вассиан (Пятницкий) или уральский митрополит Тихон (Оболенский). Из поющих протодиаконов, — а они делились тогда на поющих и возглашающих, — отцы Алексей Тихонов, Александр Покровский, Александр Любимов и другие, более всего пели отцы Сергей Остроумов³, Владимир Прокимнов, Николай Орфенов. <...>

Кстати, те же упреки (их я слышал даже от известного регента, отличного музыканта Н. В. Матвеева) некоторые прихожане впоследствии предъявляли и архиепископу Киприану (о. Михаилу Зернову), которого я знал с четырех лет. Владыка, когда служил, всегда проповедовал, даже после чтения канона Андрея Критского, за Литургией Преждеосвященных Даров и т. д. Я всегда ценил его службы... <...>

Храм Покрова Богоматери в Левшине

Храм Покрова в Левшине в мое детство являл собой один из образцов церковности. Во-первых, там был выдающийся на всю Москву звонарь. Его необычайный звон до сих пор звучит во мне, такого ангельского трезвона я не слышал нигде.

Во-вторых, в храме Покрова был замечательный хор, но я его не слышал — не успел: мне было восемь лет, когда храм закрыли. О службах в храме Покрова в Левшине я много слышал впоследствии. В хоре пели и солировали популярные тогда артисты Московского театра оперетты — М. Качалов, Т. Бах⁴ и другие, что дало впоследствии возможность диакону храма и моему хорошему знакомому

³ Вероятно, имеется в виду о. Николай Остроумов (см. о нем в разделе «Диаконы»).

⁴ Татьяна Яковлевна Бах, Михаил Арсеньевич Качалов — очень известные в свое время артисты оперетты.

А. В. Сорокину, не сняв сана, тайно работать в хоре этого театра. Вернулся он к служению только в 1947 году.

Настоятелем храма был беженец из Варшавы митрофорный протоиерей Стефан Волконович. А отец Анатолий Сорокин был женат на одной из его дочерей. Отца Стефана я видел служащим уже на Остоженке, в храме Воскресения Словоущего, куда перешел Покровский приход. Запомнилось его красивое, с правильными чертами лицо, каштановые подстриженные волосы, карие, необыкновенно добрые глаза и улыбка.

Праздник Покрова 1931 года. Приглашен на служение протодиакон Николай Орфенов, обладатель красивейшего баритона. И сейчас звучит в ушах редко исполняемое Многолетие с бесчисленными восьмушками, как бы колоратурное: «...дорогому отцу настоятелю», — и весь как бы светящийся добротой, улыбающийся отец Стефан, а в хоре — неповторимого тембра голос М. А. Качалова: «Многая лета...» Да, таких служб уже нет.

И, быть может, не в оперетте, а именно здесь испытывал известный тогда певец подлинное вдохновение и истинную духовную радость.

Храм Спаса Преображения на Песках

Храм изображен на картине Поленова «Московский дворик». <...> В этот храм после закрытия Неопалимовского перешел мамин любимый духовник отец Сергей Успенский⁵. <...>

В этом храме в девять лет я встретил свою первую Пасху. До этого на Пасху ночью меня не брали, а встречал я праздник за Литургией на второй день, как и многие дети. Старшим диаконом был человек средних лет, не обладавший сколько-нибудь выдающимся голосом. Правый хор был из слепых⁶, моим родителям и мне он очень не нравился, и меня даже пугали их гримасы при пении. Вторым диаконом служил наш Неопалимовский Георгий Павлович Хохлов.

Но в 1929—1930 они с отцом Сергием Успенским обычно служили раннюю обедню, а мы с мамой бывали за поздней, и службой мама часто бывала недовольна. Она и отец ходили в этот храм в основном потому, что здесь не поминали митрополита Сергия и «власть Советов». <...>

Мой дядя — отец Валентин Свенцицкий тогда еще не был в общении с митрополитом Сергием (Страгородским), сестра Милица также была убежденной иосифлянкой и ходила в храм Николы Большой Крест. С той всенощной, где Владыке Варфоломею (Ремову) сослужили отец Сергей Успенский и протодиакон Михаил Холмогоров и Георгий Хохлов, мои родители ушли и увели меня.

Так я с детства был подключен к церковным разногласиям.

⁵ Новомученик о. Сергей Успенский многократно изображен в этюдах П. Д. Корина к картине «Уходящая Русь», о чем далее пишет и автор.

⁶ См. об этом хоре в Хронике и других материалах.

Храм Власия в Старой Конюшенной

Во времена моего детства храм был крайне мало посещаем. Очевидно, причина тому — соседство с храмом Успения на Могильцах, куда даже и в обычную субботу собиралось множество молящихся, так как выдающийся проповедник отец Георгий Чиннов вел еженедельные беседы после всенощного бдения. Часто приходило на беседы и духовенство соседних храмов. Также привлекал и знаменитый хор под руководством сначала А. В. Свешникова, затем Локтева и Осипова. Солисткой была жена Осипова, народная артистка РСФСР Кемарская.

Симпатичному протоиерею Владимиру и пожилому диакону с «гнусовиной», как говорили некоторые из интеллигентных прихожан, да очень скромному правому хору было не до соперничества с Успенским приходом. <...>

Храм иконы Богоматери «Неопалимая Купина»

Древний белый однокупольный храм, построенный стремянным конюхом Колошиным в конце XVII века, внешне строгий, со звонницей и трапезной XVIII века, с увенчанными вызолоченными куполами приделами св. Димитрия, митрополита Ростовского (левым), и евангелиста Марка (правым, небольшим), украшал окружающую местность Девичьего поля. Храм моего раннего детства. Теперь давно осталось одно название: Неопалимовский переулок.

В сентябре 1929 года закрыли и очень быстро снесли, воздвигнув на его месте кооперативный дом. Внутреннее убранство храма было роскошным. Центральный храм имел великолепный иконостас, сохранившийся с конца XVII века, с древними иконами, иконописью, напоминавшими Симона Ушакова. Солея была высокой, в четыре ступени. На ней находилась латунная решетчатая ограда. Я, мальчиком, смотря вверх, любовался пятиярусным иконостасом, который освещался из четырех боковых окон солнечными лучами.

Царские врата были невысоки, но прекрасной древней резьбы. Наверху в проемах между окнами по московской традиции были живописные изображения четырех митрополитов — святителей Петра, Алексия, Филиппа и Ионы.

Особо чтимой была древняя икона «Неопалимая Купина» XV века, перенесенная из предыдущего деревянного здания храма. Находилась она в правой стороне главного иконостаса, который венчало Распятие. Древними были и иконы двенадцатых праздников в иконостасе. В главном храме было еще несколько икон письма XIX века, причем, очевидно, известных иконописцев, так как одна из них, очень редкая, святого Павла Фивейского, стоявшая у левой стены, сразу после закрытия храма была взята в Третьяковскую галерею и не отдана причту.

В благочинии это был храм дореволюционной интеллигенции, которая во многом не приняла новшеств беженцев и по своим установкам, сугубо старомосковским, как бы противостояла приходам Покрова в Левшине и Успения на Могильцах, а также ремесленно-рабочему «демосу» приходов «Знамения» в Зубове, Троицы на Пречистенке и Благовещения на Бережках (остальные мало

посещались). Среди почетных прихожан храма были бывший московский губернатор и товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский, представительный стройный человек, обладатель огромной седой бороды, что было тогда редкостью; архитектор А. Ф. Мейснер с супругой, профессор [медицины] П. А. Минаков с семьей: с женой, урожденной Абрикосовой и детьми — будущим профессором А. П. Минаковым и дочерью [Любовью], впоследствии монахиней; семьи князей Шириных-Шихматовых, дворян Зеленецких, Мясоедовых, Асафовых; известный профессор [Д. А.] Головин, бывший член Союза русского народа, с супругой; бывший министр финансов правительства Павла Скоропадского Александр Клементьевич Кривцов с супругой Марией Антоновной; Зинаида Дмитриевна Кончаловская, подруга моей сестры, дочь Дмитрия Петровича Кончаловского, историка, родного брата известных врача и художника Кончаловских⁷.

Многие из вышеуказанных лиц были друзьями нашей семьи, и по странным причинам почти никто из них не оказался в ГУЛАГе, а все умерли естественной смертью. Такой был в этом приходе оазис. Довершали список арбатские старушки — обитательницы дома для престарелых профессорских жен, который находился в 3-м Неопалимовском переулке и ныне не существует.

Среди женщин в храме одни шляпки, ни одного платка. Таков был приход.

В моем детстве настоятелем храма был отец Борис⁸, а ключарем отец Сергей Успенский, очень популярный у прихожан священник, обладатель красивого баритона, «московский ортодокс», но служивший вдохновенно и громко (возгласы его до сих пор слышу). Он был племянником известного епископа Порфирия (Успенского) и сыном сельского протоиерея отца Михаила из-под Можайска.

Семья Успенских и раньше служила в Неопалимовском храме. Настоятелем до отца Бориса был разбитый параличом (его возили на коляске) отец Димитрий Ильич Успенский. Его оба сына были хористами Большого театра, а Д. Д. Успенский иногда читал Апостол. Бас у него был могучий.

Несмотря на отсутствие в храме проповедников, службы пользовались большой популярностью. Молитвенное настроение особенно создавали отец Сергей и тогда еще диакон Георгий Павлович Хохлов. Он не обладал певческим голосом, но его служение производило сильное впечатление. Стройный брюнет, интеллигент-дворянин, он служил очень молитвенно, и искренний пафос его, что бывает очень редко и у артистов, захватывал пребывающих в храме, и не молиться было нельзя. Даже обычное Трисвятое он читал необычайно вдохновенно.

Ему выпало на долю много испытаний. В 1927, играя на даче в Расторгуеве, племянник из старого ржавого пистолета застрелил единственного сына Георгия Павловича Диму. Было ему 13 лет. И отец Сергей Успенский (его портрет создал Корин

⁷ То есть профессора Максима Петровича и живописца Петра Петровича Кончаловских.

⁸ Протоиерей Борис Иванович Забавин, выпускник МДА, в 1920-х дважды отбывал заключение в Соловках.

в своей знаменитой картине «Русь Уходящая»), и Георгий Павлович Хохлов — оба погибли в ГУЛАГе: первый — расстрелян в Бутове, второго большевики долго гнали разутого по снегу, потом расстреляли.

Блаженные отцы новомученики, пресвитере Сергие и протодиаконе Георгие, молитесь Бога о нас!

Прихожанами храма была и вся семья Хохловых — жена покойного певца, брат Георгия Алексей Павлович Хохлов и другие. В нем мальчиками-алтарниками прислуживали братья Голубцовы: будущий протоиерей Николай и Владыка Сергей. Правый хор по тем временам был средним, но неплохим, одно время, когда регентом стал К. С. Алексеев, а солисткой — его жена З. В. Алексеева, прелестное сопрано, хор сильно улучшился. В переднем храме у левой и правой стены были откидные места, что редко в московских храмах. Эти места в основном занимали пенсионерки из благотворительного дома профессорских жен. Лица многих из них я помню.

С необычайным медным позолоченным огромным паникадиллом по богатству можно, пожалуй, сравнить только роскошный дар Рябушинского [Покровскому] собору Рогожского кладбища.

Но вот настали дни расставания. В 1927 был выслан настоятель отец Борис, культурный священник лет шестидесяти, очень скромный: когда бывал у нас на четвергах, чаще всего молчал. Его дочь Анастасия Борисовна — пианистка — занималась с моей сестрой музыкой у нас на дому. Обе матушки — и отца Бориса, и отца Сергия — были культурными, закончили московские гимназии, первые классы в епархиальном училище и внешне ничем не отличались от арбатских дам. Отца Бориса сослали в Тверь. Там он и скончался.

В августе 1929 Неопалимовский храм закрыли. Свой вклад внесли и студенты Зоотехнического института своим «постановлением»: рядом была их столовая, и колокольный звон раздражал комсомольцев, когда они обедали! <...>

Храм Успения Божией Матери на Могильцах

Это второй храм моего детства. В нем я впервые испытал особые чувства при служении незабвенного митрофорного протоиерея Георгия Николаевича Чиннова.

Впервые меня привели в этот храм осенью 1929 на всенощную в субботу, когда мне было восемь лет. Здесь все было иначе, чем в Неопалимовском. Множество молящихся — даже в простую субботу — поразило меня. Царские двери раскрылись: «Хвалите имя Господне...»

Мы пришли с матерью к середине всенощной. А где же поют? Хор заполняет все здание, и мне кажется, что я попал в рай... Хор пел на хорах. Регентовал знаменитый Локтев, но об этом я узнал после. «Хор поет у купола, наверху», — сказала мама.

А из алтаря, высоко подняв Евангелие, выходили два протоиерея в камилавках — рыжеватый блондин отец Петр и впервые увиденный мной в облачении отец Николай Карпович. А за ними, как бы задумавшись о суете окружающей жиз-

ни, шел священник в митре, чем-то похожий на святителя Николая Чудотворца и философа Сократа, статую которого я уже знал по гравюре. Мудрые глаза под седыми броскими бровями... он не смотрел на нас, но, казалось, все видел.

Протоиерей Толстой⁹ взял положенное протоиереями Евангелие с аналоя и красивым певческим голосом возгласил прокимен. Затем я услышал очень высокий, неповторимый голос Чиннова, почти дискант, но слышал я каждое слово, каждую букву. Я сразу увидел другое духовенство, у них не было пышных длинных волос и бород москвичей, но из подрясников виднелись белоснежные крахмальные воротнички. Это были «западники», как их называли. Не было ни пафоса, ни отстраненности возгласов, но все звучало предельно интеллигентно, другого слова не найдешь. Таков был и сам храм Успения, построенный архитектором Леграном в 1799 году. <...>

Храм имел два придела: левый — во имя святителя Спиридона Тримифунтского, и правый — во имя святителя Николая Мирликийского. Подготовлены были

⁹ Сергей Сергеевич Толстой, сын Сергея Львовича Толстого. См. о нем в воспоминаниях Е. В. Тутуновой, относящихся к тому же времени:

Наш дом [в Б. Левшинском переулке] был старый, без центрального отопления, во всех комнатах стояли «голландки». В нижних парадных комнатах с высокими потолками они были облицованы белым кафелем, а в других — темно-зеленым. Окна выходили в сад, обнесенный красивым забором. В нашем особняке жило несколько семей. Внизу в парадных комнатах — Сергей Львович Толстой, старший сын Льва Николаевича, с женой и сыном Сергеем Сергеевичем. Потом — начальница гимназии Надежда Петровна Щепотьева и Марианна Сергеевна Рачинская. Как теперь говорят, это все были «бывшие люди».

Сергея Львовича Толстого я помню плохо. Он хорошо играл на рояле, а его жена Мария Николаевна приносила нам яблоки из Ясной Поляны. Потом они переехали на Арбат, в дом, который построили на месте храма Николы в Плотниках. Вместо них стал жить Сергей Сергеевич Толстой с женой Верой Хрисанфовой.

Какие это были замечательные люди, и как они нам помогали! Когда началась война и был арестован наш отец, у нас не было денег. Они приносили нам овощи, которые сажали в усадьбе Толстых в Теплом переулке, по вечерам звали нашу *Maman* к себе на ужин. Они прикрепили (ой, дети, как хорошо, что вы всего этого не знаете!) нашу продовольственную карточку между своими, и нам удавалось получать продукты в «научном магазине», где давали масло или еще что-то дефицитное.

Сергей Сергеевич занимался с нами Законом Божиим, и я до сих пор помню, как он объяснял, что такое Троица, что такое тропарь. Он раньше служил диаконом у митрополита Трифона (Туркестанова). В службе есть слова «граду и храму», а он был картавый и говорил «гаду и хаму», и митрополит Трифон смеялся: «Никто меня не ругает так, как граф Толстой». Потом Сергей Сергеевич снял сан и женился второй раз. Во время войны наши занятия *Maman* прекратила. В нашем храме Илии Обыденного стали собирать деньги на танковую колонну имени Димитрия Донского, и Сергей Сергеевич не мог вынести, что в церкви собирают деньги на убийство. Он перестал ходить в храм, а потом вообще перешел к старообрядцам (которые тоже собирали, между прочим).

(Цит. по: Никифорова Александра. О тех, кто жил не по лжи. Сайт «Татьянин день»: <http://www.taday.ru/text/1174442.html>)

также слева и справа в центральном храме ниши для создания в них приделов, но «великая» революция помешала. <...>

Особое впечатление произвела на меня увиденная мной впервые Литургия в Успенском храме, было это в одно из воскресений в 1930 году. До этого ничего подобного я не видел.

Протоиерей Толстой уже не служил, а служил протоиерей Александр Васильевич Покровский, перешедший из закрытого храма Воздвижения, обладатель звучного баритона большой силы: «Двери, двери...» — возгласил он. И вдруг — что это? Вихрем раскрылись Царские врата. «Премудростию вонем», — продолжал протоиерей, отец Георгий высоко воздел руки над Чашей у престола, а хор громко и властно наполнил храм: «Верую!» Возгласы отца Георгия Чиннова, четкие, вдохновенные, властные, до сих пор звучат во мне.

Уже взрослым я узнал, что это — песнопение композитора Архангельского. <...>

Гром грянул 12 июля 1932. Храм закрыли, осквернили.

На день Петра и Павла отец Георгий отслужил последнюю Литургию. Прихожане рыдали, плакал и отец Георгий... Судьба служивших в храме отца Петра и уже пожилого протоиерея Димитрия Боголепова мне неизвестна.

До сих пор в здании храма Успения на Могильцах находится Московское монтажное управление, до сих пор висит над алтарной аркой портрет Владимира Ильича...¹⁰ Но я верю, что скоро настанет день, когда я приду в Успенский храм и скажу: «Которые тут временные, слазь! Кончилось ваше время!» Верю, что доживу до дня, когда сорвут со стены портрет дьявола, храм освятят и снова с хоров прозвучит «Верую!» С нами Бог, да поможет нам Христос!¹¹

Но кто заменит настоятеля отца Георгия Чиннова и регента Локтева? Протоиереи Александра Покровского и Димитрия Боголепова? Старосту Ивана Владимировича Бузникова и алтарника Василия Константиновича Рукавишникова, сына «почетного старосты» — московского городского головы Константина Васильевича Рукавишникова?

Дополнение к храму Успения на Могильцах

Отпраздновав столетие храма в 1899 году, в нем продолжал служить его многолетний настоятель протоиерей Феодор Мартынович Ловцов. Его дом и хозяйственные постройки находились напротив храма, где теперь сквер, а когда-то было кладбище. Диаконское служение осуществлял протоиерей Димитрий Петрович Боголепов. Отец Феодор продолжал служение и после революции. По рассказам заставших его прихожан, был он кротким, тихим и очень доброжелательным священником. После каждой литургии он в любую погоду шел пешком к Воскресенским воротам Кремля в Иверскую часовню и прикладывался к чудотворной иконе

¹⁰ Ныне в храме идут регулярные богослужения.

¹¹ Вера автора воспоминаний оправдалась: в последние годы жизни он принял участие в восстановлении своего любимого храма.

Иверской Богоматери. Затем, также пешком, возвращался в свой домик и только тогда принимал пищу. Мне неизвестна дата кончины отца Феодора Ловцова, но почему-то кажется, что я его видел. Я жил с 1923 в доме № 19а/12 по Большому Левшинскому переулку. В моей детской памяти остался образ старика-священника, похожего на преподобного Серафима Саровского, который медленно проходил иногда по нашему переулку. Был ли это отец Феодор? Утверждать не могу, так как многие прихожане говорили мне впоследствии, что он скончался в 1919¹². Тогда, конечно, я видеть его не мог.

Прихожанка Александра Алексеевна Прилуцкая (1904—1998) принимала участие в созданном в 1920-е при храме сестричестве. Его возглавлял настоятель храма с 1919 — митрофорный протоиерей Георгий Николаевич Чиннов (1873—1935). Александра Алексеевна часто читала Шестопсалмие. Я в детстве восхищался ее великолепным чтением, ее голос (контральто) был слышен в самых отдаленных уголках храма. Мне было 8 лет... Я близко стоял к аналою, за которым читала А. А. Прилуцкая. Из алтаря неожиданно вышел отец Георгий в епитрахили и тихо, но очень строго сказал: «Александра! Ты мне здесь монастырь не устраивай. У нас приходской храм. Чтение должно быть медленным, ясным и понятным молящимся, да-да, каждое слово! Иначе оно формально и ни к чему!» Отец Георгий не любил «монотона» в церковном чтении и пении и боролся с ним. Александра Алексеевна сразу зачитала по-другому — вдохновенно и выразительно. Она, как и ее мать и сестра Надежда, была духовной дочерью отца Георгия. Их отец, диакон Алексей Прилуцкий, скончался молодым в 1920 от «испанки». Семья жила в старинном особняке, на углу Денежного и Большого Левшинского переулков, на первом этаже. В этом же доме в 1925—1926 я «учился» в частном детском саду, которым руководила незабвенная для меня Евгения Александровна Поппель и ее двоюродная сестра Ася (Аня). Обе они были глубоко верующими и посещали наш Успенский храм.

Отец Георгий Чиннов происходил из потомственной священнической семьи. Его отец, протоиерей Николай Чиннов, долгие годы был настоятелем Мелитопольского собора (взорван в конце 1920-х). Отец Георгий окончил Казанскую Духовную академию, где его непосредственным учителем и наставником был отец Мелхиседек [Паевский], впоследствии архиепископ Красноярский. В годы нэпа Мелхиседек часто служил в храме Успения. Все пять братьев отца Георгия были священниками. <...>

С приходом отца Георгия Чиннова храм Успения на Могильцах становится одним из самых посещаемых храмов Москвы. Создается великолепный партесный хор, которым во время нэпа руководит тогда еще молодой регент, впоследствии «покрасневший» Александр Васильевич Свешников. Пела и солировала в хоре жена Свешникова — Оксана. Кстати и А. В. Александров, и Н. С. Голованов также были известными в Москве регентами. Свешникова сменил Локтев, затем Осипов, солисткой хора была его супруга — певица-сопрано Кемарская. По праздникам

¹² Этот священник действительно скончался в 1919.

в храме часто служил маститый московский протоиерей, великолепный певец и музыкант Михаил Кузьмич Холмогоров. На субботние беседы отца Георгия приходило много духовенства. Одним из частых посетителей был протоиерей Георгий Павлович Хохлов. Постоянной прихожанкой была С. К. Исполатова-Суховецкая, известная художница своего времени. Посещали храм и жившие поблизости Андрей Белый и Михаил Васильевич Нестеров. В 1919 в храме венчались родители Андрея Дмитриевича Сахарова — Дмитрий Иванович и Екатерина Алексеевна, постоянной прихожанкой и почитательницей отца Георгия была бабушка Андрея Дмитриевича (кажется, Вера Ивановна). Я знал семью Сахаровых с 1924 и всех отлично помню.

Храм Илии Пророка «Обыденного»

В одну из январских суббот 1933 мы с мамой впервые пришли в Обыденский храм. <...>

Прекрасное впечатление произвел настоятель храма и его единственный тогда священник митрофорный протоиерей отец Виталий Лукашевич, стройный, очень красивый седой священник. Когда он служил, то казалось, что весь светился доброй улыбкой. Его прекрасный, звучный, музыкальный тенор наполнял весь храм. Голос отца Виталия всю жизнь звучит в моем сердце. <...> Погиб отец Виталий Лукашевич в Уссурийских лагерях в 1938 году.

Постоянного диакона в храме тогда не было. Часто служил приглашенный из храма Св. Троицы (Св. Сергия) у Андроньевской площади второй протоиерей с хорошим высоким баритоном. Имени и фамилии его я не знаю. <...>

В тот день правый хор пел скромно, левого не было. <...>

В октябре 1934 года по указу митрополита Сергия (Страгородского) были «упорядочены» московские церковные штаты. Установлено: настоятель и один священник — один диакон. Все остальные были отправлены «просвещать» села, как всегда при большевиках, формулировка циничная, но поддержанная верховным церковным руководством.

К октябрю 1934 года в Обыденском храме было четыре священника, кроме вышеупомянутых — отец Николай Троицкий из храма св. Антипы (настоятель) и отец Сергей из Успенского, а также три диакона: кроме отца Александра Покровского — протоиерей из Антиповского (низкий бас) и уже упомянутый мною диакон из Успенского. <...>

С назначением в 1938 году отца Александра Толгского настоятелем Обыденского храма началось как бы новое рождение прихода.

Храм Николая Чудотворца в Хамовниках

Храм этот никогда не закрывался, и примечательно, что в нем бесценно настоятельствовавший единственный в Москве священник, который никуда не переводился и никогда не был репрессирован, — отец Павел Лепехин (1880—1960). Карие

большие глаза его всегда светились добротой. Это был тихий, застенчивый, интеллигентный батюшка. Прихожане любили его. У него был небольшой тенорок, но служил отец Павел четко и осмысленно, некоторые годы один, без диакона. После войны в храме был создан великолепный партесный хор (регент Василий Алексеевич Александров)...

Село Белоомут (Нижний Новгород), 1934

Село Белоомут больше походило на небольшой город. Оно делилось на северную и восточную части. В каждой части было два храма: центральный и кладбищенский. У центральных храмов были здания прогимназий и базарные площади. Село стоит на левом берегу Оки, за селом — лес знаменитой рязанской Мещеры. Я, видевший сибирскую тайгу, не один раз проехавший в гастролях по трассе Сусуман — Магадан, видевший и дальневосточную тайгу, пожалуй, не сравню их всех вместе с рязанской Мещерой. Высочайшие вековые сосны, небольшие речки — притоки Оки, особенно красив так называемый мох-плавун. Если идти по лесным тропам от Белоомута, то придешь в село Радово, которое воспел С. Есенин в поэме «Анна Снегина». А дальше — Криуша, Спас-Деменск... И увидишь на правом высоком берегу Оки село Константиново и вновь воздвигнутую колокольню храма, но уже не «без креста», как у С. Есенина¹³, а увенчанную вызолоченным крестом.

В Белоомуте мы снимали комнату у двоюродных сестер московского протодиакона отца Николая Орфенова. Обе сестры были уже в годах, по профессии педагогами, но на пенсии. Я много с ними беседовал, особенно с Екатериной Ивановной. Она почти шепотом, чтобы соседи не услышали, рассказала, что напротив домика, где мы жили, там, где теперь небольшие кустики и осталась куча камней, еще недавно стоял храм, был он даже богаче, чем храм в северной части села. Правда, колокольня была пониже. Вспоминали сестры, как молодыми пели в церковных хорах, солировали даже в «Разбойника благоразумнаго». Но обо всем «этом» и об отце священнике рассказывали они шепотом...

1934 год, «новая жизнь» была «в полном действии». Конечно, в храмах я бывал с мамой каждое воскресенье и по праздникам. Памятна мне служба в северном храме Белоомута. Храм по убранству был роскошным. Пятиярусный иконостас главного храма, иконостасы приделов блистали позолотой и изящной резьбой. Особенно красива была в центральном храме резная ниша над святой Плащаницей. Храм смело мог конкурировать с лучшими храмами губернских городов. Вот какими нередко были и сельские храмы! И каковы были жертвователи! Россия, Россия, какие силы, какие народы тебя уничтожили? Пожалуй, подобного не сделал и Батый — коммунисты превзошли по разрушениям всех тех, кто пытался разрушить Россию «огнем и мечом».

В храме служил один священник — архимандрит Иннокентий, тогда еще молодой. Говорят, что впоследствии он был епископом. Судьба его мне неизвестна.

¹³ Имеется в виду стихотворение «Возвращение на родину» (1924).

Служил в храме статный, седой протодиакон, обладал он красивым басом. Иногда исполнял сольные партии. Хор был большим, очень музыкальным и, как в те времена в большинстве православных храмов, партесным. Где только подбирали голоса и как не боялись петь? Ведь в те годы это было храбростью! В исполнении «Ныне отпускаеши» протодиакон уступал, пожалуй, лишь знаменитому отцу Михаилу Холмогорову. <...>

Спасск-Рязанский, 1935

Следующее знакомство со службами в церквах периферии произошло у меня летом 1935 года, когда мы всей семьей отдыхали в Спасске-Рязанском. В прежние поездки на пароходах по Оке мы всегда любовались пятиярусной колокольной громадного Спасо-Преображенского собора, построенного в самом начале XIX столетия. Теперь я был счастлив, что увижу внутреннее убранство собора и смогу молиться в нем. Семья знала, что Преображенский собор еще не закрыт. Он был взорван в 1937 году.

Плыли мы в Спасск на пароходе рейса «Москва — Уфа», который назывался типично для тех лет — «Я. М. Свердлов». В довоенное время этот рейс был очень популярен. До Уфы и обратно он продолжался 22 дня. Приплыли к 8 часам вечера. На извозчике (они тогда еще существовали) поехали в центр города, где должны были снять комнаты у врача Озерова, племянника известного тенора Большого театра Николая Николаевича Озерова, отца Николая Николаевича Озерова — известного спортивного комментатора и артиста МХАТа, с которым я в юности часто встречался. От врача Озерова я узнал, что отец певца был долгие годы священником сельского храма вблизи Оки. В те времена подобными родословными не хвастались. Отец Озерова-певца также обладал выдающимся тенором и иногда солировал с хором. «Я не могу забыть его исполнения “Разбойника благоразумного” и “Ныне отпускаеши” Рахманинова, — добавил Озеров-племянник. — В нашем городе в соборе еще служат, а кладбищенский деревянный храм уже не работает», — почти шепотом продолжал врач. Иконы в его доме висели, но как-то... за шкафчиком. Войдешь — и не видно их сразу... Вот так и жила повсюду в то время не попавшая в ГУЛАГ русская интеллигенция!

На следующее утро, в половине десятого, ударил великолепный колокол-бас. Три удара, а дальше благовест, пока к паперти храма не подойдет священник, — тогда начинается «малиновый» трезвон. Сегодня «колокольный устав» часто нарушается: три удара колокола, и сразу трезвон. Но ведь именно благовест создает особое молитвенное настроение для входящих в храм...

Были на литургии мы всей семьей: отец, мать, сестра и я. В Спасо-Преображенском соборе была огромная трапезная, с правым и левым приделами. Передний храм также был большим. Общая площадь собора не менее 1000 кв. метров. Великолепные паникадила, трехъярусные иконостасы. Живопись — академическая, XIX века, иконы также написаны в академическом стиле. Началась литургия: «Благословенно Царство...» — прозвучал голос настоятеля, как почти всегда в те

времена, — четкий и звонкий тенор. Ведь специально в семинарии и академии студентов, имеющих голос высокий, посвящали во священники, а низкий (баритон и бас) — во диаконы. И очень редко в дореволюционное время диакона посвящали во священника. Это уже из-за отсутствия кандидатов после «великой» революции стали допускаться к священству диаконы и псаломщики. Духовенство, которое я еще застал, повсеместно служило гораздо музыкальнее и осмысленнее в тексте, чем современное. <...>

Итак, в Спасском соборе началась литургия. Вышел протодиакон, в нем я узнал протодиакона храма Смоленской Богоматери, который когда-то находился в начале Плющихи в Москве (роскошный храм был закрыт в 1932, сделали в нем клуб медицинских работников, а перед войной взорвали). Затем он служил в храме Святителя Николая на Щепках до его закрытия в феврале 1935 и был в нем главным «возглашающим» протодиаконом. Кроме него в этом московском храме служили еще два протодиакона: из храма Казанской иконы Богоматери на Новинах (теперь на месте храма стоит здание Института питания)¹⁴ и отец Георгий Хохлов, сын знаменитого певца Большого театра, расстрелянный в Можайске советскими солдатами (приказ гласил: за служение без разрешения — он был в высылке «минус шесть» и служил во время немецкой оккупации в Можайске; его гнали по снегу босиком к лесной опушке и там расстреляли).

Смоленский протодиакон (не знаю его имени) служил молитвенно, музыкально и четко доносил до молящихся славянский текст, читая Евангелие за литургией. Ему было примерно лет пятьдесят. Как он оказался в Спасске, никто не знал. Настоятель был митрофорный протоиерей. Служил хорошо, возгласы его были сердечны и осмысленны, проповедовал нейтрально, только так и было возможно в те страшные годы. К сожалению, не запомнил я ни имен, ни фамилий Спасского духовенства и не знаю, как закончился их земной путь. Прихожане платили им вниманием и добротой. Вторым диаконом в соборе был еще не старый человек, как говорили, из светских интеллигентов. Тогда, в 1935, он потерял юношу сына и, конечно, очень переживал. Не оттого ли, не обладая особыми певческими данными, он служил очень молитвенно, четко, голос его наполнял весь огромный собор. Особенно запомнилось мне чтение Апостола. Отточена была каждая буква. Принятое в те времена нарастание звука, постепенно, к конечному «форте», диакон делал прекрасно, несмотря на отсутствие оперного голоса. И что очень важно в церковном служении — пела его душа, пела громко и победно.

1935 год был последним довоенным годом, когда я посещал церковные службы на периферии. Наступали годы полного разгрома Церкви в СССР.

¹⁴ Этот храм (часовня) принадлежал к давно упраздненному Новинскому монастырю (современный адрес: Новый Арбат, 34).

ПИСЬМО К ГЕННАДИЮ НЕФЕДОВУ*

Фрагменты

Автор письма — Анатолий Сергиевич Правдолюбов (1 июня 1914, Киев — 16 февраля 1981, поселок Сынтул Касимовского района Рязанской области) — протоиерей, духовный композитор и писатель, из потомственного священнического рода города Касимова Рязанской области. С 1923 пел в хоре касимовского регента Н. М. Баландина, затем штатный псаломщик Успенской церкви там же (1929—1935). С 1935 по 1940 отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения. Во время Великой Отечественной войны служил в пулеметном полку, в пехоте и был тяжело ранен при защите пушкинских мест в 1944.

21 июля 1947 рукоположен в сан диакона Вознесенской церкви города Спасска-Рязанского, 7 декабря 1947 рукоположен в сан иерея и назначен настоятелем Вознесенской церкви и благочинным Спасского округа. В 1950—1954 служил в Михайлове и Скопине. В 1954 году иерей Анатолий вновь назначен в Спасск настоятелем Вознесенской церкви и благочинным. С 21 июня 1956 — протоиерей.

С 13 июня 1958 протоиерей Анатолий определяется в поселок Сынтул Касимовского района в Покровский храм, где он и служил до своей смерти 16 февраля 1981.

Адресат письма — Геннадий Николаевич Нефедов, ныне протоиерей, благочинный Иверского округа Москвы; настоятель храма Богоявления в Китай-городе. В 1972 — студент МДА.

Октябрь—ноябрь 1972

<...> Итак, Господи, благослови. Начнем.

У меня, как говорят педагоги, ассоциативный образ мышления, он очень помогает проповеднику в импровизационных поучениях, но в писаных трудах требует неоднократного распределения материала и «перебеления». На что у меня нет ни времени, ни, пожалуй, даже и способности. Вот почему принимайте то, что сейчас вспомнится, и складывайте. Когда-нибудь то или иное пригодится.

Прежде всего начну с благодарения Богу, что Он, не допустивший меня до получения систематического общего и духовного образования по неведомым мне при-

* Труды Московской Регентско-певческой семинарии. 2000—2001. М., 2002. С. 274—335. Публикация К. А. Нефедовой.

Далее частично используются комментарии первой публикации.

чинам, не обидел меня в том, что я постепенно и как бы в неправильной, несистематической форме получил все же необходимое для пастыря развитие.

Моим наставником был отец, протоиерей Сергей Правдолюбов¹, кончивший курс обучения в Киевской Духовной академии в юбилейном (300 лет), 1915 году, со степенью кандидата богословия.

Специальностью его была апологетика, то есть, как вы и сами знаете, — защита православно-христианской веры от неверия. На этом поприще отец успешно подвизался много лет. Его знали и своеобразно уважали даже его идейные враги, нередко приезжавшие из Москвы и из Рязани и устраивавшие с ним публичные диспуты. Впрочем, такие диспуты проводились им и в первые годы его служения в Вятской (Кировской) епархии. Отец отличался большим красноречием, способностью к прекрасным вдохновенным импровизациям, постоянной проповеднической деятельностью в течение многих лет. На многих диспутах с его участием мне приходилось быть и слушать с жадным вниманием. Проповеди же его я слушал постоянно с семи до четырнадцати лет включительно. Около пятнадцати лет от роду я поступил псаломщиком к родному дедушке, протоиерею Анатолию Авдиевичу Правдолюбову, тоже проповеднику-импровизатору, и, служа, слушал его проповеди в течение шести с половиною лет².

В эти же годы у нас проповедовал мой духовник, протоиерей Михаил Сперанский, который еще лично для меня имел огромное значение как учитель духовной музыки. А еще, с какого не помню года, к нам перешел соборный причт, и мне приходилось слушать проповеди «соборного протопопа», протоиерея Леонида Саффинова, кандидата богословия. В школьные годы я летом не раз гащивал в Рязани, у тетки моей, крестной матери, там я слышал прекрасного рязанского проповедника протоиерея Александра Климентовского, а впоследствии — протоиерея Александра Рождествина, а также отца Иоанна Строева, — это тоже были проповедники и кандидаты богословия.

Внешне отец Михаил [Сперанский] несколько походил на Глинку. Он был, конечно, не настолько гениален, но все-таки был большим музыкантом. И не только музыкантом, но, что особенно драгоценно, музыкантом чисто церковным.

Были у меня два учителя церковной музыки: заочно Иосиф Павлович Верещагин, покойный муж праведной женщины Елисаветы Михайловны (монахини Агнии), подарившей мне его фисгармонию и ноты, очный — отец Михаил... <...> И вот оба они — первый — петербургский регент, второй — наш местный, но очень одаренный и, главное, церковный музыкант, один за другим были приглашены в Собор — управлять хором. <...>

¹ Сергей Анатолиевич Правдолюбов, настоятель касимовской церкви Живоначальной Троицы, в 1935—1940 находился в Соловецком лагере, с 1947 настоятель церкви в Лебедяни Рязанской (ныне Липецкой) области; священноисповедник.

² Анатолий Авдиевич Правдолюбов, настоятель касимовской Успенской церкви, благочинный округа; расстрелян в 1937, священномученик.

Отец Михаил всему городу настраивал рояли. А для Троицкой церкви по просьбе прихожан съездил на колокольный завод и подобрал по камертону прекрасных десять колоколов. Из них в самом большом было 438 пудов 32 фунта, то есть больше семи тонн. <...> А остальные колокола о. Михаил подбирал к главному, чтобы составить из десяти колоколов аккорд. Звон был дивный, но все эти колокола разбиты якобы на трактор, но тракторов из хрупкой колокольной бронзы не получилось.

Мы с ним в Успенской, а затем в Благовещенской церкви долго пели Великим постом «Да исправится» и некоторые умильные песнопения трио — на Страстной. Я вторил ему, а третьим голосом пел диакон (впоследствии протоиерей) Сергей Хонаков (он умер в ноябре 1979 года). Необыкновенно хорошо получалось у отца Михаила и Хонакова с уставщицей монастыря монахиней Валерией исполнение «Разбойника» Воротникова. Монахиня была замечательная певица и в свое время изучала скрипичную игру. <...>

Когда было какое большое празднество или похороны почившего священника, три протоиерея становились вместе (с согласия предстоятеля) и пели и организовывали пение всего собора духовенства. Это были: протоиерей Михаил Сперанский, протоиерей Григорий Отрадин и дед мой по матери — протоиерей Димитрий Федотьев, тоже отличный певец, в отрочестве певший солистом-дискантом в семинарском хоре. <...>

Когда Сперанские, бабушка и матушка, были молоды, они прекрасно пели с моим дедом в Кладбищенской церкви. У матушки был дискант, воспитанный в Рязанском епархиальном училище, и она пела как соловей. Я застал закат ее голоса. Уже чувствовалось нечто грустное, увядающее, но еще достаточно благозвучное³.

Особенное же впечатление произвел на меня в Рязани архиепископ Иувеналий (Масловский). Он жил в убогом домике на окраине города весьма просто и иногда принимал меня у себя в садике, даже сажал рядом с собой. Этот величественный архипастырь нами, детьми обоего пола, был любим, я бы сказал, даже чрезмерно. Будучи княжеского происхождения, он сиял и красотой лучших наших древних князей⁴. Это был удивительный знаток Устава, не только нашего, но и многих других, весьма успешный устроитель благолепия богослужбного, окруживший себя ангелоподобными, молодыми и строгими священноиноками, которые обладали прекрасными голосами и дивной способностью к какому-то почти идеальному певческому ансамблю.

Келейник его, игумен Евгений (Анохин), был прекрасный канонарх. Я удивлялся на то, как он ловко справлялся и со своими чисто келейническими обязанностями,

³ Здесь и далее шрифтом выделены дополнения по публикации: *Протоиерей Анатолий Правдолюбов*. Из воспоминаний о регентах и церковных хорах. Из Дневника 1977 года (Труды Московской Регентско-певческой семинарии. Вып. 1. М., 2000).

⁴ Иувеналий (Евгений Александрович Масловский), архиепископ Рязанский и Шацкий с 1928, знаменитый литургист; с 1936 в Сиблаге, в 1937 расстрелян; священномученик.

как, например, выводил восковые пятна бензином с прекрасного шелково-бархатного с золотой гладью фиолетового облачения владыки. Работает, а сам что-нибудь скажет, да скажет душеполезное (разумеется, в отсутствие архиерея). Однажды мы были у него с владыкой Георгием (Садковским, о нем речь, если Господь позволит, будет ниже)⁵. Смотрим, на стуле у него висят огромные, тяжелейшие четки из черного дерева, каждое зерно чуть ли не с грецкий орех. Мы похвалили их, а отец Евгений с хмурым видом говорит: «Что это за четки, ими только по голове дупить».

Я по юношескому обыкновению посмеялся на эти слова, а потом мне владыка Георгий говорит: «Что ты смеялся? Он, наверное, и вправду ими по голове себя дупит. Люди Божии нередко себя так наказуют за свои какие-нибудь душевные промахи». Тут мне стало и страшно, и почувствовал я особое уважение к маленькому, щупленькому, но строгому и в то же время простому отцу Евгению. Он подарил мне тогда толкование на Деяния и Послания Блаженного Феофилакта Болгарского с надписью: «Милому юноше Анатолию с пожеланием возмозгать о Господе. Недостойный чернец Евгений».

Нередко служил тогда в Рязани благостный архипастырь, весь белый, с огромной бородою — бывший архидиакон Александро-Невской Лавры (если не изменяет память) — епископ Скопинский Авраамий⁶. Когда он благословлял или помазывал освященным елеем, то несколько варьировал благословляющие слова, каждому говоря, очевидно, то, что ему больше подходит. Мне он говорил: «Просвети, Господи, и умудри». У него был прекрасный голос — бас, но еще прекраснее, видимо, было его духовное устроение, что сказалось в одном исключительном событии, рассказанном мне скопинцами впоследствии, когда я служил у них три года. Был какой-то большой праздник. Владыка стоял на кафедре, по обеим сторонам которой предстояло духовенство. Внезапно налетела грозовая туча, и ударила в церковный купол молния. Она прошла в землю через люстру и через стоявшего близ люстры батюшку, расплавив на нем крест и разорвав сапог на одной ноге. Батюшка был убит молнией мгновенно, а весь остальной сонм упал на землю и лежал без сознания несколько минут. Когда очнулись все, владыка Авраамий сказал неожиданно для многих следующее: «Один лишь наш собрат был вполне готов к переходу туда, а нам надлежит еще приготовиться покаянием». У Аввы Дороефа с любовью говорится об искусстве людей духовных никогда никого не осуждать, а все случающееся обращать к назиданию духовному.

Но вернусь в Касимов.

Когда набрал силу обновленческий раскол, все пастыри округа решили противопоставить ему постоянные живые собеседования с народом не столько отри-

⁵ Георгий (Лев Сергеевич Садковский), в 1933 настоятель касимовской Благовещенской церкви в сане архимандрита, в конце жизни (умер в 1948) епископ Порховский; много лет провел в лагерях, священномученик.

⁶ Авраамий (Адриан Алексеевич Чурилин), епископ Скопинский, затем Пензенский. Расстрелян в 1938.

цательного свойства — полемики с раскольниками, сколько положительного изъяснения перед народом основных истин веры. По воскресеньям в главной церкви города собиралось все духовенство городское и сельское, и по очереди предлагали народу пространные вероутверждающие беседы. Добавлю, что собирались по воскресным вечерам и служили молебен соборне (тогда это еще не возбранялось).

В Успенской церкви города служил мой дед, протоиерей Анатолий Авдиевич Правдолюбов, в Казанском монастыре — мой дядя, иерей Николай Анатолиевич Правдолюбов⁷, в Троицкой церкви — отец, протоиерей Сергей Анатолиевич Правдолюбов, на кладбище — другой дед, по матери, — протоиерей Димитрий Иванович Федотьев, в двух пригородных селах — два родные дяди моего отца: в Селищах — протоиерей Михаил Андреевич Дмитрев, в Самылове — протоиерей Феодор Андреевич Дмитрев. И еще в одном селе, Маккавееве, — мой двоюродный дядя, иерей Александр Феодорович Дмитрев⁸. <...>

По ассоциации приходит в голову и следующее из общепринятой практики: старайся служить так, чтобы красоты твоего служения скрадывались, чтобы твое дарование, может быть и весьма изящное, не пленяло молящихся и не отвлекало от молитвы.

Кстати можно тут упомянуть и о хоре. В 1933 году в сторожке собора Богоявления в Дорогомилове (ныне не существующего) беседовал с новопоставленным моим наставником, епископом Георгием (Садковским), и со мною — регент собора иеромонах Пимен (ныне наш Святейший Патриарх). Он рассказывал о том, как его прекрасный, какой-то одухотворенный, чем-то напоминающий душе ангелов — хор не сразу стал таким, но после большой проделанной над ним работы. Прежде всего отсланы были из хора многие знаменитые, но не подходящие к составу истинно церковного хора певицы. Им было вежливо воздано по заслугам, но сказано, что характер их голосов совершенно не подходит для хора. Были

⁷ Николай Анатолиевич Правдолюбов, настоятель храма Параскевы Пятницы бывшего Казанского монастыря в Касимове; с 1935 по 1940 в Соловецком лагере, расстрелян в 1941; священномученик.

⁸ Михаил Андреевич Дмитрев, протоиерей; расстрелян в 1937, священномученик. Александр Феодорович Дмитрев — иерей, погиб на фронте (после 1941). О протоиерее Михаиле опубликованы воспоминания его дочери Нины:

Папа очень любил общее церковное пение. Для этого он перенес клирос псаломщика с амвона вниз, чтобы верующие могли стоять около него и петь. Ездил по деревням и собирал на спевки всех желающих, разучивал с ними церковные песнопения. И дома устраивал спевки. Вспоминается одна Святая Пасха. Второй день. Начало Литургии. Народу — полная церковь. На правой половине стоят мужчины, на левой — женщины. Посредине около псаломщика хор, управляемый тетей Саней. Что не нотное — пел весь народ. Вдруг через народ прошел в алтарь владыка Аркадий (Остальский), вернувшийся из десятилетней ссылки. Когда после службы пришли домой, владыка сел в зале в кресло и на глазах у него были слезы — такое впечатление произвело на него общее пение в церкви (ЖМП. 2003. № 10. С. 64—65).

Аркадий (Аркадий Иосифович Остальский), епископ Бежецкий; священномученик.

набраны певицы другие, с бесстрастными голосами, строгими, ровными, как у мальчиков. Вообще подобраны были голоса строго по единству тембров, обеспечивающих чистое и совсем бесстрастное звучание. Разумеется, и на дикцию было обращено должное внимание. И вот получился хор, не мешающий молиться. «Это еще не все, — сказал отец Пимен. — У нас есть план совершенно перейти со временем на исполнение только обиходных мелодий, изгнав излишне бравурное и сольное пение совсем». Этому не суждено было осуществиться. На будущий год отца Пимена на своем месте я не застал, и тот неземной характер звучания в хоре совершенно исчез. Затем и собор был взорван, о чем сейчас работники искусств и науки стали уж и жалеть, но дело сделано непоправимое.

Так вот и служение старых батюшек. Уж не говоря о том, что декламация театральная светская, «с выражением», совершенно ими не применялась, а только псалмодическое, весьма ровное чтение: бесстрастное, с нарочитым обесцвечением тембровых красок, чтение разного темпа, но в среднем регистре, без напряжения, и преимущественно, за редкими исключениями, на одной линейке. Вот — чтение истинно церковное, не мешающее молиться. Правда, требуется еще и полное понимание чтеца, логические ударения, выделения главного, но все это не нарочито, не с такими превышениями акцентировки, которые переводили бы внимание слушателей на чтеца, а не на дух и смысл читаемого. Наши местные традиции (главным образом внутри нашего родства), смело скажу, этим были прекрасны и правильны.

Когда мне пришлось быть в Елоховском соборе и слышать Патриарха Сергия (впрочем, долго не получавшего надлежащего наставления), я был поражен, как он, высокоученый муж, непрменный член Синода при нескольких правительствах, служит — ни дать ни взять — как самый простой сельский батюшка. Голос глухой, ровный, не выказывающий совсем никаких эмоций. Как это прекрасно! — не мешать молиться никому, не обращать главное внимание на себя выдающимися из ряда красотами внешней стороны служения. <...>

Но вернемся, пожалуй, из Москвы в Касимов, о котором я еще не все рассказал. Впрочем, и в Касимове всегда та же картина: боголюбцы сосуществуют с миролюбцами, и одни с другими никогда не согласны. И наличие одних всегда портит настроение другим.

В частности, как люди не любят истинно церковных хоров! Читал я недавно, как много пришлось перенести знаменитому петербургскому регенту и композитору Г. Ф. Львовскому. И даже митрополит не сочувствовал его возвращению к мелодиям Обихода. Выписал себе регента с прежнего места служения своего, а Львовскому создал такие условия, что пришлось ему самому просить об увольнении. Но Боже сохрани обвинять нам, мирянам, митрополита. Я лишь хотел сказать, что мало в людях истинного понимания того, что нужно для строгого, душеполезнейшего церковного богослужения. И что люди очень привержены к мирскому, иногда сами находясь по чину своему уже как бы вне мира, но не замечая, что симпатизируют и потворствуют миру, во зле лежащему.

Так, у нас в Касимове были в соборе такие старосты, что не терпели истинно церковного пения. Причем были как бы знатоками, и большими, — какое пение церковно, а какое не церковно. Один выразился так о двух прекрасных регентах, которых одного за другим «ящичный синедрион» в свое время уволил. Были у нас — Осип Павлович, а затем отец Михаил Сперанский, обоих уволили: *слишком церковно* поют! Другой говорил о недавно существовавшем хоре, довольно церковном по характеру: «Это что за хор? *Разве можно его хором назвать, когда все в церкви молятся? Я вам достану регента во!!* какого! Никто не будет молиться, все станут слушать, да на хоры смотреть». Вот вам нечто прочное в отношении миролюбцев к хорам: родному по духу и чуждому — чисто церковному. Такое отношение людей, имеющих организационное значение в церкви, наводит на грустные мысли: прослуживши 25 лет священником, никогда не мог я устроить хор по сердцу своему. Хотя бы некое подобие того, какой был в 1933 году у отца Пимена. Да за эти годы и самого его видел я не раз служащим в Москве при самом неблагоприятном, явно не нравящемся ему хоре. А сделать ничего нельзя, даже и теперь, когда он — Патриарх всея Руси, очень, очень маленькие сдвиги (если это — сдвиги) во всех московских хорах. Слишком церковно поющих певцов ящичные дельцы на клирос не пустят.

Добавлю и еще о хорах церковных, которые мне посчастливилось слышать, а в одном даже и участвовать в отрочестве пять лет.

В соборе нашем был регент-самородок Резвяков⁹, который действовал сначала самоучкой, а потом ездил часто в Москву и занимался с Чесноковым и Данилиным, достигнув впоследствии больших высот регентского искусства и исполнявший весьма совершенно сложнейшие современные церковные «пьесы», равно как и классические.

В Успенской церкви города Касимова в старое время служил старостой касимовский купец и владелец небольшого кожевенного завода Иван Резвяков. Сын его Аркадий в детстве ничем особенным не отличался: мальчишка, каких много. <...> Когда Аркадий подрос, он стал учиться в нашем издавна знаменитом Техническом училище, но в технику и науку парень с головой не мог уйти, что-то у него было препятствующее, и это что-то, как потом оказалось, был большой-пребольшой художественный талант. Сначала Аркадий собирал своих товарищей и подруг по училищу и составил из них смешанный любительский хорик, певший на службах в Успенской церкви. Пели, как рассказывают, из рук вон плохо. Цифирные ноты, оставшиеся от того времени, написаны кое-как, с ошибками, с печатными партитурами явно не сверены.

Кто мог подумать, что через столько-то лет у Аркадия Ивановича составит целая библиотека партитур, половина которых точно, вполне профессионально и красиво будет переписана им самим. Часть этих прекрасных партитур сдела-

⁹ См. о нем в документах Драмсоюза.

лась потом моей собственностью: подарила мне их после его смерти мать его второй жены.

Техническое образование Аркадия позволило ему, унаследовав кожевенный завод, значительно улучшить его и получать от него большой доход. Но он был достаточно «ушиблен» музыкой, чтобы превратиться в стяжателя стандартного образца. Львиная доля дохода Аркадия Ивановича шла на улучшение хора, на большое жалованье хористам, на постоянные поездки в Москву, на приобретение нот, на уроки, которые он несколько лет брал у столпов хорового дела — Чеснокова и Данилина.

И как же прекрасно он пел! Нисколько не хуже Пинегина и других маэстро... <...>

В чем особенно родствен, почти тождествен Пинегину был Аркадий, — это в торжественности, радости пения, в трактовке Чеснокова, Данилина. А ведь друг друга они никогда не слышали. И как Пинегин был велик! Аркадий хоть постоянно слышал Чеснокова и Данилина, учился у них, а Пинегин нет.

Как отраднo слышать первоклассный хор! Он не мешает молиться! А хор плохонький все время тебя выдирает из молитвенного настроения, раздражает плохим стилем, грубыми ошибками, фальшивым строем.

Особенность была у Аркадия: минорные пьесы звучали у него совершенно неожиданно, будто это — совсем иной хор, с другими совсем голосовыми средствами, с другой выучкой, с другим постоянным характером пения. Это — многогранность, отличие широкого, большого дарования. Запоеет, бывало, «Сушу глубородительную землю» в редакции Львова или Архангельского «Господи, услыши» — мороз по коже. Пади на землю и молись со слезами...

Бурная жизнь, с ошибками, но дарование яркое, как небесное светило.

Другой у нас регент, у которого и я пел, учился у известного в свое время казанского регента [Ивана Семеновича] Морева и там же, в Казани, окончил курс Духовной академии со степенью кандидата богословия. Этот мастер очень много помог в выработке духовного текста, в приучении нас к выразительному осмысленному пению, с правильными расстановками, с логическими ударениями и так далее¹⁰.

Два года, когда отец служил в Кировской епархии, я слышал замечательного маэстро Пинегина, который обучался при петербургской Придворной певческой капелле. Он был любимым регентом отца, звал его на спевки и подробно объяснял ему замыслы того или иного композитора, любил петь в его службу и пел особенно вдохновенно.

Александр Евгеньевич Пинегин был когда-то молодым псаломщиком в большой слободе Кукарка Вятской губернии Яранского уезда (после — город Советск), где служил сначала в Спасской, а потом и в Соборной церкви мой отец.

¹⁰ Имеется в виду Николай Михайлович Баландин (умер в 1972); после войны он регентовал в Москве, в частности в храме Знамени на Переяславской и в Тихвинском храме в Алексеевском (см. во второй книге тома).

От природы Александр Евгеньевич был очень музыкально одарен, что заметили два купца слободы Кукарка (там были крупнейшие мучные тузы) и направили юношу за свой счет учиться в пятигодичной регентской школе при Императорской Певческой капелле в Петербурге. <...>

Это был дивный регент, хотя видом был неказист: что-то обезьянье было в его очень умном, но некрасивом лице. Образование образованием, талант талантом, но Александр Евгеньевич еще весь *горел*, и это горение (*такое редкое* в наши времена) сверкало, как драгоценный многогранный алмаз, всегда, когда он находился за регентским пультом. <...>

Когда Александр Евгеньевич был в особенном ударе или когда условия пения хора были особенно благоприятны (когда, например, из Казани приезжала его ученица контральто Виноградова), то он просил папу — пусть послужит он сам на этот раз: «Мы с отцом протоиереем будем служить *большую всенощную*». Оба были лысые (только регент был постарше), оба бодрые и веселые, и хоть Пинегин был маэстро, а папа просто любитель, как он говорил, немудрящий, маленький, все же они вместе творили чудеса, служа «*большие*» службы с дивным неземным пением. Папа любил ходить к Пинегину на спевки, а Пинегин подробно объяснял папе, что хотел здесь или там выразить музыкой тот или иной композитор. Так что и Львовский, и Архангельский, и Чайковский, и Бортнянский, и Львов представляли пред нами искусством «капеллана» как живые.

Как-то поехал Александр Евгеньевич в Астрахань по своим делам. Мы провожали его на пароход, он шуточно говорил: «Так хочется плакать, расставаясь с вами, жаль только, что не во что слезы собирать, надо было припасть целый большой фартук». Он *не вернулся* из Астрахани: холера там сразила его. Прекрасный его хор принял в руки его подрегент, юный «церковник» Виталий Сочнин. Он был довольно талантлив, но все не как Пинегин. Хор, певший сначала совсем так, как при своем основном хозяине, постепенно стал петь хуже и хуже. Очень-то плохо он никогда не пел, так как Виталий был в какой-то мере достойный ученик и помощник Пинегина и в свою меру талантлив. Но Пинегини довольно редки. Это — звезды первой величины...

Я с удовольствием прочитал недавно мнение Святейшего Патриарха [Пимена], высказанное им в одном интервью, что приемлются и Чесноков, и Львовский, и другие композиторы, несмотря на то что музыка некоторых из них по характеру больше европейская, чем древнерусская. Так уж попустил Бог, что пришла к нам западная гармония, и мы с ней так сжились, что унисон обиходный как-то уж очень скудным кажется. Впрочем, это еще и потому, может быть, так кажется, что петь всем в унисон — крайне трудная вещь, что традиции живого исполнения утеряны, и получается не то, что было создано когда-то совершенно гениально, чтобы не сказать богодухновенно. (Унисон мне нравился только в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры. Больше нигде!) Мне немало пришлось по влечению своей души заниматься гармонизацией Обихода, чего я, может быть, и не делал, если бы располагал всеми уже сделанными переложениями. <...>

И вот я в Касимове. Живу у бабушки мелкокупеческого происхождения (но очень верующей) в ее восемнадцатиконном двухэтажном каменном доме на главной улице города¹¹. Жил я у ней с трех до семи лет от роду. Прежде всего была страшная ненормальность, тяжкая для бабушки, — это то, что дом этот как бы «разделился на ся». Бабушка была приходом к собору, на который сама в числе других когда-то носила кирпичи. Отец ее делал немалые вклады в строительство, и бабушка, чуть ли не как игуменья, стоит всегда в определенном месте собора, с северной стороны, в высокой и круглой полуготической нише. К ее услугам позади нее стоит массивная скамья, имеющая вид полукольца, параллельно очертаниям ниши. Это место — ее, ее гостей, ее родственников. Там я всегда стоял с ней и слушал довольно слаженный, впоследствии усовершенствовавшийся хор Аркадия Резвякова.

В соборе служили страшно быстро. Даже на погребении Спасителя в одной статье читали не больше... двенадцати стихов! Псаломщик, весьма почтенный и уважаемый человек, так перебил язык, что совершенно ничего невозможно было у него разобрать. Острословы говорили о «Верую» и «Отче наш», которые тогда было принято читать и на Литургии, что из всего можно только разобрать: «Верую во Единого Бога Отца — Творца — конца — Аминь». И: «Отче наш — хлеб наш — от лукаваго».

Плачевный опыт соборного нашего служения до революции! Плачевный опыт многих кары за это от Господа во дни переворота и несколько позже! Но с внешней стороны, особенно обеспеченным классам, и мне, по моей глупой младости, все казалось великолепным. Конечно, благодать Божия действовала и в соборе, дитя как-то получало ее, как и другие Божии люди. Бабушка, помню, сосредоточенно и нередко с умиленными слезами молилась на своем высокаторжественном месте, увлекая и меня. Со стороны внешности, собор вмещал около пяти тысяч человек, имел электрическое освещение и центральное отопление, выложен был весь прекрасной, как бы ковровой керамической плиткой. Огромные, драгоценные паникадила висели во всех концах его, а центральное было похоже на елку: какое-то готически испещренное, треугольное, добытое, как говорили, из какого-то костела. Огромные красные фонари безвкусно сияли под каждой люстрой, приводя меня, глупого, в восторг. Весь собор был расписан художником академиком Грибковым¹². Живопись была несколько натуралистическая, несколько не похожая на древнюю иконопись, но весьма хорошая. Колокольня имела почти такие же куранты, как

¹¹ Правдолюбова (в девичестве Дмитрева) Клавдия Андреевна, супруга протоиерея Анатолия Правдолюбова (старшего).

Когда в 1914 отца автора мемуаров направили на служение из Киева в Кукарку, маленький сын был оставлен на некоторое время у родственников в Касимове.

¹² Сергей Иванович Грибков (1822—1893) родился в Касимове, получил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и в дальнейшем много работал в разных жанрах (бытовом, историческом, портретном и проч.). В последние годы жизни трудился над росписями ряда церквей в Москве (Параскевы Пятницы, Архангела Михаила в Овчинниках, Св. Николая на Маросейке) и кафедрального собора в Курске.

Спасская башня в Москве, правда, меньше размером и с простыми стрелками, но совершенно так же отбивавшие на колоколах все четверти и часы. Большой колокол весил около 980 пудов (забыл, кажется 988), отличался удивительно красивым звоном. Он был настолько певуч и громок, что звук его будто плыл по улицам и всей окрестности, километров, наверное, до пятнадцати, если не больше. Новых ударов почти не слышно было, тянулся один, мягко возобновляющийся, бархатный звук, совершенно заглушавший меньшие колокола при трезвоне.

Это все так. Но, живя у дедушки, я чрезвычайно редко бывал на кладбище, где он служил, где построил две меньшие, но прекрасные церкви, к воротам посадил две тополевы аллеи, до сих пор сохранившиеся, вырыл большой, тоже обсаженный тополями, недалеко от церкви пруд. Кладбище у дедушки было в образцовом порядке, сияло чистотой. Но бабушка не пожелала быть приходом туда, где служит дедушка. И было ему горько — прибыв из своей церкви в канун какого-либо великого праздника, заставать в доме лишь темноту и семью, давно вернувшуюся из собора и покоящуюся глубоким сном. <...>

В городе у нас было двенадцать церквей, и все с прекрасным звоном. Впоследствии осталось семь церквей, и они еще долго звонили, пока старосты, чем-то испуганные, не написали все в одно и то же время просьбу к отцам города — освободить их от колоколов, болтающихся на колокольных якобы без всякой пользы. Причем автогенном еще не разрезали тогда колоколов, а сбросивши с колокольной, долго разбивали их кувалдами. А колокола металлическими, хотя и приглушенными голосами кричали жалобно: «Ой! Ой! Ой!» Когда уже разбили, то оказалось, что куски колокольного сплава решительно ни к чему не пригодны, так как ни простые, ни драгоценные металлы отделить друг от друга невозможно. Так где-то и сгибли наши колокола.

Люди неверующие или неправославно мыслящие звали нас в старину колоколоверами. Но напрасно. Вот прошло уже множество лет, как нет тех трехсот-, пятисот-, девятисотпудовых колоколов, а вера Христова по-прежнему крепка. Но значение колоколов до сих пор не устарело. Они до сих пор, как можно видеть из тревника, получают и сообщают благодать Божию людям, о чем просит церковь при освящении нового кампана или звона:

О еже подати ему благодать, яко да вси слышащии звенение его или во дни или в нощи, возбудятся к славословию Святаго Имени Божия...

О еже гласом звенения его утолитися и утишитися и престати всем ветром зельным, бурям же, громом и молниям и всем вредным безведриям, и злорастворенным воздухом...

О еже отгнати всю силу коварства же и наветы невидимых врагов от всех верных своих, глас звука его слышащих, и к деланию заповедей Своих возбудити я, Господу помолимся.

Вот когда будете священником, не пренебрегайте кампанами, хотя бы они были поддужными, как у нас, — «колокольчики — дар Валдая». Боритесь за них, как за

живые благодатные существа. Представьте себе, что раза четыре за мое здешнее четырнадцатилетнее служение старосты сами, без чьего-либо приказа, в качестве перестраховки или, может быть, с желанием выслужиться, снимали и прятали наш поддужно-колокольный набор, который и висит даже не на колокольне, а на южной нашей маленькой папертке-тамбуре. Я бросался на старосту при всем честном народе с великой ревностью о колоколах, даже грешным делом однажды безбожниками ящичных делателей назвал, но колокола отстоял. Если бы я смирился, их бы и не было, а они — все равно что Моисеевы серебряные трубы, и даже больше того, поскольку новозаветные. Сила, коварство и наветы невидимых врагов ими отгоняются, зовомые ими так влекутся благодатно в храм, словно насильно кто их тащит. Такова — по Требнику — благодать колоколов, пусть они даже ныне и не слышны далеко.

Архиереи любили приезжать в Касимов, весь звучавший колоколами. Притом и верующие всегда проявляли особенную радость и любовь в отношении архиерея. Один из архиереев с восторгом рассказывал: «Потрясеся весь град!»

А когда гроб с телом второго протоиерея соборного, почившего на стороне, был везом на пароходе в Касимов по Оке, Троицкая папина церковь, стоящая выше всех по Оке, издали встретила его красным звоном. А пароход отвечал низкими протяжными гудками (у пароходов в то время тоже гудки были подобны звону большого колокола). Затем включились в звон все церкви города. Из собора же спустился к пристани огромный крестный ход со множеством облаченного духовенства и мирян, и так понесли тело отца протоиерея в собор.

Однажды (это когда я уже был псаломщиком) была такая страшная в городе и кругом засуха, что земля покрылась древовидными трещинами, достигавшими местами двух сантиметров в ширину. Тогда просили мы ходить из церкви в церковь (коих осталось семь) крестными ходами и молебствовать о дожде. Разрешение было получено, ибо отцы города еще не знали, что получится грандиознейшее шествие с результатом потрясающим. Когда же получилось неудобное им, они запретили всякие хождения по приходу с молебнами и со святой водой.

В главную церковь города отправился из каждой окраинной церкви свой крестный ход со всеми местными святынями, с духовенством и мирянами. После Литургии из семи крестных ходов составилась одна, и мне поручено было руководить пением в пути от одного храма к другому. У храма служили молебен о дожде, а потом шли и пели тропари и кондаки и запевы молебные тем праздникам, святым, чтимым иконам, кои в храме, в который мы направляемся. Отслужив там молебен, идем к следующему храму, и поем все, что касается его престолов и святынь. Это было чинопоследование небывалое, возникшее по вдохновению: идем к Троице, поем: «Благословен еси Христе Боже наш...», «Егда снизшед, языки слия...» Идем к Богоявленской церкви, поем среди лета: «Во Иордане крещающуся Тебе Господи...», к Христорожественской — «Рождество Твое, Христе Боже наш...», «Дева днесь...» Горе соединило всех и заставило все верующее население города немножко поспраздновать решительно всем храмовой праздник каждого прихода. Ведь

в Христорождественской церкви никто, кроме собственных прихожан, никогда не бывал на Рождество, а тут весь город воспевает с ними их храмовую песнь. И весь город поклоняется духом святыням впереди стоящего храма, святыням, идущим с нами же в этом огромном крестном ходе. На кладбище отслужили панихиду, как бы приглашая почивших посочувствовать нам в горе, зовя тех, кто достоин из них, и помолиться об избавлении нас вместе с нами. И когда пришли в последнюю церковь и стали служить пророку Божию Илии, ударила молния с сильным громом, полился дождь, и все потемнело от нашедшей огромной тучи. Дождь этот лил потом в течение дней десяти, совершенно отлив и приведя в норму иссохшую и потрескавшуюся прежде землю. Вот это был опыт!

Когда я вернулся домой, белье мое оказалось темно-красным от намокшего на мне вишнево-бархатного стихаря. И на всех, наверное, кто возвращался в тот день с молебствия, не нашлось и нитки сухой.

Когда полил дождь, люди не могли терпеть. Получилось многоголосое «орево» (рыдание), так трогательно было милостивое услышание нашего всенародного моления. «Господь воцарися, да гnevаются люди!»

<...> На месте единственной ныне действующей церкви в городе, в которой идет служба, когда-то был мужской монастырь. Я еще застал монастырь женский¹³, насчитывавший около 200 человек сестер (монахинь и послушниц). Это был монастырь внешне вполне благополучный и благолепный: прекрасный хор, игумения стоит на своем месте с посохом, монахини попарно, шурша тюлем черным и черным же шелковым газом, падают рыбкой и все, что надо по Уставу, совершают. Но одна из них, раба Божия, говорила: «Ах, Анатолий Сергеевич! Вот нас около двух сотен, а истинных монахинь, какие должны быть, можно насчитать едва человек шесть!» И некто, считавшийся прозорливым, к чему были основания, сказал так: «Хорош монастырь?! Хорош. Красив. Но от него не останется камня на камне: все будет разрушено. Впрочем, со временем в Касимове будет монастырь, только уже не женский, а мужской». Первая половина пророчества сбылась, надо полагать, сбудется и другая.

У нас здесь, в Сынтуле, где я служу четырнадцать лет, тоже был мужской монастырь, а может быть когда и женский, они как-то по приказу властей не раз преобразовывались из одного в другой. Только я после одного какого-то особенно тяжелого и унылого дня был подкреплен сновидением. Будто на месте теперешней церкви стоит совсем иная — тоже деревянная, но с крытым ходом вокруг. И даже перед церковью место какое-то, застеленное все досками, как это я видел в Киеве на переходе из Ближних Пещер в Дальние. И вот под этим, можно сказать, полом — вдруг слышу, раздается пение большого-пребольшого мужского хора. И поют чрезвычайно кудреватым, древним-древним напевом с многими повторениями одного и того же слова: «Взбранной, взбранной Воеводе, взбранной Воеводе, взбранной

¹³ Имеется в виду Казанский женский монастырь; закрыт в 1930.

Воеводе, Воеводе победительная...» Это подобно киевско-лаврскому напеву, где одно слово многократно повторяется, но все более кудреватое, как ручей журчит и переливается в разные стороны. Довольно долго так, повторяя, пели, как я думал, монахи, и потом все оборвалось после того, как они пропели: «Яко избавльшеся, избавльшеся, избавльшеся от злых...» Необыкновенно отраднo было мне после этого сна. А что они под землей пели, это значит, что они все — умершие — может быть, триста или четыреста лет назад подвизавшиеся здесь. «Но не горюй, собрат, не унывай, Взбранная Воевода избавит от злых». <...>

...Переношусь опять в мои младенческие годы. <...>

В Советске (слобода Кукарка) была очень хорошая кладбищенская церковь — древняя, такая почти, как на картине Саврасова «Грачи прилетели». И вокруг нее — Покровское кладбище, которое все было обнесено каменной белой оградой. Внутри было много деревьев, а также замечательных надгробных памятников, резанных из какого-то местного, довольно мягкого, желтовато-розового камня, из коего был изготовлен и памятник моего маленького брата Володи, скончавшегося на третьем году жизни от скарлатины. <...>

Отрадное впечатление производила на меня кладбищенская служба с пением дивного монашеского хора. Для того чтобы несколько показать выучку хора, упомяну о том, что монахини прекрасно пели «Величит душа моя Господа» Туренкова, а это ведь довольно трудная вещь. Там было подворье какого-то из женских монастырей Вятской епархии, кажется Слободского¹⁴. <...>

...Протяжные гудки пассажирского парохода разбудили нас, после долгих путевых мучений и волнений под конец комфортабельно устроенных в каюте второго класса и крепко спавших на мягких, обитых клеенкой диванах. Выбежав на галерею, я увидел в тумане силуэт родного Касимова, дивно прекрасный, к глубокому нашему сожалению ныне уже не существующий. С реки и из-за реки дивно прекрасен был этот сравнительно маленький город необыкновенным своим расположением на высоком левом берегу полноводной тогда Оки, спускающемся к ней террасами. Утопающий в зелени город радовал глаз пестрым разнообразием зданий. Особенно же его красили ровно распределенные по его береговому четырехкилометровому излучистому протяжению церковные здания, которые венчал собой высокий полуготического стиля собор, ныне обезглавленный и лишенный колокольни. Подобна собору была моя ровесница, про которую я говорил тогда, что она словно шоколадная конфетка: была она очень аккуратно сложена из темно-красного кирпича с белокаменной отделкой. Колокольня у ней, как и у собора, была довольно узкой и остроконечной, крытой белым серебристым железом. Это Казанская. Рядом с ней стояла церковь Параскевы Пятницы — белая, с большим

¹⁴ Слободской Христорожественский монастырь в городе Слободской Кировской области; закрыт в 1920-х годах, ныне восстанавливается. О композиторе А. Е. Туренкове см. в материалах Драмсоюза.

шпилем. Обеих церквей давно уж нет, что значительно обезобразило вид города с реки и из-за реки. Не думаю, что градостроители нарочно так все строили в течение веков, чтобы было красиво из-за реки, но картина была совершенно феерическая. Жаль, что тогда мы не могли фотографировать, да и фотографировать-то невозможно было на одну карточку всю панораму. Не знаю, сохранились ли в краеведческом нашем музее бывшие там снимки Касимова из-за реки. Снимки эти были составлены из шести или семи открыток, склеенных вместе, — весь Касимов целиком. Но снимки, конечно, старинные, значительно потерявшие контрастность, в красках это было особенно отрадно созерцать.

Если начинать глядеть слева (став на противоположном берегу Оки), то прежде всего радовала глаз большая сосновая роща с сетевязальной фабрикой. Роща постепенно почти пропала, и не от варварского истребления, а просто от старости. Но фабрика цела, и даже во много раз более сделалась красивой и благоустроенной, являясь сейчас одним из крупнейших в СССР предприятий этого типа.

Затем, двигаясь взором вправо, можно было видеть стоящую на горе нашу церковь — Троицу. Она, впрочем, и теперь видна: отреставрирована, но внутри ничего нет¹⁵. Архитектура у ней редкая. Издали кажется, что мы видим не колокольню, а саму церковь, причем не простую, а собор. Широкая восьмипролетная колокольня глядит на реку, как, впрочем, почти все церкви. А под этой колокольней целый ряд арок, внутри которых устроена была маленькая древняя церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери. Я помню ее иконостас, ныне, видимо, уже не существующий. Он весь был древний — одного века и одного стиля. Меня поражали яркие краски древнего письма. Там служба совершалась только раз в год летом, в день храмового праздника, и потому иконопись была там такая, которая не потребовала бы вмешательства реставраторов. Внизу еще две арки, а в середине — вход в храм. Дивной красоты здание!

Дальше, почти на равном расстоянии, располагались Никола — беленькая, со шпилем и синей главкой, Пятница, чем-то напоминавшая Киево-Печерские или Псково-Печерские главы-крыши, но заканчивавшаяся тоже высоким шпилем и главкой, и уже описанная мною церковь Казанского монастыря. Там же виднелись близко стоящие друг от друга остроконечные колокольни (более различимые с реки) — собора и Благовещения и церковь Успения — прямая, с колоннами по углам, обрамляющими каждый пролет. Эти две церкви сохранились и реставрируются. Если не ошибаюсь, там же виделась поодаль и мечеть касимовская старая с минаретом, сложенным чуть ли не в четырнадцатом веке. А потом, на более почти-тельных друг от друга расстояниях, — церкви Георгия Победоносца и Илии Пророка, обе со шпилями. Особенно красива церковь Георгия Победоносца своими каменными высокими барабанами и главами. <...>

¹⁵ В храме Живоначальной Троицы с 2002 возобновлено богослужение; там находятся мощи последнего до закрытия настоятеля храма — священноисповедника Сергия Касимовского (Правдолюбова).

Сейчас на чей-нибудь взгляд Касимов, может быть, и несколько не безобразнее старинного, но старику жаль прежней, неповторимой, исторически сложившейся красоты. Впрочем, ныне жалеют о старых зданиях многие, но вернуть их уже нельзя.

В двадцать третьем году, когда мы приехали из Вятской губернии на жительство в Касимов, было двенадцать церквей. Двенадцатая — домовая церковь тюрьмы, раньше всех закрытая. Две церкви стояли вдалеке от реки и с берега не были видны. Одна кладбищенская, другая Архангельская (Архангела Михаила), где ныне автостанция. Кладбищенская разобрана совсем. Там были две очень хорошие церкви, над сооружением которых в свое время трудился дедушка, отец Димитрий. Ездил в Синод просить средств на построение ее в качестве памятника воинам, положившим живот свой за Родину в 1812 году (некоторые из таких воинов похоронены у нас). <...>

...Папе дедушка, отец Анатолий, заранее охлопотал место настоятеля в Троицкой церкви. Эта церковь, приходом к которой были фабричные кварталы, стоит на самом краю целого ряда церквей вверх по реке. Когда приезжал архиерей, то с колокольни Троицкой прежде всего замечали пароход, везший его, и начинали красный звон, продолжавшийся нередко больше часа. Когда уезжал, тоже Троица провожала его дольше всех, звоня во все колокола до тех пор, пока пароход совсем не скроется. А колокола были исключительной ценности и звонкости. Купцы Троицкого прихода посылали от себя представителя на колокольный завод, чтобы при нем в плавильную печь вложили все то весьма большое количество серебра, которое они пожертвовали, вместе с тем, что собрали и остальные горожане. Колокола все были подобраны по тону так, что составлялись из их звонов прекрасные правильные аккорды. Главный колокол весил по-тогдашнему не очень много — 438 пудов 32 фунта. Но значительная примесь серебра придавала такое благородство звучанию его, какого не было ни у одного из бесчисленных колоколов двенадцати церквей Касимова, исключая, пожалуй, один соборный лишь колокол, тоже весьма благородный по звуку. Но в великолепном оформлении колоколен не обходилось и без греха. Так, егорьевские слили себе колокол, равный по весу соборному, а соборные ухитрились прийти и его разбить, приставив к нему гвоздь во время звона.

Не говоря уже о том, что Троицкая церковь дорога мне чрезвычайно как место моего первого церковного служения, она и многим другим была для меня дорога и полезна. Постепенно воспитываемся мы, и когда оглянешься на прожитое, оказывается, что некоторые факты, долго казавшиеся сами по себе незначительными, потом поняты и приняты по справедливости, как очень важные.

И вот мы в Касимове. После великолепного собора [в Кукарке], в котором так все было грандиозно, что даже подставка от запрестольной иконы Божией Матери была выше папиной головы, в Троице мне показалось так плохо! Это была старинная, не очень большая, каменная, приземистая, очень темная церковь. Со старинной иконописью в главном приделе. Помню, что вместо иконы Спасителя была большая Троица, нисколько не похожая на рублевскую. Три ангела с очень

суровыми ликами от черноты кругом их казались бородатymi. На каждом ангеле висели большие древние цаты. Весь иконостас был древний, копченый, трудно различимый. Как-то все было по-старинному несимметрично, стены непомерной ширины, скрепленные везде массивными железными брусьями, местами перекрещивающимися.

Я еще помнил светлый огромный собор, прекрасный хор, причт, словно подобранный один к одному: четыре священника, протодиакон, три диакона на псаломщической вакансии, два церковника — brave молодые парни, и множество мальчишек в маленьких стихариках. Здесь все казались убогими — и престарелый диакон, и священник, служивший чрезвычайно невнятно. <...>

Постепенно раскрылись мои глаза, и я увидел в Троице очень много хорошего. Главное, конечно, то, что отец и здесь непрестанно проповедовал. Служил очень хорошо. А недостаток хорошего хора вдруг неожиданно был мгновенно устранен. У Аркадия Резвякова что-то не получилось с соборным старостатом, и он со всем хором перешел в Троицкую церковь. А впоследствии, не поладивши с хором, ушел обратно, заявив: «У меня и палки запоют». Он был так талантлив и к тому времени образован, что действительно палки, то есть совсем необученные певчие, примерно через месяц запели совершенно так же, как старые певчие, если не лучше. А к отказавшемуся от него хору пригласили из Тумы регента — сына тумского протоиерея. Регент этот кончил Казанскую Духовную академию со степенью кандидата богословия, но в священники и в духовные преподаватели почему-то не пошел. Регентству он обучался как в духовной школе, так и у видного в свое время казанского регента Морева. У него я пел в хоре около пяти лет и был ценим им за хороший слух и за то, что я мгновенно схватывал новую мелодию, и на спевках проводил девять человек девушек и женщин альтовой партии.

Я пел, конечно, не у Морева, а у Николая Михайловича Баландина, который сейчас очень стар, но регентует в одной из московских церквей. Недавно я виделся с ним в Москве и с большим удовольствием беседовал с ним за его чайным столом. С удовольствием потому, что нашел его очень духовным, гораздо более духовным, чем это было прежде. Николай Михайлович поведал мне, что он уже здесь, в Москве, был однажды оскорблен кем-то из церковников и хотел уйти из регентов. Но настоятель убеждал его от Писания и Отцов, что грешно бросать Божие дело из человеческих соображений. И убедил. Николай Михайлович читал нам с [супругой] Ольгой Михайловной это дивное, чисто пастырское послание, но жаль, что память слишком коротка и совершенно мы не помним подробностей.

Конечно, в Троице немало было действительно печального и плохого. Получилось так, что, набравши совсем новых певцов, Резвяков в какой-то мере уподобился отцу Пимену [Извекову]. То есть располагал певчими более покорными и более подходящими к его регентскому идеалу, с годами изменившемуся. Именно с новым составом, с «палками» (необученными певчими) он достиг больших регентских высот. А Баландину достались старые певчие с большой фанаберией и закостенелыми плохими привычками старых певцов. Хотя и много он с ними

сделал, но все-таки очень большого не достиг, может быть и потому, что был явно менее талантлив, чем Резвяков. А еще было очень неприятно петь с его старшим братом — баритоном, семинарским товарищем отца. Чувствовался в нем надутый, хотя и спавший несколько с голоса, певец. А главное — чувствовался безбожник (впоследствии Николай Михайлович подтвердил это). Ах! Как это неотраднo, как неуютно, как душа скорбит сознательно или подсознательно, когда безбожники в церкви поют! «Скажите, Николай Михайлович, ведь, наверное, вам было известно, что брат ваш неверующий. Как же вы допускали его петь священные песнопения?» — «Да ведь думал, что если он почаще будет в церкви, да будет петь священные слова, может быть тронется чем-то его зачерствелая душа». — «Ну, а он-то зачем пел, когда не верует ни во что?» — «Я полагаю, хотелось ему этим заработать, а иначе чем объяснить пение того, чему не сочувствуешь?» Так-то вот. Это большое несчастье городов маленьких и еще более больших, что на их клиросах безбожники поют. Это часто чувствуется.

Николая Михайловича Баландина я справедливо называю своим учителем не только пения и регентства, но и служения псаломщического и отчасти священнического. Именно он как-то настоятельно внушил мне (как и всему хору старался внушать) великое уважение к богослужебному тексту, необходимость тонкого умения — рельефно верующим его подать, для чего совершенно необходимо чувствовать и понимать весь текст самому, употреблять логические ударения, правильные расчленения фразы, правильное сочленение предложений, выделение главного и затенение второстепенного. Причем бывает, что тонкость, заключающаяся в побочной фразе, от изощренного слушателя не ускользнет, а слушатель более примитивный почерпнет что нужно из фразы главной, а второстепенная фраза, будучи тихой, не заслонит от него главной и не спутает его неискушенный ум.

А другой мой учитель, протоиерей Михаил Сперанский, умилял папу и нас знанием и чутьем того, что больше всего нужно, умилял потому, что батюшки-музыканты нередко переоценивают значение музыки в церкви. Он говорил: «Хорошо все-таки, что в Троице поет квалифицированный хор. И далекий от церкви человек пойдет слушать его, как рыба привлекается приманкой, а некоторые из них, и немалое число, попадутся на удочку проповеди отца Сергия». <...>

Николай Михайлович был учителем и добрым примером трудолюбия. Он спевку начинал с пяти часов вечера и продолжал до одиннадцати, давая только получасовой перерыв в середине. Пели всегда в церкви, стоя на своих местах. Никто не сидел. Перед праздниками было три спевки, в буднее время обязательны были две спевки в неделю. Причем добьется будто бы уже полного успеха, поют все правильно, стройно, а он говорит: «Ну вот. Вчерне готово. Теперь возьмемся за отделку». (!!)

Когда еще был у нас в Троице Аркадий Резвяков, какой-то фельетонист написал довольно хлесткие стихи в юмористическом местном журнале «Лапоть» — об оживлении троицкого прихода. Не помню всего, но кое-что приведу.

Наука и труд нам эффекты дают,
 И мысли, и силы в них зреют.
 К труду и науке все смело идут,
 А храмы заметно пустеют.
 Пойдите же — пастырь смиренный сказал,
 Введу я и в храме эффекты,
 Нелепо же храму пустому стоять,
 Учитывать надо моменты...

А дальше что-то об убранстве, об освещении храма, о торжественности службы, о хоре и левом лице:

Эстраду построил я в церкви у нас,
 С ней хор наш рулады выводит,
 Умел, сладкозвучен Аркадия глас
 Вас в Царство Небесное вводит.

И. Ш. (Шемякина Анна Ивановна — местная купчиха из «аристократов», как они себя называли, причем имели образование не ниже гимназии, многие проживали долго в Петербурге и перенимали там от высшего общества утонченные манеры.)

И. Ш., что недавно любила романс
 С цыганским пошибом исполнить,
 Неистово тянет: услыши Ты нас,
 Подаждь отнятое восполнить.

А Шемякина действительно стала очень религиозна, носила что-то вроде апо-
 стольника черного или белого, собирала подростков к себе в дом и, сопровождая
 себе и им на прекрасном концертном пианино, заставляла их петь и пела сама раз-
 ные канты, вроде: «Мой Спаситель и Бог, Ты хранил и берег...» и тому подобное.
 Пела она и на левом клиросе с дьячком, читала Шестопсалмие и Часы.

А проповедь наша! От ней мой доход!
 Беру я из жизни примеры!
 Я басни Крылова пустил в обиход
 И жду укрепления веры.
 Про моську с амвона мой слушал приход,
 Что свару с слоном учинила.
 Гляжу: разобрался, вздыхает народ.
 Знать, в баснях немалая сила!

Папе очень нравился этот стихотворный фельетон. Он и вправду сравнивал
 неверующих с моськой, а Церковь Христову со слоном. Как позднее пришлось мне
 слышать одну речь Патриарха Сергия при вручении жезла новопоставленному

епископу. Говорит, кругом бушуют и пенятся свирепые волны неверия и лжеверия, но Корабль церковный непотопим — величаво и уверенно несет он не покидающих его людей в вечную Пристань Небесного Царства Божия.

Еще хочу рассказать, что в моем отроческом возрасте, участь музыке и поя в хоре Троицкой церкви у отца, в будние дни, а когда это было можно, то и в небольшие праздники, я пел у троицкого псаломщика Михаила Васильевича Остроумова на левом клиросе. И тут со мной пели некоторые девочки папина прихода, которые потом составили небольшой мой хорик, в который мы пригласили лишь тенора и баса, остальные были лишь девочки моей выучки, совершенно преданные певческому делу и наученные петь так, как это подсказывала моя душа. Когда пел мой хорик, мама говорила потом: «Как приятно, что в твоём хорике чувствуется твоя душа». В устах мамы-музыкантши это было немалой похвалой. Учитель мой, протоиерей Михаил Сперанский (тот самый, которого купцы уволили из собора за то, что слишком церковно хор его пел!), после особенно удачного моего хорового пения говорит деду моему, отцу Димитрию, тоже отличному певцу, еще в детстве певшему солистом-дискантом в семинарском хоре: «Мы с вами в Анатолии не умрем!» Я удивлялся на девочек! Ни кино, ни прогулки их не привлекали — без конца спевались они со мной и пели в церкви самоотверженно. Когда монахини Казанского монастыря отправились в ссылку, мы целых три года их отсутствия заменяли их. И когда уцелевшие монахини вернулись, то мы сказали: «Вот, матушки, мы не бросили вашего дела. Три года продолжали, а теперь опять вручаем вам». Дело это заключалось в том, что каждое воскресенье, если это не был канун какого-либо большого праздника, каждое воскресенье вечером в монастыре, пред главной его святыней — Казанской древней иконой, служилось полное всенощное бдение — соборне, большей частью городского духовенства, с проповедью и акафистом, который начинался сразу после «Бог Господь» и тропаря. Батюшки по очереди читали кондаки и начала икосов, а мы с девочками и некоторыми благочестивыми мужчинами пели акафист на серафимодивеевский напев. И всю всенощную пели так торжественно, как будто это был не простой воскресный вечер, а сам канун летнего или осеннего праздника Казанской. Потом чувствовалось много раз, что за Царицей Небесной такие дела не пропадают, но она награждает и ценит самоотвержение тоф еееееееееееееееееипмгдашней молодежи, покинувшей все воскресные увеселения для постоянного прославления Ея. Да и не только потом, но и всякий раз Божия Матерь давала такую отраду души, такой покой и мир, что нисколько не жалели мы покинутых нами удовольствий.

В Троице было немало хорошего. Кое-что было и нежелательное, но бороться с ним было трудно, так как <...> просвещенные купцы считали себя хозяевами церкви и постоянно связывали инициативу папы разными своими отеческими преданиями. Даже ризы, роскошные ризы, он не мог употребить тогда, когда ему захотелось бы. Ибо эти ризы в разное время были пожертвованы ими со специальным завещанием: эту надевать только на Троицу, эту — только на Рождество. <...>

А когда шли с крестным пасхальным ходом, то по местной традиции сжигался роскошный и обильный фейерверк. Летели в небо высоко-высоко обыкновенные

ракеты с очень резким, как бы раздирающим звуком, иногда обрушивая на участников хода деревянные, довольно увесистые стабилизаторы. Другие ракеты рассыпались в воздухе, как и сейчас, разноцветными шарами. Третьи на верхней точке излета выпускали из себя несколько красивых, быстро извивающихся змеек. Вертели там и сям чертовы колеса, горели разноцветные и бенгальские огни, пылали плоски. <...>

Когда, бывало, идешь вокруг церкви, то почти нечем дышать от порохового дыма, но нам, глупым мальчишкам, эта баталия чрезвычайно нравилась, и мы были бы чрезвычайно несчастны, если бы иллюминации этой не было. Папа пробовал внушать, что предутренний пасхальный ход изображает Жен Мироносиц, идущих «утру глубоку еще сущей тьме на гроб». И настроение у них было печальное и тревожное. И тут вдруг целая световая вакханалия. Но в те годы убедить кого-либо словами было трудно. Купеческие традиции — вещь тяжкая, особенно если подложена под них подкладка конкурентская: «Знай наших — Троица переплюнула все приходы своей иллюминацией». <...>

Но вот звон! Хотя, может быть, тоже кое-что имел в себе небожественное и дикое, но какое же величественное впечатление оставлял он, особенно на Пасху! Я думаю, что сорок сороков Москвы не производили такого впечатления на людей, как наши двенадцать храмов, поставленных в очень небольшом расстоянии друг от друга — в тихом, ровном, на большой реке расположенном городке. Я хочу сказать, что Москва — всегда Москва: городского шума никуда не денешь даже на Пасху. А кроме того — она весьма широка и велика. И я уверен: как ни величествен там бывал звон, но всех церковей одновременно невозможно было услышать, а сливалось местами все в нестройный гул. А у нас все как-то было под рукой, и большинство колоколов были подобраны в правильные аккорды, так что симфония получалась неопишуемая. На пасхальной неделе все дни полагалось звонить на колокольне, начиная с конца Литургии (богослужебные звоны, конечно, само собою) и кончая за полчаса до пасхальной Вечерни (в половине четвертого). Колокольни были открыты для всех, кто пожелает звонить, и наполнены были народом настолько, насколько позволяло это устройство колокольни. У нас в Троице колокольня была (она и теперь есть, только без колоколов) очень широкая, восьмипролетная, подобная по архитектуре соборному куполу с восемью окнами, но здесь, конечно, рам и стекол не было, а в пролетах висели разной величины колокола. Так что на полу колокольни, не считая места, занятого большим и вторым колоколами, оставалось немалое пространство для народа, который и толпился здесь на Пасху, ожидая очереди позвонить. Разумеется, многие звонить не умели, но это никого не смущало и не сердило, так как на Пасху даже беспорядочный звон как-то умилял, а не сердил. Многие, очень многие считали своим долгом позвонить на Пасху на колокольне. Немало людей считало, что звон этот помогает от разных болезней, особенно от головной боли.

Я рассказывал уже, как однажды негодные люди из соборного прихода разбили гвоздем большой колокол Георгиевской церкви. Это оттого, что края колокола

при звоне так вибрируют, что теряют свои ясные, сияющие металлом очертания. Гвоздь, сильно прижатый почти в одной точке, останавливает здесь вибрацию. Эта остановка по сужающейся толщине колокольного бока передается моментально вверх, и колокол дает трещину от края до ушков. Я пробовал прикладывать свою маленькую руку к звучащему краю. Колокол нежно, но решительно отбрасывает руку далеко в сторону. Тем более удивительно мне было то, что я сейчас расскажу. Идут с трудом на колокольню две древние, согбенные, бескровные лицом старушки. Немного отдышавшись после восхождения по колокольной лестнице, старушки осеняют себя широким крестом, прикладываются губами, как к иконе, к звучащему краю большого колокола, и — диво дивное! — он их не отбрасывает! А потом подходят под колокол, перехватывают у предыдущих звонарей веревки и делают несколько ударов, которые для них по инерции совсем не трудны. Затем выходят чинно, снова знаменуют себя широким крестным знаменем, снова прикладываются к продолжающему звучать колокольному краю и говорят: «Слава Тебе, Господи, сподобил Ты нас и в эту Пасху позвонить. Доживем ли до другой, Бог весть, стары уж мы стали. А в эту Пасху, какая радость, опять позвонили!» И идут прямохонько, долго не мешкая, домой. И так многие.

Звонить на нашей колокольне было чрезвычайно легко и приятно. Большой колокол обычно обслуживался двумя звонарями, но сильный человек мог и один звонить. А мелкие колокола, висящие в пролетах, были в ведении всегда одного человека. От второго колокола (не помню вес, но всячески не меньше двухсот пудов) протягивалась над головою звонаря цепь, а к ноге его спускалась от цепи широкая петля, и звонарь звонил во второй колокол одновременно с маленькими, вставив ногу в петлю и опуская ее, когда нужно, к полу. В правой руке своей звонарь маленьких колоколов держал катушку от четырех самых меньших колокольчиков, висевших справа от него. А по левую сторону от звонаря был на деревянном столбе укреплен железный диск — как бы столешница, и к ней были прикреплены веером цепи висящих в пролетах слева больших колоколов — пять цепей. В распоряжении трезвонщика было, таким образом, десять колоколов, а всего в звоне участвовали вместе с большим — одиннадцать. Двенадцатый колокол (чуть меньше размером второго колокола) был старше годами, от него была протянута веревка вниз к земле. Когда нужно было, подавали с земли «повестку» к началу или прекращению звона. В самые обыкновенные будни или в постовские простые дни на колокольню не лазали, а звонили снизу за веревку. Колокол этот звонил совсем вразрез с подобранной гармонией упомянутых одиннадцати колоколов, что было очень удобно, так как «повестка» очень хорошо сразу слышалась, как бы громко ни звонили. И в пост — заунывный, отменный от мясоеда звон, умилял душу.

Еще когда устанавливали колокола на колокольне, мастер, приехавший с этим делом, учил людей звонить. Самым хорошим учеником оказался сын старосты — Володя Старченков. Он где-то жил на стороне, когда мы в двадцатых годах приехали. Но иногда он приезжал и звонил. Родители мои и деды, да и я сам, не могли

слушать его без слез. Вторым по мастерству был некто Миша Бобиков, школьный товарищ матушки Ольги Михайловны — добродушный и рыжий юноша, живший прямо около церкви. Признанным всеми третьим номером был я. Уже несколько натренированные фортепианной игрой мои руки никогда не уставали (как впоследствии не уставали заряжать полуавтоматическую пушку на войне и еще впоследствии вынимать множество просфор в церкви). Звонили мы по полчаса перед службой, заблаговременно начиная. В большие праздники звонили целый час после службы, что напоминало Пасху, с той лишь разницей, что звон был не беспорядочный, а весьма ритмичный, в руках же Володи Старченкова — дивно художественный. Бывало, у мамы за праздничным столом уже по куску пирога гости съедят, а мы все еще звоним!

А колокола качаются на толстых сыромятных ремнях. Огромные, сверху колокольни, квадратного сечения, укрепленные толстым железом балки. Ремни наматаны в несколько слоев и застегнуты гигантской пряжкой, острие которой пронизывает все слои кожи. Колокола покачиваются не только нижними краями, но и сверху, так как ремни позволяют им несколько плавать в воздухе. Сияют на боках колоколов рельефные иконы святых, этакие довольно изящные барельефы. Над ними и под ними блестящие же славянские буквы: «Благовестуй, земле, радость велию, хвалите, небеса, Божию славу». В самом деле: в земле и из земных элементов слитый колокол заставляет воздух, всю стихию видимого неба звучать и петь Божию славу. Написано на крупных колоколах и то, на каком заводе, когда именно отлит тот или иной колокол, и сколько в нем весу. А еще была особенность такая. Наша колокольня, невысокая и очень широкая, качки не имела. Не то на колокольных узких. Там обязательно немного бывает качка. Соборная колокольня была у нас очень высокая и довольно узкая. Она вся была устроена на каркасе из мощных двутавровых стальных балок. Я на ней не бывал, но дед рассказывал, что язык большого колокола приходилось раскачивать ровно полчаса до первого удара. А когда звонили, то страшно бывало стоять наверху от явной и довольно большой качки. Она даже с земли была несколько заметна. Очень приятно, когда в ушах при звоне щекочет и все время журчит что-то, какие-то, наверное, ультразвуки. И наверху очень явственно слышны многие обертоны, сопровождающие основной тон колокола. Каждый колокол — неповторимое нечто по наличию и соединению этих обертонов. Казалось бы, они и не подходят друг к другу, но вместе все создают порой необычайно благородный бархатистый тембр. Ведь колокол звучит всеми своими кругами, которых в нем, сужающемся кверху, неисчислимое множество. Назвонишься, бывало, и идешь домой почти глухой, и уши приятно ноют. Несколько часов — будто вата в ушах. Я думал сначала: «Не пройдет мне даром мое звонарство, буду вот все переспрашивать: “Ась? Что? Повторите громче, не слышу”». Но не тут-то было. До пожилого возраста, почти до старости у меня сохраняется исключительной чуткости слух, так что летом, если нет посторонних шумов, ясно слышу, как на стене мушиные лапки по очереди с особым звуком прилипают к стене и отлипают от нее. <...>

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ ИЗВЕКОВ

Протоиерей Георгий Извеков — единственный канонизированный новомученик среди авторов духовной музыки. Его жизни посвящен ряд работ, среди которых наиболее существенны статья в Православной энциклопедии, написанная игуменом Дамаскином (Орловским) и О. А. Бычковым, а также опубликованное в Трудах Московской регентско-певческой семинарии жизнеописание Извекова, принадлежащее перу крупного церковного историка о. Сергия Голубцова и, что особенно ценно, написанное по материалам следственных дел¹. В обеих работах есть списки композиторских опусов Извекова: в Энциклопедии — только изданных до 1917, у о. Сергия к этому присоединено еще несколько композиций, находящихся в рукописях в частных собраниях. Небольшое число из находившихся в рукописях сочинений Извекова было опубликовано в разных сборниках на протяжении двух последних десятилетий (в основном в сборниках издательства «Живоносный Источник»). Но до сих пор не существует сколько-нибудь полного собрания этого автора, никакого исследования его достаточно обильного и многогранного творчества. Следует также иметь в виду, что не существует никакого личного архива Извекова, ни дореволюционного, ни послереволюционного. Критическая литература о нем очень скудна².

Между тем Извекова среди духовных композиторов, работавших в России в 1920-е и 1930-е, можно — по художественному качеству сделанного им — поставить рядом только с Н. С. Головановым. Так же как и Голованов, он не просто воспринял заветы Нового направления, но и оригинально развивал их в эту эпоху. Подобное движение, правда, есть и в творчестве А. В. Никольского — в двух его последних духовных концертах (из которых записан на диск «Боже, Боже мой, вонми ми», 1922) и Литургии № 2 (1921—1927, которая, к сожалению, исполняется крайне редко), но эти сочинения относятся только к 1920-м. Какого-то существенного обновления собственного стиля в этот период нет ни у А. Д. Кастальского (писавшего в начале 1920-х очень мало), ни у П. Г. Чеснокова (писавшего до 1928 значительно больше, но в найденном ранее стиле).

¹ См. этот текст ниже.

² Кроме названных выше следует упомянуть работу Н. Ю. Плотниковой, в которой речь идет о музыкальном языке некоторых дореволюционных опусов Извекова (см.: Полифонические формы в русской духовной музыке Нового направления конца XIX — начала XX века // От Гвидо до Кейджа: Полифонические чтения // Ред.-сост. Н. И. Тарасевич; сост. Т. Ф. Генова. М., 2006. С. 171—185).

Нельзя сказать, чтобы Извеков был забыт на русских клиросах: некоторое количество его песнопений, особенно опубликованных в сборниках П. М. Киреева, исполнялось (и переписывалось) на протяжении всех истекших десятилетий, однако круг этот узок.

Для суждений об «исполняемости» в разные периоды можно обратиться прежде всего к анкете Драмсоюза³, отражающей ситуацию на 1928—1929: «исполняемость» Извекова в это время сопоставима с «исполняемостью» таких достойных авторов, как, например, Н. Н. Толстяков и К. Н. Шведов, но гораздо меньше, чем у многих других, в том числе специфически «клиросных», композиторов. Не обильно представлен Извеков и в такой авторитетной подборке духовного творчества советского периода, как хранящееся в Синодальной библиотеке регентское собрание В. В. Локтева — чуть более десятка песнопений, преимущественно опять-таки из киреевских сборников. Примерно то же дает поиск нот и записей на соответствующих сайтах в Интернете.

Упорная и многолетняя собирательская деятельность руководителя издательства «Живоносный Источник» О. А. Бычкова, поиск в архивах открыли возможность сегодня более конкретно судить о творчестве Извекова в период до 1937 — разумеется, пока только в сугубо предварительном плане.

Но сначала — несколько слов о биографии о. Георгия, в которой тоже остаются «белые пятна».

Для удобства приведем здесь сокращенный текст статьи в Православной энциклопедии с некоторыми нашими комментариями курсивом.

* * *

Георгий Яковлевич Извеков (24.02.1874, Калуга — 27.11.1937, полигон Бутово Московской области, ныне в черте Москвы), священномученик (память 14 ноября в Соборе новомучеников и исповедников Российских и в Соборе новомучеников, в Бутове пострадавших), протоиерей, духовный композитор.

Родился в семье известного в Калуге церковного общественного деятеля священника Иакова Федоровича Извекова. Окончил Калужскую Духовную семинарию (1894) и Киевскую Духовную академию (1898).

К этому можно добавить следующее:

Профессиональным музыкантом в семье Извековых первым стал старший брат — Сергей Яковлевич Извеков (родился в 1862): он учился в Московской консерватории, опубликовал учебник⁴ и несколько духовных композиций в издательстве Юргенсона (эти композиции иногда ошибочно приписываются о. Георгию). Далее он принял сан, вернулся в Калугу и с 1888 преподавал, в частности, пение в местном епархиальном училище. Сергей Яковлевич скончался в 1915, оплакиваемый своими ученицами:

³ См. далее, в разделе «Дело Драмсоюза».

⁴ Точное название: Краткий курс элементарной теории и гармонии музыки. М., 1893.

«Любимого учителя пения С. Я. Извекова не стало. <...> В тишине успокоилась душа художника-артиста, живя искусством. Он весело и остроумно проводил уроки, управляя хором певчих в церкви и на вечерах. Грустно расходились с кладбища, кроме его жены с малолетними осиротевшими детьми. Училище долго и чутко вспоминало о нем...»⁵

Служил псаломщиком в посольских церквях в Праге (с 1899), Гааге (с 1905). В феврале 1906 года рукоположен во иерея, назначен в Петербургский Александровский женский институт законоучителем и настоятелем храма св. блгв. кн. Александра Невского⁶. Одновременно преподавал в гимназии принцессы Е. М. Ольденбургской, с 1913 — также в Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе. С 1910 — преподаватель Регентского училища, основанного С. В. Смоленским. В составе этнографических экспедиций Географического общества собирал русские народные песни.

В 1900, находясь в Праге, Г. Я. Извеков выпустил (за подписью Юрий Извеков) сборник «20 народных песен из собранных членами песенной экспедиции Русского Географического общества, переложенных для смешанного [четырёхголосного] хора». Это стильные и изящные обработки, в которых использованы преимущественно песни свадебного цикла, лирические и плясовые разных губерний. Но сведения, что Извеков ездил в этнографические экспедиции, — ничем не подтверждаются, скорее — опровергаются самим названием сборника.

До сих пор не был прояснен вопрос, где и как обучался Извеков музыке, а между тем уже первые его изданные композиции показывают не только незаурядный талант, но и высокий профессионализм.

В книге «Русская семья. Dans la tourmente déchaînée... Письма О. А. Толстой-Воейковой. 1927—1939» (см. в Хронике) в нескольких письмах 1927 года упоминается бывший регент Смольного института и духовный композитор Кондратий Волков, говорится также, что ранее он служил псаломщиком в Праге. В результате разных разысканий выяснилось следующее.

Настоятелем пражского, а также — в теплый период года — карловарского православных храмов был с 1897 по 1914 выдающийся священник — протоиерей Николай Рыжков, в числе прочего обладатель прекрасного певческого голоса, учившийся в Петербургской консерватории. Из воспоминаний его дочери следует, что талантливый регент и композитор Кондратий Волков, служивший при о. Николае псаломщиком и регентом в обоих городах, был слушателем Пражской консерватории, а хор пражской церкви, составленный главным образом из хористов местного оперного театра, славился своим пением и даже давал изредка духовные концерты. Именно в период служения о. Николая псаломщиком там был и будущий священник Георгий Извеков. И нетрудно предположить, что он тоже не упустил возможности быть «слушателем Пражской

⁵ Епархиалки. Воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ, М., 2011. С. 156. В тех же мемуарах С. Я. Извеков назван «вдохновенным пианистом» (С. 158).

⁶ Точнее, определен священником при церкви Александровского института и законоучителем Смольного института.

консерватории»: его первые — и замечательные — духовные сочинения изданы в Праге и, скорее всего, пражским же хором впервые и исполнены. В цитируемой ниже статье Н. И. Компанейского подтверждается, что Извеков учился за границей.

В конце 1913 года назначен одним из посольских священников в Германию. Во время Первой мировой войны служил священником в санитарном поезде, затем в госпитале. Был награжден Святейшим Синодом набедренником и камилавкой. После Октябрьской революции 1917 года переехал в Москву. В 1918—1920 работал в Московском областном союзе кооперативных объединений. С 1921 по 1926 служил в храме Донской иконы Божией Матери на ст. Перловская под Москвой, был возведен в сан протоиерея. В 1926—1930 состоял в секции духовных композиторов Московского отделения Общества драматических писателей и композиторов (Драмсоюза). Арестован 14 апреля 1931, заключен в Бутырскую тюрьму. Во время допроса сказал, что ожидал и даже хотел ареста, поскольку неудобно не испытывать лишений, когда другие страдают за веру. За организацию нелегальных братств и сестричеств и помощь ссыльному духовенству приговорен 30 апреля 1931 года особым совещанием при Коллегии ОГПУ к 3 годам ссылки, которую отбывал в Северном крае — Котласе, Великом Устюге и Сыктывкаре.

После отбытия срока вернулся на ст. Перловская. Занимался сочинением и обработкой духовной музыки по заказам храмов Москвы и других епархий. Занимался обработкой народных песен, зарабатывал переписыванием нот.

2 ноября 1937 арестован и помещен в Таганскую тюрьму Москвы. Причиной ареста, возможно, стали сведения о его посещениях Патриаршего Местоблюстителя Московского митрополита Сергия (Страгородского). На следствии отрицал предъявленные обвинения в «распространении вымышленных контрреволюционных слухов». Заявил, что говорил о существующем в СССР притеснении верующих, о закрытии церквей и об арестах священников. 23 ноября 1937 по обвинению в «контрреволюционной фашистской агитации» приговорен Особой тройкой УНКВД по Московской области к высшей мере наказания. Канонизирован постановлением Свящ. Синода от 24 декабря 2004.

* * *

Как уже указывалось, у Извекова не сохранилось личного архива. Но нет и сколько-нибудь полного списка его сочинений. Дело осложняется тем, что этот автор издавался в разных местах, в том числе за собственный счет, не обозначая композиции опусами или сквозной нумерацией. Между тем без подобного списка невозможно осознать ни объем творчества, ни его эволюцию. Списки, приведенные в указанных выше изданиях, явно неполны и неточны. Попробуем создать более четкую картину.

Первое издание композиций Извекова относится к концу 1904, оно вышло в Праге, скорее всего, за счет автора, на нотах это не обозначено. При этом он брал разрешение в петербургской духовной цензуре, что и позволяет уверенно говорить о датировке. В Музее имени Глинки, в коллекции Н. Е. Неаполитанского, есть три номера из пражского издания. На одном из них имеется полное оглавление.

Оно отчасти совпадает с тем списком, который приведен в Православной энциклопедии под верным титулом всей этой публикации — «**Мелодии знаменного, киевского, греческого и болгарского роспевов в систематизации и обработке Ю. Извекова для смешанного хора**», но не полностью и с неверным обозначением: «б. м., б. г.», то есть «без места и без года». Полное оглавление пражского издания выглядит так:

Глас 1. Всенощное бдение

1. Благослови, душе моя (для одного и двух хоров)
2. Кафизма: Блажен муж
3. Господи воззвах. Догматик
4. Свете тихий. Прокимен
Ектении: сугубая и просительная
5. Богородице Дево радуйся
6. Бог Господь. Тропарь: Камени запечатану
7. Кафизмы. Седален
8. Полиелей: Хвалите имя Господне (двухорное)
9. Тропари на непорочнах: Ангельский собор
Прокимен: Ныне воскресну и проч.
10. Канон
- 10а. То же в упрощенном виде
11. Свят Господь Бог наш. Всякое дыхание
12. Славословие великое
13. Тропари воскресные: Днесь спасение. Воскрес из гроба
14. Взбранной воеводе

Сочинения того же автора

15. Иже херувимы (Обиход. № 3)
16. Достойно есть. Ис полла эти деспота — из литургии, глас 1-й
17. О Тебе радуется (глас 1-й)
18. Милость мира (постное)
19. Догматик 2-го гласа знаменного роспева
20. Догматик 5-го гласа знаменного роспева

В Музее имени Глинки имеются № 10, 17, 18. Последний из них, «Милость мира», — с дарственной надписью: «Дорогому о. Георгию Николаевичу Чиннову от товарища-земляка. Свящ. Г. Извеков». Отец Георгий Чиннов был очень известным священником в Москве в 1920-е годы, настоятелем храма Успения на Могильцах (см. в воспоминаниях Анатолия Свенцицкого).

Далее — имеется перечень опубликованного Извековым в течение 1910-х годов в сборниках Киреева № 12—15, 17. Сборники № 12 и № 14, вышедшие соответственно в 1915 и 1916, содержат песнопения Литургии для малого смешанного хора, сборники № 13 и № 15 (1916) — песнопения Всенощной «из произведений

современных авторов». К этим нумерованным сборникам Киреева относятся следующие публикации Извекова:

- «Многая множества» — в сб. № 12 «На литургии»;
- «Свете тихий» и «Богородице Дево» — в сб. № 13 «Всенощное бдение»;
- «Херувимская песнь» (Мотольская), «Достойно есть» (болгарского распева), «Хотех слезами омыти» — в сб. № 14 «На литургии»;
- «Хвалите имя Господне» (2-хорное), «Великое славословие», «Днесь спасение миру», «Воскрес из гроба» — в сб. № 15 «Всенощное бдение».
- «Достойно есть» 8-ми гласов знаменного распева — в сб. № 17 (1915).

Извеков выступил также составителем и аранжировщиком сборника № 19 «На Литургии (для трех мужских голосов)» (1915), где представлены его композиции в трехголосных переложениях:

- «Благослови душе моя Господа»
- Прокимны (на весь год)
- «Отца и Сына» (№ 1 и № 2)
- «Милость мира» (на литургии Василия Великого)
- «О Тебе радуется».

В перечисленных публикациях, очевидно, использованы соответствующие песнопения пражского собрания. Говорить об этом приходится предположительно, поскольку кроме названных выше номеров из собрания Неаполитанского другие номера пражского издания отсутствуют (хотя розыски предпринимались и в Москве, и в Петербурге). По условиям этих киреевских сборников входящие в них песнопения должны были представлять материал, в целом доступный для «обычных» хоров и «обычных» регентов. Однако есть среди извековских песнопений и такие, которые демонстрируют его достаточно сложный зрелый стиль. Прежде всего это «Хотех слезами омыти» (на текст покаянной стихиры из Октоиха) — «драматический» запричастен, написанный в форме, близкой к полифоническому мотету.

Несколько песнопений, вышедших затем отдельно у Киреева, были сначала опубликованы в приложениях к журналу «Хоровое и регентское дело»:

- «На реках Вавилонских» (для смешанного хора) — ХРД, 1913
- «Благообразный Иосиф» (для смешанного хора) — ХРД, 1909
- «Христос рождается» и «Торжественный канон Рождеству Христову» (для смешанного хора) — ХРД, 1914
- «Достойно есть» (8-ми гласов, знаменного распева) (ХРД, 1910—1913)

В 1916—1917 Киреев опубликовал отдельно еще ряд сочинений Извекова:

- «Да исправится» (тенор соло и смешанный хор)

«Милость мира» и «О Тебе радуется» на литургии св. Василия Великого (для смешанного хора; в отличие от опубликованных в сборнике № 19 переложений)

Пасхальный концерт «Снизшел еси» (для смешанного хора), 1917.

Заканчивая с киреевскими изданиями, можно указать, что в середине 1920-х Киреев, пытавшийся в условиях нэпа продолжить издательскую деятельность (путем гектографирования нот и дальнейшей их рассылки по конкретным адресам; см. далее в разделе «Издательская деятельность»), переиздал три из изданных ранее им сочинений Извекова (Пасхальный концерт, Рождественский канон, «Да исправится») и заново издал еще одно сочинение — «Не умолчим никогда».

После 1905 в нотопечатне Шмидта Извеков издал (или переиздал) за свой счет следующие композиции:

«Свете тихий»

«Полиелей: Хвалите имя Господне» (2-хорное)

«Канон 1-го гласа» (знаменного распева)

«Иже херувимы» (обиходное)

«Достойно есть» (8-ми гласов, знаменного распева)

«Ис полла эти деспота» (болгарского распева)

«О Тебе радуется» (глас 1, болгарского распева)

«Милость мира» (великопостное)

«Бог Господь и Благообразный Иосиф» (болгарского распева)

«Христос воскрес» (напев Волоколамского уезда Московской губернии).

Очевидно, что часть из них опять-таки представляет собой перепечатки из пражского собрания или из приложений к ХРД,

На этом кончается история дореволюционных изданий композиций Извекова. В наше время были впервые изданы по рукописям из частных собраний: запричаштен «Утоли болезни», стихира Воздвижению «Восплещем днесь», «Спаси Боже» с соло диакона, «Ныне отпускаеши» с соло баса, запричаштен «Вскую мя отринул еси».

* * *

Извеков продолжал активную творческую деятельность и после 1917 — вплоть до 1937. Для суждения об объеме и характере этой деятельности имеется несколько источников.

Прежде всего, очень важно, что в собрании О. А. Бычкова есть *автографы* композитора или авторизованные копии, верность которых засвидетельствована красивой личной печатью Извекова. Это — пока единственный источник автографов композитора.

Особое значение имеет сборник, принадлежащий известному московскому регенту С. В. Кривобокову и обнаруженный, по его рассказу, при сносе хозяйственной постройки около храма Рождества Богородицы в Крылатском. Сборник состоит из двадцати двух (20 — по нумерации, но в двух случаях имеются подпункты) номеров: 5 номеров — автографы, 17 написаны другой рукой.

Сборник имеет титул рукой автора:

Мои сочинения
Георгий Извеков 13 августа 1935
Дорогому Борису Сергеевичу на память Г. Извеков

Имя и отчество «Борис Сергеевич» сразу вызывает в памяти имя настоятеля в течение многих лет очень известного в Москве храма Преподобного Пимена Великого, протоиерея, духовного композитора Бориса Сергеевича Писарева. И это подтверждается появляющимися далее многократно подписями Писарева в конце разных песнопений. Сборник, кроме нескольких песнопений-автографов, скорее всего написан рукой Писарева, а автор потом, по-видимому, проверял точность переписки и ставил свои печати, в некоторых случаях добавляя ремарки по поводу характера исполнения. Трудно точно сказать, кто осуществлял выбор песнопений — автор или переписчик, но в любом случае думается, что этот сборник, в силу его поздней даты, можно считать неким «авторским собранием», к которому Писарев потом присоединил полученные им где-то еще два автографа (они не внесены в оглавление, и один из них имеет более позднюю дату — 1936).

К 1935 Писарев получил образование в Музыкальном техникуме имени Скрябина (нынешняя «Мерзляковка»), служил как регент сначала в храме Благовещения на Тверской при настоятеле о. Николае Пшеничникове, затем, в 1931—1934, регентовал в храме во имя святых Флора и Лавра на Зацепе, потом, до 1941, был регентом в храме святителя Николая в Кузнецях.

Приводим содержание сборника, составленное рукою Писарева; курсивом выделяются ремарки Извекова; жирным шрифтом отмечены автографы:

1. Великая ектения

Автограф (засвидетельствованный также надписью Писарева) — *Великая ектения праздничная — для хора с возгласиями диаконскими. Исполнение на подобие Ектении Смоленского.*

В конце песнопения: *Из трех последних [ответы хора пронумерованы] можно сделать малую [ектению].* Следует описание, как нужно сделать.

Авторские ремарки карандашом на ответах хора: *торжественно громко; P[iano] печально; под конец светло; со сладкопением; пасхально; P[iano] глухо, преобразился; полная каденция — молитвенно.* Подобного рода ремарки имеются в целом ряде песнопений.

1а. Хвалите имя Господне. Глас 1-й

В оглавлении отсутствует. Запись рукою Писарева. Свободная обработка знаменного роспева. В конце подпись Писарева и дата: 5 марта 1935

2. Блажен муж. На 2-й глас знаменного роспева

3. Свете тихий. Валаамское

4. Господь воцарися. Киевского роспева

4а. Аллилуия № 2 (после чтения Апостола)

В оглавлении отсутствует

5. Хвалите имя Господне. Глас 6-й (Введению)

В конце подпись Писарева и дата: 30 мая 1934

6. Хвалите имя Господне. Валаамское

7. Воскресные ирмосы 2-го гласа

8. - - - 3-го гласа

9. - - - 5-го гласа

10. - - - 6-го гласа

11. - - - 7-го гласа

В конце подпись Писарева и дата: 10 марта 1935

12. - - - 8-го гласа

13. Величит душа моя Господа

14. Припевы к хвалитным стихам «Тебе подобает»

Ремарка: «*Всякое дыхание*» поется на глас до последней фразы «*Тебе подобает песнь Богу*», эту фразу в качестве припева хор поет следующим образом...

15. Великое славословие. Ор. 71⁷

В оглавлении отсутствует, но печать автора имеется.

16. Херувимская песнь на 5-й глас

Автограф. Тэмы: Фита 5 гласа и «Святой Боже» из Великого славословия болгарского роспева, глас 5.

17. Милость мира и Тебе поем № 6

Автограф. О. Александру на память о 23 ноября 1936 года.

Перед повторением слов «и нераздельней» ремарка: «*Конец исполняется как можно контрастнее тише. Это ангельский собор, уносящийся в высь на небо, чтобы оттуда вместе с Землею грянуть — Свят, свят...*»

18. Аллилуия после чтения Апостола на 1-й глас

Автограф

19. Аллилуия после чтения Апостола на 2-й глас

Автограф

20. Великое славословие (на Валаамские роспевы)

Утерян конец песнопения — Трисвятое.

Большой интерес представляет еще один разысканный О. А. Бычковым сборник произведений Извекова — хранившийся в собрании архимандрита Матфея (Мормыля) и ныне находящийся в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры. Он составлен собирателем русского духовно-музыкального творчества, автором Словаря русского церковного пения (до сих пор остающегося не изданным; см. во второй книге тома) Дмитрием Семеновым. Сборник содержит рукописи Семенова —

⁷ Как уже указывалось, Извеков не обозначал свои композиции опусами. Однако именно обозначение «ор. 71» по отношению к Великому славословию имеется и в других рукописных копиях. Возможно, в данном случае композитор хотел отделить произведение от других своих композиций на тот же текст. Возможно, какой-то опусный перечень он все же вел для личного пользования.

копии с изданий и сами издания, вплетенные в сборник; судя по надписи, собрание было оформлено в 1953. Приведем его титул и оглавление.

Священник Георгий Извеков.

*Собрание духовно-музыкальных сочинений и переложений. Книга 1-я.
Издания собств. автора, «Хорового и регентского дела», П. М. Киреева.
С.П.Б. 1913—1917 гг.*

1. Херувимская песнь Мотольская (Киреев, № 14)
2. Ирмосы на Рождество Христово (Киреев)
3. На реках Вавилонских (ХРД, 1913)
4. Бог Господь и Благообразный Иосиф (ХРД, 1909)
5. Христос воскрес (ХРД, 1914)
6. Снизшел еси. Пасхальный концерт (Киреев)
7. Да исправится молитва, solo и хор («печатное») (Киреев)
8. Свете тихий (Киреев, № 13)
9. Богородице Дево, радуйся (Киреев, № 13)
10. Хвалите имя Господне, двухорное (Киреев, № 15)
11. Великое славословие (Киреев, № 15)
12. Тропарь воскресный «Днесь спасение миру» (Киреев, № 15)
13. То же «Воскрес из гроба» (Киреев, № 15)
14. Достойно есть, болгарского роспева (Киреев, № 14)
15. Многая множества, запричастный (Киреев, № 12)
16. Хотех слезами омыти, то же (Киреев, № 14)
17. Достойно есть 8-ми гласов знаменного роспева: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 («печатное») (Киреев, № 17, гласы 5—8 — ХРД, 1910—1913)

Понятно, что Семенов обозначает «печатное» тогда, когда, не имея в собственности издания, переписывает опубликованное песнопение от руки. Самое же интересное — это конец сборника, **пять последних песнопений, № 18—22**, объединенных в оглавлении фигурной скобкой с надписью: **«копии с рукописей автора»**. Копии выполнены рукой Семенова, и к первой из них имеется примечание: **«Настоящее и последующие произведения скопированы с авторских рукописей, принадлежащих московскому регенту Н. С. Данилову, в ноябре 1960 года»**. Николай Сергеевич Данилов — «синодал», в это время регент хора храма Всех Святых на Соколе. Просмотр имеющегося списка его послевоенного репертуара показал однако, что он исполнял всего лишь одно сочинение Извекова — «Хвалите имя Господне» (очевидно, самое популярное из ряда песнопений композитора на этот текст, опубликованное Киреевым).

18. Херувимская песнь. Для монастырского хора. «Извековская», глас 3
На подлиннике: *Суббота 5 недели. Похвала Богородицы. 22 марта 1925 г.*

19. Милость мира. Тебе поем. Для монастырского хора с альтом. 3 глас знаменного роспева

Карандашом проставлен метроном, темповые и динамические указания.

20. Достойно есть. Из Греческой Литургии автора (1932 год)

Ремарки карандашом. Надпись в конце: «Дорогому Михаилу Васильевичу Колобанову — дар любви. Г. И. 1932».

21. Да исправится молитва. Трио и [мужской] хор (1926)

На подлинной рукописи: «Исполнение просто, потому что музыка понятна: 1-я половина каждого стиха — исполняется нервно, с подъемом, 2-я — плавно, молитвенно. Каденция с подъемом и благоговейно. РР — последний аккорд. Прот. Георгий Извеков».

22. Аллилуарий. Глас 2, со стихами (1926)

На подлинной рукописи: «Многоуважаемому православному церковному старосте М. В. Колобанову в память посещения моей келлии 15—28 ноября 1926. Г. И.».

Зная певческую эрудицию Семенова, можно предполагать, что копии выполнены с автографов с достаточной достоверностью⁸.

В нотной библиотеке Семенова, находящейся сейчас в Музее имени Глинки, нашлось продолжение лаврского собрания — еще два сборника сочинений Извекова, обозначенные самим собирателем как 2-й и 3-й и представляющие собой сплошь автографы Семенова.

На титуле сборника № 2 значится: «**20-е и 30-е годы текущего столетия. Копии с авторских рукописей**». Дата оформления сборника — 1961.

На титуле сборника № 3 значится: «**Копии с послевоенных рукописей автора**». Дата оформления сборника — тоже 1961.

Это обозначение, учитывая дату смерти Извекова, на первый взгляд кажется странным; на самом деле Семенов хотел сказать: сочинения периода после Первой мировой войны (а не после Второй), возможно — после 1917.

К сожалению, ни в одном песнопении из этих сборников нет датировок, нет и указания на источник, откуда взяты рукописи для переписки, — если не принимать выражение «настоящее и последующие произведения» в примечании первого сборника как относящееся также к второй и третьей тетрадам в целом, то есть считать, что все авторские рукописи находились в библиотеке Данилова. Поскольку Семенов, очевидно, имел не все издания сочинений Извекова, то в этих двух сборниках встречаются и копии таковых. Довольно многие песнопения из этих сборников имеются в других копиях из собрания О. А. Бычкова.

Священник Георгий Извеков.

Собрание духовно-музыкальных сочинений и переложений. Книга 2-я

1. Догматик Богородичен 6-го гласа (знаменного распева) «Кто Тебе не убожит». Тенор соло и хор
2. Догматик Богородичен 8-го гласа знаменного распева «Царь небесный»

⁸ Вопрос о том, куда девались автографы Извекова, находившиеся в регентской библиотеке Н. С. Данилова, пока не прояснен. По сведениям, сообщенным «синодалом» А. П. Смирновым, в библиотеку Н. С. Данилова попали ноты из библиотек В. П. Степанова и Н. Н. Толстякова, а затем собрание Данилова было передано в Издательский отдел Московской Патриархии.

3. Ирмосы воскресные на восемь гласов [знаменные]
4. Прокимен «Господь воцарися» [знаменный, с партией диакона]
5. Он же киевского роспева
6. Три запричастных:

8-й глас. Песнь 4 — «Ты моя крепость» (тенор соло)

8-й глас. Песнь 5 — «Вскую мя отринул еси» (баритон соло)

8-й глас. Песнь 6 — «Очисти мя Спасе» (сопрано соло).

Священник Георгий Извеков.

Собрание духовно-музыкальных сочинений и переложений. Книга 3-я

1. Великая ектения «на большие праздники» [та же, что в сборнике Кривобокова обозначена к исполнению «наподобие Ектении Смоленского»]
2. «Блажен муж» на 2-й глас знаменного роспева
3. «Свете тихий» из Валаамской всенощной
4. «Хвалите имя Господне», Валаамское
5. «Хвалите имя Господне», глас 1 (знаменное)
6. «Величит»
7. «Всякое дыхание»
8. «Преблагословенна еси»
9. Великое славословие [ор. 71]
10. Великое славословие на валаамский роспев
11. Херувимская [«Тема: Фита 5-го гласа и “Святый Боже” на Великом славословии болгарского роспева, глас 5-й»]
12. Тебе поем

Особенно интересна композиция 2-й книги, где центральное место занимают Ирмосы воскресные восьми гласов знаменного роспева, следом за которыми приводятся еще три песнопения на тексты четвертой, пятой и шестой песен канона восьмого гласа, написанные для хора и солирующих голосов (поочередно: тенора, баритона и сопрано) — как запричастные стихи. По стилю эти сочинения, со свободной, авторской мелодикой, близки такому сочинению, как «Хотех слезами омыти», то есть представляют «драматический» стиль Извекова. Это дает основания предположить, что данные ирмосы близки покаянной стихире по времени создания, но подобные умозаключения нуждаются в проверке.

Дмитрий Семенов вообще собирал все, что мог, из области русского церковного пения. Но предпочтения его были безусловно отданы Новому направлению, «московской школе»; его любимым автором был А. В. Никольский; высоко ценил он и новое поколение «синодалов» — Голованова, Шведова. Современных ему «клиросных» авторов Семенов тоже собирал, но нередко отзывался о них с иронией, а иногда и просто пренебрежительно. К творчеству же Извекова он подошел, как видно, с особым вниманием. Это вполне соответствует той высокой оценке, которая запечатлена в статье из Словаря Семенова.

Как духовный композитор Извеков примыкал к новой русской школе; в ряде своих сочинений («Херувимская песнь» Мотольская, «На реках Вавилонских», «Благообразный Иосиф», «Достойно есть» 8-ми гласов знаменного распева) всецело стоит на платформе принципов гармонизации Кастаньского. Особенную ценность представляет «Благообразный Иосиф» — единственное, после Кастаньского, глубоко молитвенное и художественное переложение, так верно передающее душевное состояние верующего в утро Великой Субботы (для исполнения требуется большой хор). «Достойно есть» нетрудно по изложению, с прозрачной гармонией, не затушевывающей мелодию, и доступно к исполнению средним хором.

«В новом стиле» (слова автора) написаны «Ирмосы Рождества Христова», Пасхальный концерт «Снизшел еси» и «Да исправится молитва» (обычная мелодия, solo тенор и хор). В них сохранен дух старинного пения, как в мелодии, так и гармонизации (унисоны, двухголосие, окончание на квинте и т. д.), но налицо и современная гармония: ходы секстами, полные аккорды, «концертная» форма чередования партий в хоре и т. д. «Ирмосам» предпослано объяснение музыкального содержания каждого ирмоса.

Многие сочинения Извекова («Хвалите имя Господне», «Многая множества», «Хотех слезами омыти») написаны в новой манере творчества XX века: усложненная гармония, драматизм и экспрессия, но все это сглаживается благородностью звучания и доступностью к исполнению.

Поздний выход в свет (предвоенные годы) помешал их широкому распространению. «На реках Вавилонских» и «Ирмосы воскресные» исполнялись в концертах «500».

Со всеми оценками Семенова можно вполне согласиться. В том числе — с «особенной ценностью» песнопения «Благообразный Иосиф»: его можно поставить не только рядом с Кастаньским, но также и с великолепным песнопением на этот текст из «Страстной седмицы» Гречанинова. Не ко всему, однако, можно в полной мере отнести «доступность к исполнению»: тот же «Благообразный Иосиф», с его сложным многослойным контрапунктом, требует большого и сильного хора, равным образом и пасхальный концерт, с его оригинальным сочетанием знаменных тем и стилизованных приемов классицистского торжественного концерта. Кроме того, Семенов в своей статье не учитывает позднее творчество Извекова — то, которое сам же замечательный собиратель сохранил для будущего в тщательно переписанных им трех сборниках.

* * *

Кроме охарактеризованных выше сборников Писарева и Семенова, в собрании О. А. Бычкова имеется **около восьмидесяти** песнопений авторства Извекова (среди них есть изданные, но много — неизданных). В том числе циклы: «Блажен муж» восьми гласов, «Милость мира» восьми гласов плюс варианты на разные распевы, шесть номеров «Хвалите имя Господне» (в том числе изданные) на разные гласы и проч. Разобраться сразу в этом море, атрибутировать все песнопения пока затруд-

нительно. Поэтому целесообразно начать с автографов или так или иначе засвидетельствованных копий с них.

12 Антифон Великого Пятка «Сия глаголет Господь». Для соло баритона с хором Автограф. Надпись жирным карандашом на 1-м листе слева: № 3/1937. Утрачено окончание песнопения.

Стихира самогласная на утрени Великого Пятка, глас 1. После 11-го Евангелия «Вся тварь изменяешся страхом»

Автограф. Надпись на 1-м листе слева: № 9/1937. Справа подпись Извекова. В конце партитуры подпись и печать.

Стихиры на хвалитех после 9-го Евангелия утрени Великого Пятка «Два и лукавная сотвори» (музыкальная фактура народного причитания)

Автограф. Надпись на 1-м листе слева: № 8/1937. Справа подпись Извекова. В конце партитуры подпись и печать.

Литийная стихира на Воздвижение Креста Господня «Восплещем днесь».

Надпись в конце партитуры: *С рукописи автора. Соч. 8/21 сентября 1926.*

Переписано почерком Д. С. Семенова.

Кондак и икос утрени и повечерия Великого Пятка «Нас ради распятого» (музыкальная фактура народного причитания)

Автограф. Надпись на 1-м листе слева: № 5/1937. В конце партитуры подпись и печать автора.

Протодиаконская выкличка (за Литургией). Solo [протодиакона] с хором. Посвящается М. К. Холмогорову. 1929, февраль

Копия переписчика. Перед песнопением подробные ремарки к исполнению с подписью автора.

«Спаси, Боже, люди Твоя» для диакона с хором

Копия переписчика. В конце партитуры дата: 3.XII 1922 (рукопись из библиотеки С. И. Беликова). Исполнительские ремарки карандашом. Судя по упоминанию в тексте великомученика Никиты, песнопение тоже связано с М. К. Холмогоровым, который в это время служил в одноименном московском храме.

«Спаси, Боже, люди Твоя»

То же, с подписью автора на первом листе. Отсутствует окончание.

«Се Жених» и «Чертог Твой»

Копия переписчика, печать автора. В конце партитуры: *Казань. Н. Иванов.*

Что можно сказать о стиле композитора, опираясь хотя бы на эти точно атрибутированные хоровые партитуры 1920—1930-х годов?

Как и ранее, Извеков работает в разных стилистических ракурсах, отдавая, однако, безусловное предпочтение «знаменному» стилю. Обозначено песнопение

как «обработка» (сам Извеков чаще употребляет термин «положил», а еще чаще указывает только распев и глас) или нет, оно исходит из попевок древних роспевов, особенно знаменного, — трактуемых как элементы авторского языка. «Драматический», «мотетный», хотя тоже опирающийся на церковную интонационность, стиль, который представлен в прекрасных и наиболее сейчас распространенных духовных концертах Извекова — таких, как «Хотех слезами омыти», «Утоли болезни», — для поздних сочинений скорее не характерен. Совершенно отсутствуют те две «стихии», которые преобладают в клиросном творчестве данного периода: стихия, так сказать, минорной романсовости и стихия эмоциональных соло — «выступлений» певцов с аккомпанементом хора. Солирование у Извекова (кроме названных выше запричастных) встречается нередко, но в ином качестве, всегда связанном с содержанием данного текста, даже данной фразы; солирование часто применяется в отдельных фрагментах песнопения как темброво-фактурная краска: солисты могут выделяться как «голоса из хора» и потом пластично возвращаться в него (такую же технику, кстати, нередко использует Голованов). Общее же звучание песнопений Извекова, условно говоря, позднего периода — «уставное», часто строгое и величественное, часто мажорное по тону, чему способствует обилие «хвалитных» песнопений, а также переложений эпических по самому своему складу ирмосов канонов. Мажорное по тону — в данном случае не означает обязательно мажорное по ладу: язык Извекова в этом смысле сложнее, поскольку опирается на распевную ладовость.

Очевидно стремление автора к решению сложнейшей проблемы нахождения для каждого гласа индивидуального многоголосного решения — задача, которую в свое время ставил Кастальский. Как уже говорилось, в наследии Извекова несколько осмогласных циклов. Среди них, по-видимому, наиболее интересны ирмосы канонов: не только для каждого цикла ирмосов одного гласа, но и для каждой песни того или иного канона автор ищет оригинальное образное (гармоническое, фактурное) решение.

В каком-то смысле новые каноны — продолжение того, что делал Извеков в молодые годы, когда, издавая в Праге Канон 1-го гласа, предпосылал каждому ирмосу тексты соответствующих библейских песен, и того, что он делал позже в Торжественном каноне Рождеству Христову (1916), где на обороте титула издания подробно излагается содержание каждого ирмоса и даются некоторые музыкальные указания в связи с этим содержанием. Но более поздние каноны отличаются особым многообразием и свободой в применении разных приемов; можно сказать, стабильное многоголосие вообще уходит, а на его место встают разные художественные приемы оттенения унисона. Очень часто присутствует «исон» — обычно не напрямую, а в гибкой передаче из партии в партию, как уровень «строки» унисонного пения.

Совершенно понятно, что многое приходится считать утерянным навсегда или пока не разысканным. Например, имеется «Достойно есть» 1932 года из Греческой литургии — изящное песнопение, с прихотливо перебрасываемыми из голоса

в голос исонами, со своеобразной интонационностью. Может быть, была написана и вся Литургия; вопрос — для какого храма. Известно, что в это время сложился хор греческой посольской церкви в Ленинграде под управлением А. П. Рождественского, в котором пели профессиональные артисты и протодиакон был в прошлом оперным певцом. Возможно ли, что Греческая литургия была написана для этого коллектива?

Другая загадка — три песнопения для мужского монастырского хора (одно — с альтом) 1925—1926 годов. Они показывают, что Извеков, вообще любивший развернутую хоровую фактуру с «тембризацией» в духе Нового направления, мог писать и в достаточно аскетичном стиле, не упрощая при этом свой язык. Особенно привлекательна Херувимская «Извековская», написанная, думается, по сложной модели знаменной Херувимской, с бесконечным длением мелодической линии. Какой монастырский хор мог иметься в виду? И что еще могло быть написано для этого хора? В связи с «аскетичным» стилем можно заметить, что среди песнопений Извекова, и ранних, и более поздних, есть очень просто изложенные, в том числе, среди рукописей, «Милость мира» калужская для «соло контральто и народного пения» (дата пока неизвестна, это может быть и раннее сочинение).

Два произведения связаны с именем знаменитого московского протодиакона Михаила Холмогорова, причем одно из них, «Спаси Боже», напоминает об аналогичном песнопении Павла Чеснокова (1920) — написанном для Константина Розова, но исполнявшемся также Холмогоровым, песнопении, очень любимом в ту эпоху и сейчас. Дата песнопения Извекова несколько более поздняя — 1922, а Протодиаконской выклички еще более поздняя — 1929. «Спаси Боже» — произведение эпического стиля, отчасти напоминающее по тону звучания о соответствующих сценах «Бориса Годунова» Мусоргского. Характерный момент — появление напряженных звучаний на упоминаниях мученика Патриарха Ермогена и «святых славных и добропобедных мучеников». И то же самое в Протодиаконской выкличке, где такого рода звучания появляются на словах «о избавлении братий наших в темницах и пленении сущих»; к этому разделу имеется и нечто вроде пояснения автора на полях нотного текста: «Ибо вы и моим узам сострадали» (Евр. X:34).

Представляется, что совершенно особое значение имеют четыре песнопения Великой Пятницы, датированные 1937 годом. Не говоря уже о том, что эта Великая Пятница оказалась последней в жизни Извекова (а это он, судя по всему, предчувствовал), ясно, что перед нами — фрагменты певческого цикла Великой Пятницы. Цифры, выставленные на рукописях через косую черту с годом (37), обозначают последовательность песнопений: имеются № 3, 5, 8 и 9; отсутствует все остальное. Несомненно, это — прекрасные произведения, в которых сказалось все мастерство автора.

Первый в этой последовательности — № 3, 12-й антифон — написан на знаменную тему, звучащую у баритона соло, поскольку по содержанию это обращение Христа к народу («Сия глаголет Господь иудеом»), с тонким плетением подголосков в партиях разных хоровых групп.

№ 9, стихира «Вся тварь изменяеся страхом», тоже написан на знаменную тему (автором обозначен глас 1), как бы разрушаемую восклицательными аккордами хора тутти на ключевых словах — «вся тварь», «страхом», «сотрясахуся». Этот прием, кстати, найден Извековым уже в песнопении 1926 года — стихире на Воздвижение «Восплещем днесь», где тоже в тексте возникают образы Страстей, на кульминационных словах о земле, колеблющейся страхом.

№ 5 и № 8, стихира на хвалитех («Два и лукавая сотвори»), кондак и икос («Нас ради распятого»), написаны, как указано самим автором, в «музыкальной фактуре народного причитания», надо понимать — традиционного крестьянского причета. К первому песнопению имеется дополнительный комментарий: «Не громко. Это не вопль, а скорбный плач». Обработка внешне скупая: только линия причитания в унисон и в октаву с эпизодически подложенными исонами. Во втором случае ниспадающая линия причитания речитируется скользящими аккордами всего хора с унисонами в каденциях.

Можно представить себе, как красиво и выразительно могло бы быть чередование «знамени» и «причета» в полной службе отпевания Плащаницы...⁹

О том, как воспринимал и интерпретировал композитор канонические тексты, почему в каждом случае он выбирал тот или иной музыкальный прием, могут дать понятие многочисленные ремарки на целом ряде партитур. Подобные ремарки делал в своих поздних рукописях и Павел Чесноков, но ремарки Извекова, можно сказать, более детальные и конкретные.

Очень яркий пример — партитура (недатированная, но явно относящаяся к периоду после 1917) тропарей Страстной Седмицы «Се Жених» и «Чертог Твой».

В «Се Жених» первая строка киевского роспева расписана следующим образом:

«*Се Жених*» — унисон: «раздается зов громкий дружек, идущих впереди Жениха»; «*грядет*» — появляются мотивы шага в нижних голосах: «шаги некоего таинственного шествия»;

«*и блажен*» — снова унисон: «второй зов — еще громче»;

«*недостойн же*» — «третий зов, еще громче»;

на слове «*паки*» — два аккорда на исоне — «звучит аккорд арфы, хлынувший из брачного чертога»;

«*егоже обрящет унывающа*» — выразительная тема у тенора в миноре — «захлопнулась дверь, душу охватила тоска».

И так далее.

Это вовсе не наивный комментарий, а попытка автора донести до исполнителей то, что ему открывалось в древних роспевах и их связи со словом, объяснить свой метод.

⁹ Такой прием совмещения и контрастирования церковных и народных певческих формул типичен для ряда современных авторов. В частности, на нем построена весьма интересная композиция Андрея Микиты «Сам Един еси безсмертный».

В связи с причитаниями надо вспомнить о произведениях Извекова, не относящихся к церковным жанрам.

Как уже упоминалось, в 1900 он выпустил сборник «20 народных песен из собранных членами песенной экспедиции Русского Географического общества, переложённых для смешанного [четырёхголосного] хора».

В 1914 он опубликовал «народное причитание при проходах солдат на войну» «Далеко от родимой сторонушки» для женского голоса с фортепиано (вариант по записям И. Ульянова) — здесь и напев, и способы его обработки напоминают то, что потом было использовано автором в трактовке песнопений Великого Пятка.

Каким-то чудом Музгизом в 1930 была издана очень лаконичная обработка народной песни «Говорила калинушка» для женского голоса и фортепиано (серия «Советская эстрада»).

О. А. Бычковым было разыскано в библиотеке ТСЛ еще одно — рукописное — произведение подобного жанра: духовный стих «Сходила Царица» (по записям А. Л. Маслова, изданным в 1906). Сочинение датировано 21 ноября 1929 и имеет посвящение: «Благословение родной моей Ксенюшке», то есть дочери Извекова. Это очень красивая обработка, напоминающая более всего о корсаковских китежских мотивах, но вступительной фразой у фортепиано удивительным образом перекликающаяся с мотивами гораздо позже написанного «Хождения Богородицы по мукам» Николая Черепнина (по мотивам похожего духовного стиха).

К сочинению имеется развернутый авторский богословского характера комментарий, толкование содержания богородичного народного апокрифа.

Приветствуя дебют Извекова в Петербурге в концерте хора под управлением А. А. Архангельского 18 марта 1907, Н. И. Компанейский писал:

Священник Извеков до посвящения своего жил за границей, где получил весьма основательное музыкальное образование, почему работы его не следует смешивать с переложениями наших батюшек и синодальных чиновников. Извеков — настоящий музыкально образованный композитор и сразу должен быть поставлен в ряд с Гречаниновым, Кастальским, Лисицыным и другими им подобными. Изложение его мысли контрапунктическое, а не гармоническое, причем замечается изящный музыкальный вкус, изобретательность и вдохновение. Пока в его работах заметно влияние Гречанинова и Кастальского¹⁰.

Компанейский оказался хорошим пророком (особенно если заменить «батюшек и синодальных чиновников» на «клиросных авторов»). Правда, мастерство Извекова очень сильно превышает таковое Лисицына, а влияние Гречанинова в его зрелом творчестве вовсе не ощущается. Кастальский, несомненно, оказал на Извекова решающее воздействие, но далее о. Георгий пошел своим путем.

¹⁰ Компанейский Н. И. Демественные собрания // РМГ. 1907. № 12. Стб. 342—343. Републикация: РДМ. Т. III. С. 612.

В 1913 году он опубликовал в журнале «Хоровое и регентское дело» статью «Новые задачи православной церковной музыки в России» (перепечатана в III томе серии «Русская духовная музыка в документах и материалах»), завершающуюся призывом:

Пробил час создавать внебогослужбную церковную музыку в широких оркестровых формах, на основании обиходных мелодий и на почве богослужбных текстов.

С таким пояснением:

...Для того чтобы церковные тексты православного богослужения, обрабатываемые в высших музыкальных формах... сохранили облик Греко-восточного православия, необходимо поставить первою задачею таких композиций обработку обиходных мелодий, а затем уже самостоятельное творчество. По счастью, Русская церковь владеет таким неисчерпаемым и богатым мелодическим материалом, как ни одна из христианских церквей...¹¹

Понятно, что исторические обстоятельства не способствовали развитию подобных идей. Путь композитора Георгия Извекова в 1920-е и 1930-е годы оказался связанным с церковной практикой, а не с внебогослужбным пением, хотя конечно же многие его песнопения составят украшение любого современного духовного концерта.

Известно, что в периоде после 1917 «клиросные» авторы чаще всего шли на поводу у вкусов прихожан, создавая произведения относительно простые (хотя и нередко эффектные в хоровом звучании), с доступной, эмоциональной мелодикой, очень часто — с солистами. Ничего подобного не делал Извеков: даже его не столь многочисленные произведения с солистами (именно с солистами, а не с выписанными партиями канонарха или диакона) носят значительно более серьезный, более, если так можно выразиться, «академический» характер.

И как это может сочетаться с зафиксированным в материалах его допроса признанием в том, что он в 1930-е годы жил на доходы от собственных композиций¹²? Вероятно, доходы были невелики; возможно также, что он получал поддержку от местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (близость к которому вменялась Извекову в вину во время следствия). Но кроме того, Извекова, по-видимому, все же поддерживали и выдающиеся регенты вроде Н. С. Данилова, помнившие «старые заветы» и способные оценить настоящее мастерство.

¹¹ РДМ. Т. III. С. 605—606.

¹² О том же Извеков пишет в заявлении в Драмсоюз в феврале 1930 года: «...Прошу, ввиду крайней нужды в деньгах, безотлагательно выдать причитающийся мне авторский гонорар, так как я живу исключительно музыкально-литературным трудом и других средств к жизни не имею».

Иначе говоря, Извеков сумел в трудное время идти намеченным им самим путем: «...необходимо поставить первую задачу... обработку обиходных мелодий, а затем уже самостоятельное творчество». Именно это он делал, и прежде всего в своих осмогласных циклах, которые содержат целую энциклопедию совершенно современных приемов трактовки традиционных роспевов, выявляющих, а не затемняющих их структуру, их ладовость, их унисонную природу. Кроме того, при взгляде на поздние опусы Извекова возникает ощущение, что он стремился все же к более крупным, циклическим формам. Например, неизвестно, кто поставил во втором сборнике Семенова подряд ирмосы канонов и свободные сочинения на тексты трех ирмосов — автор или переписчик, но возможно, что автор показывал таким образом два пути подхода к роспевам и текстам, возможно, что свободные сочинения на тексты ирмосов — ведь их могло быть более, чем три дошедших до нас — потом могли быть объединены в некую крупную форму. То же касается и фрагментарно дошедшего до нас певческого решения богослужения Страстной Пятницы.

Естественно возникает сопоставление двух крупнейших мастеров духовной музыки «советской эпохи» — Голованова и Извекова. Как биографии, так и пути в творчестве у них совершенно разные, хотя в истоках один принадлежал к «московской школе» по самому своему воспитанию, а другой примыкал к ней же по убеждению.

ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ИЗВЕКОВ: ЖИЗНЬ И СУДЬБА 1874—1937*

Среди церковных песнопений Всенощного бдения часто звучит «Хвалите имя Господне» протоиерея Георгия Извекова. Автору этой статьи оно хорошо запомнилось и как первая вещь, слышанная им в исполнении хора Виктора Степановича Комарова в Елоховском соборе еще в далеком 1947. Храм, по-видимому, не отапливался. С трудом вместе с мамой протиснувшись к оgrade, отделявшей архиерейскую кафедру от народа, в тумане от выдыхаемых народом паров, я едва мог различить размытые силуэты певцов, запевших эту дивную хвалу Господу, исполненную любви и мужества. Это песнопение и сейчас представляется мне одним из лучших «Хвалите...».

Однако лишь в начале 1990-х стало известно о судьбе Извекова, ставшего еще одной жертвой страшных репрессий 1930-х. И только теперь, в начале XXI столетия, на основе архивных материалов, анкетных данных и показаний из следственного дела протоиерея Г. Я. Извекова и других источников можно составить некоторую канву его жизни¹³.

Георгий Яковлевич Извеков родился 24 февраля 1874 в Калуге в семье священника Якова Федоровича Извекова¹⁴ и был одним из окончивших в 1894 году

* Работа о. Сергия Голубцова, впервые опубликованная в Трудах Московской регентско-певческой семинарии (М., 2006. С. 189—205), печатается с сокращениями, в том числе некоторых примечаний, касающихся подробностей биографий разных лиц, в той или иной мере причастных к следственным делам Извекова. Целью о. Голубцова был прежде всего сбор исторических данных, наша цель — характеристика личности о. Георгия в связи с его музыкальной деятельностью. Курсивом выделяются примечания составителя.

¹³ Дело № 4872 Управления НКВД по Моск. области, начатое 2 ноября 1937 (ГАРФ. Ф. 10035. Д. 19293. Арх. № 331993), а отчасти и дело № 567 «Извекова»-Соколова И. А. от 18 сентября — 30 октября 1940 (ГАРФ. Ф. 10035. Д. П-54505. Арх. № 899541).

¹⁴ *Извеков Яков Федорович* окончил в 1856 по второму разряду Московскую Духовную академию, и 12 февраля 1857 согласно представлению Академической конференции ему была присвоена Синодом степень кандидата богословия (ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1507). В академическом фонде К. М. Попова он почему-то пропущен. Он был сыном диакона Федора Петрова Троицкой церкви с. Запажья Малоярославецкого уезда Калужской губ. Отец Яков был одним из авторитетнейших священников Калуги, многогранным церковно-общественным деятелем. См. о нем в книге «500 лет на службе России» (о роде Извековых) — авторы и составители Игорь Николаевич Извеков и др. Эти же авторы полагают, что калужские Извековы являются потомками вяземских дворян Извековых, очутившихся

Калужскую духовную семинарию и единственным ее выпускником, направленным из этой семинарии для продолжения богословского образования в Киевскую духовную академию. Пройдя успешно приемные поверочные испытания и заняв в разрядном списке 13-е место, он был зачислен на казенную стипендию, выбрав для изучения историческую группу предметов, из древних языков — греческий, из новых — немецкий. Через четыре года он закончил курс обучения, заняв 22-е место среди 46 человек, успешно окончивших академию.

В своем весьма обширном (650 страниц) курсовом сочинении на тему «Учительное Евангелие Никифора Каллиста» он установил, что поучения Никифора Каллиста никакого отношения к этому Учительному Евангелию не имеют, что основой его послужил сборник поучений Иоанна Калеки, который был затем отредактирован Патриархом Филофеем Коккиным, что славянский перевод его был сделан в Греции либо на Афоне (скорей всего, в 1407) и появился в России во второй половине XV века, возможно в 1469.

Рецензенты в общем высоко оценили его труд. Профессор Н. М. Дроздов оценил его как «солидный, обнаруживающий способность автора к научно-литературным трудам, его редкое трудолюбие, обширную начитанность, умение обращаться с научным материалом, значительную силу критической мысли, здравость суждения и способность писать хорошим литературным языком...»

Заслуженный профессор В. Ф. Певницкий писал в отзыве: «К своей задаче автор отнесся весьма серьезно. Для более обстоятельного ее решения он воспользовался не только печатными сочинениями, но и рукописными источниками, хранящимися как в киевских книгохранилищах, так и в Московской Синодальной библиотеке...»

Оба рецензента признали Извекова достойным степени кандидата богословия. И вскоре он был рекомендован Советом академии Учебному комитету Синода к занятию места преподавателя церковной истории или гомилетики в духовных семинариях или любых предметов (кроме латинского языка) в духовных училищах.

Но в следующем, 1899, Извеков получил место псаломщика в Праге, по-видимому, в посольской церкви. В 1902 он женился на Софье Беляевой (1880—1964) — старшей дочери протоиерея московского храма Пресвятой Троицы на Грязях отца Андрея Беляева. 4 февраля 1903 у Извековых родилась дочь Ксения (скончалась

на территории России после присоединения к ней Вязьмы и частично высланных в Калужский край. По неизвестным нам источникам, Г. Я. Извеков упомянут в книге «За Христа пострадавшие» (М., 1997. С. 490) как якобы дальний родственник покойного Патриарха Пимена (Извекова), но пока это ничем не подтверждается. Согласно сведениям, полученным от калужского краеведа Виталия Васильевича Легостаева, просмотревшего клировые ведомости храма, где служил о. Яков, последний обвенчался 15 октября 1861 с дочерью протоиерея калужской Крестовоздвиженской церкви о. Андрея Гостунского *Фаиной* (р. 1840). В семье у них, помимо Георгия, были еще два сына: *Сергей* (р. 1862), в 1894 году значившийся учителем пения Калужского епархиального женского училища, и *Николай* (1873), в 1894-м учитель, и две дочери: *Юлия* (1867) и *Татьяна* (1876). <...>

в июне 1986), вероятно, в 1905 — сын Ростислав и в 1908 или в 1909 — сын Игорь, погибший на войне.

7 марта 1905 Георгий Яковлевич был назначен преподавателем в Сумское духовное училище, но назначение было отменено, и с 30 марта он был направлен псаломщиком в посольскую церковь в Гааге, а через год (21 февраля 1906) перешел законоучителем в Александровский женский институт в Петербурге и настоятелем храма в честь святого Александра Невского при нем. Одновременно он был законоучителем в гимназии, состоявшей под попечительством принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской (на Лафонской ул., д. 1), а с 1913 или 1914 еще и в Свято-Владимирской женской церковно-учительской школе (по адресу: Забалканский, 96).

В 1910 Извеков устроился также и регентом Регентского училища, учрежденного С. В. Смоленским в Петербурге в 1907 году¹⁵. С 16 декабря 1913 до 1916 он служил вторым священником в Берлинской посольской церкви¹⁶. В 1917-м из последних церковных наград имел уже камилавку и наперсный крест, «от Святейшего Синода выдаваемый». <...>

В своих показаниях при арестах в 1931 и 1937 Извеков избегал говорить как о своем высшем духовном образовании, называя свое образование просто «средним», так и о своем заграничном служении, хотя свидетели «обвинения» говорили о том, что он служил в посольских храмах Берлина или Праги. Он же показывал, что ездил за рубеж еще до революции как путешественник и посетил (на средства от священнослужения) Германию, Чехословакию и Польшу.

После революции Извеков из Питера переехал в Москву и, возможно, сразу поселился в Перловке, где с 1921 по 1926 служил в деревянной трехпрестольной Перловской церкви в честь Донской иконы Божией Матери.

По показаниям бывшей прислуги протоиерея Георгия Извекова (как она себя назвала) Минны Яковлевны Наум, отец Георгий служил в Перловской церкви «до 1925 или 1926, после чего служил в различных церквях гор. Москвы¹⁷. Проживал в пос. Перловка по ул. Семашко, д. 37, до ноября 1937, после чего был арестован органами НКВД»¹⁸.

¹⁵ По Словарю Семенова — преподавателем народной песни.

¹⁶ В «Именном списке ректорам духовных академий... на 1917 год» должность настоятеля в берлинской церкви значилась вакантной, вторым значился Василий Антонович Гекке, Извеков был указан на третьем месте. Служил он не в Берлине, а в Гамбурге.

¹⁷ По предположению автора статьи, после 1926 служил «неофициально». О. Сергей Голубцов считал, что одной из причин ухода Извекова из Донской церкви был разрыв с женой и семьей. Это более ничем не подтверждено.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Д. П-54505. Л. 99.

По утверждению авторов снятого силами Донской церкви небольшого документального фильма об Извекове как священнике перловского храма, Наум была «осведомительницей, сдавшей протоиерея органам».

Своим занятием до революции (при допросе в 1937) Извеков назвал священнослужение, с 1918 по 1921 год — службу в «транск. ВМОСКО»¹⁹, с 1921 по 1926 год он вновь «служитель культа», затем значился лицом «без определенных занятий», а основным занятием, дававшим ему средства к существованию, он указывал композицию и обработку музыкальных сочинений других авторов и их переписку²⁰.

В 1925 в Ленинграде (а потом и в Москве) было образовано Общество драматических и музыкальных писателей (Драмсоюз), в котором была секция хоровых (читай: духовных) композиторов, где потерявшие работу церковные регенты и композиторы могли получить в виде гонорара единственное средство для жизни. 2 марта 1926 Георгий Извеков подал заявление в Драмсоюз с просьбой принять его в число членов и прилагал список своих произведений²¹. Однако наступление на Церковь атеистических властей продолжалось, и эта отдушина (Драмсоюз) была обречена в 1930 на закрытие. <...>

После 1930, по сведениям А. А. Наумова, Извеков состоял в ВУОАП (Всесоюзном Управлении охраны авторских прав). Но о каких правах могла быть речь в эти годы, когда жизнь каждого висела на волоске, в том числе и самого Извекова?

Георгий Извеков арестовывался дважды: первый раз — 14 апреля 1931 при массовых арестах²², при этом у него был изъят портфель с перепиской. По данным анкеты, заполненной следователем и лишь подписанной Извековым, он значился одиноким, по профессии — композитором. На допросе он сказал, в частности: «...я ожидал своего ареста, и даже хотел этого. Мне как священнику было неудобно, что другие страдают за веру Христову и идут за Него в ссылку, а я не испытываю лишений; поэтому я готов пострадать и даже умереть за имя Христово»²³.

Когда Извекову предъявили обвинение в систематической антисоветской агитации, в ожидании контрреволюционного переворота, в желании уничтожить евреев, то он отверг эти обвинения и отказался даже давать показания.

30 апреля 1931 года Особый следственный отдел при ОГПУ приговорил его к высылке в Северный край на три года, но 15 мая ОСО пересмотрел его дело и, ввиду его болезни (какой — не сказано), разрешил ему свободное проживание в любой местности СССР. Но этот пересмотр был, видимо, отменен, судя по его показаниям при втором аресте, 2 ноября 1937 года. При этом аресте, возможно, на

¹⁹ *Что можно расшифровать, пожалуй, как «Московский областной совет кооперативных объединений».*

²⁰ *О том, что Извеков жил перепиской сочинений других авторов, нет никаких свидетельств.*

²¹ *См. точные сведения в разделе «Дело Драмсоюза».*

²² Вместе с ним среди арестованных были протоиерей Анатолий Петрович Орлов (ректор МДА), Пьер Тьевар, Константин Александрович Виноградов (будущий послушник Троице-Сергиевой лавры), священник Сергей Павлович Лебедев.

²³ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-1086. Л. 63—64, 68—69, 796.

основании показаний протоиерея А. В. Лебедева²⁴ от 22 июля 1937 года, если только эти показания не сфабрикованы самими «Органами», как свидетельствовала упомянутая М. Я. Наум, «когда у Извекова спросили паспорт... он заявил, что его у него нет, так как он его оставил в Москве у знакомой, фамилию которой он категорически отказался назвать»²⁵.

В показаниях на единственном, по-видимому, допросе 16 ноября 1937 на вопрос: «За что и какими органами вы арестовывались в 1931 году?» — Извеков ответил: «В 1931 я арестовывался за контрреволюционную деятельность органами НКВД совместно с единомышленниками Лебедевым Сергеем (отчество не помню), Орловым Александром (отчество не помню), Надеждиным (имя и отчество не помню). Мне думается, что я был арестован только из-за того, что “все священники уже отбывали наказание и пришла пора пострадать мне”, — так я объяснял свой арест окружающим меня лицам. Я отбывал наказание в г. Котлас, Устюг и Усть-Сысольское, куда был выслан на три года»²⁶.

На вопрос: «Есть ли у вас знакомые в вышеперечисленных странах и вообще за границей?» — он ответил отрицательно.

На вопрос о знакомых по Москве и Московской области ответил: «Моими знакомыми по Москве являются: митрополит Сергей, vicарий Сергей (фамилию и отчество не знаю), Лебедев Александр Васильевич, священник, арестован органами НКВД в апреле месяце 1936; Орфенов Николай Николаевич, протоиерей²⁷; Виноградова Валентина Михайловна, недавно приехавшая из города Майкоп; ее сестра Александра Михайловна, где проживают — не помню.

Кроме того, моими знакомыми также являются: Иванов (имя и отчество не помню), регент, проживает в городе Казань²⁸, и Малютин (имя и отчество не помню), тоже регент, проживает в городе Горький. Из вышеперечисленных лиц я посещаю митрополита Сергия — визиты в праздники, Орфенова Н. Н. и сестер Виноградовых. Лебедева А. В. я встречал при совершении религиозных обрядов в церкви».

На вопрос о средствах к жизни ответил: «Я получаю средства от переписки и корректирования нот, употребляемых при богослужениях в церквях, от сочинения духовных песен... Кроме того, я, как композитор, сочиняю и обрабатываю духов-

²⁴ В обвинительном заключении по делу Извекова, видимо, этот священник (Александр Васильевич Лебедев, ключарь Богоявленского собора в Дорогомилове, с 4 октября 1933 управляющий делами Патриаршего Синода; см. его проповеди в ЖМП за 1933—1935) упомянут уже как расстрелянный в 1937 «за контрреволюционную деятельность по-террорист Лебедев».

²⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Д. П-54505. Л. 68 об.

²⁶ По мнению Голубцова, формулировка «единомышленники» принадлежит следователю. По данному делу проходило еще около 70—80 лиц из духовенства, в том числе упоминаемые Извековым Сергей Павлович Лебедев, протоиерей Анатолий Петрович Орлов (ректор МДА; расстрелян в 1937).

²⁷ См. о нем в воспоминаниях Свенцицкого.

²⁸ Имя «Н. Иванов» появляется в одной из нотных рукописей Извекова.

ные мелодии и светские песни, которые помещаются и в печати. Раньше я распространял обработанные мною духовные сочинения среди московского духовенства, а также принимал заказы и у приезжающих из других городов регентов. Последнее время духовные мелодии у меня берут только в Синод».

На утверждение допрашивающего, что «следствие располагает данными о том, что он среди окружающих его лиц систематически проводил контрреволюционную агитацию» и распространял «всевозможные вымышленные контрреволюционные слухи», отец Георгий ответил отрицательно. Но на возражение следователя: «Вы говорите неправду, следствию доподлинно известно, что вы распространяете клевету по адресу мероприятий Советской власти. Дайте следствию правдивый ответ» — Извеков якобы сразу ответил: «Да, среди окружающих меня лиц я говорил: “В СССР существует притеснение верующих, церкви закрывают, священников арестовывают и ссылают, нам приходится терпеть всевозможные лишения — все это нам послано в наказание за наши грехи”».

«Записано с моих слов верно и мною прочитано. Г. Извеков». На этом допрос окончился.

В следственном деле сохранились показания ряда лиц, которые свидетельствуют о том, что авторами этих показаний были либо сами следователи и их сподручные, либо добровольные сотрудники органов, умело втиравшиеся в слои духовенства, тем более что сами они состояли в его рядах, либо лица, под страхом смерти выдававшие других.

Хронологически первым из них было якобы «добровольно изложенное и собственноручно» записанное следующее показание ранее упомянутого протоиерея, обвиняемого Лебедева Александра Васильевича от 22 июля 1937 года. На вопрос к нему следователя, что ему известно «об антисоветской деятельности Извекова Георгия Яковлевича», он ответил:

С Извековым Георгием Яковлевичем я познакомился в 1932 году, когда Извеков принимался архиепископом Питиримом (Крыловым)²⁹ в квартире митрополита Сергия и часто приглашался к столу митрополита.

Извеков — протоиерей заграничных посольских церквей, служивший за границей до 1918 года, до революции. Ему не более 50 лет. Он духовный композитор, состоящий членом различных советских музыкальных обществ. Об его контрреволюционной деятельности мне известно следующее. В 1932—1933 годах за столом — в присутствии митрополита Сергия — он резко критиковал мероприятия Советской власти и говорил, что «у нас теперь одно притеснение» и что он нести общественной работы и служить на государственной службе не будет; в частности, тогда Извеков много распространялся о проводившемся обмене паспортов и передавал, что «из ГПУ украдены заготовленные паспортные бланки, которых теперь сколько угодно можно купить на базарах». Тогда же, со слов самого Извекова, мне стало известным, что он, не

²⁹ Впоследствии архиепископ; в 1932—1933 управляющий Московской епархией; расстрелян в 1937.

поступая на государственную службу, усиленно занимается составлением церковных песнопений для церквей. При этом Извеков говорил, что он имеет связь и пишет свои сочинения не только для московских церквей, но и для многих в различных местностях СССР; в частности, Извеков передавал, что в Татарской Республике, где я служил ранее, он снабжает своими сочинениями известных там регентов Нечаева Вивiana Васильевича и Лихачева Бориса Николаевича. В 1934 и 1935 с Извековым я не встречался, так как его перестали приглашать к столу митрополита; тогда Извеков стал стараться посещать митрополита Сергия одного — летом в Перловке, где проживает всегда Извеков и летом на даче — митрополит Сергий. В конце июля 1936 Извеков пришел к митрополиту Сергию на дачу вечером к концу стола, за которым были, помимо митрополита, его сестра, епископ Иоанн Широков³⁰ и товарищ митрополита протоиерей Левашев (?)³¹, а также и я. Извеков в разговоре свел речь на только что начавшийся мятеж в Испании и развил ярко контрреволюционные мысли: он говорил, что в Испании повторится то же, что в Абиссинии, то есть что мятежники восторжествуют, «испанские большевики» будут разбиты, а потом «возьмутся и за нас». Вся речь Извекова была явно проникнута сочувствием мятежникам и контрреволюции. Более я Извекова не видел, но слышал о нем, что он по-прежнему нигде не служит, причем сведения об Извекове я имел от двух лиц: от регента Дорогомиловского [Богоявленского] собора Антонова Василия Андреевича, который живет рядом с Извековым и знаком с ним, и от оперного певца Наумова³², бывающего часто в соборе (близкого знакомого протодиакона Тихонова). Наумов 6 апреля 1937 за вечерним богослужением в соборе специально говорил мне, что он друг Извекова, что теперь у нас в музыке «жидовское засилье», так как съели Голованова, поэтому не работает и Извеков, но, говорил Наумов, «Извеков человек наш, и таким он и останется». Сам Наумов о своем антисоветском настроении говорил мне не раз.

Показания записаны собственноручно. Ал. Лебедев.

Допросил Опер. Упол. 12-го отделения 4-го Отдела...

А вот показания другого «свидетеля», известного по ряду дел репрессированных лиц доносчика, — диакона Знаменской церкви Толузакова Михаила Михайловича³³ — от 15 ноября 1937, то есть через две недели после ареста Извекова.

На вопрос: «Когда и где вы впервые познакомились со священником Извековым Георгием Яковлевичем?» — Толузаков отвечал:

Примерно в 1926—1927 я был приглашен на отдельные молебны как диакон в церковь дачного подмосковного поселка Перловка. Там я и встретил Извекова Георгия Яковлевича, который был священником Перловской церкви и проживал там же в Перловке.

³⁰ Епископ Иоанн Широков, в это время епископ Волоколамский, викарий Московской епархии; скончался в заключении в 1937.

³¹ Вероятно, протоиерей Павел Никанорович Левашев, расстрелянный в 1937.

³² Вячеслав Дмитриевич Наумов, солист Большого театра.

³³ В 1936 — служитель храма Пимена Великого.

И далее:

Во время моих встреч с Извековым в Перловке я успел убедиться в том, что Извеков человек антисоветски настроенный и очень часто на эту тему высказывается. В эти годы Перловку, как дачное подмосковное место, населяли черносотенные элементы из числа московских «нэпманов», купцов и особенно зажиточных ломовых извозчиков. Вот на этих последних и опирался в своей контрреволюционной деятельности Извеков. Помню, однажды после службы в церкви мы вместе с Извековым собрались у извозчика Прокофьева (впоследствии раскулаченного и умершего) на ужин с выпивкой. И вот на этом ужине Извеков начал высказывать такие мысли, что «Перловка — это как бы контрреволюционный форт, откуда мы будем им (то есть Красной столице) грозить», намекая при этом на историческую аналогию: «отсель грозить мы будем шведу». При этом Извеков жаловался на неорганизованность сил этого «форта».

На вопрос: «Что вы знаете об Извекове после того, как он убыл из Перловского прихода?» — Толузаков ответил:

На протяжении последних трех лет Извеков, являвшийся к тому же композитором духовной песни и музыки, обретался главным образом в Москве. Посещал различные церкви, где вел антисоветскую агитацию, сумел даже пробраться в Союз композиторов, откуда его впоследствии исключили. В течение 1937 он несколько раз посещал церковь Знамения у Крестовской заставы, где я имел с ним отдельные беседы.

На мои предложения о том, чтобы он начал писать музыку и песни на социалистические темы, он брезгливо отказывался, заявляя, что он «идейный и правоверный священник-христианин и жидам продаваться не намерен», хотя ему и предлагали это. Считал себя дальновидным человеком, в частности подкрепляя примером — то, что он предвидел раньше: что в среде руководителей этой власти, не признающей Бога, будут распри. При этом он приводил примеры об арестах отдельных лиц из числа бывших наркомов, оказавшихся троцкистско-бухаринскими агентами и шпионами.

О Конституции Извеков также отзывался отрицательно, говоря, что это обман, за кого хочешь голосовать — все равно нельзя будет, а тех, кого предложат, за тех голосовать противно.

Толузаков.

Допросил сотрудник 8-го отдел. 4-го Отдела.

И наконец, показания последнего «свидетеля», такого же известного доносчика, как и предыдущий, — протоиерея Маркова Стефана Марковича³⁴ — от 20 ноября 1937 года.

На вопрос: «Что вам известно об Извекове, его политических взглядах и настроениях?» — Марков ответил:

Особо близких отношений с Извековым у меня не было. Но мне известно, что Извеков является человеком антисоветски настроенным. Всегда вращался в среде наиболее реакционной части духовенства, настроенной контрреволюционно, был в близких

³⁴ Марков упоминается в клире Пименовской церкви в 1936.

отношениях с бывшим патриархом Тихоном. Последний раз я видел Извекова в первых числах октября этого года в церкви Знамения у Крестовской заставы, где я служу. Просил я его написать мне композицию на тему религиозного песнопения. Он обещал мне это сделать, но больше я его не видел и не знаю, куда он девался. В этот же день его видел протоиерей моей церкви Толузаков, которому Извеков высказывал разные антисоветские мысли вроде таких, что «Советская власть духовным лицам ничего хорошего не дает, а только их преследует», что «скоро все это (то есть господство Советской власти) кончится, это временное торжество». Об этом в тот же день при разговоре мне сообщил сам Толузаков. Года 2—3 тому назад при встрече со мной Извеков исключительно иронически отзывался о Духовной академии, которую я окончил при Советской власти. При этом Извеков говорил, что «придет время (то есть после падения Советской власти, на что он особенно рассчитывал), и все это лопнет как мыльный пузырь, и никакими правами, которые вам дала эта академия, вы пользоваться не сумеете».

Мне известно, что до революции Извеков будто бы был священником русской посольской церкви в Берлине...

Уже на следующий день заместитель начальника Управления НКВД СССР по Московской области майор Госбезопасности Якубович утвердил обвинительное заключение, составленное оперуполномоченным 8-го отделения 4-го Отдела неким Шишкиным, по следственному делу № 4872 по обвинению Извекова Георгия Яковлевича по статье 58, пункт 10 УК РСФСР, следующего содержания:

В 4-й Отдел УГБ НКВД по МО поступили сведения о том, что проживающий на ст. Перловка поп Извеков Г. Я. систематически среди окружающих ведет антисоветскую агитацию и высказывает террористические намерения по адресу руководителей Партии и Правительства.

Произведенным по делу следствием установлено, что Извеков Георгий Яковлевич — поп, среди окружающих систематически проводит контрреволюционную агитацию и распространяет вымышленные контрреволюционные слухи. Извеков Г. Я. был связан с расстрелянным в 1937 за контрреволюционную деятельность попом-террористом Лебедевым, с которым неоднократно встречался.

В своей контрреволюционной агитации Извеков высказывает сочувствие испанским мятежникам, то есть фашистам, заявляя:

«В Испании делается то же, что и в Абиссинии. Мятежники восторжествуют, испанских большевиков разобьют, а потом возьмутся за наших».

Извеков Г. Я. заявил, что голосовать ходить не нужно за выставленных кандидатов в Верховный Совет Союза.

На основании вышеизложенного **ОБВИНЯЕТСЯ**

ИЗВЕКОВ Георгий Яковлевич 1874 г. р. в том, что (следует перечисление вышеизложенных обвинений)... являлся подстрекателем антисоветских элементов на практическую контрреволюционную деятельность, распространял всевозможные контрреволюционные слухи о якобы производящихся в СССР массовых арестах, о гонении на верующих и духовенство, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 УК РСФСР.

А потому полагал бы:

следственное дело за № 4872 по обвинению Извекова Г. Я. по ст. 58, п. 10 УК РСФСР передать на рассмотрение судебной Тройки при Управлении НКВД по МО, перечислив за ним обвиняемого.

Справка. Обвиняемый ИЗВЕКОВ Г. Я. арестован 2/XI-37 и содержится в Таганской тюрьме.

Через день Тройка постановила: ИЗВЕКОВА Георгия Яковлевича — расстрелять. Это и было, как отмечено в документе по его делу, «приведено в исполнение 27/XI 1937 года» (на известном Бутовском полигоне).

Такова судьба одного из достойных сыновей трагической России.

* * *

Ольга Воронина

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ, МОЛИ БОГА О НАС!*

Несколько лет назад отец Георгий Троицкий принес в Донской храм «Московский журнал» (2004. № 2) со статьей о протоиерее Георгии Извекове. Из публикации протодиакона Сергия Голубцова перловчане впервые узнали, что в нашем храме в страшный период лихолетья с 1921 по 1926 служил отец Георгий Извеков. <...>

В 2004 Архиерейским собором отец Георгий был причислен к лику новомучеников. Нам захотелось узнать подробнее о жизни и службе отца Георгия в Донском храме, что у полустанка Перловка Северной железной дороги. На поиски члены краеведческого кружка школы № 5 отправились в областной архив, где нам посчастливилось найти много документов о нашем храме (ЦГАМО. Ф. 2157 и Ф. 1002).

В деле значится, что Георгий Яковлевич Извеков, священнослужитель, жил в Перловке «квартирантом на участке бывш. Михайлова». По показанию прислуги М. Я. Наум в органах НКВД, до ареста в 1937 Извеков с семьей жил в Перловке на ул. Семашко, д. 37.

В этих же фондах имеются документы и о жизни Донского храма, его общины в те годы, когда настоятелем был отец Георгий Извеков (1921—1926). В это время храм становится приходским. Благодаря детальному описанию всего церковного имущества, произведенному отцом Георгием в 1922, мы сегодня имеем полную картину утерянного.

Храм имел территорию общей площадью 1 десятина 11 310 сажень (1,5 га), включая кладбище, звонницу, дом священника и сторожку. Все благолепие убранства храма батюшка описывает в деталях. Перечисляются все иконы, находящиеся

* Газета «Донская слобода» Мытищинского благочиния. 2008. № 8 (16).

в алтаре, на иконостасе, в нефях, на внешней стороне церкви. Также перечисляются паникадила, подсвечники, лампы, книги... Дается не только название икон, но и их размеры. Из книги Ивана и Николая Перловых «Статистический очерк к столетию фирмы “Василий Перлов с сыновьями”» (1897) мы знаем, что иконы заказывались у иконописца Я. Е. Енашенкова, и можем надеяться, что иконы Донского храма где-то сохранены и найдутся, включая Донскую. В описи храмового имущества отец Георгий упоминает икону мученика царя Александра. И мне подумалось: «Все в жизни не случайно: наш нижний храм освящен в честь Царственных новомучеников, а еще в 1897 на освящении Донского храма был великий князь Сергей, убитый революционерами».

В 1922 отец Георгий описывал имущество неслучайно. Этого, видимо, требовали власти. В ЦГАМО есть справка, в которой перечисляется 12 предметов, сдаваемых представителю Гохрана Петухову для помощи голодающим. По сведениям дачевладельцев Перловых, ими в мастерской В. Т. Тихонова были заказаны изящные бронзовые лампы, подсвечники, паникадила и проч. Алтарь украшала серебряная позолоченная с эмалью на престольная утварь работы Курлякова. Таким образом, храм был богато убран. Но отец Георгий, видимо, нарочно ставит в графе «ценность» низкую стоимость предметов церковной утвари и делает приписку у «облачения» — «ветошь, ценности не имеет», а у церковных книг — «старая, ценности не имеет». Если сравнить цены тех лет на железный умывальник (1 рубль) и иконы рукописной работы (15 коп. — 1 рубль), становится понятным, что это была попытка спасения церкви от чудовищного разорения новыми властями. В конце описи, оценив имущество в 10 250 рублей 30 копеек, настоятель делает примечание: «Все означенные в сем инвентаре предметы не имеют ценности ни художественной, ни исторической, ни материальной, только религиозную, культовую».

4 мая 1922 Гохран забирает из алтаря выбранные уполномоченным Петуховым 12 предметов весом 19 фунтов 26 золотников: ковчег серебряный вызолоченный, чашу, дискос, крест, звездицу серебряную вызолоченную, три лжицы, две тарелки, ковшик и ручку от копья серебряную. Ценности были сданы представителями общины с подписью священника Извекова. Куда попало изъятое, были ли накормлены голодающие или доходы от награбленного разошлись по чьим-то бессовестным карманам, нам выяснить не удалось.

Мудрый батюшка Георгий сумел не только уберечь храм от полного разорения, но и объединял, сплавивал людей. В период антагонистической борьбы в нашей общине были люди не только разных полов, возрастов, но и разного рода деятельности и социальной принадлежности. Приходило в церковь очень много бывших крестьян села Тайнинского, рабочих. Вместе с ними мирно молились бывшие дворяне, купцы и служащие. Судя по подписям, было много почетных граждан. Всех их объединяло православие, любовь и верность Богу. Отец Георгий, благодаря своей образованности и эрудиции, сумел на основе советских законов оформить требующиеся документы для регистрации общины и права пользования культовым зданием — церковью.

Протокол собрания прихожан от 26 августа 1922 рассказывает нам о выборах «председателя общины Е. Г. Родионова, секретаря Д. Н. Алексеева, а также уполномоченных для регистрации прихода и принятия храма в ведение прихода, об утверждении причта в занимаемых должностях». На собрании был принят устав общины. В списке утвержденных уполномоченных первым стоит Г. Я. Данилин, далее значатся Н. И. Овсянникова, А. Г. Жуков. И. С. Кондратьев, В. М. Сериков, С. И. Булгаков, Е. Г. Родионов.

Единогласно были утверждены на занимаемых должностях «служители культа» Г. Я. Извеков и А. С. Нарциссов.

Заявление общины верующих подается в 4-е отделение Моссовета РК и РД со всеми полагающимися документами (списки общины, списки служителей культа, устав, опись инвентаря) с просьбой зарегистрировать общину и выдать удостоверение. Документ от 11 июня 1924 говорит о том, что община была вынуждена жить по правилам советской власти. Староста Жуков просит московский уездный совет разрешить провести при храме собрание верующих с повесткой дня: пере выборы пастыря, старосты, уполномоченных, ревизионной комиссии, юрисконсульта, штата прихода. Под прошением подписываются староста и уполномоченный общины Георгий Извеков.

О таком же собрании упоминает и протокол от 26 августа 1929. В списках уполномоченных общины Донской церкви по-прежнему значится Георгий Извеков. Значит, в это время батюшка еще продолжает служить в Донском храме и все делает для его спасения.

В то же время в ЦГАМО мы видели заявление церковного совета Донского храма о разрешении общего собрания верующих 25 июня 1926 по поводу избрания заместителя настоятеля церкви вместо выбывшего протоиерея Г. Я. Извекова. В Донской церкви упоминается новый священник Сергей Александрович Введенский (1894 года рождения).

Куда уходит отец Георгий Извеков и уходит ли вообще? Из статьи диакона Сергия Голубцова мы узнаем, что семья Извековых продолжает жить в Перловке. 2 марта 1926 Извеков подает заявление в Драмсоюз. На допросе в 1931 в качестве своей деятельности он называет «композицию, обработку и переписывание музыкальных сочинений». Но все это время, как нам представляется, он связывал свою жизнь с Донской церковью.

Попробую сделать предположение о причинах ареста отца Георгия 14 апреля 1931. После постановления 8 апреля 1929 ВЦИК и СНК начался новый, мощный разгул антирелигиозной кампании. В селе Тайнинском при клубе «Пролетарий» действовал Союз безбожников во главе с В. Сергеевым, который прилагал массу усилий, вместе с Поссоветом поселков Перловка и Тайнинка, по закрытию церкви и антирелигиозной пропаганде. Велась усиленная агитационная работа среди населения и особенно учащихся. Организовываются собрания, демонстрации, антирождественские карнавалы, собираются подписи под документом о передаче церкви под клуб или ликбез. Местные власти добиваются своего. Мособлисполком

14 февраля 1930 принимает постановление о закрытии Донского храма, выселении священников, передаче здания под клуб, изъятии предметов культа.

Но храм все же не был закрыт, так как от общины Донской церкви поступают заявления в Мособлисполком, прокурору республики, в секретариат председателя ЦИК, а также во ВЦИК об отмене постановления Мособлисполкома. Секретарь ВЦИК Киселев сообщает, что «президиум ВЦИК 20 июня 1930 отменил решение Мособлисполкома, оставив церковь в пользу верующих». Более того, существуют документы, из которых следует, что церковь не только оставалась в ведении верующих, но в ней в 1925—1926 годах проводились серьезные реставрационные работы: ремонт крыши, фундамента, печей, боковых сходов, ограды и звонницы. И я делаю предположение, что столь решительные, грамотные, значимые шаги община делает именно со своим мудрым духовным отцом — Георгием Извековым.

На основании циркуляра НКВД № 487 всем религиозным объединениям до 1 января 1931 надлежало вновь зарегистрироваться. Наша община весной 1930 подает все требуемые для регистрации документы. А в августе выясняется, что документы в общем отделе Мытищинского НКВД утеряны и срочно требуется собрать их вновь. Почему? Как потеряны? Не после ли оправдательного приговора ВЦИК Донской церкви местные власти потеряли все документы? Но община не сдаётся, документы вновь собираются, и в декабре община Донской церкви обращается к властям: «Покорнейше просим уведомить, когда зарегистрирована церковь».

Видимо, власти видели в этих шагах крепкое, умное руководство пастыря, который сумел в трудные годы гонений на церковь сплотить общину, научить ее выживать и существовать несмотря ни на что, служа Богу. <...>

Слава Богу, что община спустя многие годы узнала о своем пастыре, о своем заступнике. И нам нужно благодарить Бога, что в те трудные времена заступничеством новомученика отца Георгия и его молитвами Донской приход существовал и оставил по себе добрую память, и надеяться на то, что даст Бог — и на старом, историческом месте возродится храм — памятник всем погибшим за Веру и Отечество во имя иконы Донской Божьей Матери в Перловке.

ВЛАДИМИР ИВАНОВ-КОРСУНСКИЙ

Виталия Ярошецкая

УЧЕНИК М. А. БАЛАКИРЕВА*

В 1982 из Ленинградского института театра, музыки и кинематографии в Ленинградский государственный архив литературы и искусства (ныне ЦГАЛИ СПб) был передан личный фонд Владимира Митрофановича Иванова-Корсунского, первоначально находившийся в Ставропольском народном музее музыкальной культуры. В составе фонда 183 единицы хранения. Среди них — прекрасно сохранившаяся фотография главы Могучей кучки с дарственной надписью: «Многоуважаемому Владимиру Митрофановичу Иванову на добрую память от М. Балакирева. 23 ноября 1904 г. Петроград».

Что же представлял из себя человек, удостоенный личного внимания автора «Тамары»? Как оказалось, подробные сведения о нем можно почерпнуть лишь из архивных документов.

Владимир Митрофанович Иванов родился 23 мая 1881 в станице Эриванской Кубанской области в семье священника. Псевдоним «Корсунский» он взял по названию кубанской станицы Корсунской, где долгое время служил его отец. Выбор этот, вероятно, не случаен: здесь пробудился интерес мальчика к музыкальному искусству.

Образование свое, — указал В. М. Иванов-Корсунский в автобиографии, составленной в 1922, — я получил в Екатеринодарском духовном училище и Ставропольской духовной семинарии. В г. Ставрополе я впервые мог удовлетворить свою потребность в музыке, возникшую еще в раннем детстве, но не встречавшую в родной семье благоприятных условий. К этому времени относятся мои первые произведения (романсы, хоры) и первоначальное знакомство с теорией <...> музыки, в чем я многим обязан учителю пения в семинарии В. Д. Беневскому, известному автору школьных хоров и церковных композиций. <...>

По окончании семинарии в 1901, вопреки настоянию отца и учебного начальства, направивших меня в духовную академию, я поступил в б[ывший] Петербургский университет, где обучался на историко-филологическом факультете. Попытка поступить в консерваторию не удалась, так как у меня не было средств для платы за обучение, и тогда я обратился к М. А. Балакиреву, находившемуся тогда уже в преклонных годах, который оказывал мне известное время и материальную поддержку, так как я сильно нуждался, и содействовал во многом моему музыкальному развитию, знакомя меня с выдающимися произведениями музыкальной литературы в собственной интерпретации, устраивая для меня посещение симфонических концертов и проч.¹

* В кн.: Балакиреву посвящается / Ред.-сост. Т. А. Зайцева. Вып. 2. СПб., 2004. С. 275—279.

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 401. Оп. 1. № 161. Л. 13 об.

В «Воспоминаниях», датированных 1922, ученик пояснил и то, как протекало обучение:

Советы касательно формы иногда давал на примерах из классиков Милий Алексеевич, когда по вторникам я с Тиняковым бывал у него. По нашей просьбе он в свободное от разговоров время что-нибудь показывал нам, сидя за роялем и извлекая из своей удивительной памяти отрывки сочинений разных авторов. Объяснений по гармонии и контрапункту Балакирев никогда не давал, но безошибочно находил нужный гармонический материал при просмотре наших опытов и совершенно правильно указывал ошибки. Теоретической терминологией он при этом почти никогда не пользовался и, по-видимому, ею не владел².

В результате Владимир Митрофанович получил солидное музыкальное образование, ничуть не уступавшее консерваторскому.

Из переписки учителя и ученика следует, что балакиревская опека не прекращалась ни во время отъездов на летний отдых, ни после окончания В. М. Ивановым университета в 1907, когда он уехал из Петербурга в Новгород, где преподавал историю в средних учебных заведениях. При этом Балакирев затрагивал в письмах не только творческие вопросы, но и обсуждал проблемы текущей жизни России³.

Так, в 1905 В. М. Корсунский принял участие в антиправительственных студенческих забастовках. Балакирев осудил этот поступок. В письме от 10 февраля 1905 он спрашивал, какие причины заставили Корсунского принять участие в студенческих беспорядках, и заметил, что тот, «обеспеченный стипендией, мог бы не участвовать в сходке, а присоединиться к протестам профессоров и студентов против забастовок, печатающимся на страницах “Нового времени”»⁴.

Наставления учителя, однако, не изменили убеждений Владимира Митрофановича. В 1907 он написал драматическую увертюру «Красное знамя», посвященную событиям 1905 года. Причем сочинение это, судя по комментарию композитора в автобиографии, было ему особенно дорого:

1 декабря 1917 года симфоническим оркестром латышских стрелков под управлением Т. Рейтера была впервые исполнена моя увертюра «Красное знамя», первое мое симфоническое произведение и едва ли не первое по времени отображение революции в русской музыке. В финал этой увертюры мною введен «Русский гимн свободы», сочиненный мною и нелегально напечатанный в 1905 году⁵.

В январе 1925 В. М. Иванов-Корсунский переезжает из Новгорода в Ленинград, работает педагогом в вузах, на рабфаках. Все свободное время он отдает компози-

² Там же. № 138. Л. 70.

³ Письма Балакирева к Иванову-Корсунскому (70 писем — Музей имени Глинки. Ф. 39) частично опубликованы в разных источниках, в наибольшем объеме — в статье Т. А. Зайцевой «Балакирев как педагог» (Труды ГЦММК. Альманах. Вып. 3. М., 2007). — М. Р.

⁴ Указ. изд. С. 577.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 401. Оп. 1. № 161. Л. 14.

торской деятельности. Среди созданного — оперы «Сын народа», «Марфа Посадница», оперетты «Проделки герцогини», «Квартеронка», «Ночи Стамбула», музыкальная комедия «Гонимые», три симфонии, сюита «Дарьял (по Военно-Грузинской дороге)», увертюры и фантазии для симфонического оркестра, трио для скрипки, виолончели и фортепиано, светские и церковные хоры, романсы (в том числе циклы на стихи Пушкина, Лермонтова, Ф. Сологуба, Т. Щепкиной-Куперник и др.), фортепианные пьесы. Большая часть рукописей сочинений, в том числе партитура Первой симфонии *Es dur*, посвященной памяти Балакирева, хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Умер В. М. Иванов-Корсунский 3 февраля 1942 от голода в блокадном Ленинграде, похоронен в братской могиле Серафимовского кладбища.

* * *

Карина Щирина

ПРОТИВОСТОЯНИЕ*

Кто же такой В. М. Иванов-Корсунский? Воспитанник М. А. Балакирева, он был музыкантом-универсалом: композитором, пианистом, музыкальным просветителем.

Судьба Иванова-Корсунского оказалась нелегкой. «Противостояние» — вот ее motto. Стойкость этого противостояния формировалась с юности: вопреки семейным традициям и воле отца, Иванов-Корсунский выбрал путь музыканта. Попав в Петербург, примкнул к революционно настроенной молодежи, сокрушившей старый мир. В Советской России остался верен идеалам гуманизма, сложившимся в пору общения с Балакиревым.

Судьбу Корсунского по-своему разделили его произведения. Так, Д. Д. Шостакович, с которым Корсунского связывала творческая дружба, высоко оценивал симфонические опусы старшего коллеги. Как удалось установить, автор «Леди Макбет» сам исполнял фортепианное переложение Симфонии № 2 «Песенный сказ» на художественном совете Ленинградской филармонии. Но в программы филармонических концертов симфония так и не была включена.

Больше повезло вокально-хоровым и инструментальным произведениям Корсунского: они звучали на концертной эстраде, существенно дополняя «фоносферу» (термин М. Е. Тараканова) музыкальной культуры Ленинграда 1920—1940-х годов. Их исполняли такие музыканты, как З. П. Лодий, В. А. Дранишников, Е. В. Вольф-Израэль, Эмиль Фельдт (скрипка, солист Государственного Михайловского театра), Николай Куклин (драматический тенор, солист Ленинградского театра оперы и балета).

Выделим существенное: продолжая большую традицию русской классической музыки в XX веке, Иванов-Корсунский с равным вниманием отнесся к обеим ее ветвям — не только светской, но и духовной.

* Из предисловия к кн.: В. М. Иванов-Корсунский. Противостояние. Воспоминания. Дневники. СПб., 2006.

В ЦГАЛИ СПб сохранились две тетради духовно-музыкальных сочинений Корсунского: первая тетрадь озаглавлена «Всенощное бдение (Неизменяемые песнопения). Для смешанного хора» (1915); вторая тетрадь — «Духовно-музыкальные сочинения Владимира Корсунского» — состоит из отдельных песнопений Божественной Литургии и Всенощного бдения, написанных в 1920—1930-е годы (ЦГАЛИ, ф. 401, оп. 1, № 73, 76).

О подробностях создания своихopusов композитор рассказывает в дневниках. Только отсюда становится известно, что духовно-музыкальные произведения Корсунского звучали в Князь-Владимирском соборе — одном из немногих, где не прекращались службы несмотря ни на что.

* * *

В период с 1 января 1934 и до октября 1936 Корсунский писал нечто вроде воспоминаний о текущих событиях («Ежемесячные листы»), затем, с апреля 1936 до февраля 1937, вел дневник («Немного дневника») — ЦГАЛИ СПб. Ф. 401. Оп. 1. № 138. Этот документ опубликован с комментариями К. Ю. Щириной в указанной выше книге «Противостояние». Нами сделана выборка из воспоминаний — фрагменты, касающиеся церковного творчества Корсунского этого периода.

1934, 28 июля

Для Соловьева Ивана Семеновича⁶ сочинил три пьесы для его хора ко дню моего патрона Князя Владимира. Он их исполнял во время службы.

1935, апрель

На Пасху, 28-го, был на хорах во Владимирском соборе.

1935, июль

28-го (15-го старого стиля: именины Владимира) был в гостях Иван Семенович Соловьев. Все было очень скромно. Накануне слушал в его исполнении свою музыку.

1935, сентябрь

8-го утром слушал у Князя Владимира «Не имамы» — очень понравилась.

1935, октябрь

13-го накануне Покрова у Князя Владимира исполняли четыре моих номера. Соло сопрано Е. А. Михайлова⁷.

⁶ Иван Семенович Соловьев — регент Князь-Владимирского собора; судя по дневниковым записям, близкий приятель Корсунского.

⁷ Михайлова-Войтон Евгения А. — лирико-драматическое сопрано, сотрудница Корсунского в его светских концертных выступлениях.

1936, март

Неожиданное появление на моем горизонте Коли Минкина (после 30 лет разлуки), его направил Иван Семенович [Соловьев], у которого он пел⁸.

1936

4 апреля. Домашние хлопоты. Музыка. Тоска воспоминаний. Вечером у Князя Владимира.

5 апреля. Вербное воскресенье. Утром у Князя Владимира. Днем был Минкин, потом — Всенощная.

6 апреля. Вечером к Князю Владимиру.

12 апреля была Пасха (у Заутрени с Колей⁹ у Князя Владимира на хорах). Первый раз (на Страстной) после 24-го года отговелся. Странно — стало легче на душе.

21 мая. Вознесение. Служба под Николин день. «Благий рабе»¹⁰.

1936, июнь

Сочинил по просьбе Минкина «От юности» (соло тенора) 26-го и 27-го (вечером и утром). Вышло удачно.

4 июля. Сочинил для Ивана Семеновича тропарь князю Владимиру по образцу тропаря Александровского Тамбовского роспева. Вечером передал.

27 июля. Вечером — у Князя Владимира. Пели семь моих номеров. Вышло удачно (слаба сопрано в соло «Величит»).

30 сентября. В 12 часов дня у Бенеvских¹¹. Опять встреча с Боголеповым¹². Показывал ему хоры. Ему все нравится. Отобрал 7 номеров.

⁸ Николай Николаевич Минкин — тенор; как явствует из текста, давний знакомый Корсунского; многократно упоминается в дневнике.

⁹ Николай Иванов — младший сын Иванова-Корсунского, школьник.

¹⁰ Возможно, имеется в виду сочинение (несохранившееся) на текст стихиры на литии святителю Николаю.

¹¹ Сестры Бенеvские — Ольга Васильевна и Любовь Васильевна — дочери учителя Корсунского в Ставропольской семинарии Василия Дмитриевича Бенеvского. О. В. Бенеvская была педагогом, именно она сохранила архив как своего отца (ныне в Музее имени Глинки), так и Корсунского, который передал ей свои рукописи в первую блокадную зиму (1942).

В. Д. Бенеvский (1864—1930) учился в духовных школах, был регентом Ставропольского кафедрального собора, известным деятелем хорового образования. По инициативе Ольги Бенеvской в Ставрополе был открыт в 1960 музей, посвященный ее отцу и его ученикам, в том числе Корсунскому и К. К. Пигрову (ныне экспозиция в составе Музея истории города).

¹² Б. В. Боголепов, также ученик Бенеvского.

19 октября

Пришел Васильев. Читал «Ни пера, ни пуха» и опять просит сделать музыку — бессмысленная затея. Пьеса — грубо цинична. Сверхсатира на духовенство.

12 ноября

Смотрел старые романсы Балакирева¹³. Изумительна «Песня Селима» и еще кое-что, но есть и слабые («Обойми, поцелуй»). Расстроился от музыки и мыслей о Балакиреве. Сидим без гроша, почти на одном хлебе.

1937

1 января. Днем к Беневицким за портретом Балакирева. Потом к Комаровой[-Стасовой] — с трудом разыскал квартиру на 2-й Советской. Варвара Дмитриевна — пряткая, умная старуха. Неожиданно долгий разговор по поводу юбилея. Много рассказывал о себе. Условились относительно панихиды на 3-е число. От ней с портретами в редакцию «Красной газеты». <...>

2 января. Перед Иваном Семеновичем [Соловьевым] — в церкви Знамения — опоздал к началу всенощной. Сухой старик — регент Фатеев — по 7 рублей на человека за участие в хоре на панихиде. Ответил уклончиво. Сам Фатеев, кажется, из Капеллы. Изумительная алчность¹⁴.

3 января. День юбилея. К 10 часам в Филармонию поговорить с музыкантами. <...> Оттуда к Комаровой — как быть с хором? — решили отказаться. <...> В церковь к концу обедни. Отказ от хора. Пришла Комарова, ожидание, еще дама и позже Ляпунова с дочерьми. Панихида с одним священником в Серафимовском приходе.

7 января. Утром к ранней обедне.

11 января. Вечером в Консерватории был на концерте памяти Балакирева. Позорно мало народа (человек 40—50). Старуха Комарова, Ляпунова и ее дочери.

14 января. Утром к Князю Владимиру.

18 января. Вечером у Князя Владимира.

19 января. Днем у Князя Владимира (Крещение).

* * *

Публикация дневниковых записей В. М. Иванова-Корсунского, из которых следует, что в жестокие 30-е годы в Ленинграде сочинялась и тут же исполня-

¹³ Таким образом Корсунский начал личную подготовку к 100-летию со дня рождения своего учителя.

¹⁴ Василий Александрович Фатеев (1868—1942) действительно учился в Капелле, потом закончил Петербургскую консерваторию, в том числе по композиции у Римского-Корсакова. Известный духовный композитор, руководитель хора Казанского собора. В 1924 уехал в Новокузнецк. Выйдя на пенсию, вернулся в Ленинград, умер в блокаду.

лась духовная музыка, стала стимулом к более подробному знакомству с духовно-музыкальным творчеством композитора и с тем историческим контекстом, в котором оно возникло.

Прежде всего, любопытно, что, человек несомненно «левых» взглядов, Корсунский обратился к духовно-музыкальному жанру еще в Новгороде, в 1915, сочинив Всенощное бдение (неизменяемые песнопения) для смешанного хора. Неясно, была ли эта Всенощная адресована какому-либо конкретному хоровому коллективу, была ли она исполнена за службой. Неясно также, почему автор, довольно часто издававший в это время свои сочинения (романсы, фортепианные пьесы) за собственный счет, не попытался напечатать Всенощную. Просмотр выходившего в Новгороде до 1914 включительно весьма содержательного журнала «Гусельки яровчаты» (под редакцией известного хорового деятеля, регента и композитора А. М. Покровского) не дал никаких сведений о контактах Корсунского в церковно-певческой среде: он упоминается только как педагог истории в мужской и женской гимназиях, устроитель гимназических концертов, автор исполнявшихся в них светских сочинений. Между тем Новгород был в это время крупным певческим центром, где имелись хорошие хоры и опытные регенты, исполнявшие (судя по программам духовных концертов и отдельных служб, приводимых в том же журнале) разнообразный репертуар, включавший произведения современных авторов, в частности А. А. Архангельского и композиторов «синодальной школы». В Новгороде в это время архиепископом был владыка Арсений (Стадницкий), выдающийся литургист и знаток церковного пения (в молодости — певчий и регент), уделявший исключительно много внимания хоровому образованию.

Следующие даты в составленном нами списке сочинений Корсунского относятся также к новгородскому периоду: это Херувимская песнь для трехголосного мужского хора (1919), «Хвалите имя Господне» № 2 (1924). Следующие 18 номеров связаны уже с Ленинградом: 1925—1937.

Поскольку дневниковые записи охватывают период 1934 — начало 1937, только относительно сочинений этих лет есть сведения об обстоятельствах их появления. Но уже в 1927 появляется сочинение («Сподоби Господи» № 2), адресованное тому самому регенту Князь-Владимирского собора И. С. Соловьеву, с которым связаны и дальнейшие композиции. Из сопоставления дневника и дат на рукописях ясно также, что в подборке имеются не все духовные сочинения Корсунского. Например, по отношению к июлю 1934 в дневнике говорится о трех пьесах, сочиненных к храмовому празднику собора (и именинам Корсунского), а налицо только одно сочинение с такой датой — «Величит душа моя Господа» для сопрано с хором. В сентябре 1935 Корсунский упоминает исполнение в соборе своего «Не имамы», в списке сочинений такового вообще нет, а в данном месяце обозначена литийная стихира на Воздвижение. Трудно с уверенностью назвать причину подобных расхождений. Однако, глядя на рукопись подборки в целом, можно утверждать, что она не составлена из рукописей разных лет, а написана подряд, «в один прием». Возможно, автор отобрал для этой подборки те композиции, которые считал более

ценными, а может быть, имел копии или черновики не всех своих композиций, ибо они часто исполнялись в соборе буквально «из-под пера». Этому соображению не противоречит наличие в подборке незаконченных сочинений: думается, что при их записи автор, не имея полного оригинала, пытался вспомнить свой текст.

Любопытен психологический контекст этого духовно-музыкального творчества.

Корсунский в 1930-е ведет исключительно трудную в материальном и нравственном отношении жизнь. В течение многих лет преподавая в разных учебных заведениях города предмет под названием «история классовой борьбы», он в конце концов оставляет во второй половине 30-х педагогику, пытаясь прожить творческими работами, а на самом деле — живет на мизерную пенсию, на небольшие гонорары (авторские отчисления), получаемые в Горкоме композиторов (нечто вроде Музфонда, в Союз композиторов Корсунский был принят только в 1940), а также на случайные деньги, получаемые за концертные выступления с певцами в качестве аккомпаниатора, отдельные лекции в клубах и мелкие композиторские работы по заказу исполнителей. Вместе с Владимиром Митрофановичем живет его младший сын Николай — школьник средних классов, и в дневнике часто встречаются записи: нет денег на покупку ботинок сыну, сидим только на хлебе. Отношения с двумя старшими сыновьями, живущими самостоятельно, складываются не гладко. Корсунский пытается продвигать свои большие произведения, в частности симфонию, обращаясь с письмами и лично в разные инстанции, — но безуспешно. При этом он довольно много работает как композитор в разных жанрах, стремится регулярно посещать интересные концерты (давая в дневнике музыке и исполнителям довольно тонкие оценки), нередко играет свои произведения в домах друзей и знакомых.

Примечательно: Корсунский оказался единственным человеком, который в дни 100-летия со дня рождения Балакирева, то есть в 1937, озаботился церковным поминовением композитора. С певчими договориться не удалось — оказалось слишком дорого, а денег у Корсунского было в обрез; отслужили без пения и совсем скромно: присутствовали только сам Корсунский, а также Варвара Дмитриевна Комарова и семья Ляпуновых, мать и две дочери. Представим себе этот день балакиревского юбилея в 1937: панихида с одним священником в пустом храме и вечером концерт в филармонии, на котором присутствовало не более полусотни человек...

В нравственном отношении кроме безденежья и неустроенного быта его терзают мысли о жене Марии Ивановне (в девичестве Ефимовой), скончавшейся в Новгороде в 1924, причем с ее кончиной явно связаны какие-то трагические обстоятельства. Корсунский часто видит сны о жене и молится за нее в храме. Не радуют его и судьбы других родственников, братьев и сестер. Корсунский пытается «соответствовать» текущим событиям (например, пишет песни на газетные тексты, посвященные войне в Испании), но отклика в «инстанциях» эта его деятельность тоже не находит¹⁵. Неизвестно, как долго оставался он при своих левых взглядах,

¹⁵ Единственный романс Корсунского советской эпохи под названием «Сатиновая кофточка», найденный среди изданий его сочинений в РГБ (все остальное — издания до 1917),

с которыми пытался воевать еще Балакирев. Но что эти взгляды существенно изменились в 1930-е, очевидно: текущая действительность Корсунскому совсем не нравится, хотя он и готов выполнить «социальный заказ».

На этом фоне встает вопрос о причинах обращения Корсунского к духовному творчеству. Вероятно, друг-регент платил ему какие-то деньги за композиции, написанные для хора Князь-Владимирского собора. Но, возможно, причина их возникновения была не только материальная: в дневнике есть записи о говении (первом за много лет) и причастии.

В общем, как писал ему Балакирев еще в 1902:

«Блажен тот, кто все эти ужасные испытания выдержит, не упав нравственно. Но как это трудно! И возможно только при особенной помощи Божией»¹⁶.

* * *

Трудно судить определенно о стиле не звучащей музыки. Однако можно утверждать, что, во-первых, это не тривиальная сугубо «клиросная» музыка и вместе с тем не музыка специфически «концертная», а во-вторых, что автор ее принадлежит к петербургской школе в широком понимании этого термина.

Разумеется, Корсунский — сын священника, выпускник духовной семинарии, ученик Беневского — прекрасно знал службу и церковно-певческий обиход. Не мог не знать он и новых веяний в этой области. Однако «московское» влияние его коснулось мало. Петербургская школа чувствуется в преимущественно, хотя и не исключительно, гармоническом складе письма, а в некоторых (немногих) песнопениях — в применении приемов, типичных для «капелльского» стиля: фанфарного типа ходов, пунктирного ритма. При всем том стиль Корсунского не похож, например, на стиль такого популярного петербургского автора, как А. А. Архангельский.

С одной стороны, Корсунский стремится избежать прямой «романсовости», сентиментальности. С другой стороны, его не тянет к архаическим интонациям в духе старинных роспевов. И даже в тех случаях, когда он берется за гармонизацию гласовых песнопений или применяет в своих композициях отдельные гласовые попевки, — это не ординарная гармонизация. Реально присутствует в музыке Корсунского традиция церковной псалмодии, временами достаточно ярко выступают элементы народного духовного пения, и это — на наш взгляд, самые удачные песнопения. Таковы, например, «Хвалите имя Господне» № 2 с изящным припевом «Аллилуия», запричастен «К Богородице прилежно».

Безусловно, сильнее всего чувствуется школа Балакирева — не церковных композиций последнего, а общего метода: это сказывается во внимании к смыслу слова, к просодии, к декламации в целом, а также в способе развития исходного мате-

представляет собой значительное упрощение стиля композитора в духе городской песни, но без всякой пошлости и «эстрадности»; примечательно, что фильм «Веселые ребята» показался Корсунскому при просмотре невыносимо пошлым.

¹⁶ Альманах. С. 581.

риала путем его высотного перемещения, в насыщенных красочных модуляциях, нередко энгармонических, нередко в излюбленные Балакиревым многобемольные или многодиезные тональности. Во Всенощной таких приемов не очень много, в более поздних сочинениях они встречаются чаще, вплоть до злоупотребления ими.

В соответствии с привычками клиросного городского пения той эпохи, и соборного в особенности, Корсунский часто применяет солирующий голос или включает сольные партии разных голосов и их групп в хоровую партитуру. Из дневниковых записей ясно, что эти произведения сочинялись в расчете на голоса конкретных певцов, и даже прямо по их заказу. Некоторые хоры с солистами представляются удачными — например, «Во Царствии Твоем» для баритона с хором, где «ариозная» сольная партия написана сдержанно, в традициях настоящей «русской школы». Не чуждо Корсунскому и стремление к тембровой красочности, чему примером может быть красивое «Достойно есть» с имитацией колокольного перезвона в конце песнопения.

Вообще, во многих песнопениях этого автора есть ощущение речи «от первого лица», искренности выражаемого чувства. Иначе говоря, Корсунский идет не только от традиции «озвучивания» того или иного текста, сложившейся в композиторской практике его времени, но и от личного прочтения смысла текста, на который сочиняет. Показательный тому пример — не датированное (но по расположению в подборке, скорее всего, еще новгородского периода) песнопение, озаглавленное автором «Покаянная песнь» («Покаяния отверзи ми двери»): очень напряженное, до чрезмерности экспрессивное и субъективное.

Можно, вероятно, говорить и о некоторой эволюции духовного творчества Корсунского: Всенощное бдение в целом проще и, если можно так выразиться, нейтральной, чем более поздние сочинения, из которых хронологически последнее, «Милость мира» № 2, датируется августом 1937. Было ли написано что-либо позже этой даты, трудился ли далее в соборе регент Соловьев — пока неизвестно.

Примечательно, что первое хронологически произведение Корсунского, написанное для соборного хора и регента Соловьева, относится к апрелю 1927. Как раз тогда собор, который в 1922—1926 был захвачен обновленческой «Живой церковью» и конкретно — главой живоцерковников Владимиром Красницким (служившим в соборе с 1912), был передан Православной Церкви. В 1937 тяжелые репрессии обрушились на соборное духовенство: были расстреляны настоятель храма епископ Череповецкий Тихон (Рождественский), протоиерей Михаил Долотов, протодиакон Иоанн Гонестов. Но собор не был закрыт, и вплоть до 1941 он оставался кафедрой митрополита Ленинградского Алексия (Симанского). Если уцелел хор, то, вполне возможно, звучали в эти годы в соборе и сочинения Владимира Иванова-Корсунского.

СПИСОК СОЧИНЕНИЙ В. М. ИВАНОВА-КОРСУНСКОГО

ЦГАЛИ СПб. Ф. 401. Оп. 1. № 73

Первая тетрадь

Всенощное бдение (неизменяемые песнопения)
для смешанного хора
1915

1. Благослови душе моя Господа
2. Блажен муж
3. Вечерняя песнь «Свете тихий»
4. Ныне отпускаеши
5. Богородице Дево
6. Хвалите имя Господне № 1
- 6а. Хвалите имя Господне № 2. *Ремарка: Переложить в G dur*
- 6б. Хвалите имя Господне № 3
7. Тропари по непорочных
8. Антифоны «От юности моя»
9. Песнопения по Евангелии
10. Катавасия рядовая «Отверзу уста моя»
11. Песнь Богородицы «Величит душа моя Господа»
12. Слава и ныне. Препоблагословенна еси
13. Великое славословие
14. Взбранной Воеводе

В той же тетради

Покаянная песнь. Сочинение Вл. Корсунского для смешанного хора
«Покаяния отверзи ми двери»

Херувимская песнь для трехголосного мужского хора. Соч. 21 ноября 1919. Утро

Введения

Малое славословие для смешанного хора. Соч. 5 февраля 1931

Во Царствии Твоем для баритона соло и хора. Соч. 1—2 февраля 1931. *Не*

закончено

Вторая тетрадь (нумерация автора прерывается на № 3)

Сподоби Господи для смешанного хора. 2—3 апреля 1925. *Не закончено*

Хвалите имя Господне № 2. 2 октября 1924

Сподоби Господи № 2. 28 апреля 1927. *Для И. С. Соловьёва*

- 1931 Во Царствии Твоем (для Литургии) для баритона соло с хором. 1—2 февраля
- Малое славословие. 5 февраля 1931
- Запричастен (из Литургии) «К Богородице прилежно». 8 февраля 1931
- Достойно есть (из Литургии). 9 февраля 1931
- Воскресный тропарь «Днесь спасение миру бысть» № 1. 2 июля 1933
- То же № 2. 3 июля 1933
- Тропарь «Воскрес из гроба» № 2. 3 июля [1933?]
- Тропарь «Воскрес из гроба» № 1
- Тропари воскресны «Ангельский собор» (могут быть исполняемы как запричастен). Октябрь 1933
- Величит душа моя (Песнь Богородицы) для сопрано соло с хором. 27 июля 1934
- Радуйся живоносный Кресте. Литийная стихира на Воздвижение. 20 сентября
- 1935 Наста днесь пресветлый праздник. Литийная стихира Покрову Пресвятой Богородицы (на 3-й глас)
- Многолетие для смешанного хора. 8 июля 1936 в 10 часов вечера. *По просьбе Ивана Семеновича*
- Милость мира № 2. 22 и 24 августа 1937.

РЕГЕНТЫ И ХОРЫ

≡ Александр Смирнов ≡

Воспоминания о Синодальном училище и хоре*

Фрагменты

...Учебный год осенью 1916-го начался, как обычно, 1 сентября. Занятия по программе, спевки, службы в Успенском соборе — все соблюдалось точно. Как и всегда, протоиерей Воздвиженский каждую субботу служил всенощную в Большом зале училища.

Синодальное училище готовилось официально стать высшим учебным заведением, а по существу оно уже являлось таковым. Правда, некоторые из наших выпускников шли потом в консерваторию, но занимались там только композицией, а по всем остальным предметам они могли бы сразу получить консерваторский диплом — таково было общее мнение. Преподавательский состав училища был блестящий: А. Д. Кастальский, Н. М. Данилин, Н. С. Голованов, А. В. Никольский, Вик. С. Калинин, Н. Н. Толстяков, Н. Р. Кочетов, В. П. Степанов... Состав учащихся 8-го и 9-го классов соответствовал уровню педагогов: почти каждый из выпускников этих лет представлял собой личность. Многие из них и проявили себя таковыми в последующей жизни. Это были настоящие товарищи — и в общении между собой, и в отношениях с младшими они отличались особенным дружелюбием, вежливостью, добротой. Я и сейчас вспоминаю с благодарностью Колю Сытника, Женю Ромашкова, Митю Шведова, Сашу Степанова... Никакой «бурсой» здесь не пахло!

Обычно начавшийся, учебный год 1916/17 кончился неожиданно рано. Последняя четверть года всегда была для нас очень ответственной: решалась дальнейшая судьба многих учеников. В годы войны выпускников Синодального училища обычно отправляли на курсы при Александровском военном училище и потом на фронт. Так, на войне оказался почти весь выпуск 1917 года — кроме ученика Алмазова, страдавшего болезнью ноги и негодного к военной службе.

* Воспоминания А. П. Смирнова, впервые опубликованные в I томе «Русской духовной музыки в документах и материалах» (М., 1998. С. 470—531), здесь перепечатываются фрагментарно, с необходимыми исправлениями и с несколько иными комментариями. Судьбы ряда упоминаемых Смирновым «синодалов» из числа тех, кто остался «в профессии», будут освещены во второй книге настоящего тома.

В один прекрасный день прозвучал «последний звонок» и нас всех собрали на молитву в Большой зал. Запели входное «Достойно», что означало по традиции окончание учебного года. Однако на сей раз «последний звонок» означал не только окончание года: он означал — чего мы, конечно, тогда не могли и предположить, — закрытие Синодального училища церковного пения.

Вскоре, буквально через несколько дней, состоялся выпускной акт. Молебен на этот раз прошел в Малом зале (Большой был сдан в аренду). Огласили результаты учебного года: вопреки обыкновению, никто не был исключен. Филипп Петрович Степанов обратился к нам с напутственным словом. Помнится, он говорил, что Февральская революция — это только начало, что предстоит много важных исторических событий и что мы должны быть готовы к испытаниям и к труду. Кстати, для самого Филиппа Петровича это время было нелегким. Когда после февральских событий преподаватели училища собрались, чтобы выразить свое отношение к происшедшей революции, инспектор К. П. Успенский позволил себе высказаться пренебрежительно о прежнем руководстве училища, причем в весьма резкой форме. Однако случилось неожиданное: в зал вошел Степанов, и авторитет его оказался все-таки столь высок, что Успенский сразу замолчал, встал и уступил Степанову место председателя собрания...

Итак, на выпускном акте, после молебна, за большим столом расположились руководители училища и хора, воспитатели с инспектором, педагоги. Впереди всех стояли окончившие курс в этом, 1917 году — почти все в военной форме, так что одетые в штатское среди них смотрелись как-то странно. Как уже говорилось, выпускники «автоматически» поступали в военное училище и после нескольких месяцев подготовки в офицерском звании отправлялись на фронт. Некоторые там и кончали свою молодую жизнь, не успев побыть «на воле». Всем выпускникам были вручены традиционные иконки и наши «синодальные» камертоны. То, что никто из учеников не был отчислен из училища, свидетельствовало о дальновидности нашего руководства: пока не были ясны последствия Февральской революции, в том числе судьба столь специфического учреждения, как Синодальное училище, находившегося в ведении Синода. Мы понимали, что прежний режим кончился, что и в училище будет смена власти, что уход прокурора Степанова неизбежен и его речь, обращенная к нам, — прощальная¹.

¹ Протопресвитер Успенского собора о. Николай Любимов пишет о планах преобразования управления кремлевскими соборами вместо Синодальной конторы, в том числе управления Успенским собором:

Затем по моему предложению обсуждали вопрос об образовании при Успенском соборе особого соборного совета по образцу церковно-приходских советов. В состав этого совета должны входить: все члены соборного клира (18 человек), представитель Синодальной конторы (прокурор или секретарь), 3 члена от Общества хоругвеносцев, 2 представителя от Синодального хора, 2 члена Московского Археологического общества, 3 члена от Братства четырех святителей московских, 3 лица из вновь образуемого Братства [сохранения святынь православных соборов в Москве] и 5 лиц по приглашению соборного клира из наиболее

После выпускного акта в училище оставались только мальчики, поющие в хоре, и потому всенощное бдение под Вербное воскресенье в училищном зале пели, в основном, детскими голосами. Эта всенощная мне особенно запомнилась — и потому, что она оказалась последней в стенах училища, и потому, что на этот раз выполнять регентские обязанности довелось мне. Ученический хор, в котором пели малыши и учащиеся старших классов, обычно делился на два клироса: на левом дирижировали ученики восьмого класса по очереди, на правом — девятиклассники. В своем хоре мы пробовали нередко исполнять новый репертуар, даже с солистами «из своих» (помню, например, как Вася Кусков солировал в «Ныне отпускаеши» Кастальского), с канонархами-альтами из второго или третьего классов. На этот раз пришлось служить на один клирос, поскольку отсутствовал весь девятый и большая часть восьмого класса. Мне исполнилось 16 лет, я оказывался одним из старших, и Владимир Павлович Степанов, руководитель ученического хора, назначил меня в регенты.

Праздник Пасхи и все последующие службы в Успенском соборе прошли как обычно, при полном составе Синодального хора. В первых числах мая меня вызвал А. Д. Кастальский и представил А. Т. Белову, руководителю хора при фабрике Кокорева в селе Вичуга Костромской губернии. Я направлялся помощником к Белову, и это была моя летняя практика. Перед отъездом мы с друзьями, Лешей Рязовым и Костей Пасхиным, решили сходить попрощаться к Филиппу Петровичу. До этого принципиально к нему не ходили — не хотели прослыть «любимчиками», но теперь все изменилось. Степанов остался в одиночестве, и, хотя продолжал работать в Синодальной конторе и ежедневно ходить в училище, преподаватели его избегали и не приглашали на свои собрания: ведь он был «царским сановником», камергером, и теперь оказывался «лишним человеком». Конечно, это обижало Степанова, да и не всем педагогам нравилось.

Жил Степанов по-прежнему на Воздвиженке, там же, где все служащие Синодальной конторы, но в отдельном двухэтажном домике (потом там помещался комитет комсомола, этот дом и сейчас стоит — против Военторга). Филипп Петрович давно вдовел и теперь оставался в доме вдвоем со старым слугой. Он захотел угостить нас чаем и спросил слугу, нет ли хотя бы хлеба. Но и хлеба было совсем мало. Мы выпили чаю и вместе дошли до Арбатской площади. На прощание Филипп Петрович сказал, что вскоре уезжает на юг, в Сочи, и что писать можно на имя Шмелева по такому-то адресу. Впоследствии я отправил по этому адресу письмо и получил в ответ прекрасное письмо, в котором Филипп Петрович, ласково называя меня Шурой, давал мне добрые наставления.

Но вернусь к 1917 году. В августе, по возвращении из Вичуги, я почти ежедневно заходил в училище, встречался с друзьями — все ждали объявления о нача-

ле занятий. Перед днем Воздвижения я прочел в газете о возможной забастовке взрослых певчих Синодального хора, вызванной низкой оплатой их труда при резком вздорожании жизни. Тогда же, проходя по Никитской улице, я встретил одного из «забастовщиков», и он мне поведал, что делегация от Синодального хора обращалась в Совет рабочих депутатов, но там им сказали, что церковь для Советов — ведомство постороннее. Как будто праздничную всеобщую собирались петь только детскими голосами².

Под праздник Воздвижения я отправился в Успенский собор. Он был переполнен молящимися, хор пел полным составом как положено — на два клироса, и пел превосходно. Служба вышла очень торжественная. Для меня эта всеобщая под Воздвижение оказалась последней службой в кремлевском Успенском соборе. Через несколько дней я уехал к родственникам в Воронежскую губернию, предполагая вернуться в Москву к 1 января — объявленному началом занятий в училище. И действительно, занятия возобновились, но только для учеников 9-го, выпускного класса. Что же касается Синодального хора, то последний раз он пел в Успенском соборе на Пасху 1918 года. В эту Пасху кончились и богослужения в соборе, и его знаменитый хор³.

Мне рассказывали, что служил в тот день епископ из Гродно⁴. И еще я знаю из рассказов нашего воспитателя Ивана Григорьевича Красильникова, что до Пасхи службы продолжались: пели взрослые и кое-кто из мальчиков, остававшихся в Москве. Во время расстрела Кремля в октябре 1917 года мальчиков собирали в Большой зал училища, и там они ночевали вместе с воспитателями — так было безопаснее. Эти ребята не учились, только пели в хоре.

² 12 и 13 сентября 1917 взрослые певчие Синодального хора действительно пропустили в знак протеста литургии в Успенском соборе (см. также в Хронике).

³ Об обстановке, в которой проходили последние службы в Успенском соборе с участием Синодального хора, рассказывается в дневнике протоиерея Георгия Голубцова, депутата Собора от Грузинской епархии, в прошлом — выпускника училища при Синодальном хоре. Накануне своего отъезда из Москвы он отправился в Кремль, чтобы получить святое миро для храмов своей епархии. Охарактеризовав в записи от 25 марта/5 апреля 1918 царившую в Кремле грязь и разруху после обстрела, протоиерей пишет далее:

В Успенском соборе шла литургия Преждеосвященных Даров, пело отделение Синодального хора в 12 человек басов и теноров. Народу было мало. В соборе до сих пор зияет в куполе пробоина, кажущаяся снизу величиной в аршин в диаметре, а на самом деле гораздо больше. Оказывается, во время бомбардировки Кремля большевиками один снаряд пробил купол, проник вовнутрь и здесь разорвался, повредив одно большое паникадило, несколько лампад и выбив все стекла в окнах. Все святыни уцелели. Я заслушался дивного синодального пения. Особенно хорошо были исполнены «Да исправится молитва моя» и «Ныне силы небесныя» (*Голубцов Георгий, протопресвитер*. Поездка на Всероссийский церковный собор. Дневник // Российская церковь в годы революции. Указ. изд. С. 258).

⁴ Епископ, позже митрополит Константинопольского патриархата Владимир (Тихоничий).

В здание на Никитской улице я пришел вновь, чтобы продолжить учение — но уже не в Синодальном училище, а в Хоровой академии. Заниматься довелось только в 1919 году, так как в ноябре этого года я был призван в Красную армию, а в 1923-м Хоровую академию закрыли.

При закрытии Синодального училища я, как видно из вышесказанного, не присутствовал. Но по рассказам однокашников знаю, что переход училища в Хоровую академию произошел довольно легко. И правда, когда в 1919 году я пришел в академию, то застал там много прежнего — тех же учителей, тех же воспитателей. Например, как ходил я в училище на теоретические занятия к Виктору Сергеевичу Калининскому, так и продолжал ходить к нему в академии. В ту зиму академия не отапливалась; для экономии дров их раздали понемногу педагогам, и занятия происходили по большей части в квартирах. Помню, Виктор Сергеевич Калининский занимался в бывшей инспекторской квартире. Как-то мы с приятелем опоздали к нему на урок, приятель набрался храбрости и вместо извинения произнес: «Лучше поздно, чем никогда». — «Сказал человек, опоздавший на поезд», — продолжил Калининский. Виктор Сергеевич оставался таким, каким и был всегда — подтянутым, строго одетым и аккуратным: на рояле у него никогда не лежало ничего лишнего, а если он писал на доске мелом, то старался не запачкать рук. Добавились новые предметы, в том числе подробный курс народного творчества, который вел Кастальский (из этого курса у меня в памяти осталось мало; помню, Александр Дмитриевич объяснял нам, что «кукушка кукует в терцию»). Состав учащихся был во многом прежний, только появились и девушки. Репертуар хора академии, конечно, стал иным (пели мы и «Интернационал», и «Дубинушку»), но в целом этот переход от старого к новому был достаточно мягким.

Проучившись всего несколько месяцев, я ушел в армию и при разгроме академии не был, только знаю кое-что со слов друзей, особенно сына Кастальского, большого моего друга Александра Александровича. Он говорил, что Александр Дмитриевич бился за сохранение академии чуть ли не в одиночку. В частности, ему пришлось бороться с Надеждой Яковлевной Брюсовой, влиятельной фигурой в тогдашнем Наркомпросе: на его просьбы о сохранении академии она ничего не отвечала, но готовила решение о ликвидации. Я думаю, что новая власть не могла примириться с тем, что Хоровая академия до известной степени продолжала старые традиции. Александр Александрович говорил мне также, что ни Данилин, ни Голованов не оказали тогда Кастальскому нужного содействия. По выражению Александра Александровича, они вели себя «инертно». Вполне возможно, что они и не могли ничего сделать. Положение Голованова в Большом театре всегда было сложным, и Данилину власти постоянно ставили на вид его продолжавшуюся регентскую деятельность. Говорят, что, когда Николая Михайловича вызывали в профсоюз и спрашивали с подвохом: «Что, Николай Михайлович, все поете?» — он отшучивался: «Пою, приходите послушать». Но в 1928 году ему пришлось отказаться от регентства⁵.

⁵ См. об этом подробнее в разделе «Николай Данилин», а также в записях Н. П. Окунева.

Я присутствовал в 1923 на заключительном вечере в Хоровой академии и вновь пережил тогда горечь расставания с любимой школой. Почти никого из старых преподавателей на вечере не было, только с Данилиным мне удалось немного поговорить. Большой зал находился в аварийном состоянии после пожара, и вечер проходил в Малом зале — там же, где последняя всенощная под Вербное воскресенье 1917-го. Потом здание отдали юридическому факультету Московского университета. К счастью, я дожил до того времени, когда оно было передано Московской консерватории и таким образом началось восстановление музыкальных традиций этого зала и Синодального училища.

После закрытия училища и академии все бывшие певцы Синодального хора разбрелись кто куда. Когда я в 1919 вернулся в Москву, то обнаружил сразу три государственных хора: одним управлял Данилин, другим Чесноков (у него помощником был А. В. Александров, регент Храма Христа Спасителя, потом создатель Краснознаменного ансамбля), третьим — И. И. Юхов. Во всех этих хорах были наши певцы, особенно много у Данилина. Впоследствии часть из них занялась другой деятельностью. Был, например, у нас замечательный октавист Орлов — он стал работать в судебных органах; отличный баритон Калугин вышел в большое начальство⁶.

Конечно, многим приходилось идти на компромиссы. Хотя бы тому же Кастаньскому, который начал сочинять на советские темы. Но, между прочим, Кастаньский и после революции не оставлял духовного творчества; в частности, он создал песнопения на интронизацию патриарха⁷. А сам ныне канонизированный Церковью Святейший Патриарх Тихон? Разве и ему не приходилось идти на компромисс?

Как рассказывал мне переписчик нот Н. И. Озеров, впоследствии инспектор хора Большого театра, в годы нэпа он сам зарабатывал на жизнь пением в пивных, и в частности пел в ансамбле, которым руководил А. В. Александров. Случилось так, что частым посетителем пивной, где они выступали, оказался работник создаваемого тогда Дома Красной армии. Он-то и пригласил Александра с ансамблем перейти к ним. Я помню самый первый состав красноармейского ансамбля: двенадцать человек, включая гармониста, тещу и танцора; помню их первую программу, посвященную истории развития разных армейских соединений в Гражданскую войну⁸.

⁶ По другим сведениям, П. П. Орлов пел в Театре оперетты, а С. Я. Калугин служил в милиции.

⁷ Имеется в виду цикл «Из патриаршего и архиерейского служения» (1917):

«От восток солнца»

«Достоин» входное

«Тон деспотин» демеством (после «Достоин» во время патриаршего благословения)

«Вошел еси во церковь» (во время облачения)

«Ис полла эти деспота» демеством (на литургии после малого входа во время каждения в алтаре).

⁸ История создания Краснознаменного ансамбля рассказывается в «Воспоминаниях» С. Н. Василенко, у которого А. В. Александров занимался композицией в Московской кон-

В двадцатые годы ситуация сложилась противоречивая: с одной стороны, велась жестокая борьба с Церковью, а с другой — многие храмы еще были открыты и чрезвычайно развилась практика духовных концертов. Отчасти это было связано с экономическими трудностями: певцам и регентам надо было на что-то жить. В церковных хорах, на клиросе появилось много отличных певцов, среди них и артисты Большого театра. Хотя за это можно было подвергнуться преследованиям, все же приверженность к церковному пению, да и, конечно, необходимость заработка превозмогали преграды. Духовные концерты обычно проходили в приходских храмах в свободное от служб время, хоры были либо данного храма, либо сборные, небольшие, солисты — приглашенные. В таких концертах нередко принимали участие А. В. Нежданова (хором в этом случае всегда управлял Голованов), В. Р. Петров, С. Н. Стрельцов. Великолепные солисты были надежным средством привлечения публики. Помнится, одним из храмов, где нередко проходили духовные концерты, была церковь Флора и Лавра у Павелецкого вокзала. <...>

По-разному сложились жизненные пути и у наших учителей. Некоторые, как Н. М. Данилин, Н. С. Голованов, В. П. Степанов, добились очень больших успехов на артистическом поприще. Другие, как Александр Дмитриевич Кастальский или Виктор Сергеевич Калинин, вскоре после революции ушли из жизни. Николай Нилыч Толстяков болел, очевидно, у него было и психическое расстройство. Я его встретил в начале 1950-х годов на концерте в консерватории, а регулярно с ним общался мой друг, регент Николай Данилов. Толстяков с женой очень нуждались, и время от времени жена отправлялась по разным церковным клиросам просить помощи: поскольку сочинения Толстякова исполнялись, ей удавалось кое-что получить⁹. Сам же Николай Нилыч не преподавал и не регентовал. Еще помню, как его жена пыталась продать остававшиеся у них золотые часы с гербом...

Один из наших любимых воспитателей, Николай Сергеевич Ермонский, продолжал педагогическую деятельность (у него было и университетское образование). Другой, Василий Никанорович Якимов, по прозвищу Макароныч, сотрудничал с Кастальским в Хоровой академии, потом служил в Пролеткульте. Наш строгий русист Николай Николаевич Сокольский был отстранен от педагогической работы «по анкетным данным», уехал на родину во Владимир и там служил

серватории (служа одновременно регентом архиерейского хора в Твери); кроме композиции, Александров обучался как певец и окончил консерваторию с большой серебряной медалью.

Много лет спустя, — пишет Василенко, — уже в двадцатых годах, я встретил его, спросил, как ему живется. «Плохо, очень плохо, Сергей Никифорович, — отвечал он. — <...> Веду хором красноармейцев в Доме Красной армии... Да ведь хор — всего из двенадцати человек, и получаю я просто чепуху...» — «А ты постарайся, доведи хор хоть до пятидесяти человек...» Саша с величайшими усилиями довел его до шестидесяти человек и показал К. Е. Ворошилову... И возник знаменитый Красноармейский ансамбль, о дальнейшем процветании которого нет нужды говорить (Василенко С. Н. Воспоминания. М., 1978. С. 277).

⁹ О судьбе Н. Н. Толстякова см. также в разделе «Дело Драмсоюза».

в каком-то домкоме. Инспектор К. П. Успенский, имевший медицинское образование, стал работать врачом. А самый любимый наш воспитатель Иван Григорьевич Красильников оставался в Москве и всегда поддерживал связь с нами.

Много лет спустя после закрытия училища я получил известие о другом человеке, который много значил для нас в детстве, — о Филиппе Петровиче Степанове. В 1942 году я попал по своей военной службе в Сочи и в свободный час решил сходить по адресу, который когда-то дал мне Степанов. Я нашел там упомянутого Степановым Шмелева, и оказалось, что раньше он был регентом одного из сочинских храмов, а после революции преподавал пение. Жена его когда-то пела в знаменитой капелле Славянского. Выяснилось, что его родной брат — Яков Александрович Чмелев, который сочинял духовные композиции и которого я хорошо знал. Про Филиппа Петровича Шмелев рассказал, что тот долго прожил в его доме, они вместе даже поставили какую-то детскую оперу Степанова. Затем Степанов исчез из Сочи. Но еще в двадцатых годах в Москве я встретил жену одного из наших воспитателей — Андрея Андреевича Петрова. Она сказала, что получила письмо от Филиппа Петровича: он беспокоился о «мальчиках» из Синодального училища, просил, чтобы мы не забывали прошлого и не становились «коммунистами». Дальше про Степанова ходили разные слухи: одни говорили, что он в Софии, другие — в Белграде; потом разнеслась весть, что он принял монашество на Афоне¹⁰. Завет Филиппа Петровича мы, в общем, выполнили: школу мы не забыли, и лишь немногие из нас вступили в партию.

Воспитанников училища разметали в разные стороны годы революции и Гражданской войны, большинству пришлось поменять профессию. Но почти все из нас остались верны своему незабываемому детству и юности, своему товариществу. Тесный круг москвичей-синодалов сохранял дружеские связи, и мы встречались друг с другом в течение многих лет. На последнюю такую встречу, состоявшуюся в Музее-квартире Н. С. Голованова в 1975 году, пришло только восемь человек: С. А. Шумский, И. М. Смыслов, Е. Г. Ромашков, С. А. Воскресенский, А. А. Чепцов, В. С. Плетюхин, В. П. Бутузов, А. П. Смирнов. С нами был и наш бывший воспитатель Н. С. Ермонский. Сейчас уже никого из них нет в живых — остался один я...

Возвращаясь к судьбам моих товарищей по училищу, хочу повторить, что они сложились очень и очень по-разному.

В последние годы существования училища среди многих способных ребят выделялся талантивейшим Миша Жуков. Это было замечено Головановым: он уделял Мише особое внимание, и хотя тот рано потерял голос, его оставили в училище для продолжения образования. И даже когда в начале 1918 года училище было открыто только для оканчивавших девятиклассников, шестиклассник Миша пользовался уроками Голованова. Жуков отлично владел фортепиано, он был учеником

¹⁰ Ныне имеются точные данные (по справочнику «Русский некрополь в Белграде», составленному А. Б. Арсеньевым): в начале 1920-х Степанов эмигрировал в Югославию и скончался в Белграде 7 января 1933; в Сербии он преподавал в гимназии.

нашего воспитанника Николая Дмитриевича Бунакова. Кстати, о самом Бунакове, очень хорошем, интеллигентном педагоге и отличном музыканте, владевшем фортепиано, скрипкой, виолончелью. После революции он попал в Мценск, где стал руководителем музыкальной студии, а позже был репрессирован. Николай Дмитриевич всегда отличался независимостью суждений, да кроме того, он был офицер, вернулся с мировой войны после плена: там он оказался в международном офицерском лагере и, отлично владея не только фортепиано, но также скрипкой и виолончелью, создал оркестр из пленных разных национальностей и сам им дирижировал¹¹.

Жуков вышел из училища в 1918 году, в 1919-м мы с ним переписывались. Он тогда играл на фисгармонии в оркестре Малого театра, потом с помощью Голованова попал в Оперную студию Станиславского и стал там дирижером. Служил он и в оперном театре Риги, потом снова в Москве — в филиале Большого театра. Везде он очень тщательно занимался с оркестром, и оркестранты его любили. Неудивительно: Миша Жуков всегда, с детских лет был веселым, легким, обаятельным. Как-то в период его службы в Большом театре мы с Владимиром Павловичем Степановым пошли слушать Жукова в «Князе Игоре»: сразу становилось ясно, что это дирижер Божией милостью. С трудом верилось, что это тот мальчик, который когда-то босиком пришел в наше училище на приемные испытания. Однако с годами выяснилось, что Миша получил от предков не только талант, но и печальную склонность к алкоголизму. Умер он рано и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Совсем иначе сложилась судьба другого очень одаренного ученика и доброго нашего товарища Сергея Жарова. С Жуковым я учился некоторое время вместе, даже сидел за одной партой. Жаров был старше меня — он закончил училище в 1917-м, а учился я в одном классе с его младшим братом. Всего в училище у нас было трое Жаровых, и происходили они из города Макарьева Костромской губернии, что стоит на реке Унже. Сережа был отличный товарищ — спокойный, серьезный, добрый. Как многих выпускников училища военных лет, его направили в офицерское училище, оттуда на фронт, и потом я много лет ничего о нем не знал, хотя, помнится, в 1930-х годах по Москве ходили разговоры о каком-то знаменитом на Западе Хоре донских казаков под управлением Жарова. После войны, в 1946-м, я попал в санаторий под Ригу и познакомился там с лодочником из местных. Мне было интересно, как жили в Риге в те годы, когда Латвия была самостоятельным государством, и я задавал много вопросов. Однажды лодочник рассказал, что гастролировал в Риге замечательный русский хор Сергея Жарова. Я иногда навещался на базар посмотреть старые книги и решил спросить у знакомого торговца насчет записей Жарова. Он ответил, что у него есть такие пластинки, продавать он их не хочет, но может дать послушать. Так я впервые услышал Хор

¹¹ Впоследствии Н. Д. Бунаков жил за границей под именем Ф. П. Русановского, скончался в 1954 в США.

донских казаков, помнится, они исполняли гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». Меня поразила стройность звучания, я окончательно уверился, что это тот самый Сергей Жаров, и загорелся желанием разыскать другие его записи.

Случилось так, что один мой знакомый направлялся в США на службу в наше посольство. Я попросил его поискать пластинки Жарова и установить с ним связь. У меня сохранились фотографии из жизни Синодального училища, и я передал их для Жарова, потому что верил: он не забыл прошлого. Мой знакомый встретился с Сергеем Алексеевичем, тот был очень тронут памятными фотографиями и прислал мне некоторые свои пластинки. Говорят, он настолько разволновался, что три дня не выходил из своего кабинета, а потом выражал большую радость, что в России еще есть «синодалы», которые помнят его. С этим событием связана также передача в Россию архива долголетнего сотрудника Жарова Константина Шведова, который хранился в жаровской семье¹². Со временем я познакомился с разными записями жаровского хора и могу сказать, что это — настоящая, подлинная синодальная манера. Да и не удивительно: начав петь в хоре где-то около 1907 года, Жаров мог застать еще орловские времена, потом пел с Кастальским. Рассказывали, что, находясь уже в регентском отделении, Жаров во время спевков хора нередко подходил к дверям и слушал — учился. Таким образом, он отлично знал и стиль Данилина. Потом именно Жаров прославил наше искусство во всем мире.

Еще одна любопытная судьба — Костя Пасхин. В отличие от Жукова, ставшего «светским» дирижером, и от эмигрировавшего Жарова, Пасхин стал тем, кем ему предназначалось стать, — русским регентом. Имя его сейчас мало кому известно, но это был талантливый музыкант и замечательный человек.

Костя — Константин Аверкиевич Пасхин — поступил в училище в один год со мной. Мы сразу подружились и были близки до конца Костиных дней, а умер он в 1970 году. Костя сразу попал в хор: у него оказался необыкновенный голос — чистый, ангельского тембра, никогда не «качавшийся» дискант и превосходный слух. Он пел всегда на правом клиросе и был «под рукой» у Голованова, как сам Николай Семенович был «под рукой» у Орлова. Ясно, что Голованов, дирижер с большим вкусом, выбирал самых одаренных ребят. Пасхина брали во все поездки, на все ответственные выступления. Перед поездкой в Ниццу на освящение храма в училище устроили пробу мальчишеских голосов. И вот иду я мимо зала, смотрю — стоит в коридоре Костя и плачет. Спрашиваю: «Что случилось? Тебя не берут?» — «Берут, — отвечает Костя, — но меня Попандопуло очень больно стукнул». Оказалось, воспитанник Попандопуло так обиделся, что его не выбрали в поездку, что выместил злость на Косте. Пришлось вмешаться в это дело. Пел Костя много, но прочая учеба давалась ему нелегко, и он несколько раз оставался на второй год, так что революция застала его не в пятом классе, как меня, а в четвертом.

После революции он продолжал петь в разных церковных хорах, в том числе под регентством Николая Сергеевича Данилова, другого замечательного «синода-

¹² В настоящее время находится в Музее имени Глинки.

ла». Как-то Пасхин пошутил: «Мы с Даниловым на одной партийной работе состоим — у Спаса во Спасех» — это храм был такой на Большой Спасской улице, у казарм. Понемногу Костя начал дирижировать и стал регентом. Довольно долго он состоял регентом в ныне уничтоженном Преображенском соборе на Преображенской площади — там была кафедра митрополита Крутицкого Николая. В этом хоре певцов насчитывалось до тридцати, в том числе жена Пасхина — прекрасное сопрано. Все были любители. До войны он работал в конструкторском бюро, занимавшемся проектированием дирижаблей, а позже в Министерстве авиационной промышленности. Времена были такие, что участие в церковной службе необходимо было скрывать, и клирос чаще всего загоразивали иконой побольше, чтобы не видно было певцов. Случалось, конечно, что выдавали, в том числе свои.

Репертуар у Пасхина был чисто «синодальный», с большим преобладанием композиций Кастаньского. Звучание отличалось исключительной чистотой строя, и всегда ощущалось глубокое понимание исполняемых текстов. Вопрос веры — это самый личный, интимный вопрос, и я никогда не спрашивал ни о чем своего друга Костю, но слышно было, как глубоко он проникает в суть песнопений. Он много разговаривал с хористами, старался образовывать их.

После сноса Преображенского собора Пасхин перешел в храм на Преображенском кладбище. Хор тут был поскромнее, но репертуар тот же. Пришлось ему уйти и отсюда, встретившись с недоброжелательством нового настоятеля, с его неприятием «синодального» стиля. Он всю жизнь собирал регентскую библиотеку. Сам многое переписывал, расписывал партии. Он держал крепкую связь с Н. Н. Толстяковым и от него получал интересные материалы. Библиотека эта после смерти Пасхина осталась в храме на Преображенском кладбище, и дальнейшая ее судьба мне неизвестна.

Такая же история произошла после войны и с Даниловым в его знаменитом на всю Москву хоре в храме Всех Святых на Соколе: клир, состоявший из уроженцев Западной Украины, не понимал «московской школы» и навязывал регенту чуждый ему репертуар. Тогда Данилову пришлось уйти в другой храм — в Марьиной Роще. Кстати, я знаю, что по поводу Данилова Сергей Шумский имел объяснение с Пименом, будущим патриархом, который сам был в молодости регентом. Однако заступничество, по-видимому, не имело успеха. Я думаю, что именно эти два регента — Пасхин и Данилов — являлись настоящими продолжателями традиций Синодального хора в клиросном пении. Мне кажется, что Пасхин отличался особым благородством вкуса, а у Данилова была особая молитвенность в исполнении и, конечно, тоже прекрасный, «данилинский» репертуар¹³.

Одним из иерархов, часто служивших в мое время в Успенском соборе, был епископ Димитрий, настоятель кремлевского храма Двенадцати Апостолов. Кстати, в детстве я пел на его наречении во епископы, которое проходило в этом храме, и

¹³ Репертуарные списки Данилина см. далее; репертуар Данилова — во второй книге тома.

помнится, мы исполняли тогда знаменные догматики Кастаньского, которые пели обычно и во время мирования¹⁴. Когда скончался в 1934 году очень известный в Москве митрополит Трифон, Димитрий его отпевал при огромном стечении народа в церкви Адриана и Наталии близ 1-й Мещанской, а пел хор Данилова. И после службы вышел Димитрий и сказал: «Вот, сегодня я снова слышал Синодальный хор». Про Данилова говорили, что он иногда теряет управление хором. Правда, порой он настолько увлекался исполняемым, что слезы начинали течь у него по щекам. Как-то он пригласил компанию «синодалов» в храм на Соколе, на литургию, состоявшую из произведений Кастаньского. Как он пел тогда «Достойно есть» роспева царя Феодора в переложении Кастаньского — до сих пор не могу забыть! Он брал такие темпы, при которых молящийся мог «прожить» богослужебные тексты, мог размышлять о них. Я бы даже сказал, что молитвенность у Данилова была еще сильнее выражена, чем в Синодальном хоре. Кроме того, Данилов замечательно учитывал ритм каждой службы, ее строй. И наконец, он мастерски подбирал певческие тембры, хотя ситуация с голосами была тогда нелегкая. Данилов также сочинял, но, будучи человеком очень скромным, позволял себе вставлять свои композиции в службу лишь тогда, когда они были необходимы. Например, если исполнялся известный литургический цикл и в нем отсутствовали какие-то изменяемые песнопения. <...>

Еще один московский регент, связанный с Синодальным хором, — это Иван Митрофанович Харитонов. В последние годы училища он был там делопроизводителем и регентовал в разных храмах. В 1919 году группа ребят из Хоровой академии поехала под его руководством в дом отдыха в Козлов (Мичуринск) и оказалась в оккупации у донских казаков Мамонтова. Деньги кончились, и выехать нельзя. Ребята решили порепетировать с Харитоновым и наняться петь в местный храм. Вскоре, однако, казаки ушли, и они вернулись в Москву. Харитонов был помощником Данилина в церкви Николая Явленного на Арбате, потом управлял хором в церкви на Смоленском рынке, а затем перебрался на Ваганьковское кладбище. Данилов мне как-то сказал: «Хочешь вспомнить, как дирижировал Данилин, пойди посмотри на Харитонова». Действительно, тот был страстным поклонником Николая Михайловича. Мы нередко беседовали, и выяснилось, что у Харитонова есть кое-какие ноты из училищной библиотеки, в частности литографированный сборник произведений, исполнявшихся на концерте к 25-летию училища, и литографированная Всенощная Рахманинова. Это объяснялось тем, что в период разгрома Хоровой академии Харитонов жил в том же доме и мог кое-что спасти. Вообще же, по моим сведениям, основная часть библиотеки пошла в соседние лавки на оберточную бумагу. Только семья Кастаньского успела взять то, что касалось Александра Дмитриевича, хотя, конечно, не все. Кстати, по рассказам, именно Харитонов, один из немногих, активно помогал Кастаньскому сохранить Академию.

¹⁴ Впоследствии архиепископ Димитрий (Добросердов); священномученик. Хиротония во епископы — в Успенском соборе 18 мая 1914.

Харитонов дружил с «синодалами», в том числе с Даниловым и Пасхиным. У Ивана Митрофановича тоже была отличная регентская библиотека, подобранная по праздникам, почти вся переписанная его красивым почерком. Он владел хорошим певческим баритоном, одно время ведал инструментальной мастерской в консерватории, церковному же делу был предан до конца и так же, как Пасхин и Данилов, нес в своей деятельности репертуар и традиции Синодального хора.

Столь же преданным прошлому был и Николай Иванович Озеров, наш переписчик, потом инспектор хора Большого театра¹⁵. Рассказывали, что это именно он, через Малиновскую и Луначарского, добился для Данилина, который тогда был хормейстером Большого, разрешения разучить с хором Всенощную Рахманинова. Это исполнение состоялось в Колонном зале и было повторено на хорах Храма Христа Спасителя¹⁶. Вскоре Данилин ушел из театра, где и всегда чувствовал себя не на месте.

Хоровиками остались также Иван Смыслов, вожак альтов в мое время, и Сергей Наумов. Первый занимался своим делом в Вичуге, а второй регентовал в Москве. Был у нас еще мальчик Петя Птицын: он стоял в моем пульте и, помню, все время буквально смотрел мне в рот. Он стал хорошим певцом-баритоном, а потом ушел работать в органах. Александр Степанов, выпуска 1918 года, работал хормейстером в Большом театре, в Музыкальном театре Станиславского, руководил Республиканской капеллой, которая теперь носит имя А. А. Юрлова. Во Всероссийском хоровом обществе трудился Костя Лазарев.

Я знаю, что особой известностью в Москве пользовались два других регента — Николай Матвеев в храме Всех Скорбящих Радость на Большой Ордынке и Виктор Комаров, руководивший Патриаршим хором в Елоховской. Конечно, я слушал обоих. Ни тот, ни другой не были «синодалами», но отношение к Синодальному хору у них было разное.

Комаров знал наших регентов и певцов, работал с ними, внимательно к ним прислушивался и так же внимательно относился к рассказам о пении нашего хора. Специального хорового или вообще музыкального образования Комаров не имел, но был бесконечно предан Церкви и своему делу: он никогда, ни на один день не оставлял регентства — настоящий подвижник! И Данилов, и Пасхин часто встречались с Комаровым и высоко его ценили. И ведь это именно он первым в военные годы исполнил композиции Николая Михайловича Данилина, причем специально приходил домой к уже тяжелобольному Данилину и получил от него указания, как что петь.

С Матвеевым дело обстояло по-другому: ему «синодальная» традиция была чужда¹⁷. В свое время между Матвеевым и Даниловым существовал сильный, хотя

¹⁵ Озеров и сочинял церковные композиции; см. об этом во второй книге тома.

¹⁶ См. программу этого концерта 24 декабря 1922 в разделе «Духовные концерты».

¹⁷ Сам Н. В. Матвеев, однако, считал себя продолжателем традиций Синодального хора (см. во второй книге).

и скрытый, антагонизм. И я припоминаю такой факт: после смерти Данилова его страстный почитатель В. Ф. Постников предложил Матвееву приобрести составленный им перечень даниловского, то есть практически «синодального», репертуара, — но Матвеев отказался. Не из-за денег, конечно, а просто ему это было не нужно. Нельзя не признать, исполнение в храме таких произведений, как Всенощная Рахманинова или Литургия Чайковского, — заслуга Матвеева: ведь в то время их негде было больше послушать. За это он достоин благодарности, но само исполнение казалось мне далеким от настоящего, да и голосового материала у него не доставало.

В Синодальном училище была принята «семейственность», и кроме уже упомянутых «династий» я бы хотел напомнить о братьях Шведовых — Константине, Иване и Дмитрие. Все трое были талантливые музыканты, и все — композиторы. Константин Николаевич в мое время уже преподавал в училище (я сам проходил у него гармонию), его произведения исполнялись Синодальным хором и достаточно высоко ценились. Позже он уехал из России. Младший, Митя, находился в выпуске 1918 года. Мне кажется, наиболее одаренным был средний брат — Иван, очень рано умерший. Он скончался от тифа в 1919, вскоре после премьеры сочиненной им кантаты на открытие мемориала на Красной площади. Рукописи его, по-видимому, погибли¹⁸.

Следующая династия — братья Потоцкие. Из них особенно выделялся способностями старший, Сергей. Впоследствии он стал советским композитором и об училище не вспоминал, на наши встречи не ходил. Я уже говорил, что в хоре были вожаки в каждой партии. Таким вожаком и солистом в партии вторых дискантов являлся Александр Потоцкий. Судьбу третьего брата, Григория, в детстве скромного, симпатичного мальчика, я не знаю, но, встретив как-то в концерте Александра Александровича Кастальского и меня, он не счел нужным нас узнать. Еще один Потоцкий, Клавдий, стал музыкантом и, кажется, регентовал одно время в храме Воскресения Словущего в Брюсовском переулке.

Можно еще вспомнить братьев Шориных: из них Михаил стал хормейстером Большого театра. Как и многие другие «синодалы», он сочинял, и одно его песнопение — стихира на Лазареву субботу, «Прежде шести дней бытия Пасхи» — пользовалось известностью. Рассказывали, что Шорин не сознавался в своем авторстве, но раз в году приходил в храм Всех Скорбящих Радость на Ордынке послушать свое сочинение, которое Матвеев там всегда исполнял.

¹⁸ Кантата на стихи М. Герасимова, С. Есенина и С. Клычкова для хора и оркестра исполнялась 7 ноября 1918 на открытии мемориальной доски работы С. Т. Коненкова, установленной на Кремлевской стене. После смерти Ивана Шведова его брат Константин передал рукописи покойного (романсы, фугу, начало оперы «Нос» (!), песню «На штыки») С. А. Шумскому, соученику и другу композитора. Позже, во время отсутствия Шумского в Москве, рукописи пропали (были сожжены). Но все же три романса Шведова в рукописном виде сохранились в архиве Н. С. Голованова.

Николай Данилин

Биографическая хроника: 1917—1928

1917

21 ноября — Синодальный хор пел на интронизации Патриарха Тихона в Большом Успенском соборе (регенты Данилин и Голованов).

1917/18

Вел занятия в Синодальном училище и управлял Синодальным хором в Большом Успенском соборе.

Занятия и службы не регулярны.

1918

Март — вступил в профсоюз работников искусств (Рабис).

22 апреля / 5 мая — Светлое Христово Воскресение. Последняя служба в Большом Успенском соборе с участием Синодального хора.

3 августа — опубликовано постановление Музо НКП о преобразовании Синодального училища в Московскую народную хоровую академию.

2 ноября — хор церкви Николая Чудотворца Явленного (регент Данилин) в составе сводного хора участвовал в 1-м симфоническом концерте Московского профсоюза артистов-музыкантов под управлением Э. Купера в Доме союзов. В программе Девятая симфония Бетховена.

19 декабря — открытие Московской народной хоровой академии.

Данилин преподавал в 5—10-х классах чтение хоровых партитур, чтение нот за фортепиано, аккомпанемент и транспозицию. Был членом Художественного совета (Президиума) академии. Работал по июнь 1923.

Вторая половина года — решением Московского патриаршего управления упразднен Московский Синодальный хор. Перешел с хором церкви Пимена Великого (в Старых Воротниках) в церковь Николая Чудотворца Явленного на Арбате. Товарищество певцов церкви Николая Чудотворца под руководством Данилина зарегистрировано в статистическом подотделе Музо НКП.

В анкете Данилин указал: хор основан А. П. Каютовым, хор смешанный (мужчины и женщины) в количестве 20 человек, поет круглый год, труд певцов оплачивается произ-

вольно; певцы хора относительно музыкально грамотны, способных быть инструкторами в хоре нет; хор желает принять участие в концертах. Руководитель Н. М. Данилин, свободный художник. Управлял в этой церкви до 1919.

1919

Январь — организует академический хор с женскими и мужскими голосами при Московской народной хоровой академии (в составе хора 65 человек).

Руководил совместно с Н. С. Головановым и В. П. Степановым до ноября 1919.

10 апреля — участие академического хора Московской народной хоровой академии в составе сводного хора в симфоническом концерте под управлением А. Фортера и Н. С. Голованова в Доме союзов. В программе сочинения Мусоргского.

Май — участвовал в заседаниях комиссии по реорганизации 1-го, 2-го государственных хоров и академического хора Московской народной хоровой академии.

Создан Государственный объединенный хор с тремя группами: 1-я — руководитель И. И. Юхов, 2-я — руководитель П. Г. Чесноков и 3-я, академическая (в количестве 34 человек) — руководитель Данилин, помощники Голованов и Степанов.

24 июня — концерт академической группы Государственного объединенного хора в Большом Дмитровском театре. В программе сочинения русских композиторов.

1 июля — участие Государственного объединенного хора под управлением А. В. Александрова, Н. М. Данилина и И. И. Юхова в концерте в Большом зале консерватории.

Академическая группа (дирижер Данилин) исполнила два сочинения Кастальского и «Интернационал».

10 июля — концерт Государственного объединенного хора под управлением Александрова и Данилина в театре «Веранда». В программе сочинения русских композиторов.

16 июля — концерт академической группы Государственного объединенного хора под управлением Данилина в Грузинском народном доме. В программе русские народные песни.

1 августа — поступил хормейстером в Большой театр.

Работал до сентября 1920.

27 ноября — А. В. Луначарский утвердил постановление Художественного совета при концертном подотделе Музо НКП о роспуске 2-й и академической групп Государственного объединенного хора.

После роспуска двух групп Государственного объединенного хора был образован новый Государственный хор под управлением И. И. Юхова.

Б. д. — перешел с хором в церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду.
Управлял в этой церкви до 1921.

1920

22 апреля — из резолюции заседания Художественного совета при концертном подотделе Музо НКП: признать реорганизацию Государственного хора необходимой в срочном порядке путем преобразования его в Образцовый Государственный хор; пригласить для работы Данилина.

26 апреля — из резолюции: принципиально признав необходимость реорганизации Государственного хора, от практического осуществления ее воздержаться до разрешения вопроса о ставках и пайках.

19 июля — надзор за духовно-певческой библиотекой Московской народной хоровой академии поручен члену президиума академии Данилину.

17 сентября — принято решение по докладу Ф. С. Севицкого о Государственном хоре: просить заведующего Музыкальным отделом Наркомпроса утвердить Данилина дирижером Государственного хора.

Назначение не состоялось.

4 октября — регенту-инструктору Данилину предложено немедленно приступить к организации хорового дела в Московской народной хоровой академии на утренней и вечерней группах.

1921

Управлял хором (до 1922) в церкви Георгия Победоносца в Грузинах (Б. Грузинская ул.), помощник И. М. Харитонов проводил службы в церкви Николая Чудотворца на Щепях (Смоленская площадь).

23 сентября / 6 октября 1921 — хор церкви Георгия Победоносца под управлением Данилина участвовал в службе по случаю юбилея протодиакона К. В. Розова в Храме Христа Спасителя.

1922

Управлял хором (до 1924) в церкви Космы и Дамиана в Шубине (Космодамианский переулок).

Июнь 1922 — стал профессором Московской государственной хоровой академии. На президиуме академии принято решение: к предстоящему учебному году выработать положение о дирижерско-инструкторском отделении.

24 декабря 1922 — концерт хора Большого театра под управлением Данилина в Храме Христа Спасителя. В программе сочинения Кастальского и Рахманинова.

1922/23 учебный год

Преподавал на утренней и вечерней группах в Московской народной хоровой академии чтение хоровых партитур.

1923

6 февраля — президиум коллегии Главпрофобра принял решение присоединить Московскую государственную хоровую академию к Московской консерватории. Большая группа учащихся хоровой академии была переведена в специально созданный в консерватории хоровой подотдел.

4 июня — начал преподавать на хоровом подотделе исполнительского отдела Московской консерватории.

Август — вновь поступил хормейстером в Большой театр. Готовит хор в новой постановке оперы Гуно «Фауст».

1923/24 учебный год — принимает участие в заседаниях предметной комиссии хорового подотдела в составе А. Д. Кастальского, А. А. Воронцова, Е. И. Вульф и группы учащихся. Преподает чтение хоровых партитур на 4-м курсе.

14 декабря — отказался от должности заместителя председателя президиума хорового подотдела вследствие перегруженности работой в Большом театре.

1924

5 апреля — премьера в Большом театре оперы Гуно «Фауст» (дирижер А. М. Пазовский, режиссер В. А. Лосский, художник Ф. Ф. Федоровский).

Июль — оставляет работу в Большом театре.

Август — начал управлять хором в церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду.

1924/25 учебный год — работал в комиссии на хоровом подотделе в составе Кастальского (декан), Чеснокова и от учащихся Шувалова и С. Абакумова по уточнению плана занятий хорового подотдела. Профессор хорового подотдела Данилин преподавал чтение хоровых партитур на 2—4-м курсах.

1925

16 марта — план занятий по хоровому подотделу утвержден.

Март — арест Данилина на месяц в связи с арестом брата Петра, в прошлом члена партии эсеров.

П. М. Данилин был расстрелян на Калитниковском кладбище.

25 марта / 7 апреля — в Москве умер Патриарх Тихон. Хор церкви Параскевы Пятницы под управлением Данилина участвовал в отпевании Патриарха в Донском монастыре.

1925/26 учебный год — реорганизация хорового подотдела в связи с переходом консерватории на положение вуза с 3, 4 и 5-летним курсом обучения. Студенты-хоровики первых трех курсов бывшего хорового подотдела переведены на 1-й и 2-й курсы инструкторско-педагогического факультета в отделение общего музыкального образования.

1926

19 апреля — утвержден ГУСом в звании доцента по инструкторско-педагогическому факультету Московской консерватории (класс чтения хоровых партитур).

20 декабря — хор церкви Параскевы Пятницы под управлением Данилина участвовал в заупокойной литургии и отпевании А. Д. Кастальского в церкви Бориса и Глеба у Арбатских ворот.

1926/27 учебный год — преподавал чтение хоровых партитур и хоровую литературу (с февраля 1927) на 2-м и 3-м курсах отделения общего музыкального образования инструкторско-педагогического факультета консерватории.

1927

19 января — последняя служба в церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду; после перерыва управлял хором в той же церкви на Страстной седмице (21 и 22 апреля), в день Пасхи 24 апреля, 11 и 12 сентября.

Март — начал преподавать в Музыкально-инструкторском техникуме имени Красной Пресни (чтение хоровых партитур).

Преподавал до ноября 1929.

Май — вступает в члены хоровой секции Ленинградского общества драматических и музыкальных писателей (Драмсоюз).

В хоровой секции состоял до начала 1930.

1927/28 учебный год — входил в совет педфака вместе с М. Ф. Гнесиным (декан), А. В. Александровым, П. Г. Чесноковым, М. С. Пекелисом (секретарь), Л. А. Авербух, М. А. Румер и В. А. Цуккерманом.

1928

28 января — 13 мая — управлял хором в церкви Трифона в Напрудном (Трифоновская улица). Помощниками Данилина по хору были И. М. Харитонов и Н. С. Данилов

В результате ультиматума ОГПУ прекратил регентскую деятельность.

Александр Ведерников

Некролог*

Не прошло и года со дня смерти П. Г. Чеснокова, отмеченной нами в № 4 этого журнала за прошлый год, как приходится с грустью писать о новой утрате: 6 февраля умер профессор Московской консерватории Николай Михайлович Данилин — замечательный мастер-художник в области русского хорового искусства.

Сын крестьянина б. Тульской губ., Венёвского уезда, Узуновской волости, села Мягкого, Н. М. Данилин родился в Москве в 1878 году. По окончании городского училища он двенадцатилетним мальчиком поступает во 2-й класс Московского Синодального училища, которое и оканчивает с отличием в 1897 году, получив звание хормейстера. С этого момента начинается его педагогическая работа в том же Синодальном училище, в котором он преподает сольфеджио и чтение партитур. Уча других, Данилин и сам учится в высшем музыкальном училище Филармонического общества и оканчивает его в 1907 году со званием свободного художника по фортепиано и теории музыки.

С 1910 по 1918 Данилин — главный дирижер Синодального хора, который смело можно назвать одним из немногих чудес мировой музыкальной культуры. В своей автобиографии покойный скромно отмечает «...в 1911—1913 с этим хором сделал ряд художественных концертных выступлений в Риме, Флоренции, Вене, Ницце, Дрездене, Лейпциге и Варшаве».

В Московской консерватории хранится белая мраморная доска, на которой золотыми буквами увековечена эта историческая концертная поездка Синодального хора, а у покойного после его смерти обнаружено большое количество драгоценных реликвий-подарков, которыми католическая и протестантская Европа поклонилась тогда в его лице Русскому Православию, раскрывшему перед Западом сокровищницу своих земных и небесных чаяний в красоте хорового церковного пения.

С 1918 года Н. М. Данилин работает в Хоровой академии, преобразованной из Синодального училища, а с 1923 года — в Московской консерватории. Необходимо отметить работу Николая Михайловича и в качестве художественного руководителя и главного дирижера Государственной Ленинградской академической капеллы (1936—1937), а затем Государственного хора Союза ССР (до 1939), после чего он перешел на педагогическую работу в Московскую консерваторию.

Целая плеяда молодых хоровых дирижеров, воспитанных Н. М. Данилиным, — лучший памятник его плодотворной педагогической деятельности. Но в истории нашей музыкальной культуры жизнь покойного должна быть памятна прежде всего сочетанием удивительной, чисто русской, скромности с величайшим музыкальным дарованием, воспитанным и расцветшим под благодатным осенением нашей

* ЖМП. 1945. № 3.

Матери-Церкви. В том, что чудесный плод такого дарования созрел в Саду церковном, находит объяснение и личная скромность, и жизненный подвиг Н. М. Данилина.

Этот подвиг, конечно, не исчерпывается подготовкой дирижерских кадров или исследованиями о дикции в пении. Данилина, как великому мастеру церковного хора, было дано нечто большее, чем подвластное уму и слуху знание музыки и ее законов. Музыкальные познания служили у него величайшему искусству воспитания хора, который в его руках делался могущественным средством благодатного сообщения богооткровенных истин. «Пойте Богу нашему, пойте. Пойте Царю нашему, пойте. Ибо Царь всей земли — Бог, пойте разумно» (Пс. 46: 7—9), говорит Псалмопевец, и эту разумность пения покойному было дано воплотить в высшей степени совершенства.

В чем тайна того искусства, которое заставляло молящихся и даже просто слушателей Синодального хора ощущать дыхание самого Неба? Наш ум, разумеется, бессилён постигнуть тайну такого искусства, но для религиозного сознания эта тайна раскрывается в словах апостола Павла: «Не бывайте несмысленны, но разумевайте, что есть воля Божия; исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмах и пениях и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви» (Еф. 5:17—19).

Исполняясь Духом Божиим, Николай Михайлович имел власть соединять певцов хора в такое органическое целое, которое действительно «единым сердцем и едиными устами» возносило к Богу хвалы и молитвы. Огромная внутренняя сила этого необыкновенного дирижера сказывалась даже в способе его управления хором, перед которым он во время исполнения не производил почти никаких движений руками. Только властный взгляд, поворот головы приводил в действие этот живой орган, послушно претворявший религиозные переживания своего руководителя в неземное пение ангелов.

Одухотворенное глубокой верой в Бога, искусство Н. М. Данилина расцветало у самых крайних пределов художественного познания, там, где эстетический опыт преобразуется в опыт религиозный, в котором молитвенный порыв земли встречает широко открытое Небо и на крыльях музыки возносится к Престолу Божию. Можно смело сказать, что покойному дирижеру было дано воплотить в Синодальном хоре наивысшую красоту православного пения, в котором «молитвы и словесовия Церкви дышат благодатию Пророков и Апостолов» (Филарет Московский), а по выражению Св. Иоанна Златоуста, «небесный, чарующий голос Святого Писания проникает через слух в душу и заставляет молчать душевные страсти».

Все эти мысли вспыхивали и проносились в сознании в торжественные минуты последнего целования, которое пришли отдать Николаю Михайловичу его многочисленные друзья, ученики и музыкальные соратники в храм Воскресения, что в Брюсовском переулке. В строгом молчании подходил каждый к гробу, напряженно всматривался в угасшее лицо покойного и, простившись с ним, уносил в себе семя размышления о смысле земной жизни и о страшной для рассудка загадке вечности...

В храме, к сожалению, не было сказано надгробного слова. А следовало бы в утешение живым рассказать о том, какой поучительный смысл имела жизнь Николая Михайловича, который начал свою деятельность в этом мире с «Господи помилуй» и перешел в вечность в тот самый час, когда Патриарший хор под управлением В. С. Комарова исполнял в Большом зале консерватории «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь» в переложении покойного. Слушали это исполнение Восточные Патриархи, Патриарх Московский и всея Руси и весь состав Поместного Собора Русской Православной Церкви. Слушали с особенным молитвенным настроением, которое, как мы веруем, — облегчило исход души раба Божия Николая из бренного тела в светлое Царство Вечности, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

Воспоминания о Николае Данилине*

Мария Крылова

Начну воспоминания с нашей первой встречи на хоровом поприще. Это было в 1915 году в Москве. Н. М. Данилин дал согласие руководить одним из лучших частных духовных хоров того времени — хором А. П. Каютова. У Каютова пели в основном студенты консерватории и филармонии, а всех певцов было около семидесяти человек. Появление Николая Михайловича в этом хоре в качестве руководителя стало сенсацией как для его участников, так и для любителей хорового искусства.

Первая репетиция! Данилин уделил хору только один час. Сухо поздоровавшись, он задал тон голосом (трезвучие до мажор в широкой гармонии) и в продолжение всего часа пел один С dur'ный аккорд на слове «аминь». Мне это показалось необычайно странным. Но когда сейчас вспоминаешь, как он на одном аккорде добивался всевозможных нюансов и красок и вместе с тем изучал каждого певца, его голосовые данные, внимание, трудоспособность, то кажется, что такой метод был присущ только ему одному. Так состоялось знакомство с хором.

Через несколько дней он из 70 человек выбрал 12 и начал работать с этим маленьким составом, постепенно добавляя новых певцов по своему усмотрению¹. В работе Николай Михайлович в первую очередь признавал дисциплину. Дисциплина, звук, строй и ритм — вот из чего, по его словам, складывается хоровое пение.

* По сб.: Памяти Н. М. Данилина. Письма. Воспоминания. Документы / Ред.-сост. А. А. Наумов. М., 1987.

¹ По примеру других больших церковных хоров Москвы — А. П. Архангельского, Л. С. Васильева, В. С. Галичникова, Г. Е. Захарченко, Ф. А. Иванова, А. П. Петрова — хор А. П. Каютова пел одновременно в нескольких церквях, разделившись на так называемые отделения. Отделение в 25—30 человек под управлением Данилина пело в 1915—1918 в церкви преподобного Пимена.

Приходя на репетицию, он совершенно ясно знал, что будет требовать от хора, и хору было понятно, что хочет от него этот гениальный дирижер. Вопрос только в том, всегда ли могли певцы удовлетворить его требованиям? Конечно, нет. Но зато никто не сомневался в их обоснованности.

Перед разучиванием нового произведения Николай Михайлович всегда проигрывал его с полной нюансировкой и был настолько прозорлив (все им заранее предусмотрено и объяснено), что у певцов не возникало никаких вопросов. Если же находились «смельчаки», имевшие дурную привычку вступать в разговор с дирижером или задавать вопросы, то он умел поставить их в такое неловкое положение (отнюдь не резкостью и не грубым запрещением вступать в разговор, а своим необычайным остроумием), что больше подобные попытки не повторялись. После того как произведение было проиграно по степени надобности раз или два, Данилин приступал к непосредственной работе и к роялю почти не возвращался, давая хору возможность петь, добиваясь чистоты и певучести. Он говорил, что частое обращение к инструменту портит хоровой строй.

Для того чтобы звучание хора возникало одновременно, Николай Михайлович давал взмах-дыхание, дыша вместе с хором, и говорил, что вдох должен быть в характере музыки: если она быстрая, то и вдох должен быть быстрым, и наоборот, если плавная и тихая, то и вдох должен быть спокойным и плавным.

Наивысшей точкой внимания певцов он считал момент задавания тона. Тон он давал всегда голосом и запрещал его повторять, говоря, что никто не может так точно его повторить, как он был задан, что мычание тона про себя вызывает засорение строя.

При построении хора старался, чтобы партии сопрано и басов количественно преобладали. Подбирая голоса по тембру, Николай Михайлович предпочитал сопрано с мягким и округлым звуком, с верной интонацией и чистым выговором, а басы — центральные и низкие (говорил, что без баритонов можно обойтись). Он умел заставить слушать верные и чистые голоса и подчиняться им менее устойчивые. Любил певцов музыкальных и преданных хоровому искусству, зато этим «любимчикам» и доставалось больше, чем менее одаренным, по поговорке «кому много дано, с того много и спрашивается».

Николай Михайлович приучал хор петь ясные гласные: «а» так «а», «о» так «о». Особенно следил за буквами «е» и «и», не выносил на этих гласных резкого и широкого звука. Верхние ноты рекомендовал сопрано брать осторожно, не набрасываясь, а как бы намечая их, при этом голову наклонив немного вниз.

Он умел извлечь из хора такое мощное звучание, что порой не верилось — неужели это поют человеческие голоса? Как он добивался этого? Прежде всего своей зажигаемостью, силой воли и чистым пением хора. Николай Михайлович учил, что при точном строе сила звучания увеличивается.

Однажды, когда еще существовал Храм Христа Спасителя (кто его помнит, тот знает, какой он был огромный и какая была там акустика), нам пришлось петь в этом храме на юбилее знаменитого московского протодиакона К. В. Розова. На пра-

вом клиросе находился хор в составе 100 человек под управлением П. Г. Чеснокова (с солистами), на левом — хор в 45 человек под управлением Н. М. Данилина, причем на долю левого хора досталось так называемое простое (обиходное) пение. В итоге оказалось, что в конце храма правого хора не было слышно, а левый доходил до слушателей четко, чисто и ясно. Как нам после объяснил Николай Михайлович, так получилось исключительно благодаря спетости и стройности хора, поэтому его сила была больше, чем неслаженного хора в сто человек.

Но Николай Михайлович увлекался не только силой звука. У него хор звучал чарующе и при самом тончайшем *pianissimo*. В эти моменты он как бы еще больше соединялся с хором. Каждый его жест изображал такую собранность и внутреннюю дисциплину, что невольно заражал всех певцов. Если его не понимали, он подходил вплотную к той или иной партии и, чрезвычайно образно показывая округленную кисть (называя это сурдиной), почти наставлял ее на рты поющим: «У нас, дирижеров, нет другого жеста для *pianissimo*», — говорил он.

Но бывали моменты, когда мы, энтузиасты, обожавшие Николая Михайловича и любившие его больше собственной жизни, готовы были его возненавидеть, доведенные до исступления. Это случалось в те дни, когда Данилин приходил на репетицию не в духе. Тогда начиналось издевательство над несчастными хористами. Появление его следовало в последнюю секунду, и тон задавался буквально на ходу². От этого — все дальнейшие неполадки. Строй в одну минуту исчезал, ритм он нарушал сам, проделывая рукой всевозможные чудачества: вдруг обрывал в середине фразы, и тот, кто был невнимателен или менее гибок, оставался со своим звуком, получая за это целый град оскорблений; или же ему вдруг вздумалось протянуть звук там, где это не нужно и никогда не делалось, и опять сыпались совершенно невообразимые эпитеты. Казалось, перед нами стоит неменяемый человек. Когда порой в дружеской беседе мы спрашивали его, чем вызвана такая истерия, он объяснял это или болезненным состоянием, или, что чаще бывало, все сваливал на нас — виноваты, мол, сами хористы, которые так «безобразно» поют.

Данилин не любил в своем хоре давать кому-либо соло, а предпочитал брать солиста со стороны, может быть, и с худшим голосом, но иногда проделывал следующее: вдруг в той или иной партии, где проходила мелодия, он гипнотизирующим жестом убирал до полного *pianissimo* все голоса, оставляя и выделяя на этом фоне один голос, разумеется лучший, при этом поющий был настолько в его власти и подчинении, что казалось, поет сам Николай Михайлович³. На мою долю выпадали довольно часто такие моменты, и это было несказанным наслаждением.

² Задавая тон (трезвучие), Данилин часто последнюю ноту пел фальшиво. Объяснялось это большими связками, нажитыми в Синодальном хоре в результате пения в мутационный период. Поэтому на репетициях Данилин почти никогда ничего не показывал голосом.

³ В церковном хоре Данилина было три постоянных солиста — Е. А. Качалова (сопрано), Н. М. Пашутин (тенор), А. С. Крынкин (бас); остальные — проходящие: С. Н. Стрельцов, А. П. Ткаченко, М. Д. Михайлов, М. К. Холмогоров и др.

В последние годы жизни Николаю Михайловичу пришлось руководить Государственным хором СССР, правда, недолго, так как его здоровье, сильно пошатнувшееся, не дало возможности продолжать эту работу.

Будучи художественным руководителем Государственного хора, он доказывал музыкальному руководству, что хор — не оркестр, что это человеческие голоса, которые нельзя перегружать работой, а тем более — разножанровыми произведениями, то есть если хор предназначен для пения а саррелла, то его нельзя загружать симфоническими концертами. Данилин готовил для страны первоклассный хор, поющий без сопровождения, отобрав в его репертуар и сочинения классиков русской хоровой литературы — Танеева, Римского-Корсакова, Калинникова и других, и лучшие произведения советских композиторов — Василенко, Гедике, Глиэра, Соловьева-Седого, Егорова. К сожалению, из этого репертуара сумели увековечить в записи только одно произведение — хор Римского-Корсакова «Татарский полон».

Мария Тельтвевская

Оказывается, нелегко восстановить в памяти события полувековой давности, хотя отдельные из них и запомнились на всю жизнь. Я очень благодарна судьбе за то, что она привела меня в хор Н. М. Данилина, пение в котором стало для меня великолепной школой.

У Николая Михайловича я начала петь в 1921 перед поступлением в Московскую народную хоровую академию или, может быть, одновременно. Пение в хоре Данилина захватило меня полностью, стало главным в жизни по силе музыкальных впечатлений и переживаний, по высокой одухотворенности и возвышенности настроения. В это время шла работа по разучиванию Литургии Рахманинова.

Первое впечатление от встречи с Данилиным было не очень благоприятным. Внешне непривлекательный, сурово-сдержанный, прямой, иногда резкий, независимый в своих суждениях, он казался поначалу человеком замкнутым, отчужденным. Мне думалось, что его замкнутость и суровость были связаны с перестройкой всей жизненно-творческой деятельности — потерей возможности работать в расцвете сил с хором, ставшим эталоном хоровой культуры. При более близком общении с Николаем Михайловичем в нем обнаруживались приятные человеческие качества: чуткость, отзывчивость, терпимость. Яркая эмоциональность исполнения хоровых произведений говорила о способности глубоко проникать в различные человеческие переживания. (Мягким, внимательным, предупредительным увидела я Н. М. Данилина в общении с А. Д. Кастальским, когда весной 1925 первый выпуск хоровиков собрался на чашку чая в квартире Сергея Чупрова, моего товарища по консерватории и хору⁴.)

⁴ Речь идет о выпуске хорового подотдела. Этот подотдел, находившийся на положении техникума, существовал в 1923—1925 при исполнительском отделе Московской консерватории. В первом выпуске было семь человек; трое из окончивших — Смирницкий, Тельтвевская и Михаил Шорин, желая получить более широкое педагогическое образование,

Спевки проходили у Данилина на квартире два раза в неделю в половине восьмого вечера. Ровно в назначенное время выходил к хору Николай Михайлович, раздавал молча ноты, аккуратно стопочкой лежавшие на рояле. Иногда он проигрывал произведение на фортепиано. Владел он им великолепно, рояль звучал как хор — певуче, мягко, выразительно; меня поражало это умение — передать звучание хора на фортепиано.

Репетиции шли в хорошем темпе, без назойливых повторений и многословных объяснений; скупой, точный, предельно выразительный и ясный жест дирижера был всегда направлен на глубокое раскрытие произведения. Иногда Николай Михайлович прибегал к образному сравнению для понимания содержания произведения. Например, когда его не удовлетворило звучание *pianissimo* в «Тебе поем» Рахманинова, он сказал: «В этот момент происходит таинство — чудо, которое нельзя постичь, вот так и нужно спеть». Этого оказалось достаточно, чтобы звучание хора приобрело нужные ему тембр, нюанс и содержание. Тонкий слух, высокая музыкальность, отличное понимание природы хорового звучания не допускали никакой фальши в пении и были постоянным предметом его внимания.

Данилин как дирижер хора обладал какой-то магической силой воли и темпераментом, которым не подчиниться было невозможно. Вспоминается, как однажды он вдруг решил петь первые три строфы Херувимской Кастальского на цепном дыхании, что ему удалось сделать в совершенстве; правда, сразу после снятия Данилин буркнул: «Это уж слишком». Действительно, эти несколько минут непрерывного звучания, без смены дыхания, утомили не только хор, но и слушателей, которые по окончании пения стали шумно дышать. Или в «Отче наш» Копылова солирующей партией сделал альты, не имеющих сколько-нибудь самостоятельного значения, а мелодические линии сопрано и теноров стали тонким орнаментальным украшением; в следующий раз это же произведение звучало с выделением партий сопрано и теноров и совершенно незаметными альтами. Таких примеров безупречного владения хором, как послушным инструментом, можно привести много. Это было не просто проявление всеподавляющей воли, а такое творческое содружество дирижера и певцов, которое оставляло глубочайшее удовлетворение и неизгладимое впечатление, надолго овладевавшее и мыслями и чувствами.

Должна сказать, что Николай Михайлович не был удовлетворен ни составом хора, ни его вокальным звучанием, ни его музыкальной культурой. Это стало ясно после того, как однажды (через полгода после начала работы над Литургией Рахманинова) он обратился к хору со словами: «Братцы, не получается как надо. Придется отказаться». Мы были рады поддержке присутствовавшего на репетиции

перешли в 1925 в консерваторию в педагогический отдел. Осенью 1925 в связи с переходом консерватории на положение вуза, хоровой подотдел как самостоятельная единица был ликвидирован, но фактически, сохраняя прежние планы, просуществовал еще год (переходный) и дал весной 1926 второй, последний, выпуск. В 1926/27 все хоровики перешли в отделение общего музыкального образования инструкторско-педагогического факультета.

одного из поклонников Данилина, который категорически возразил: «Вся Москва знает и ждет — отказываться нельзя; все идет хорошо».

Пели «Литургию» в большой церкви в Грузинах (где-то около зоопарка, если не ошибаюсь)⁵. Никаких афиш, конечно, не было, но слушателей пришло так много, что церковь не могла всех вместить. По существу, это был концерт, хотя и при соблюдении всего служебно-церковного ритуала. Не знаю, остался ли доволен звучанием хора Данилин, но, на мой взгляд, хор пел отлично, а Николай Михайлович дирижировал с большим настроением и подъемом. Слушатели долго не расходились после окончания, как бы с сожалением расставаясь с великолепной музыкой, прекрасно исполненной под управлением Данилина. Впечатление было столь сильным, что долго еще оставался в памяти этот подлинный праздник музыки. Довольно часто в торжественных случаях хор исполнял отдельные произведения Рахманинова, чем всегда доставлял не только мне, но и многочисленным слушателям глубочайшее наслаждение.

Я не вела записей, где фиксировала бы произведения, исполнявшиеся хором Данилина, но с уверенностью могу сказать, что сочинения А. Д. Кастальского занимали в его репертуаре центральное место. И хочется отметить, что ни один из регентов того времени не мог до конца понять и исполнить их так, как это удавалось Николаю Михайловичу; под его управлением они звучали с захватывающей глубиной, убедительностью и выразительностью. Видимо, творческий контакт учителя (Кастальского) и ученика (Данилина) был полный.

Среди многочисленных произведений Кастальского особенно запомнились два, отличавшиеся от всех других большей свободой музыкальной ткани: траурный концерт «Сам Един еси бессмертный», исполнявшийся редко (только на панихидах), но до сих пор оставшийся в памяти своим скорбно-торжественным звучанием, и песнопение «Разбойника благоразумного», исполнявшееся женским хором на фоне органного пункта в квинту у басов и теноров (*фа—до*), поразившее меня своей яркостью, выразительностью и глубиной содержания.

Данилин обладал замечательной способностью находить основное зерно произведения, понимать его идею, стиль и, главное, умел научить хоровой коллектив исполнять намерения дирижера; он умел добиться того, что самые высокие исполнительские задачи казались простыми и естественными в непринужденном их решении. Уже после окончания консерватории в 30-х годах мне довелось слушать в Туле концерт Государственного хора под управлением Н. М. Данилина⁶. Концерт вызвал большой интерес. Судя по реакции публики, особенно яркое впечатление оставили два произведения — «Татарский полон» Римского-Корсакова и «Колыбельная» Дунаевского в обработке Сапожникова. Полифоническая ткань

⁵ Приблизительно в 1921—1922 Данилин управлял хором в церкви Георгия Победоносца на Б. Грузинской улице. В то же самое время отделение этого хора с помощником Данилина И. М. Харитоновым пело в церкви Николая Чудотворца, что на Щепях.

⁶ Концерт состоялся 5 февраля 1939 в клубе «Серп и Молот».

«Татарского полона» достигла такого совершенства, простоты и благородства, при которых каждая мелодическая линия звучала предельно ясно, законченно в гармоничном сочетании партий. Так же поразительно просто, но глубоко и сердечно прозвучала «Колыбельная», полная нежной строгости. Добиться такого исполнения мог только человек, наделенный комплексом тончайших музыкальных качеств, необходимых для дирижера, главное — волей, благодаря которой он мог зажечь, вдохновить и держать хор в творческом напряжении. Руководство хором для Данилина было всегда актом творческим.

Редкостный талант Николая Михайловича Данилина, его организованность, точность и аккуратность ценились не только участниками хора, но и преподавателями Хоровой академии, где я тогда училась. Занятия в академии проходили вечером, иногда совпадая с репетицией хора Данилина; но по первой же просьбе меня отпускали на спевку к Николаю Михайловичу. К сожалению, об учебе в Хоровой академии могу сказать очень мало, так как в 1923, после соответствующей проверки, большую группу учащихся перевели в Московскую консерваторию, открыв хоровой подотдел. Из преподавателей академии помню А. Д. Кастальского, В. С. Калиникова, Н. С. Потоловского, А. А. Воронцова, Н. Н. Белкина. Но воспоминания очень неясные. Вероятно, впечатления от хора Данилина перекрывали всякие другие.

Поступив в консерваторию, мы глубже стали понимать значимость общения с Данилиным. На нашу настойчивую просьбу руководить хором подотдела он ответил отказом, мотивируя это отсутствием у нас нужной дисциплины. Мы были очень обескуражены, но... Николай Михайлович стал вести чтение хоровых партитур как предмет, главный для дирижеров хора. Цельность его натуры не менее ярко проявилась на этих занятиях, он был таким же требовательным и вдохновенным педагогом, как и дирижером.

При исполнении партитуры за фортепиано Данилин требовал глубокого проникновения в содержание произведения, точного выполнения всех деталей, указанных автором, безукоризненного голосоведения и т. д. Конечно, удовлетворить эти требования было очень нелегко, зато и очень приятно было услышать, хоть и после десятикратного повторения партитуры: «Вот теперь так». Уроки по чтению партитур явились основой для воспитания навыков работы над произведением.

Я очень любила и ценила эти занятия с Николаем Михайловичем, готовилась к ним с большой охотой и старанием до последних дней обучения в консерватории. Как самую высокую награду, храню я в памяти дважды услышанное от него «хорошо» на уроке чтения хоровых партитур и «молодец» после дирижирования на выпускном экзамене произведением Гречанинова «Над неприступной крутизною».

Студенческим хором в консерватории руководил Павел Григорьевич Чесноков⁷ — отличный, знающий педагог и хормейстер, но редкая самобытность талан-

⁷ В описываемый период хоровым классом на хоровом подотделе и на инструкторско-педагогическом факультете руководили: А. А. Воронцов (1923/24), П. Г. Чесноков (1924—1926), А. В. Александров (1926—1929).

та русского самородка Николая Михайловича Данилина своей силой и яркостью ослабляла впечатление от его современников.

Лев Сахаров

Московская консерватория второй половины 20-х годов. Я учусь на хоровом отделении педфака. <...>

Всей нашей бригаде из четырех человек Данилин дал для разбора поэму Рахманинова «Колокола». В бригаду, кроме меня, входили: Алексей Благообразов, Анатолий Чмырев и Лия Каменецкая. Благообразов и Каменецкая были хорошими пианистами, но и им оказалось не под силу сыграть клавир. Тогда мы обратились за помощью к теоретику Страннолюбскому. Он не отказался и, к нашему удивлению, проиграл весь клавир до последней нотки (он же играл — конечно, с купюрами — и на зачетном уроке). Каждому из бригады надо было разобрать по одной части поэмы. Мне достался анализ финала и обзор всего произведения в целом.

Незадолго до нашего зачета «Колокола» были исполнены на концерте в Большом зале консерватории под управлением А. Коутса⁸. В конце 20-х годов Рахманинов был в опале. Произведения его почти не издавались, исполнение их было крайне редко. Коутсу нужно было проявить немало мужества, чтобы продирижировать давно не исполнявшимися «Колоколами». Неизвестно по чьей инициативе, разрешение на исполнение было дано с условием некоторой перестройки произведения. Чего добивались мудрецы-цензоры? Не знаю. Но части поэмы шли в такой последовательности: первая, вторая, затем четвертая и только после четвертой третья часть (медный звон, набат).

После концерта я спросил Данилина:

— Правильно ли, что «Колокола» должны заканчиваться набатом?

— Ты вот спрашиваешь меня, правильно или нет, а сам как думаешь? Вот все, о чем думаешь, расскажи на уроке. Тогда всем будет ясен идейный смысл рахманиновской поэмы.

* * *

Приезжала в Москву на несколько концертов Ленинградская капелла с М. Г. Климовым. В первом концерте были исполнены баховские «Страсти по Матфею», во втором — его Месса h moll, третий концерт был сборный, из песен народов СССР⁹.

— Николай Михайлович, почему лучшие традиции бывшей Придворной певческой капеллы сохранились в великолепном исполнении Ленинградской капеллы, а традиции московского Синодального хора утеряны навсегда? Неужели нельзя было сохранить этот коллектив?

⁸ См. в разделе «Борьба с “церковщиной”».

⁹ Ленинградская капелла с М. Г. Климовым приезжала в Москву дважды — в феврале 1927 и январе 1935.

Лицо Данилина сразу изменилось. Оно омрачилось гримасой безграничного отчаяния. После долгой паузы он начал медленно говорить:

«Вскоре после революции пришли люди в Придворную капеллу и говорят: “До сих пор вы пели «Боже царя храни!» и «Господи помилуй», теперь пойте пролетарские массовые песни. Согласны?” За ничтожным исключением все согласились. Ушло, может быть, всего несколько певчих. С годами мальчиков заменили женщинами. Но фундамент остался. Тогда же предложили и Синодальному хору: “Долой старый репертуар, переключайтесь на новый!” Большинство певчих отказалось. Слепцы! Что им нужно было? Потом... Потом спохватились. Но прошло уже пять лет. Все было потеряно. Ведь настоящий хор не терпит перерывов, он требует ежедневной работы... Как хотелось начать все вновь! А уже сердце не позволяло»¹⁰.

¹⁰ В записке о Московской народной хоровой академии (1920) Кастальский констатировал: «Синодальный хор в результате всеобщей разрухи и отсутствия материальной поддержки постепенно распался». Другая не менее существенная причина, по замечанию Л. Л. Сабанеева, состояла в том, что «Синодальный хор был слишком тесно и органически связан с ритуалом церкви и с трудом мог найти себе место и точку приложения сил. Монументальная хоровая революционная литература еще не создалась, церковный культ погибал, а сохранение этого специфически церковного хора в качестве чисто музейной редкости и достопримечательности как-то все же мало соответствовало тону и духу момента. Хор этот в итоге так или иначе расплылся и погиб» (Сабанеев Л. Музыка после Октября. М., 1926. С. 77).

Официально Синодальный хор был упразднен Московским патриаршим управлением в 1918. Но вплоть до декабря 1918 большая группа взрослых певчих бывшего Синодального хора (23 человека) числилась в ведомостях Хоровой академии, а бывший директор хора (теперь управляющий академией) Кастальский и регенты Данилин и Голованов предполагали возродить коллектив на новых началах, о чем и было заявлено в Музыкальном отделе Наркомпроса. 23 декабря 1918 Музо сделал следующее распоряжение: «...Вместо упраздненного быв. Синодального хора произвести к 1 января 1919 г. новый набор певцов и временно до укомплектования его детскими голосами дополнить необходимыми женскими голосами».

В январе при Московской народной хоровой академии был создан академический хор в количестве 65 артистов (в этот состав перешли только 7 человек из бывших синодальных певчих). Дирижеры хора Данилин, Голованов и Степанов наметили в общих чертах репертуар: а) народные песни разных национальностей а *carpella*, с сопровождением и с участием солиста; б) обработки духовно-народных напевов; в) хоровые сочинения индивидуального творчества как светской, так и духовной литературы; г) сочинения для хора с оркестром (оратории, мессы, кантаты, оперные отрывки — Генделя, Баха, Моцарта, Бетховена, Шумана, Листа, Вагнера, Дебюсси, Рубинштейна, Танеева, Бородина, Римского-Корсакова, Мусоргского, Стравинского и др.). Замену женских голосов детскими отложили на вторую половину 1919 в связи с тем, что у Академии не было возможности открыть интернат для вновь набираемых мальчиков.

Однако осуществить этот план не удалось. В это же время (январь 1919) в Москве начали функционировать (помимо хора Большого театра) еще два коллектива — 1-й Государственный хор под управлением Юхова (38 человек) и 2-й Государственный хор под управ-

После этого я еще не раз слышал от Данилина: «Сердце не позволяет. Знаешь, Лёв, мне волноваться запрещено. А без волнения какая же работа? Ты думаешь, имея отличный хор, отличный оркестр, дирижер не волнуется?.. Еще больше волнуется». <...>

лением Чеснокова (43 человека). С марта 1919 все хоры стали участвовать в концертах. А уже в мае концертный подотдел Музо проводит реорганизацию государственных хоров, сократив их составы до 30 человек и образовав затем единый Государственный хор с тремя группами. После этого лишь 1-я группа под руководством И. Юхова проявляла большую активность. В ноябре 1919 2-я и академическая группы Государственного объединенного хора (бывшие 2-й Государственный хор и академический хор Московской народной хоровой академии) были распущены.

**Перечень церковных песнопений с указанием композиторов,
произведения которых исполнялись хорами под управлением
Н. М. Данилина на службах в храмах Москвы***

1. Церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду. Службы с 16 августа 1924 по 19 января 1927. Состав хора 23—25 человек.

2. Церковь Трифона в Напрудном. Службы с 28 января по 13 мая 1928. Состав хора 25—30 человек.

В храме преподобной Параскевы хор под управлением Н. М. Данилина, придерживаясь Устава Московского Большого Успенского Собора, в субботние всенощные и в воскресные литургии не исполнял следующие песнопения: «Ныне отпускаеши», Шестопсалмие, «Во Царствии Твоем». Эти молитвы читались.

Песнопения, не вошедшие в Перечень, исполнялись хором под управлением Н. М. Данилина из Обихода церковного пения Синодального хора под редакцией А. Д. Кастальского.

С 14 мая 1928 Н. М. Данилин не управлял церковными хорами.

1924 год

16 августа Воскресная всенощная

Свете тихий № 1 — Кастальского

Богородице Дево (греческого распева) — Чайковского

Хвалите имя Господне № 3 (сербского распева) — Кастальского

Великое славословие — [В. Ф.] Комарова

17 августа Воскресная литургия

Единородный Сыне — Гречанинова

Святой Боже — Чеснокова

Херувимская — Старо-Симоновская (гармонизация Кастальского)

Достойно (сербского распева) — Кастальского

Причастный «Вскую прискорбна еси душе моя» — Бортнянского

* Музей имени Глинки. Ф. 283. № 907. Авторская дата — 4 апреля 1973.

В данной публикации приводятся данные по периоду 1924—1925, так как дальнейший список в общем содержит повторяющийся репертуар.

Преображение Господне

18 августа Всенощная

Благослови душе (соль мажор) — Чеснокова
Свете тихий № 5 — Кастальского
На литии «Помилуй мя Боже» — Полуэктова
Ныне отпускаеши — Ломакина
Хвалите имя Господне — [В. Л.] Гаврилова
Антифоны «От юности моя» — киевского роспева
Великое славословие — Комарова

19 августа Литургия

Единородный Сыне № 2 (болгарского роспева) — Кастальского
Святой Боже (киевского роспева) — Голованова
Херувимская (фа мажор) — Чайковского
Милость мира № 1 (знаменного роспева) — Кастальского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Помилуй мя Боже» — Полуэктова

23 августа Воскресная всенощная

Благослови душе (фа мажор) — Чеснокова
Свете тихий (си-бемоль мажор) — Чеснокова
Богородице Дево (греческого роспева) — Чайковского
Хвалите имя Господне (знаменного роспева) — Чеснокова
Великое славословие — Комарова

24 августа Воскресная литургия

Благослови душе — Толстякова
Единородный Сыне — Рахманинова
Святой Боже — Калининкова
Херувимская № 2 — Львова
Верую № 1 — Кастальского
Милость мира — Никольского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Господь прощение мое» — Никольского

Успение Пресвятой Богородицы

27 августа Всенощная

Благослови душе — киевского роспева
Блажен муж — киевского роспева
Свете тихий № 2 — Кастальского
На литии «В молитвах неусыпающую» (для мужского хора) — киевского роспева

На литии «Господи помилуй» — Данилина
Ныне отпускаеши — Архангельского (соло Е. А. Качалова)
Буди имя Господне — Данилина
Хвалите имя Господне № 2 (знаменного распева) — Кастальского
Антифоны «От юности моя» — знаменного распева (унисонное)
Великое славословие — Комарова

28 августа Литургия

Единородный Сыне № 2 (болгарского распева) — Кастальского
Святы́й Боже (киевского распева) — Голованова
Херувимская (на «Видя разбойник») — Чеснокова
Верую — Ипполитова-Иванова
Милость мира № 6 — Архангельского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Апостоли от конец» — киевского распева

30 августа Воскресная всенощная

Благослови душе (греческого распева) — Кастальского
Блажен муж (Успенского собора) — Кастальского
Свете тихий (ре мажор) — Чеснокова
Богородице Дево (греческого распева) — Чайковского
Хвалите имя Господне — Толстякова
Великое славословие — Комарова

31 августа Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова (из Литургии)
Святы́й Боже (киевского распева) — Голованова
Господи помилуй (сугубая ектения) — Чеснокова
Херувимская — Львовского
Милость мира — Полуэктова
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Высшую небес» — древнего распева

6 сентября Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова
Свете тихий — Никольского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Никольского
Ирмосы «Крест начертав» — Кастальского
Великое славословие — Комарова

7 сентября Воскресная литургия

Единородный Сыне — Рахманинова

Святый Боже — Калининкова
Херувимская — Владимирская (гармонизация Кастаньского)
Милость мира № 1 (знаменного распева) — Кастаньского
Достойно — Рахманинова
Причастный «Хвалу Господню возглаголют уста моя» — Львова

Память св. благоверного князя Александра Невского (престольный праздник)

11 сентября Всенощная

Благослови душе — Кастаньского
Блажен муж — Толстякова
Свете тихий № 1 — Кастаньского
На литии «Хвалу Господню возглаголют уста моя» — Львова
На литии «Господи помилуй» — Данилина
Ныне отпускаеши — Данилина
Богородице Дево — Чайковского
Буди имя Господне — Данилина
Хвалите имя Господне — Никольского
Ирмосы «Крест начертав» — Кастаньского
Великое славословие № 2 — Кастаньского

12 сентября Литургия

Единородный Сыне — Рахманинова
Святый Боже — Чеснокова
Херувимская № 2 — Львова
Милость мира № 1 (знаменного распева) — Кастаньского
Достойно — Рахманинова
Причастный «Помилуй мя Боже» — Полуэктова

13 сентября Воскресная всенощная

Блажен муж — Рахманинова
Свете тихий № 4 — Кастаньского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне № 3 (сербского распева) — Кастаньского
Ирмосы «Крест начертав» — Кастаньского
Великое славословие — Комарова

14 сентября Воскресная литургия

Благослови душе — Шведова
Единородный Сыне № 3 — Кастаньского
Святый Боже — Голованова
Господи помилуй (сугубая ектения) — Шведова
Херувимская — Софрониевская

Милость мира — Ипатьевская

Достойно — Лаврская

Причастный «И истина Господня» (из концерта «Восхваляю имя Бога моего» — Бортнянского)

Рождество Пресвятой Богородицы

20 сентября Всенощная праздничная и воскресная

Благослови душе (большого знаменного роспева) — Кастальского

Блажен муж — Рахманинова

Свете тихий № 5 — Кастальского (соло А. С. Крынкин)

Хвалите имя Господне — Гаврилова

Ирмосы «Крест начертав» — Кастальского

Великое славословие № 2 — Кастальского

21 сентября Литургия праздничная и воскресная

Единородный Сыне — Гречанинова

Приидите поклонимся — Гречанинова

Святой Боже — Гречанинова

Херувимская — Гречанинова

Верую — Ипполитова-Иванова

Милость мира — Чеснокова

Отче наш — Сарти

Причастный «Пресвятей Богородице помолимся» — Чеснокова

Обновление Храма Воскресения Христова в Иерусалиме (престольный праздник)

25 сентября Всенощная

Благослови душе (греческого роспева) — Кастальского

Блажен муж — Архангельского (соло Н. М. Пашутин)

Свете тихий № 2 — Кастальского

На литии «Да воскреснет Бог» — Смоленского

Ангел вопияше — Чеснокова (соло Е. А. Качалова)

Хвалите имя Господне — Толстякова

Антифоны «От юности моя» — знаменного роспева (унисонное)

Ирмосы «Воскресения день» — простого напева

Великое славословие № 2 — Кастальского

26 сентября Литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского

Святой Боже — Голованова

Херувимская (знаменного распева) — Калининкова
Милость мира — Чеснокова
Ангел вопиаше — Чеснокова (соло Е. А. Качалова)
Причастный «Ныне вся исполнишася света» — Виноградова

Воздвижение Креста Господня

26 сентября Всенощная

Благослови душе — киевского распева
Блажен муж — киевского распева
Свете тихий (ре минор) — Чеснокова
На литии «Тебе одеющагося» — Турчанинова
Хвалите имя Господне (знаменного распева) — Чеснокова
Антифоны «От юности моя» — знаменного распева
Ирмосы «Крест начертав» — Кастальского
Великое славословие — Комарова
При выносе св. Креста «Святыи Боже» — Кастальского
Кресту Твоему — Кастальского

27 сентября Литургия

Единородный Сыне № 2 (болгарского распева) — Кастальского
Кресту Твоему — Кастальского
Херувимская — Львовского
Милость мира № 1 (знаменного распева) — Кастальского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Приидите ублажим» — Бортнянского

27 сентября Воскресная всенощная

Благослови душе (соль мажор) — Чеснокова
Блажен муж (Успенского собора) — Кастальского
Свете тихий № 1 — Кастальского
Богородице Дево (греческого распева) — Чайковского
Хвалите имя Господне № 3 (сербского распева) — Кастальского
Великое славословие — Комарова

28 сентября Воскресная литургия

Благослови душе — Ипполитова-Иванова
Единородный Сыне — Чайковского
Приидите поклонимся — Чайковского
Святыи Боже — Чайковского
Господи помилуй (Сугубая ектения) — Чайковского
Херувимская (на «Видя разбойник») — Чеснокова

Верую — Чайковского
Милость мира — Чайковского
Задостойник — Турчанинова
Отче наш — Чайковского
Причастный «Вскую прискорбна еси душе моя» — Бортнянского

4 октября Воскресная всенощная

Свете тихий — Архангельского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Архангельского
Великое славословие — Комарова

5 октября Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова (из Литургии)
Святый Боже — Чеснокова
Господи помилуй (Сугубая ектения) — Чеснокова
Херувимская (знаменного роспева) — Калинникова
Верую № 1 — Кастальского
Милость мира — Никольского
Достойно (сербского роспева) — Кастальского
Отче наш — Сартти
Причастный «Вскую мя отринул еси» — Архангельского

11 октября Воскресная всенощная

Благослови душе (фа мажор) — Чеснокова
Свете тихий (си-бемоль мажор) — Чеснокова
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне (знаменного роспева) — Чеснокова
Великое славословие — Комарова

12 октября Воскресная литургия

Единородный Сыне № 2 (болгарского роспева) — Кастальского
Святый Боже — Калинникова
Херувимская — Старо-Симоновская (гармонизация Кастальского)
Милость мира № 6 — Архангельского
Достойно (болгарского роспева) — Чеснокова
Причастный «Высшую небес» — древнего роспева

18 октября Воскресная всенощная

Свете тихий № 5 — Кастальского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Гаврилова
Великое славословие — Комарова

19 октября Воскресная литургия

Единородный Сыне — Рахманинова

Херувимская — Софрониевская

Милость мира — Ипатьевская

Достойно — Лаврская

Отче наш — Копылова

Причастный «Господь просвещение мое» — Никольского

25 октября Воскресная всенощная

Блажен муж — Рахманинова

Свете тихий № 1 — Кастальского

Богородице Дево (греческого роспева) — Чайковского

Хвалите имя Господне № 3 (сербского роспева) — Кастальского

Великое славословие — Комарова

26 октября Воскресная литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского

Святый Боже — Голованова

Херувимская № 2 — Львова

Милость мира № 6 — Архангельского

Достойно (сербского роспева) — Кастальского

Причастный «Вскую прискорбна» — Бортнянского

Память преподобной Параскевы (престольный праздник)

26 октября Всенощная

Благослови душе (большого знаменного роспева) — Кастальского

Блажен муж — Рахманинова

На литии «Вскую прискорбна» — Бортнянского

На литии «Господи помилуй» — Данилина

Ныне отпускаеши — Данилина

Богородице Дево — Чайковского

Шестопсалмие № 1 — Кастальского

Хвалите имя Господне № 3 (сербского роспева) — Чеснокова

Величит душа моя — Чеснокова (соло Е. А. Качалова)

Великое славословие № 2 — Кастальского

27 октября Литургия

Единородный Сыне № 2 (болгарского роспева) — Кастальского

Святый Боже (киевского роспева) — Голованова

Херувимская № 2 — Львова

Милость мира № 1 (знаменного роспева) — Кастальского

Достойно — Рахманинова

Причастный «Помилуй мя Боже» — Полуэктова

1 ноября Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова
Свете тихий № 4 — Кастальского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Толстякова
Великое славословие — Комарова

2 ноября Воскресная литургия

Единородный Сыне — Гречанинова
Святый Боже — Чеснокова
Херувимская — Гречанинова
Милость мира (сербского роспева) — Кастальского
Достойно (сербского роспева) — Кастальского
Отче наш — Копылова
Причастный «Хвалу Господню возглаголют уста моя» — Львова

8 ноября Воскресная всенощная

Свете тихий — Никольского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Никольского
Великое славословие — Комарова

9 ноября Воскресная литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского
Святый Боже — Калинникова
Херувимская — Львовского
Милость мира — Никольского
Достойно (болгарского роспева) — Чеснокова
Причастный «Апостоли от конец» — киевского роспева

15 ноября Воскресная всенощная

Свете тихий (ре мажор) — Чеснокова
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Архангельского
Великое славословие — Комарова

16 ноября Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова
Святый Боже — Чеснокова
Господи помилуй (Сугубая ектения) — Чеснокова
Херувимская — Римского-Корсакова
Милость мира — Чеснокова

Достойно (болгарского роспева) — Чеснокова
Отче наш — Шведова
Причастный «Пресвятей Богородице помолимся» — Чеснокова (соч. 43 № 1)

22 ноября Воскресная всенощная

Блажен муж (Успенского собора) — Кастальского
Свете тихий № 2 — Кастальского
Богородице Дево (греческого роспева) — Чайковского
Хвалите имя Господне — Гаврилова
Великое славословие — Комарова

23 ноября Воскресная литургия

Единородный Сыне — Рахманинова
Святый Боже — Чеснокова
Херувимская — Старо-Симоновская (гармонизация Кастальского)
Милость мира № 1 (знаменного роспева) — Кастальского
Достойно (сербского роспева) — Кастальского
Отче наш — Гречанинова
Причастный «Помилуй мя Боже» — Полуэктова

29 ноября Воскресная всенощная

Блажен муж — Рахманинова
Свете тихий (ре мажор) — Чеснокова
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне № 2 — Кастальского
Великое славословие — Комарова

30 ноября Воскресная литургия

Единородный Сыне № 2 (болгарского роспева) — Кастальского
Святый Боже — Калинникова
Херувимская — Софрониевская
Милость мира — Ипатьевская
Достойно — Лаврская
Отче наш — Гречанинова
Причастный «Яко велий еси Ты» — Львова

Введение во Храм Пресвятой Богородицы

3 декабря Всенощная

Благослови душе (соль мажор) — Чеснокова
Блажен муж — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)
Свете тихий № 4 — Кастальского
На литии «Се ныне благословите Господа» — Рютова (соло Н. М. Пашутин)

На литии «Господи помилуй» — Данилина
 Ныне отпускаеши — Архангельского (соло Е. А. Качалова)
 Хвалите имя Господне — Толстякова
 От юности моя — знаменного распева (унисонное)
 Ирмосы «Христос рождается» — Кастальского
 Великое славословие — Комарова

4 декабря Литургия

Единородный Сыне — Рахманинова
 Святый Боже — Чеснокова
 Херувимская — Львова
 Милость мира — Чеснокова
 Задостойник — Турчанинова
 Причастный «Пресвятей Богородице помолимся» — Чеснокова

Память св. великомученицы Екатерины (престольный праздник)

6 декабря Всенощная накануне праздника и воскресная

Благослови душе (греческого распева) — Кастальского
 Блажен муж — Толстякова
 Свете тихий № 1 — Кастальского
 На литии «Апостоли от конец» — киевского распева
 На литии «Господи помилуй» — Данилина
 Ныне отпускаеши — Строкина (соло А. С. Крынкин)
 Шестопсалмие № 1 — Кастальского
 Хвалите имя Господне № 3 (сербского распева) — Кастальского
 Ирмосы «Христос рождается» — Кастальского
 Великое славословие № 2 — Кастальского

7 декабря Литургия праздничная и воскресная

Благослови душе — Толстякова
 Единородный Сыне — Гречанинова
 Святый Боже (киевского распева) — Голованова
 Херувимская — Гречанинова
 Верую № 1 — Кастальского
 Милость мира (сербского распева) — Кастальского
 Задостойник — Турчанинова
 Отче наш — Ф. А. Иванова (соло Н. М. Пашутин)
 Причастный «Величит душа моя» — Кьяндского (соло Е. А. Качалова)

13 декабря Воскресная всенощная

Блажен муж (распева Успенского собора) — Кастальского
 Свете тихий № 5 — Кастальского

Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Никольского
Ирмосы «Христос рождается» — Кастальского
Великое славословие — Комарова

14 декабря Воскресная литургия

Единородный Сыне — Рахманинова
Святый Боже — Калининкова
Херувимская № 2 — Львова
Милость мира № 4 — Архангельского
Достойно (сербского роспева) — Кастальского
Причастный «Се ныне благословите Господа» — Рютова (соло Н. М. Пашутин)

Память святителя Николая Чудотворца (престольный праздник)

18 декабря Всенощная

Благослови душе (соль мажор) — Чеснокова
Блажен муж — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)
Свете тихий (ре мажор) — Чеснокова
На литии «И истина Господня» (из концерта «Восхваляю имя Бога моего») —
Бортнянского
Ныне отпущаеши — Соколова (соло Н. М. Пашутин)
Шестопсалмие № 1 — Кастальского
Хвалите имя Господне № 2 (знаменного роспева) — Кастальского
Ирмосы «Христос рождается» — Кастальского
Великое славословие — Комарова

19 декабря Литургия

Единородный Сыне — Чеснокова
Святый Боже — Чеснокова
Сугубая ектения — Чеснокова
Херувимская (на «Видя разбойник») — Чеснокова
Милость мира — Никольского
Достойно (болгарского роспева) — Чеснокова
Причастный «И истина Господня» — Бортнянского

20 декабря Воскресная всенощная

Благослови душе (фа мажор) — Чеснокова
Свете тихий (си-бемоль мажор) — Чеснокова
Хвалите имя Господне (знаменного роспева) — Чеснокова
Ирмосы «Христос рождается» — Кастальского
Великое славословие — Комарова

21 декабря Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чайковского

Приидите поклонимся — Чайковского

Святый Боже — Чайковского

Сугубая ектения — Чайковского

Херувимская Владимирская — гармонизация Кастаньского

Отче наш — Чайковского

Причастный «Господь просвещение мое» — Никольского

27 декабря Воскресная всенощная

Блажен муж — Рахманинова

Свете тихий № 2 — Кастаньского

Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне № 2 — Кастаньского

Ирмосы «Христос рождается» — Кастаньского

Великое славословие — Комарова

28 декабря Воскресная литургия

Благослови душе — Шведова

Единородный Сыне № 2 (болгарского распева) — Кастаньского

Святый Боже (киевского распева) — Голованова

Сугубая ектения — Шведова

Херувимская № 2 — Львова

Милость мира № 1 — Кастаньского

Достойно есть — Рахманинова

Причастный — знаменного распева

Догматик 3-го гласа — гармонизация Кастаньского

1925 год*3 января* Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова

Свете тихий — Архангельского

Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне — Архангельского

Ирмосы «Христос рождается» — Кастаньского

Великое славословие — Комарова

4 января Воскресная литургия

Единородный Сыне — Кастаньского

Святый Боже — Калининкова

Сугубая ектения — Смоленского

Херувимская Старо-Симоновская — гармонизация Кастаньского

Милость мира — Чеснокова
Достойно есть (болгарского распева) — Чеснокова
Отче наш — Копылова
Причастный «Яко велий еси Ты» — Львова

Рождество Христово

6 января Всенощная

С нами Бог (знаменного распева) — Кастальского (соло А. С. Крынкин)
Тропарь «Рождество Твое» (знаменного распева) — Кастальского
Кондак «Дева днесь» (знаменного распева) — Кастальского
На литии «Яко велий еси Ты» — Львова
На литии «Господи помилуй» — Данилина
Ныне отпускаеши — Архангельского
Буди имя Господне — Данилина
Хвалите имя Господне № 3 (сербского распева) — Кастальского
Антифоны «От юности моя» знаменного распева (унисонные)
Ирмосы «Христос раждается» — Кастальского
Великое славословие — Кастальского

7 января Литургия

Елинородный Сыне — Гречанинова
Херувимская — Гречанинова
Милость мира (сербского распева) — Кастальского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Дева днесь» (знаменного распева) — Кастальского

10 января Воскресная всенощная

Свете тихий № 1 — Кастальского
Хвалите имя Господне № 3 (сербского распева) — Кастальского
Ирмосы «Христос раждается» — Кастальского
Великое славословие — Комарова

11 января Воскресная литургия

Единородный Сыне № 2 — Кастальского
Святыи Боже — Данилина
Херувимская — Римского-Корсакова
Милость мира — Никольского
Задостойник — Турчанинова
От юности моя — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)

17 января Воскресная всенощная

Блажен муж (напева Большого Успенского собора) — Кастальского
Свете тихий № 4 — Кастальского

Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Толстякова
Ирмосы «Глубины открыл есть дно» — Львова
Великое славословие — Комарова

18 января Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова
Святый Боже — Данилина
Сугубая ектения — Чеснокова
Херувимская — Софрониевская
Милость мира — Ипатьевская
Достойно есть — Лаврская
Причастный «Се ныне» — Рютова (соло Н. М. Пашутин)

Крещение Господне

18 января Всенощная

С нами Бог (знаменного роспева) — Кастальского (соло А. С. Крынкин)
На литии «Господь просвещение мое» — Никольского
Ныне отпускаеши — Строкина (соло А. С. Крынкин)
Хвалите имя Господне — Гаврилова
От юности моя — знаменного роспева (унисонное)
Ирмосы «Глубины открыл есть дно» — Львова
Великое славословие — Комарова

19 января Литургия

Единородный Сыне — Чеснокова
Херувимская (фа мажор) — Чайковского
Милость мира — Полуэктова
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Господь просвещение мое» — Никольского

24 января Воскресная всенощная

Блажен муж — Архангельского (соло Н. М. Пашутин)
Свете тихий — Никольского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Никольского
Ирмосы «Глубины открыл есть дно» — Львова
Великое славословие — Комарова

25 января Воскресная литургия

Единородный Сыне — Рахманинова
Святый Боже — Данилина

Херувимская № 2 — Львова
Милость мира № 4 — Архангельского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Вскую прискорбна еси душе моя» — Бортнянского

31 января Воскресная всенощная

Благослови душе (фа мажор) — Чеснокова
Блажен муж — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)
Свете тихий (си-бемоль мажор) — Чеснокова
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне (знаменного распева) — Чеснокова
Ирмосы «Сушу глубородительную землю» — Львова
Великое славословие — Комарова

1 февраля Воскресная литургия

Единородный Сыне № 2 — Кастальского
Святой Боже (киевского распева) — Голованова
Херувимская Владимирская — гармонизация Кастальского
Милость мира № 5 — Архангельского
Достойно (сербского распева) — Кастальского
Причастный «Помилуй мя Боже» — Полуэктова

Неделя о мытаре и фарисее

7 февраля Воскресная всенощная

Блажен муж — Рахманинова
Свете тихий № 2 — Кастальского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне № 2 — Кастальского
Покаяния отверзи ми двери — простого напева
Ирмосы «Сушу глубородительную землю» — Львова
Великое славословие — Комарова

8 февраля Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова
Святой Боже — Чеснокова
Сугубая ектения — Чеснокова
Херувимская (на «Видя разбойник») — Чеснокова
Милость мира — Чеснокова
Достойно (болгарского распева) — Чеснокова
Отче наш — Иванова (соло Н. М. Пашутин)
Причастный «Апостоли от конец» — киевского распева

Сретение Господне**Неделя о блудном сыне***14 февраля* Всенощная праздничная и воскресная

Благослови душе (греческого роспева) — Кастальского

Блажен муж — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)

Свете тихий № 4 — Кастальского

На литии Сретенские припевы из канона — Львова

На литии «Господи помилуй» — Данилина

Ныне отпускаеши — Соколова (соло Н. М. Пашутин)

Буди имя Господне — Данилина

Хвалите имя Господне № 3 — Кастальского

На реках Вавилонских — Крупицкого

Покаяния отверзи ми двери — простого напева

Ирмосы «Сушу глубородительную землю» — Львова

Великое славословие — Комарова

15 февраля Литургия праздничная и воскресная

Благослови душе — Толстякова

Единородный Сыне — Гречанинова

Святый Боже — Голованова

Херувимская — Гречанинова

Верую — Ипполитова-Иванова

Милость мира № 1 — Кастальского

Задостойник — Турчанинова

Отче наш — Гречанинова

Причастный «Пресвятей Богородице помолимся» — Чеснокова

Неделя мясопустная*21 февраля* Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова

Свете тихий № 5 — Кастальского

Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне — Гаврилова

На реках Вавилонских — Крупицкого

Покаяния отверзи ми двери — простого напева

Ирмосы «Помощник и покровитель» — Бортнянского

Великое славословие — Комарова

22 февраля Воскресная литургия

Единородный Сыне — Рахманинова

Святый Боже — Калинникова

Херувимская (знаменного распева) — Кастальского
Милость мира № 1 — Кастальского
Достойно — Рахманинова
Причастный «Кто Бог велий» — Бортнянского

Неделя сыропустная

28 февраля Воскресная всенощная

Блажен муж (напева Успенского собора) — Кастальского
Свете тихий (ре мажор) — Чеснокова
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Толстякова
На реках Вавилонских — Крупицкого
Покаяния отверзи ми двери — простого напева
Великое славословие — Комарова

1 марта Воскресная литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского
Святыи Боже — Данилина
Херувимская (знаменного распева) — Кастальского
Милость мира № 1 — Кастальского
Достойно — Рахманинова
Отче наш — Копылова
Причастный «И истина Господня» — Бортнянского

Неделя 1-я Великого поста

7 марта Воскресная всенощная

Свете тихий (си-бемоль мажор) — Архангельского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Архангельского
Покаяния отверзи ми двери — простого напева
Великое славословие — Комарова

8 марта Воскресная литургия

Благослови душе — Толстякова
Единородный Сыне — Рахманинова
Святыи Боже — Данилина
Херувимская (на «Видя разбойник») — Чеснокова
Верую — Ипполитова-Иванова
Милость мира — Смоленского
О Тебе радуется — Данилина
Причастный «Апостоли от конец» — киевского распева

Неделя 2-я Великого поста*14 марта* Воскресная всенощная

Благослови душе (соль мажор) — Чеснокова
 Блажен муж — Кастальского
 Свете тихий № 4 — Кастальского
 Богородице Дево — Чайковского
 Хвалите имя Господне — Гаврилова
 Покаяния отверзи ми двери — простого напева
 Великое славословие — Комарова

15 марта Воскресная литургия

Благослови душе — Шведова
 Единородный Сыне № 3 — Кастальского
 Приидите поклонимся — Чайковского
 Святый Боже — Чайковского
 Сугубая ектения — Шведова
 Херувимская Владимирская — гармонизация Кастальского
 Верую — Чайковского
 Милость мира — Смоленского
 О Тебе радуется — Данилина
 Отче наш — Копылова
 Причастный «Господь просвещение мое» — Никольского

Неделя 3-я Великого поста (Крестопоклонная)*21 марта* Воскресная всенощная

Благослови душе — Кастальского
 Блажен муж — Рахманинова
 Свете тихий № 2 — Кастальского
 Богородице Дево — Чайковского
 Хвалите имя Господне № 2 — Кастальского
 Покаяния отверзи ми двери — простого напева
 Великое славословие — Комарова

При выносе св. Креста:

Святый Боже — Кастальского
 Кресту Твоему — Кастальского

*Воскресную литургию 22 марта хор не пел.***Неделя 4-я Великого поста***28 марта* Воскресная всенощная

Свете тихий — Архангельского
 Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне — Архангельского
Покаяния отверзи ми двери — простого напева
Великое славословие — Комарова

29 марта Воскресная литургия

Благослови душе — Ипполитова-Иванова
Единородный Сыне — Чеснокова
Святый Боже — Чеснокова
Херувимская № 2 — Львова
Милость мира — Смоленского
О Тебе радуется — Данилина
Отче наш — Гречанинова
Причастный «Вскую мя отринул еси» — Архангельского

Неделя 5-я Великого поста

4 апреля Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова
Свете тихий — Никольского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне — Никольского
Покаяния отверзи ми двери — простого напева
Великое славословие — Комарова

5 апреля Воскресная литургия

Единородный Сыне № 5 — Каstialьского
Святый Боже — Голованова
Херувимская — Львовского
Милость мира — Смоленского
О Тебе радуется — Данилина
Причастный «Высшую небес» — древнего роспева

Благовещение Пресвятой Богородицы

6 апреля Всенощная

С нами Бог — Каstialьского (соло А. С. Крынкин)
На литии «Пресвятей Богородице помолимся» — Чеснокова
На литии «Господи помилуй» — Данилина
Ныне отпускаеши — Строкниа (соло А. С. Крынкин)
Буди имя Господне — Данилина
Шестопсалмие № 1 — Каstialьского
Хвалите имя Господне — Гаврилова
Величание «Архангельский глас» — Бортнянского
Великое славословие — Комарова

7 апреля Литургия

Единородный Сыне — Чеснокова
Святый Боже — Чеснокова
Сугубая ектения — Чеснокова
Херувимская (на «Видя разбойник») — Чеснокова
Верую — Ипполитова-Иванова
Милость мира — Чеснокова
Задостойник — Турчанинова
Архангельский глас — Бортнянского

Неделя 6-я Великого поста**Вербное Воскресенье****Вход Господень в Иерусалим***11 апреля* Всенощная

Благослови душе (соль мажор) — Чеснокова
Блажен муж — Архангельского (соло Н. М. Пашутин)
Свете тихий № 1 — Кастальского
На литии «Воспойте людие» — Бортнянского
На литии «Господи помилуй» — Данилина
Ныне отпускаеши — Архангельского (соло Е. А. Качалова)
Хвалите имя Господне № 3 — Кастальского
Ирмосы «Явишася источницы бездны» — Львова
Великое славословие — Комарова

12 апреля Литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского
Святый Боже — Чеснокова
Херувимская № 2 — Львова
Верую № 1 — Кастальского
Милость мира — Никольского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Воспойте людие» — Бортнянского

Страстная неделя*16 апреля* Великий Четверг

Всенощная. Чтение 12 Евангелий

Егда славнии ученицы — простого напева
Ирмосы. Трипеснец «К Тебе утреннюю» — Турчанинова
Разбойника благоразумного — Кастальского

17 апреля Великая Пятница

Вечерня. Вынос Плащаницы

Свете тихий № 4 — Кастальского

Тебе одеющагося — Турчанинова

Благообразный Иосиф — Турчанинова

Егда снизшел еси — Турчанинова

Мироносицам Женам — Турчанинова

Всенощная. Чин погребения Плащаницы

Благообразный Иосиф — Турчанинова

Егда снизшел еси — Турчанинова

Мироносицам Женам — Турчанинова

17-я кафизма — простого роспева

Похвалы (песнопения «Благословен еси Господи», «Жизнь во Гробе» и др.) —
обычного напева

Ирмосы «Волною морскою» — Турчанинова

Приидите убожим — Бортнянского

18 апреля Великая Суббота

Литургия

Свете тихий № 4 — Кастальского

Воскресни Боже — Бортнянского

Да молчит всякая плоть — Турчанинова

Верую № 1 — Кастальского

Милость мира — Смоленского

Не рыдай Мене Мати — Турчанинова

Причастный «Воскресни Боже» — Бортнянского

Светлое Христово Воскресение

Пасха

19 апреля Заутреня

Единородный Сыне № 2 — Кастальского

Сугубая ектения — Смоленского

Херувимская № 2 — Львова

Верую № 1 — Кастальского

Милость мира (сербского роспева) — Кастальского

Ангел вопияше — Чеснокова (соло Е. А. Качалова)

Отче наш — Иванова (соло Н. М. Пашутин)

Причастный «Ныне вся исполнишася света» — Виноградова

Неделя о Фоме. Антипасха

25 апреля Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова

Свете тихий (си-бемоль мажор) — Чеснокова

Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне — Гаврилова

Великое славословие — Комарова

26 апреля Воскресная литургия

Единородный Сыне № 2 — Кастальского

Святый Боже — Голованова

Херувимская (фа мажор) — Чайковского

Милость мира — Чеснокова

Ангел вопияше (греческого роспева) — Бортнянского

Причастный «Воскресни Боже» — Турчанинова

Неделя святых Жен Мироносиц

2 мая Воскресная всенощная

Блажен муж — Рахманинова

Свете тихий № 2 — Кастальского

Да воскреснет Бог — Смоленского

Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне — Толстякова

Великое славословие — Комарова

3 мая Воскресная литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского

Святый Боже — Данилина

Херувимская (знаменного роспева) — Кастальского

Милость мира № 1 — Кастальского

Ангел вопияше — Макарова

Причастный «От юности моя» — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)

Неделя о расслабленном

9 мая Воскресная всенощная

Благослови душе (большого знаменного роспева) — Кастальского

Блажен муж (напева Успенского собора) — Кастальского

Свете тихий № 5 — Кастальского

Да воскреснет Бог — Смоленского

Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне № 2 — Кастальского
Великое славословие — Комарова

10 мая Воскресная литургия

Благослови душе — Шведова
Единородный Сыне — Рахманинова
Святый Боже — Чеснокова
Сугубая ектения — Шведова
Херувимская (знаменного роспева) — Кастальского
Милость мира — Никольского
Ангел вопияше (греческого роспева) — Бортнянского
Причастный «Кто Бог велий» — Бортнянского

Неделя о самаряныне

16 мая Воскресная всенощная

Блажен муж — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)
Свете тихий (си-бемоль мажор) — Чеснокова
Богородице Дево — Чайковского
Да воскреснет Бог — Смоленского
Хвалите имя Господне (знаменного роспева) — Чеснокова
Великое славословие — Комарова

17 мая Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова
Святый Боже — Данилина
Херувимская (знаменного роспева) — Кастальского
Милость мира № 1 (знаменного роспева) — Кастальского
Ангел вопияше — Бортнянского
Причастный «Ныне вся исполнишася света» — Виноградова

Святителя Николая Чудотворца (престольный праздник)

21 мая Всенощная

Благослови душе (большого знаменного роспева) — Кастальского
Блажен муж — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)
Свете тихий (ре мажор) — Чеснокова
На литии «Се ныне благословите Господа» — Рютова (соло С. Н. Стрельцов)
Ныне отпускаеши — Соколова (соло С. Н. Стрельцов)
На литии «Господи помилуй» — Данилина
Буди имя Господне — Данилина
Хвалите имя Господне — Толстякова
Великое славословие — Комарова

22 мая Литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского

Святой Боже — Данилина

Иже Херувимы (знаменного распева) — Кастальского

Милость мира № 1 — Кастальского

Ангел вопиаше (греческого распева) — Бортнянского

Причастный «Ныне вся исполнишася света» — Виноградова

Неделя о слепом**23 мая Воскресная всенощная**

Блажен муж — Рахманинова

Свете тихий № 2 — Кастальского

Да воскреснет Бог — Смоленского

Богородице Дево — Чайковского

Хвалите имя Господне № 2 (знаменного распева) — Кастальского

Великое славословие — Комарова

24 мая Воскресная литургия

Благослови душе — Толстякова

Единородный Сыне № 2 (болгарского распева) — Кастальского

Святой Боже — Калинникова

Иже Херувимы Владимирская — гармонизация Кастальского

Милость мира (сербского распева) — Кастальского

Ангел вопиаше — Чеснокова (соло Е. А. Качалова)

Причастный «Воскресни Боже» — Бортнянского

Вознесение Господне**27 мая Всенощная**

Благослови душе (греческого распева) — Кастальского

Свете тихий № 1 — Кастальского

На литии «Хвалу Господню возглаголют уста моя» — Львова

На литии «Господи помилуй» — Данилина

Ныне отпускаеши — Строкина (соло А. С. Крынкин)

Буди имя Господне — Данилина

Хвалите имя Господне № 3 — Кастальского

От юности моя — знаменного распева (унисонное)

Ирмосы «Спасителю Богу» — Львова

Великое славословие — Кастальского

28 мая Литургия

Единородный Сыне — Рахманинова

Святой Боже — Чеснокова

Иже Херувимы — Львовского
Милость мира — Никольского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Хвалу Господню возглаголют уста моя» — Львова

Неделя святых отцов Первого Вселенского Собора в Никее

30 мая Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова
Свете тихий № 5 — Кастальского
Хвалите имя Господне — Виноградова
Ирмосы «Спасителю Богу» — Львова
Великое славословие — Комарова

31 мая Воскресная литургия

Благослови душе — Шведова
Единородный Сыне № 2 — Кастальского
Святой Боже (киевского роспева) — Голованова
Сугубая ектеня — Шведова
Иже Херувимы (на «Видя разбойник») — Чеснокова
Верую — Ипполитова-Иванова
Милость мира — Чеснокова
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Вскую прискорбна еси душе моя» — Бортнянского

Пятидесятница. День Св. Троицы

6 июня Воскресная всенощная

Благослови душе (соль мажор) — Чеснокова
Блажен муж — Архангельского (соло Н. М. Пашутин)
Свете тихий № 4 — Кастальского

На литии:

Кто Бог велий — Бортнянского
Господи помилуй — Данилина
Ныне отпускаеши — Архангельского (соло Е. А. Качалова)
Хвалите имя Господне — Гаврилова
От юности моя — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)
Ирмосы «Понтом покры» — Львова
Великое славословие № 2 — Кастальского

7 июня Воскресная литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастальского
Иже Херувимы (знаменного роспева) — Кастальского

Милость мира № 1 (знаменного роспева) — Кастальского
Задостойник — Турчанинова
Причастный «Кто Бог велий» — Бортнянского

Вечерня
Свете тихий № 1 — Кастальского

Всех святых

13 июня Воскресная всенощная

Блажен муж (напева Большого Успенского собора) — Кастальского
Свете тихий № 2 — Кастальского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне № 2 — Кастальского
Великое славословие — Комарова

14 июня Воскресная литургия

Благослови душе — Толстякова
Единородный Сыне — Чеснокова (из Литургии)
Святой Боже — Данилина
Иже Херувимы — Софрониевская
Милость мира — Ипатьевская
Достойно — Лаврская
Причастный «Помилуй мя Боже» — Полуэктова

20 июня Воскресная всенощная

Благослови душе (большого знаменного роспева) — Кастальского
Блажен муж — Калининкова
Свете тихий — Никольского
Богородице Дево (греческого роспева) — Чайковского
Хвалите имя Господне — Никольского
Ирмосы «Отверзу уста моя» — Архангельского
Великое славословие — Комарова

21 июня Воскресная литургия

Благослови душе — Шведова
Единородный Сыне — Чеснокова (из Литургии)
Святой Боже — Калининкова
Сугубая ектения — Шведова
Иже Херувимы (знаменного роспева) — Кастальского
Верую № 1 — Кастальского
Милость мира № 1 — Кастальского
Достойно — Рахманинова
Причастный «Величит душа моя» — Кьяндского (соло Е. А. Качалова)

27 июня Воскресная всенощная

Блажен муж — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)
Свете тихий (ре мажор) — Чеснокова
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне (знаменного распева) — Чеснокова
Великое славословие — Комарова

28 июня Воскресная литургия

Благослови душе — Ипполитова-Иванова
Единородный Сыне — Гречанинова
Святой Боже — Голованова
Иже Херувимы — Гречанинова
Милость мира (сербского распева) — Кастальского
Достойно (болгарского распева) — Чеснокова
Причастный «От юности моя» — Чеснокова (соло А. С. Крынкин)

4 июля Воскресная всенощная

Свете тихий № 1 — Кастальского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне № 3 — Кастальского
Великое славословие — Комарова

5 июля Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова (из Литургии)
Святой Боже — Чеснокова
Иже Херувимы — Римского-Корсакова
Милость мира — Полуэктова
Достойно (сербского распева) — Кастальского
Причастный «Господь просвещение мое» — Никольского

Св. первоверховных апостолов Петра и Павла*11 июля* Воскресная всенощная

Блажен муж (напева Большого Успенского собора) — Кастальского
Свете тихий № 2 — Кастальского
Богородице Дево — Чайковского
Хвалите имя Господне № 2 — Кастальского
Великое славословие — Комарова

12 июля Воскресная литургия

Единородный Сыне — Чеснокова (из Литургии)
Святой Боже — Данилина
Сугубая ектения — Чеснокова

Иже Херувимы — Старо-Симоновская (гармонизация Кастаньского)
 Милость мира — Чеснокова
 Достойно — Рахманинова
 Причастный «Блажен муж» — Архангельского (соло Н. М. Пашутин)

18 июля Воскресная всенощная

Свете тихий (си-бемоль мажор) — Чеснокова
 Богородице Дево — Чайковского
 Хвалите имя Господне (знаменного распева) — Чеснокова
 Великое славословие — Комарова

19 июля Воскресная литургия

Единородный Сыне № 3 — Кастаньского
 Святый Боже — Голованова
 Иже Херувимы (фа мажор) — Чайковского
 Милость мира — Никольского
 Достойно (сербского распева) — Кастаньского
 Причастный «Апостоли от конец» — киевского распева

25 июля Воскресная всенощная

Блажен муж — Толстякова
 Свете тихий № 5 — Кастаньского
 Богородице Дево — Чайковского
 Хвалите имя Господне — Гаврилова
 Великое славословие — Комарова

26 июля Воскресная литургия

Единородный Сыне № 2 (болгарского распева) — Кастаньского
 Святый Боже — Калинникова
 Иже Херувимы — Римского-Корсакова
 Достойно (сербского распева) — Кастаньского
 Причастный — Догматик воскресный на глас — знаменного распева (гармонизация Кастаньского)

Из более позднего репертуара

1926 год

11 апреля Пассия в храме Богоявления Господня в Дорогомилове
 Благослови душе (большого знаменного распева) — Кастаньского
 Блажен муж — Рахманинова
 Свете тихий № 4 — Кастаньского
 Тебе одеющагося — Турчанинова

Ныне отпускаеши — Данилина
Благообразный Иосиф — Турчанинова
Кресту Твоему — Кастальского
Ирмосы «Волною морскою» — Турчанинова
Разбойника благоразумного — Кастальского
Приидите ублажим — Бортнянского

17 мая Всенощная в церкви св. мученицы Ирины на Ирининской улице

В «Блажен муж» и «От юности моя» Чеснокова соло исполнял протодиакон
М. Д. Михайлов

20 декабря Отпевание А. Д. Кастальского в храме св. мучеников Бориса и Глеба
у Арбатских ворот

В хоре — 30 человек

Литургия (сочинения Кастальского):

Единородный Сыне № 3

Со святыми упокой

Вечная память

Херувимская (знаменная)

Верую № 3

Милость мира № 1

Достойно (афонского роспева)

Причастный «Благослови душе» большого знаменного роспева (из Всенощной)

Отпевание (сочинения Кастальского):

Со святыми упокой

Вечная память

Последняя служба

13 мая 1928 Воскресная литургия

Благослови душе — Шведова

Единородный Сыне — Рахманинова

Во Царствии Твоем — Калинникова

Господи помилуй (Сугубая ектения) — Шведова

Херувимская № 2 — Львова

Верую № 1 — Кастальского

Милость мира — Никольского

Ангел вопияше (знаменного роспева) — Кастальского

Причастный «Ныне вся исполнишася света» — Виноградова

Павел Чесноков

Биографическая хроника: 1917—1928

1917

Май — окончил Московскую консерваторию по классу свободного сочинения С. Н. Василенко с малой серебряной медалью. Удостоен звания «свободного художника».

29 июня — завершил работу над Литургией св. Иоанна Златоуста обычного напева, ор. 50.

23 декабря — начал работу над книгой «Хор и управление им».

Осень — написал Всенощную обычного напева, ор. 50.

Без даты — написал Херувимскую песнь обычного напева (C dur) для солистов (сопрано, тенора, баса) и смешанного хора.

1918

Вторая половина года — при издательском подотделе Музо Наркомпроса создано специальное жюри, принимавшее к публикации новые произведения. В состав его вошли: Н. Я. Мясковский, А. Д. Кастальский, П. Г. Чесноков, С. А. Кусевицкий и другие.

20 сентября — 10 октября — преподавал на краткосрочных курсах для учителей пения Северной трудовой коммуны в Петрограде.

Чесноков читал лекции по теме «организация школьного хора» и вел практические показательные занятия с хором из слушателей курсов.

Декабрь — оставшаяся часть Русского хорового общества во главе с Чесноковым принята в концертный подотдел Музо Наркомпроса.

31 декабря — зачислен в Музо Наркомпроса инспектором (хормейстером) хоровой части.

1919

Январь — после добора певцов хоровой коллектив концертного подотдела получил название 2-го Государственного хора; дирижером назначен Чесноков.

9 марта — концерт 2-го Госхора в б. Коммерческом институте. В программе произведения русских композиторов.

10 апреля — участие 2-го Госхора совместно с 1-м Госхором и хором Московской народной хоровой академии в симфоническом концерте под управлением Анри Фортера и Николая Голованова в Колонном зале Дома союзов. В программе — Мусоргский: «Иисус Навин», «Поражение Сенахериба», хор из оперы «Саламбо» (с оркестром).

13 апреля — концерт 2-го Госхора и Квартета старинных русских инструментов в Малом зале консерватории. В программе хора — Чесноков, Золотарев, Константин Лядов, Аренский, Кюи, Римский-Корсаков, Ипполитов-Иванов.

13 и 17 мая — присутствовал на заседаниях комиссии по реорганизации госхоров. Принято решение: из хора Московской народной хоровой академии, 1-го и 2-го государственных хоров образовать единый Госхор из трех групп по 30 человек.

Конец мая — проведено сокращение состава хоров и создан Государственный объединенный хор, состоящий из трех групп: первая — руководитель И. И. Юхов, вторая — Чесноков, академическая группа — Н. М. Данилин.

27 июля — 2-я группа под управлением Чеснокова участвовала в торжестве по случаю открытия обелиска Советской Конституции на Советской площади. В программе — революционные песни.

24 августа — получил предложение написать музыку к мистерии Байрона «Каин» для МХТ.

23 октября — Художественный совет при концертном подотделе Музо Наркомпроса постановил распустить 2-ю и академическую группы Государственного объединенного хора.

27 ноября — А. В. Луначарский утвердил постановление Художественного совета о роспуске 2-й и академической групп Государственного объединенного хора.

45 человек из распущенных групп вошли в состав нового Государственного хора, руководителем которого был назначен И. И. Юхов.

6 декабря — на всенощной в церкви Гребенской Божией Матери на Лубянской площади пел художественный квинтет П. Г. Чеснокова с участием протодиакона К. В. Розова.

Конец года — написал музыку к «Каину» для солистов, смешанного и женского хоров, органа, рояля, труб и ударных.

1920

Начало года — начал управлять хором в церкви Василия Кесарийского на Тверской-Ямской улице.

Небольшой постоянный хор пел в субботних, воскресных и праздничных службах.

Январь — март — готовил с вокальной группой Художественного театра хоровые номера к «Каину», участвовал в репетициях.

4 апреля — премьера «Каина» с музыкой Чеснокова в Художественном театре. Чесноков во время спектаклей дирижировал хором, находящимся под сценой.

Август — приглашен М. М. Ипполитовым-Ивановым преподавать в Московской консерватории.

Утвержден преподавателем обязательных теоретических предметов (сольфеджио и элементарной теории) по научно-теоретическому отделу.

Сентябрь — написал песнопение «Спаси Боже люди Твоя» для диакона (баса) и смешанного хора.

1921

Вторая половина июня — вновь организовал 2-й Госхор при концертном подотделе Музо Наркомпроса в количестве 80 человек; назначен дирижером хора.

13—16 июля — провел 4 концерта в Петрограде с Государственным академическим хором Петроградской филармонии (бывший хор А. А. Архангельского).

13 и 15 июля — духовная музыка: Чесноков, Кастальский, Голованов, Калининков, Гречанинов, Шведов.

19 сентября / 2 октября — с хором церкви Василия Кесарийского и 2-м Госхором принял участие в торжественном богослужении по случаю юбилея протодиакона Константина Розова в Храме Христа Спасителя¹.

¹ Далее опускаются все многочисленные светские концерты 2-го Госхора и Государственной академической хоровой капеллы.

Декабрь — принято решение о слиянии 1-го (Юхов) и 2-го (Чесноков) госхоров и создании Московской государственной капеллы.

1922

Начало января — работает в комиссии по слиянию госхоров. После создания при Госфилармонии Государственной хоровой капеллы (120 человек) назначен ее директором и главным дирижером. Помощники — А. В. Александров и Н. И. Демьянов.

29 января — участие Капеллы в торжественном открытии Государственной филармонии Наркомпроса в Большом зале консерватории. В программе: Десятая симфония Бетховена, хоры Танеева и Ипполитова-Иванова.

19 марта — духовный концерт Капеллы в БЗК. В программе — Бортнянский, Львов, Турчанинов, Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Кастальский, Гречанинов, Чесноков.

9 апреля — духовный концерт Капеллы в БЗК. В программе — Бортнянский, Львов, Турчанинов, Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков, Кастальский, Крылов, Гречанинов, Чесноков.

24 сентября — духовный концерт Капеллы в храме Большое Вознесение.

26 декабря — 30 декабря — провел три концерта с Государственным академическим хором Петроградской филармонии в Большом зале филармонии.

26 и 30 декабря — духовная музыка: Чесноков, Кастальский, Шведов.

1923

11 февраля — духовный концерт Капеллы в БЗК; в программе — Чесноков, Воротников, Львов, Голованов, Глинка, Гречанинов, Римский-Корсаков, Бортнянский.

1 апреля — духовный концерт Капеллы в храме Богоявления в Елохове с участием местного хора под управлением Л. Н. Воинова; в программе — Бортнянский, Глинка, Львов, Чесноков, Архангельский, Сарти, Гречанинов.

22 апреля — духовный концерт Капеллы в Храме Христа Спасителя; в программе — Смоленский, Чесноков, Бортнянский, Голованов, Виноградов, Чайковский, Сарти.

30 мая — 3 июня — Капелла под управлением Чеснокова принимала участие в панихидах, литургии и отпевании Великого архидиакона К. В. Розова.

Июнь — сложил с себя полномочия директора и председателя правления Государственной академической хоровой капеллы, сохранив за собой должность главного дирижера.

Октябрь — завершил работу над первой частью книги «Хор и управление им».

Ноябрь — написал «Многолетствование» (С dur) для смешанного хора.

1924

20 января — участвовал в духовном концерте хора В. В. Нечаева в Казани; во втором отделении дирижировал своими сочинениями.

26 января — Государственная академическая хоровая капелла под управлением Чеснокова пела у гроба Ленина в Колонном зале Дома союзов.

Июнь — написал «Патриаршее многолетие» для диакона (баса) и смешанного хора.

Июль — выбыл из состава преподавателей научно-теоретического отдела Московской консерватории и вошел в состав преподавателей хорового подотдела исполнительского отдела консерватории.

8 сентября — участвовал в концерте хора В. В. Нечаева в оперном театре Казани; в программе — Сахновский, Чесноков, Ипполитов-Иванов. Посетил могилу С. В. Смоленского.

Вторая половина ноября — назначен руководителем хорового класса хорового подотдела Московской консерватории.

1925

Февраль — начал читать на хоровом подотделе новый предмет — «Наука о хоре».

30 марта/12 апреля — Капелла принимала участие в отпевании и погребении Патриарха Тихона в Донском монастыре.

Лето — ездил в Кинешму по приглашению местных регентов, регентовал в одной из местных церквей.

29 ноября — торжественный молебен и литургия в церкви Василия Кесарийского в ознаменование 30-летия регентской и композиторской деятельности Чеснокова.

Для этого случая А. Д. Кастальский написал «Многолетие» для диакона (баса) и смешанного хора с посвящением юбиляру.

Декабрь — написал «Великую ектению» для смешанного хора, ор. 54, посвятив ее московским регентам, принявшим участие со своими хорами на торжественном молебне и литургии 29 ноября².

1926

12 и 14 февраля — исполнение Всенощной Рахманинова Капеллой в БЗК.

19 апреля — утвержден Музыкальной подсекцией ГУСа в звании доцента инструкторско-педагогического факультета Московской консерватории по курсу «Наука о хоре».

4 июня — концерт Капеллы под управлением Чеснокова по случаю 30-летия художественной деятельности композитора в Малом зале консерватории.

Первая половина года — написал четыре песнопения ор. 53 для солистов и смешанного хора: Шестопсалмие, «Приидите въздем на гору Господню», «Сподоби Господи», Помянник.

1927

10 февраля — распоряжение Главнауки Наркомпроса о роспуске личного состава Государственной академической хоровой капеллы. Чесноков освобожден от работы в Капелле.

Декабрь — написал песнопение «Ангел вопиаше» (№ 2) для солиста (тенора) и смешанного хора.

1928

1 июня — прекратил регентскую деятельность.

² В частности, пели церковные хоры А. В. Александрова, А. В. Свешникова.

[Юбилей Чеснокова]

*Из воспоминаний «Московские протодиаконы»**

Вспоминая православную Москву двадцатых годов, я, конечно, вспоминал не одних протодиаконов, но и хоры, и знаменитых проповедников, и архиереев, и всех новых мучеников российских, значительная часть которых была связана с Москвой. Обо всем этом скажу потом, а пока опишу юбилей знаменитого композитора и регента Павла Григорьевича Чеснокова. Было это в 1925 году, вскоре после смерти патриарха Тихона. Похороны патриарха я уже описывал в своей книге «Невидимая Россия»³: они буквально потрясли тогдашнюю православную Москву. Достаточно напомнить, что, по общему мнению, на них присутствовало больше народа, чем на похоронах Ленина, а ведь на похороны Ленина сгоняли, заставляли идти и тех, кто сам бы не пошел.

Юбилей Чеснокова, конечно, не мог вызвать сколько-нибудь похожего подъема, но и он был отпразднован по-своему грандиозно, стал как бы парадом московских хоров и протодиаконов. Согласно уже цитированному советскому «Энциклопедическому музыкальному словарю» издания 1966 года, в 1925 году исполнилось тридцатилетие со дня преподавания Чеснокова в Синодальном училище и пятилетие профессорства в Московской консерватории⁴. Возможно, что была еще какая-нибудь памятная дата, — не знаю, но помню хорошо, что празднование происходило в 1925 году. Чесноков в то время управлял хором в храме Св. Василия Кесарийского на Тверской-Ямской. Храм этот был сравнительно новый, большой, широкий, но приземистый, всегда полный молящимися, главным образом мужчинами, причиной чему был не только хор Чеснокова, но и протодиакон Михайлов⁵.

* Новый журнал. Нью-Йорк, 1974—1975. № 117—118.

³ См. фрагменты из этой книги в материалах Хроники.

⁴ Точнее — 30-летие музыкальной деятельности П. Г. Чеснокова.

⁵ Храм снесен в 1935.

Из статьи о. Сергия Голубцова «Церковная Московия в 1935—1965 годах» (Церковно-исторический вестник. 2004. № 11):

Храм св. Василия Кесарийского (1-я Тверская-Ямская, д. 11, угол Васильевской ул.), где находилась кафедра управляющего Московской епархией и где пел хор под управлением известного композитора П. Г. Чеснокова. Настоятелем храма по состоянию на 1930 год был протоиерей Иоанн Петрович Ключарев (род. в 1857). В составе причта были протоиереи: Никольский Феодосий Степанович (родился в 1870), Владиславлев Константин Владимирович (родился в 1881), Соколов Владимир Степанович (родился в 1873). Все они имели одинаковые оклады — 1400 руб. в год. Диакон храма Александр Николаевич Аблаев (или Облаев) имел оклад 867 руб. в год. Все вышеперечисленные священнослужители служили в этом храме еще и до 1914.

Обедня в день юбилея началась в десять. Я пришел в девять и с трудом пробрался только к середине храма. Дальше стояла сплошная людская стена. Главное торжество должно было произойти во время молебна, но и обедня шла торжественно. Служило несколько архиереев, пел сборный хор московских церквей в 150 человек. В маленьком, от руки написанном объявлении так и было сказано: будет служить сонм московского духовенства при московских протодиаконах, петь сборный хор московских церквей. К началу обедни стало так тесно, что трудно было поднять руку, чтобы перекреститься. Встречи архиереев я не видел за толпой, только слышал рокотание голоса Михайлова, тихо читавшего молитвы, положенные при облачении архиереев. Вспомнились строки Лескова, как елецкие купцы, пробуя протодиаконов, говорили, что у них в Ельце любят, чтобы издали ворчание доносилось. При низах Михайлова получалось не ворчание, а рокот далекого органа на глубочайших низах. Проплыли от входа к Царским вратам многокрасочные блистающие митры. Хор пел многоголосно и слитно. «Но где же сонм протодиаконов?» — думал я. Служили только местные: Михайлов и Облаев — громадный, как лунь седой старик с сильным, но старчески вибрирующим голосом. И вот, уже, наверное, после часу дня, толпу с трудом начали прорезать могучие мужи — московские протодиаконы. Отслужив в своих приходах, они спешили к молебну. Прошел — протиснулся — красавец Олерский, проплыла вдали голова Пирогова, брата двух знаменитых оперных артистов, прошел совсем близко от меня Туриков, бывший машинист паровоза, с басом, чуть напоминавшим паровозный гудок.

Причастный стих солировал Холмогоров, затем наступила короткая пауза, и из Царских врат медленно проплыли к кафедре на середину храма архиереи, протоиереи и протодиаконы. Такого Москва еще и не видела. Пара за парой, сияя облачениями и широкими шитыми орарями, вышло одиннадцать пар, двадцать два лучших московских протодиакона! Все мы забыли про усталость, про то, что стояли уже больше пяти часов. «Смотри-ка, всех собрали!» — шепнул на ухо соседу рыжеватый любитель басов. «И соборяне бывшие из Успенского тут, и Ризположенский, и Кругликов⁶...» Вдруг все стихло. На амвоне появился Остроумов, монументаль-

В храме св. Василия Кесарийского служило также духовенство из закрытых после революции церквей: из Крестовоздвиженской церкви Новиковской богадельни — Сперанский Михаил Петрович (1855 рождения), Михайловский Петр Дмитриевич (1865 рождения) с окладами в 1200 руб. Из Георгиевской церкви в Грузинах с 1929 года: священники Холмогоров Дмитрий Кузьмич (1864 рождения), Успенский Павел Васильевич (1873 рождения), Никологорский Александр Семенович (1871 рождения), с окладами в 900 руб. в год (все перечисленные — по назначению епархиального начальства).

В этом храме примерно с 1924 по 1931 служил (по выбору прихожан) в сане протодиакона будущий знаменитый народный артист Большого театра Максим Дормидонтович Михайлов.

Храм был закрыт в 1934, не позже мая, и, видимо, в том же году снесен под предлогом строительства многоэтажного дома. Число прихожан было не менее 5 тысяч взрослых, подпавших в 1930 заявление о перерегистрации храма, то есть о его сохранении.

⁶ Диакон с такой фамилией неизвестен; возможна ошибка мемуариста.

ный, как бронзовая статуя. Слова адреса юбиляру прибором прокатились над толпой так, что все вздрогнули... «Сладкопевцу, рабу Божию Павлу от православной Москвы...» Конечно, через пятьдесят лет я не помню точных слов приветствия, но помню, что голос чтеца без напряжения, играя, наполнял храм, гремел под сводами, ударялся о стены и волной откатывался от них. Нет, есть еще вековая мощь в Русском Православии, нет, еще не сломлено оно и внешне!

«От благодарного населения Москвы... лето 1925 года», — прогремел Остроумов и замолк, и снова наступила тишина. Не помню, кто из архиереев вышел на амвон с крестом, но вслед за этим показалось, что стены собора расступились, и на молящихся хлынул океан звука, нарастая с самой невообразимо низкой октавы, сильнее, шире, шире, все усиливаясь так, что и места не хватало под сводами, а храм трепетал вместе с ликующим победным многолетием: двадцать два протодиакона возглашали многолетие хором. Умолкли. Подхватили 150 человек хора, и вот снова они, а хора уже нет. Замолк? Нет, его не стало слышно.

Многолетие для двадцати двух протодиаконов написал специально в честь Чеснокова Кастальский⁷.

«Ну, а как было впереди?» — спрашивал я потом одного друга, оказавшегося прямо около духовенства. «Как было? Да думал, что на воздух поднимает, вот как было!»

Нет, такого, конечно, и Лесков не слышал. И был этот юбилей одним из последних таких торжеств перед началом самых страшных в истории христианства гонений — перед «штурмом неба», как провозгласили комсомольцы. И штурм этот, во всяком случае временно, развеял внешнюю мощь Русского Православия, разогнал хоры, разогнал протодиаконов, но главный удар пал не на них, а на проповедников, на епископат, на монашествующих, на простых верующих мирян, на новых мучеников российских. О них нужно писать отдельно.

Адрес диаконов г. Москвы

Досточтимый Павел Григорьевич!

Мы, диаконы города Москвы, с особым удовольствием приветствуем Вас с Вашим юбилейным торжеством, так как Вы первый в своих музыкальных цер-

⁷ Многолетие для протодиакона и смешанного хора (1925) (Музей имени Глинки. Ф. 36. № 121).

Из письма П. Г. Чеснокова к А. Д. Кастальскому:

Приношу Вам мою глубокую и сердечную благодарность за ту высокую честь, которую Вы оказали мне, написав Многолетие на мой скромный юбилей. Ваше прекрасное во всех отношениях сочинение чрезвычайно украсило богослужение и буквально поразило всех присутствующих. Многолетие сразу и бесспорно завоевало определенное место на много и много десятков лет. Теперь без него уже будет немислимо какое-либо выдающееся церковное торжество. Я чрезвычайно рад и благодарен Вам и лично, и за то, что Вы подарили Церкви еще один перл. Еще раз сердечно благодарю Вас, многоуважаемый Александр Дмитриевич, и прошу принять искреннее уверение в моем глубоком почтении (Музей имени Глинки. Ф. 36. № 107; черновик письма).

ковных произведениях уделили внимание и диаконскому служению. Эктении, которые Вы облекли в мелодию, указали нам, диаконам, новое понимание нашего назначения, как священнослужителей, которые должны не только точно и ясно передавать текст богослужебных молитвословий, но и соединять с передачей красоту звука и заботиться о создании своим служением в молящихся высокого духовного настроения.

Так и поняла Православная Русь Ваши произведения для диаконов, почему эти произведения и нашли такой широкий прием по всей Руси. Не без влияния, несомненно, Ваших церковно-музыкальных произведений в настоящее время в православной церковно-богослужебной практике намечается уже предъявление к нам, диаконам, новых требований со стороны верующих, требований от нас, помимо силы звука, красоты его и благоговеющей передачи богослужебных молитвословий.

Искренно желая, чтобы Ваше музыкальное творчество церковных песнопений дало бы еще много-много продолжений, мы своим московским диаконским собором с особым воодушевлением в сегодняшний Ваш праздник поем Вам, Досточтимый Павел Григорьевич, многая лета...

протодиакон Михаил Толузаков

протодиакон Александр Аблаев

протодиакон М. Холмогоров

протодиакон М. Михайлов

протодиакон К. Стельмах

протодиакон Н. Остроумов

протодиакон В. Гусев

протодиакон М. Олёрский

протодиакон М. Пирогов

протодиакон Ф. К. Долгих

диакон А. Шеховцев

диакон Туриков

диакон В. Тростин

диакон Г. Архангельский

диакон Вл. Розанов

диакон М. Надеждин

диакон А. Юпинов

диакон Успенский

диакон В. Беляев

диакон А. И. Головин

диакон И. Корольчук

*** [подпись не раскрыта]

16/29 ноября 1925 года

Из писем Владимира Вильшау к Сергею Рахманинову

Концертному исполнению Всенощной Рахманинова 12 февраля 1926 под управлением Чеснокова посвящено письмо друга Рахманинова с консерваторских лет Владимира Вильшау от 29 марта 1926:

Я в прошлом письме обещал написать тебе об успехе твоей «Всенощной» и делаю это тем охотнее, что результатом этого вечера было его повторение дня через три, и, конечно, при кассовом аншлаге. И я убежден, что желающих послушать хватило бы и дальше... Словом, переполненный зал; совершенно необычная публика! Ровно в 8 с половиной часов осветили эстраду и поплыли, не спеша, одновременно

с двух сторон устанавливаясь в несколько рядов — участники, и, к чести их сказать, вероятно, не без труда, как говорится, оделись, обулись приличествующе делу, не было того разнобоя в одежде и преобладал приблизительно один цвет — темный. По моему подсчету, хор встал в 100 человек. Появляется Чесноков! и пахло чем-то прошлым, дальним; вспомнился Институт... а пока я закопался в воспоминаниях, вдруг, неожиданно как воплем каким-то зазвучит «Аминь», да так грандиозно, что у меня спазма захватила глотку так, что я еле-еле мог справиться с собой. Звучало все великолепно: к сожалению, я в первый раз слышу это произведение, партитуры у меня не было, а потому я и не могу сказать что-либо обоснованно, кроме как то, что на меня «Всенощная» произвела громадное впечатление, и в особенности вторая половина. Голоса были подобраны великолепно, и нужно отдать справедливость Чеснокову, что он справился с задачей с честью! Публика, на этот раз «наша колония» вела себя благопристойно, ни одного звука, ни кашля, ни чиха, и свои естественные порывы одобрения оставила до антрактов. Иностранцы почти что отсутствовали. При существующей ныне музыкальной ситуации надо считать, что «Всенощная» твоя имела успех из ряда выходящий (С. В. Рахманинов. Литературное наследие. Т. 2. С. 465)⁸.

Четыре года спустя, в 1931-м, опыт исполнения в Москве рахманиновских «Колоколов» вызвал ожесточенную травлю в печати, но и в 1926 Чеснокова, так сказать, «одернули» за эту инициативу (см. в разделе «Борьба с “церковщиной”»).

Кстати, несколькими годами ранее, в 1922, Всенощная Рахманинова исполнялась в Казани, о чем известил Рахманинова А. Ф. Самойлов в письме от 10 декабря 1922:

Да, в заброшенной, далекой, еще голодной, измученной, холодной, покрытой густым снегом Казани теплится еще какая-то жизнь. Внешний вид концерта был необычный, ибо он давался в церкви. <...> Хором управлял известный в Казани регент Иван Семенович Морев. Это в высшей степени достойная личность, отличный музыкант и большой знаток хорового пения... (Там же. Т. 2. С. 443).

В том же 1922 Всенощная прозвучала в Москве под управлением Данилина.

Вообще в письмах Вильшау к Рахманинову, исключительно живых и остроумных (до сих пор в основном не опубликованных), содержится множество колоритных деталей московской жизни в 1920-х. Например, в некоторой связи с духовными концертами (письмо от 22 декабря 1922):

Живем мы день за днем по инерции без всяких перспектив. Внешне жизнь как будто даже и налаживается. Думаю, что нет ни одного свободного торгового помещения, скажу более: редко попадаете какой-либо самостоятельный магазин, а

⁸ Совершенно исключительный случай в практике советского нотоиздательства: в 1919 Музыкальный сектор Госиздата и в 1922 Государственное музыкальное издательство перепечатали со старых досок Всенощную Рахманинова.

обыкновенно в одной лавчонке двое: с одной стороны ювелир, с другой гастрономия, с одной мануфактура, с другой починка примусов и тому подобное. И все иностранцы! И, вероятно, только российские! Теперь я только понимаю, как их много. Если это пойдет и дальше так, то очень скоро вся Москва заговорит на жаргоне. Жилые помещения или квартиры наши не оклеиваются, да, пожалуй, и не стоит, потому что эти железные печки, а они везде, делают такую грязь и копать — невообразимо! Зато наружная Москва оклеивается более чем усердно афишами, анонсами и прочим добром. Клеят куда ни попадя: дом, стены, забор, даже церковь. Ассортимент такой, например: «Диспут. Что такое религия, или Есть ли Бог?» или «Христос — Бог и человек». Тут же «Свободная любовь» и «Концерт кантора Меламедова с участием Собинова» или разные раздражающие душу сеансы в кинотеатрах и прочее (Музей имени Глинки. Ф. 18. № 2836).

Прямо о церковных вопросах Вильшау пишет Рахманинову только один раз, в том же письме:

Сергей Васильевич, сейчас находится в заключении Ольга Анатольевна, уже более полгода, она попала в связи с отображением церковных ценностей при Иверской часовне, в которой она все это время служила, продавая свечи, я знаю, что ты ее не очень долюблял, но ввиду ее тяжелого положения, может, ты пришлешь ей посылочку. Я, к сожалению, не помню ее настоящего адреса, хотя и бывал в ее каморке, но я тебе его дошлю, хотя, конечно, надо посылать на имя сожительницы, Гаусман Елена Константиновна, бывшая классная дама, так как за посылкой нужно личное получение.

Ольга Анатольевна Талызина — инспектриса в Училище ордена св. Екатерины, с 1902 начальница Елисаветинского института, в которых в свое время служили и Рахманинов, и Вильшау. 2 мая 1923 последний сообщил другу: «Ольга Анатольевна на свободе; Александр Дмитриевич Самарин тоже».

Отношение Вильшау к окружающей действительности, в том числе соприкасающейся с церковной проблематикой, совершенно очевидно.

Например, из письма от 18 января 1924:

Для образчика, я сейчас заглянул в святцы и выписываю следующий ассортимент: Исидор, Соломон, Самсон, Рахиль, Гений, Марсельеза, Революция, Октябрина, это, вероятно, для граждан женского пола, и прочее, выбирай! Представь себе в некотором будущем мы уже не встретим ни Петра, ни Павла, а будет вроде того, что, а, здравствуйте, Ораниенбаум Гуталинович!.. Не правда ли, и хорошо, и красиво! (Там же. № 2842).

Или 31 июля 1931:

Если буквы в каждом алфавите в своем слагаемом образуют слова, которые сами по себе иногда представляют целые понятия, то у нас в своем преобразовании

страшно претерпевает буква «Г». Так, например, всеобъемлющее понятие связано со словом Господь, оно не существует; государь — не существует, господин — не существует, остался гражданин, и если это отойдет, то останется одно нехорошее слов на букву «Г», а именно — глаголь-анго [г...о], из которого, может быть, и будет выращиваться новая культура, поддерживаемая Госмолоком и Госбанком. Ну, в добрый час! (Там же. № 2856).

Павел Чесноков

Предисловие к 1-й части книги «Хор и управление им»

Вам, ищущим, стремящимся к познанию
искусства своего —
русские регенты, —
посвящаю я настоящий труд свой.

Приступая к писанию настоящей книги — заветной мечты многих лет, — я невольно переношусь мыслью в тот период жизни, когда началась моя регентская деятельность. Давно это было, а кажется, как будто вчера...

Молодым человеком, почти юнцом, окончил я восьмилетний курс Московского Синодального училища церковного пения, давшего мне весьма солидный багаж музыкальных знаний. Оставшись при училище в качестве преподавателя, я имел возможность слушать действительно образцовый тогда Синодальный хор; я имел возможность наблюдать за высокоталантливым регентом упомянутого хора В. С. Орловым; я имел счастье делать свои первые шаги под руководством такого просвещенного, гуманного и опытного педагога, как директор училища того времени Степан Васильевич Смоленский. Вообще судьба обставила всё так, как это редко бывает. И мысль, взволнованная, так порывисто устремившаяся туда, в молодость, смущена...

Стоило только появиться перед хором, начать с ним работу, как сразу, с необычайной ясностью, обнаружили полную неподготовленность и полное незнание того организма (хора), который надо было учить, улучшать. Чему я мог учить хор, если сам не знал, что такое хор? Как я мог вырабатывать хоровую звучность, если сам не знал, из каких элементов она состоит? И это только два, правда основных, вопроса. А сколько было других вопросов, не менее важных, перед которыми приходилось в раздумье останавливаться! С какими муками пришлось постепенно подходить к их разрешению! И это мне, получившему полное регентское воспитание и образование, мне, с отличием выпущенному молодому регенту. Что же испытывали и испытывают мои коллеги, которым судьба не улыбнулась, как мне?

Почему же так случилось, что молодой готовый музыкант оказался неготовым регентом? Что это — вина училища? Нет, оно дало мне всё, что могло дать. Не вина училища, что среди многочисленных предметов не было предмета «хор и управление им», и не вина потому, что такой науки и не было, и до сего времени нет. А вина лежит на самих регентах, до нас бывших. Только регенты, родившиеся, так сказать, в хоре, прошедшие все ступени хоровой иерархии — от малыша-певчего до зрелого, умудренного опытом руководителя, — могут и должны взяться за дело необычайной трудности и важности, ибо это их дело и только их.

Почему же они не оставили нам хотя бы что-то из своего опыта? Ведь они работали? Ведь они мучились над разрешением хоровых проблем? Ведь они находили какие-то способы достижения хорошей хоровой звучности? Почему же нет ничего? Почему пустота? Для меня это до сих пор остается загадкой... Вот причина, побудившая меня, никогда не напечатавшего хотя бы маленькой заметки, сесть за большую книгу.

После изложенного мне не придется много говорить о целях книги. Их две: 1) прийти на помощь молодому малоопытному регенту; 2) насколько позволят силы, заложить основание хоровой науки. Первая вполне понятна и естественна. Вторая, быть может, слишком смела и даже дерзка. Да, быть может. Но надо дерзать, необходимо дерзать! «Дерзайте, людие Божии!» И внемя сему повелению, после долгого и трудного пути беру перо, дабы исполнить долг свой.

Настоящий труд не есть результат отвлеченно-кабинетных измышлений. Содержание его вырабатывалось практически, вынашивалось в муках и радостях постоянной работы, выявлялось на основе художественного чувства. Регенту необходимо разрешить два основных вопроса: 1) что такое хор (как организм), с которым ему надо работать, и 2) что значит и как управлять им. А потому книга разделяется на две части: 1-я — «Хор», 2-я — «Управление им». Первая часть берет на себя задачу определить и разрешить три главных вопроса: что такое хор; каковы элементы хоровой звучности; каковы способы достижения и выработки этих элементов. Задача второй части — выявить и установить те приемы управления, которые могут стать общими, а следовательно и научными. Вот в общих чертах краткий план книги.

Считаю своим долгом выразить сердечную благодарность моему доброму другу Константину Ивановичу Кругену, принявшему на себя кропотливый и тяжелый труд по корректированию текста книги.

Здесь, казалось бы, и должно было закончиться предисловие. И действительно, 23 декабря 1917 года, когда оно было написано, больше ничего и не требовалось. По истечении же шести лет (время писания настоящего труда) стало ясно, что кое-что, и немаловажное, необходимо добавить. Всем, конечно, известно, что случилось с жизнью каждого из нас и с жизнью нашей родины за период с конца декабря 1917 года и по настоящее время. Что было тогда естественно, хорошо и нужно, теперь может показаться неестественным, нехорошим и ненужным; что тогда заслуживало только похвалы, теперь может подвергнуться порицанию. Ведь

ничего не было тогда плохого в слове «регент», в выражении «святая Русь» или «Держайте, людие Божии», в искреннем желании прийти на помощь молодому неопытному регенту, в большом количестве примеров из духовно-музыкальной литературы и прочее. А теперь? Теперь все это могло бы показаться несвоевременным, отжившим... Смутившись вначале, я все же решил оставить настоящий труд в том виде, в каком он вылился из горевшей самыми добрыми высокими желаниями души, как результат многолетних исканий и страданий.

На настоящий труд не следует смотреть как на специальное руководство для регентов. Я и в начале писания и по окончании смотрел и смотрю на этот труд шире: это есть попытка к созданию прочных первооснов хоровой науки. Доминирование же примеров из духовно-музыкальной литературы объясняется тем, что она значительно старше и богаче светской хоровой литературы, а регенты, к которым обращена книга и которым она посвящена, мои близкие, ищущие свое искусство братья, для которых очень немного писалось серьезного и основательного.

27 сентября 1923 года

Музей имени Глинки. Ф. 36 (П. Г. Чесноков). № 34. Л. 4—9.

Предисловие 1923 года является вариантом предисловия 1917-го, с той лишь разницей, что оканчивается оно размышлениями о текущем моменте, об изменениях в сознании людей, о том, как это может повлиять на творческий процесс. В дальнейшем эти опасения полностью подтвердились, и коснулись они прежде всего содержания книги. Автору пришлось отказаться от ориентации на духовно-певческую среду, естественно — убрать примеры из духовно-музыкальной литературы и анализы подобных сочинений, заменив их светскими образцами. Вторая часть книги писалась в течение нескольких лет, до полного завершения работы в декабре 1930. В 1931 Музгиз отклонил рукопись, но под воздействием ряда факторов в 1936 проявил заинтересованность в издании труда Чеснокова. Книга увидела свет в июле 1940. Она имела подзаголовок «Пособие для хоровых дирижеров». Предисловие 1923 года осталось неиспользованным автором.

Андрей Каютов

Письма о духовном пении Павлу Чеснокову*

Письмо шестое

Москва, 12 июня 1921

В прошлом году я прочитал мои письма о духовном пении к Н. М. Данилину в небольшом кружке лиц¹, среди которых находились и Вы: мои слушатели в общем согласились с теми мыслями и положениями, которые я в них высказал, но при этом М. М. Ипполитов-Иванов указал на то, что вопрос этот мною далеко не исчерпан, что его надо взять шире и глубже и что желательна его дальнейшая разработка. Насколько я с этим согласен, видно из того, что в моем пятом письме к Н. М. Данилину я указывал на то, что вопрос о службах церковных в их целом, их построение и взаимная связь между хором и причтом — это дело дальнейшего. А так как мои первые письма возбудили к себе интерес среди лиц, близко стоящих к делу церковного пения, то я и считаю возможным продолжать начатое мною дело. С моими дальнейшими письмами я обращаюсь к Вам, потому что с Вами я уже много беседовал и ранее об общей постановке духовного пения и о необходимости достижения цельности впечатления в Богослужении. <...>

Пойдемте в какую угодно большую церковь ко всенощной накануне храмового праздника или на торжественное Богослужение, которые теперь так принято устраивать в храмах московских, и везде мы увидим одну и ту же картину: полная Церковь, все ждут, что будут петь, какие номера будут исполнены, какие солисты будут выступать: все знают, какой протодиакон приглашен; все идут как на концерт. И регент прекрасно это знает и чувствует, и соответственно этому он и готовится к службе: все его стремления направлены к тому, чтобы возможно увеличить свой хор, составить программу из самых интересных номеров и обеспечить себя интересными солистами, самый же Праздник и все, что к нему относится — тропари, стихиры и проч., это все на втором плане. И что же получается: пропели «Благослови душе моя Господа» Ипполитова-Иванова, «Блажен муж» Рахманинова — все это очень интересно; затем поются стихиры, но что здесь можно показать: ведь это простой обыкновенный глас, ну, что здесь может быть интересного; но петь все-таки нужно, ибо Устав этого требует: пропели так, что никто как следует не понял и не разобрал; но это не важно, а вот сейчас будет «Свете тихий», это уже

* Музей имени Глинки. Ф. 2 (Ипполитов-Иванов). № 9593. Публикуется с сокращениями. Нумерация сохранившихся писем начинается с № 6.

¹ Первые пять писем были адресованы Н. М. Данилину и не сохранились.

опять номер, и тут можно показать свое искусство: пропели Чайковского, и все очень довольны. Если протодиакон прочитал простую ектению, то это вносит уже некоторого рода разочарование, ибо все ждали Чесноковскую. Выходит духовенство на литию и певчие поют концерт, ведь это гораздо интереснее, чем стихира Празднику; а во время литии уже все ждут, какой солист будет петь «Ныне отпускаеши». Окончилась лития, окончилась вечерня, начинается утренья, выходит тец читать Шестопсалмие: это уже совсем неинтересно, и часть народа находит, что уже довольно послушали, и уходит из церкви, а любители духовного пения выйдут на время Шестопсалмия, чтобы обменяться мнениями по поводу исполненных номеров песнопений; не правда ли: какая печальная и грустная для храма, если только в это поглубже вдуматься, картина.

Очень многие найдут, быть может, что я преувеличиваю, но мне думается, что по существу я близок к истине. Конечно, не все приходят в храм с таким настроением: приходят в храм и люди жаждущие и ищущие духовного наслаждения, духовной поддержки и утешения, а что они в действительности получают: не получают ли эти люди камень вместо хлеба и не отдыхают ли эти люди своей душой в такие моменты, как я об этом говорил в моем первом письме к Н. М. Данилину, когда запоют тропарь «Во Иордане крещающуся Тебе Господи» или «Правило веры и образ кротости». И я скажу: регент должен позаботиться не только о том, чтобы удовлетворить эстетическое чувство любителей и знатоков духовного пения, но еще более должен он позаботиться и подумать «и о всякой душе христианстей, скорбящей же и озлобленной, милости Божия и помощи требующей».

Невольно мне здесь вспоминается следующий случай. Это было в то время, когда мы с Н. М. Данилиным организовали небольшой хор в церкви при Общине Христианская Помощь². Некоторые мои знакомые пришли ко всенощной накануне Праздника Введения, так как слышали от меня, что Н. М. особенно готовится к этой всенощной. За этой всенощной, конечно, много было исполнено и концертного пения. После службы одна из моих знакомых обратилась ко мне с вопросом, что, по моему мнению, было гвоздем в этой всенощной; без малейшего сомнения я отвечал, что гвоздь заключался в стихире «Радуется небо и земля», и это было действительно так по тому настроению и по той силе, с которой была исполнена эта стихира. Но это и должно быть так и никак не иначе, если только можно искать гвоздь среди духовных песнопений, исполненных во время торжественной всенощной. Думаю, что в этом согласится со мной всякий, кто помнит эту стихи-

² Видимо, это случилось осенью 1915 года, когда Каютову удалось заинтересовать знаменитого регента Синодального хора некоей новой идеей и молодежным составом хора из учеников и учениц Московской консерватории и Музыкально-драматического училища. Хор Каютова уже существовал около года под руководством регента Н. А. Иванищева. Данилин отобрал лучших певцов и с этим небольшим хором начал участвовать в службах в храме Пимена Великого, что в Старых Воротниках. Неизвестно, удалось ли в полной мере осуществить задуманное Каютовым в этом эксперименте.

ру и кто чувствует и понимает значение этого Праздника. <...> Неужели может быть сомнение в том, что у всенощной накануне Праздника Введения Пресвятыя Богородицы во храм должна быть ярко отмечена эта стихира, положенная на торжественный пятый глас, а не «Свете тихий» или «Хвалите имя Господне» того или другого автора. А как у нас относятся к исполнению таких стихир и какое им придают значение, я уже говорил в моих предшествующих письмах, да и, право, каждый это знает.

Вы, конечно, прекрасно понимаете, что я вовсе не хочу отрицать концертное пение и выступать его противником, отнюдь нет: напротив, я нахожу, что концертное пение должно занимать в нашем Богослужении соответствующее и подобающее ему место (об этом я буду говорить дальше), я хочу только сказать, что службы наши состоят не из одного только концертного пения и нельзя все наши заботы устремлять на то, чтобы лишь исполнение концертов поставить на первый план, и притом как отдельных номеров без всякой внутренней их связи между собой и с остальными частями Богослужения, ибо этим самым прежде всего нарушается цельность впечатления, а цельность впечатления это один из способов, одно из необходимых условий, которые дают возможность проникнуть в душу человека и пробудить в ней те или другие чувства, создать в ней те или другие настроения: нарушается цельность впечатления — нарушается и настроение, а потому необходимо стремиться к тому, чтобы служба представляла собою всегда нечто цельное, последовательное и законченное.

Для наших постоянных богослужений, то есть всенощной, включающей в себя вечерню и утреню, и литургии, за весьма малыми исключениями мы не имеем вполне цельных и законченных музыкальных произведений; у нас есть лишь литургии Чайковского, Ипполитова-Иванова, Гречанинова, Рахманинова, Чеснокова, всенощные Чайковского, Рахманинова и Чеснокова, и это, кажется, все, что имеется у нас в этом отношении³. Да и то редко, редко, когда вы можете услышать эти литургии и всенощные полностью, а большею частью из них исполняются лишь отдельные номера.

Таким образом, регенту самому приходится составлять эти службы из разных отдельных номеров, связывать их между собою в одно законченное целое и совокупностью их давать определенное, нужное впечатление и настроение, которое не нарушалось бы несоответствием или непоследовательностью отдельных частей между собою; как в мозаике из отдельных камушков, он должен создать цельную, законченную картину, а для этого надо проявить и своего рода проникновенность, и своего рода самостоятельную творческую деятельность. Какая это важная, глубокая и серьезная задача.

³ На самом деле таких циклов значительно больше, в частности не упомянуты Никольский, Компанейский, Архангельский, Шведов, Панченко, Черепнин и проч. По-видимому, автор писем говорит только об удачных, с его точки зрения, циклах.

Отсюда ясно видно, насколько задачи регента шире, глубже и ответственнее, чем задачи хотя бы оперного дирижера: ему приходится иметь дело с оперой, вещь вполне законченной, в которой отдельные части внутренне уже связаны между собою; ему дано в ней все от начала до конца, ему дано вполне законченное, готовое, цельное произведение, которое он и воспроизводит, так или иначе, в зависимости от своего таланта; а регенту, прежде чем приступить к исполнению, необходимо собрать отдельные разрозненные части, объединить и сплотить их в одно целое и одухотворить это целое определенным внутренним содержанием и настроением.

До следующего письма.

Письмо седьмое

[Без даты]

Но вот, пожалуй, о чем надо поговорить и что в высшей степени важно <...> себе усвоить: хор ведь это только инструмент, а инструмент сам по себе не даст ни настроения, ни вдохновения; как бы ни был совершенен хор, но если регент не стоит на должной высоте, если он неправильно понимает свои задачи, то пение такого хора не будет духовным: хор от того, что он стал на клирос и запел духовные песнопения, еще не делается от этого духовным; духовным будет только тот хор, во главе которого стоит регент, который чувствует и понимает духовные настроения и переживания, с которыми верующие приходят в церковь, и который своим исполнением в состоянии удовлетворить их духовным потребностям и ответить на их духовные запросы.

Конечно, в данном случае всегда будет играть большую роль талант регента, его природная духовная чуткость и такт, но я нахожу, что помимо всего этого есть определенные, известные условия, соблюдение которых является обязательным для регента и несоблюдение которых всегда будет неблагоприятно отзываться на том впечатлении, которое будет производить духовный хор. <...>

Для достижения цельности впечатления все отдельные части должны быть внутренне связаны между собою; последующее должно гармонировать с предыдущим и вытекать из него; не должно в отдельных частях допускать внутренних между собою противоречий. А для этого от регента требуется известная подготовительная работа к каждой предстоящей службе.

Каждая служба имеет свое назначение, имеет свой характер, свое настроение: всенощная накануне двенадцатых праздников будет заключать в себе торжественное настроение, и совсем иное настроение будет иметь всенощная заупокойная.

Дать в этом отношении какие-нибудь вполне точные, определенные и исчерпывающие правила невозможно, да и не нужно: это надо почувствовать, надо развить в себе чувство молитвенности, духовного вкуса и меры. Но дать в этом отношении некоторые общие указания, думается, вполне возможно и нужно... <...>

Среди наших богослужений мы имеем несколько таких, которые являются вполне цельными и законченными: под такими я разумею Светлую Заутреню, великопостные богослужения, венчание, панихиду, отпевание... Все эти службы проникнуты определенным настроением, и каждый из нас испытывал на себе ту силу и яркость впечатления, которое они производят на нашу душу. Какое радостное и поистине светлое впечатление оказывает на нас Светлая Заутреня: за этим впечатлением мы идем в церковь в Пасхальную ночь, и с этим впечатлением мы возвращаемся из церкви и уносим его с собой; я, по крайней мере, чувствую, что какое-нибудь концертное пение во время этой Заутрени, хотя бы и очень красивое и музыкальное, не только ничего не прибавит к нашему настроению, а, наоборот, может его только нарушить и лишить нас того духовного подъема, который мы все переживаем во время Светлой Заутрени. Но тому, кто этого не чувствует, объяснить этого нельзя.

Но таких цельных и законченных служб у нас очень мало, мы слышим их в особенные и исключительные моменты; обыкновенные же наши богослужения представляют собою постоянную смену и духовных песнопений, и гласов, и помимо того одни и те же песнопения поются в разных концертных переложениях, и, конечно, составить нечто целое, нечто законченное из отдельных, как будто разрозненных частиц — задача очень и очень нелегкая, которая требует, повторяю, и большой работы, и большой подготовки.

Для того чтобы лучше пояснить мою мысль, я приведу несколько примеров, из которых будет видно, каким образом может нарушаться цельность Богослужения.

Мне пришлось недавно быть на одной заупокойной всенощной: пел прекрасный по своему составу хор. Во время канона было исполнено «Величит душа моя Господа» Чеснокова — соло для сопрано, красивая сама по себе вещь; исполнительницей выступила сопрано с прекрасным голосом, но какой диссонанс в смысле настроения внес этот номер в эту всенощную: настроение заупокойной всенощной было нарушено; да и действительно, как можно связать эту вещь с последующим «Бога человеком невозможно видети» обычного напева. Закончена была всенощная концертным Великим славословием — автора не знаю, — чтобы показать все искусство и богатство голосов хора.

Полагаю, что можно утвердительно сказать, что яркие, концертные номера за заупокойной всенощной не должны исполняться и что они всегда будут мешать цельности впечатления и нарушать настроение.

А вот что мне пришлось переживать не раз во время всенощной накануне Благовещения. Во время Великого поста, как известно, службы совершаются только великопостные, за исключением суббот и воскресений, но для такого великого праздника, как Благовещение, делается исключение, и всенощная накануне, если праздник приходится среди недели, служит по особому чину: начинается по-великопостному чтением, затем Великий пост уступает свое место Празднику: поются стихиры, совершается лития, полиелей, величание, поются ирмосы, а Великое славословие уже не поется, а читается, и это невольно застав-

ляет нас почувствовать, что торжество прославления Праздника окончено и что Праздник в свою очередь как бы уступает свое место Великому посту, и невольно, незаметно, может быть, для нас самих, к нам в душу вместе с чтением Великого славословия проникает уже совершенно иное настроение — настроение, соответствующее великопостному богослужению, и нашему привычно настроенному духовному уху уже слышится, что скоро будет прочитано «Господи и Владыко живота моего»; в душу нашу проникает постепенно тихое и смиренное настроение, и всякий яркий и громкий звук хора должен нарушать это настроение. Диакон начинает читать сугубую ектению, и до очевидности ясно, и душа ваша этого требует, чтобы сугубое «Господи помилуй» было пропето тихо и мягко по-великопостному, а вместо этого вы обыкновенно слышите это «Господи помилуй» поющим полными и громкими голосами, и каким диссонансом врывается вам в душу это «Господи помилуй», и как сразу нарушает оно все ваше настроение.

Все это происходит оттого, что над этим не задумываются, не останавливают на этом своего внимания, а проще сказать, этого не чувствуют, а ведь наше Богослужение от этого очень страдает, оно ведь благодаря такому несознательному отношению к делу теряет свой характер и, я бы позволил себе сказать, свой внутренний духовный смысл.

Приведу еще один пример. На литургии Василия Великого, как известно, молитвы, тайно произносимые священником, гораздо больше, и по времени они продолжительнее, чем на литургии Иоанна Златоустаго, а поэтому песнопения поются в более замедленном, протяжном темпе, дабы священник мог успеть прочитать то, что ему полагается, и это дает службе свой особый характер и настроение: здесь можно бы употребить выражение — свой стиль. Мы привыкли к этому стилю в воскресные дни Великого поста, когда служитя литургия Василия Великого. Однажды мне пришлось слышать, как одним прекрасным хором было исполнено в один из воскресных великопостных дней за литургией Василия Великого «Милость мира», «Достойно и праведно есть», «Свят, свят, свят» Соломина, а «Тебе поем» Рахманинова. Оно было пропето для того, чтобы показать прекрасный голос солистки, но ведь стиль-то этим был совершенно нарушен и вместе с тем было нарушено настроение.

За последнее время приходится слышать унисонное пение Богородичных догматиков знаменного роспева; у меня является вопрос: будет ли гармонировать с таким напевом «Свете тихий» Чайковского. Я нахожу, что нет, что если мы поем Богородичный догматик в знаменном стиле, то и другие песнопения должны быть построены в более подходящем к нему стиле, иначе цельность впечатления будет нарушена. <...>

До следующего письма.

Письмо восьмое

22 июля 1921

Высказывая мои взгляды на построение духовного пения в Богослужении, я говорю только, как видите, о всенощных и литургиях праздничных, будничных же служб я не касаюсь, ибо хор в них участия не принимает. Также я не касаюсь здесь и служб, имеющих особый характер, свое собственное, особое построение, как службы великопостные среди седмиц, венчание, панихида и т. д.

Я нахожу, что праздничные всенощные и литургии по отношению к настроению следует разделить на следующие главные, основные группы: 1. обыкновенные воскресные службы, 2. торжественные праздничные, 3. Триодь Постная и 4. Триодь Цветная. Каждая из этих групп имеет свое особенное, присущее ей настроение, имеет, я сказал бы, свой стиль. <...> Я нахожу, что эти стили можно было бы назвать: обыкновенным, торжественным, великопостным и цветным. <...>

Я нахожу, что за обыкновенными всенощными необходимо петь такие вещи, как «Блажен муж», «Свете тихий», почаще простым напевом, и вообще не следует петь слишком сложные и яркие концертные номера и этим сохранять различие между обыкновенным и концертным стилем. Вообще за обыкновенными службами не следует злоупотреблять концертным пением: истинная красота все-таки в простоте, и все слишком сложное и изукрашенное в конце концов прискучивает и даже нас начинает утомлять. Это никогда не следует забывать.

Когда мы проникнемся настроением каждого из этих стилей и почувствуем их разницу между собою, то этим самым уже в значительной степени для нас уяснится понятие о ценности Богослужения и о возможности его нарушить: для нас тогда станет вполне понятным, что не подобает во время Триоди Постной петь такие концерты, как «Воскликните Господеви», а во время Триоди Цветной — «Помышляю день страшный» или «Внуши Боже», и мы почувствуем, что подобный выбор концертов будет нарушать настроение и тем самым будет нарушена цельность Богослужения. <...>

Регент должен выработать в себе способность мысленно отойти на некоторое расстояние от построенного им Богослужения, чтобы увидеть, насколько оно проникнуто нужным настроением и насколько оно является цельным и законченным.

В каждом из четырех упомянутых стилей отдельные службы опять-таки могут строиться в разных настроениях: отдельным службам может быть придан присущий им колорит. В особенности это относится ко всенощным, в которых уже само по себе заложено большое разнообразие благодаря постоянной смене гласов, стихир, ирмосов и т. д. Во время обыкновенной всенощной поются ирмосы и «Отверзу уста моя», и «Крест начертав», и «Спасителю Богу» совершенно разные по своему настроению, и в построении той или другой всенощной все это можно учесть и принять во внимание.

У отдельных служб торжественного стиля так же точно могут быть найдены и соблюдены подходящие им характер и настроение... <...>

Говоря о цельности впечатления, которое должно на нас производить духовное пение в Богослужении в зависимости от взаимоотношения и связи между собою отдельных песнопений, нельзя обойти вопрос означения в этом деле контрастности в исполнении.

Как я уже говорил, наше внимание очень легко отвлекается. Для того чтобы поддерживать наше внимание, необходима смена впечатлений, что в музыке и достигается контрастностью: сменой силы и яркости звука, темпа. Слишком тихое и монотонное пение совершенно в одинаковой степени, как и слишком громкое и яркое, должно утомлять слушателей своим однообразием. И это надобно особенно себе запомнить и усвоить; наоборот, некоторого рода разнообразие в этом отношении будет к себе привлекать и удерживать их внимание.

Вот пример такой контрастности: во время Светлой Заутрени среди ярких и радостных мотивов вы слышите пение «Плотию уснув», исполняемое совершенно в ином настроении, и как оно сразу проникает в вашу душу, как оно ее сильно захватывает.

На литургии Василия Великого после тихо, мягко и медленно пропетого «Тебе поем» и предшествующих песнопений как особенно ярко выделяется «О Тебе радуется», в то же время сохраняя колорит этой службы.

Вообще контрастностью можно пользоваться очень широко. Приведу такой пример: за всенощной во время чтения канона, если ирмосы поются громко, пропев «Величит душа моя Господа» тихо и мягко, и наоборот, если ирмосы поются тихо, пропев «Величит» более ярко, мы несомненно увидим впечатление. Недавно я слышал, как «Господи воззвах» и «Да исправится» на первый глас были пропеты громко, а стихиры «Вечерняя наша молитвы» были пропеты тихо, и получилось прекрасное впечатление. «Блажен муж» можно пропеть и тихо, и громко, и в соответствии с этим поставить это песнопение в известного рода контрастность с последующим исполнением стихир на «Господи воззвах» или с предшествующим «Благослови душе моя Господа».

В зависимости от того, какие и как будут петься ирмосы, «Воскресение Христово видевши» может быть пропето тихо и громко, в более скором и более замедленном темпе. Я сказал: в зависимости от того, как будут петься ирмосы, потому что одни и те же ирмосы могут петься по-разному: для «Отверзу уста моя» есть переложение удивительно яркое Кастаньского и есть переложения несравненно более тихие и мягкие. Мне приходилось слышать исполнение стихир на «Господи воззвах» седьмого гласа в одном и том же хоре и громкое и тихое: и то и другое было и очень красиво, молитвенно, и главное, вполне осмысленно. Наше осмогласие дает возможность разнообразия в этом отношении до бесконечности.

Я думаю, что гораздо лучше привлекать внимание молящихся этого рода контрастностью и молитвенностью, чем исполнением ряда отдельных, ничем между собою не связанных, интересных музыкальных номеров.

При построении духовного пения в богослужениях надо еще заметить, что между всенощной и литургией мы видим очень большое различие в том отно-

шении, что так называемая переходная часть, состоящая из обиходного пения и дающая постоянную смену гласов и песнопений, как то: стихир, ирмосов и т. д., и составляющая значительную часть всенощной, в Литургии почти совершенно отсутствует. Литургия состоит из одних и тех же постоянных, неизменяющихся песнопений — меняются только тропари и прокимны. Это обуславливается различием во внутреннем содержании этих богослужений: всенощная является, если можно так выразиться, обычным богослужением, как бы подготовительным к Литургии, Литургия же есть совершение величайшего в нашей Церкви Таинства Евхаристии, во время которого все наше внимание, все наше духовное существо должны проникнуться этим великим моментом, в нем должны сосредоточиться, а для этого мы должны «всякое ныне житейское отложить попечение»; ничто лишнее, ничто постороннее не должно нас отвлекать, поэтому и песнопения должны быть одни и те же, и только допускаются различные их музыкальные переложения, которыми и возможно отметить тот или другой стиль.

Все это, с одной стороны, в значительной степени облегчает возможность достигнуть цельности впечатления в пении во время Литургии сравнительно со всенощной, но, с другой стороны, здесь перед регентом ставится и особая задача проникнуться мистичностью этого богослужения и своим пением способствовать верующим отрешиться своим духовным существом от всего земного, вознестись к небу и приблизиться к Тому, Кто превыше всего и всех нас.

<...> Считаю необходимым только еще раз повторить и напомнить, что для того, чтобы достигнуть этой цельности впечатления, регент должен мысленно провести перед собой всю составленную им службу от первого до последнего «аминь», чтобы иметь возможность видеть, насколько все избранные им напевы и то выражение, которое он намерен им придать, связаны между собою и насколько они соответствуют друг другу, и только тогда он будет в состоянии дать себе отчет, какое впечатление произведет и какое настроение даст построенная им служба.

Письмо девятое

29 июля 1921

Цельность Богослужения во всей ее полноте может быть достигнута лишь в том случае, если между причтом и хором будет взаимное понимание и единение: между ними должна царить полная гармония. Мне думается, что вряд ли в этом отношении может быть достигнут заметный результат, если между регентом и причтом не будет совместной предварительной работы, которая только и может привести их к взаимному пониманию друг друга. Эта совместная работа не должна ограничиваться только одними разговорами и обменом мнений, а должна выражаться и в участии членов причта на спевках. Все это я говорю для тех, кто хочет отрешиться от царящей у нас рутины и хочет работать.

Мне думается, что в чтение ектений и в произнесение возгласов так же, как и в пение, вполне возможно внести некоторого рода оттенки, некоторого рода художественное разнообразие, которое отнюдь не помешает молитвенному настроению. Например: диакон ектении на литии мог бы начать читать тихим голосом и затем с каждым прошением все более и более повышать голос и последнее прошение: «Еще молимся и о еже услышати Господу Богу» закончить полным голосом; также и хор должен начать «Господи помилуй» тихо и вместе с диаконом с каждым прошением петь все громче и громче и закончить с такой же силой, как и диакон. Я указываю на это только как на возможный пример по моему мнению; лично я такого характера исполнения ектении на литии не слышал, но мне представляется, что это могло бы быть и красиво в музыкальном отношении, и молитвенно, и после этого особенно выделилась бы столь проникновенная молитва: «Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концов земли».

Но, конечно, прочитать таким образом и диакон и хор могут только после того, как они это срететируют, и может быть и не один раз. Может быть, случайно это выйдет хорошо и без спевков, но это будет только случайность, на которую рассчитывать и полагаться недопустимо.

Мне очень часто и во многих церквях приходилось слышать, как диакон оканчивал прошение на литии ярко и с большой силой, а хор отвечал ему «Господи помилуй» тихо и мягко, в замедленном темпе, и никакой цельности впечатления не получалось: по крайней мере, в таких случаях чувствовалась какая-то пустота между диаконом и хором, какой-то провал.

По отношению к контрастности точно так же у регента и диакона есть обширное поле для совместной работы. Приведу такой пример: у всенощной во время чтения кафизм поставим себе пропеть и прочитать «и ныне и присно» и малую ектению как можно тише и мягче, и если диакон обладает подходящим голосом, то пусть прочтет он малую ектению в октаву; сделаем после «аминь» некоторую паузу: отверзаются Царские двери, и запоем ярко и радостно «Хвалите имя Господне», и такое же яркое впечатление, подготовленное этой контрастностью, мы вызовем в сердцах у молящихся.

Читать ектении можно и более просто, и более широко и торжественно, и хор должен отвечать обычное «Господи помилуй» в соответствии с тем, как читается ектеня. И в этом отношении совместной работой можно достигнуть очень больших результатов.

Ответить диакону: «Слава Тебе Господи, слава Тебе» при окончании чтения Евангелия в действительности не так просто, и я скажу, что очень и очень редко вы можете услышать, чтобы хор и диакон слились в этом между собою. Однажды мне пришлось слышать, как диакон, обладающий прекрасным голосом, с громадным подъемом в Богородичный праздник закончил слова Евангелия: «темже убо блажени слышащие слово Божие и хранящие е», чудный же хор во главе с талантливым регентом почувствовал эту красоту и мощь и с такой же силой ответил ему: «слава Тебе Господи, слава Тебе»; некоторое время голос диакона оставался на

фоне хора, и затем они слились вместе. Впечатление было поразительное, и самое главное, вполне молитвенное. Не раз я слышал потом этого диакона и этот хор, но подобного исполнения я не слышал. А если бы они поработали вместе с регентом на спевке, то они, может быть, достигли бы даже большего совершенства. Работая совместно, они, вне сомнения, нашли бы и другие оттенки, другие настроения для окончания чтения Евангелия.

Каждый возглас, каждое прошение в ектении представляют собою и музыкальную фразу, и здесь есть над чем поработать. Возьмем хотя бы такой возглас: «Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим»; этот возглас разные диаконы и проносят по-разному: этот возглас можно закончить и вверх и вниз, в музыкальном отношении его можно построить весьма разнообразно: приходилось слышать диаконов с очень хорошими голосами, которые именно в смысле музыкальном проносили этот возглас далеко не удовлетворительно, и их манера его произносить не находилась в соответствии с исполнением хора.

Само собой разумеется, что я говорю о том, к чему следует стремиться, но во всяком отдельном случае поневоле приходится считаться с действительностью, которая многое для нас подчас делает невозможным: что же делать, если придется петь с диаконом без слуха, о многих достижениях в таком случае не придется и говорить. <...>

Обыкновенно поют у нас на два клироса, и зачастую левый клирос бывает не так удовлетворителен и не соответствует правому, и это обстоятельство также может нарушать цельность и стройность Богослужения. В особенности это имеет значение в тех песнопениях, в которых клиросы чередуются между собою. Надо, конечно, принимать возможные меры к тому, чтобы согласовать между собою оба клироса. Мне приходилось слышать, например, как в «Богородице Дево, радуйся» деления ставились левым и правым клиросом по-разному. Один клирос пел: «Богородице Дево, радуйся / Благодатная Марие», а другой: «Богородице Дево, / радуйся». Это производит неприятное впечатление, конечно легко устранимое, стоит только обратить на это внимание.

«Ангельский собор удивися» поют большею частью на два клироса, и зачастую между ними получается уж слишком большое несоответствие. И я сказал бы: если первому клиросу трудно одному пропеть все шесть стихов, то не лучше ли было бы пропеть четыре стиха, но одному клиросу.

Я не хочу здесь затрагивать вопрос, насколько необходимо пение левого клироса и о том, что если мы заботимся, чтобы правый клирос стоял на высоте, то надо подумать и о левом клиросе, а скажу только, что я предпочел бы слышать на левом клиросе, если он не вполне удовлетворителен, пение лишь одних ектений.

Цельность и стройность Богослужения часто также нарушается поведением певцов на клиросе. Но об этом я уже говорил, а здесь только не могу не упомянуть об одном явлении, к сожалению во многих хорах имеющем место: как только начинается Шестопсалмие, как только чтец произнесет: «Аминь. Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение», — сейчас же певцы спешат покинуть

клирос и выйти из церкви и возвращаются к концу Шестопсалмия, причем даже опаздывают к пению ектении. Шестопсалмие полагается слушать с особым вниманием и с особым благоговением; певцы же, проходя среди молящихся, тем самым нарушают порядок, развлекают их внимание и невольно своим примером увлекают также некоторых выйти за ними из церкви. Какая грустная, печальная, до боли сердца обидная картина. Можно ли здесь говорить о цельности Богослужения, о молитвенном настроении.

Для цельности имеет значение не только пение, но и чтение. Но это опять-таки совершенно самостоятельный вопрос, и здесь я его касаться не буду.

До следующего письма.

Письмо десятое

9 августа 1921

Я предполагал затронуть еще отдельно вопрос о концертном пении, но мне думается, что вопрос этот уже в достаточной степени освещен в моих предыдущих письмах... <...>

...Считаю еще нужным прибавить, что с течением времени наши вкусы меняются: мы стремимся найти новые формы, новые способы удовлетворения наших растущих запросов и потребностей, и эти искания мы видим также и по отношению к концертным переложениям в духовном пении: на наших глазах многие композиторы отходят в область прошлого и уже не в состоянии нас удовлетворить. Но в этих исканиях и композиторам и регентам надо быть очень осторожными, надо помнить, что людям в главной их массе не так легко отрешиться от того, к чему они привыкли и что сделалось дорого их душе. С сугубой осторожностью в этом отношении надо подходить к особым, исключительным службам, как, например, службы Страстной седмицы. <...>

На третий год существования моего хора мы пропели «Сеченое сечется море Черное» в новом переложении; ко мне подошел один из молящихся и сказал: «Что вы хотели достигнуть, пропев это “Сеченое сечется”. Да разве, идя в церковь, это мы хотели услышать. Мы сюда шли не за новой музыкой, а за тем, что дорого нашей душе, и этого-то вы нам и не дали». И я нахожу, что он был глубоко прав. Да и действительно, если мы слышим Херувимскую песнь, которая нас не удовлетворяет, то ведь в следующее же воскресенье или в следующий праздник мы услышим другую, а хотя бы «Тебе одеющагося» Турчанинова, от которого мы привыкли получать определенное глубокое настроение, мы ведь ждем целый год, и если мы его не услышим, если новая вещь не даст нам того же настроения, то разочарование наше усугубляется тем, что нам опять придется ждать целый год, чтобы услышать то, к чему привыкла, чем дорожит и что ищет наша душа. Поэтому-то я и нахожу, что ко всяким новшествам в таких службах надо подходить с особой осторожно-

стью, и нарушение заложенной в них цельности и стройности всегда будет для нас особенно заметно и чувствительно.

* * *

Заканчивая на этом ряд моих к вам писем, я хочу сказать еще несколько слов в их заключение.

Этими моими письмами к вам и к Н. М. Данилину я вовсе не предполагал исчерпать во всей полноте вопрос о духовном пении. Я себе поставил несколько иную задачу. Мое внутреннее чувство говорит мне, что по отношению к духовному пению у нас получился некоторый уклон от надлежащего пути: мы слишком увлеклись формой в ущерб содержанию, и это лишает наши богослужения присущей им цельности, проникновенности и молитвенности, без которых они теряют свое значение. Мы слишком увлеклись концертным пением и потеряли вкус к простому обиходному пению, в котором заключается и большая, на расстоянии столетия не преходящая красота, и глубокое содержание. Вместо того чтобы сочетать концертное и простое пение и этим сочетанием еще более осмыслить и украсить наше богослужение, мы поставили во главу угла концертное и сольное пение, а простое обиходное находится у нас в пренебрежении. <...> Нет у нас единения между хором и причтом: хор у нас сам по себе, а причт сам по себе, и даже зачастую хор всякими концертными и сольными исполнениями стремится выдвинуть себя на первый план и затмить собою все остальное. <...>

У меня эти вопросы появились через несколько лет после того, как я составил свой хор, и возникли они у меня по той причине, что я не мог найти духовного удовлетворения в пении своего хора. Когда у меня появились эти вопросы и когда в них я увидел причину своей неудовлетворенности, я стал искать руководства, в котором я мог бы найти ответы и указания, которые разрешили бы мои сомнения и искания, но такого руководства я не нашел. Я стал искать руководителя, который дал бы мне определенные указания в этом отношении, но такого руководителя я также не нашел. Тогда же я узнал, что ни в семинариях, в которых готовили своих учеников быть членами причта и служителями Церкви, ни в Синодальном училище, которое готовило своих учеников быть регентами, о духовном пении, его значении в Богослужении, его воздействии на душу молящихся, о достижении в Богослужении цельности настроения ничего не говорилось, эти вопросы не поднимались, и ими как будто не интересовались. По моему мнению, это был очень крупный пробел в воспитании наших будущих служителей Церкви и регентов, и этот пробел необходимо восполнить.

Я думаю, что это вполне возможно, и вот как мне рисуется постановка этого дела: желательно образовать кружок из лиц, интересующихся духовным пением, которые решили бы посвятить несколько времени и труда изучению и разработке вопросов, связанных со значением и постановкой у нас духовного пения. Весьма желательно, чтобы в состав этого кружка вошли лица, близко стоящие к делу, то есть духовные композиторы, регенты, члены причта. <...> Одновременно с этой

кабинетной работой следовало бы повести и практическую деятельность: посещая богослужения и слушая разные хоры, обсуждая совместно положительные и отрицательные стороны их пения и постановки дела, знакомиться с исканиями и достижениями отдельных регентов, делать те или другие выводы и заключения, которые и стараться постепенно по мере возможности проводить в жизнь и давать, таким образом, делу надлежащее развитие и направление.

Мне представляется, что такая работа может быть очень плодотворной и что уже в непродолжительном времени она даст некоторые положительные результаты.

Надо положить доброе начало, а сама жизнь, наш лучший учитель, покажет нам, что надо делать дальше.

Вашего ответа, хотя бы в самых общих чертах, я жду с большим нетерпением и надеюсь, что он не заставит себя долго ждать.

Дневник хора (1924—1928)

Фрагменты*

Хор Юхова — явление необычное, нетипичное в певческом мире Москвы. Он удивительным образом сохранял на протяжении 42 лет свою самостоятельность, не состоя в подчинении Филармонии или другой концертной организации. Хор — небольшой, около 30 человек, профессиональный, мобильный, быстро разучивавший произведения, — долго сохранял и постоянный состав исполнителей.

Этот хор возник в 1900 в городе Щелкове, где жила большая семья Юховых; в нем пели четыре сестры Ивана Ивановича Юхова, другие его родственники и рабочие фабрики Рабенека. Сам дирижер окончил три класса церковно-приходской школы, но в молодости прошел профессиональную подготовку как певчий в Чудовском хоре и капелле Губонина — вместе с отцом и дедом.

С первых лет существования хор тяготел в большой степени к светскому исполнительству, однако не чуждался пения в московских церквях. Вскоре нашелся почитатель и содержатель хора — староста церкви св. Николая в Новом Ваганькове на Трех Горах Н. И. Прохоров, которого позже сменил И. Д. Сытин.

Обычно хор заключал годовой договор на обслуживание одной-двух церквей с пением по субботним, воскресным и праздничным дням. Пели в храмах Воскресения Словущего на Остоженке, Успения на Могильцах (с 1908), св. Николая в Воробине, Параскевы Пятницы в Охотном ряду, Николая Чудотворца в Хлынове (с 1925); последним местом стала церковь Спаса Преображения в Пушкирях (с 1926). Это продолжалось (с перерывами в советское время) до 1928, когда Юхов, страстно любивший церковное пение, отказался от участия хора в службах.

Выступления в светских (и духовных) концертах начались с 1908, и к 1915—1918 интенсивность концертной деятельности достигла своего апогея. Хор выступал с самостоятельными программами или приглашался в симфонические концерты с участием выдающихся отечественных дирижеров.

В конце 1918 хор Юхова вошел в состав концертного подотдела Музо Наркомпроса, в январе следующего получил название 1-го Государственного хора, а с ноября 1919, с увеличением состава вдвое, был реорганизован в Государственный хор и в таком виде просуществовал до конца 1921, когда после очередной реорганизации и соединения со 2-м Госхором П. Г. Чеснокова появился в январе 1922 новый коллектив — Государственная хоровая капелла; с ней до 1927 работал Чесноков. Хор Юхова вернулся в свои прежние рамки: на юбилейном концерте 11 апреля 1926 он выступал в количестве 31 певца.

* Музей имени Глинки. Ф. 440. № 2. Дневник начинается с л. 51. Для публикации выбраны главным образом фрагменты, имеющие отношение к духовному пению. О И. И. Юхове см. также в разделе «Дело Драмсоюза».

С редкой легкостью и быстротой реагировал хор на различные события политической и музыкальной жизни Москвы. Многочисленные выступления в самых необычных условиях — на площадях, бульварах, в садах, на заводах, на митингах, в частях Красной армии, на платформе трамвая, разъезжая по Москве с пением революционных и народных песен, выезды в клубы и города Подмосковья — все это приносило хору широкую известность и популярность. Параллельно хор осваивал новые формы исполнительства: выступления на радио у микрофона (с 1924), разовое участие в спектаклях драматических театров, записи на грампластинку.

С конца 1920-х Юхов из-за болезни ног перестал выступать в концертах, передавая управление хором своей дочери Екатерине, но оставался художественным руководителем коллектива. Последний юбилей Ивана Иванович Юхова отмечался в 1940 — 40-летие хора и дирижерской деятельности его создателя и руководителя.

1924

7 ноября. Поездка хора на октябрьские торжества до Рязани и обратно. Дано в течение суток 13 концертов-митингов.

17 ноября. Концерт в Колонном зале на VI съезде Профинтерна. Участвовали: Персимфанс, Нежданова, Собинов и др.

14 декабря. Чествование А. Т. Гречанинова со днем 30-летия композиторской деятельности. Литургия у Григория Богослова¹. Служили: Холмогоров, Стельмах, преосвященный Трифон. Исполнили всю Литургию Гречанинова. Преосвященный Трифон в своем слове отметил великую заслугу в сочинениях Александра Тихоновича и в передаче их нами, говоря, что подобного подъема в исполнениях сочинений кроме хора Юхова ни у кого нет. Мы поднесли адрес, а также Церковно-приходской совет².

В декабре 25—30-го дня я зарегистрирован в члены КУБУ как деятель искусства по 2-й категории³.

1925

Сегодня, 3 января 1925, получил удостоверение за № 5177.

26 января. Хор по заказу Музторга [издательства] МОНО разучил и исполнил на собрании Краснопресненского райкома кантату «1905—1925» на слова Безыменского, муз. Кастальского, *бесплатно*⁴.

¹ Храм находится в Богословском переулке.

² «В 1924 году, 25 октября мне исполнилось 60 лет. <...> В декабре шестидесятилетие мое было отмечено двумя церквями, где при торжественной обстановке хором под управлением талантливого регента И. И. Юхова прекрасно была исполнена моя Вторая литургия. По окончании литургии произнесено было несколько речей, на которые мне пришлось отвечать. При выходе из церкви оба раза многочисленные толпы устроили мне восторженные овации» (*Гречанинов А. Т. Моя жизнь*. Нью-Йорк, 1951. С. 131—132).

³ Комиссия по улучшению быта ученых (позже — ЦЕКУБУ).

⁴ Точное название сочинения А. Д. Кастальского — «1905 год», кантата на слова А. Безыменского для смешанного хора в сопровождении фортепиано. М.: Музторг МОНО, 1925.

15 февраля. Концерт на Радио Коминтерна⁵. Благодарности со всей С.С.С.Р.

15 марта. В храме св. Николая⁶ состоялся духовный концерт. Участвовали протодиаконы М. К. Холмогоров, М. Дормидонтович Михайлов и Вл. Дм. Прокимнов, С. Н. Стрельцов, М. М. Стрельцова. Успех художественный огромный. Материальный так себе. Пели за определенную плату, обычную. Моральный — огромный!! Более 3500 человек было в храме. Несмотря на трудности по устройству, притеснения, запрещение рекламы, все-таки народ наполнил весь храм. Была вся Москва, и даже провинция отозвалась. Изголодались по духовному пению.

29 марта. Духовный концерт на Лазаревском кладбище⁷.

5 апреля. Духовный концерт у Климента на Пятницкой.

22 апреля. Гражданская панихида в Клубе имени Либкнехта по Соколове от Краснопресненского райкома.

17 мая. Духовный концерт в Щелкове.

24 мая. Духовный концерт в Пушкине.

24 мая. Духовный концерт в Мытищах.

3 июля. Денной концерт, Сокольнический круг, светский.

18 июля. Вечерний концерт в Союзе кожевников на Кузнецком.

19 июля. Концерт в Наре Фоминской на фабрике.

26 июля. Денной концерт в саду «Парижской Коммуны» в Черкизове и вечерний на фабрике «Богатырь» в Богородском.

15 августа. Концерт на Лосинке.

16 августа. Концерт в Раменском (с исключительным успехом).

23 августа. Концерт в Малаховке.

22—23 августа. Начали годовую в Хлынове⁸.

29 августа. Концерт в Курских [Курского вокзала] мастерских.

В окт[ябре]. Октябрьские торжества. Концерт в Клубе кожевников.

29 ноября 1925 в Большом зале консерватории состоялся симфонический концерт в память 10-летия смерти С. И. Танеева. В программе «Иоанн Дамаскин» Танеева, Реквием Моцарта. Несмотря на трудности с организацией вечера, хор в 50 человек исполнил по общему отзыву всё хорошо. Дирижировал В. И. Садовников. Концерт устроен был Домом ученых ЦЕКУБУ.

Концертом 29 ноября заинтересовалась печать, и в «Известиях» от 5 декабря 1925 года появилась рецензия Сабанеева, которую помещаю на обороте сего.

Симфонический концерт Дома ученых (*вырезка из газеты*)

Концерты Дома ученых уже более трех лет составили себе отличное реноме как отличающиеся серьезной программой и отличным составом исполнителей, в числе кото-

⁵ Радиостанция имени Коминтерна, первая в Москве.

⁶ Храм святителя Николая в Старом Ваганькове.

⁷ Храм Сошествия Св. Духа.

⁸ Храм Николая Чудотворца в Хлынове (в Хлыновском тупике), где хор пел в течение года по субботам, воскресеньям и большим праздникам.

рых перебивали все лучшие артисты Москвы и других городов и даже заграничные, побывавшие в Москве. Эти концерты до сих пор имели интимный, камерный характер и протекали в маленьком помещении Дома ученых. Концерт в Большом зале консерватории, устроенный на днях, был первым опытом организации более крупных выступлений. Это надо во всяком случае приветствовать как начало. Как всегда, интересна была программа, содержащая два монументальных произведения — Реквием Моцарта и кантату «Иоанн Дамаскин» Танеева, памяти которого был посвящен концерт. Это, между прочим, был единственный отклик на десятилетие со дня смерти покойного композитора, — другие учреждения не откликнулись на эту дату...

«Иоанн Дамаскин» — раннее сочинение Танеева, однако обличает уже в композиторе крупного мастера. Нет сомнения, что эта музыка действительно производит впечатление, что это сильное произведение по замыслу и по силе внутреннего чувства. Исполнителями явились оркестровый коллектив под управлением В. Садовникова и хор Юхова. Как оркестровый ансамбль коллектив Садовникова еще недостаточно зрел, ему надо не только сыгаться, но еще, кроме того, и несколько усилить свою технику. В. Садовников как дирижер корректен и справился со сложной партитурой Танеева, но в его исполнении нет увлечения — оно педантично и тускло. Быть может, тут многое объясняется свойствами оркестра, еще недостаточно опытного. <...>

В концерте показал себя с отличной стороны давно не выступавший в концертах хор Юхова (к сожалению, несколько малочисленный для задания) и солисты: Барсова, Петрова, Богданович и Петров.

Вечерняя Москва. 1925. 2 декабря (вырезка из газеты)

Приглашение И. И. Юхова за границу

Известный руководитель хоров, И. И. Юхов, получил приглашение приехать в Америку для записей на граммофонные пластинки исполнения хора.

На это предложение дирижер ответил согласием: отъезд И. И. Юхова отложен, так как в ближайшее время хор даст ряд концертов, выявляющих эволюцию хорового творчества в России.

19 декабря. Концерт в Колонном зале для печатников. Успех исключительный.

20 декабря. «Иоанн Дамаскин» и Реквием в консерватории.

26 декабря. Реквием и «Иоанн Дамаскин».

С. Чемоданов. Концерт в Доме ученых 20 декабря (вырезка из газеты)

В концерте фигурировали два сочинения церковной музыки: Реквием Моцарта и «Иоанн Дамаскин» Танеева. Может показаться дико несообразным появление на советской концертной эстраде сочинений подобного стиля. И тем не менее можно с уверенностью сказать, что эти «церковные» сочинения значительно ближе современности, чем многие из «модных» сочинений нашего времени.

Церковной звучности исполненных сочинений наш современный слушатель уже не воспринимает — ни в музыке их, часто бодрой и светлой, ни в тексте (в одном слу-

чае латынь, а в другом хотя и русский текст, но, кстати сказать, ни одного слова нельзя было разобрать.) Для нас Реквием и «Иоанн Дамаскин» — величайшие образцы полифонии (многоголосия), с ее изощренной техникой и совершенным музыкальным рисунком, Моцарт и Танеев, хотя и разделенные целым столетием, во многом похожи друг на друга. Исполнены оба сочинения были Оперно-симфоническим коллективом и хором Юхова под общим управлением В. И. Садовникова. В исполнении естественно было немало шероховатостей (задача исключительная по трудности), однако В. Садовникову спасибо за то, что он уже не первый раз (в прошлом году «Манфред» Шумана) извлекает из архива музыки ценные жемчужины, мимо которых большинство наших дирижеров почему-то проходит мимо.

27 декабря. У Казанской Божией Матери⁹ праздновал 25-й юбилей. Всё было скромно, без помпы. Служил преосвященный Трифон, по обыкновению сказавший дивное слово, сравнив мою деятельность, как Божье благословение, с Ломоносовым, Пушкиным.

Адреса были от Церковного совета и прихожан, других прихожан и молящихся, от хора. Совет преподнес закусочный серебряный сервиз, а Трифон — икону Гермогена и просфору. О. настоятель Марков¹⁰ в своей речи меня сопричислил к сонму регентов старой школы: Багрецова, Мечева¹¹, Сахарова Петра. Народу было до 2000 человек.

По окончании службы масса находящихся совершенно незнакомых подходили и поздравляли меня и благодарили за пение.

Один прихожанин пожертвовал последние 2 ан[глийских] доллара на подношение¹².

1926

28 февраля. Концерт в Клубе Усиевича, Мясницкая 47.

Наша газета. 1926. 25 марта (*вырезка из газеты*)

Новости музыки

В текущем сезоне исполняется 25 лет художественной деятельности популярного хорового дирижера И. И. Юхова. Особенно энергичную деятельность хор И. И. Юхова проявил в 1918—1921, когда им было проведено более 300 выступлений в красноармейских частях и рабочих клубах. На юбилейном концерте 11 апреля в Колонном зале Дома Союзов будут исполнены лучшие хоровые произведения иностранных и русских композиторов.

⁹ Храм Казанской иконы Божией Матери в Старом Суцее.

¹⁰ Протоиерей Василий Михайлович Марков.

¹¹ Имеется в виду отец св. Алексия Мечёва — Алексей Иванович Мечёв, любимый регент митрополита Филарета (Дроздова).

¹² По-видимому, доллары были американские.

Программа Гос. Ак. театров № 29, 1926
Колонный зал Дома Союзов

11 апреля 1926 года, в воскресенье, состоится Юбилейный концерт И. И. Юхова (1900—1925) при участии Нар. Артиста И. М. Москвина, Заслуженного Артиста Республики В. Р. Петрова, артистов ГАБТ С. М. Калининой, К. А. Эрдели (арфа), Г. В. Жуковской, С. Н. Стрельцова, В. Д. Наумова, Анны Любошиц (виолончель), В. И. Садовникова, В. С. Попова, П. П. Ильченко (скрипка), Я. З. Мюндель (кларнет), М. Н. Ильченко, Кати Юховой (ф-п) и хора под упр. И. И. Юхова.

Начало в 1 час дня. Подробности в программах.

Двадцатипятилетний юбилей И. И. Юхова

В воскресенье, 11 апреля (в час дня), в Доме Союзов состоится юбилейный концерт И. И. Юхова. В программе: Моцарт, Шуман, Гендель, Гуно, Лист, Фор, Адам, Кастальский, Чайковский, Римский-Корсаков, Федоров, Озолин. Учреждения, желающие принять участие в чествовании юбиляра, благоволят сообщить или командировать своих представителей к часу дня в Колонный зал.

11 апреля состоялся концерт юбилейный. Как следовало и ожидать, пубрики было немного — более полтыщи. Сбор — только что оправдал расходы. Это — материальная сторона. Моральная?! Было много приветствий, речей, но главное: не было единства. С одной стороны, игнорирование тех, которые не могут примириться с «самородком», с другой — мешает духовная деятельность. Ну что же, так и быть должно. Среди многочисленных поздравлений выделились от Гос. Академии [ГАХН] в лице Званского, сказавшего великолепную речь о первых заслугах хора в начале революции и в работе Госхора, и приветствие от учеников техникума имени Рубинштейна. Телеграммы были от: ГИМНа, Кастальского, Харьковского Госхора имени Леонтовича и др., адреса от хора, любителей, и главное — доставило моральное удовлетворение от жителей Щелкова во главе с Агафоновым и Кузнецовым, поднесшими адрес и подарок.

Известия. 1926. 6 июня (*вырезка из газеты*)

Сергей Бугославский. Юбилей П. Г. Чеснокова и рабочие хоры

В Малом зале консерватории, наполненном до пределов вместимости, состоялся концерт Государственной хоровой капеллы, посвященный тридцатилетию художественной деятельности руководителя капеллы профессора П. Г. Чеснокова. В программе — хоровые сочинения юбиляра, свидетельствующие не только о большом мастерстве хорового письма, но и большом чутье композитора к стилю великорусской песни. Как всегда, хор пел, как один человек, как настоящий коллектив-художник. Чеснокова приветствовали горячо. Много было приветствий, исполнение капеллы награждалось оглушительными аплодисментами слушателей. Но праздник прошел,

и перед Госкапеллой снова стоит неотвязный вопрос о хозрасчетной базе, вернее, об отсутствии этой базы у существующей на хозрасчете капеллы. Нужно ли доказывать, что образцовый показательный хор необходим при широком развитии рабочего клубного дела? Недавно показана была работа хорошего профессионального хора в 1-м музтехникуме, хора в Музтехникуме им. Римского-Корсакова, работа хорошо тренированного хора швейников. А сколько еще таких хоров? Все они совершенствуются, требования хоров к своему исполнению растут. Где же им учиться, как не на исполнении образцовых хоров.

В 1918 году¹³ В. И. Ленин, прослушав в Колонном зале на Съезде водников хор под управлением Юхова, высказал т. М. П. Томскому пожелание, чтобы рабочие хоры в такой же мере, как хор Юхова, овладели мастерством исполнения. Конечно, два показательных хора, даже таких, как Госкапелла и хор Юхова, не обслужат всю Москву, но во всяком случае они должны быть в полной мере использованы. Материальная сторона работы хоров могла бы быть облегчена, если бы опытные хористы были прикреплены к рабочим кружкам в качестве руководителей. Этим создалась бы живая связь между рабочими и профессиональными хорами, и громадный методический опыт П. Г. Чеснокова, готовящего к печати труд по методике хорового пения, влился бы через его учеников в рабочие массы.

14—15 августа. Два концерта в Рязани прошли с огромным художественным и материальным успехом. В союз — 19 р. Церковные службы оставили потрясающее впечатление.

21/8 сентября. Рождество Пресвятой Богородицы пели на Бутырках¹⁴.

17 декабря 1926 года в 3 часа дня умер А. Д. Кастальский

19 декабря. Радиопередача памяти Кастальского.

21 декабря. Радиопередача памяти Кастальского.

26 декабря, воскресенье, 13 часов. В храме Спаса Преображения на Сретенке совершен парастас при Холмогорове и хоре Юхова.

1927

18 января. Концерт в Колонном зале для комсомольцев, памяти К. Либкнехта и Р. Люксембург.

20 января. Концерт (бесплатно) в Центральном Доме работников искусств, памяти Ленина.

21 января. Концерт на кружевной фабрике на Девичьем поле. Памяти Ленина.

21 января. На фабрике «Красная Роза» (то же).

¹³ В заметке «1918» исправлен черными чернилами на «1920», «М. П. Томскому» заштриховано зеленой тушью. Михаил Павлович Томский (Ефремов), крупный партийный деятель, покончил с собой в 1936.

¹⁴ Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Бутырской слободе.

22 января. Радио. Памяти Ленина. Концерт [в] универс[итете] восточных наук¹⁵.

7 февраля. Радио Коминтерна. Русская песня.

13 апреля. На спевку приехал знаменитый гитарист Андре Сеговия, оставшийся как от духовных, так и от светских вещей в большом восторге.

14 апреля. Сегодня получил *первый* гонорар за свои сочинения «Ангел вопиаше» и «Плотию уснув»¹⁶.

15 апреля. От Сеговия получил фотографическую карточку с следующей (по-французски) подписью в переводе: «Г-ну Юхову. Очарованный хоровыми его исполнениями, которые он дал возможность мне выслушать и которые поразили меня своей тонкостью, чистотою исполнения и богатством нюансов. Москва. А. Сеговия. 14/IV 27».

4 сентября. Я выступил в Рязани с местным хором в церкви св. Екатерины. Сделал три репетиции и провел всенощную и обедню с большим художественным успехом. Подготовку вел местный регент Дмитрий Иванович Лагов, сумевший подметить характер моего пения, чем значительно облегчил работу мою.

29 октября. Концерт в Доме Ученых на собрании воспоминаний об Октябре (X-летний юбилей).

30 октября. Парастас об умершем 27 октября И. Н. Прохорове.

1928

7 февраля. Радио М.Г.С.П.С. Красноармейская программа.

26 февраля. Торжественная вечерня на Сретенке.

26 февраля. Концерт ЦЕКУБУ в 1-м МГУ в честь Красной армии.

4 марта. Концерт в клубе совторгслужащих «Искра».

11 марта. Торжественная вечерня на Сретенке.

16 марта. Умерла великая артистка Мария Николаевна Ермолова. Сегодня пели у Большого Вознесения парастас по приглашению Малого театра. Впечатление огромное.

Яблочкина, благодаря от имени Малого театра, сказала следующее: «Ваше выступление на похоронах М. Н. Ермоловой является блестящей жемчужиной в венке ее ореола»¹⁷.

2 апреля. В Большом театре хор участвовал в концерте Реквием Моцарта при участии оркестра Большого театра, солистов: В. Р. Петрова, А. В. Богдановича, Г. В. Жуковской и Ф. С. Петровой под управлением М. М. Ипполитова-Иванова. Концерт устраивался ЦЕКУБУ. Сбор полный. Аншлаг.

14 апреля. Концерт на Высших политических курсах. На концерте были члены ВЦИК — т. Ярославский и др.

¹⁵ Правильно: Коммунистический университет трудящихся Востока, созданный в 1921.

¹⁶ См. в разделе «Дело Драмсоюза».

¹⁷ См. также в разделе Хроника.

Владимирский архиерейский хор и его деятели

Историко-мемуарный очерк

В ф. 286 (Духовная музыка) Музея имени Глинки сохранился текст, представляющий собой 60 страниц машинописи в твердом переплете (№ 1846). Он принадлежит перу, как можно заключить из самого текста, сына одного из видных священнослужителей города Владимира — протоиерея, настоятеля Дмитриевского собора Василия Васильевича Косаткина (1881—1914). Авторская дата текста — 1950, он иллюстрирован photographиями владимирских храмов, преимущественно копиями со старых изданий и открыток.

Поскольку задачей автора была история Владимирского архиерейского хора вообще, изложение начинается с глубокой древности, но становится более или менее подробным примерно с середины XIX столетия, с фигуры первого достоверно известного регента Архиерейского хора — Ивана Васильевича Благодравова (1820—1881), который получил образование в Придворной капелле (на регентском курсе); в дальнейшем он стал протоиереем, ключарем владимирского Успенского собора¹.

Самый большой и подробный раздел текста посвящен Алексею Евграфовичу Ставровскому (1848—1921), регенту и композитору, а в детстве — малолетнему певчому Синодального хора (1860—1864). Имя Ставровского неоднократно упоминается на страницах РДМ в связи с историей Синодального хора.

Именно Ставровский заложил основы певческого искусства в родном городе — те основы, которые продолжали быть действенными и после 1917, поскольку регентами во Владимире в это время были преимущественно ученики Ставровского, обычно из числа певчих Архиерейского хора.

В соответствии с этим текст очерка публикуется начиная с «эпохи Ставровского», с купюрами, касающимися собственно церковных вопросов, а также подробностей, связанных с эпохой до 1917. Выборочно приводятся программы духовных концертов под управлением Ставровского, особенно 1910-х годов — интересные и вполне современные, они показывают уровень духовно-музыкального просвещения в городе накануне 1917.

¹ В Капеллу на обучение в регентском классе Благодравов был направлен архиепископом Владимирским Иустином (Иаковом Евдокимовичем Михайловым), который занимал владимирскую кафедру с 1850 по 1863 и был, по характеристике автора очерка, тонким ценителем искусства.

Регент Архирейского хора Алексей Евграфович Ставровский

Свыше 50 лет своей жизни он отдал Владимирскому архиерейскому хору, вписав своей деятельностью самую яркую страницу в истории этого хора.

Это был, бесспорно, большой музыкальный талант, страстный любитель духовной хоровой музыки, опытнейший дирижер, способный музыкальный композитор, неутомимый педагог и горячий пропагандист любимого искусства в городе Владимире и в его крае. Скромный и приветливый в жизни, он снискал к себе почтительную любовь владимирцев и был широко известен не только среди земляков, но и среди выдающихся русских музыкальных деятелей. Его имя всегда с неизменным уважением произносилось всеми лицами, так или иначе причастными к музыкальному искусству, и состоять в его хоре, даже в качестве певчего-любителя, считалось за особую честь и радость... <...>

Алексей Евграфович родился 2 февраля 1848 в подвладимирском селе Ставрово, бывшем в старину вотчиной московского Вознесенского монастыря, к которому, кстати сказать, он при жизни хранил глубокое почтение. Отец его был причетником местного Успенского храма. В десятилетнем возрасте А. Е. был отдан во Владимирское духовное училище и, отличаясь хорошим голосом, через два года был взят «по набору» в число певчих Синодального училища² в Москве. <...>

По окончании полного курса, что совпало с переломом голоса, А. Е. в 1864 перешел в родную семинарию, уже в 3-й класс ее, и через два года стал регентом семинарского хора, а по окончании курса учителем пения во Владимирском духовном училище.

Бывший тогда на Владимирской кафедре архиепископ Антоний [Павлинский], большой любитель церковного пения и пышных служений, на место Ивана Васильевича Благодрава с 28 октября 1870 назначил А. Е. регентом своего хора, хотя до 1883 А. Е. преподавал пение в семинарии, а также давал уроки музыки. <...>

Надо думать, что под руководством столь талантливого молодого регента, как А. Е., Архиерейский хор вскоре же поднялся на еще более художественную высоту и достиг особого расцвета при преемнике Антония — архиепископе Феогносте [Лебедеве] (1878—1892). Этот высококультурный человек, страстный деятель в насаждении по епархии народного образования путем организации школ и библиотек, организатор училища для глухонемых и слепых, хранитель и восстановитель памятников древнего искусства, реставратор Успенского собора, не жалел сил и средств для величественного и благолепного служения в нем³.

Тщательная отделка всех партий в хоре и общая слаженность — яркая экспрессия в выполнении духовных песнопений, волнующая искренность и задушевность,

² Правильно — Синодального хора, а не училища, в котором в то время не было никакого упоминающегося далее «полного курса» для певчих.

³ См. подробнее об архиепископе (позже митрополите Киевском) Феогносте в Дневниках митрополита Арсения (Стадницкого).

как бы единым монолитным организмом при безупречной интонации в передаче каждого молитвенного произведения, чем неизменно отличался Архиерейский хор под руководством А. Е., — все это делало пение хора волнующе прекрасным и ярко впечатлевающим. Неудивительно, что архиепископ Феогност сразу же оценил Ставровского и полюбил его.

Тогда Архиерейский хор, увеличенный в своем составе до 60 человек, проводил богослужения не только в Успенском соборе, Рождественском монастыре, но с 1884 и в Дмитриевском соборе, когда этот замечательный памятник древности и искусства получил надлежащее внутреннее отопление и с тех пор богослужения в нем стали проводиться круглый год. И здесь по воскресным дням и в другие праздники обычно совершались «ранние» обедни, в которых пел Архиерейский хор в полном своем составе под управлением самого А. Е. Чудесное пение, при воодушевленном служении личного его друга, настоятеля собора, привлекало сюда множество любителей церковного пения, а сам хор щедро одарялся соборными старостами, так как собор был бесприходный. <...>

В стремлении поднять культуру церковного пения в губернии Андрей Николаевич Шишков⁴, секретарь местного Братства св. Александра Невского, при полном содействии в том архиепископа Феогноста, в 1883 организовал при Братстве училище церковного пения, поставив во главе его Ставровского. Ученики этого училища готовились быть руководителями хоров и учителями пения в народных училищах, и с этой целью они обучались, кроме пения, теории музыки, литургике, дирижированию и игре на скрипке. <...>

С отъездом А. Н. Шишкова и во время его деятельности в Москве дружба с ним А. Е. неизменно продолжалась. Всякий раз, наезжая туда, А. Е. останавливался у Шишкова в его квартире при Синодальном училище, знакомясь с работой хора, с его деятелями, обмениваясь с Андреем Николаевичем своими планами, раздумьями в душевных беседах, воспоминания о чем он бережно хранил до самой своей смерти, неизменно с глубоким почтением.

А сам Андрей Николаевич, в свою очередь, не раз приезжал во Владимир вместе с В. С. Орловым на открытые концерты Архиерейского хора Ставровского, гордясь им перед таким замечательным регентом, каким был сам Орлов. Он даже не раз «тянул» А. Е. на переход в Москву, предлагая ему регентство в лучших ее духовных хорах, но тот предпочитал открывавшейся перед ним блестящей будущности исполненную труда, менее известную должность в родном городе Владимире.

⁴ Об Андрее Николаевиче Шишкове, который с 1885 был управляющим Московской Синодальной типографией, с 1886 — прокурором Московской Синодальной конторы, см. подробнее в I томе РДМ, а также в IV томе — Воспоминаниях С. В. Смоленского, которого именно Шишков пригласил стать директором Синодального училища и хора. Протоиерей В. В. Косаткин издал в 1909 во Владимире работу «А. Н. Шишков. Биографический очерк».

В своем стремлении развивать в городе искусство пения и музыки, он преподавал их уроки и на курсах регентов при Братстве, и в женской гимназии, и в местном Мальцевском техническом училище.

30 декабря 1887 во Владимире возникло Общество любителей музыкального и драматического искусства, и А. Е. вместе со своим выдающимся солистом Архиерейского хора и сослуживцем в Мальцевском училище — А. П. Михайловым вступил в члены Общества. 23 февраля 1888 в Дворянском собрании при переполненном зале состоялся первый концерт этого Общества, и здесь под руководством своего «талантливого регента», как писал рецензент [местной газеты], Архиерейский хор «вполне выдержанно» исполнил Торжественную песнь россиян «Колена, россы, преклоните», музыка Турчанинова, а сам А. Е. принял участие игрой на альте в исполнении Симфонии Мендельсона. <...>

Служа этому же высокому делу, А. Е. почти каждый год выступал перед владимирцами с концертами своего Архиерейского хора.

К сожалению, эти концерты бледно отражены на страницах местных ведомостей и не о всех концертах имеются там даже уведомления, тогда как они являлись своеобразными праздниками в городе Владимире для всех любителей духовного пения, приезжавших на них даже специально из других городов и мест губернии, получая в этих концертах высокохудожественное наслаждение. <...>

В первом из известных нам концертов, состоявшемся в зале Дворянского собрания 9 марта 1886, Архиерейским хором из 57 человек было исполнено:

1. Музыка Азеева — «Что унываеши, душе моя океанная» (икос 1-й недели Великого поста),
2. Музыка Давыдова — «Обновляйся, новый Иерусалиме»,
3. Киевского роспева переложения Римского-Корсакова: «Аллилуйя», «Се Жених», «Чертог Твой»,
4. Концерт музыки Веделя «На реках Вавилонских»,
5. Музыка Голенищева — «Дай, добрый товарищ»,
6. Музыка Турчанинова — «Торжественный гимн россиян»,
7. Музыка Глинки — «Славься».

[25 марта 1891 там же: гармонизации Ставровского (тропарь греческого роспева и литийная стихира Благовещения знаменного роспева), песнопения Турчанинова, Воротникова, Н.И. Соколова, Боргнянского, Зайцева.]

9 декабря 1892 преосвященный Феогност, этот большой ценитель и покровитель своего Архиерейского хора и друг А. Е., покинул Владимир за переводом на Новгородскую епархию. Но Архиерейский хор по-прежнему величаво, торжественно исполнял свои песнопения и продолжал давать открытые концерты.

[21 февраля 1893 там же: «В молитвах неусыпающую Богородицу» свящ. И. С. Беляева, «Свете тихий» Ланге⁵.]

⁵ Г. В. Ланге — местный автор, офицер стоявшего во Владимире Сибирского полка.

1892—1904 годы проходили с пребыванием на кафедре Владимирской архиепископии владыки Сергия [Спасского] — ученого агиографа, кабинетного человека, чуждого церковно-общественной деятельности, который, не в пример архиепископу Феогносту, очень равнодушно относился и к развитию церковно-певческого искусства в епархии. <...> Автор прославившего его «Полного месящеслова Востока», архиепископ Сергей, любил пение в строго выдержанном греческом распеве, чему в полной мере и удовлетворял его Архиерейский хор под управлением такого же любителя этого распева Ставровского⁶.

[Духовные концерты:

16 марта 1907 в Городской думе: Ладыженский, Львов, Дегтярев, Кастальский, Гречанинов, Бортнянский, Чайковский, Панченко, Лисицын, Аллеманов, Давыдов.

25 марта 1908 в Дворянском собрании: Яичков, Аллеманов, Кастальский, Лисицын, Гольтисон, Ладыженский, Гречанинов, Панченко, Бортнянский.

8 марта 1909 в Городской думе: Римский-Корсаков, Смоленский, Ипполитов-Иванов, Гречанинов, Ильинский, Лисицын, Чесноков, Никольский.

21 марта 1910 (40-летие регентской деятельности Ставровского⁷):

Никольский, Архангельский, Строкин, Львов, Лисицын, Г. В. Ланге, П. А. Ставровский⁸ (сын А. Е.), И. И. Иванов, Бортнянский, Глинка.]

И в дальнейшем А. Е. продолжал из года в год давать концерты. Так, 13 марта 1911 им были исполнены: «Благослови душе моя» Гречанинова, «Свете тихий» греческого распева Чайковского, «Хвалите имя Господне» Архангельского, «От юности моя» Никольского, «Под Твою милость» Ланге, «Живый в помощи Вышняго» Бортнянского, «Чертог Твой» прот. Лисицына, «Благослови душе моя» Чесноко-

⁶ В это время вышли два сборника переложений Ставровского: «Песнопения воскресного всенощного бдения древних напевов в альтовом ключе на три голоса» и «Песнопения всенощных бдений на двенадцатые праздники древних напевов для четырехголосного смешанного хора», рекомендованные Св. Синодом как учебные пособия; в них представлены знаменный, киевский и греческий распевы.

⁷ Этот юбилей был отмечен журналом «Хоровое и регентское дело» (1910. № 10), причем подчеркивалось, что владимирский Архиерейский хор «приобрел давно уже завидную репутацию художественного исполнителя духовно-музыкальных произведений, стоящего на высоте современных требований» (С. 257).

⁸ Петр Алексеевич Ставровский (1887—1938) учился во Владимирской семинарии, с 1906 работал как регент, затем окончил Московскую консерваторию по классу специальной теории, с 1912 был учителем пения в семинарии и помощником отца по управлению хором. С 1920 работал в музыкальных театрах разных городов, в том числе в Москве.

ва, «Воскресни Боже» Турчанинова, Задостойник Пасхи Кастаньского, «Утвердися сердце мое» Бортнянского и по желанию публики «Дай, добрый товарищ, мне руку», муз. Голенищева.

26 февраля 1912 в концерте исполнялось: «Благослови душе моя» Толстякова, «Свете тихий» Ланге, «Хвалите имя Господне» Гречанинова, «Разбойника благо-разумного» Чеснокова, «Дева днесь» Львовского, «Воспойте людие» Бортнянского, духовные стихиры Ипполитова-Иванова, «День предстанет в грозной силе» из Реквиема Моцарта, Гимн Рождеству для баса Адама, «Смертию славною умерше» из оратории Генделя, «На реках Вавилонских» Гуно.

Последующий ежегодный концерт Архиерейского хора состоялся 17 марта 1913 по следующей программе.

«Се что добро», муз. Ипполитова-Иванова,
 «Блажен муж» на два хора, муз. Гречанинова,
 «Боже, в помощь мою вонми», концерт Ланге,
 «Свете тихий», муз. Кастаньского,
 «Хвалите имя Господне», муз. Никольского,
 Двухорный концерт, муз. Бортнянского,
 «Мать скорбящая» из «Stabat Mater» Россини,
 «Христос воскрес», слова Ушинского, муз. А. В. Арнольди,
 «Славьте Бога в песнях хвалебных», муз. Мачюли,
 «Господи помилуй», муз. Гречанинова,
 «Слава в вышних Богу» — Глория из Большой мессы Бетховена. <...>

В ночь на 29 января 1914 внезапно скончался ближайший и многолетний друг А. Е. — настоятель Дмитриевского собора Василий Васильевич Косаткин. <...> Оба художники в душе, глубокие ценители родного народного пения, они постоянно общались друг с другом и по работе, ежедневно встречаясь в консистории, где оба трудились — один в качестве старейшего ее члена, другой по опеке. <...> Особенно же они душевно сливались в благолепии богослужений, отправляемых Василием Васильевичем в Дмитриевском соборе в сопровождении Архиерейского хора на протяжении почти сорока лет. Эти богослужения по их художественной красоте были одним из замечательных явлений в духовной жизни Владимира того времени — 1880—1890-х годов.

Теперь невозможно описать всю красоту этих богослужений, когда и сам Дмитриевский собор уже более 40 лет стоит безмолвным и опустошенным, сохраняя лишь свои внутри забеленные известью стены и сильно пострадавшую от времени и от нерадения свою внешнюю изумительную барельефику. А потому следует посылно вспомнить здесь о том состоянии, в котором был Дмитриевский собор в 80-е и 90-е годы прошлого столетия. <...>

Вступив в Дмитриевский собор его настоятелем в 1881 году, Василий Васильевич застал его в состоянии крайней бедности и запущенности, вследствие равнодушия и неосведомленности владимирских граждан об этой исторической художе-

ственной «диковине» и из-за небрежности былых настоятелей в деле сохранения и благоуукрашения собора. <...> Путем широкого привлечения щедрых жертвователей при дружеском содействии Владимирского в то время владыки Феоноста, А. Н. Шишкова, инженера по образованию, известного художника В. В. Верещагина, неоднократно навещавшего Владимир, замечательного историка Древней Руси И. Е. Забелина, особенно же незабвенного старосты собора В. Н. Муравкина⁹, Василий Васильевич привел Дмитриевский собор в состояние, вполне достойное его благолепия. <...>

Сам Василий Васильевич служил особенно хорошо, истово, неторопливо. Обладая от природы приятным голосом тенорового тембра, читал и произносил поучения всегда вразумительно, так что приковывал к себе слушателей. Большой ценитель искусства и народной песни, он в задушевных духовных песнопениях при своем служении душевно сливался с этими песнопениями, составляя вместе с хором единую художественную гармонию. Такие служения совершались в Дмитриевском соборе в воскресенья и двенадцатые праздники, всегда за ранними обеднями, и тогда Архиерейский хор зачастую пел здесь под руководством Ставровского в полном своем составе, исполняя любимейшие его композиции, в качестве своеобразной генеральной репетиции для последующей литургии в Успенском соборе, уже при архиерейском служении.

Особенно часто исполнялись здесь духовные композиции Чайковского, Чеснокова, Львова, Ипполитова-Иванова и многих других, в том числе изумительные по своей задушевной красоте и величавой гармонии задостойники Турчанинова, в заключение же, на литургии — один из любимых А. Е. концертов Бортнянского, часто на два хора.

Небольшим, но лучшим составом хора, главным образом под управлением ближайшего помощника А. Е. — Александра Павловича Михайлова, в Дмитриевском соборе совершались ранние обедни каждый день в течение Великого поста с акафистами Богородицы и в первую неделю с мефимонами — замечательным канон «Помощник и Покровитель» музыки того же Турчанинова. <...>

Особенно торжественным величием отличалось пение Архиерейского хора в храмовый праздник собора 26 октября в честь Димитрия Солунского за всенощной и уже поздней обедней. Тогда А. Е. развешивал самый избранный репертуар хора в полном его составе, исполняя припев к акафисту на замечательные четыре роспева, вероятно своей композиции. <...>

[Концерт 9 марта 1914: Львов, Чесноков, Бортнянский, Ланге, Архангельский, Давидовский; во втором отделении — три номера из Реквиема Моцарта, два номера из «Stabat Mater» Россини, финал из библейской оратории «Потоп» Сен-Санса (аккомпаниатор — П. А. Ставровский).]

⁹ Вахх Назарович Муравкин — староста собора с 1881, предприниматель, занимавшийся цветоводством и огородничеством.

Вот еще два, уже последние, открытые концерты Архиерейского хора. 15 марта 1915 были исполнены: 1, 6 и 9-я песни канона Андрея Критского, муз. Архангельского, «Душе моя, душе моя» и «Днесь Владыка твари», муз. Григорьева, «Боже, законопреступницы», муз. Веделя, «Помышляю день страшный», муз. Архангельского, «Разбойника благоразумнаго», муз. Воротникова, «Союз любви лентием препоясашеся», муз. архиепископа Алексия (Владимирского)¹⁰, «Блажен муж бояйся Господа», муз. Бортнянского.

15 марта 1916 — по-видимому, вообще последний концерт, уже в зале Духовной семинарии, так как зал Дворянского собрания был тогда занят под госпиталь. В программе этого концерта были: «Приидите вернии» и «Благообразный Иосиф» муз. архиепископа Алексия, «Отче наш», муз. Моцарта, «Помилуй мя Господи», муз. Веделя, «Благослови душе моя», муз. Кастальского, «Блажен муж», муз. Чеснокова, «Богородице Дево», муз. Рахманинова, «Хвалите имя Господне», муз. Самсоненко, и «Обновляйся новый Иерусалиме», муз. Давидовского.

28 октября 1920, во времена пребывания на Владимирской кафедре митрополита Сергия, в дальнейшем Патриарха Московского и всея Руси, исполнилось 50-летие пребывания А. Е. регентом Архиерейского хора. Событие это было ознаменовано торжественным богослужением в Успенском соборе и состоявшимся на другой день открытым светским концертом в зале б. Дворянского собрания из хоровых и симфонических произведений под управлением Петра Алексеевича Ставровского — в честь почтенного юбиляра.

Еще бодрый, внешне величавый, с характерным лицом, обрамленным массивной бородой, с углубленным сосредоточенным выражением взоров из-под густых насупленных бровей, строгий на репетициях, молитвенно вдохновенный при управлении хором, А. Е., скромный, простой, приветливый и мудрый, увлекательный в жизни собеседник, в этот вечер своего юбилея, в тесном кругу его почитателей сердечно благодарил их, отчески обнимая за приветствия.

С того вечера не прошло и года, как 6/19 сентября 1921 А. Е., почти внезапно, скончался. 8/21 сентября в день праздника Рождества Богородицы состоялись величественные похороны почившего при переполненном соборе, при участии

¹⁰ Имеется в виду архиепископ Владимирский в 1914—1917 Алексей (Дородницын), который, по словам автора очерка, отличаясь бурным характером, категорически настаивал на исполнении за службами и в концертах собственных произведений. В воспоминаниях священномученика протоиерея Евгения Елховского подробно рассказывается также об «экзаменах» по обиходному пению, которые внезапно устраивал архиепископ для псаломщиков своей епархии, после чего следовали самые серьезные наказания (см.: Страницы истории России в летописи одного рода: Автобиографические записки четырех поколений русских священников. М., 2004).

При первой возможности в 1917 съездом местного духовенства архиепископ Алексей был «снят» с епархии за «деспотическое управление и дерзкое обращение с духовенством». Он оставил немало литературных трудов, в том числе и статьи по церковному пению, опубликованные в церковной периодике.

всех хоров Владимира под управлением старейшего регента Ф. Ф. Сорокина. Большой почитатель А. Е., викарный тогда епископ Афанасий [Сахаров]¹¹ в сопровождении многочисленных граждан и соборного хора из всех певцов Владимира проводил гроб до городского кладбища в чудный солнечный осенний день. А. Е. схоронен около южной стороны кладбищенского храма, против ее второго окна, по другую сторону дорожки. Могила обнесена железной невысокой решеткой-оградой. На могиле небольшой, массивный чугунный крест. Раньше на нем висела дощечка с надписью, теперь она сорвана, и могиле грозит утрата. Долг владимирцев — почитателей памяти А. Е. позаботиться об этой дорогой могиле и оберечь ее.

Ведь для многих поколений владимирцев Архиерейский хор, управляемый А. Е., был единственным центром музыкально-хорового искусства и своим художественным исполнением дивных произведений певческой литературы вызывал стремление к прекрасному и любовь к музыке и пению. А для своих подрастающих участников он служил прекрасной практической школой вокализма и вырастил немало талантливых певцов и даровитых регентов местных и провинциальных хоров. Эти питомцы впоследствии и сами становились усердными деятелями на пользу родного им хора. <...>

Другие участники хора

Особенно деятельными участниками Архиерейского хора были Константин Павлович Стулов и Александр Павлович Михайлов.

Местный скромный чиновник, но большой любитель и знаток церковного пения, К. П. Стулов, будучи вторым помощником регента, руководил отделением Архиерейского хора в Пятницкой церкви, Александр же Павлович, многолетний учитель местного технического Мальцевского училища по слесарному делу, был страстным певцом-художником, одним из украшений хора и как дирижер его отделения, певшего по субботам всенощные в Дмитриевском соборе, и как главным образом солист хора — прекрасный тенор. Более 40 лет он пел в нем и выступал в концертах еще с молодых лет. <...>

Кроме Михайлова хор блистал и многими другими солистами — прекрасными вокалистами и главным образом басами. Среди них: протодиакон Успенского собора, в дальнейшем священник Троицкой церкви, учитель духовного училища А. И. Вознесенский, другие два Вознесенских — семинаристы Николай и Сергей Федоровичи, из них особенно отличался красотой своего баритонального баса Сергей Федорович, впоследствии диакон в селе Струнино, к сожалению рано погибший от горловой чахотки. Хороши были баритон В. Л. Сокольский, бас

¹¹ Почти вся жизнь ныне прославленного во святых новомученика епископа Афанасия (Сахарова) оказалась связанной с Владимиром и его кафедральным собором, в котором он после многих лет ссылки и лагерей смог послужить уже в 1950-х годах.

профундо Иван Неаполитанский, из теноров — Абрам Федорович Александров, баритон-любитель В. И. Джаксон, Иван Орлов — из семинаристов и многие другие. Много было замечательных голосов мальчиков-исполатчиков, из них помнится чудесный дискант Булыгин и Коля Хлопков, ныне Николай Михайлович, выдающийся композитор Урала.

Много было в Архиерейском хоре и прекрасных женских голосов, но они появились позднее. <...>

Василий Александрович Зорин

После отъезда в Москву сына А. Е. Петра Алексеевича ближайшим помощником в деле занятия с Архиерейским хором и управления им стал В. А. Зорин, большой знаток церковного пения и великолепный регент, достойный ученик своего почтенного учителя. Еще с десятилетнего возраста он начал петь в Архиерейском хоре прекрасным своим альтом и продолжал и дальше, после перелома голоса, перешедшего в красивый баритон. Один из любимейших учеников А. Е., Василий Александрович впитал в себя глубокую любовь к родному хору, воспитал тонкий художественный вкус, приобрел обширное знание певческой литературы и огромный дирижерский опыт своего учителя. Он с честью оправдал возлагаемые на него А. Е. надежды, в дальнейшем оказав ему неоценимую помощь в пополнении сил хора и сохранении самого хора в трудные, критические годы.

Обаятельный по своим душевным качествам человек, до застенчивости скромный, простой, приветливый, вызывающий к себе душевные симпатии, Зорин сумел быстро составить смешанный хор с участием женских голосов, взамен малых певчих, уже не поступавших в хор вследствие закрытия духовного училища, основного певческого источника. Много положив сил на занятия с этим молодым хором, что не под силу уже было состарившемуся А. Е., Зорин влил этот хор в состав Архиерейского, восстановил его таким образом в полном составе певческих партий, сохранив присущую ему величавую красоту художественного исполнения.

В особую заслугу Василию Александровичу должен быть поставлен и его самоотверженный, граничащий с подвигом труд по сохранению Архиерейского хора вообще — в период продолжительного закрытия Успенского собора. Это было уже после смерти А. Е. Ставровского, и тогда Василий Александрович с хором последовательно переходил из храма в храм города Владимира: Иоанна Богослова, Пятницкая, Троицкая церкви. С честью поддерживал репертуар и исполнительские традиции хора, порой давал незабываемые по красоте музыки и исполнения песнопения. Как ярко звучали под управлением Василия Александровича, словно своеобразная вокальная симфония, Великое славословие Рютова или «Ныне отпускаеши» с двумя великолепными солистами — А. А. Королев (тенор) и Н. М. Никольский (бас) — в музыке Курбатова, и тоже баритоном, самим Василием Александровичем, — в музыке Строкина. Это песнопение, тоже соло, исполнял в хоре Зорина

даже солист Большого театра Д. Д. Головин, замечательный баритон, прибывший во Владимир на светский концерт, а утром выступивший в хоре Зорина в Пятницкой церкви¹². А как прекрасно пела П. Вихрева — солистка в дивном «Величит душа моя Господа» [Чеснокова].

Одним из ярких свидетельств больших организаторских и дирижерских способностей Зорина и высоты художественного исполнения управляемого им Архиерейского хора было служение всенощных при пении этого хора протодиаконов Розова и Холмогорова, также приезжавших во Владимир из Москвы¹³.

Вспоминается состоявшийся в 1924 концерт — своеобразное соревнование бывших тогда во Владимире духовных хоров: В. А. Зорина, В. С. Калинина, Ф. Ф. Сорокина, М. В. Карпова и Александрова, выступавших со светским репертуаром в пользу инвалидов войны. И здесь хор под управлением Зорина бесспорно заслужил пальму первенства. Хору выпало на долю исполнить последнюю всенощную в Дмитриевском соборе перед его закрытием¹⁴, а в 1929 он проводил погребальным пением старейших его деятелей К. П. Стулова и А. П. Михайлова.

Затем Зорин переехал в Москву и там с опять созданным им хором, частично из землячек-владиминок, получил уже широкую известность в духовно-певческих кругах столицы. Как опытный заслуженный регент, он доселе продолжает свое усердное, более 60 лет, служение церковно-певческому искусству¹⁵.

Василий Сергеевич Калинин

Он принял на себя управление Архиерейским хором после В. А. Зорина. Страстно любил Василий Сергеевич народную русскую песню и особенно церковные песнопения. Казалось, без конца он мог говорить о них с упоительным восторгом. Хоровой музыке Калинин посвятил и всю свою жизнь.

Владимирский уроженец, скромный служака, он выросал также под художественным влиянием Ставровского. Художник в душе, Калинин, бесспорно, обладал большими музыкальными способностями. Он проявил себя как неутомимый созидатель все новых и новых певческих хоров во Владимире. Сначала он создал духовный хор в Михайло-Архангельской церкви на Студеной горе, затем отважился создать женский девичий хор из воспитанниц Александрийского приюта, находившегося против Николо-Кремлевской церкви, и достиг поразительных результатов, превратив весь личный состав этого приюта в прекрасно, очень красочно

¹² Дмитрий Данилович Головин — баритон, солист Большого театра в 1924—1943.

¹³ О посещении Владимира московскими протодиаконами см. также в разделе «Диаконы».

¹⁴ Собор был передан музею города в 1919.

¹⁵ По справке Никиты Сергеева, Зорин с 1955 до самой своей смерти (конец 1960-х годов) регентовал на правом клиросе в храме мученика Иоанна Воина на Якиманке.

и стройно поющий коллектив, вложил в это огромный труд и всю свою любовь к церковному пению. С этим хором он года два-три пел в Борисоглебской церкви, привлекая туда множество любителей. Вновь созданный им же в 1912—1913 духовный хор с удачным подбором мужских и женских голосов еще с большим успехом пел в Пятницкой церкви.

Наряду с духовными В. С. создавал и светские хоры русской народной песни, также привлекавшие к себе много слушателей. <...>

В начале 1944, когда Успенский собор по окончании продолжительных в нем работ по художественному возобновлению был открыт для богослужения, В. С. взял Архиерейский хор под свое дирижерское управление. Много положил он труда для пополнения хора и достижения им высокого художественного исполнения, уделяя больше внимания на филигранную отделку звучаний, а не на теплоту и задушевность пения, чем отличался хор под управлением Ставровского и Зорина.

К сожалению, удивительный непоседа, переезжавший с места на место в неутомимом стремлении создавать новые хоры, Василий Сергеевич недолго был регентом Архиерейского хора. Переехав из-за болезни в Москву к детям, он и скончался там в конце 40-х годов, оставив по себе добрую память как страстный труженик в области национального певческого искусства и своими трудами упрочивший дальнейшее существование Архиерейского хора.

Помощник Калинина в его дирижерской деятельности был тоже с детских лет участник Архиерейского хора, питомец местной семинарии Дмитрий Иванович Акциденский. Он и явился преемником Калинина и в течение ряда лет неоднократно управлял хором, твердо храня, соблюдая и обновляя глубоко заложенные в него исполнительские традиции Ставровского.

Хотя в последующие годы Архиерейский хор не раз менял своих регентов, тем не менее, уже ослабевший ныне в своих силах, по-прежнему хранит эти славные традиции при усердном поддержании их пребывающим с 1944 на Владимирской кафедре архиепископом Онисимом¹⁶: истовый владимирец, душевно близкий Архиерейскому хору, в котором участвовали два старших брата Фестинатовы — семинаристы, и родственник самого Ставровского, он в своем воодушевленном служении по мере сил поддерживает художественный стиль хора, напоминая пору его былого расцвета и блистательного архиерейского богослужения в Успенском соборе.

¹⁶ Архиепископ Онисим (Фестинатов) — один из достойнейших иерархов послевоенного периода — находился на Владимирской кафедре до 1970.

Дневник старообрядческого певца

Дневник Дмитрия Пышкина — совершенно уникальный документ: как отмечает авторитетный исследователь истории Рогожской старообрядческой общины Е. М. Юхименко, документация по жизни общины в период после 1917 и до послевоенных лет вообще очень скудна, тем более отсутствуют сведения о пении в храмах Рогожского кладбища в этот период. Дневник же Пышкина — это сведения «из первых рук», точные и подробные, правда, к сожалению, относящиеся только к первой половине 1920-х годов.

Дневник был обнаружен петербургским ученым Ф. В. Панченко при описании собрания М. И. Чуванова в БАН (№ 140). Приносим Флорентине Викторовне глубокую благодарность и за указание на источник, и за неоценимую помощь, сделавшую возможной работу с ним¹. Дневником Пышкина интересовалась и другая опытная исследовательница, историк Е. А. Агеева. Ее работа с архивом Рогожского кладбища помогла выявить некоторые сведения об авторе Дневника.

Е. А. Агеевой удалось установить, что Дмитрий Пышкин происходит из знаменитой династии потомственных знатоков пения из Гуслиц: «Его предки налаживали хоровое дело среди казаков-старообрядцев Дона и Кавказа, отец Федор Степанович был одним из ведущих певцов, хорошо знал устав и на склоне лет принял иночество. Дмитрий Федорович родился в 1893 в гуслицкой деревне Яковлевской, с 1915 жил с отцом в Москве на Рогожском кладбище». Дальнейшая его судьба, к сожалению, пока неизвестна².

Агеева отмечает также, что Дневник Пышкина создает образ старообрядца, «несомненно, новой формации», открытого разным веяниям современности. Исследовательница справедливо указывает, что большое место в Дневнике занимают мысленные (и реальные тоже) диалоги Пышкина с его старшим другом, выдающимся деятелем той

¹ Первое научное описание Дневника и его оценка даны в статье Ф. В. Панченко «Рукописные памятники старообрядческой певческой культуры в собрании М. И. Чуванова» (Петербургский музыкальный архив. Вып. 2. СПб., 1998. С. 43—53). Дневник представляет собой тетрадь для записей, в которой карандашом заполнен 101 лист; записи сделаны в новой орфографии.

² Из доклада Е. А. Агеевой «Старообрядческая культура на сломе времени...», прочитанного на конференции Московского государственного университета «Маргиналии 2008: периферия культуры и границы текста». Цитаты из Дневника Дмитрия Пышкина приводятся также в статье Агеевой «Династия Богатенковых в церковно-общественной жизни Москвы» — в связи с певческой деятельностью Я. А. Богатенко (см.: Старообрядчество в России (XVII—XX века) / Сост. Е. М. Юхименко. Вып. 4. М., 2010. С. 185—233).

эпохи Яковом Алексеевичем Богатенко: это имя многократно встречается на страницах настоящей книги.

Любого читателя, сколько-нибудь знакомого с певческой культурой старообрядчества, не могут не поразить некоторые сведения, приводящиеся в Дневнике, прежде всего, конечно, о стабильном многоголосии в пении ряда московских старообрядческих общин, причем пении храмовом, а не в духовных концертах (пение духовных стихов с исоном в концертах практиковалось и до 1917; «случайные» — а не постоянные — подголоски отмечались в пении разных общин и ранее). Совершенно понятно, какие яростные споры должно было вызывать — и вызывало — это «нововведение», кстати исчезнувшее впоследствии и в целом не наблюдающееся в наши дни. Напротив, некоторые «репертуарные новинки», тоже принимавшиеся старшим поколением «в штыки», постепенно прижились, и, например, «Иргизскую» Херувимскую, многократно обсуждаемую на страницах Дневника, ныне нередко исполняют за службами в Покровском соборе Рогожского кладбища.

Очевидно также, что молодое поколение старообрядцев воспринимает и претворяет общие тенденции времени — в частности, в организации всяких «демократических» «советов» и «обществ», не очень долговечных. Эпоха сказывается даже в аббревиатурах, которыми пользуется молодая регент Пышкин.

Не менее очевидно, что в отношениях регента со старостами общины, со священством и со своими хористами проявляются те же тенденции, которые в других материалах книги отмечаются в храмах синодальной церкви. Здесь и самоуправство регента в отношении репертуара той или иной службы, и «бегание» певцов из одного хора в другой и обратно — чаще по материальным причинам, иногда и по причинам «идеологическим». В силу специфики Рогожской общины основное острие конфликта находится не столько между священством и церковными советами или священством и вольнодумствующими регентами (как, например, это наблюдается в донесениях благочинных Москвы), сколько между регентом и старостами, которые в данной общине всегда играли ведущую роль, будучи представителями самого богатого и влиятельного слоя старообрядчества. Регулировать конфликты, и в частности «перекосы» регента то в сторону многоголосия, то в сторону внезапного исполнения за службой неизвестных прихожанам песнопений, приходится епископату, особенно епископу Александру (Богатенко) как помощнику архиепископа Московского.

Епископ Александр, в миру Алексей Прокофьевич Богатенко (отец Я. А. Богатенко), родом из казанских старообрядцев, многократно упоминается на страницах разных томов РДМ: он был выдающимся знатоком пения, крупным собирателем певческих книг, вообще очень культурным человеком, другом и сотрудником С. В. Смоленского. Конечно, он вовсе не был заядлым консерватором, но он (так же, как и его сын) твердо отстаивал самобытность старообрядческого храмового пения, и прежде всего унисонной формы его исполнения. Другой основополагающей идеей епископа Александра и его сына было единство старообрядческого пения, которое могло достигаться только исполнением песнопений точно по крюкам, записанным в книгах. Они оба не принимали так называемую напевку, оба выступали за всеобщую «крюковую грамотность». Регент Пышкин тоже вводит в своем хоре обучение крюкам (из программы его курса, между прочим, следует, что большинство хористов этой грамоты не знают и поют

со слуха), тоже стремится петь точно по книге (что вызывает сопротивление прихожан, привыкших к другим «редакциям»). Однако он не против многоголосия и даже видит за ним будущее, что не может не вызывать неудовольствия епископа...

И Пышкин, и Яков Богатенко посещают духовные концерты московских хоров, некоторые их замечания по этому поводу очень интересны. Так, отзыв Пышкина о программе и качестве исполнения духовного концерта Сергея Богословского — едва ли не единственный об этом регенте и композиторе. Любопытна и реакция Богатенко на исполнение в службе хором под управлением Н. М. Данилина знаменного унисона — реакция отрицательная, притом откровенно выраженная Николаю Михайловичу.

Приносим большую благодарность Елене Михайловне Юхименко за помощь в работе над комментариями к нижеследующему тексту, в которых многократно использованы материалы ее исследований.

26 сентября 1921

Вчера на Рогожском кладбище был большой церковный день — праздновали 150-летие со дня основания кладбища (15 сентября ст. ст.). Торжественное богослужение совершал преосвященный епископ Александр³ в сослужении 12 священников и 4 диаконов. Литургию и молебен пели два соединенных хора: на правом клиросе хоры Тверской общины и профессиональный Рогожского кладбища и на левом — любительские хоры Замоскворецкой общины и Рогожского кладбища. Правый клирос пел под управлением о. диакона Евграфа⁴, а левый — Я. А. Богатенко. Обои клиросами вместе на литургии был исполнен задостойник «Чуже есте».

На правом клиросе певцов было до 25 человек, на левом — более 30, так что в исполнении песнопений принимало участие около 60 человек. Херувимская песнь была исполнена поклиросно: правым клиросом первая половина и левым — вторая. В пении литии на общей могиле, на погосте, участвовал один левый клирос⁵.

27 сентября 1921

Вот оценка исполнения песнопений, исполненных левым клиросом, которую дает сам руководивший пением клироса Я. А. Богатенко.

1. Облачение 3
2. «Благослови душе моя Господа» 4–
3. Блаженны 3
4. Ектении пред Херувимской 4

³ Епископ Рязанский и Егорьевский Александр (Богатенко), помощник архиепископа Московского Мелетия.

⁴ Возможно, речь идет о Евграфе Никитиче Новикове, который был членом Совета Общины Рогожского кладбища в 1917.

⁵ Имеется в виду общая могила жертв чумной эпидемии 1771 года на Рогожском кладбище, отмеченная обелиском.

5. Херувимская (вторая половина) 4+
6. Демественная ектения 4+
7. «Отца и Сына» 4–
8. «Достойно и праведно» 5
9. «Свят, свят» 4
10. «Поем Тя...» 4
11. «Чуже есте» (на сходе) 3–
12. Причастен («Чашу спасения») 5+
13. Ирмосы на молебне 5
14. «Чуже есте» на молебне 2
15. «Наста днесь» 3
16. «Во Чермнем мори» 3
17. «Помяни Господи» и проч. 4+
18. «Вечная память» 5+
19. «Елико в житии» 3
20. «На гору учеником» 3
21. «Чуже есте» 3
22. «Достойно» (6-го гласа) 4+

Средний бал 3, 87.

Если исключить песнопения, исполненные обоими клиросами вместе, — средний балл левого клироса равняется 4.

На 23 октября (нов. ст.) назначен «Вечер духовных песнопений» в селе Новинки Московского уезда, при участии объединенного (Замоскворецкой общины и Рогожского кладбища) старообрядческого хора под управлением Я. А. Богатенко.

Предполагаемая программа:

Церковно-богослужебное пение

1. «Множество содеянных ми зол»
2. «Пляса ученица вселукаваго диавола»
3. «О преславное чудо» (с канонархом)
4. Стихиры Пасхе
5. «Отче наш» — демественного роспева
6. Символ веры — осьмогласник

Старинные старообрядческие духовные стихи

7. Стих о Золотой книге («Грядет старец из пустыни»)
8. «Взираи с прилежанием тленный человече»
9. Плач Иосифа Прекрасного («Кому повем печаль мою»)
10. Стих о Иоасафе царевиче («Приидите вернии»)

2 октября 1921

«Пляса ученица» — соль #
 «Множество» — до
 Светилен — соль #
 «Отче наш» — до
 «Не отврати» — соль #
 «Грядет старец» — ля (#)
 «Взирай» — до #
 «Приидите вернии» — си б⁶.

* * *

17 августа (ст. ст.) Я. А. Богатенко в собрании руководителей хоров и членов Московского Епархиального совета прочитал свой доклад на тему «Грядущие перспективы (Краткий обзор развития хорового пения в старообрядческой Москве): “Женский вопрос” в церковном пении. — Результаты к текущему дню. — “Вечный вопрос”. — Пути к объединению и основные принципы. — Грядущие перспективы. — Заключение»⁷.

Председателем собрания был священник Г. Карабинович⁸, секретарями Д. Ф. Пышкин и М. С. Крутиков⁹.

По существу доклада — идея объединения напевов — выступавшие ораторы почти ничего не сказали.

15 октября 1921

Вчера, в день Покрова Пресвятыя Богородицы (престольный праздник), любительским хором была исполнена «Благообразная» Херувимская¹⁰.

⁶ Очевидно, так регент Пышкин обозначает задаваемый тон данных песнопений. Следовательно, он пользовался камертоном (хотя в дальнейшем пишет, что старообрядцы его не употребляют) либо имел абсолютный слух.

⁷ «Женский вопрос», обсуждавшийся на старообрядческих съездах и до 1917 и решаемый тогда в отрицательную сторону, разрешили события 1917 года, после которых в силу трудных обстоятельств (например, невозможности содержать мальчиков-певчих) на старообрядческие клироса пришли женщины. «Вечный вопрос» — о единстве старообрядческого пения (см. в предисловии к публикации).

⁸ Священник Григорий Максимович Карабинович (1860—1942), автор двух учебников для старообрядческих школ, редактор старообрядческого журнала «Златоструй» (1911—1912), издатель журнала «Старообрядческий пастырь» (см.: Юхименко Е. М. Карабинович Григорий Максимович // Православная энциклопедия. Т. 30. М., 2012. С. 615—616).

⁹ Вполне возможно, сын Степана Крутикова, крестьянина деревни Заполицы Русневской волости Богородского уезда, писца рукописных книг. С. И. Крутиков обладал хорошим тенором, служил певчим при храмах Рогожского кладбища и был «знатоком пения» (см.: Агеева Е. А. Гуслицкие певцы и книгописцы в пору расцвета XIX — начала XX века и гонений 1930-х гг. // Историко-краеведческих альманах «Гуслицы». Ильинский Погост, 2010. Вып. 8. С. 144).

¹⁰ То есть Херувимская на напев стихиры Великого Пятка «Благообразный Иосиф».

После обеда и молебна было угощение — обед.

«Благообразная» Херувимская нашим хором вчера была исполнена во второй раз. Вчера пели с благословением отца Петра Никифорова¹¹ и разрешением церковного старосты С. В. Мокина. Тональность: первая половина — «соль», вторая — «соль-диез». (Вообще говоря, вчера пели вполне удовлетворительно.)

В первый раз эта Херувимская была исполнена нашим хором по благословию отца Стефана Коновалова¹² и с разрешения церковного старосты.

Конечно, как и всегда при выходе из рамок традиций и обычаев, и на этот раз не обошлось вполне мирно. На одном поминальном обеде на отца Стефана, по его словам, обрушились несколько противников такого новшества, как пение Херувимской в не слышанной ими мелодии. Это понятно, ведь его противниками были Новиковы (с Апухтинки¹³), известные ревнители старообрядчества. По словам отца Стефана, он сказал, что ничего предосудительного для старообрядчества в пении *этой* Херувимской он не видит, и если, допуская пение этой Херувимской, он виноват, то и готов нести ответ пред епископом. Присутствовавший при разговоре владыка Александр промолчал. Были, конечно, и еще противники пения этой Херувимской, но сколько их?

Большинство же молящихся как будто остались довольны, а церковный староста, по его словам, даже прослезился.

В самом деле, почему мы, старообрядцы, должны держаться только тех мелодий, какие у нас существуют уже давно? Почему для нас должны быть неприемлемы новые мелодии?

Выступление Я. А. Богатенко с его идеей объединения напевов я приветствую, но только [как] подход к вопросу с чисто практической стороны — большего удобства при совместном пении нескольких хоров. Внутренняя же сторона значения такого объединения напевов в докладе Богатенко совершенно отсутствует, да ее и не может быть! Разве для молящегося важно, что настроение в молитве он получает от того или иного варианта напева или от той или иной мелодии? Разве для него

¹¹ Священник Петр Николаевич Никифоров (1869—1941) служил на Рогожском кладбище с 1910 по 1933 и был, кроме того, видным коллекционером рукописей и документов.

¹² Священник Стефан Георгиевич Коновалов (1874—?) служил на Рогожском кладбище с 1907.

¹³ Новиковы — потомственные прихожане храмов Рогожского кладбища. Скорее всего, имеются в виду Иван Иванович-младший (1874—1937) и Аркадий Иванович (1879—1942), сыновья Ивана Ивановича Новикова, владельца мастерской по изготовлению надгробных памятников и крестов на Семеновской улице в Москве.

На средства семьи Новиковых был возведен величественный храм Успения Пресвятой Богородицы, что на Апухтинке, по Новоселенскому переулку (современный адрес практически уничтоженного здания — Марксистская ул., 9). Храм был освящен в 1908, отличался особой красотой и стильностью убранства, закрыт в 1935. В 1937 И. И. и А. И. Новиковы были репрессированы (см.: *Анисимова В. Н.* Новиковы в Москве. Апухтинка // Старообрядчество. История. Культура. Современность. В 2 кн. Кн. I. М., 2007. С. 313—319).

важно, что определенное настроение ему дает мелодия древняя, а не новая? Нет и нет!!! Важен самый факт вызова настроения и его поддержания, происхождение же мелодии в этом не должно играть никакой роли.

Вот почему, мне кажется, идея Я. А. Богатенко нежизненна и скоро умрет сама по себе (факт этот уже подтверждают).

Первое наше исполнение «Благообразной» Херувимской как раз за несколько дней до чтения Я. А. Богатенко его доклада «Грядущие перспективы», конечно, не могло быть в контакте с его идеей. Не одобряя моего поступка («Благообразная» Херувимская была исполнена по моей инициативе и под моим руководством), он, кроме личного разговора на эту тему, предложил мне прочитать статью «О новых напевах» в № 4—5 «Церковного пения»¹⁴ за 1909 год, где автор (Е. [Т.] Поспелов) говорит и о происхождении Херувимской так называемого «Иргизского напева» (близко сходной с «Блаженной»). Из статьи видно, что помещенная в «Азбуке и уроках крюкового пения» о. Ф. Борнукова (витебский миссионер никонианской церкви) Херувимская песнь, весьма сходная с Херувимской «Иргизского напева», есть подобен «Милость мира» киевского роспева, поемый на литургии Василия Великого. Перевод сей Херувимской на крюки сделан ради красоты напева, по примеру переводов Херувимской на «Благообразный Иосиф» «болгарского напева». «Источником же происхождения Херувимской песни “Иргизского” напева служит г. Кронштадт, а “сочинителем” (переделывателем)¹⁵ является служащий кондуктором на одном из миноносцев балтийской эскадры г. В., который дал ее в храм в г. Кронштадте, из Кронштадта она попала в Петербург, из Петербурга диаконом о. Х. М. прислана в Ригу дьячку Е., г. Е-н из усердия немного переделал ее по своему вкусу и передал в Харьков и Одессу, а также и в с. Дулево Владимирской губернии и с. Кузнецово Тверской губернии. Из тех же местностей, вероятно, также стали передавать и в другие города необъятной Руси».

Таким образом, несколько мелодий, близко сходных между собою и как бы представляющих из себя варианты, носят названия разных напевов («Иргизский», «Благообразный»), причем одна из них есть подобен «Милость мира» киевского роспева. Кроме того, есть переводы Херувимской на «Благообразный Иосиф» болгарского напева в «Сборнике церковных песнопений», изданном Московским Городским Общественным Управлением в память 900-летия Крещения Руси (нотопиный), помещены мелодии («Достойно и праведно» и другие), близко подходящие к указанным выше мелодиям Херувимской с указанием «Благообразного» роспева.

Все это заставляет думать, не являются ли скорее эти мелодии с мотивом

¹⁴ Старообрядческий журнал, выходивший в Киеве в течение 1909 года.

¹⁵ «Хотя “сочинитель” и уверяет, что этот напев существует издавна в иргизских монастырях, но это едва ли будет правдиво» (Примеч. Е. Поспелова).

отражением одного из гласов *болгарского* распева, подчиненного, по свидетельству историков, законам осмогласия, и справедливо ли известная старообрядчеству мелодия Херувимской с мотивами

носит название «Болгарской»?

По свидетельству покойного архиепископа Иоанна¹⁶, Херувимская, именуемая «Болгарская», заимствована и частью сокращена И. А. Фортовым¹⁷ из Обихода времен пред Собором 1667 года, но там она *не имеет этого названия* («Церковное пение» 1909, № 11, стр. 308).

По свидетельству свящ. А. А. Игнатьева, «болгарский распев как в Юго-Западной, так и в Великой Руси появился не на знаменной, а на квадратно-линейной системе» (Богослужбное пение Православной Русской Церкви с конца XVI до начала XVIII века [По крюковым и нотнойлинейным певчим рукописям Соловецкой библиотеки]. Казань, 1916, стр. 448).

Из сказанного явствует, что и «Болгарская» Херувимская является переводом на крюки с линейных нот или же есть продукт свободного творчества отдельного лица, положившего это произведение прямо на крюки. Так или иначе — суть дела не меняется, и «ревнители» старообрядчества, терпимо, а иногда даже любовно относящиеся к «Болгарской» Херувимской, должны признать, что приемлемость или неприемлемость той или иной мелодии церковного песнопения лежит не в источнике ее происхождения и не в личности ее автора, а в ее самоценности.

Исходя из этого взгляда и имея сильное желание решить вопрос о приемлемости новых напевов для старообрядчества, я подготовил к заседанию руководителей хоров по этому вопросу свои тезисы, но на обсуждение их не внес, так как увидел, что одной из идей доклада Я. А. Богатенко, доклада, содержащего в себе много и положительных сторон, будет нанесен ущерб, тем более что эта идея — объединение напевов — умрет, мне кажется, сама собой.

Мои тезисы

1. «Типы древних певческих книг, встречаемых и в Соловецкой библиотеке, следующие: <...> 4) «Сборники пений», то есть сборники различных богослужбных песнопений, имеющих почему-либо различные мелодии на одни и те же слова священного текста, например «Херувимских», «Милость мира» и т. д. В этих сборниках без всякого порядка записана масса всевозможных местных распевов, путевых

¹⁶ Архиепископ Московский и всея России Иоанн (Картушин; 1837—1915).

¹⁷ Иван Аверьянович Фортов (1842—1907), знаменитый старообрядческий регент и распевщик, руководитель Морозовского хора, составитель Круга церковного древнего знаменного пения.

и демественных. В настоящую пору указанная певчая книга вышла из употребления...» (А. А. Игнатъев, стр. 21 и 22).

II. «Художники-головщики (Иргизских монастырей) переложили на крюковые ноты большую часть церковных песнопений...» (Н. С. Соколов, Саратов, 1888, стр. 248 и 249)¹⁸.

III. Ценность всякого художественного произведения вообще и мелодии в частности определяется, главным образом, по производимому им впечатлению, независимо от личности автора произведения.

IV. Песнопение, имеющее одну (для исполнения в унисон) строго в церковном духе мелодию, построенную в принятой в старообрядческом церковном пении гамме (лестнице), — приемлемо для исполнения в наших богослужениях.

V. Святые отцы Церкви не гнушались культурой языческого мира, раз видели, что восприятие хороших сторон этой культуры может принести Церкви пользу.

Я. А. Богатенко взял эти тезисы себе для ознакомления. После, на мой вопрос, читал ли он их? — ответил, что читал и во многом согласен (!), но... только это надо делать не сразу, а постепенно (!!), и что неудобно пользоваться переживаемым временем для проведения в жизнь таких идей (!!!).

П. И. Власов¹⁹ вполне прав, говоря, что нелогично бороться тогда, когда оппозиция более сильна.

18 октября 1921

В воскресенье, 9 октября, за литургией, на целовании Креста, нами был исполнен осьмогласник — Символ Веры, исполненный нами впервые (по благословению о. Стефана Коновалова).

О происхождении этого осьмогласника — в следующий раз.

* * *

Во втором совещании руководителей хоров, состоявшемся 6 сентября (нов. ст.), обсуждался вопрос об употреблении «вторы». В прениях приняли участие: М. И. Сугробов (Тихвинская община), И. П. Трегубов²⁰ (Община Рогожского кладбища), Я. А. Богатенко (Замоскворецкая община) и свящ. И. Филиппов (Баулинская община).

Мною были выставлены следующие тезисы:

1. Употребление в старообрядческом церковном пении «вторы», то есть двухголосия в проходящих нотах, не является новостью или новшеством.

¹⁸ Цитируется работа историка Николая Степановича Соколова «Раскол в Саратовском крае. Опыт исследования по неизданным материалам» (Саратов, 1888).

¹⁹ Петр Иванович Власов — старообрядческий книжник и историк.

²⁰ Иван Петрович Трегубов — московский купец, потомственный почетный гражданин, прихожанин храмов Рогожского кладбища, попечитель Рогожской общины (1906—1918), блюститель ее благотворительных учреждений (1916—1918), позже товарищ председателя общины.

2. «Втора», как явление естественное и как элемент, вносящий освежающее впечатление на слушателей, допустима постольку, поскольку она не нарушает унисонной цельности основных крюковых мелодий.

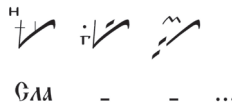
3. Употреблявшиеся в прежнее время так называемые подголоски, то есть «втора» отдельных участников хора, с развитием культурных завоеваний в области пения уступают свое место «вторе», носящей характер организованности, то есть «вторе» в определенных местах мелодии, по предварительному указанию руководителя хора.

Против моих положений, что «втора» вносит освежающее впечатление и что она должна носить до известной степени организованный характер, выступил Богатенко, по второму пункту указывавший, что систематизированная «втора» влечет за собою опасность уклонения в многоголосие.

Моим ответом на такое указание было, что *при употреблении «вторы» по произволу отдельных участников пения может получиться нечто весьма близкое к трехголосию*, вот почему «втора» должна быть организованной — за ответственностью руководителя хора.

По обмену мнениями была принята следующая резолюция, предложенная Я. А. Богатенко:

«Втора», то есть естественное разделение высоких и низких голосов на проходящих коротких звуках, например в запеве «Слава в вышних Богу»:

— приемлема, как естественное проявление природной разницы голосов — ввиду ее практического применения в большинстве старообрядческих приходов; заключительные же звуки и, вообще, длительные — недопустимы, так как ведут к организованному партесному пению».

Но уже теперь я имею основания сказать, что резолюция — одно, а требования времени — другое.

Примеры — после.

* * *

Желательно узнать, откуда взято «Христос Воскресе» «греческого» роспева с греческим текстом.

25 октября 1921

В воскресенье, 10/23 октября, в селе Новинки Московской губернии состоялся «Старообрядческий вечер духовных песнопений при участии соединенного старообрядческого хора под управлением Я. А. Богатенко».

Исполнено было:

1-е отделение

«Царю небесный»

«Егда славнии ученицы»

«Пяса ученица»

«Яко о душевнем»

«Светилен Чудному Кресту»

«О преславное чудо» (с канонархом Л. Зубовой)

2-е отделение

«Днесь благодать Св. Духа»

«Не отврати лица» (демественный распев)

«Пасха» и «Христос анести»

«Многолетие» (диакон С. К. Арсеньев)

«Символ веры» (осьмогласник)

3-е отделение

«Кому повем» (возглашение — Зубова)

«Взираи с прилежанием»

«Грядет старец»

«О коль наше»

«Приидите вернии...»

Участвовали:

Хоры Рогожского кладбища, Замоскворецкой общины, Балашовской общины.

Диакон С. К. Арсеньев.

Концерт был устроен в местной школе.

Слушателей было до [пропуск в рукописи].

Акустические условия — скверные.

Пред концертом руководителем хора был сделан краткий доклад о старообрядческом церковно-богослужебном и домашнем пении.

В исполнении были и дефекты, но, в общем, концерт прошел как будто успешно, причем «Христос воскрес» по-гречески (текст и распев) было исполнено, по желанию слушателей, трижды.

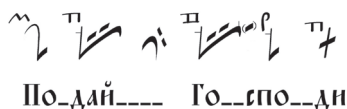
Кстати, Я. А. Богатенко в своем докладе указал, что «Христос анести» имеется в крюковой книге и что употребление этого напева в настоящее время в Палестине подтверждает епископ Александр, путешествовавший по Палестине в 1914 году.

28 октября 1921

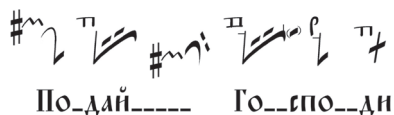
Случается, что человек, привыкший делать свое дело и считающий, что это дело он делает вполне правильно, — вдруг как бы пробуждается и видит, что дело-то делается не совсем так, как нужно.

В прошлое воскресенье за литургией у меня «разулись» глаза, и я увидел, что песнопение «Подай Господи» нами, да и всеми, исполняется не так, как написано в книге:

Написано:

поется:

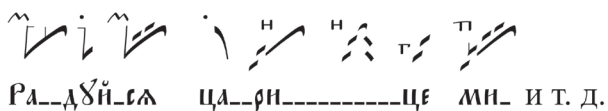
а вернее (в тональном отношении):

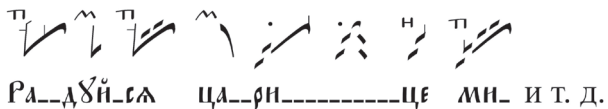
Странное явление! Певцы — профессионалы, поющие десятки лет (а многие из них считают себя знатоками крюкового пения), по каким-то непонятным причинам не замечают того, что они, глядя в книгу, поют не так, как написано в ней.

Приведенный мною пример — не единичный.

Помню, как прежде, глядя в книгу, пели:

Написано же:

Если первый пример может быть, хотя с большой натяжкой, объяснен бессознательным употреблением в крюковом пении знаков повышения и понижения (# и b), то второй пример едва ли может быть объяснен иначе, как отсутствием в общей массе старообрядческих певцов критического отношения в исполняемому ими делу.

29 октября 1921

Кроме неправильного исполнения «Подай Господи» (употребление полутона вместо целого тона), рассматривая следующие исполняемые после Херувимской

песнопения, я «открыл», что, заканчивая «Тебе Господи» звуком «фа», мы далее «Аминь», начинающийся по-нашему с «ут» [«до»], запеваем в тон, равный по высоте конечному звуку «Тебе Господи», то есть «фа». Это объясняется следующим. Мы, старообрядцы, избегая употребления камертона, ставим хор в большую зависимость от диакона, который, собственно, и задает тон хору, конечно, по личному усмотрению, в зависимости от диапазона голоса и личного вкуса. Так как диаконы ектению говорят почти всегда в сравнительно низком тоне, то, чтобы не «давиться» на последних песнопениях, хору приходится тотчас вслед за ектенией значительно повышать тон (в нашем примере на кварту)²¹.

Интересный вопрос: какое впечатление произведет исполнение песнопений от Херувимской песни до «Достойно», если их исполнять, строго придерживаясь нотации, то есть если ектению петь в высоком тоне?

Может быть, это будет очень красиво и произведет большое впечатление!!!

Во всяком случае, эту попытку я сделаю, а «Подай Господи» *по указаниям нотации* руководимым мною хором будет исполнено за литургией завтра.

18 ноября 1921

30 октября «Подай Господи» с отсутствием полутонов было исполнено. Н. П. С[оро]кин, слушавший исполнение, говорит, что впечатление получается хорошее.

Вторичное исполнение в минувшее воскресенье (13 ноября) было неудачным. Диаконом Львом Овсянниковым²² ектения говорилась в слишком высоком тоне. Так что мое предположение о красоте исполнения ектении в высоком тоне оказалось ошибочным.

* * *

В воскресенье, 6 ноября, нами было исполнено осьмогласное «Верую». Это было первое исполнение осьмогласника «Верую» в ряду службы (9 октября этот осьмогласник был исполнен на целовании Креста). Спели, в общем, хорошо. Конечно, и на этот раз нашлись «ревнителю», увидевшие в этом ненавистную им «никонианщину».

После литургии один из богомольцев, мне неизвестный, обратился ко мне с вопросом, откуда взято это «Верую». Я дал объяснения. Во время разговора у моего собеседника несколько раз вырывалось: «интересно! любопытно!»

Жалею, что я не спросил его, кто он, так как это, очевидно, был один из больших любителей пения и, думаю, не «ревнитель».

На этот раз вопрос об источнике осьмогласника обстоял так. Я и член Совета общины (член хора в то же время) Н. П. С-кин обратились за благословением

²¹ Очень интересные размышления о высотности в старообрядческом пении. Современные старообрядческие уставщики иногда используют камертон.

²² Лев Лазаревич Овсянников (1868—1945) — выдающийся протодиакон, а позже священник, протоиерей.

исполнить осьмогласник к очередному служившему священнику о. П. Никифорову, которому я в свое время этот осьмогласник пропевал. О. Петр благословил. Тогда Н. П. обращается за разрешением к церковному старосте С. В. Мокину. Церковный староста разрешает. Н. П. вновь обращается к о. Петру, не будет ли иметь что-либо против служивший литургию преосвященный епископ Александр. О. Петр ответственность берет на себя. Осьмогласник исполняется. После передавали, что товарищ председателя Совета Общины И. П. Трегубов задал вопрос церковному старосте: «кто это распоряжается, поют что-то новое?»

Это называется — начальство сидит на начальстве.

25 ноября 1921

Ценное приобретение: в наш хор после нескольких месяцев вынужденного отсутствия вновь вступил В. А. Шориков — отличный бас. Так как басовая партия нашего хора весьма отставала от остальных партий (теноров и сопрано), то появление на нашем певческом горизонте такого баса представляет собою отрадное явление. Результат этого уже налицо: в прошлое воскресенье, 20-го, с его участием литургию, как говорят, пели очень хорошо.

На Введение Пресвятыя Богородицы предполагаю исполнить «Благообразную» Херувимскую и осьмогласное «Верую».

* * *

Вчера на спевке Московского Объединенного Старообрядческого Хора (об этом хоре речь будет впереди) Я. А. Богатенко рассказал следующее.

Узнал он, что в одной из церквей на Варварке бывшим Синодальным хором будут пропеты антифоны 4-го гласа («От юности моя») «по крюкам». Заинтересовался — и зашел послушать. Дошла очередь и до крюковых антифонов. Вдруг хор, что называется, заревел: «От ю-но-сти-и-мо-о-е-я-я» и т. д. Стало обидно, говорит, не стерпел — и написал Данилину (регенту) записку, как такой умный руководитель может давать такое превратное толкование крюковому пению; если он, Данилин, желает слышать настоящее крюковое (старообрядческое) пение, то благоволит пожаловать на концерт МОСХа²³ 1 января в Аудитории Политехнического музея.

Великолепно! Великолепно не то, что Данилин был «срезан», а то, что это было сказано с большим внутренним убеждением, что крюковое унисонное пение есть искусство.

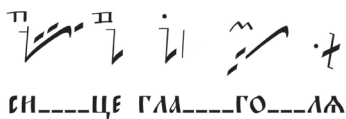
* * *

«Плач Иосифа Прекрасного» исполняется, мне кажется, немного не так, как бы следовало.

²³ Характерная для эпохи аббревиатура — Московский объединенный старообрядческий хор.

Исполняется:

Конец «возгласения»:

Начало стиха

Следовало бы:

А то получается, что возгласение исполняется в одной гамме, а самый стих — в другой (фа-диез), что несколько вредит единству впечатления. Для того же, чтобы оставить для слуха ту же высоту тона, следует «возгласение» исполнять на тон выше, что будет лучше и для «глашатая».

На мое указание об этом Якову Алексеевичу последний заметил, что специалистами музыки (Пасхалов) на это явление внимания обращено не было.

Смею думать, что это не значит, что я неправ. Эта модуляция, как я уже сказал, нарушает единство производимого этим стихом впечатления.

9 декабря 1921

В минувшее воскресенье, совпавшее с праздником Введения во храм Пресвятыя Богородицы, нами в третий раз было пропето осьмогласное «Верую».

Как и раньше, пели с особого разрешения.

На этот раз мы (я и Н. П. С-кин) обратились чрез о. Андрея Муравьева²⁴ к служившему епископу Александру за разрешением пропеть «Благообразную» Херувимскую и осьмогласное «Верую». Епископ разрешил спеть лишь «Верую».

Спели (6 минут), как мне кажется, довольно недурно, но результат получился такой, какого я не ожидал.

Тотчас после пения «Верую» мне сообщили, что Ф. Ф. Пугачев (категория «ревнителей») — рвет и мечет; известный старообрядческий писатель и ученый И. А. Кириллов²⁵ чуть ли не возмущен; бывший певчий М. Г. Капустин по чьему-то адресу произнес: «сволочи»!

²⁴ Андрей Семенович Муравьев (1873—?) был рукоположен во диакона в 1910.

²⁵ Упоминается действительно очень известный писатель Иван Акимович Кириллов (1891—1974), специалист не только по старообрядческой истории, но и по экономике (доктор экономических наук, профессор).

Странно! В особенности Кириллов!

После обедни в храме осталось собрание верующих по вопросу охраны храмов. Пошел и я, в надежде услышать отзывы о самом «Верую» и о его исполнении.

Когда собрание было уже закрыто, Ф. Ф. Пугачев²⁶, сильно волнуясь, громко обращаясь к архиерею, спрашивает, что это за пение было сегодня в храме старообрядческого центра, если это будет и впредь, он, Пугачев, не будет ходить на кладбище.

Владыко говорит, что это пение — гласовое, и отходит. Моя попытка что-то прочитать из тетрадки терпит неудачу: «Вы нам прочитайте из церковных книг», — кричит Пугачев. Пугачева поддерживают некто Смирнов, Тукманкин и некоторые другие. «За» — И. И. Хромов и некоторые другие.

Смирнов: Я вам приведу Ухова и Нежданову²⁷ — пусть поют!

Хромов: Но ведь архиерей разрешил!

Смирнов: Какой архиерей! Я вам найду, который все разрешит!

Хромов: Ну и идите к своему архиерею — Илиодору, должно быть, он вам архиерей!²⁸ Я знаю (обращаясь к Смирнову), какое вам пение нравится: вот Новиковы «дерут» на Апухтинке — это ваше пение!²⁹

Разошлись взволнованные. Председатель Совета, К. Н. Швецов, говорит мне: «Не обращайтесь внимания»³⁰.

Я и не обращаю.

* * *

Сегодня был мой первый урок крюкового пения с хористами нашего хора. Было человек 8—9.

Программа урока:

Лестница³¹. Согласия. Тон и полутон. Их число в лестнице. Шайдуровы пометы. Интервалы: секунда, терция. Исполнение лестницы по секундам и терциям.

13 декабря 1921

Сегодня был второй урок.

Программа урока:

Повторение первого урока. Понятие о звуке. Свойства звука (по высоте, по силе, по длительности). Ноты целые, половинные и четвертные. Длительность тех и дру-

²⁶ Пугачев Федор Федорович — староста храмов Рогожского кладбища в 1916—1918, член ряда комиссий, действовавших при Совете Общины.

²⁷ Надо полагать, имеются в виду известный оперный певец (баритон) Василий Герасимович Ухов и Антонина Васильевна Нежданова.

²⁸ Архиерея с таким именем у старообрядцев нет; возможно, упоминается фигурирующий далее в Дневнике епископ Иларион (Троицкий).

²⁹ «Дерут» — видимо, поют протяженно и унисоном.

³⁰ Климент Никитич Швецов, директор Старообрядческого института в 1916—1918.

³¹ Иначе: горовосходный холм, пособие при изучении старообрядческого пения (схема звукорядов).

гих по взмахам руки. Крюк (простой, мрачный, светлый и тресветлый). Начертание крюка в зависимости от согласия и звука согласия. Крюк с задержкою. Стопица, стопица с отсечкою.

М. С. Крутикова просил к следующему уроку написать «Приидите поклонимся» исключительно в этих крюках.

16 декабря 1921

Вчера был третий урок.

Программа:

Повторение пройденного. Палка. Крюк с отсечкой и запятая с отсечкой. Стопица с очком. Проставление степенных помет в «Приидите поклонимся» в записи: крюком, крюком с задержкою, стопицею, стопицею с отсечкой, крыжем. Сольфеджио «Приидите поклонимся» в этой записи. Кварта, квинта. Пропевание кварт.

20 декабря 1921

Сегодня был четвертый урок.

Программа:

Повторение пройденного.

Пометы указательные: борзая, тихая, качка, ломка, зевок (закидка). Сорочья ножка. Знамена: крюк, крюк с подчашием, голубчик борзый, статья простая. Пропевание терций и кварт. Пропевание терций двухголосно.

Сольфеджио «Бог Господь» 5-го гласа в пройденных знаменах.

М. С. Крутикову поручено написать «Свят, свят» в пройденных крюках.

23 декабря 1921

Сегодня был пятый урок.

Программа:

Пропевание интервалов. Сольфеджио «Свят, свят». Знамена: переводка, статья светлая, два в челну с отсечкой, два в челну с задержкою, змейца. «Усики», их значение и расположение в крюках³².

* * *

В. Л. Шорилов уже давно в нашем хоре не поет. Ушел в Каринкинский хор³³, где ему были предложены, как говорят, выгодные материальные условия. За ним пошел Немчинов, а за этим — Зубова и Ферапонтова.

Жаль, но делать нечего.

* * *

На 1 января 1922 (нов. ст.) предполагался в Большой аудитории Политехнического музея концерт МОСХа, но по случаю смерти Янчука, стоявшего во главе

³² Указатели высотности, проставляемые при знаменах.

³³ Община храма Покрова Пресвятой Богородицы около Таганской площади.

Музыкальной комиссии, кажется, при Историческом музее, последняя распалась, и организация концерта перешла к Музыкальной комиссии Государственного института исторических музыкальных наук (Гречанинов, Кастальский, Ипполитов-Иванов, Пасхалов и др.)³⁴. Между прочим, видное участие в этой Комиссии принимает член ВЦИКа Красин, заинтересовавшийся концертом и обещавший присутствие на нем Луначарского. По предположению Комиссии концерт переносится в Малый зал Консерватории (случайна публика Политехнического музея) на 22 января.

* * *

19 декабря (ст. ст.) предполагается участие нашего хора за литургией в Балашовской моленной³⁵.

* * *

За литургией Рождества Христова предполагаем спеть на целовании Креста «Днесь раждает Дева» с «аненайками».

28 декабря 1921

Вчера был шестой урок.

Программа:

Повторение пройденного. Пропевание интервалов. Сольфеджио «Глас Ти приносим» и «Воскресение Твое Христе Спасе» (2-го гласа) в пройденных крюках. Знамена: голубчик тихий, статья с запятою, статья с крыжем, статья мрачная, стрела простая, стрела светлая, крюк с подверткою, два в челну с подчашием и с подверткою.

30 декабря 1921

Вчера был седьмой урок.

Программа:

Пропевание интервалов. Сольфеджио «Воскресение Твое Христе Спасе» 3-го гласа в пройденных крюках. Диктант всех пройденных крюков.

* * *

Сегодня была спевка к нашему выступлению в Балашовской моленной. Спевка прошла, в общем, успешно.

³⁴ Имеется в виду крупный ученый, историк и этнограф Николай Андреевич Янчук. Далее речь идет о Музыкально-этнографической комиссии при Московском университете, которая в том же 1921 была преобразована в этнографическую секцию ГИМНа под руководством В. В. Пасхалова (см. подробнее в публикации работы Я. А. Богатенко в разделе «Исследователи»). Участие в деятельности комиссии принимал не нарком Л. Б. Красин, а его брат Б. Б. Красин.

³⁵ Храм во имя Сергия и Вакха возник на основе домово́й моленной Балашовых (Балашевых; Гжельский пер., 11, ныне 13); закрыт в 1924.

3 января 1922

Итак, наше участие в литургии в Балашовской моленной в воскресенье (новый год по нов. ст.) состоялось. Нас было 18 человек (2 баса, 5 теноров, 1 альт и 10 сопрано). Пели на левом клиросе. Спели и осьмогласное «Верую».

Первая половина «Херувимской» была пропета Балашовским хором «Иргизского» роспева, вторая — нами демественным роспевом (как говорится, французское с нижегородским!). «Приидите поклонимся» было пропето правым клиросом, «Достойно» — нами.

О пении Балашовского хора могу сказать следующее. Поют — всемерно стараясь пустить как можно более вторы и даже трех- и четырехголосия, а так как это делается каждым поющим по произволу, по личному усмотрению, без разученных заранее партий, то им приходится, во избежание диссонансов, растягивать мелодию. Получается пение страшно тягучее, утомляющее слушателя, несмотря на немногие гармонии. Эта погоня за гармонией настолько увлекает хор, что кроме нее он ни на что не обращает внимания: стройность исполнения, динамика и другие условия художественного исполнения поэтому почти отсутствуют. Кажется, что хор стремится показать, что умеет брать громогласные аккорды. Главные недостатки Балашовского хора — отсутствие стройности и крик. Говорю без пристрастия, так как не являюсь противником партесного церковного пения.

Как мне передавали, одной из причин нашего приглашения в Балашовскую моленную было намерение показать хористам Балашовского хора хор дисциплинированный и поющий в достаточной степени художественно.

Эти два предъявленных нам требования, как говорят и сами балашовцы, были вполне удовлетворены. Особенно хорошо, как говорят, нами были пропеты «Верую» и «Свят, свят». К сожалению, мы блистали отсутствием достаточного числа басов (были только два баса: П. И. Власов и И. А. Яковлев), отчего наше пение напоминало пение женских монастырей; вдобавок отсутствовали такие голоса, как Виноградова и Зябкина. Но, в общем, я доволен: на этот раз мой призыв быть внимательными не остался «гласом вопиющего в пустыне», хор подтянулся, и то, чего от него ждали, он дал.

Проза: в вознаграждение за участие в литургии мы получили 200 000 рублей.

После литургии балашовцы выразили пожелание спеть обедню на Рогожском. Милости просим.

* * *

Несколько времени тому назад ряды нашего хора поредели: дезертировали почти сразу пять человек: Шориков, Немчинов, Зубова, Ферাপонтова и Анохина. Они перешли в Каринкинский хор, причем уход Шорикова и Немчинова носил материальный характер, причина же ухода остальных мне неизвестна.

На нашей спевке в прошлую пятницу (30 декабря) мне заявляют, что Зубова вновь желает петь в нашем хоре. Зная отрицательное отношение к поступку Зубовой со стороны Хоровой комиссии, единолично решить вопрос я не решился

и обратился к членам Хоркомиссии. Большинство из них категорически заявило, что Зубова может быть принята в хор лишь на общих основаниях, то есть чрез подачу в Хоркомиссию надлежащего заявления. Зубова ответила, что подумает.

Сегодня на спевке МОСХа на эту тему вел беседу с Зубовой Яков Алексеевич, который, конечно, предложил ей отбросить ложное самолюбие и подать требуемое заявление.

Поживем — увидим; мне голоса нужны, но от женских капризов — спаси Боже!

* * *

Вчера в разговоре с Г. Г. Чучевым коснулся его впечатления от пения Каринкинского хора. Он в восторге. На эту тему мы решили с ним побеседовать в недалеком будущем.

* * *

Мною сделано предложение Т. Е. Дельфин (Кашаевой) исполнить на концерте МОСХа (22 января н. ст.) «возглашение» в «Плаче Иосифа». Предложение принято. Яков Алексеевич на участие Кашаевой с благодарностью согласен.

8 января 1922

Сегодня второй день Рождества. Как же у нас прошли Рождественские богослужения? Начну по порядку.

В среду на прошлой (истекшей) неделе, на спевке, я получил письмо от хористки А. Виноградовой. В этом письме она сетует на то, что на клиросе не имеет определенного места. Действительно, вопрос распределения мест на клиросе — вопрос больной и при сильном самолюбии хористок трудноразрешимый. Незадолго до этого я с М. С. Крутиковым решили заняться этим вопросом и составили примерную схему распределения мест на клиросе. Об этом я и написал в своем ответе Виноградовой, предложив ей (хотя она пропустила много спевок) прийти за всенощную под Рождество, где ей и будет указано надлежащее место. Но мои и Крутикова предположения остались лишь на бумаге. Дело в том, что Зубова и Ферапонтова, уходившие в Каринкинский хор, подали заявления о принятии их вновь в наш хор. Кроме того, вновь появился на горизонте Г. Я. Смирнов; Т. С. Хлопушина, уже давно не принимавшая участия в работе хора, также пришла за Рождественскую всенощную. Таким образом, хор достиг численности в 27 человек, а именно:

1. И. А. Яковлев (бас)
2. С. В. Маслов (бас)
3. П. И. Власов (бас)
4. Н. М. Тарасов (бас)
5. Г. Я. Смирнов (тенор)
6. Д. Г. Чучев (тенор)
7. М. С. Крутиков (тенор)
8. Д. Ф. Пышкин (тенор)

9. Г. Е. Кашаев (тенор)
 10. Н. П. Сорокин (тенор)
 11. Т. Н. Кочнова (альт)
 12. М. А. Муравлева (сопрано; [и далее — все сопрано])
 13. А. С. Яковлева
 14. А. А. Виноградова
 15. Л. Е. Зубова
 16. М. Ф. Зябкина
 17. Харитоновна
 18. Е. Е. Григорьева
 19. А. Е. Григорьева (сопрано)
 20. Л. П. Никифорова
 21. О. В. Маслова
 22. Седова
 23. Анохина
 24. А. Ферাপонтова
 25. Филатова
 26. М. И. Грищенкова
 27. Е. С. Коновалова
- Итого — 4 баса, 6 теноров, 1 альт, 16 сопрано.

За Рождественской всенощной не была лишь одна Никифорова. Для двадцати шести человек клирос оказался слишком мал, так что было очень тесно.

Всенощная прошла гладко.

За обедней на Рождество мы предполагали спеть «Благообразную» Херувимскую, осьмогласное «Верую» и на целовании Креста «Днесь раждает Девая» с «аненайками». Чтобы оформить такое «новшество», я и Сорокин обратились за разрешением петь указанные песнопения к очередному священнику о. Петру Никифорову. О. Петр разрешил нам петь «Верую» и «Днесь раждает», от пения же «Благообразной» Херувимской предложил воздержаться, так как он с нею не знаком.

«Верую» нами было пропето в сравнительно низком тоне и поэтому прошло тускло, без подъема. Зато «Днесь раждает Девая» с «аненайками» было пропето недурно.

Говорят, что владыка Александр после спрашивал членов Совета Общины, кто разрешил петь осьмогласник; в свою очередь члены Совета спрашивали о том же владыку. Должно быть, вопрос так и остался невыясненным.

Ничего, перемелется — мука будет!

Сегодня обедню с «Верую» пели просто. В стихире же «Днесь раждает» с «аненайками» я употребил «двухголосный» унисон. Слова «анененани, тайнененани, айнани, тайнани» пели так: первое слово — одни женские голоса, второе — весь хор, третье — женские голоса и четвертое — весь хор.

Спели стихире вполне удовлетворительно.

Каюсь: тотчас по окончании литургии я, во избежание нежелательных объяснений, постарался незаметно скрыться из храма.

18 января 1922

По словам о. протодиакона Льва Овсянникова, о. Петр Никифоров во время своего рождественского славения произвел устную анкету о нашем пении осьмогласного Символа веры, причем результат оказался таков: девять десятых — «за» и лишь одна десятая — «против».

Кажется, ясно?!

* * *

Вчера был на юбилейном (20-летие хоровой деятельности) концерте хора И. И. Юхова.

Пели очень хорошо.

19 января 1922

(Крещение Господне)

Сегодня в шестой раз нами было исполнено осьмогласное «Верую».

На этот раз я рискнул петь осьмогласник без предварительных переговоров с кем-либо из духовенства или членов Совета, так сказать, на собственный страх и риск.

После Н. П. С-кин передавал, что С. Е. Хрусталеv обратился к нему приблизительно со следующими словами: «Долго вы будете бесчинствовать-то?»

Долго, родимый, долго, пока есть энергия и желание!

21 января 1922

И. А. Яковлев рассказал интересный эпизод с епископом Иларионом (нико-нианским)³⁶; сам же он слышал об этом от иподиакона епископа Илариона.

За одним из богослужений епископа хором было исполнено «Славословие», в котором слова «Слава в вышних Богу» (с колоколами) многократно пропевались на разные лады.

Вот, после богослужения, за столом, епископ Иларион и обращается к регенту:

— Скажите, что это вы сегодня пели?

— А что такое, владыко?

— Ведь, вот, если я хочу пить, то говорю: налейте мне стакан чаю. Не говорю же я: «налейте мне стакан чаю... налейте мне стакан чаю... налейте... налейте... чаю... чаю... стакан... стакан... налейте... налейте». А вы: «Слава! Слава! Слава! В вышних Богу, в вышних Богу! Слава в вышних, слава Богу!...» Вот если б вы спели знаменного распева что-нибудь, да с фитой!!!

³⁶ Имеется в виду епископ Иларион (Троицкий), настоятель Сретенского монастыря; священномученик.

Интересно, что ответил регент.

Оказывается, епископ Иларион большой любитель старинного пения. Узнав о нашем завтрашнем концерте и имея приглашение на богослужение, он задумался, куда же идти, хочется послушать знаменное пение и не хочется нарушить данное обещание быть за богослужением.

* * *

Итак, завтра в 8 часов вечера в Малом зале Консерватории состоится наш концерт.

Программа звуковой иллюстрации к докладу Я. А. Богатенко «о старинном русском пении» (при участии старообрядческого хора):

I отделение

Образцы знаменного крюкового и демественного пения

«Множество содеянных ми зол» 6-го гласа

«Днесь раждает Девая» с «аненайками» (по рукописи XVIII века)

«О преславное чудо», стихира 8-го гласа, с канонархом (Л. Зубова)

«Чертог Твой вижду», светилен

«Не отврати лица Твоего», великий прокимен, демественного роспева (по рукописи XVIII века).

«Символ веры». Осьюмогласник знаменного роспева

II отделение

Домашнее пение в Старой Руси (старинные духовные стихи, псалмы и канты)

Стих о пустыни

Стих о Золотой книге

Плач Иосифа Прекрасного (с возгласием канонарха — Л. Зубовой)

Стих о Марии Египетской (с имитацией «кобзы»)

Плач Адама (на два хора)

Стих умиленный (с имитацией «кобзы»)

Стих о Иоасафе Царевиче (на два хора)

Псалма «О печальном положении человека»

Торжественная канта XVIII века

Стих поминальный «нищей братии» (в современной гармонизации)

«Что день грядущий нам готовит?»

* * *

С участием Дельфин (Кашаевой) в концерте ничего не вышло. На предпоследнюю спевку она пришла, когда мы уже ее кончали. Конечно, при таких обстоятельствах о ее участии на концерте говорить не пришлось.

23 января 1922

Оценка исполнения программных номеров вчерашнего концерта, которую дает Я. А. Богатенко (докладчик и руководитель хора):

«Множество содеянных ми зол» — 4
 «Днесь раждает Девая» — 5
 «О преславное чудо» — 5
 «Чертог Твой» — 4+
 «Не отвори» — 3
 «Верую» — 5++
 Стих о пустыни — 4+
 Стих о Золотой книге — 4-
 «Плач Иосифа» — 5-
 «Я жила-была» — 5+
 «Приидите вернии» — 3
 «Взирай с прилежанием» — 3
 «Плач Адама» — 5
 «О коль наше» — 4+
 «Радуйся зело» — 5+
 «Да помянет Господь» — 4+
 Итого — 71,25:16 = 4+

Повторяли:

«О преславное чудо», «Я жила-была», «Радуйся зело» и «Да помянет Господь»

26 января 1922

Сегодня на спевке Объединенного хора Яков Алексеевич сообщил, что на концерте были Кастальский, Гречанинов, Ипполитов-Иванов, Пасхалов и протоиерей Металлов. Впечатление от концерта у них прекрасное. Лучшим по исполнению номером считают осьмогласное «Верую», которым, между прочим, заинтересовался в особенности Металлов. Обратили внимание на качество хора: великолепную дикцию, память (пели на память) и образцовую дисциплину.

* * *

Сегодняшняя спевка была посвящена венчанию, которое состоится завтра в 7 часов вечера в Замоскворечье, на Кузнецкой³⁷. С шиком хочет венчаться некто Мнев, ассигновавший на хор два «лимона» [миллиона].

Сегодняшняя спевка меня не удовлетворила. Помимо того что участники Объединенного хора, будучи певцами разных приходов, и поют по-разному (в отношении напева), Яков Алексеевич, мне кажется, и вел спевку вяло, не по-свадебному и в слишком высоком тоне.

28 января 1922

Вчера Объединенный хор в храме Замоскворецкой общины пел свадьбу. Недостаточное число спевок (лишь одна), конечно, сказалось на исполнении: пута-

³⁷ В храме Покрова Пресвятой Богородицы на теперешней Новокузнецкой улице Я. А. Богатенко не только руководил хором: он со своей артелью расписывал этот храм.

ли порядочно; хотя бывшие внизу говорили, что шероховатости были почти не заметны (хор пел на «хорах»).

Вчера Якову Алексеевичу, вероятно, впервые пришлось управлять хором в храме, стоя лицом к поющим.

Тот факт, что он в храме управлял хором, как на концертах, то есть стоя лицом к хору (и спиной к иконам), наводит на некоторые размышления. Выходит, что если так недопустимо, то не с религиозной стороны (считаю его человеком религиозным), а лишь со стороны укorenившихся традиций. Если так, то старообрядческий принцип управления хором, по которому руководитель стоит обязательно лицом к иконостасу, следует считать не имеющим особой ценности³⁸.

* * *

В воскресенье, 5 февраля, предполагается угощение нашего (Рогожского) хора обедом. А по сему случаю надо будет спеть в бенефисный день «Болгарскую» Херувимскую и осьмогласное «Верую».

Тон: Аминь перед Херувимской — «до», «Верую» — «до».

* * *

В имеющем выйти в скором времени журнале «Экран» будет помещена рецензия одного их членов ГИМНа о нашем концерте³⁹.

Почитаем.

1 февраля 1922

Вчера был восьмой урок.

Программа:

Поверка знания пройденных крюков. Интервалы (пропевание). Крюки: ключ, челюстка, стрела мрачная, стрела крыжевая, подчашие, скамейца, сложитие простое и сложитие с запятою и тихою пометою.

* * *

В минувшее воскресенье (сегодня среда) слушал хор Каринкинской общины, певшей свадьбу.

На вопрос, кто лучше поет: мы или они, отвечаю: сравнивать не приходится. Каринкинский хор, поющий трехголосно, и сравнивать можно с хором, поющим также трехголосно. Моя оценка Каринкинского хора — хор средней руки никонианской церкви.

Пели свадьбу далеко не торжественно, почему-то слишком много минора.

Воскресенье, 5 февраля 1922

Сегодняшний день — день звука «до».

³⁸ И в Синодальном хоре регенты не стояли спиной к иконостасу, невозможно это и в современных старообрядческих и единоверческих храмах.

³⁹ Рецензия в упомянутом журнале не обнаружена.

За обедней К. М. Арсеньев Апостол, а протодиакон Л. Л. Овсянников Евангелие кончили в «до». За венчанием в единоверческой церкви В. Л. Шориков Апостол кончил тоже в «до». Многолетие за венчанием, сказанное диаконом А. Е. Егоровым, я, к сожалению, не слышал. На мои слова, что Шориков Апостол кончил в «до», — диакон А. Е. Егоров ответил: «а Многолетие — наверно, в “ре”».

* * *

3 февраля был девятый урок. Нового ничего, так как на урок пришли лишь Муравлева и Яковлева.

15 февраля 1922

5 февраля происходило венчание в единоверческой церкви. Так как венчалась одна из жительниц Рогожского кладбища, то некоторые из хористов и хористок нашего хора нашли возможным принять участие в пении венчания, хотя бы и в единоверческой церкви. В результате получился целый скандал.

В среду, 8 февраля, на спевке я получаю письмо епископа Александра, в котором он, указывая на факт участия части «моего» хора в пении в единоверческой церкви, основываясь на канонах, указывает на необходимость обращения согрешивших к священнику с испрошением прощения, без чего согрешившие должны быть удалены от церкви.

Тут же, на спевке, это письмо мною было прочитано хору. Из всех принимавших участие в сказанном пении (до 15 человек), лишь двое (И. А. Яковлев и К. А. Капустина) заявили свое желание подчиниться требованию владыки, что ими и было исполнено. Остальные — ни в какую. Епископу Александру мне пришлось ответить, что письмо хору прочитано, что некоторые заявили о своем желании идти к священнику и что остальные, полагаю, сделают то же. Кроме того, я написал, что, по моему мнению, *крутые* меры по отношению к неразумным могут вызвать нежелательные последствия и что исполнение предложения владыки лучше оставить на их совести.

На моем письме епископом Александром сделана надпись: «Совесть их мирится с общением с иноверными (раскольниками). Этого нельзя оставить так по канонам Св. Церкви. Мы не должны с ними молиться, зная их общение с инославными; поэтому необходимо им испросить прощение, прочитав пред священником прощение».

Что будет дальше — не знаю, но в минувшее воскресенье (12-го) обедню хор пел в полном составе (служил епископ Амфилохий⁴⁰).

* * *

В минувшее воскресенье (12-го) был «бенефис» нашего хора: нас угощали обедом.

⁴⁰ Епископ Уральский и Оренбургский Амфилохий (Афанасий Семенович Журавлев; 1873—1937); священномученик.

За литургией нами была спета «Болгарская» Херувимская и осьмогласный Символ веры (в седьмой раз).

Головщик правого клироса К. М. Арсеньев говорил (правда, будучи «навеселе»), что Херувимскую спели хорошо.

3 марта 1922

Новое дезертирство. Из нашего хора ушли С. Маслов и Г. Кашаев. Неофициально Маслов мотивирует свой уход тем, что ему надоел унисон. В поданном в Хоровую комиссию заявлении о выходе из хора Маслов причины ухода не указывает. Причина ухода Кашаева, вероятно, та же. Теперь они поют в Каринкинском хоре.

Вдобавок к этим двум — чуть не сбежал М. Крутиков. Он уже побывал в Каринкинском хоре на спевках и за обедней. Но одумался. Этот хотел уйти по причинам личного характера. Сегодня Хоркомиссией поступок Крутикова признали неправильным, и вопрос — исчерпан.

Уход Маслова принят к сведению; Кашаев — исключен.

Г. Смирнов за неподавание признаков существования исключен из хора с правом вступления чрез подачу заявления. М. Яковлев считается в хоре не состоящим. Относительно Т. Хлопушиной постановлено сделать запрос о ее дальнейшем пребывании в хоре. О. Масловой сделано предложение почаще посещать спевки и службы. Ф. Немчинов, как дезертир, исключен.

* * *

Послезавтра первое воскресенье Великого поста, литургия Василия Великого, и нам не удалось сделать спевки в подвальном помещении, где обычно проходят спевки: оказалась вода, Т. Кочнова предоставить свое помещение не могла. Спевку со среды пришлось перенести на четверг в храм, но по случаю ограбления храма спевка не могла состояться.

Досадно, наверное, будем врать.

* * *

Своим ученицам кое-что читаю из истории знаменного пения.

23 марта 1922

5 марта хотя и не ввали, но пели весьма неуверенно. Теперь литургию дементом с разводом⁴¹ поем увереннее.

* * *

В минувшее воскресенье с частью хора был на духовном концерте Государственной капеллы (120 человек) под управлением Чеснокова. Исполнение, конечно, образцовое.

⁴¹ То есть с разводом (расшифровкой) сложных начертаний простыми знаменами.

В это же воскресенье в храме Остоженской общины свящ. Карабинович читал доклад на тему «Церковное пение», причем хором Балашовской общины был дан целый концерт. К сожалению, на этом *первом, даваемом в церкви*, концерте я не был, а говорят, что там была вся «старообрядческая певческая Москва».

* * *

Сегодня по телефону Яков Алексеевич сообщил, что концерт Общего хора предполагается дать 7 мая в Большой аудитории Политехнического музея. Концерт организуется «Обществом старообрядцев», которые (как сообщил мне Я. А. по секрету) остались недовольны демонстрацией *многоголосного* крюкового пения Балашовским хором.

* * *

Сегодня от Я. А. я получил распетое им на 5-й глас «Единородный Сын»⁴². Предлагает спеть на Благовещение.

Особенного ничего не нахожу.

* * *

Вчера была спевка к Благовещению. «Праздники»⁴³ пели до невозможности плохо. Недоволен. Еще спевку.

* * *

Со своими ученицами (остались лишь М. Муравлева, А. Яковлева и Л. Никифорова, да присоединился Д. Чучев) прошел сольфеджио 1-го гласа Октяя.

* * *

Наступила «певческая страда»: спевки к Благовещению, Вербному Воскресению, Боготелесному Погребению, Пасхе.

* * *

На Светлой заутрени, во время христосования, надо будет спеть «Христос Воскресе» обычное, демеством с славянским текстом и демеством с греческим текстом.

* * *

«И ныне — Аллилуия — Господи помилуй — Слава» (на кафизмах), исполняющееся обычно сплошным речитативом, причем все эти четыре песнопения до того сливаются, что получается совершенно абсурд, я изменил: «И ныне» — остановка, «аллилуия» — остановка, «Господи помилуй» — остановка, а затем уже «Слава». «Новшество»... За это в глаза мне еще не тыкали.

⁴² См. об этом песнопении в публикации работы Богатенко, и там же — об авторстве некоторых других упоминаемых Пышкиным песнопений.

⁴³ То есть песнопения из книги «Праздники».

6 апреля 1922

«...С различными чувствами читал я Вашу телеграмму, мне жаль потери человека, трудившегося на поприще того дела, которое и меня интересовало раньше сильно и теперь немного интересует, жаль молодые силы, могущие в будущем что-либо создать, когда увлечения и страсти уступят место зрелому и строгому рассуждению и на первых порах дешевый успех потребовал бы впоследствии плодотворной работы. Кроме этого произвело на меня сильное впечатление то обстоятельство, что неделю тому назад я видел покойного жизнерадостным, и не успел я еще от дороги очнуться, как его уже не стало. Воистину жизнь наша — сон.

Кем-то теперь заменят Цветкова в управлении хором, очень желал бы видеть на этом месте человека с чуткой душой, работающего в деле совершенствования духовного пения не столько разумом, сколько душевным молитвенным состоянием, отбросившего все свои личные счеты. Если выбор будет удачным, можно ожидать подъема задушевности нашего пения, которое в нем существует и которое, к сожалению, не только не демонстрируется перед слушателями, но и понимается лишь немногими.

Смерть Павла Васильевича останавливает и мою работу по разбору песнопений, слышанных мною на концерте, но вместо этой работы начинает выясняться другая: вообще о нашем пении и в особенности о характере исполнения мотивов и искусстве действовать на молящихся не в смысле увлечения дешевыми эффектами, а пробуждением серьезного чувства.

Одного боюсь я в этой работе, что не в состоянии буду подобрать такие выражения, которые бы ясно давали представление о пении без звуковой демонстрации. Если при попытке объяснить словами движение мотивов я потерплю неудачу, придется оставить работу в этом направлении. Особенно сильно почувствовал необходимость что-либо сделать, когда и на концерте и в моленной Шибаева слышал в попытках улучшения пения отклонение от характера его и увлечение не присущими ему звуковыми эффектами, не встречающимися ни у кого из певцов, поющих *по преданию*, а в историческом пении *с этим нельзя не считаться*. Я не противник не только улучшения, но и полезного добавления в пении, которое, как и всякое искусство, не может стоять на одной точке, но вносить в это пение не присущий ему момент — преступно. Создавайте свое и не трогайте создания предков — хотелось крикнуть и на концерте, и у Шибаева».

Так в своем письме от 22 марта 1911 года о. П. И. Н-ву писал Сергей Рябцев на смерть П. В. Цветкова⁴⁴.

* * *

Недели две тому назад (с Г. Г. Чучевым) за всенощной в храме Замоскворецкой общины. Любительский хор был, к сожалению, не в полном составе.

⁴⁵ Павел Васильевич Цветков — талантливый руководитель Морозовского хора после И. А. Фортова.

* * *

Тогда же получил от Я. А. выписки из некоторых книг о пении Символа веры и вообще о пении. Приводится, между прочим, последняя стихира на «Господи воззвах» Отцам, в Неделю 7-ю по Пасхе, следующего содержания:

«Тайныя днесь Духа трубы богоносные отцы восхвалили, *воспевшие посреде церкви* песнь составную богословия, Троицу единую и непременную, Существо же и Божество».

Это аргумент, которым, мне кажется, можно побить любого «ревнителя древлего благочестия», который утверждает, что *петь* Символ веры не должно, и должно лишь *читать*.

* * *

На позапрошлом воскресеньем мною была назначена спевка. В среду пред этим воскресеньем я имел телефонный разговор с Я. А., и он мне сообщил, что и он назначает на это же воскресенье спевку Объединенного хора к концерту 7 мая. Я согласился перенести свою спевку на пятницу, но так как не смог об этом поставить в известность свой хор, то спевка в пятницу у нас не состоялась. В воскресенье же после обедни вопрос, какой спевке отдать предпочтение, я поставил на решение хора. Единогласно было решено устроить спевку свою. Во вторник звоню к Я. А., и он мне заявляет, что прекращает свою общественно-хоровую деятельность, раз не имеет поддержки со стороны певцов, и что будет работать лишь в своем приходе; другим же предоставляет идти по тому течению, по которому они находят нужным.

Итак, концерта не будет.

* * *

В минувший вторник (сегодня четверг) со своими ученицами (Муравлева, Яковлева, Никифорова) и учеником (Чучев) закончил прохождение первого и второго гласов Октая: «солями» полностью⁴⁵, текстом же те песнопения, которые они встречают в своей певческой практике, как то: стихиры на стиховне, догматики, антифоны, блаженны.

Первый урок наш был 9 декабря прошлого года, так что в течение 4 месяцев, по два урока в неделю (всего не более 30 уроков), по два часа каждый, мы основательно разобрали первые два гласа Октая. Считаю это удовлетворительным. Далее работа пойдет более быстрым темпом. А теперь, пока — Пасхальные каникулы.

8 апреля 1922

Канун Вербного Воскресенья

Сегодняшняя всенощная в певческом отношении прошла отлично: пели недурно, но, к сожалению, произошел печальный инцидент. Мною было предложено

⁴⁵ Пение «по солям» — сольфеджирование с названиями ступеней.

Виноградовой встать на свое место, но она отказалась, сказав, что она хочет стоять там, где стоит (в данный момент). Я не потерял самообладания и настаивать не стал. Во время «пролога» я заявил членам Хоровой комиссии Муравлевой и Зябкиной об этом инциденте и просил их сказать Виноградовой, что если она не думает завтра за обедней встать на свое место, то может вовсе не приходить. После всенощной, когда я с М. Крутиковым шел домой, Виноградова обратилась ко мне с вопросом: «Завтра могу уже не приходить?» — «Да, если вы не желаете условий, существующих в хору», — ответил я.

Итак, возможно, что хор сокращается на одного человека (сокращение штатов — это теперь в моде). Жаль, но что делать: дисциплина!

* * *

В сегодняшних ирмосах «фиты» исполнялись одной женской частью хора.

10 апреля 1922

Вчера Виноградова на клирос не пришла, тем самым как бы выходя из хора. Но вчера же, уже на спевке, я получаю от нее записку, в которой она просит извинения за свой поступок и обещает впредь «слушаться» беспрекословно. На этой записке я ей написал, что несмотря на то, что ее записка меня обрадовала, все же, раз поступок ее был совершен «перед другими», то и извинение должно быть выражено «перед другими». Неточность моего выражения (следовало написать в «присутствии других») заставило ее вновь написать мне, что она считает других ни при чем. Я, конечно, с этим согласился, и она пришла на спевку. Но так как, придя на спевку, с принесением извинения она не торопилась, я подумал, что остался не понятым, и просил членов Хоровой комиссии разъяснить Виноградовой новое недоразумение. После этого Виноградова в присутствии всего хора принесла извинения, и инцидент был исчерпан.

Все хорошо, что хорошо кончается.

Возможно, что за Пасхальной литургией Зубова будет говорить антифоны.

* * *

Из области новых веяний в старообрядческом церковном пении.

Под Крещение в храме Остоженской общины светилен был исполнен «соло» диаконом о. Ферапонтом⁴⁶. Наступающий Великий Четверг в храме Замоскворецкой общины светилен «Разбойника благоразумнаго» будет исполнен также «соло» диаконом о. Семеном Арсеньевым⁴⁷.

⁴⁶ Ферапонт Тимофеевич Лазарев (род. в 1885) служил диаконом в Покровском храме на Остоженке. В 1930-е его сын, Василий Ферапонтович Лазарев, руководил правым клиросом рогожского хора. В этом хоре пел и его брат, Михаил Ферапонтович, обладавший голосом исключительно красивого тембра.

⁴⁷ Исполнение светильна одним певцом (в частности, М. Ф. Лазаревым) впоследствии практиковалось в Покровском храме Рогожской общины.

* * *

«...И неудержимо, и стремительно все понеслось, ликуя, к свободе и свету, теперь так доступному и манящему всех счастьем и благоденствием... и уже потускнели и стерлись прежние убеждения, прежние взгляды, так долго считавшиеся неизменными; потускнели — и обесценились...

Новые люди несут новые невиданные знамена с незнакомыми на них призывами и заповедями. Новые люди — новые речи...

Былое все дальше и дальше отступает во тьму забвения, уступая место новой жизни, и все яснее и определеннее растут очертания *грядущего*...

Таков вечный закон природы, на все налагающей свою тяжелую властную руку.

И увлекаемый непобедимым течением жизни — с невольным чувством тихой тоски оглядываешься назад на эти упрямые, не поддающиеся бурному потоку, основы прежней самобытности и своеобразия.

Еще высоко стоят гордые их вершины, величаво и сумрачно высится в воздухе их могучий гранит, но — не надолго... Все выше и выше клубится поток и скоро смоем и снесет с лица земли эти седые, покрытые пылью древности, монументы».

Так в 1909 году по поводу третьего концерта Морозовского хора писал Я. А. Богатенко («Церковное пение» за 1909, № 4—5, статья «С душевной болью»).

19 апреля 1922

Ну вот, сегодня уже среда Пасхальной недели, так что «певческая страда» Великого поста и Пасхи миновала. Вкратце подвожу итоги. Всенощная под Благовещение прошла из рук вон плохо. Особенность устава той службы и то обстоятельство, что «правил» левый клирос, то есть мы, — сказались: то правый клирос пролетел мимо станции без остановки, спевши «Господи помилуй» и «Славу» пред ектеньей на кафизмах и тем поставив диакона в недоумение — говорить ектенью или еще нет, — священник сделал большую паузу, очевидно забывши, что ему надо говорить возглас; то читавший канон И. А. Я-в вместо шестой песни махнул, кажется, восьмую; то мы светилен пропели раньше времени. Пели также неудовлетворительно. Обедня прошла более гладко.

Зато всенощная под Вербное Воскресенье прошла хорошо. Пели, можно сказать, с подъемом. Обедня — хуже. Боготелесное Погребение пели не так хорошо, как я ожидал, судя по спевке, которая прошла гладко.

Светлую утреню вообще и Пасхальный канон в частности пели недурно; обедню — несколько хуже, что объясняется усталостью певцов. За обедней антифоны на нашем клиросе говорила Л. Зубова. Для первого раза — молодец. За литургией, во время христосования, пели «Христос Воскресе»: 1) обычное, 2) на 5-й глас, 3) демеством на церковнославянском языке, 4) демеством на греческом языке. Пение на 5-й глас считаю неудавшимся: плохо спелись (маленькая спевка после службы Погребения Христа).

В общем — плохих отзывов не слышно.

* * *

А Яков Алексеевич — словно воды в рот набрал или ушел в пустыню. Можно думать, что он на меня обиделся. За что?

За собой я не знаю ни одного поступка, который давал бы ему право быть на меня сердитым.

Надо раскачаться и написать ему письмо.

Схема расположения хора на клиросе в летнем храме⁴⁸:

	Филатова	М. И. Гришенкова		Булатова	
Т. С. Хлопушина	А. Ферапонтова	Е. С. Коновалова	Седова	К. А. Капустина	Харитоновна
О. В. Маслова	А. Е. Григорьева	Л. Е. Зубова	А. А. Виноградова	А. С. Яковлева	М. Ф. Зябкина
Л. П. Никифорова	Е. Е. Григорьева	Д. Г. Чучев	Д. Ф. Пышкин	М. С. Крутиков	М. А. Муравлева
Т. Н. Кочнова	Н. П. Сорокин	Н. М. Тарасов	П. И. Власов	М. С. Сергеев	И. А. Яковлев

11 мая 1922

В воскресенье, 30 апреля, Совет Общины устроил хору угощение. На этот раз организационную сторону хор взял в свои руки и устроил «вечер». Удачно или неудачно — судить не берусь. За литургией в этот день в *восьмой* раз спели осьмогласное «Верую» (на целый тон выше обычного исполнения, то есть начали в «ре»). В этот же день спели две свадьбы (одна из них — руководителя хора Балашовской общины А. М. Бриллиантова), причем я взял на себя руководство, несмотря на пение, совместно с нами, певцов-профессионалов.

Завтра, в восемь часов вечера, также участвуем в венчании. На этот раз мне *назначили* «марку» в восемь «лимонов»; столковались на семи. Это наше первое выступление с таксой.

Итак, наше «НЕПО»⁴⁹:

пение профпевцов под мою указку,
такса.

В хор вступили три новых хористки: Д. и М. Овсянниковы и Л. Хрусталева. Вчера в квартире Виноградовой с их участием была первая спевка к Вознесению, пропели ирмосы и праздники.

⁴⁸ В ту пору главный собор Рогожского кладбища — Покровский — был «летним»; зимой служили в соседнем «теплом» Христорожественском соборе. Вскоре, в 1929, он был закрыт и переоборудован в рабочую столовую (ныне возвращен общине).

⁴⁹ То есть — нэп.

* * *

В ближайшую спевку думаю попробовать «Керженскую» Херувимскую. Если дело пойдет, может быть, споем ее на Троицу.

Автор мелодии этой Херувимской слишком мне знаком, но дело, конечно, не в авторе, а в том, насколько эта мелодия приемлема, насколько в ней выдержан церковный дух и насколько она красива.

14 июня 1922

Прошли и Вознесение, и Троицын день. На Троицу «Керженскую» Херувимскую не только не пели, но даже не пробовали ее и на спевке. Зато на последней спевке приступили к Херувимской «Иосифовского» роспева. Как будто должно что-то выйти.

На Троицу стихиру «Преславная днесь» пели по-«морозовски», то есть допуская в определенных местах двухголосие. За всюнощной спутали; получилась чепуха. Решили взять реванш за литургией — и спели недурно. Протестов не слышали, за исключением Ст. Е. Хрусталева.

* * *

В последний раз я писал 11 мая, то есть более месяца тому назад. За это время произошло много певчески интересного.

На происходящем сейчас Освященном Соборе был вопрос и о пении. По этому вопросу были представлены три доклада: Я. А. Богатенко и М. И. Бриллиантова⁵⁰ о необходимости оберегать старообрядческое пение от новшеств и свящ. Гр. Карабиновича — историческая справка.

Нашлись люди, пожелавшие дать Собору возможность слышать старообрядческое пение как унисонное, так и многоголосное. И вот, в понедельник, 12 июня, состоялся доклад Богатенко о пении с иллюстративным исполнением Объединенного хора (не в полном составе). Были исполнены некоторые церковные песнопения и духовные стихи, исполнявшиеся на концерте в Консерватории. Этот небольшой концерт прошел, в общем, удовлетворительно. Вчера на Соборе выступал с демонстрацией старообрядческого партесного пения хор Балашовской общины под управлением А. М. Бриллиантова. Пели, в общем, недурно, но меня, слышавшего партесное пение в исполнении таких хоров, как Синодальный, Юховский и другие, балашовцы, конечно, удивить не могли.

Странно было видеть в стенах зимнего храма Рогожского кладбища священников и прочих членов Собора, слушающих «музыкальное» пение. Момент был, поистине, исторический!

⁵⁰ Михаил Иванович Бриллиантов (1858 — до 1941) — известный деятель старообрядчества конца XIX — начала XX века, создатель и руководитель Братства Честного и Животворящего Креста Господня.

По просьбе членов Собора вслед за балашовцами экспромтом, под управлением Я. А. Богатенко, пел Рогожский хор с частью Замоскворецкого. Выступление экспромтом, конечно, не могло не отразиться на качестве исполнения.

Тотчас по окончании пения епископ Геронтий⁵¹ вел, при закрытых дверях, беседу с балашовцами. Подробностей не знаю.

Впечатление слушателей разное: одним понравилось пение балашовцев, другим — унисонное. Каких больше — сказать, пожалуй, трудно; но характерно то, что и старики начинают относиться к партесному пению более терпимо.

* * *

Во вторник, 13-го, вел беседу по телефону с Я. А. о предстоящем пении Балашовского хора. Он мне сказал, что, возможно, придется петь и Рогожскому хору (под моим управлением) и что он готов петь в качестве рядового певца.

Во вторник пред началом нашего пения я ему сказал:

— Давайте, я проведу «Хвалите имя Господне» и «Свят, свят» (демеством).

— Ну что же, — ответил он.

Однако, когда очередь дошла до «Хвалите», Я. А. почему-то забыл про мое предложение.

15 июня 1922

Сегодня была спевка. Пели «Иосифовскую» Херувимскую и песнопения, исполняющиеся между Херувимской и «Достоинно», болгарского роспева.

* * *

Завтра в 8 часов вечера в своем храме в концертном порядке поет Каринкинский хор. Будет присутствовать, говорят, и епископ Геронтий.

* * *

Все эти выступления Объединенного хора, Балашовского и предстоящее выступление Каринкинского хора; вопрос о церковном пении на Освященном Соборе; все эти разговоры среди любителей об унисоне и многоголосии, — все это указывает на то, что настоящее время — время переоценки того, что более или менее твердо держалось несколько столетий.

Выдержит ли унисон? — вот вопрос...

Если унисон выдержит сейчас, то все равно он будет изживаться постепенно и чрез несколько лет будет похоронен.

8 июля 1922

После надлежащей подготовки на спевках в минувшее воскресенье (сегодня суббота) на целовании Креста нами было исполнено «Уже пророчество соверши-

⁵¹ Епископ Петроградский и Тверской Геронтий (Лакомкин), один из крупнейших старообрядческих деятелей XX века, в том числе — создатель певческой школы в костромском селе Стрельниково и знаменитого Стрельниковского хора.

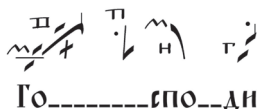
ся» (7-го гласа). Так как это песнопение представляет из себя нечто среднее (по содержанию текста) между псалмой и стихирой и в церковно-богослужебной практике в настоящее время не употребляется, то потребовалось особое разрешение духовенства. Иду в алтарь и прошу стихарного сказать служившему Андрею Муравьеву, что мы хотели бы спеть указанное песнопение. Так как о. Андрей в это время был вне алтаря, то стихарный обращается к отцу Петру Никифорову. Последний говорит, что это песнопение за службой петь нельзя, но что можно было бы спеть «Тебе Бога хвалим» (Амвросия Медиоланского). Ответ отца Петра меня не удовлетворяет, и я вновь прошу спросить отца Андрея. Последний разрешает (о. Петр уже ушел).

Поем.

Для первого раза спели, в общем, недурно.

Так как текст этого песнопения состоит из слов автора («Уже пророчество совершился пророка Исаии, прорекшего о последних днях») и затем самого пророчества, то вступление — слова автора — было исполнено одним мужским отделением хора; также одними мужскими голосами было пропето вводное слово в самом пророчестве («рече»).

В конце песнопения слово «Господи» рискнул спеть двухголосно, а именно:

Лично я никаких протестов против пения «Уже пророчество» не слышал.

* * *

Сегодня встретил о. Андрея. Обращается ко мне со словами:

— А вы меня чуть было не подвели!

— Чем, батюшка?

— Да вот тем, что вы пели в воскресенье.

— Ну, и что же, батюшка?

— Ведь я думал, что это — стихира, а не кант. Ограждаю крестом и слышу, что поют не стихиру. Ну, думаю, пропал! Но оказывается, что когда-то пели на Апухтинке. Пока никто ничего не говорит.

— Ну, значит, можно и петь. А вы, батюшка, разрешите-ка нам спеть «Иосифовскую» Херувимскую.

— Мне бы надо послушать ее на спевке.

— Ну вот, на первую спевку и приходите, я вам тогда скажу.

Вторник, 22 августа 1922

В минувший праздник Преображения Господня исполнили вторую половину «Благообразной» Херувимской. Мы предполагали спеть ее целиком, но правый клирос пожелал пропеть первую половину Херувимской.

Кажется, это был первый случай, когда в храмах Рогожского кладбища Херувимскую пели в двух напевах: правый — «демеством» и левый — вторую половину «благообразно».

«Новое новшество»!!!

* * *

Вот еще из серии новшеств:

1. На Успение предполагаем спеть «Хвали душе моя Господа» левым клиросом на два хора (мужской и женский), на подобен «Ангельския предъидите силы».

2. Приступаем к разучиванию «многоподобна» — хвалебной песни св. Амвросия (епископа Медиоланского) «Тебе Бога хвалим».

Хотя эта песнь в старообрядчестве не употребляется, но, по мнению о. П. Никифорова, введение ее в обиход вполне возможно. Подробнее об этом «многоподобне» в следующий раз.

* * *

На Успение исполняется двухлетие существования нашего хора.

В этот день (вне зависимости от второй годовщины хора) Совет Общины устраивает нам угощение.

Четверг, 31 августа 1922

Ввиду того, что Успение было в понедельник, — «правил» наш клирос. За все-нощной «Господи возвах» (1-го гласа) запевал Д. Ф. Пышкин, а «Хвалите имя Господне» — М. С. Крутиков.

Опять новшество: запевы исполняют тенора!

Всенощная прошла, в общем, хорошо.

За обедней «Хвали душе моя Господа» пел один наш клирос, на два хора (мужской и женский), впервые на подобен «Ангельския предъидите силы».

Признать удачным это наше выступление не могу. Причины этого вижу в следующем. До самого последнего момента «Благослови душе» я не мог себе ответить, поем мы «Благослови» и «Хвали» или нет, так как участники хора подходили туговато. Это меня нервировало, и, в результате, я взял неудачный тон (низко). К этому же и голоса людей, только что вставших от сна, звучат до неприятного сипло и даже детонируют. Ну, да ладно, ведь этак мы пели в первый раз; в следующий раз постараемся спеть получше.

Обе половины Херувимской «благообразного» роспева пели одни. По тональности и исполнению — недурно.

* * *

Угощение хора на Успение состоялось. Как будто этой «вечеринкой» (в квартире О. В. Масловой) хористы и хористки остались довольны.

* * *

Многоподобен «Тебе Бога хвалим» составлен мною. Начинается с мелодии подобна «О преславное чудо» и заканчивается — [мелодией подобна] «Небесным чином». Всего в этот многоподобен мною вложены неповторяющиеся мелодии семи подобнов. Вчера, на спевке, приступил к разучиванию хором. Усваивают хорошо.

Тон — ля-бемоль.

Говорят, что я напрасно в эту *хвалебную* песнь включил мелодию подобна «Егда от древа», мелодию, которую мы привыкли слышать *на отпевании* умерших. Пожалуй, люди правы. Но дело в том, что я при составлении *главное* внимание употребил, откровенно говоря, не на соответствие мотивов с содержанием текста, а на незаметность переходов от мелодии одного подобна к мелодии другого, и, кажется, с этой задачей я, сравнительно, справился.

* * *

Купил «Легенду» Чайковского и переложил (на тон ниже) на крюки. Попробуем разучить⁵².

10 октября, вторник

31 августа я писал, что мы приступили в разучиванию «многоподобна». А в минувшее воскресенье мы его в первый и, может быть, в последний раз — спели в храме за литургией (на целовании Креста). «Ну, был денек!»

На прошлой спевке (в среду) этот «многоподобен» слышал о. Стефан, который нам тогда же дал свое согласие на исполнение его за литургией. Тем не менее в воскресенье за литургией я обратился к о. Стефану за благословением на пение «Тебе Бога хвалим», каковое и получил.

Поем... Несмотря на то, что мое внимание было сосредоточено на самом пении, — слышу на правом клиросе шум. Спели. Как-то чувствуется, что должны быть какие-то последствия. К сожалению, так и вышло. Ушел из храма никем не остановленный.

Днем приходит ко мне И. А. Яковлев и передает, что после обедни в храме была целая буря: Пугачев кричит, что «нам» не надо такого хора, пусть лучше поет один пономарь, чего смотрят наши попы? Е. И. Усов⁵³ заявляет, что это — позор, что он не может быть прихожанином храма, в котором поют такие вещи, что он просит взять у него ключи храмов... Им вторят М. Г. Капустин, К. М. Арсеньев,

⁵² Пышкин не знал, видимо, что раньше уже было сделано переложение «Легенды» на крюки (опубликовано в сборнике духовных стихов, как приложение к старообрядческому журналу «Щит веры»; Саратов, 1916).

⁵³ Евтихий Иванович Усов (1862—1934) — головщик левого клироса храмов Рогожского кладбища, библиотекарь Общины (1913—1918), в 1919—1926 заведовал музеем при Рогожском кладбище, совмещая должность хранителя и единственного научного сотрудника, в 1924—1934 научный сотрудник Отдела рукописей Румянцевского музея.

М. Ф. Федотов и присные. Шумели вовсю. И это продолжалось в то время, когда о. Стефан уже начал чин погребения. Лишь И. П. Трегубов, соблюдая спокойствие, призывал к тому же — других. Хотели тотчас вызвать меня на заседание Церковного совета, но почему-то не вызвали.

В этот же день, вечером, после всенощной (был канун дня Иоанна Богослова) приходит И. А. [Яковлев] и рассказывает «продолжение». Отец Петр посылает к себе на квартиру за книгой, которую приносят и читают. После чтения у о. Петра возникает диспут с некоторыми из присутствующих. М. Ф. Федотов указывает, что пение «Тебе Бога хвалим» у нас, старообрядцев, не принято и в старообрядческих книгах эту песнь он не встречал. О. Петр отвечает, что у нас многое «не принято», и указывает примеры:

— Устав на сегодняшний день велит мазать миром; почему мы не мажем?

— Ну и мажьте, мажьте, кто вам не велит?

— В наших книгах кроме «часов» есть «междочасие»; почему же *вы* не читаете? А почему *вы* не поете «Тебе Бога хвалим»? Да потому что вам не спеть!

— Я не спою? Да я пятьдесят лет пою, зубы пропел, и не спою?

— Споете, но как! Я пропевал этот «многоподобен» и лишь после троекратного пропевания его осилил!

Спор продолжался в том же духе. В заключение М. Ф. сказал, что — «ради мира церковного» — «Тебе Бога хвалим» петь не следовало бы. <...>⁵⁴

5 ноября 1922, воскресенье

Несмотря на шум, поднятый некоторыми по поводу пения «Тебе Бога хвалим», в прошлое воскресенье я рискнул это песнопение спеть во второй раз. На этот раз по благословию о. Петра Никифорова, служившего литургию. После... К клиросу подбегает И. П. Трегубов и, сначала с одной стороны, а затем с другой, смотрит, как мы поем: по книге или нет? Уходит...

В результате этого выступления я в тот же день получил следующее письмо.

Заведующему хором Рогожской общины
Дмитрию Федоровичу Пышкину

Настоящим доводим до Вашего сведения, что заведенное Вами новое пение, как то: «Верую» на восемь гласов и «Тебе Бога хвалим» на подобен, — весьма нервирует наших прихожан и вызывает крупные нарекания как на духовенство, так и на попечителей, и поэтому покорнейше просим Вас таковое пение оставить и придерживаться пения древлеправославного.

Председатель Совета И. Трегубов.

Церковный староста С. В. Мокин.

16/X 1922

⁵⁴ Купированы многочисленные выписки из разных источников о происхождении гимна «Тебе Бога хвалим».

Как мне сообщили, это письмо было написано в день нашего первого исполнения, но И. П. Трегубов отказался его подписать, говоря, что я человек вспыльчивый (!) и что мне лучше будет, если он переговорит со мною лично.

Оставить это письмо без ответа, конечно, нельзя. Надо будет Совету Общины представить соответствующий доклад.

Среда, 15 ноября 1922

В день своих именин, 8 ноября (26 октября ст. ст.), я получил от хора подарок: серебряный портсигар⁵⁵.

Так как настоящий мой дневник иногда читается и некоторыми из членов хора, то распространяться в этом дневнике о чувствах, которые я испытал при получении подарка, о впечатлении, которое вызвано во мне было вниманием хора, — я не буду, скажу лишь: «коллеги, спасибо!»

* * *

Доклад (историческая справка) Совету Общины о «Тебе Бога хвалим» готов. В ближайшее воскресенье постараюсь его вручить Совету.

Суббота, 25 ноября 1922

В прошлое воскресенье доклад о «Тебе Бога хвалим» предоставил Совету Общины.

Суббота, 30 декабря 1922

В минувшее воскресенье был на концерте в Храме Христа Спасителя⁵⁶. Пел хор Большого Академического театра под управлением Данилина. Программа — Кастальский и Рахманинов. Лично я, да и другие, ожидал от этого хора большего. Весь концерт, если можно так выразиться, был построен на тенорах; на нихто Данилин и выезжал (отличный подбор теноров). Недурна была и партия басов, зато женская часть хора звучала неважно. Школа Синодального хора чувствовалась (Данилин — бывший регент Синодального хора), но все же это было не то, что в Синодальном хоре.

Из исполненных песнопений с мотивами знаменного распева следует отметить: «Верую» и «От юности» Кастальского и «Хвалите имя Господне» Рахманинова.

Говорят, что на это выступление хору потребовалось 26 спевков.

* * *

П. И. Власов передавал мне подробности рассмотрения моего доклада о «Тебе Бога хвалим» Советом Общины.

По прочтении доклада И. П. Трегубов обращается к присутствующим с предложением высказаться, и в частности Петру Ивановичу. Тот заявляет, что со всеми

⁵⁵ Удивительный для старообрядческой среды подарок!

⁵⁶ См. программу в разделе «Духовные концерты».

положениями доклада он вполне согласен. После этого начинается «наступление»: говорят К. Н. Оленев, В. А. Роспускнов, Е. И. Усов и др. В результате проводится резолюция в том смысле, что так как в докладе затронуты вопросы «догматические», Совет же Общины — орган хозяйственный, то доклад следует передать на рассмотрение архиерея.

Ну и логика! Запретить — мы тут как тут, а разрешить — «мы орган хозяйственный»...

* * *

Завтра иду на концерт в церкви «Троицы на Грязях», что у Покровских ворот. Поет местный хор под управлением С. А. Богословского.

С Богословским я познакомился недавно (он состоит заведующим Главным складом матер[иальной] сл[ужбы?] Курской дороги)⁵⁷. Что он представляет из себя как регент и как композитор (одно отделение концерта будет из его произведений) — услышим завтра.

* * *

Приехал архиепископ Мелетий⁵⁸. Был у него мой отец, в то же время был там и Трегубов. И вот, Трегубов и говорит архиерею: «Вот, его сын — регентом на Рогожском кладбище. Частенько угощает нас то “Верую” на 8 гласов, то “Тебе Бога хвалим”»...

Почтенный Иван Петрович! иногда и порицание приятнее слышать, чем похвалу!

* * *

В минувшее воскресенье в храме Каринкинской общины было торжественное богослужение. Служил епископ Геронтий, который по окончании литургии подверг критике *многоголосное* пение местного хора как таковое. Тотчас по окончании проповеди этим же хором был пропет «Ис полла» многоголосно!

Случайный читатель, у тебя этот курьез не вызывает улыбку? Наверное, когда говорил епископ, певцы думали: «Толкуй про сосновый, а еловый крепче!»

Вообще, о старообрядческом многоголосном пении в старообрядческих московских кругах идет большой разговор. И мне кажется, что в самом недалеком будущем этот вопрос должен решиться в ту или другую сторону. Долгое время неопределенность этого вопроса существовать не может.

* * *

Срок полномочий Хоровой комиссии окончился. На вчера было назначено Общее собрание хора. На собрание явилось очень много. Из разговоров выяснилось, что большинство считает Хоровую комиссию совершенно не нужной. Решили на ближайшей спевке объявить об упразднении Хоровой комиссии с возложе-

⁵⁷ См. личное дело Богословского в разделе «Дело Драмсоюза».

⁵⁸ Архиепископ Московский и всея России Мелетий (Картушин).

нием на меня «диктаторских» полномочий. Чудаки, предлагают мне взять самих себя в ежовые рукавицы! Нет, друзья, непорядки у нас не потому, что мы плохо организованы, а потому, что большинство из нас смотрит на свое пение в хоре не как на любимое дело, а как на своего рода развлечение.

Понедельник, 1 января 1923

Вчера был на концерте Богословского. Программа концерта:

- «Богородице Дево» — Калининкова
- «О, пресладкий и всещедрый Иисусе» — Чеснокова
- «Величит душа моя Господа» — Чеснокова (соло Качалова)
- Херувимская — Чайковского
- «Тебе поем» — Степанова (соло Качалова)
- Блаженны — Богословского
- «Елицы» — его же
- «Молитву пролию» — его же (соло Минеев)
- «Милость мира» и проч. — Богословского
- «Разбойника благоразумного» — его же (соло Триандофилион)
- «Хвалите имя Господне» — Богословского
- «Свете тихий» — Чеснокова
- «Ныне отпускаеши» — Строкина (соло В. Р. Петров)
- «Покаяния отверзи» — Веделя (в переработке Григорьева)
- «Верую» — Архангельского (соло Петров)
- «Слава в вышних Богу» — концерт Бортнянского

Как регент — С. А. Богословский хорош, как композитор — личность тоже незаурядная. Особенно хороши его «Блаженны» и «Молитву пролию». Этим двум вещам я предвещаю хороший успех.

В общем, концерт, по моему мнению, удачный. Регент со своим, сравнительно небольшим, хором с задачей справились вполне. Об исполнении сольных номеров говорить не приходится, об этом говорят имена исполнителей — Петров, Минеев, Качалова и Триандофилион.

Нельзя сказать, чтобы церковь была переполнена слушателями, но это, мне кажется, можно объяснить тем обстоятельством, что почти в это же время в церкви Никиты Мученика должна была идти какая-то «музыкальная всенощная» с бесплатным входом в церковь, да еще с участием протодиакона Холмогорова и артистов.

Среда, 3 января 1923

Получил записку следующего содержания:

Уважаемый Дмитрий Федорович!

Спешу Вас уведомить, что всенощную и литургию на Рождество Христово у нас будет служить архиепископ Мелетий, а потому покорнейше прошу Вас сделать завися-

щие от Вас по хору распоряжения. Угощение Вас с хором будет по примеру прошлых лет сделано на святках.

2/1 1923 г. С почтением к Вам, С. В. Мокин.

Это значит: «Друзья, подтянитесь!»

Понедельник, 19 марта 1923

До сих пор ничего не знаю о дальнейшей судьбе моего доклада о пении «Тебе Бога хвалим». Уж не погиб ли он в недрах архиерейской канцелярии? Надо официально запросить Совет Общины.

* * *

Говорят, Каринкинским хором получено от архиепископа письменное запрещение многоголосного пения.

Интересно, как в дальнейшем будет поступать В. П. Марков⁵⁹?

Не так давно Каринкинский хор во время служения архиепископа пел унисонно, но затем опять перешел на многоголосие и, в результате, получил указанное запрещение.

* * *

Несколько времени тому назад Совет Общины ассигновал нашему хору 500 руб. (выпуска 1923 года), но выдал лишь 300 руб., которые и пришлось разделить по рукам. Остальные 200 руб. так и остались за Советом.

На вчерашнем заседании Совет Общины постановил ассигновать хору на праздник Пасхи 1000 руб.

* * *

В состав переизбранного Совета Общины вошел член хора — И. А. Яковлев.

* * *

Уже прошла спевка к Вербному Воскресенью и Благовещению. Остаются — к Великой Субботе и Пасхе.

На Светлой заутрени, во время христосования, предполагаю петь «Христос Воскресе» в следующем порядке:

1. Демеством — на церковнославянский текст
2. 5-го гласа — то же
3. Демеством — на греческий текст
4. Простое
5. Греческая мелодия — на греческий текст.

⁵⁹ Василий Павлович Марков (ум. в 1946), в 1930-е руководитель левого клироса рогожского хора, в 1946 поставлен в диакона.

* * *

Хор лишился Л. П. Никифоровой и М. Ф. Зябкиной (вышли замуж). М. А. Муравлева тоже по случаю ученья не может посещать спевки. Коновалова по той же причине можно считать выпавшим из хора уже давно.

* * *

Вчера за обедней я не был, так как ходил на работу. Говорят, в «Символе веры» соврали на словах «иже от Отца рожденного *прежде* всех век».

19 декабря 1923

Вот это здорово: не писал ровно девять месяцев! А ведь за эти девять месяцев были же кое-какие события в жизни хора! Надо вспомнить и, хотя кратко, отметить.

* * *

Прошедшим летом ничтожное вознаграждение, полученное хором за пение одной свадьбы, мною было, как это практиковалось и прежде, разделено поровну между всеми принимавшими участие в пении, без различия «пола, возраста и голоса». Это вызвало решительное недовольство некоторых «старичков». В результате М. Крутиков и М. Яковлев не стали ходить на спевки и богослужения. Мною было твердо заявлено хору, что кто недоволен, тот может из хора выйти, и что я буду продолжать свою хоровую деятельность хотя бы и с пятью-шестью человеками. Некоторое время указанные хористы на нашем горизонте не появлялись, но затем смирились и вновь влились в состав хора.

* * *

23 января ст. ст., в воскресенье, некоторые члены хора приняли участие в пении единоверческой церкви. Письмом от 25 января ст. ст. епископ Александр обратился ко мне с просьбой посоветовать указанным членам хора, как нарушившим церковные традиции (святым Апостол правило 10-е и Лаодикийского Собора правило 33-е), «попросить священника, чтобы прочел им молитву от скверны и прощение, преподав благословение на молитву и пение с верными».

Епископу Александру я ответил, что письмо его хору мною прочитано, что некоторые заявили, что они обратятся к священнику. Что касается некоторых, не пожелавших идти к священнику, мною было указано, что лучше это оставить на их совести. На последнее епископ Александр на моем письме написал: «Этого нельзя оставить так...»

Этим дело и кончилось.

* * *

В сентябре на одной из спевок получил письмо, в котором неизвестный автор пробирает язычки женского персонала хора. Письмо огласил. Немного пошумели.

Впоследствии мне удалось выяснить, что автором письма была одна из хористок.

* * *

11 ноября, на лекции А. В. Зайцева, руководитель Сухиничского хора⁶⁰ Прокопий Савельевич Козлов обратился ко мне с просьбой дать ему «Тебе Бога хвалим». Просьба мною была исполнена.

Надо бы запросить Козлова, поет ли Сухиничский хор это песнопение.

* * *

В один из двенадцатых праздников «светилен» (на входе) спели с довольно яркой «второй» теноров и басов любительского хора, вызвав неудовольствие нескольких «ревнителей древлего благочестия».

За всенощной на празднике Введения стихиру «на хвалитех» «Свещеносицы девы» спели двухгласно. Служивший архиепископ Мелетий прислал из алтаря стихарного с просьбой «так не петь».

* * *

Антифоны 4-го гласа «От юности моя» иногда поем «Морозовским» роспевом.

* * *

Прошедшим летом мною написано небольшое сочинение на тему «Унисон или многоголосие (к вопросу о допустимости в старообрядческом хоре пения многоголосия)».

* * *

24 декабря 1923

Как сильно я ошибся: ведь участие в венчании в единоверческой церкви певцы нашего хора принимали не в текущем году, а в 1922-м (!!!)

20 марта 1924

В минувшее воскресенье (16 марта) мы, в составе 17 человек (Д. Пышкин, М. Крутиков, Д. Чучев, П. Власов, Н. Тарасов, М. Яковлев, И. Яковлев, Г. Смирнов, Н. Сорокин, И. Анохина, Е. Коновалова, Булатова, Никифорова и Ферাপонтова), пели литургию в Успенской общине в Гавриковом переулке. Литургия, к сожалению, служилась в нижнем храме, обладающем незавидной акустикой.

«Благослови душе моя Господа» пели поклиросно (с местным хором) на подобен «Небесным чином», «Хвали душе» — мы одни на подобен «Ангельский предидите»; запевы на «блаженных» говорила Зубова; «Приидите поклонимся» и «О Тебе радуется» пели на сходе совместно с местным хором; Херувимскую пели мы (на левом клиросе) — «Благообразную»; песнопения после Херувимской нами были исполнены демественного роспева. Как новость для нас, пришлось петь (поклиросно) на 7-й глас «Благословлю Господа».

⁶⁰ Очевидно, из города Сухиничи Калужской области.

Местный хор (правый клирос), певший — надо отдать справедливость — очень недурно, пел со «второй» (Сергей Елисеевич Григорьев и др.). Мы пели строго в унисон. Зато уж на целовании Креста «Тебе Бога хвалим» на 7-й глас мы спели трехголосно и слишком «велегласно» и «высочайшим гласом». Боялся за сопрано: слишком высоко; но ничего: вынесли! Как только кончили — в храме была мертвая тишина, муха пролетит — услышишь! После обеда местный попечитель, П. П. Царсков, сказал: «Вот если б вы конец-то сделали и началом!» Одним словом, наш трехголосный 7-й глас произвел, как говорится, фурор.

В общем, наше выступление нельзя назвать неудачным.

В местном хоре особенное внимание обращает А. Козлова (сопрано), обладающая мягким, красивым голосом и хорошо им владеющая.

Приглашали нас спеть обедню еще раз, на что мы дали обещание петь в четверг на Пасхе.

15 апреля 1924

За всенощной под Благовещение стихиру «на хвалитех» «Гавриил к Девей благовести» (подобен «Небесным чином») мы спели на два голоса. К глубокому сожалению, вышел полный скандал. С. Е. Хрусталева, по обыкновению, не выдержал и прибежал к нашему клиросу. Обратился (не ко мне, как бы следовало, а к Н. П. Сорокину) со словами «как всем не стыдно» и т. д.

На этот раз мое, не первое, «вольнодумство» не обошлось без того, чтобы не стать известным архиепископу. На заседании Совета Общины 13 апреля, совместно с представителями других московских общин, архиепископ «проехался» на наш счет. В его речи о необходимости бороться с «грехом» многоголосия было характерно следующее. Архиепископ Мелетий отметил, что принятые им в борьбе с многоголосием меры уже дали положительные результаты. Очевидно, он имел в виду В. П. Маркова. Но в то же время архиепископ отмечает, что к нему «со всех концов России» несутся протесты против многоголосного пения (без сомнения, отдельных лиц). Мне думается, что это «со всех концов» указывает на то, что постепенное развитие в старообрядческом церковном пении многоголосия не является случайным явлением, а носит более глубокий характер, с течением времени переходящий в явление, так сказать, стихийное. А тут уже борьба сторонников унисона, с аргументами, имеющими под собою весьма слабую почву, не может иметь большого успеха. Эта борьба может лишь отдалить момент полной победы многоголосия.

Как бы там ни было, все же в четверг на Св. Пасхе в Гавриковом переулке мы предполагаем спеть Херувимскую «Иосифовского» роспева в трехголосном исполнении.

9 июня 1924

Наше выступление в четверг на Св. Пасхе в Гавриковом переулке не состоялось, так как после пасхальных богослужений значительная часть хора «обезголосила».

Недавно вступили в хор два тенора: А. Я. Михайлов и П. А. Муравьев. Первый изрядно саботирует. При наличии голоса он, к сожалению, плохо знает наше пение.

17 июля 1924

Не так давно в Гавриковом переулке обедню в одно из воскресений пел Морозовский хор. Отзывы — самые наилучшие. Исполнение — строго унисонное. Большой интерес представило бы пение этого хора в нашем храме. В составе этого хора, как говорят, особенно выделяется своим сопрано Гречушкина.

* * *

За всенощной одного из Пасхальных дней в замоскворецком храме Шулевым было пропето соло «Плотию уснув». Служивший архиепископ Мелетий не выдержал такого новшества и, отворив южную дверь алтаря, предложил Шулеву замолчать. Шулев все же допел светилен до конца. Тогда архиепископ разоблачился и облачился вновь лишь после долгих уговоров. Говорят, что сначала архиерей воспротивился пению соло как таковому, а затем, когда ему доказали, что в этом нет ничего противного старообрядчеству, он стал указывать, что Шулев поет и в никоианских церквях. Весь этот инцидент ликвидировал о. Степан Коновалов, сказав владыке, что он уже прочитал Шулеву очистительную молитву; и на следующий день за обедней Шулев читал Апостол.

* * *

Хор Замоскворецкой общины в настоящее время в Москве занимает первое место как по количеству, так и по качеству голосов. В его состав входят такие величины, как Лукин, Шориков, Клочнев, Ис. Мих. Волков, Богатенко, Абрамов, Петров (тенор) и др. Сила, поистине, большая.

* * *

У Я. А. Богатенко явилась мысль издания на первых порах хотя бы писанного на машинке журнала, посвященного вопросам церковного пения. Об этом от имени Хоровой комиссии Замоскворецкого хора нами получены обращение и анкета. Последняя мною заполнена, прочитана (вместе с обращением) хору и возвращена. Издание такого журнала отрицательного отношения вызвать, по-моему, не должно; хотя Я. А. на поддержку со стороны руководителей московских хорov не надеется и питает надежду лишь на провинцию.

ДУХОВНЫЕ КОНЦЕРТЫ: 1920-е

Хорошо известно, что в 1920-е годы, и особенно в годы нэпа, в Москве, в Петрограде/Ленинграде, а также и в провинциальных городах во множестве проводились духовные концерты — обычно в храмах, но нередко и в концертных залах. Причины расцвета духовно-концертной деятельности — в общем те же, по которым в это же время расцветала практика торжественных служб с приглашением выдающихся диаконов, проповедников, регентов, хоров. В Москве в первые годы после 1917 религиозно-художественные мероприятия были поддержаны еще и авторитетом Святейшего Патриарха Тихона.

Духовные концерты многократно упоминаются в разных разделах настоящего тома; в некоторых материалах (например, в Дневнике Д. Ф. Пышкина) приводятся и их программы.

В данном разделе публикуется подборка программ духовных концертов, в основном опирающаяся на афиши из собрания Музея имени Глинки и Музея-квартиры Н. С. Голованова, но также и на другие источники (по возможности сохраняются оформление афиш и их тексты). Один из концертов, состоявшийся в городе Кимры, оказался связанным с именем новомученика протоиерея Феодора Колерова; он сопровождается дополнительным комментарием.

Михаил Губонин

Духовные концерты при Святейшем Патриархе Тихоне*

...В одном позднейшем церковно-литературном труде эпоха эта описывается в следующих выражениях:

«В ближайшие годы после октябрьского переворота Церковь переживала особое время расцвета и подъема [в широком смысле вызванных восстановлением Патриаршества]. Казалось, что Она расширилась и созидалась на долгие годы мира и духовного роста. Никто не думал о ближайшей перемене. Забила ключом приходская жизнь. С одной стороны, организовывались братства, с другой — являлись талантливые проповедники, привлекавшие массы религиозного и ищущего смысла и цели жизни народа. Детские елки, собрания по домам, доклады и диспуты так и рождались в удивительном этом периоде. Казалось, что кто-то развязал все узлы и освободил от уз религиозную мысль [и инициативу]».

Как бы то ни было, но в самом начале революции, когда еще не совсем угасли надежды на будущее, более или менее нормальное, положение Церкви в государстве, а потому и дело духовного образования казалось неизбежным в каком-то объеме, люди, болеющие этими вопросами, в целях изыскания хотя бы минималь-

* Современники о Патриархе Тихоне / Сост. М. Е. Губонин. Т. I. М., 2007. С. 306—312.

ных денежных средств, с благословения Святейшего Патриарха Тихона, решили в помещении Московского епархиального дома (тогда еще не окончательно отобранного у Церкви)¹ систематически устраивать различного рода духовные концерты с участием лучших артистических сил Москвы. Весь чистый сбор должен был поступать на дело духовного образования.

К участию же в концертах на первых порах предполагалось было пригласить (и в действительности приглашались) следующие лица из мира искусства Москвы: И. М. Москвин, О. Л. Книппер-Чехова, А. В. Нежданова, Ф. И. Шаляпин, протоиереи К. В. Розов, М. К. Холмогоров, лучшие церковные хоры московских храмов и многие другие.

Концерты происходили при переполненных сборах и сопровождалась неизменным, бурным успехом. В 1920 году, по требованию гражданской власти, все это начинание пришлось прекратить, так как этот выход из тяжелого материального положения совсем не устраивал тех, кто давно еще и с таким смаком придумывал удушающую петлю делу духовного образования русского религиозного юношества...

Неизменно посещал все эти концерты и сам Святейший Патриарх, как бы давая этим добрый пример своим пасомым.

Изыскивались необходимые денежные средства в Фонд духовного образования и через приходские храмы; был кликнут клич по всей Руси Великой. Здесь, в приходских храмах, также устраивались духовные концерты и богословские лекции-проповеди в разных вариантах. Тарелочный сбор поступал на те же цели.

Наконец, «внешние» совсем осерчали и взялись за свою обычную «научно-атеистическую» шарманку... И тут, конечно, не обошлось без яду:

Москва буквально обклеена афишами церковников. Аршинными буквами москвичи оповещаются, что в таком-то храме, при участии Неждановой, Смирнова и Петрова, состоится лекция-концерт, или «вечер духовных песнопений». <...>

В последнее время в практику церковников вошло афишами же оповещать Москву о патриарших служениях, совершаемых «при участии архидиакона Розова». Афиши выпускаются и в том, наконец, случае, когда в каком-либо храме, по случаю престольного праздника или иного церковного торжества, богослужение совершает архиерей (Революция и Церковь. 1919. № 1)².

В связи со всем вышесказанным следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что Святейший Патриарх — как никто другой — с большим доброжелательством организовывал и поощрял всякую инициативу в деле устройства всех этих концертов, так как смотрел на них не только как на предприятия материального значения, но в гораздо большей степени усматривая в них один из очень

¹ В программах этого периода место проведения концертов обозначается как Соборная палата (Лихов переулок).

² См. материалы из этого журнала в Хронике.

действенных путей для религиозного, богословского и церковно-эстетического воздействия на души человеческие, которым ни в коем случае не следует пренебрегать в наши дни...

И надо сказать, что именно этим путем церковно-религиозного просвещения Святейший Патриарх, на всем длительном пути своего миссионерского делания, пользовался постоянно и очень охотно. Ни в одном учебном заведении и ни на одной архипастырской кафедре он не забывал использовать все эти религиозно-просветительские мероприятия. <...> Есть основания полагать, что [он] и сам любил посещать всевозможные духовные концерты и разного рода иные церковно-просветительные мероприятия. <...>

Иван Василевский

О. Л. Книппер-Чехова в Соборной палате*

В первые годы революции в Москве практиковалось устройство духовных концертов с участием крупнейших и известнейших исполнителей. Происходили они в Соборной палате (в Епархиальном доме), и на всех неизменно присутствовали Патриарх Тихон, профессура ликвидированных Духовных академий, писатели, интеллигенция, да и вообще — самая разнообразная публика. Словом, народу собиралось столько, что обычно мест для желающих попасть на концерт не хватало, несмотря на солидные размеры палаты.

Тематические концерты эти включали в себя самую разнообразную программу. Иногда художественные музыкальные произведения исполнялись вперемежку с лекциями и докладами на церковно-исторические или богословские темы. В других случаях — бывали и исключительно музыкальные концерты, на которых лучшие, прославленные московские хоры исполняли редкие и сложные песнопения, и так далее.

Устройством и организацией этих концертов занимался я при помощи нескольких энтузиастов этого дела.

Один из таких концертов посвящен был переживаемым тогда бурным революционным событиям и отношению к ним русских матерей. Тема трагическая и острая, так как, естественно, не было в стране ни одной семьи, в которой не создалась бы та или иная тяжелая ситуация. Во втором отделении должна была выступать Ольга Леонардовна Книппер-Чехова с чтением «Плача Богородицы», в сопровождении исполнения хором И. И. Юхова «Не рыдай Мене Мати» и других подобных же произведений. Приехала она примерно за целый час до начала, и до самого ее появления в Епархиальном доме я очень беспокоился: в каком виде она появится? «Ведь лютеранка, — думалось мне, — явится еще в каких-нибудь там

* Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. С. 107—109.

бриллиантовых серьгах или в каком-нибудь необыкновенном туалете, как у них там, у актеров, принято — с хвостом или декольте, — все пропадет: убьет одним хвостом сразу же всю идею концерта». Но не успела она показаться, как я сразу же и совершенно успокоился, да и не только успокоился, но в душе и восхитился ее умом и деликатностью, внутренним тактом: она была в строгом, но изысканнейшем черном платье безо всяких выкрутас и украшений и в черной кружевной «испанской» шали, небрежно, но артистически в то же время наброшенной на голову. В довершение же всего на груди ее на черном шелковом шнурке висел замечательно красивый гранатовый, кажется, крестик.

Ее очень взволновало и обеспокоило то, что выступать ей придется «в церкви», но я ее тут же успокоил, сказав, что церковь во время концерта будет отгорожена от зала железным занавесом, который специально и был предусмотрен в свое время для тех случаев, когда зал заседаний следовало изолировать от храма, и при этом он принимал вполне светский, гражданский вид деловой аудитории... Беспokoило ее и присутствие на концерте Патриарха, но и по этому пункту я ее ободрил сколько мог, пообещав даже познакомить с Патриархом, чтобы она имела возможность лично убедиться в его благодущии и доброжелательстве к концертам этим, их исполнителям и вообще ко всем людям на свете.

Тут же научил ее, как полагается складывать руки, когда он будет благословлять ее и прочее.

— И надо поцеловать ему руку? — поинтересовалась она.

— Ну, это необязательно, — ответил я. — Вообще у нас это принято, но это — как вы пожелаете и сочтете нужным. Захотите — так поцелуете...

Перед началом концерта я сбегал и разыскал Патриарха, только что прибывшего в Соборную палату, и, рассказав о том, как нервничает Ольга Леонардовна, просил его разрешения представить ему ее. Он, разумеется, согласился, и я привел ее к Патриарху, который, благословив ее, сказал ей тут же, без предисловий:

— Ну вот, говорят, вы что-то пугаетесь нас. Не пугайтесь. Мы не очень-то уж страшные. Успокойтесь, — все обойдется очень хорошо. Пойдемте-ка садиться. — И он с разговорами увлек ее в зал, где предложил ей место рядом с собою, так что она, сидя рядом с Патриархом и беседуя с ним, прослушала все первое отделение концерта.

А в первом отделении выступал Д. И. Боголюбов с прекрасной и глубокой речью, посвященной переживаниям и страданиям христианских матерей и вообще, и — особенно — применительно к данному тяжелому переживаемому всеми моменту.

Он говорил замечательно воодушевленно и буквально потряс слушателей трогательной взволнованностью и той болезненной актуальностью своей речи, которая нашла жгучие отклики в душе каждого из них.

А когда после него на эстраде появилась О. Л. Книппер-Чехова и, опершись рукою на стол, под аккомпанемент прекрасных и печальных напевов юховского хора — произнесла первые слова своего монолога, обращаясь к незримому Хри-

сту: «Чажо мое!» — слова Богоматери над гробом Своего изувеченного и убитого Сына, — то все увидели, что по щекам ее медленно катятся слезы...

Концерт прошел с чрезвычайным успехом³.

Москва

В четверг 12 апреля (ст. ст.) 1918 года
С благословения Святейшаго Патриарха
В Соборной палате
Союзом духовенства и мирян устраивается

Вечер духовных песнопений и стихов
С лекцией профессора Московского университета протоиерея Н. И. Боголюбского

Отделение 1-е

«Виждь твоя пребеззаконная дела» — Львова

«Се Жених» — Римского-Корсакова

«Разбойника благоразумнаго» — Воротникова

Исп. Патриарший архидиакон Розов, Л. И. Юхова-Сатеева и С. Н. Таран

«Да исправится молитва моя» — Чеснокова

Исп. Л. И. Юхова-Сатеева с хором

Профессор протоиерей Н. И. Боголюбский прочтет лекцию на тему «Антихрист в драме Л. Андреева “Савва”»

«К Богородице прилежно» — Гречанинова

Исп. хор под управлением И. И. Юхова

«Христос молился», ария из оратории «Иуда», муз. [Ивана] Шмелева

Исп. о. диакон Остроумов

Псалмы — Ипполитова-Иванова

³ М. Е. Губонин дополняет материал Василевского:

За это свое выступление в Епархиальном доме О. Л. Книппер-Чехова от вознаграждения категорически отказалась. В ответ на все мои просьбы и уговоры, говорит И. И. Василевский, она решительно отвечала, пожимая обе мои руки: «Не надо, не надо. Пожалуйста, ничего не надо. Благодарю очень, очень... То, что я сама пережила, выступая у вас, — мне дороже всяких денег!» <...>

Помянем здесь и о том большом и глубоком почитании, какое высказывал в отношении Святейшего Патриарха Тихона Ф. И. Шалапин, также предполагавший выступить на религиозных концертах в Епархиальном доме, о чем уже велись им соответствующие переговоры все с тем же неутомимым И. И. Василевским. Практически участие Ф. И. Шалапина в этих концертах не осуществилось, так как, кажется, весной 1921 года он навсегда покинул родину (С. 311—312).

Исп. артист Государственных театров В. В. Максимов под аккомпанемент кларнета (г. Розанов), валторны (Андрушкевич), арфы (г-жа Корчинская)

Отделение 2-е

«Чтение дьяком люду московскому послания Патриарха Гермогена тушинским изменникам в 1609 году» — Кастальского

Исп. о. диакон Холмогоров с хором под упр. И. И. Юхова

«По пути в Иерихон» — Чеснокова

«Святый Боже» — Чеснокова

«Последний час» — Фофанова [стихи]

«Хвалите Господа с небес», хор из трагедии «Царь Иудейский» К. Р. — муз.

Глазунова

Исп. артист Государственных театров В. В. Максимов с хором, под упр. И. И. Юхова

Начало в 4 часа дня

Аплодисменты безусловно не допускаются

Дом союзов

Большой зал б. Благородного собрания

В Вербное воскресенье 15 (28) апреля 1918 года

Денной духовный концерт при участии заслуженной артистки Государственных театров А. В. Неждановой, артистов Государственных театров Д. А. Смирнова и В. Р. Петрова и полного Хора И. И. Юхова под его управлением

Отделение 1-е

1. Кастальский. Верую № 1

2. Кастальский. Ныне отпускаеши. *Исп. Петров с хором*

3. Чесноков. Ангел вопиаше. *Исп. Нежданова с хором*

4. Соколов. Ныне отпускаеши. *Исп. Смирнов с хором*

5. Львов. Херувимская № 1

6. Чесноков. Благослови душе моя Господа (из всенощной; 1-й раз по рукописи)

Посвящается хору Юхова, написано для настоящего концерта

Исп. Нежданова, Петров, Смирнов с хором

Отделение 2-е

1. Калинин. Свете тихий

2. Голованов. Тебе поем (1-й раз по рукописи; написан для настоящего концерта)

Исп. Нежданова с хором

3. Турчанинов. Воскресни Боже. Трио. *Исп. Смирнов, Петров и А. Н. Толстов*

4. Ведель. Покаяния. *Исп. Смирнов, Петров и А. Н. Толстов*

5. Львов. Виждь твоя пребеззаконная дела
6. Чесноков. С нами Бог. *Исп. Смирнов с хором*

Начало в 14 часов дня
Устроитель И. И. Сафонов

Дом союзов

Большой зал 6. Благородного собрания
Среда, 9 мая ст. ст. 1918 года

Денной духовный концерт при участии заслуженной артистки Государственных театров А. В. Неждановой, артистов Государственных театров Д. А. Смирнова и В. Р. Петрова и полного Хора И. И. Юхова под его управлением

Отделение 1-е

1. Смоленский. Стихиры Пасхи
2. Строкин. Ныне отпускаеши. *Исп. Петров с хором*
3. Чесноков. Ангел вопияше. *Исп. Нежданова с хором*
4. Соколов. Ныне отпускаеши. *Исп. Смирнов с хором*
5. Калинин. Херувимская
6. Чесноков. Благослови душе моя Господа. *Соло: Нежданова, Смирнов и Петров с хором*

Отделение 2-е

7. Кастальский. «Чтение дьяком люду московскому послания Патриарха Гермогена тушинским изменникам в 1609 году». *Исп. Петров с хором*
8. Рахманинов. Шестопсалмие
9. Голованов. Тебе поем. *Исп. Нежданова с хором*
10. Турчанинов. Воскресни Боже. Трио. *Исп. Смирнов, Петров и Толстов*
11. Чесноков. Свете тихий
12. Чесноков. С нами Бог. *Исп. Д. Смирнов с хором*

Начало в 2 с половиной дня
Устроитель И. И. Сафонов

Маросейка, Козмодемьянский переулоч, д. 9. [Общество] купеческих приказчиков Старобрядческая Народная Академия
1 июля (по старому стилю) 1918 года
состоится лекция Я. А. Богатенко:
«Искусство в старообрядчестве» (Русское духовное пение прошлых веков)⁴

⁴ О Я. А. Богатенко см. в других разделах книги. Подобные концерты проводились руководимым им хором Братства и до 1917.

Во время чтения старообрядческим соединенным (мужским и женским) хором, состоящим при Московском Братстве Честнаго Креста, будут исполнены (под управлением лектора) в виде живой иллюстрации следующие песнопения:

Отделение первое (Церковно-богослужбные песнопения)

1. «Множество содеянных ми зол». Стихира в Неделю Великого Поста знаменного роспева, 6-го гласа
2. «Днесь раждает девая творца всем». Стихира Рождеству Христову 8-го гласа с «анененайками» (по рукописи XVIII века)
3. «Хвалите Господа с небес» (с припевами). Псалом 148-й, на два лика (антифонно). Из чина Светлой Заутрени
4. «Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю». Прокимен великий на вечерне в Великую Четыредесятницу. Демественного роспева
5. «Крест хранитель всей вселенной». Светилен на Воздвижение Честнаго Креста Господня (внегласового роспева).

Отделение второе (Домашнее пение: старинные духовные стихи и псалмы)

1. Плач Иосифа Прекрасного (с «возглашением»).
Возглашение: Блажен еси, Иякове, святы́й муж Израилю.

Кому повем печаль мою,
Кого призову ко рыданию?

2. Стих «О золотой книге»

Грядет старец из пустыни,
Черноризец из вертепу.

3. «Взира́й с прилежанием» (Стих зело полезный)

Взира́й с прилежанием,
Тленный челове́че.

4. Стих о Иоасафе, цареви́че Индийском (на два хора)

Приидите вернии, лю́дие внушите,
Дивная има́м ре́щи, умильно судите.

5. «О ко́ль наше на сем свете житие плачевно»

6. Стих «Поминальный»

Да помянет Господи
Род ваш и пле́мение.

Правление

Начало в 2 часа дня

Соборная палата**В среду, 9 октября н. ст. 1918 года****Вечер духовных песнопений Хора И. И. Юхова****При участии артиста Государственного Большого театра В. Р. Петрова и солистов хора: А. И. Юховой, С. Н. Тарана и А. А. Букиш***Отделение 1-е*

1. Астафьев. Совет превечный
2. Калининков. Свете тихий
3. Чесноков. Величит душа моя Господа. *Исп. А. И. Юхова с хором*
4. Чесноков. Ныне отпускаеши знаменного роспева
5. Чесноков. Разбойника благоразумнаго. *Исп. С. Н. Таран с хором*
6. Гречанинов. К Богородице прилежно

Отделение 2-е

7. Строкин. Ныне отпускаеши. *Исп. Петров с хором*
8. Кастальский. Милосердия двери
9. Черепнин. Достойно есть
10. Львов. Херувимская
11. Голованов. Тебе поем. *Исп. А. А. Букиш с хором*
12. Чесноков. Благослови душе моя Господа. *Исп. А. И. Юхова, С. Н. Таран и В. Р. Петров с хором*

Начало в 5 с половиной часов вечера
 Концертное агентство Лекае и Персон
 (Кузнецкий мост, 15)

Соборная палата**Понедельник, 18 ноября 1918 года 5 часов дня****Православная народная академия****Открытие курсов второго отделения****Торжественный акт под председательством Его Святейшества Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея России****Программа***Отделение 1-е*

- Краткое слово Его Святейшества
 Отчет о состоянии академии — пом. ректора академии В. П. Виноградова
 Краткий доклад — тов. председателя академического общества С. М. Битюкова

Духовные стихи в исполнении почетного члена и преподавателя академии артиста драматического театра В. В. Максимова и Хора И. И. Юхова

Актовая речь ректора академии проф. протоиерея Н. И. Боголюбского о драме «Царь Иудейский»: «Он или нет?»

Священные песнопения Страстной Седмицы исполняет Хор И. И. Юхова

Аплодисменты безусловно не допускаются

24 ноября в воскресенье н. ст. 1918 года в 5 часов вечера
Соборная палата

Хором И. И. Юхова будет исполнена полностью Литургия, муз. Чайковского
Чесноков. Заупокойная ектения и Вечная память
Соло исполнит о. протодиакон М. Холмогоров
Концертное агентство Лекае и Персон

Декабрь 1918 года

Лютеранская церковь свв. Петра и Павла

Рождественский концерт при участии большого смешанного хора под управлением
И. И. Юхова, артиста б. театра Корш В. В. Максимова и артиста Академического
Большого театра С. П. Юдина

Литургия Чайковского

1. Ектения
2. Слава. Единородный
3. Приидите поклонимся
4. Господи спаси
5. Ектения
6. Херувимская
7. Верую
8. Милость мира
9. Тебе поем
10. Достойно есть
11. Отче наш
12. Хвалите Господа

Исп. Хор под упр. И. И. Юхова

Перерыв

1. Страделла. Pieta Signore (Господи помилуй)

Исп. С. П. Юдин с сопровождением органа

2. Моцарт. Ave verum

3. Адам. Гимн Рождеству

Исп. В. В. Максимов с сопровождением виолончели, арфы, органа и хора под упр. И. И. Юхова

Партию виолончели исп. В. И. Матковский

Партию арфы исп. М. А. Корчинская

Партию органа исп. А. А. Радкеп

Начало в 2 часа дня

Простят соблюдать тишину, не аплодировать и снимать головные уборы
Во время исполнения вход в храм не допускается

16 февраля 1919 года

Соборная палата

Первый концерт цикла лекций по истории церковной музыки при участии хора церкви Рождества, что в Путинках, под управлением И. И. Юхова, при участии Неждановой, Степановой и Петрова

Вступительное слово Д. В. Аллеманова

В программе сочинения А. А. Архангельского и П. Г. Чеснокова

В церкви Св. Великомученицы Параскевы, что на Пятницкой улице

В среду, 17 (30) апреля 1919 года в 5 часов вечера

исполнены будут духовные песнопения при участии:

заслуженной артистки Государственных театров А. В. Неждановой,

Артиста Государственных театров В. Р. Петрова

Хором из артистов хора Государственного Большого театра под управлением

Н. С. Голованова и П. Г. Чеснокова

Программа

1. «Верую». Муз. Кастальского

2. Шестопсалмие. Муз. Рахманинова

3. «Тебе поем». Муз. Голованова

Исполнит А. В. Нежданова

4. «Иже херувимы». Муз. Турчанинова

5. «Ныне отпускаеши». Муз. Кастальского

Исполнит В. Р. Петров

6. «Господи помилуй». Муз. Львова

7. «Ангел вопияше». Муз. Чеснокова
Исполнит А. В. Нежданова
8. «Вечери Твояе». Муз. Чеснокова
9. «Благослови душе моя Господа». Муз. Чеснокова
*Исполняют А. В. Нежданова, В. Р. Петров и ****
10. «Пасха» Смоленского

В воскресенье 11 мая 1919 года

Молитвенное собрание в храме св. мученика Трифона, что на 3-й Мещанской улице, на котором будут исполнены духовные песнопения

Хором из артистов хора Большого театра и при участии артистов Государственного театра А. В. Неждановой и В. Р. Петрова под управлением Н. С. Голованова

1.

1. М. Глинка. Херувимская песнь (6-голосная)
2. А. Кастальский. «Ныне отпускаеши» (*Соло В. Р. Петров*)
3. П. Чесноков. «Разбойника благоразумнаго»
4. А. Львов. «Виждь твоя пребеззаконная дела»
5. С. Рахманинов. «Тебе поем» (*Соло А. В. Нежданова*)
6. Г. Львовский. «Господи помилуй» (на Воздвижение Честного Животворящего Креста Господня)

Беседа П. И. Астрова (члена Св. Собора)

2.

1. П. Чесноков. «Благослови» из Всенощной (*рукопись*)
2. П. Чайковский. Херувимская песнь
3. Н. Голованов. «Тебе поем» (*рукопись*) (*Соло А. В. Нежданова*)
4. Н. Голованов. «Плотию уснув»
5. П. Чесноков. «Ангел вопияше» (*Соло А. В. Нежданова*)

Начало в 5 часов вечера

В воскресенье 5 (18) мая 1919 года

Молитвенное собрание в храме Святителя Николая на Долгоруковской улице, на котором исполнены будут духовные песнопения

при участии заслуженной артистки Государственных театров А. В. Неждановой, артистов В. Р. Петрова и Н. М. Пашутина

Хором из артистов хора Государственного Большого театра

под управлением хормейстера Государственного Большого театра Н. С. Голованова

Повторение предыдущей программы

В воскресенье 25 мая н. ст. 1919 года

Молитвенное собрание в храме св. мучеников Флора и Лавра (Зацепская площадь), на котором исполнены будут духовные песнопения при участии заслуженной артистки Государственных театров А. В. Неждановой, артистов Государственных театров Д. А. Смирнова и В. Р. Петрова и хором из артистов хора Государственного Большого театра под управлением Н. С. Голованова

I

1. М. Глинка. Херувимская песнь (6-голосная)
2. А. Кастальский. Чертог Твой (*соло Д. Смирнов*)
3. П. Г. Чесноков. Разбойника благоразумного
4. А. Львов. Виждь твоя пребеззаконная дела
5. С. В. Рахманинов. Тебе поем (*соло А. В. Нежданова*)
6. П. Воротников. Разбойника благоразумного (*исп. Д. Смирнов, К. В. Розов и О. И. Эйбоженко*)
7. Г. Львовский. Господи помилуй (на Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста Господня)

Слово [священника]

II

1. П. И. Чайковский. Херувимская песнь (из Литургии)
2. Н. С. Голованов. Тебе поем (*соло А. В. Нежданова*)
3. А. Д. Кастальский. Ныне отпускаеши (*соло В. Р. Петров*)
4. Н. С. Голованов. Плотию уснув
5. П. Г. Чесноков. С нами Бог (*соло Д. А. Смирнов*)
6. П. Г. Чесноков. Ангел вопиаше (*соло А. В. Нежданова*)
7. П. Турчанинов. Воскреси Боже (*исп. Д. А. Смирнов, К. В. Розов и Г. Г. Шараев*)
8. П. Г. Чесноков. Благослови душе моя Господа (на всенощной; *исп. А. В. Нежданова, В. Р. Петров и Д. А. Смирнов с хором*)

Начало в 5 часов

В храме при Странноприимном доме гр. Шереметева

29 мая 1919 года (в Вознесение Господне) в 4 часа дня

Хором из артистов хора Большого Государственного театра под управлением хормейстера этого театра Н. С. Голованова

При участии артистов Государственного театра А. В. Неждановой и В. Р. Петрова

Будет исполнено:

I

1. М. Глинка. Херувимская
2. А. Кастальский. «Ныне отпускаеши» (*Solo В. Р. Петров*)

3. П. Чесноков. «Разбойника благоразумного»
4. А. Львов. «Виждь твоя пребеззаконная дела»
5. С. Рахманинов. Тебе поем (*Solo А. В. Нежданова*)
6. Г. Львовский. «Господи помилуй» (поемое на Воздвижении Креста Господня)

II

1. П. Чайковский. Херувимская (e moll) из Литургии
2. Н. Голованов. «Тебе поем» (*рукопись*) (*Solo А. В. Нежданова*)
3. Н. Голованов. «Плотию уснув»
4. П. Чесноков. «Ангел вопияше» (*Solo А. В. Нежданова*)
5. П. Чесноков. «Благослови душе моя Господа» (*Solo исполняют А. В. Нежданова, В. Р. Петров, Н. М. Пашутин*)

В понедельник 9 июня 1919 года

Молитвенное собрание в храме преп. Сергия, что в Рогожской, на котором будут исполнены духовные песнопения хором из артистов хора Большого театра и при участии артистов Государственного театра А. В. Неждановой и В. Р. Петрова под управлением Н. С. Голованова

Будет исполнено:

I

1. М. Глинка. Херувимская
2. А. Кастальский. Ныне отпускаеши (*Solo В. Р. Петров*)
3. П. Чесноков. Разбойника благоразумного
4. А. Львов. Виждь твоя пребеззаконная дела
5. С. Рахманинов. Тебе поем (*Solo А. В. Нежданова*)
6. Г. Львовский. Господи помилуй (поемое на Воздвижении Креста Господня)

II

1. П. Чайковский. Херувимская (e moll) из Литургии
2. Н. Голованов. Тебе поем (*Solo А. В. Нежданова*)
3. Н. Голованов. Плотию уснув
4. П. Чесноков. Ангел вопияше (*Solo А. В. Нежданова*)
5. П. Чесноков. Благослови душе моя Господа (*Solo исполняют А. В. Нежданова, В. Р. Петров, Н. М. Пашутин*)

Добровольные пожертвования поступают на содержание храма

В воскресенье 19/6 июня (в День Св. Троицы) 1921 года

в церкви бывш. графа Шереметева (при Странноприимном доме) будет исполнена Литургия П. И. Чайковского хором артистов-солистов Большого театра под управлением Н. С. Голованова

В храме св. Флора и Лавра, что на Зацепе

В воскресенье 30 октября 1921 года состоится

Молитвенное собрание при пении Губонинской капеллы в составе 60 человек под управлением Г. И. Рютова, артистов Государственного Большого театра Е. А. Степановой и С. Н. Стрельцова, Великого патриаршего архидиакона К. В. Розова, солистов М. М. Стрельцовой, А. П. Чапыгина и др.

Будут исполнены следующие песнопения:

1-я часть

1. С нами Бог (*канонарх М. В. Безсонова*) Кастальского
2. Блажен муж (*соло А. П. Чапыгин*) Чесноков
3. Свете тихий Рютова
4. Ныне отпускаеши (*соло С. Н. Стрельцов*) Рахманинова
5. От юности моей Калиникова
6. Величит душа моя Господа (*соло Е. А. Степанова*) Чеснокова
7. Спаси Боже люди Твоя (*архидиакон К. В. Розов*) Рютова (*в 1-й раз по рукописи*)
8. Великое славословие (*соло М. М. Стрельцова, С. Н. Чапыгин и А. П. Чапыгин*) Рютова

Между 1-й и 2-й частью молитвенного собрания скажет слово профессор богословия священник С. Богословский

2-я часть

1. Великая ектения (*архидиакон К. В. Розов*) Чеснокова
2. Благослови душе моя Господа Шведова
3. Блаженны (*соло С. Н. Стрельцов*) Чеснокова
4. Херувимская песнь (6-голосная) Глинки
5. Верую (*соло А. П. Чапыгин*) Архангельского
6. Тебе поем (*соло Е. А. Степанова*) Чеснокова
7. Ангел вопиаше (*соло Е. А. Степанова*) Чеснокова
8. Отче наш (2-хорное) Сарти
9. Патриаршее многоголостование Кастальского. *Исп. Великий архидиакон К. В. Розов и хор*

Начало в 6 часов

Билеты по 10 000 рублей можно получить у зав. капеллой Г. Е. Захарченко, у регента Г. И. Рютова, в храме св. Флора и Лавра у приходского совета до и после церковных служб. Весь чистый сбор поступает в пользу голодающих Поволжья.

22 января 1922 года

Малый зал консерватории

Доклад Я. А. Богатенко на тему «Старинное русское пение» при участии старообрядческого хора

19 марта и 9 апреля 1922 года
Государственная филармония Н. К. П.
Большой зал консерватории

Вечер духовных песнопений в исполнении Государственной капеллы под управлением дирижера Госкапеллы П. Г. Чеснокова
При участии Е. А. Степановой, В. Р. Петрова, С. Н. Тарана
Программа

Отделение 1-е

1. Д. С. Бортнянский. Воспойте людие (2-хорный концерт)
2. А. Ф. Львов. Виждь твоя пребеззаконная дела
3. П. И. Турчанинов. Тебе одеющагося светом
4. М. И. Глинка. Херувимская песнь (6-голосная)
5. П. И. Чайковский. Верую
6. Н. А. Римский-Корсаков. Тебе Бога хвалим (2-хорное)

Отделение 2-е

7. А. Д. Кастальский. Тебе поем
8. А. Д. Кастальский. Бог Господь... Благообразный Иосиф
9. А. Т. Гречанинов. К Богородице прилежно ныне притецем
10. А. Т. Гречанинов. Волною морскою (ирмос-розник на Рождество Христово)
11. П. Г. Чесноков. Высшую небес
12. П. Г. Чесноков. Благослови душе (*для solo сопрано, solo баса, solo тенора и хора*)

Храм Большое Вознесение (у Никитских ворот)

В воскресенье, 24 сентября 1922 года, состоится духовные песнопения в исполнении Государственной хоровой капеллы (100 человек) под управлением профессора Московской консерватории П. Г. Чеснокова при участии артистов-солистов ГАБТ А. К. Матовой, А. Н. Садовой, И. П. Варфоломеева

Начало ровно в 7 часов вечера

12 ноября 1922 года
в церкви св. Адриана и Наталии
Программа духовных песнопений
Хора И. И. Юхова

Отделение 1-е

- Львов — Виждь твоя пребеззаконная дела
Чесноков — Блажен муж. *Исп. Сахчинский с хором*
Сарти — Отче наш

Чесноков — Да исправится молитва. *Исп. Юхова-Сатеева с хором*

Чесноков — Разбойника. *Исп. Лабинский с хором*

Гречанинов — Благообразный Иосиф

Степанов — Тебе поем. *Исп. Барсова с хором*

Отделение 2-е

Чесноков — Спаси Боже. *Исп. Холмогоров с хором*

Гречанинов — К Богородице прилежно

Рютов — Се ныне благословите Господа. *Исп. Лабинский с хором*

Чесноков — Величит душа. *Исп. Барсова с хором*

Архангельский — Блажен разумевай. *Исп. Таран с хором*

Кастальский — Ныне отпускаеши. *Исп. Холмогоров с хором*

Чесноков — Благослови душе. *Исп. Юхова, Таран и Сахчинский с хором*

Под управлением И. И. Юхова

Храм Большого Вознесения у Никитских ворот

Воскресенье 17 декабря (н. ст.) 1922 года

Программа исполняемых хором под управлением артиста Государственных Академических Театров М. И. Семенова духовных песнопений

1. [П. О.] Кочановский — «Душе моя»
2. Н. А. Римский-Корсаков — «Се Жених грядет»
3. А. Ф. Львов — «Виждь твоя пребеззаконная дела»
4. Дм. Бортнянский. Чертог Твой вижду
5. П. Воротников. «Разбойника благоразумнаго»
*Исп. В. Р. Петров, Н. М. Пашутин и ****
6. Прот. П. Турчанинов — «Благообразный Иосиф»
7. П. Г. Чесноков — Ангел вопияше
Исп. Е. А. Качалова и хор
8. Лянге [Г. В. Ланге] — Ныне отпускаеши
Исп. А. К. Минеев и хор
9. Г. И. Рютов — Се ныне благословите Господа
Исп. Н. Н. Триандофилион и хор
10. Сергей Богословский — «Молитву пролию ко Господу»
Исп. В. В. Осипов и хор
11. А. А. Архангельский — «Блажен муж»
Исп. Н. М. Пашутин и хор
12. [М. П.] Строкин — «Ныне отпускаеши»
Исп. В. Р. Петров и хор
13. М. А. Слонов — «Слава в вышних Богу»
14. П. Г. Чесноков — «Благослови душе моя Господа»
Исп. Е. А. Качалова, Н. Н. Триандофилион, В. Р. Петров и хор

Начало в 5 часов вечера

24 декабря 1922 года

Храм Христа Спасителя

Программа духовного концерта

Хора Государственного Академического Большого театра

под управлением Н. М. Данилина

1-е отделение

Из произведений А. Д. Кастальского

1. Единородный Сыне
2. Верую
3. От юности моя
4. Сам Един
5. Свете тихий
6. Благослови душе моя Господа

2-е отделение

Из произведений С. В. Рахманинова

1. Достойно есть
2. Да исполнятся уста наша
3. Малое славословие
4. Хвалите имя Господне
5. Воскресение Христово видевше
6. Взбранной Воеводе

Слово церковно-обновленческого движения прот. В. Красницкого

Воскресенье 14 января 1923 года

Духовные песнопения Хора И. И. Юхова

Программа

Чесноков — «С нами Бог»

Кастальский — «Дева днесь»

Андреев — Тропарь Рождеству

Завадский — «Отче наш»

Исп. Барсова с хором

Чесноков — Славословие

Кастальский — «Ныне отпущаеши»

Исп. [диакон] Холмогоров с хором

Рютов — «Се ныне»

Исп. Юдин с хором

Чесноков — «Святой Боже»

Исп. Юхова, Виноградова, Шабельская, Юхова-Сатеева и Матова с хором

Чесноков — «От юности моя»

Исп. Сахчинский с хором

Гуно-Андреев — «Богородице Дево»

Исп. Барсова с хором

Адам — Гимн Рождеству

Исп. Холмогоров с хором

Архангельский — «Ныне отпускаеши»

Исп. Юдин с хором

Чесноков — «Благослови»

Исп. Барсова, Холмогоров и Юдин с хором

Под управлением Ив. Ив. Юхова

Государственная Академическая Филармония Н. К. П.

Большой зал консерватории

В воскресенье 11 февраля 1923 года

Духовные песнопения в исполнении

Государственной Хоровой Капеллы под управлением Директора Госкапеллы

П. Г. Чеснокова

При участии Е. А. Степановой, В. Р. Петрова и Н. Г. Райского

Программа

1-е отделение

1. Чесноков — «Достойно есть»

2. Воротников — «Разбойника»

Solo исп. В. Р. Петров

3. Львов — «Виждь твоя пребеззаконная дела»

4. Голованов — «Тебе поем»

Solo исп. Е. А. Степанова

5. Чесноков. Великое славословие

6. Чесноков. Благослови душе моя

Solo исп. Е. А. Степанова, В. Р. Петров и Н. Г. Райский

2-е отделение

1. Глинка — Херувимская (шестиголосная)

2. Чесноков — «С нами Бог»

Solo исп. Н. Г. Райский

3. Чесноков — «К Богородице прилежно»

4. Чесноков — Херувимская

Solo исп. Е. А. Степанова, В. Р. Петров и Н. Г. Райский

5. Римский-Корсаков — «Тебе Бога хвалим» (2-хорное)
6. Бортнянский — «Воспойте людие» (2-хорное)

Начало в 1 час дня

Во время исполнения вход и выход из зала не допускаются

Большой зал консерватории

В воскресенье 25 марта 1923 года

Состоятся духовные песнопения

В исполнении хора, состоящего под наблюдением А. Д. Кастальского,

Под управлением К. С. Алексеева

Solo исполняют:

К. В. Розов

А. С. Пирогов 2-й

М. М. Стрельцова

Э. К. Александрович

Н. И. Гайдамаков

1-е отделение

Тропарь Великомученику Никите, Кастальского

«Помышляю день страшный», Архангельского

«Да исправится молитва», Чеснокова (*solo исполнит солистка хора Э. К. Александрович*)

«Егда славнии ученицы», Чеснокова

«Разбойника благоразумнаго», Кастальского

«Дева днесь», Кастальского

«С нами Бог», Чеснокова (*solo исполнит Н. И. Гайдамаков*)

2-е отделение

«Верую», Кастальского

«Милость мира», Рахманинова (*solo исполнит солистка хора М. М. Стрельцова*)

«Ангел вопияше», Чеснокова (*solo исполнит солистка хора М. М. Стрельцова*)

«Отче наш» двухорное, Сарти

«Ныне отпушаеши», Кастальского (*solo исполнит К. В. Розов*)

«Высшую небес», Чеснокова

«Благослови», Чеснокова (*solo — М. М. Стрельцова, Н. И. Гайдамаков и А. С. Пирогов 2-й*)

Начало в 2 часа дня. Подробности в программах

25 марта 1923 года

Московская художественная капелла под управлением И. Т. Калинина

Программа духовных песнопений

1-е отделение

1. Киево-Печерской Лавры — «Блажен муж»
 2. Кастальский А. Д. — «Свете тихий» № 3
 3. Гречанинов А. Т. — «Хвалите имя Господне»
 4. Рахманинов С. В. — Шестопсалмие
 5. Кастальский А. Д. — «Ныне отпускаеши» № 1
- Соло — М. К. Холмогоров*
6. Чесноков П. Г. — «С нами Бог»
- Соло — В. П. Дамаев*

2-е отделение

7. Шведов К. Н. — «Благослови» (из Литургии)
 8. Чайковский П. И. — «Достойно»
 9. Калинин В. С. — «Камо пойду»
 10. Калинин И. Т. — «На реках Вавилонских»
- Соло — С. М. Владиславлев, В. П. Колпенский, Б. В. Лазарев и Е. Н. Чучина*
11. Турчанинов П. И. — «Тебе одеющегося»
 12. Фор И. — «У Креста»
- Соло — В. П. Дамаев и М. К. Холмогоров. Аккомп. Крылов*

В заключение концерт А. А. Архангельского «Помышляю день страшный»
Соло С. М. Владиславлев

Начало в 4 с половиной часа дня

Воскресенье 1 апреля 1923 года

Храм Богоявления в Елохове

Программа духовных песнопений

в исполнении Хоровой академической капеллы в соединении с местным хором (всего 120 человек)

**Под управлением дирижера капеллы проф. П. Г. Чеснокова
и дирижера местного хора Л. Н. Войнова**

При участии артиста В. Р. Петрова и протодиакона К. З. Стельмаха

1-е отделение

1. «Воспойте» — 2-хорный концерт Бортнянского

2. Херувимская — Глинки
3. «Виждь твоя» — Львова
4. «Разбойника» (трио) — Воротникова
Исп. В. Р. Петров, Андреев и Петропавловская
5. «Егда славнии» — Чеснокова
6. «Благослови» — Чеснокова
Solo исп. В. Р. Петров, Андреев и Грузинская
Дирижирует П. Г. Чесноков

2-е отделение

1. «Достойно есть», ор. 38 — Чеснокова
2. «Блажен муж» — Чеснокова
Solo исп. К. Э. Стельмах
3. «Помышляю день страшный» — Архангельского
4. «К Богородице прилежно» — Гречанинова
Дирижирует Л. Н. Воинов
5. «Верую» Архангельского
Solo исп. В. Р. Петров
6. Отче наш, 2-хорный — Сарти
Дирижирует П. Г. Чесноков

Начало в 5 часов дня

Воскресенье 22 апреля 1923 года

Храм Христа Спасителя

Духовные песнопения в исполнении

Хоровой капеллы под упр. П. Г. Чеснокова

При участии А. В. Неждановой, В. П. Дамаева и Х. В. Толкачев

1. Стихиры Св. Пасхи — Смоленского
2. «Ангел вопияше» — Чеснокова
Solo исп. А. В. Нежданова
3. «Да воскреснет Бог» — Бортнянского
4. «Тебе поем» — Голованова
Solo исп. А. В. Нежданова
5. «Ныне вся исполнишася» — Виноградова
6. «Благослови душе моя» — Чеснокова
Solo исп. А. В. Нежданова, В. П. Дамаев, Х. В. Толкачев

Перерыв 10 минут

1. «С нами Бог» — Чеснокова
Соло исп. В. П. Дамаев
2. «Ангел вопияше» — Чайковского
3. «Достойно есть» — Чеснокова
4. «Отче наш» 2-хорное — Сарти
5. «Воскресни Боже» (трио) — Турчанинова
Исп. В. П. Дамаев, В. Ф. Теодорович и Х. В. Толкачев
6. «Воспойте», 2-хорный концерт — Бортнянского

Слово о предстоящем Соборе скажет протоиерей Кафедрального Собора В. Д. Красницкий⁵

**В храме во имя св. Николая Чудотворца, что в Ваганькове
13 мая н. ст. сего [1923] года**

по случаю 30-летнего юбилея духовно-певческой деятельности А. И. Кустова совершена будет торжественная вечерня протопресвитером о. Н. А. Любимовым с местным причтом в сослужении протодиакона М. К. Холмогорова при пении местного хора под управлением Н. С. Голованова и Н. И. Демьянова при участии заслуженной артистки А. В. Неждановой и артистов А. К. Минеева, Н. М. Пашутина и архидиакона К. В. Розова

Н. К. П.

**Концертное Акционерное Общество «Российская филармония» (Росфил)
Большой зал Московской Государственной Консерватории**

**Пятница 12 февраля 1926 года
Воскресенье 14 февраля (повторение)**

**Концерт Государственной Академической Хоровой Капеллы под управлением
проф. П. Г. Чеснокова**

Программа

Рахманинов: «Всенощная»

1. Благослови душе моя
 2. Блажен муж
 3. Свете тихий (киевского роспева)
 4. Ныне отпускаеши (киевского роспева)
- Соло исп. артист Г.А.Б.Т. С. Н. Стрельцов*

⁵ В это время Храм Христа Спасителя был уже захвачен «обновленцами», и В. Д. Красницкий являлся одним из главных деятелей «обновленчества» («Живой Церкви»).

5. Богородице Дево радуйся
6. Шестопсалмие

Антракт

7. Хвалите имя Господне (знаменного распева)
8. Благословен еси Господи (знаменного распева)
9. Воскресение Христово видевше
10. Величит душа моя Господа
11. Славословие великое (знаменного распева)
12. Взбранной воеводе (греческого распева)

Начало в 8 с половиной часов вечера

Начало концерта 14 февраля в 1 с половиной часа дня

Петроград/Ленинград

28 апреля 1918 года

Духовный концерт хора Государственной оперы в церкви св. Петра (Невский, 22)

В программе:

Рахманинов. Литургия

Под управлением А. И. Зилоти, хормейстер Г. Казаченко

20 октября 1918 года

Гербовый зал Дворца искусств

Хор Народной хоровой академии под управлением М. Г. Климова

Чайковский. Литургия

27 октября 1918 года

Гербовый зал Дворца искусств

Хор Народной хоровой академии под управлением М. Г. Климова

Чайковский. Литургия

30 марта 1919 года

Гербовый зал Дворца искусств

Хор Народной хоровой академии под управлением М. Г. Климова

Рахманинов. Всеночная

Вступительное слово — Н. Стрельников

25 апреля 1919 года

Гербовый зал Дворца искусств

Хор Народной хоровой академии под управлением М. Г. Климова

Рахманинов. Всенощная

27 апреля 1919 года

Гербовый зал Дворца искусств

Хор Народной хоровой академии под управлением М. Г. Климова

Римский-Корсаков, Глазунов (музыка к драме «Царь Иудейский»).

Вступительное слово — Н. Стрельников

13 и 15 июля 1921 года

Большой зал Государственной филармонии

Концерты Хора Государственной филармонии (бывш. Хора Архангельского)

Под управлением дирижера Московского Государственного хора композитора

П. Г. Чеснокова

С участием артистов Государственной Академической оперы М. В. Коваленко,

Н. Н. Кукулина и Н. П. Молчанова

Духовная хоровая литература

Отделение 1-е

Произведения П. Г. Чеснокова

1. Высшую небес
2. Чертог Твой
3. Ангел вопиаше, для сопрано solo и смешанного хора
Solo исп. М. В. Коваленко
4. Херувимская песнь (Стрелецкая)
5. К Богородице прилежно
6. От юности моя, для баритона solo и смешанного хора
Solo исполнит Н. П. Молчанов
7. Славословие великое, знаменного распева
8. Благослови душе моя Господа, греческого распева (рукопись). Для сопрано solo, тенора solo, баса solo и смешанного хора
Solo исполняют М. В. Коваленко, Н. Н. Кукулин и Н. П. Молчанов

Отделение 2-е

1. А. Кастальский. Сам Един еси безсмертный (киевского распева)
2. Н. Голованов. Ныне отпускаеши
3. Викт. Калинин. Богородице Дево
4. А. Кастальский. Милость мира (№ 2), знаменного распева
5. А. Гречанинов. Верую из Демественной литургии. Для тенора solo и смешанного хора

- Solo исполнит Н. Н. Куклин*
6. К. Шведов. Тебе поем
7. А. Кастальский. Свете тихий

31 августа и 3 сентября 1921 года

Большой зал Государственной филармонии

Государственный академический хор Государственной филармонии под управлением М. Г. Климова

Рахманинов. Всенощная (все 15 номеров)

15 октября 1922 года

Большой зал Государственной филармонии

Государственная капелла под управлением М. Г. Климова

Русская духовная музыка

В программе: Бортнянский, Львовский, Львов, Чесноков, Сарти, Соколов, [Иван] Руднев, Кастальский, Панченко

12 ноября 1922 года

Большой зал Государственной филармонии

Государственная капелла под управлением М. Г. Климова

Русская духовная музыка

Чайковский. Литургия

Большой зал Академической филармонии

Три концерта Государственного академического хора под управлением директора

Московской государственной академической капеллы П. Г. Чеснокова

С участием артиста-солиста Московской Государственной академической капеллы

Константина Васильевича Розова и артистов Петроградских академических театров

В. М. Афромеевой, Н. П. Молчанова и И. Г. Супруненко

Ряд произведений будет исполнен впервые в Петрограде по рукописям.

26 и 30 декабря 1922 года

Духовные песнопения

Отделение 1-е

Произведения П. Г. Чеснокова

1. Великое славословие (знаменного распева)

2. От юности моя — соло с хором

3. Ангел вопияше — соло с хором

4. Ектения просительная — соло с хором

5. К Богородице прилежно

6. Благослови душе моя Господа (греческого распева) для сопрано, тенора, баса и смешанного хора (*по рукописи*)

Отделение 2-е

Произведения А. Д. Кастальского

1. Свете тихий
2. Ныне отпускаеши, соло с хором
3. Тебе поем, знаменного роспева (№ 2)
4. Сам Един еси безсмертный
5. К. Шведов. Тебе поем
6. П. Чесноков. Спаси Боже люди Твоя, соло с хором (*исполняется по рукописи*)

Начало концертов в 8¹/₂ часов вечера

31 декабря 1922 года

Большой зал Государственной филармонии

Государственный академический хор под управлением М. Г. Климова

Русская духовная музыка

В программе: Бортнянский, Гречанинов, Кастальский, Львов, Никольский,
Римский-Корсаков, Турчанинов, Шведов, Глинка

11 марта 1923 года

Петроградская государственная академическая капелла под управлением

М. Г. Климова

Рахманинов. Всенощная

21 октября 1923 года

Петроградская государственная академическая капелла под управлением

М. Г. Климова

Русская духовная музыка

18 ноября 1923 года

Петроградская государственная академическая капелла под управлением

М. Г. Климова

Рахманинов. Всенощная

10 февраля 1924 года

Петроградская государственная академическая капелла под управлением

М. Г. Климова

Рахманинов. Всенощная

2 ноября 1924 года

Ленинградская государственная академическая капелла под управлением

М. Г. Климова

Чайковский. Литургия

15 ноября 1925 года

**Ленинградская государственная академическая капелла под управлением
М. Г. Климова**

Рахманинов. Всенощная

14 февраля 1926 года

**Ленинградская государственная академическая капелла под управлением
М. Г. Климова**

Чайковский. Литургия

25 декабря 1927 года

**Ленинградская государственная академическая капелла под управлением
М. Г. Климова**

Рахманинов. Всенощная

* * *

Кимры

**Программа духовных песнопений
В храме Преображения Господня
В воскресенье 10 августа н. ст. 1919 года**

Хором из артистов хора Московского Большого театра под управлением дирижера Государственного Большого театра Н. С. Голованова при участии артистов Государственных театров А. В. Неждановой и В. Р. Петрова

Будет исполнено:

Отделение 1-е

1. Херувимская. Муз. М. Глинка
2. Ныне отпускаеши. Муз. А. Кастальский (*соло — В. Р. Петров*)
3. Разбойника благоразумнаго. Муз. П. Чесноков
4. Видь твоя пребеззаконная дела. Муз. А. Львов
5. Тебе поем. Муз. С. Рахманинов (*соло — А. В. Нежданова*)
6. Разбойника благоразумнаго. Муз. П. Воротников (*исполняют: В. Р. Петров, Н. Н. Триандофилион и П. И. Тихонов*)
7. Господи помилуй. Муз. Г. Львовский (*поемое на Воздвижение Креста Господня*)

Отделение 2-е

1. Херувимская. Муз. П. Чайковский
2. Тебе поем. Муз. Н. Голованов (*Рукопись. Соло — А. В. Нежданова*)
3. Плотию уснув. Муз. Н. Голованов

4. Ангел вопиаше. Муз. П. Чесноков (*соло — А. В. Нежданова*)
5. Воскресни Боже. Муз. П. Турчанинов (*трио — В. Р. Петров, Н. Н. Триандофилион и П. И. Тихонов*)
6. Благослови душе моя. Муз. П. Чесноков (*соло — А. В. Нежданова, В. Р. Петров и Н. Н. Триандофилион*).

Начало в 2 часа дня

Распорядитель И. И. Столяров

* * *

К содержанию этой афиши в сохранившейся программе концерта (Музей-квартира Голованова, № 5979) добавлена следующая информация: «Приглашения можно получать при входе и заблаговременно у священника Ф. К. Колерова, И. И. Столярова, Е. Ф. Кортикова и Н. С. Королева. Собор Преображения».

Кроме того, на обороте программы имеется запись рукой Н. С. Голованова:

Список артистов хора, участвовавших в концерте 10 августа 1919 в г. Кимры Тверской губ.

Soprani: Качалова, Грузинская, Полякова, Николаева, Смирнова Вера, Боголепова

Alti: Рогачева, Чинякова, Б..., Соколовская, Дурнева

Tenori: Пашутин, Триандофилион, Бойченко, Петунин, Агеев, Цегелев

Bassi: Шараев, Тихонов, Кравченко, Савицкий, Кусиков, Дурнев, Чурилкин.

Показательно также, что в стильно оформленной программе к каждому песнопению дается полный его текст.

Концерт состоялся в августе, а в сентябре советские власти арестовали о. Феодора Колерова по обвинению в «организации духовного концерта без всяких разрешений на то советских органов». Через несколько лет, в 1929, он был снова арестован — за протесты против закрытия храма — и на этот раз уже расстрелян.

Ныне в отреставрированном Преображенском соборе города Кимры на видном месте лежат на аналое выразительная икона о. Феодора и его канонник — книга, которую он успел передать семье в ночь перед расстрелом.

*Игумен Дамаскин (Орловский)**

Феодор Ксенофонович Колеров родился в 1882 году в селе Семеновском Тверской губернии... <...> В 1905 году Феодор окончил тверскую Духовную семинарию и был рукоположен во священника села Ключевого Тверской губернии. В 1911 году он был переведен в село Столбово, а через год стал настоятелем в только что отстроенном Преображенском храме в городе Кимрах Тверской губернии. Своим ревностным служением о. Феодор быстро привлек к себе сердца верующих. <...>

* Мученики, исповедники, подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Т. 2. Тверь, 2001. С. 206—216.

Художественно одаренный человек, ценитель хорошего духовного пения, он приглашал в Преображенскую церковь известных певцов. У него были дружеские отношения с певицей Неждановой и дирижером Головановым. Артисты исполняли духовные песнопения; эти концерты имели не только просветительское значение, но и благотворительное. В Москве был голод. Многие известные артисты были лишены всяких средств к существованию и голодали. После духовных концертов и пения на службах прихожане приносили им что у кого было из продуктов. Так о. Феодор помог певцам пережить голодное время. <...>

Советские власти сразу отметили незаурядного священника и его высокий авторитет среди горожан. В начале сентября 1919 года секретный отдел губернской ЧК разослал по всем уездным городам телеграммы об аресте в качестве заложников всех сколько-нибудь выдающихся жителей. <...> Среди других заложников был арестован и о. Феодор. Его обвинили в том, что он «организовал духовный концерт без всяких разрешений на то советских органов». Отец Феодор вскоре был освобожден, но власти не прекращали преследований: отобрали всю мебель, затем наложили контрибуцию, по которой он был обязан выплатить крупную сумму денег, в противном случае угрожали арестом (С. 405—406).

[В 1922 году о. Феодор посетил съезд «Живой церкви» в Москве и был «приписан» к ней. В августе он провел в Кимрах собрание местного духовенства на эту тему, но уже в октябре, после беседы с тверским священником (священномучеником) Алексием Бенеманским, написал прошение к епископу Тверскому Петру (Звереву; новомученику), в котором говорилось: «Прошу Вас, Владыко, принять меня в число пастырей Церкви, простить мой грех, совершенный по действию диаволю...» На время епископ запретил о. Федора в служении, но после второго его покаянного письма — разрешил служить в Преображенском храме.]

В мае 1929 года власти приняли постановление о закрытии храма. Кимрский городской совет назначил комиссию по изъятию церковного имущества. <...> Когда пришла комиссия описывать церковное имущество, ее встретила толпа и не допустила в церковь. Прихожане установили дежурство около храма. <...> Отец Феодор, староста храма Анания Бойков и Михаил Болдаков были арестованы, Началось следствие. Обвиняемых увезли в Тверскую тюрьму. <...> Всего по этому делу было привлечено двадцать человек обвиняемых. <...> Обвиняемые... держались мужественно; виновными себя они не признали. 27 октября был зачитан приговор: священник Феодор Колеров, староста Анания Бойков, члены церковного совета Дмитриев и Закурин и Михаил Болдаков были приговорены к расстрелу. Адвокаты приговоренных подали кассации. На время кассации о. Феодора перевели в Москву в Таганскую тюрьму. <...> Его жена Анна Михайловна просила о помощи влиятельных знакомых о. Феодора, но безрезультатно. <...>

Она решила обратиться к известной певице, народной артистке Неждановой, которой когда-то о. Феодор помог пережить голодное время. <...> Дверь в квартиру открыла горничная и спросила: «Кто вы?» Не закрывая двери, она произнесла вслух фамилию пришедшей. Отчет о процессе и приговор печатались в газетах, и Антонина Васильевна крикнула из глубины квартиры горничной: «Передайте, что меня нет дома». <...>

20 ноября о. Феодору было объявлено, что смертный приговор утвержден. <...> 29 ноября в утренних газетах было опубликовано, что священник Феодор Колеров,

староста Анания Бойков и мирянин Михаил Болдаков расстреляны. Однако о. Феодор был еще жив, и вечером этого дня ему дали свидание с женой и сыном. <...> Когда свидание закончилось и стража отвела о. Феодора в камеру, он написал на обороте фотографии жены имена детей. И подписал: «До свидания общего». А затем, когда стража пришла вести на расстрел, на первой странице канонника вывел: «29/XI — 1 час ночи»⁶.

* * *

К этому можно добавить, что о. Феодор Колеров, возможно, был дальним родственником С. В. Смоленского: дед Степана Васильевича по матери, протоиерей Стефан Колеров, долго священствовал в той же Тверской губернии, в городе Кашине, недалеко от Кимр. Известно, что Смоленский посещал Кашин, встречался с жившими там родственниками.

⁶ Дело Колерова получило столь значительную огласку, что попало даже на страницы периодики русского зарубежья. В парижской газете «Возрождение» от 6 февраля 1930 о Колерове упоминает в своей статье «Крест» писатель Борис Зайцев:

Чувствуют они свою близкую гибель? Последние судороги? Или чувствуют безнаказанность, торгашескую тишину Европы? «Все сойдет!» Мир — пустыня. «Нет истины, все позволено».

Ну что же, закроем сотни церквей. Будем расстреливать священников — отправим на мученическую смерть батюшку Колерова со всем приходским советом... Будем сжигать иконы, снимать колокола, запрещать звон в Москве, взрывать Симонов монастырь — в 1933 году не останется у нас религии (*Зайцев Борис. Собр. соч. Письма. Статьи. М., 2001. С. 324—325*).

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том IX

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ
В XX ВЕКЕ: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1920—1930-е годы

Книга 1

Часть 1

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 27.11.2015. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Академия.
Усл. п. л. 49,02. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ государственной регистрации 1037739118449.
Phone: **8-495-625-79-19**. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)

